

disc world

Терри Пратчетт

Ведьмы
за границей

Дамы и господа

ПЛОСКИЙ МИР

TERRY PRATCHETT

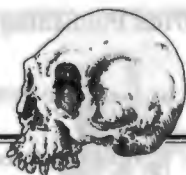

WITCHES ABROAD

•

LORDS AND LADIES

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ВЕДЬМЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ
●
ДАМЫ И ГОСПОДА

МОСКВА

ЭКСМО

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ДОМИНО

2003

УДК 820
ББК 84(4Вел)
П68

Copyright Witches Abroad © 1991
by Terry and Lyn Pratchett .
Copyright Lords and Ladies © 1992
by Terry and Lyn Pratchett

First published by Victor Gollancz Ltd.,
an imprint of the Orion Publishing Group Ltd., London

Серия основана в 2002 году

Художественное оформление серии С. Азарнова

Пратчетт Т.
П68 Ведьмы за границей. Дамы и Господа: Романы/Пер. с англ. П. Киракозова, Н. Берденникова под редакцией А. Жикаренцева.— М.: Изд-во «ЭКСМО», СПб.: Изд-во «Домино», 2003.— 848 с.

ISBN 5-699-03201-0

Вы думаете, что эльфы белые и пушистые? Тогда почему их нет рядом с нами? Ну да, бедняжки, они удалились в сказочные страны, чтобы уступить место развивающемуся человечеству... Не так все было, совсем не так. И сейчас эльфы возвращаются. Справиться с ними может только бригада быстрого реагирования в лице матушки Ветровоск, нянюшки Ягг и Маграт Чесногк.

Они — три ведьмы, и этим сказано все. То есть, как обычно бывает в таких случаях, не сказано почти ничего.

Да, совсем забыли, в книге есть еще один роман — там ведьмы переходят все границы, в прямом и буквальном смысле слова...

УДК 820
ББК 84(4Вел)

ISBN 5-699-03201-0

© Перевод. П. Киракозов, 2003
© Перевод. Н. Берденников, 2003
© ООО «Издательство «ЭКСМО», 2003
© ООО «Издательство «Домино», 2003

ВЕДЬМЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ

ВЕЩИХ СЕСТРИЧЕК
ПЕСНИ ПРО ЕЖИКА

Посвящается тем читателям — а почему бы и нет? — которые после выхода «Вещих сестричек» буквально завалили автора собственными вариантами текста «Песни про ежика».

О горе мне, горе...

Перед вами — Плоский мир, плывущий сквозь пространство и покоящийся на спинах четырех слонов, которые, в свою очередь, стоят на панцире Великого А'Туина, Всемирной Черепахи.

В прежние времена подобная вселенная считалась необычной и даже, возможно, невозможной.

Но, с другой стороны, в прежние времена все вообще обстояло гораздо проще.

Это потому, что вселенная была исполнена невежества. И ученый, подобно склонившемуся над горным ручьем старателю, тщательно и долго просеивал ее, роясь в поисках золотых крупинок знания среди гальки абсурда, песка неопределенности и шныряющих в воде крошечных щетинистых восьминогих суеверий.

Время от времени он выпрямлялся и выкрикивал что-нибудь вроде: «Ур-р-ра, я только что открыл третий закон Бойля!» И тогда все сразу осознавали, кто они и где находятся. Но основная

беда заключалась в том, что со временем невежество становилось все более привлекательным, в особенности колоссальное, поразительное невежество в области таких крупных и важных проблем, как материя и творение. Люди, которые раньше терпеливо возводили посреди хаоса вселенной свои домики из рациональных бревнышек, перестали это делать и все больше начали интересоваться хаосом как таковым — во-первых, быть специалистом по хаосу куда легче, а во-вторых, в хаосе время от времени встречаются по-настоящему классные узоры, которые здорово смотрятся на футболках.

И вместо того, чтобы продолжать заниматься чистой наукой*, ученые вдруг принялись налево-направо рассказывать, насколько невозможно хоть что-то знать наверняка и, мол, вообще не существует ничего познаваемого, что можно было бы назвать реальностью, но все это очень, очень здорово, а кстати, вы разве не слышали, ведь все кругом состоит из пресловутых крошечных вселенных, вот только их никто не видит, поскольку все они замкнуты сами на себя! И вообще, разве плохая получилась футболка?

По сравнению с подобными теориями гигантская черепаха, несущая на спине целый мир, кажется чем-то по меньшей мере обыденным. Она хотя бы не пытается делать вид, будто ее не существует, и никто из обитателей Плоского мира даже не думал доказывать, что такой черепахи нет и быть не может. А вдруг ты окажешься прав и выяснишь, что на самом деле плаваешь в космиче-

* Скажем, найти наконец ту треклятую бабочку, хлопающие крылья которой явились причиной всех недавних ураганов, и заставить ее прекратить безобразничать.

ской пустоте? Дело все в том, что Плоский мир существует на самой грани реальности. Достаточно ничтожнейшего толчка — это равновесие нарушится и весь Диск рухнет на ту сторону действительности. Поэтому жители Плоского мира воспринимают все крайне серьезно.

Например, те же сказки.

Сказки — вещь очень важная.

Люди думают, что сказки создаются людьми. На самом же деле все наоборот.

Сказки существуют совершенно независимо от своих героев. Если вам это известно, то такое знание — сила.

Сказки, эти длиннющие колышущиеся ленты обретших форму времени и пространства, порхая, носились по вселенной с самого начала времен. При этом они постепенно эволюционировали. Слабейшие вымерли, а сильнейшие выжили и со временем растолстели — ведь люди пересказывали их раз за разом.

Существование этих самых сказок накладывает смутный, но довольно устойчивый отпечаток на хаос, который представляет собой вселенская история. Сказки протачивают в ней ложбинки, достаточно глубокие и позволяющие людям следовать вдоль них. Точно так же вода протачивает себе русло в горном склоне. И каждый раз, когда руслом сказки проходят новые действующие лица и герои, оно становится все глубже.

Это называется теорией повествовательной причинности и означает, что сказка, стоит ей начаться, *приобретает форму*. Она моментально впитывает вибрации всех своих предшествующих изложений, которые когда-либо имели место.

Вот почему истории все время повторяются.

Тысяча героев похищала у богов огонь. Тысяча волков пожирала бабушку, тысяча принцесс удаивалась поцелуя. Миллионы безвестных актеров, сами того не сознавая, проходили проторенными сказочными тропками.

В наше время такого просто быть не может, чтобы третий, самый младший сын какого-нибудь короля, пустился он на подвиги, до этого оказавшись не по плечу его старшим братьям, не преуспел бы в своих начинаниях.

Сказкам совершенно безразлично, кто их действующие лица. Важно лишь то, чтобы сказку рассказывали, чтобы сказка повторялась. Или, если хотите, можно представить это следующим образом: сказки — некая паразитическая форма жизни, играющая судьбами и калечащая людские жизни исключительно в целях собственной выгоды*.

* А еще люди совершенно заблуждаются по поводу так называемых городских мифов. Логика и рассудок утверждают, что городские легенды суть плоды вымысла, снова и снова пересказываемые теми, кто ни перед чем не остановится, только бы получить лишнее подтверждение самым невероятным совпадениям, неперемому торжеству справедливости и тому подобным штукам. Но дело обстоит абсолютно иначе. *Эти мифы не переставая происходят всегда и повсюду*, тем самым походя на сказки, которые порхают туда-обратно по вселенной. В каждый отдельный момент времени сотни мертвых бабушек уносятся на верхних багажниках угнанных автомобилей, а верные овчарки давятся откушенными пальцами ночных грабителей и в муках умирают. Причем все это не ограничивается пределами какого-то одного мира. Сотни женских особей меркурианских дживптов устремляют свои четыре крошечных глаза на спасителей и говорят: «Мой яйценосный супруг посиреневет от ярости — это был его транспортный модуль». Так что городские легенды жили, живы и будут жить.

И только личности особого склада способны сопротивляться сказкам. Такие люди становятся би-карбонатом истории.

Итак, давным-давно...

Стиснув рукоять, серые руки обрушили кувалду на верхушку столба. Удар был такой силы, что столб ушел в мягкую почву сразу на целый фут.

Еще пара ударов, и столб был забит намертво.

Из-за окружающих поляну деревьев за происходящим безмолвно наблюдали змеи и птицы. В болоте плавали крокодилы, смахивающие на куски чего-то крайне неприглядного.

Серые руки взяли поперечину, приложили ее к столбу и привязали лианами, затянув их так крепко, что они аж затрещали.

Она следила за ним. А потом взяла осколок зеркала и привязала его к верхушке столба.

— Фрак,— сказала она.

Он взял фрак и надел его на поперечину. Поперечина оказалась недостаточно длинной, и последние несколько дюймов обоих рукавов опустело свисали вниз.

— Теперь цилиндр,— велела она.

Цилиндр был высоким, круглым, черным и блестящим.

Осколок зеркала угрожающе поблескивал между чернотой цилиндра и фрака.

— А это сработает? — спросил он.

— Да,— ответила она.— Даже у зеркал есть отражение. И с зеркалами нужно бороться при

помощи зеркал.— Она бросила взгляд на виднеющуюся вдали за деревьями изящную белую башню.— Мы должны найти ее отражение.

— Этому отражению придется проделать неблизкий путь.

— Вот именно. Но нам нужна помощь.

Она оглядела поляну.

После чего призвала Повелителя Сети Продаж, властительницу Бон Анну, Хоталогу Эндрюса и Широко Шагая. Может, это были не очень могущественные боги.

Но они были лучшими, что ей удалось создать.

Это сказка о сказках.

Или о том, что значит быть настоящей феей-крестной.

А еще это сказка об отражениях и зеркалах.

По всей множественной вселенной, тут и там, обитают отсталые племена*, с недоверием относящиеся к зеркалам и отражениям, поскольку те, по их словам, крадут частичку души, а ведь человека и так не слишком много. Но люди, которые привыкли носить на себе целые кучи одежды, утверждают, будто это чистой воды суеверие. Они словно бы не замечают, что те, кто проводит жизнь, появляясь в тех или иных отражениях, на тех или иных картинках, как будто становятся немного тоньше. Нет, обычно это относится на счет

* Таковыми их считают те, на ком напялено больше одежды.

обычного переутомления, а еще о таких людях говорят: их, мол, *выдержка* подвела.

Просто суеверие... Но суеверие не всегда ошибочно.

Зеркало и в самом деле способно отнять у вас частичку души. Зеркало может хранить отражение целой вселенной, целый звездный небосвод вмещается в кусочке маленького посеребренного стекла.

Если все знаешь о зеркалах, считай, что знаешь почти все.

Загляните в зеркало...

...Дальше...

...Еще дальше...

...И вы увидите оранжевый огонек на продуваемой всеми ветрами вершине горы, в тысячах миль от овощной теплоты того болота...

Местные называли ее Лысей горой. И называлась она так потому, что была совершенно лысой, а вовсе не потому, что ее склоны изобиловали лисами. Однако это частенько сбивало людей с толку — к вящей выгоде местных жителей, — и охотники, обвешанные арбалетами, капканами и сетями, толпами валили в соседние с горой деревушки. Местные следопыты охотно соглашались проводить их туда, где обитают лисы. Поскольку окрест все довольно неплохо кормились этим промыслом — то бишь торговали путеводителями, картами лисьих угодий, живописными настенными часами с лисами вместо кукушек, лисьими посохами и пирогами в форме лис, — ни у кого

не было времени, чтобы сходить куда следует да поправить ошибку, вкравшуюся в название*.

Она была настолько лысой, насколько способна быть лысой гора.

Деревья заканчивались на полпути к вершине, лишь несколько сосен торчали наверху, производя тот же самый эффект, что и пара трогательных прядей, которые никак не желающий сдаваться лысеющий человек упрямо зализывает поперек своего скальпа.

И на этой горе обычно собирались ведьмы.

Сегодня вечером костер горел на самой верхушке. В мерцающем свете мелькали темные фигуры.

Кружево облаков периодически заслоняло луну.

Наконец высокая, в остроконечной шляпе фигура гневно спросила:

— Ты хочешь сказать, что все мы принесли картофельный салат?

В Овцепиках жила еще одна ведьма, но на сегодняшний шабаш она не явилась. Ведьмы, ничем не отличаются от простых людей и тоже лю-

* Неправильное написание порой может привести к самым губительным последствиям. Так, например, некий жадный сериф из Аль-Иби однажды был проклят за свою алчность одним малообразованным божеством и на протяжении нескольких следующих дней все, к чему он прикасался, должно было превращаться в Золто... Именно так звали некоего маленького гнома из горной гномьей общины, расположенной в нескольких сотнях миль от Аль-Иби. В результате несчастный гном совершенно сверхъестественным образом был перенесен в чужое королевство, где одна за другой принялись появляться на свет его бесчисленные копии. Примерно спустя две тысячи копий Золта проклятие выветрилось, однако жители Аль-Иби по сей день известны своей низкорослостью и вздорным характером.

бят отдохнуть на природе, но у этой ведьмы была назначена весьма важная встреча. И такого рода встречу на другое время не перенесешь.

Десидерата Жалка Пуст составляла завещание.

Такое странное имя досталось ей от матери, которая утверждала, что это имя на каком-то умершем, а значит, ненужном языке означало нечто отсутствующее, но очень и очень желаемое. Впрочем, мать сама вскоре утомилась называть дочку таким сложным — и, честно признаться, подозрительным — словом, а потому придумала более простой вариант. И с тех пор девочку стали называть Жалкой Пуст.

Когда Жалка Пуст была еще совсем маленькой, бабушка дала ей четыре важных совета, которые должны были направлять ее девичьи шаги по непредсказуемо извилистой жизненной стезе.

Вот они, эти советы.

Никогда не доверяй собаке с оранжевыми бровями.

Всегда спрашивай у молодого человека его имя и адрес.

Никогда не становись между двумя зеркалами.

И всегда, всегда носи свежее нижнее белье, потому что невозможно заранее предсказать, когда тебя затопчет взбесившаяся лошадь, зато, если люди потом подберут твоё бездыханное тело и увидят, что на тебе несвежее исподнее, ты просто померешь со стыда.

А потом Жалка выросла и стала ведьмой. Но ведьмы обладают одним небольшим преимуществом: они всегда точно знают, когда умрут, а следовательно, белье могут носить какое угодно*.

* И это очень многое объясняет касательно ведьм.

Жалка Пуст стала ведьмой восемьдесят лет назад. Тогда знание отведенного тебе срока казалось чем-то весьма привлекательным, поскольку в душе ты считаешь, что впереди — вечность.

Но это тогда.

А то сейчас.

Сейчас «вечность» уже не казалась столь долгой, как некогда.

В очаге рассыпалось и превратилось в уголья еще одно полено. В этом году Жалка Пуст даже не стала заказывать дрова на зиму. А какой смысл?

Перед назначенной встречей ей предстояло побеспокоиться еще кое о чем...

Она бережно завернула все так, что получился аккуратный продолговатый сверток. После чего сложила письмо, надписала адрес и сунула под бечевку. Дело сделано.

Затем Жалка Пуст подняла глаза. Слепая вот уже тридцать лет, Жалка никогда не считала отсутствие зрения большой проблемой. Ведь у нее всегда было, так сказать, внутреннее провидение. Когда обычные глаза перестают видеть, ты просто учишься предвидеть настоящее, что в любом случае намного легче, чем заглядывать в будущее. А поскольку оккультное зрение не требует света, выходит еще и серьезная экономия на свечах. Всегда можно кое-что сэкономить, если знаешь, куда глядеть... Э-э, в переносном смысле этого слова, разумеется.

На стене напротив висело зеркало.

Но лицо в нем принадлежало кому-то другому.

Лицо Жалки было круглым и розовым, тогда как в зеркале отражалась решительная женщина, явно привыкшая отдавать приказы. Жалка Пуст

была не из тех, кто их отдает. Скорее, совсем наоборот.

— Ты умираешь,— сказала женщина в зеркале.

— Да уж, не без этого.

— Ты состарилась. Такие, как ты, всегда старятся. Твоя сила почти на исходе.

— Что верно, то верно, Лилит,— кротко согласилась Жалка.

— Значит, очень скоро ты не сможешь защищать ее.

— Боюсь, что так,— кивнула Жалка.

— То есть остаемся только мы с этой злющей болотной бабой. И победу одержу я.

— Чему быть, того не миновать.

— Зря ты не подыскала себе преемницу.

— Все времени не было. Да и сама знаешь, не больно-то я предусмотрительная.

Женская фигура в зеркале придвинулась ближе, и лицо ее чуть не прижалось к серебристому стеклу.

— Ты проиграла, Десидерата Пуст.

— Выходит, так...

Жалка немного неуверенно поднялась из-за стола и сняла с него скатерть.

Женщина в зазеркалье, похоже, начинала сердиться. Ведь ясно как день, проигравшие должны выглядеть убитыми горем, но у Жалки был вид, словно она только что удачно пошутила над кем-то.

— Ты проиграла! Ты что, не понимаешь этого?!

— Понимаю, понимаю,— успокоила Жалка.— Кое-кто здесь умеет хорошо объяснять. Прощай, госпожа.

Она завесила зеркало скатертью.

Послышалось сердитое шипение, а потом наступила тишина.

Некоторое время Жалка Пуст стояла, погрузившись в свои мысли.

Наконец она подняла голову и сказала:

— Вроде чайник вскипел. Чайку не желаешь?

— НЕТ, БЛАГОДАРЮ,— ответил голос прямо за ее спиной.

— Давно ждешь?

— ВЕЧНО.

— Я тебя не задерживаю?

— ДА НЕТ, НОЧЬ ВЫДАЛАСЬ СПОКОЙНОЙ.

— И все же я налью тебе чашечку. У меня вроде и печенья немного осталось.

— НЕТ, СПАСИБО.

— Коли захочешь, возьми сам — оно в вазочке на каминной полке. Не поверишь, вазочка из самого что ни на есть настоящего клатчского фарфора. И сделал ее самый что ни на есть клатчский мастер. В самом что ни на есть Клатче,— добавила она.

— НЕУЖЕЛИ?

— В молодые-то годы и куда меня только не заносило!

— ВОТ КАК?

— Ох, времечко было! — Жалка помешала угли кочергой.— Само собой, по делам, ты ж понимаешь. Небось и тебя помотало по свету?

— ДА.

— Нипочем, бывало, не знаешь, когда тебя сызнова позовут. Хотя чего я — мне ли тебе рассказывать? Но в основном все по кухням. Бывалоча,

конечно, и на балы попадала, но по большей части на кухни...

Она плеснула кипятку в стоящий на плите заварной чайник.

— ДА УЖ...

— Все разные желания исполняла.

Последнюю фразу Смерть не понял.

— КАК-КАК? НА КУХНИ?.. КАКИЕ МОГУТ БЫТЬ ЖЕЛАНИЯ НА КУХНЕ? ТЫ ЧТО, ПОСУДОМОЙКОЙ ПОДРАБАТЫВАЛА?

— Если бы... Все было бы куда проще, — Жалка Пуст вздохнула. — Ох, и ответственное же это дело быть феей-крестной. Главное — вовремя остановиться. А то ведь оно как бывает: коли все до единого желания исполнять, так люди от этого быстро портятся. Вот и ломай голову, что лучше дать: то, что им хочется, или то, что им действительно нужно.

Смерть вежливо кивнул. Он с такой проблемой не сталкивался: его клиенты безропотно принимали то, что им дают.

— Вот и с Орлеей этой... — начала Жалка.

Смерть пристально взглянул на нее:

— С ОРЛЕЕЙ?

— Знаешь, где это? Дурацкий вопрос, конечно знаешь.

— Я... РАЗУМЕЕТСЯ, НЕТ МЕСТА, КОТОРОГО БЫ Я НЕ ЗНАЛ.

Лицо Жалки Пуст смягчилось. Ее внутренний взгляд был направлен куда-то далеко-далеко.

— Двое нас было. Слышал, наверное, крестные всегда по двое ходят. Я да госпожа Лилит. Большое дело крестной быть. Вроде как частью истории становишься. Одним словом, девочка тогда

родилась, хоть и не в законном браке, да только это не беда, родители не то чтобы не могли пожениться, просто все недосуг было... А Лилит непременно хотела, чтоб и красота у нее была, и власть, и чтоб вышла крестница никак не меньше чем за принца. Ха! С тех пор она только тем и занималась. А что я могла поделать? С такими желаниями не поспоришь. Лилит знает силу сказки. Я старалась как могла, но Лилит — она ж могущественная ведьма. Слыхала я, будто она сейчас целым городом заправляет. Всю страну с ног на голову поставить готова, а все ради того, чтобы сказку сделать былью! Но теперь уж все одно поздно. Для меня. В общем, я умываю руки. Вот оно как бывает... Никому не охота быть феей-крестной. Кроме Лилит, разумеется. Будто вожжа ей под хвост попала. Но теперь другие будут разбираться, не я. Нашла я тут кое-кого. Может, конечно, поздновато спохватилась, но...

Жалка Пуст была доброй душой. Со временем феи-крестные начинают здорово разбираться в человеческой природе, и от этого хорошие ведьмы становятся добрыми феями, а плохие обретают могущество. Жалка была не из тех, кто любит крепкое словцо, и если она употребила такое выражение, как «вожжа под хвост попала», то можно быть уверенным — она говорит о человеке, который, по ее мнению, находится уже в нескольких милях за горизонтом безумия и все ускоряет полет.

Старая ведьма налила себе чаю.

— Вот в чем беда со вторым зрением, — продолжила она. — Ты видишь, что делается, но не знаешь, что все это значит. Я видела будущее.

В нем тыква превратилась в карету. Только это ведь невозможно! А еще там мышь обернулась кучером, что тоже навряд ли может случиться. Потом там были бьющие в полночь часы, какая-то туфелька стеклянная... И все это должно случиться. Потому что так заведено в сказках. Но затем я вспомнила, что знаю кой-кого, кто умеет перерабатывать сказки на свой лад.

Она снова вздохнула.

— Жаль, не я отправляюсь в Орлею, — сказала она. — Косточки погреть не помешало бы. К тому же Сытый Вторник на носу. В былые-то времена я всегда на Сытый Вторник в Орлею заглядывала.

Последовало выжидательное молчание.

— ПО-МОЕМУ, ТЫ ПРОСИШЬ МЕНЯ ИСПОЛНИТЬ ТВОЕ ЖЕЛАНИЕ... — с подозрением промолвил Смерть.

— Ха! Желания — это удел фей-крестных, но их желания никто не исполняет. — Жалка снова устремила взгляд неизвестно куда и теперь явно разговаривала сама с собой. — Вот ведь в чем дело... Я должна отправить эту троицу в Орлею. Просто обязана отправить, потому как видела их там. Все трое должны туда попасть. Но с такими, как они, все очень непросто. Тут без головологии не обойтись. Надо сделать так, чтобы они сами себя туда отправили. А то ведь Эсме Ветровоск только скажи, что она должна куда-то там отправиться, так она с места не сдвинется — назло тебе. Значит, надо строго-настрого запретить ей это, и тут уж она хоть по битому стеклу побежит. Беда с этими Ветровосками. Если им в голову что втемяшилось, все, не переупрямишь, обязательно своего добьются!

И тут Жалка Пуст улыбнулась — видимо, ей на ум пришла какая-то забавная мысль.

— Но скоро одна из них узнает, что такое поражение...

Смерть промолчал. «Да что я ему тут рассказываю? — подумала Жалка Пуст. — Уж он-то наверняка знает: рано или поздно все терпят поражение».

Она допила чай. Потом встала, не без некоторой торжественности напялила свою остроконечную шляпу и заковыляла наружу через заднюю дверь.

Чуть в стороне от дома под деревьями была вырыта глубокая яма, в которую кто-то предусмотрительно спустил короткую лестницу. Жалка слезла туда и с некоторым трудом вытолкнула лестницу наверх, на палые листья. Затем улеглась на дно ямы. Но вдруг опять подняла голову:

— Если не имеешь ничего против сосны, то господин Сланец, тролль, владеющий лесопилкой, ладит неплохие гробы.

— ОБЯЗАТЕЛЬНО БУДУ ИМЕТЬ ЭТО В ВИДУ.

— А могилу эту вырыл Харка-браконьер, — как бы между прочим заметила она. — И он же обещался на обратном пути заглянуть сюда, да засыпать ее. Главное — аккуратность. Что ж, маэстро, прошу!

— МАЭСТРО? АХ ДА. ФИГУРА РЕЧИ.

Он взмахнул косой.

Десидерата Жалка Пуст погрузилась в вечный сон.

— М-да, — сказала она. — Ничего особенного. Ну а дальше-то что?

Перед вами — Орлея. Волшебное королевство. Алмазный город. Счастливая страна.

В самом центре города между двумя зеркалами стояла женщина и глядела на свои уходящие в бесконечность отражения.

Эти зеркала находились в центре зеркального восьмиугольника, установленного под открытым небом на вершухе самой высокой дворцовой башни. Вообще-то, в восьмиугольнике гуляло столько отражений, что лишь с большим трудом можно было определить, где заканчиваются зеркала и начинается реальный человек.

Женщину звали госпожа Лилит де Темпскир, хотя за свою долгую и насыщенную событиями жизнь она отзывалась и на многие другие имена. К этому Лилит де Темпскир привыкла с молодых ногтей, ведь если хочешь чего-то достичь в жизни — а она с самого начала решила добиться всего, что только возможно, — во-первых, научись с легкостью менять имена, а во-вторых, никогда не пренебрегай плохо лежащей властью. Лилит де Темпскир похоронила уже трех мужей. По крайней мере, двое из них были действительно мертвы.

А еще нужно почаще переезжать. Потому что большинство людей не любят съезжать с насиженных мест. Меняй страны, меняй имена, и если все делаешь правильно, то весь мир станет твоей кроватью. Или кальмаром. В общем, вы поняли. Например, чтобы стать благородной госпожой, ей пришлось проехать всего-навсего сотню миль.

И теперь она ни перед чем не остановится...

Два главных зеркала были установлены напротив друг друга, но чуть-чуть неровно, так что Лилит могла видеть происходящее за спиной. Взгля-

ду представала вереница ее собственных отражений, уходящих в бесконечные просторы начинающейся за зеркальной поверхностью вселенной.

Она чувствовала, как *вливается сама в себя*, бесконечно множась в бесчисленных отражениях.

Когда Лилит вздохнула и наконец вышла из межзеркального пространства, эффект был ошеломляющим. Прежде чем исчезнуть, отражения Лилит еще мгновение висели в воздухе и лишь потом растворились.

Итак... Жалка Пуст умирает. Надоедливая старая рухлядь, туда ей и дорога. Ведь эта ведьма никогда не понимала, каким могуществом обладает, — она относилась к тем людям, которые опасаются творить добро только потому, что боятся причинить вред. Такие людишки воспринимают все настолько серьезно, что, прежде чем исполнить желание какого-нибудь муравья, прямо-таки изведутся от моральных терзаний — а вдруг случится что-нибудь плохое?

Лилит окинула взглядом город. Что ж, препятствий больше нет. Хотя, честно говоря, эта дура старая ведьма была лишь незначительной помехой.

Но теперь дорога полностью открыта.

Дорога к счастливому концу.

Шабаш на вершине горы мало-помалу вошел в свое обычное русло.

Художники и писатели всегда имели несколько искаженное представление о том, что творится на шабашах ведьм. Просто эти люди слишком много времени проводят в душных комнатках с задер-

нутыми шторами, вместо того чтобы иногда взять да и прогуляться на здоровом свежем воздухе.

Вот, к примеру, пресловутые танцы нагишом. В местах с умеренным климатом крайне нечасто выдаются такие ночи, когда кому-нибудь придет в голову раздеться догола и что-то там сплясать. Не говоря уже о камешках под ногами, чертополохе и всяческих колючках.

Ну а эти боги с козлиными головами? Большинство ведьм вообще не верят ни в каких богов. Они, конечно, знают, что боги существуют. Мало того, время от времени им даже приходится иметь с ними дело. Но вот верить... Нет, в богов ведьмы не верят. Слишком уж хорошо они знают этих самых богов. Это все равно что верить, например, в почтальона.

Далее — еда и питье. Мясо разных рептилий и все такое прочее. На самом деле ничего подобного ведьмы не едят. Можно, конечно, упрекнуть: мол, они кладут в чашку столько сахара, что потом ложку не провернешь, постоянно макают в чай имбирное печенье и пьют, шумно прихлебывая из блюдечка, — подобное хлюпанье мы больше привыкли слышать из сточных канав; даже если бы они ели лягушачьи лапки, и то производили бы впечатление куда приятнее. Но это все, в чем можно их упрекнуть.

Затем — всякие волшебные мази и снадобья. Здесь художникам и писателям повезло куда больше, но это чистое везение. Просто большинство ведьм пребывают в том почтенном возрасте, когда разные мази и притирания обретают в ваших глазах изрядную привлекательность. Вот и на сегодняшнем шабаше по крайней мере двое из при-

сутствующих были натерты знаменитой грудной мазью матушки Ветровоск, которую она готовила из гусяного жира с шалфеем. Мазь эта хоть и не позволяла летать и наблюдать всякие интересные видения, зато здорово уберегала от простуды — в основном благодаря пронзительному запаху, который появлялся на вторую неделю после приготовления и удерживал окружающих на таком почтительном расстоянии, что подцепить от них какую-нибудь инфекцию было попросту невозможно.

И наконец, сами шабашники как таковые. Ведьма по природе своей животное отнюдь не стадное — тем более когда речь заходит о других ведьмах. У них вечно возникает конфликт сильных личностей. Сборище ведьм — это группа, состоящая сплошь из вожаков, которым некого возглавлять. Основное неписаное правило ведьмовства гласит: «Делай не то, что хочешь, а то, что я тебе говорю». Поэтому выражение «шабаш ведьм» в корне неправильно, обычно это «шабаш ведьмы».

Вместе ведьмы собираются только тогда, когда иного выхода нет.

Вот как, к примеру, сейчас.

Учитывая отсутствие Жалки Пуст, разговор вскоре перешел на все растущую нехватку ведьм*.

— Как ни одной? — удивилась матушка Ветровоск.

* Через старую мамашу Дипбэж Жалка Пуст прислала записку, в которой просила извинить свое отсутствие, связанное с фактом смерти. Внутреннее зрение очень меняет человека, и он начинает строго следовать всем правилам приличия.

— Вот так. Ни одной,— пожала плечами мамаша Бревис.

— По мне, так это просто ужасно,— нахмурилась матушка Ветровоск.— Даже отвратительно.

— Ась? — переспросила старая мамаша Дипбаж.

— Она говорит, что это отвратительно! — прокричала ей в ухо мамаша Бревис.

— Ась?

— Нет ни одной девчонки на замену! На место Жалки!

— А.

Смысл сказанного понемногу начал доходить до старой ведьмы.

— Если никто не будет крошки, я их, пожалуй, подъем,— вдруг встряла в беседу нянюшка Ягг.

— Вот когда я была молода, ничего подобного не случалось,— строго заявила матушка Ветровоск.— Только по эту сторону горы жили не меньше дюжины ведьм. Само собой, то было до нынешней моды,— она скривила губы,— когда каждый развлекается как знает. Уж больно много всяческих развлечений стало в наши дни. Вот в мою бытность девушкой мы никогда по одиночке не развлекались. Все времени не было.

— В общем, как говорят умные люди, «тем пофигут»,— глубокомысленно заметила нянюшка Ягг.

— Что?

— Тем пофигут. Значит, то было тогда, а то сейчас,— пояснила нянюшка.

— Нечего мне рассказывать, Гита Ягг. Сама знаю, когда — тогда, а когда — сейчас.

— Надо шагать в ногу со временем.

— Не понимаю, с чего бы это. И никак не могу взять в толк, почему мы...

— Видать, опять придется расширять границы,— сказала мамаша Бревис.

— Ну уж нет,— поспешно отозвалась матушка Ветровоск.— На мне и так уже целых четыре деревни. Метла остыть не успевает.

— Теперь, когда матери Пуст нет, нас осталось слишком мало,— возразила мамаша Бревис.— Знаю, она, конечно, делала не так уж и много, учитывая ту, другую, ее работу, но тем не менее кое-чем помогала. Ведь иногда достаточно просто быть. Местная ведьма должна быть, и все тут.

Четыре ведьмы уныло уставились на пламя костра. То есть уставились на костер только три из них. Нянюшка Ягг, которая во всем старалась видеть хорошую сторону, принялась поджаривать себе тост.

— А вот, к примеру, в Рыбьих Ручьях так они себе волшебника завели,— сказала мамаша Бревис.— Когда тетушка Безнадежка преставилась, оказалось вдруг, что сменить-то ее и некому. Ну, тогда и послали в Анк-Морпорк за волшебником. Самый настоящий волшебник. С посохом. У него там и свое заведение и все такое, а на дверях бронзовая табличка. Так на ней и написано: «Валшебник».

Ведьмы вздохнули.

— Госпожа Синьж померла,— добавила мамаша Бревис.— И мамаша Крюкш приказала долго жить.

— Неужто? Старуха Мейбл Крюкш? — удивилась нянюшка Ягг сквозь крошки.— Это сколько ж ей было?

— Сто девятнадцать годков,— с охотой сообщила мамаша Бревис.— Я ей как-то говорю: «И не надоело тебе в твои-то годы по горам лазать?»,— да она и слушать не желала...

— Да уж, встречаются такие,— кивнула матушка Ветровоск.— Упрямые как ослицы. Только вели им чего-нибудь не делать, так они ни перед чем не остановятся, а все равно сделают по-своему.

— Знаете, а я ведь слышала ее самые последние слова,— похвасталась мамаша Бревис.

— И что же она сказала? — поинтересовалась матушка Ветровоск.

— Как мне помнится, «вот зараза».

— Да, наверное, именно так ей и хотелось уйти...— грустно промолвила нянюшка Ягг.

Остальные ведьмы согласно закивали.

— Знаете что... А ведь не иначе как конец настаёт ведьмовству в наших-то краях,— заметила мамаша Бревис.

Они снова усталились на огонь.

— Зефира, небось, никто не догадался захватить? — с затаенной надеждой осведомилась нянюшка Ягг.

Матушка Ветровоск взглянула на сестер-ведьм. Мамашу Бревис она на дух не переносила, та практиковала по другую сторону горы и имела скверную привычку рассуждать здраво, в особенности если ее вывести из себя. А старая мамаша Дипбаж была, пожалуй, самой бесполезной прорицательницей в истории вещей откровений. И матушка терпеть не могла нянюшку Ягг, которая была ее лучшей подругой.

— А как насчет молодой Маграт? — простодушно спросила старая мамаша Дипбаж.— Ее участок

примыкает прямо к участку Жалки. Может, она согласится еще немножко взять?

Матушка Ветровоск и нянюшка Ягг переглянулись.

— У нее не все дома,— уверенно произнесла матушка Ветровоск.

— Да будет тебе, Эсме,— упрекнула ее нянюшка Ягг.

— Лично я считаю, что это называется «не все дома»,— сказала матушка.— И не пытайся меня переубедить. Когда человек болтает такое о своих родственниках, у него явно не все дома.

— Ничего подобного она не говорила,— возразила нянюшка Ягг.— Маграт просто сказала, что они сами по себе, а она сама по себе.

— Вот и я про то,— покачала головой матушка Ветровоск.— А я ей говорю: Симплисити Чесногк была твоей матерью, Араминта Чесногк — твоей бабушкой, Иоланда Чесногк — твоя тетка, а ты — твоя... ты — твоя ты! Вот что такое родственные отношения, и не следует забывать об этом.

Она выпрямилась с довольным видом человека, который только что дал ответ на абсолютно все вопросы, связанные с кризисом самоидентификации.

— Так она даже слушать меня не стала,— добавила матушка Ветровоск.

Мамаша Бревис наморщила лоб.

— Кто? Маграт? — спросила она.

Она попыталась вызвать в памяти образ самой молодой ведьмы Овцепиков и наконец вспомнила — нет, не лицо, а лишь слегка расплывчатое выражение безнадежной доброжелательности, застрявшее где-то между похожим на майский шест

телом и шапкой волос, которые больше смахивают на копну сена после бури. Неустанная творительница добрых дел. Беспокойная душа. Из тех людей, что спасают выпавших из гнезда птенцов, а потом, когда те погибают, плачут горючими слезами, совершенно забывая, что именно такую участь добрейшая Мать-Природа уготовливает всем крошечным, выпавшим из гнезда птенчикам.

— Вообще-то, на нее это не похоже, — заметила она.

— А еще она заявила, что хотела бы быть более уверенной в себе, — продолжала матушка Ветровоск.

— Но что плохого в том, чтобы быть уверенной в себе? — осведомилась нянюшка Ягг. — Без такой уверенности хорошей ведьмой не станешь.

— А я и не говорю, что это плохо, — огрызнулась матушка Ветровоск. — Я ей так и сказала. Ничего, говорю, плохого в этом нет. Можешь, говорю, быть хоть сколько уверенной в себе, только делай что тебе говорят.

— Ты вот это вотри-ка, и через недельку-другую все рассосется, — неожиданно встряла старая мамаша Дипбаж.

Остальные три ведьмы выжидающе посмотрели на старуху: вдруг она еще что-нибудь скажет? Но вскоре стало ясно, что продолжения не предвидится.

— И еще она ведет... что она там ведет, а, Гита? — повернулась к нянюшке матушка Ветровоск.

— Курсы самообороны, — ответила нянюшка Ягг.

— Но она же ведьма, — заметила мамаша Бревис.

— И я ей о том же, — пожала плечами матушка Ветровоск, которая всю жизнь чуть ли не каждую ночь бродила по кишачим разбойниками горным лесам, пребывая в полной уверенности, что во тьме не может таиться ничего ужасней, чем она сама. — А она мне: это, мол, к делу не относится. *К делу не относится!* Так прямо и заявила.

— Все равно на эти курсы никто не ходит, — сказала нянюшка Ягг.

— По-моему, раньше она говорила, что собирается замуж за короля, — вспомнила мамаша Бревис.

— Говорила, говорила... — кивнула нянюшка Ягг. — Но кто ж не знает Маграт? По ее словам, она старается быть открытой для всяких там индей. А недавно она заявила, что не собирается всю жизнь быть просто сексуальным объектом.

Тут все призадумались. Наконец мамаша Бревис медленно, словно человек, вынырнувший из глубины самых поразительных раздумий, произнесла:

— Но ведь она никогда и не была сексуальным объектом.

— Могу с гордостью вас заверить, лично я вообще не знаю, что это за штука такая — сексуальный объект, — твердо промолвила матушка Ветровоск.

— Зато я знаю, — вдруг заявила нянюшка Ягг. Все взоры устремились на нее.

— Наш Шейнчик как-то привез один такой из заграничных краев.

Ведьмы по-прежнему испытующе взирали на нее.

— Он был коричневый и толстый, у него было лицо с глазами-бусинками и две дырки для шнурика.

Этим объяснением ее товарки не удовлетво-
вались.

— Во всяком случае, Шейн сказал, что так это называется, — развела руками нянюшка.

— Скорее всего, ты говоришь об идоле плодородия, — пришла на помощь мамаша Бревис.

Матушка покачала головой.

— Сомневаюсь я, что Маграт похожа на... — начала она.

— А по мне так все это гроша ломаного не стоит, — вдруг сказала старая мамаша Дипбаж в том времени, где она пребывала в данную минуту.

Куда именно ее занесло — этого не смог бы сказать никто.

Здесь-то и таится профессиональная опасность для людей, наделенных вторым зрением. На самом деле человеческий разум не предназначен для того, чтобы шнырять взад-вперед по великому шоссе времени, и запросто может сорваться с якоря, после чего он будет улетать то в прошлое, то в будущее, лишь случайно оказываясь в настоящем. Как раз сейчас старая мамаша Дипбаж выпала из фокуса. Это означало, что если вы разговаривали с ней в августе, то она, возможно, слушала вас в марте. Единственным выходом было сказать что-нибудь и надеяться, что она уловит это в следующий раз, когда ее мысль будет проноситься мимо.

Матушка на пробу помахала руками перед невидящими глазами старой мамы Дипбаж.

— Опять уплыла, — сообщила она.

— Ну, если Маграт не сможет взять на себя обязанности Жалки, значит, остается Милли Хо-

рош из Ломтя,— подвела итог мамаша Бревис.— Она девочка трудолюбивая. Только вот косит еще сильнее, чем Маграт.

— Подумаешь! Косоглазие ведьму только красит. Это называется прищур,— возразила матушка Ветровоск.

— Главное — уметь этим прищуром пользоваться,— сказала нянюшка Ягг.— Старая Герти Симмонс тоже прищуривалась, да только весь ее сглаз оседал на кончике ее же собственного носа. Плохо это для профессиональной репутации. Начнет тебя ведьма проклинать, а потом у нее у самой же нос возьми да отвались... Что люди-то подумают?

Они снова уставились на пламя костра.

— А Жалка преемницу так и не выбрала? — спросила мамаша Бревис.

— И я ничутьюшки этому не удивляюсь,— хмыкнула матушка Ветровоск.— В наших краях так дела не делаются.

— Верно, да только Жалка не так много времени проводила в наших краях. Такая у нее была работа. Вечно носилась по заграницам.

— Лично меня в ваши заграницы калачом не заманишь,— ответила матушка Ветровоск.

— Ну да? Ты ж была в Анк-Морпорке,— рассудительно заметила нянюшка.— А это граница.

— А вот и нет. Просто он далеко отсюда. Это совсем другое дело. Граница — это где все болтают на каком-то тарабарском языке, едят всякую чужеродную дрянь и поклоняются этим, ну, сами знаете, объектам,— объяснила матушка Ветровоск, прирожденный посол доброй воли.— Причем надо быть очень осторожным, ведь граница-то со-

всем рядом может оказаться. Да-да,— уничтожающе добавила она.— Из этой своей заграницы Жалка Пуст могла что угодно притащить.

— Однажды она привезла мне очень миленькую тарелочку, белую такую с голубым,— поделилась нянюшка Ягг.

— Верно говоришь,— кивнула мамаша Бревис матушке Ветровоск.— Лучше кому-нибудь сходить, осмотреть ее домишко. У нее там много чего хорошего было. Страшно даже подумать, что какой ворюга заберется туда и все там обшарит.

— Представить себе не могу, что какому-нибудь воришке взбредет в голову забираться к ведьме...— начала было матушка, но внезапно осеклась.— Ага,— покорно промолвила она.— Хорошая мысль. Обязательно зайду.

— Да чего уж, я схожу,— сказала нянюшка Ягг, у которой тоже было время все обдумать.— Мне как раз по пути. Никаких проблем.

— Нет, тебе лучше пораньше вернуться домой,— возразила матушка.— Так что не беспокойся. Мне нетрудно.

— Ой, да какое там беспокойство! — махнула рукой нянюшка.

— В твоем возрасте лучше не переутомляться,— напомнила матушка Ветровоск.

Их взгляды скрестились.

— Слушайте, чего вы спорите-то? — удивилась мамаша Бревис.— Возьмите да сходите на пару.

— Я завтра немного занята,— подумав, сообщила матушка Ветровоск.— Может, после обеда?

— Подходит,— сказала нянюшка Ягг.— Встретимся возле ее дома. Сразу после обеда.

— Когда-то был, но потом ты его отвинтил, и он потерялся, — пробормотала старая мамаша Дип-баж.

Забросав яму землей, Харка-браконьер вдруг ощутил, что должен произнести хоть несколько прощальных слов.

— Ну, короче, вот оно и все... — неопределенно выразился он.

«А ведь она была одной из лучших, — думал Харка, возвращаясь в предрассветном сумраке к домику Жалки Пуст. — Не то что некоторые... Хотя, конечно, все ведьмы хорошие, — поспешно добавил он про себя, — но лично я предпочитаю держаться от них подальше, неловко как-то чувствую себя с ними. А вот госпожа Пуст всегда умела выслушать...»

На кухонном столе лежали продолговатый пакет, небольшая кучка монеток и конверт.

Не долго думая, Харка вскрыл конверт, хотя письмо было адресовано не ему.

Внутри оказался конверт поменьше и записка.

«Альберт Харка, — гласила записка, — я все вижу. Дастафь пакет и канверт куда нада, а если пасмеиш заглянуть в нутрь с табой случица нечто ужасное. Как профессиональная Фе Я Крестная я не магу никаво праклинать но Предсказываю тибя покусаит злой волк и твоя нога пазеленеит и отвалица, ни спрашивай аткуда я это знаю тем болие все равно я не смагу ответить патаму што умирла. Всево наилутшево, Десидерата Жалка Пуст».

Он зажмурился и взял пакет.

В обширном магическом поле Плоского мира свет распространяется медленно, а значит, и время тоже никуда не спешит. Как выразилась бы нянюшка Ягг, когда в Орлее пьют чай, у нас все еще вторник...

На самом деле в Орлее только-только наступило утро. Лилит сидела в своей башне и с помощью зеркала рассылала свои отражения по всему миру. Она искала.

Туда, где сверкнет капелька воды на гребне волны, где блеснет льдинка, где найдется самое захудалое зеркальце или отражение, — во все эти места Лилит могла заглянуть. Волшебное зеркало? Ерунда. Любое зеркало сойдет, главное — уметь им пользоваться. И Лилит, вобравшая в себя энергию миллиона отражений, прекрасно это умела.

Ее грызло лишь одно. Скорее всего, Десидерата Пуст избавилась от *нее*. Этот поступок вполне в ее духе. Сознательность... Видимо, отдала той глупой девчонке с бесцветными глазами, которая время от времени ее навещала, — той самой, что любила обвешиваться дешевой бижутерией и безвкусно одевалась. Очень подходящий тип.

Но Лилит должна была убедиться наверняка. Уверенность — вот залог вашего успеха, и Лилит достигла своего нынешнего положения именно благодаря тому, что всегда следовала этому правилу.

В лужах и окнах по всему Ланкру замелькало лицо Лилит. Оно появлялось и тут же пропадало, перемещаясь все дальше, дальше...

А теперь и над Ланкром расцветала заря. По лесу ползли клочья осеннего тумана.

Матушка Ветровоск распахнула входную дверь. Не заперто. Последнего гостя, который должен

был наведаться к Жалке Пуст, никакой замок не удержал бы.

— Она похоронила себя там, за домом, — слышался голос за спиной у матушки.

Это была нянюшка Ягг.

Матушка быстро прикинула, как лучше поступить. Если заметить, что нянюшка нарочно пришла пораньше, чтобы самой пошарить в доме, это сразу вызовет вопросы о том, что здесь тогда делает матушка Ветровоск. Разумеется, дай срок, она обязательно нашла бы ответы на эти вопросы. Но в общем и целом лучше было оставить все как есть...

— Ага, — кивнула матушка. — Она всегда была аккуратная, наша Жалка.

— Такая уж работа, — сказала нянюшка Ягг, протискиваясь мимо нее и задумчиво оглядывая комнату. — При такой работе, как у нее, все должно быть на своем месте. Вот те на, ну и здоровенный же котиче!

— Это лев, — поправила матушка Ветровоск, глядя на чучельную голову над камином.

— Кем бы он там ни был, небось здорово разогнался — аж стенку пробил, — хмыкнула нянюшка Ягг.

— Его кто-то убил, — сказала матушка Ветровоск, осматривая комнату.

— Вот и я так подумала, — ответила нянюшка. — Кабы увидела, что этакое чудище сквозь стену прется, я бы тоже угостила его кочергой.

Конечно, такой вещи, как типичный ведьмин домик, не существует в природе, но если бы была на свете такая штука, как нетипичный ведьмин домик, главный приз за наибольшее соответствие

получило бы жилище Жалки Пуст. Кроме разных звериных голов со стеклянными глазами на стенах висели книжные полки и несколько акварелек. Из подставки для зонтов торчало копьё. Вместо привычной глиняной и фаянсовой посуды на буфете теснились заграничного вида медные горшки и тонкий голубой фарфор. Никаких вам сушеных растений, зато множество тетрадей, большинство из которых были исписаны мелким аккуратным почерком Жалки Пуст. Весь стол был покрыт тем, что весьма напоминало тщательно вычерченные карты.

Карты матушка Ветровоск не любила. Она инстинктивно чувствовала, что они уменьшают авторитет страны.

— Да уж, покаталась она по свету,— сказала нянюшка Ягт, взяв в руку резной веер из слоновой кости и кокетливо обмахиваясь*.

— Ну, ей это ничего не стоило,— рассеянно ответила матушка, наугад открыв, а потом закрыв несколько шкафчиков.

После чего она провела пальцем по каминной полке и критически изучила результат.

— Могла бы найти время да пройтись по комнате тряпкой,— упрекнула она.— Я бы нипочем не стала умирать, оставляя дом в таком виде.

— Интересно, и где же она хранила... ну, знаешь... ее? — поинтересовалась нянюшка, открывая дверцу больших напольных часов и заглядывая внутрь.

* Что такое кокетство, нянюшка Ягт никогда не знала, хотя некоторые ее догадки, возможно, попали бы в цель.

— Постыдилась бы, Гита Ягг,— сказала матушка.— Мы же не за *этим* пришли.

— Конечно нет. Просто интересно...

Нянюшка Ягг попыталась встать на цыпочки, чтобы заглянуть на буфет.

— Гита! Не стыдно? Сходи-ка лучше приготовь нам чайку!

— Хорошо, хорошо...

Нянюшка Ягг, что-то бормоча, скрылась в кухне. Через несколько секунд оттуда донесся скрип ручного насоса.

Матушка Ветровоск бочком пододвинулась к креслу и быстро пошарила под подушкой.

Из кухни послышался какой-то шум. Она поспешно выпрямилась.

— Вряд ли она прятала ее под раковиной,— крикнула она.

Ответа нянюшки Ягг она не расслышала.

Матушка выждала еще мгновение, а затем быстро склонилась к камину и сунула руку в печную трубу.

— Что-нибудь ищешь, Эсме? — спросила за ее спиной незаметно приблизившаяся нянюшка Ягг.

— Ужас сколько сажи накопилось,— быстро выправившись, ответила матушка.— Прямо невозможно сколько сажи!

— Значит, ее и там нет? — добродушно осведомилась нянюшка Ягг.

— Понятия не имею, о чем ты.

— Не притворяйся. Все знают, что у нее она была,— сказала нянюшка Ягг.— Принадлежность профессии. Практически это и есть профессия.

— Ну... я просто хотела взглянуть,— наконец призналась матушка.— В руках подержать. Не

пользоваться, нет. Ни за что на свете не стала бы пользоваться такой штукой. Я и видела-то их раз или два. В наши дни их всего ничего осталось.

Нянюшка Ягг кивнула:

— Да, дерева нужного теперь не достать...

— Надеюсь, ты не думаешь, что она забрала ее с собой в могилу?

— Навряд ли. Лично я не хотела бы, чтобы меня похоронили вместе с ней. Такая вещь — она ответственность накладывает, что ли. Да и все равно под землей она оставаться не станет. Такой штуке хочется, чтобы ею пользовались. Она всю дорогу по гробу будет барабанить. Сама знаешь, какие они беспокойные.

Нянюшка немного расслабилась.

— Пойду накрою на стол, — сказала она. — А ты пока разожги огонь.

Нянюшка Ягг снова исчезла в кухне.

Матушка Ветровоск пошарила было на каминной доске в поисках спичек, но тут же сообразила, что их там быть не может. Жалка Пуст всегда говорила, что слишком занята, а поэтому даже дома пользуется волшебными чарами. Белье у нее всегда стиралось само.

Матушка не одобряла ведьмовство в быту, но делать было нечего. Уж очень ей хотелось чаю.

Она положила в очаг пару поленьев и смотрела на них до тех пор, пока от сильного смущения они не занялись ярким пламенем.

Но тут ее внимание привлекло занавешенное зеркало.

— С чего бы это? — пробормотала она. — Вот уж никогда не думала, что Жалка Пуст боится грозы. Она откинула скатерть.

Уставилась в зеркало.

Мало кто из людей умеет держать себя в руках так, как матушка Ветровоск. Ее самоконтроль был жестким, как чугунная плита. И почти столь же гибким.

Она разбила зеркало вдребезги.

Лилит в своей зеркальной башне судорожно выпрямилась.

Она?

Да, лицо было совершенно другим. Старше. Много воды утекло. Но глаза не меняются, а ведь мы всегда в первую очередь смотрят на глаза.

Она!

Маграт Чесногк, юная ведьмочка, тоже стояла перед зеркалом. В ее случае оно было абсолютно не волшебным. Кроме того, пока что оно было целым, хотя в своем прошлом пережило несколько опасных ситуаций.

Маграт хмуро взглянула на свое отражение, а затем сверилась с небольшим листочком, который получила днем раньше.

Шепотом произнесла несколько слов, выпрямилась, вытянула руки перед собой, резко взмахнула ими и сказала:

— ХАААиииииййййй! Э-э...

Ум Маграт всегда был открыт, и Маграт весьма гордилась этим. Он был открыт, как поле, открыт, как небо. Никакой ум не может быть более открыт, если только не применить специальные хирургические инструменты. И Маграт с готовностью впускала в свой открытый ум все новое.

В данный момент его заполнял поиск внутреннего покоя, космической гармонии и истинной сути Бытия.

Когда люди говорят: «Мне пришла в голову мысль», это не просто метафора. Неоформившиеся идеи, крошечные частицы изолированных мыслей, постоянно шныряют в космосе. И проникают в головы вроде головы Маграт ровно с той же легкостью, с какой вода впитывается в просушенный пустынными ветрами песок.

Вот что значит отсутствие образования, размышляла она. Нормальная образованная, думающая о своей дочери мать написала бы имя «Маргарет» правильно. И тогда она могла бы быть Пегги или Мэгги — приличные, значительные имена. Исполненные надежности. А вот с Маграт ничего особенного не добьешься. Это имя больше походит на название... на имя... такое существо даже измыслить трудно. И с ним явно не хочется водить дружбу.

Она не раз подумывала сменить имя, но в глубине души знала, что это не поможет. Даже стань она Хлоей или Изабель внешне, внутри она останется все той же Маграт. Но все же попробовать было бы интересно. Было бы приятно не побыть Маграт пусть даже несколько часов.

Именно такого рода мысли выводят человека на дорогу Поисков Себя. Однако первый урок, который заучила Маграт, заключался в том, что любой человек, пустившийся на Поиски Себя, поступит крайне глупо, рассказав об этом матушке Ветровоск, которая была твердо уверена, что эмансипация — это некий чисто женский недуг, какой не следует обсуждать в присутствии мужчин.

А вот нянюшка Ягг относилась к подобным вещам гораздо более терпимо, но имела склонность к высказыванию того, что Маграт назвала бы двусмысленностями. Хотя сама нянюшка вкладыва-

ла в свои советы только один определенный и явный смысл, чего никогда не смущалась.

Короче говоря, Маграт отчаялась научиться у своих старших подруг хоть чему-нибудь и обратилась в другую сторону. Совсем в другую. Можно сказать, развернулась на все сто восемьдесят градусов.

У всех убежденных искателей мудрости есть одна довольно странная черта. Куда бы ни занесла их судьба, они повсюду продолжают искать эту самую мудрость, а зачастую мудрость таится очень далеко от дома. Мудрость — это одна из тех немногих вещей, которые чем они дальше, тем значительнее выглядят*.

* Ярким примером может послужить так называемый Путь Госпожи Космопилит, очень популярный среди молодых людей, которые живут в затерянных долинах Овцепиков, тех, что выше линии снегов. Ни в грош не ставя откровения своих закутанных в оранжевые балахоны и постоянно крутящих молитвенные колеса старших наставников, они порой проделывают весь путь до Анк-Морпорка лишь затем, чтобы попасть в дом № 3 по улице Щеботанской и набраться мудрости у ног госпожи Мариетты Космопилит, тамошней швеи. Никто не знает, что служит тому причиной — разве что вышеупомянутая привлекательность далекой мудрости, поскольку из того, что госпожа Космопилит говорит им, вернее, орет, они не понимают ни слова. А затем наголо обритые молодые монахи возвращаются в свои горные твердыни, дабы помедитировать над какой-нибудь странной мантрой вроде «Ну-ка ты, отлезы!», или «Еще раз увижу, что вы, черти оранжевые, за мной подглядываете, я вам такое пропишу!», или «Вы чего, придурки, на мои ноги пялитесь?» На основе обретенного опыта монахи даже создали особую разновидность боевых искусств, требующую от противников сначала невразумительно орать друг на друга, а потом что есть силы лупить друг дружку палками от метлы.

В настоящее время Маграт пыталась пройти Тропой Скорпиона, сулящей космическую гармонию, внутреннюю цельность и возможность так пнуть противника, что у того почки из ушей повыскакивают. Послав заказ, она наконец получила заветное руководство.

Но, как выяснилось, имеют место две проблемы. Автор, Великий Учитель Лобсанг Достабль, проживал в Анк-Морпорке. Этот город как-то не очень подходил на роль вместилища космической мудрости. Кроме того, хотя Учитель и понаписал кучу всякой всячины насчет того, что Тропой следует пользоваться не для агрессии, а исключительно в целях обретения космической мудрости, это было напечатано очень мелким шрифтом между захватывающими картинками, на которых люди колодили друг друга цепями для молотьбы риса и кричали «хай!». В дальнейшем вы узнавали, как ребром ладони перерубать пополам кирпичи, расхаживать босиком по раскаленным углям, и другие совершенно космические вещи.

Маграт сочла, что Ниндзя — отличное имя для девушки.

Она снова уставилась на свое отражение в зеркале.

В дверь постучали. Маграт подошла и открыла.

— Хай? — спросила она.

В дом вошел Харка-браконьер. Вид у него был потрясенный. Пока он пробирался через лес, часть пути за ним гнался злой волк.

— Э-э, — произнес Харка. Потом чуть наклонился вперед, и потрясенное выражение у него на лице сменилось участливым. — Что, головкой ударилась, госпожа?

Маграт недоуменно уставилась на него. Затем ее осенило. Она подняла руки и сняла с головы повязку с изображением хризантемы — убор, без которого практически невозможно вести поиски космической мудрости, выкручивая противнику руки на триста шестьдесят градусов.

— Все нормально, — сказала она. — Зачем пришел?

— Посылочку принес, — ответил Харка, протягивая сверток.

Сверток был фута два длиной и очень тонкий.

— Тут и записка есть, — услужливо подсказал Харка.

Когда Маграт развернула листок, он придвинулся ближе, пытаясь прочесть, что там написано.

— Это личное, — резко промолвила Маграт, пряча бумажку.

— Неужто? — покорно удивился Харка.

— Да!

— Мне было обещано пенни за доставку, — сказал браконьер.

Маграт пошарила в кошельке и нашла монетку.

— Деньги лишь закаляют те цепи, что опутывают трудящиеся классы, — предупредила она, отдавая пенни.

Харка, который в жизни не считал себя трудящимся классом, но за пенни готовый выслушать сколько угодно любой чуши, простодушно кивнул.

— Надеюсь, с головой у тебя все наладится, господа, — пожелал он.

Оставшись одна в своей кухне-додзе, Маграт развернула сверток. Внутри оказалась тонкая белая палочка.

Она еще раз перечитала записку: «Все никак руки ни дахали Выхватить себе замену придется уж тебе самой,— говорилось там. — Ты должна пахать в город Арлею. Я бы сама съездила да ни магу по той причине што памирла. Элла Субота НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ не должна выходить за прынца. ПС. Эта очинь важна».

Маграт посмотрела на свое отражение в зеркале.

Потом снова взглянула на записку:

«ПСПС. Скажи этим 2 Старым Каргам што ани НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ не должны ехать с табой, ани только все Испортют».

И дальше:

«ПСПСПС. У нее тынденция нащет тыкв но ты все асвоишь очинь быстра».

Маграт опять перевела взгляд на зеркало. После чего покрутила в руках палочку.

Только что жизнь была проще некуда, а теперь вдруг исполнилась всяких сложностей.

— Вот те раз,— сказала она.— Да я ж теперь фея-крестная!

Матушка Ветровоск все еще стояла, уставясь на осколки, когда в комнату влетела нянюшка Ягг.

— Эсме Ветровоск, что ты наделала? Это ж к несчастью, это ж... Эсме?

— Она? Она?

— Ты в порядке?

Матушка Ветровоск еще пару мгновений смотрела на осколки, после чего потрясла головой, как бы отгоняя невероятную мысль.

— Что?

— Да ты прям вся побледнела. Никогда еще не видела тебя такой белой.

Матушка медленно сняла осколок зеркала со шляпы.

— Да вот... Так уж вышло... Раз — и разбилось, — пробормотала она.

Нянюшка взглянула на руку матушки Ветровоск. Рука была в крови. Потом она всмотрелась в лицо подруги и поняла: лучше забыть о том, что она видела руку матушки Ветровоск, — спокойнее жить будешь.

— Может, это знак какой, — сказала она, стараясь перейти на более безопасную тему. — Когда кто-нибудь помирает, такое случается. Картины со стен срываются, часы останавливаются... шкафы одежные с лестницы падают... И все такое прочее.

— Сроду в подобную чушь не верила, все это... Кстати, а при чем тут шкафы? — осведомилась матушка. — Вечно ты всякую ерунду городишь...

Она глубоко дышала. Не будь матушка Ветровоск повсеместно известна как женщина крепкая, посторонний наблюдатель решил бы, что матушка только что пережила самое сильное в жизни потрясение и больше всего на свете ей сейчас хочется затеять самую обычную повседневную ссору.

— Это случилось сразу после того, как умерла моя двоюродная бабка Софи, — сказала нянюшка Ягг. — Через три дня четыре часа и шесть минут после того, как она скончалась, ее платяной шкаф возьми да и рухни вдруг с лестницы. Наши Даррен с Джейсоном как раз пытались снести его вниз, ну, он вроде как и соскользнул. Да как полетит! Просто жуть. Но не оставлять же было такой шкаф этой самой Агате, дочке Софиной. Она, небось, и навещала-то мамашу только на День Всех

Пустых, а уж я-то с Софи нянчилась до самого ее конца...

Матушка позволила знакомым, как всегда умиротворяюще действующим жалобам нянюшки Ягг по поводу давнишней семейной распри омы-вать ее душу, а сама тем временем принялась искать чашки.

Ягги были, что называется, большой семьей — мало того, семейство было не только обширным, но и продолговатым, растянутым и продолжитель-ным. Их генеалогическое древо, куда больше по-хожее на густые мангровые заросли, не умести-лось бы ни на одном нормальном листе бумаги. И каждая ветвь семейства находилась в состоянии подспудной хронической вендетты со всеми дру-гими ветвями. Причинами этих вендетт были та-кие совершенно возмутительные случаи, как «Что Ихний Кевин Сказал Про Нашего Стэна На Свадь-бе Кузины Ди» и «Хотелось Бы Мне Знать, Если Вы Не Против, Кто Взял Столовое Серебро, Кото-рое Тетушка Эм Завещала Нашей Дрин».

Нянюшка Ягг, непререкаемый матриарх, по-дыгрывала всем конфликтующим сторонам од-новременно. Это было своего рода хобби.

В одном-единственном семействе Яггов было столько раздоров, что их хватило бы всем Капу-летти и Монтекки на целый век.

Такое положение порой подвигало незадачли-вого стороннего наблюдателя включиться в семей-ные распри и даже, возможно, отпустить нелестное замечание по поводу одного Ягга в присутствии другого Ягга. После чего все Ягги до единого опол-чались на смельчака, все ветви семейства смыка-лись как части хорошо смазанного стального ме-

ханизма, чтобы мгновенно и безжалостно уничтожить наглеца.

Однако в Овцепиках считалось, что семейная распря Яггов — сущее благословение для окружающих. Мысль о том, что они могли бы обрушить всю свою неимоверную энергию на остальной мир, просто ужасала. По счастью, не было для Ягга более желанного противника, чем другой Ягг. Как-никак семья...

Если подумать, странная все-таки вещь семья...

— Эсме? Ты в порядке?

— Что?

— У тебя чашки звенят как оглашенные! И чай разлился по всему подносу.

Матушка безучастно посмотрела на дело рук своих и, собравшись с силами, тут же парировала:

— А я виновата, что эти дурацкие чашки такие маленькие? — буркнула она.

Дверь открылась.

— Доброе утро, Маграт,— добавила она, не оглядываясь.— А ты-то что здесь забыла?

Дело было в том, как скрипнули дверные петли. Маграт даже дверь открывала как-то жалобно.

Молодая ведьмочка безмолвно скользнула в комнату, лицо у нее было свекольно-красное, а руки она прятала за спиной.

— Мы просто заглянули привести в порядок Жалкино имущество. Как-никак, а она наша сестрица-ведьма,— громко заявила матушка.

— И вовсе мы здесь не за тем, чтобы искать ее волшебную палочку,— добавила нянюшка.

— Гита Ягг!

Нянюшка Ягг тут же виновато съежилась и повесила голову.

— Прости, Эсме.

Маграт вытащила руки из-за спины и вытянула перед собой.

— Вот...— сказала она и еще больше покраснела.

— Так ты нашла ее! — воскликнула нянюшка.

— Э-э... нет, — ответила Маграт, не осмеливаясь посмотреть матушке в глаза. — Мне ее передала... сама Десидерата.

Тишина напряженно гудела и потрескивала.

— Она отдала ее тебе? — переспросила матушка Ветровоск.

— Уф. Да.

Нянюшка с матушкой переглянулись.

— Ого! — выразилась нянюшка Ягг.

— Значит, она тебя знала, да? — грозно спросила матушка, снова поворачиваясь к Маграт.

— Я время от времени заскакивала к ней книжки посмотреть, — призналась Маграт. — И... она любила готовить всякие заморские блюда, а больше никто не соглашался их есть, вот я и приходила составить ей компанию.

— Ага! То есть услугу ей оказывала! — рявкнула матушка Ветровоск.

— Но я никогда не думала, что она оставит мне палочку, — попыталась оправдаться Маграт. — Правда!

— Может, тут какая-нибудь ошибка, — добродушно заметила нянюшка Ягг. — Наверное, она хотела оставить ее одной из нас...

— Ну ладно, что было, то было, — сказала матушка. — В общем, она знала, что ты передашь ее кому следует. Ну-ка, дай я на нее посмотрю.

Она протянула руку.

Маграт так стиснула волшебную палочку, что даже костяшки пальцев побелели.

— ...Она оставила ее мне...— едва слышно прошептала она.

— Определенно перед смертью бедняжка совсем себя не помнила,— покачала головой матушка Ветровоск.

— ...Она оставила ее мне...

— Быть феей-крестной большая ответственность,— сказала нянюшка.— Нужно быть энергичной, гибкой, тактичной и способной справиться со сложными сердечными проблемами и всяким таким. Жалка Пуст не могла этого не знать.

— ...Да, но она оставила ее мне...

— Маграт Чесногк, как старшая по возрасту ведьма я *приказываю* тебе отдать палочку! — велела матушка Ветровоск.— От этих волшебных штук один несчастья!

— Ну тише, тише,— успокаивающе промолвила нянюшка Ягг.— Это, пожалуй, уж слишком...

— ...Нет...— ответила Маграт.

— К тому же ты не самая старшая здесь ведьма,— напомнила нянюшка.— Старая мамаша Дипбаж постарше будет.

— Заткнись. У нее всё равно крыша поехала,— сказала матушка.

— ...Вы не можете мне приказывать. У ведьм нет иерархической...— продолжала Маграт.

— Маграт Чесногк, ты ведешь себя безнравственно!

— Вовсе нет,— вмешалась нянюшка Ягг, пытаясь сохранить мир.— Безнравственное поведение — это когда бегаешь по улице совершенно...

Она замолчала. Обе пожилые ведьмы уставились на клочок бумаги, выскользнувший из ру-

кава Маграт и зигзагами спланировавший на пол. Матушка молниеносно нагнулась и сцапала его.

— Ага! — торжествующе воскликнула она. — Сейчас посмотрим, что Жалка Пуст имела в виду на самом деле...

Безмолвно шевеля губами, она стала читать записку. Маграт пыталась собрать все свое мужество в кулак.

Наконец на лице матушки Ветровоск заиграла пара желваков. Дочитав, она спокойно скомкала бумагу.

— Ну, как я и думала, — подвела итог она. — Жалка пишет, что мы должны оказать Маграт всю посильную помощь, потому что она, мол, молодая еще и все такое. Так, Маграт?

Маграт взглянула на матушку.

«Можно вывести ее на чистую воду, — думала она. — В записке же прямо сказано... Во всяком случае, насчет старых ведьм... И можно заставить ее прочесть записку вслух. Все ведь ясно как день. Неужели ты по гроб жизни хочешь оставаться третьей ведьмой?!» Но бунтарское пламя, вспыхнувшее было в непривычном к нему очаге, быстро угасло.

— Ага, — безнадежно пробормотала она, — что-то навроде этого.

— Здесь говорится, что очень важно, чтобы мы куда-то там отправились и помогли кому-то там выйти замуж за принца, — заявила матушка Ветровоск.

— В Орлею, — уточнила Маграт. — Я нашла ее описание в книгах Жалки. И мы должны сделать так, чтобы она *не вышла* замуж за принца.

— Как-как? Чтобы фея-крестная *не позволяла* девушке выйти за принца? — удивилась нянюшка Ягг. — Звучит как-то... наоборот.

— Зато это желание нетрудно исполнить, — пожала плечами матушка Ветровоск. — Знаете, сколько девушек не выходят замуж за принцев?

Маграт попробовала сменить тему.

— Вообще-то, Орлея *страшно* далеко отсюда, — сказала она.

— Кто б сомневался, — фыркнула матушка Ветровоск. — Еще не хватало! Чтоб всякие заграницы под боком торчали!

— Я хотела сказать, что путешествие обещает быть долгим, — обреченно промолвила Маграт. — А вы... уже не такие молодые.

Последовало долгое многозначительное молчание.

— Отправляемся завтра, — решила матушка Ветровоск.

— Послушайте, — в отчаянии пролепетала Маграт, — а может, я одна управлюсь?

— Ну да, сейчас! Какая из тебя фея-крестная? Опыта маловато, — отрезала матушка Ветровоск.

Это оказалось слишком даже для щедрой души Маграт.

— Да и у вас тоже не больше, — оцетинилась она.

— Верно, — согласилась матушка. — Но дело в том... дело все в том... У нас-то отсутствие опыта гораздо продолжительнее твоего.

— В общем, у нас большой опыт отсутствия опыта, — радостно подхватила нянюшка Ягг.

— А в этом-то все и дело, — кивнула матушка.

Дома у матушки было только одно маленькое тусклое зеркальце. Вернувшись, она закопала его в саду.

— Вот тебе, — сказала она. — Попробуй-ка теперь за мной пошпионить.

Трудно было поверить, что Джейсон Ягг, кузнец и коновал, приходится нянюшке Ягг сыном. Вид у него был такой, будто он не родился, а был построен. На верфи. К его медлительному и мягкому характеру генетика сочла необходимым добавить мускулы, которых достало бы на пару волов, похожие на бревна руки и ноги, смахивающие на две пары поставленных друг на друга пивных бочек.

К его ярко пылающему горну приводили самых разных лошадей, в том числе и племенных огнедышащих жеребцов, багровоглазых и пенномордых королей лошадиной нации, с копытами размером с добрую суповую тарелку, удар которых позволял среднему человеку запросто пройти сквозь стену. Но Джейсон Ягг знал секрет тайного Лошадиного Слова. Он в одиночку заводил коня в кузню, вежливо прикрывал двери, а через полчаса выводил уже подкованную и как-то странно присмирившую животину обратно*.

* Матушка Ветровоск однажды приперла его к стенке, и, поскольку от ведьм невозможно ничего утаить, Джейсон наконец застенчиво ответил: «Ну, госпожа, я, короче, цап его за холку да хвать молотком промеж глаз, да так, что он и сообразить не успел, в чем дело, а потом и шепчу ему на ухо, мол, только выкинь чего, засранец, сразу все твое хозяйство очутится на наковальне».

За широкой задумчивой спиной Джейсона теснились остальные бесчисленные родственники нянюшки Ягг и прочие деревенские, которые, видя, что затевается нечто интересное, да еще с участием ведьм, не смогли устоять перед искушением стать свидетелями того, что в Овцепиках обычно называлось «ягго-го!»

— Ну, Джейсон, пора нам, — сказала нянюшка Ягг. — Говорят, в заграницах улицы вымощены чистым золотом. Может, наконец заживем как люди, а?

Низкий, заросший волосами лоб Джейсона сморщился от непосильных раздумий.

— Да, оно б не помешало, конечно, наковальню-то в кузницу новую купить, — наконец разродился он.

— Вот вернись богачкой, нипочем тебя в кузню больше не пущу, — пообещала нянюшка.

Джейсон нахмурился.

— Так ведь я кузню-то люблю, — медленно промолвил он.

Нянюшка Ягг на мгновение растерялась.

— Ну... ну, тогда, купим тебе серебряную наковальню.

— Не, ма, это без толку. Шибко мягкая, — покачал головой Джейсон.

— Вот что, мальчик мой, коли привезу тебе наковальню из чистого серебра, хош не хош, а будет у тебя наковальня из чистого серебра!

Джейсон понурил свою большую голову.

— Хорошо, ма, — покорно ответил он.

— Найди кого-нибудь, чтоб каждый день дом проветривал, — велела нянюшка. — И чтоб очаг каждый день протапливал.

— Хорошо, ма.

— И ходи только через заднюю дверь, слышь? На переднее крыльцо я заклятие наложила. Где эти негодницы с моим багажом?

И она поспешила прочь, похожая на маленького серого петушка, рассердившегося на своих курочек.

Маграт слушала все это с большим интересом. Ее собственные приготовления к отъезду свелись к складыванию в большую котомку нескольких смен одежды, подходящей для любых возможных капризов погоды, которая, как всем известно, абсолютно не умеет вести себя в этой загранице. В котомку поменьше она уложила весьма полезные тетрадки, забранные из домика Жалки Пуст. Жалка любила все записывать и своим аккуратным почерком заполнила целые дюжины небольших тетрадок, украсив их заголовками вроде: «С Палочкой и Помелом Через Великий Неф».

Единственное, чего Жалка так и не удосужилась сделать, это написать инструкции по пользованию волшебной палочкой. Поэтому Маграт считала, что нужно лишь взмахнуть ей и загадать желание.

Вокруг домика Маграт теперь красовались несколько больших, но совершенно неуместных тыкв — свидетелей и жертв этой сомнительной стратегии. Одна из тыкв до сих пор считала, что на самом деле она дурноста́й.

И вот сейчас Маграт осталась наедине с Джейсоном, который неловко переминался с ноги на ногу.

Джейсон смущенно поправил челку. Его с детства приучили уважать женщин, а Маграт вроде

бы тоже подпадала под эту категорию — в принципе.

— Ну, вы там приглядите за нашей матушкой, ладно, госпожа Чесногк? — попросил он. В голосе его слышались нотки беспокойства. — А то она чегой-то странная в последние деньки.

Маграт легонько похлопала его по плечу.

— Такое случается постоянно, — успокоила она. — Понимаешь, когда женщина вырастит детей и все такое, ей хочется начать жить своей жизнью.

— А чьей же она до этого жила?

Маграт озадаченно уставилась на Джейсона. Лично она никогда не подвергала сомнению мудрость этого высказывания.

— Видишь ли, суть в том, — сказала она, придумывая объяснение на ходу, — что рано или поздно в жизни женщины наступает момент, когда ей хочется найти себя.

— А чо ей здесь-то себя не поискать? — жалобно спросил Джейсон. — То есть, ну, это, я вовсе не хотел тебя перебивать, госпожа Чесногк, но мы надеялись, что ты уговоришь ее и госпожу Ветровоск остаться.

— Я пробовала, — пожала плечами Маграт. — Правда. Зачем, говорю, вам это надо? Как гласит клатчская пословица, анно в домини лучше, мол, и все такое. Вы уже не те, что раньше, говорю. Глупо отпрапляться за сотни миль ради такой ерунды, особенно в вашем-то возрасте.

Джейсон склонил голову набок. Джейсон Ягг, конечно, вряд ли занял бы призовое место в чемпионате Плоского мира по живости ума, но мамашу свою он знал отлично.

— И ты все это сказала нашей маме? — спросил он.

— Слушай, не беспокойся, — ответила Маграт. — Я уверена, что большого вреда не...

Вдруг над их головами раздался громкий треск. На землю мягко спланировало несколько осенних желтых листков.

— Проклятое дерево... Кто здесь посадил это чертово дерево? — донесся голос откуда-то сверху.

— Похоже, матушка, — заметила Маграт.

Это было одним из слабых мест матушки Ветровоск, во всех прочих отношениях женщины цельной и вполне опытной, — она так и не научилась рулить. Управление транспортными средствами было совершенно чуждо ее натуре. Она была твердо уверена, что ее дело только нестись вперед, а весь остальной мир должен успевать поворачиваться так, чтобы она в конце концов попала куда ей нужно. В результате ей время от времени приходилось слезать с деревьев, на которые она не забиралась. Этим она сейчас и была занята — в конце своего спуска она все-таки сорвалась и последние несколько футов до земли преодолела по воздуху. Правда, желающих прокомментировать это событие не нашлось.

— Ну вот, кажется, мы собрались, — громко сказала Маграт.

Но это не сработало. Взгляд матушки Ветровоск немедленно устремился куда-то в область Магратиных коленей.

— И что это, по-твоему, на тебе надето? — осведомилась она.

— А-а-а... М-м-м... Я подумала... То есть... там же бывает холодно... ну, ветер и все такое... — начала Маграт.

Она с ужасом предвидела эту минуту и сейчас ненавидела себя за слабость. Да и вообще, они действительно очень удобные. Эта идея пришла ей в голову ночью. Кроме всего прочего, невозможно наносить смертельные удары космической гармонии господина Лобсанга Достабля, когда твои ноги путаются в юбке.

— *Штаны?*

— Это не совсем то же, что обычные...

— Да на тебя ведь мужчины глядят! — воскликнула матушка Ветровоск. — Стыдоба-то какая!

— Что случилось? — спросила подошедшая сзади нянюшка Ягг.

— Маграт Чесногк заявила к нам в мужских кальсонах, — сказала матушка, неодобрительно сморщив нос.

— Что ж, если она записала адрес этого молодого человека и как его зовут, то ничего страшного, — примирительно заметила нянюшка Ягг.

— Нянюшка! — всплеснула руками Маграт.

— А по мне, так они вроде бы вполне удобные, — продолжала нянюшка. — Разве что чуть-чуть мешковатые.

— А по мне, так это форменное безобразие, — ответила матушка Ветровоск. — Нельзя, чтоб все кому не лень, видели твои ноги.

— Да кто ж их увидит? — удивилась нянюшка. — Они ж матерьялом прикрыты.

— Да, зато любой может увидеть, *где* ее ноги, — сказала матушка Ветровоск.

— Это глупо. Все равно как сказать, что под одеждой все голые, — возразила Маграт.

— Маграт Чесногк, последи-ка за своим языком! — рывкнула матушка Ветровоск.

— Но это же правда!

— Лично про меня этого не скажешь, — спокойно парировала матушка. — На мне целых три кофты.

Она с ног до головы оглядела заодно и нянюшку. Гита Ягг для путешествия по заграницам тоже приоделась. Матушка Ветровоск так и не смогла обнаружить ничего предосудительного, хотя и предприняла такую попытку.

— Нет, вы только взгляните на эту шляпу... — наконец пробурчала она.

Нянюшка Ягг, которая знала Эсме Ветровоск целых семьдесят лет, только улыбнулась.

— Симпатичная, правда? — спросила она. — Изготовлена господином Вернисачче в Ломте. Внутри от полей до самого кончика арматура из ивовых прутьев и восемнадцать кармашков. Такая шляпа — молотком не пробьешь. А это видишь?

Нянюшка приподняла подол юбки. На ней были новые сапожки. В сапожках матушка Ветровоск тоже не смогла найти ничего предосудительного. Они были должной ведьмовской конструкции, то есть, даже если бы по ним проехала доверху груженная телега, их толстенная кожа и не поморщилась бы. Как сапожки они имели лишь один недостаток — цвет.

— *Красные?* — нахмурилась матушка Ветровоск. — Какая ж ведьма носит красные сапожки?!

— А мне нравится, — сказала нянюшка.

— Ну и пожалуйста, поступай как знаешь, — фыркнула матушка. — В заграницах самые неле-

пые наряды носят, в этом я уверена. Но сама знаешь, что говорят о женщинах, которые носят красные сапожки.

— По мне, так главное, чтобы ноги были сухие, — радостно отозвалась нянюшка.

Она вложила в ладонь Джейсона ключ от дома.

— Если пообещаешь найти кого-нибудь, кто будет читать мои письма, я буду тебе писать, — сказала она.

— Да, мам. А как насчет кота, мам? — поинтересовался Джейсон.

— О, Грибо мы берем с собой, — ответила нянюшка Ягг.

— Что? Но ведь он — кот! — рывкнула матушка Ветровоск. — Ты не имеешь права брать с собой всяких котов! Не собираюсь я никуда ехать ни с каким котом! Нам и так придется всю дорогу терпеть разные штаны и вызывающе красные сапоги!

— Если его оставить, он будет скучать по своей мамочке, правда, малыш? — заворковала нянюшка Ягг, беря на руки Грибо.

Тот безвольно повис у нее на руке, как перехваченный посередине пузырь с водой.

Для нянюшки Ягг ее любимец Грибо по-прежнему оставался миленьким котеночком, который гоняет по полу шерстяные клубочки.

Для всего же остального мира он был здоровенным котярой, вместилищем совершенно невероятных и неумных жизненных сил, таящихся под шкурой, которая походила не столько на шерсть, сколько на кусок хлебного мякиша, дней десять пролежавшего в сыром месте. Чужие люди часто жалели кота, поскольку у него практически полностью отсутствовали уши, а морда выгляде-

ла так, будто на нее медведь наступил. Хотя они этого и не знали, но подобное уродство являлось следствием того, что Грибо пытался драться и насиловать абсолютно все, вплоть до запряженной четверкой лошадей кареты, считая это делом кошачьей чести. Когда Грибо шествовал по улице, даже самые свирепые псы начинали скулить и прятались под крыльцо. Лисы держались от деревни подальше, а волки вообще обходили ее стороной.

— Милый мой, старый верный дружок...— проворковала нянюшка.

Грибо устремил на матушку Ветровоск тот исполненный самодовольного злорадства взгляд, который коты всегда приберегают для недолголюбивающих их людей, и нагло замурчал. Грибо, пожалуй, был единственным котом, который умудрялся, мурча, похихикивать.

— И вообще,— сказала нянюшка,— ведьмам полагается *любить* котов.

— Полагагаается-то полагается, да только не таких, как этот.

— Просто ты не кошатница, Эсме,— возразила нянюшка, крепко прижимая к себе Грибо.

Джейсон Ягг отвел Маграт в сторонку.

— Наш Шон как-то читал мне ежегодник, так там писали про всяких разных ужасных заграничных чудовищ,— прошептал он.— И говорилось, что эти большущие волосатые твари любят нападать на путешественников. Страшно даже подумывать, что будет, если они нападут на мамулю и матушку.

Маграт взглянула на его широкое красное лицо.

— Присмотри, чтобы с ними ничего не случилось, ладно? — попросил Джейсон.

— Можешь не беспокоиться, — пообещала она, про себя думая, что на самом деле беспокоиться ему особенно не о чем. — Буду стараться изо всех сил.

Джейсон кивнул.

— Просто в ежегоднике было сказано, что по большей части все эти чудовища почти вымерли, — добавил он. — Жаль, если они совсем пропадут.

Когда три ведьмы взвились в воздух, солнце стояло уже довольно высоко. Их немного задержало непредсказуемое поведение помела матушки Ветровоск, завести которое можно было только вдоволь набегавшись взад-вперед. Казалось, оно просто не понимало, чего от него добиваются, до тех пор пока с ним не начинали бежать. И куда только не обращалась матушка с этим помелом, даже гномы-инженеры в конце концов вынуждены были признать, что поведение ее помела остается для них совершеннейшей загадкой. Они, наверное, не меньше дюжины раз меняли и палку, и саму метлу.

Когда помело наконец взмыло в воздух, данное событие было отмечено хором радостных возгласов.

Небольшое королевство Ланкр занимало всего-навсего широкий уступ, врезающийся в Овцепики. Сразу за ним начинались высокие острые вершины и сумеречные извилистые долины, уходящие вглубь центрального горного массива.

С другой стороны выстроились по порядку: равнина Сто, голубоватые леса, бескрайние океанские просторы. И где-то посреди всего этого бурело грязное пятно, больше известное как Анк-Морпорк.

Запел или, по крайней мере, попытался запеть жаворонок. Но его тут же сбил с ритма внезапно появившийся рядом кончик островерхой шляпы матушки Ветровоск.

— И не упрасивайте даже, выше я ни за что не полезу,— твердо заявила она.

— Если поднимемся повыше, будет легче сообразить, куда лучше лететь,— указала Маграт.

— Ты ж говорила, что смотрела у Жалки карты,— напомнила матушка Ветровоск.

— Сверху все выглядит как-то иначе,— попыталась оправдаться Маграт.— Каким-то более... выпуклым. Но, по-моему, нам... *вон туда*.

— Ты уверена?

Задавать такой вопрос ведьме было серьезной ошибкой. Особенно если задавала его матушка Ветровоск.

— Абсолютно,— ответила Маграт.

Нянюшка Ягг взглянула на высокие горные пики.

— Что-то уж больно многовато в той стороне *больших* гор,— заметила она.

Пики громоздились один над другим, покрытые вечными снегами. На лыжах в Овцепиках никто не катался, а тот отчаянный человек, что решался на это, пролетал несколько футов и тут же исчезал из виду с пронзительным воплем. Никто не ходил по узким горным тропинкам в расшитой крестьянской одежде, распевая народные песни. Вообще, это были крайне неприветливые горы. Это

были такие горы, куда зимы отправлялись на летние каникулы.

— Там есть всякие перевалы и все такое прочее, — неуверенно сообщила Маграт.

— Вот и увидим, — сказала нянюшка.

Два зеркала можно использовать примерно следующим образом — если, конечно, знаешь, что делаешь. Их нужно установить одно напротив другого, чтобы они отражали друг друга. Потому что, если отражения способны украсть частицу тебя, то отражения отражений, наоборот, могут тебя усилить, подпитывая тебя самим собой, давая тебе могущество...

И твоё отражение уходит в бесконечность в отражениях отражений отражений, и каждое отражение точно такое же, как и все остальные уходящие в бесконечность отражения.

Все так, кроме того, что это вовсе не так.

В зеркалах заключается бесконечность.

А в бесконечности заключается гораздо больше, чем вы думаете.

Для начала, там заключается все.

Включая голод.

Потому что там миллион миллиардов отражений, но всего лишь одна душа.

Зеркала дают очень много, но и забирают немало.

За горами начались другие горы. А в небе тем временем собирались тучи, серые и тяжелые.

— Я уверена, что мы летим правильно, — сказала Маграт.

Их со всех сторон окружали обледенелые скалы. Ведьмы мчались по лабиринту похожих друг на друга извилистых узких ущелий.

— Да-а-а... — протянула матушка Ветровоск.

— Сами же не дали мне подняться повыше, — напомнила Маграт.

— Через минуту снег повалит, — заметила нянюшка Ягг.

День клонился к вечеру. Свет сочился прочь из горных долин, как сладкий крем из пирожного.

— Я думала... здесь будут деревни и все такое прочее, — призналась Маграт. — И мы сможем купить там разных забавных сувениров, а потом найти пристанище в какой-нибудь грубой деревенской хижине.

— Здесь и тролля-то днем с огнем не сыщешь, — фыркнула матушка.

Три помела скользнули в голую долину — сущую царапину на теле гор.

— Колотун-то какой! — поежилась нянюшка Ягг. Но потом улыбнулась. — Кстати, а почему их называют грубыми?

Матушка Ветровоск слезла со своего помела и оглядела окрестные скалы. Затем подняла камень и понюхала его. После чего подошла к куче щебня, которая, на взгляд Маграт, ничем не отличалась от любой другой кучи щебня, и потыкала ее ногой.

— Гм-м, — сказала она.

На ее шляпу спланировало несколько снежинок.

— Так-так, — сказала она.

— Матушка Ветровоск, что ты делаешь? — спросила Маграт.

— Размышляю.

Матушка подошла к скальной стене долины и двинулась вдоль нее, приглядываясь к каменной поверхности. Нянюшка Ягг присоединилась к ней.

— Здесь? — спросила нянюшка.

— Вроде бы.

— А не высоковато для них, как думаешь?

— Да эти дьяволята куда хошь заберутся. Один как-то аж в моей кухне объявился, — поделилась своим опытом матушка. — Вдоль жилы, говорит, шел.

— Да, это их хлебом не корми... — подтвердила нянюшка.

— Может, вы мне все-таки объясните, что вы там делаете? — встряла Маграт. — Что такого интересного в куче камней?

Снег повалил сильнее.

— Это не камни, это отвалы, — сообщила матушка Ветровоск.

Она дошла до гладкой оледнелой каменной стены, по мнению Маграт, ничем не отличающейся от любой другой, которые здесь в горах присутствовали повсеместно, и замерла, будто прислушиваясь.

Затем отступила на шаг, резко стукнула по камню палкой своего помела и громко изрекла следующее:

— А ну, открывайте, безобразники низкорослые!

Нянюшка Ягг пнула каменную стенку сапогом. Та ответила пустым звуком.

— Здесь люди с холоду загинаются, а вы там прячетесь! — добавила она.

Некоторое время ничего не происходило. Потом кусок стены вдруг сдвинулся на несколько дюймов внутрь. Маграт заметила, как в образовавшейся щели блеснул подозрительный глаз.

— Ну, чего вам?

— Гномы? — удивилась Маграт.

Матушка Ветровоск нагнулась так низко, что ее нос оказался на одном уровне с глазом.

— Меня зовут, — сказала она, — матушка Ветровоск.

Она снова выпрямилась. На лице ее играла самодовольная улыбка.

— И что с того? — раздался голос, выходящий откуда-то из-под глаза.

Лицо матушки буквально окаменело.

Нянюшка Ягг слегка подтолкнула подругу локтем.

— Должно быть, мы подальше, чем в пятидесяти милях от дома, — покачала головой она. — Наверное, в здешних краях о тебе и слухом не слыхивали.

Матушка Ветровоск снова нагнулась. С ее шляпы посыпались снежинки, успевшие примоститься на широких полях.

— Тебя я ни в чем не виню, — сказала она, — но у вас тут должен быть король, так вот просто пойди и скажи ему, что, мол, явилась матушка Ветровоск, ладно?

— Он очень занят, — ответил голос. — У нас тут кое-какие неприятности.

— Значит, вряд ли ему нужны еще проблемы, — уверенно кивнула матушка.

Несколько мгновений невидимый собеседник размышлял над этими ее словами.

— Мы установили на двери заклинания,— наконец мрачно заявил он.— Невидимые руны. Знаешь, сколько нынче стоят хорошие невидимые руны?!

— Вот еще, стану я читать, что вы там у себя на дверях понаписали! — фыркнула матушка.

Говорящий заколебался.

— Значит, говоришь, Ветровоск?

— Ну да. Начинается с буквы «В». Как и слово «ведьма».

Каменная дверь затворилась. Теперь ее можно было различить лишь по тонюсенькой трещинке в скальной стене.

Снег тем временем повалил вовсю. Матушка Ветровоск, чтобы согреться, принялась подпрыгивать на месте.

— Вот они, твои чужеземцы,— сказала она, обращаясь ко всему заледеневшему миру в целом.

— Вряд ли этих гномов можно назвать чужеземцами,— возразила нянюшка Ягг.

— А как еще их называть? — удивилась матушка.— Гном, который так далеко живет, самый что ни на есть настоящий чужеземец. В этом-то чужеземство и заключается.

— Вот как? Забавно, никогда бы не подумала,— ответила нянюшка Ягг.

Они смотрели на дверь. В темнеющем воздухе из их ртов вырывались маленькие облачка пара. Маграт, глядя на каменную дверь, заметила:

— Что-то не видно никаких рун.

— Само собой,— хмыкнула нянюшка.— Они ж невидимые.

— Вот именно,— поддержала матушка Ветровоск.— Сама, что ли, не понимаешь?

Дверь снова приоткрылась.

— Я поговорил с королем, — сообщил голос.

— И что он? — с надеждой спросила матушка.

— Дословно он сказал: «О нет! Только этого мне не хватало!»

Матушка Ветровоск просияла.

— Так я и знала, что он слышал обо мне, — довольнo промолвила она.

Как у цыган не меньше тысячи своих королей, так их не меньше тысячи у гномов. Только у гномов слово «король» означает скорее что-то вроде «старшего инженера». А вот королев у гномов не бывает. Гномы вообще очень неохотно говорят о своей половой принадлежности, которую многие из них считают делом не больно-то важным по сравнению с такими серьезными вещами, как, например, металлургия или гидравлика.

Здесьний король стоял в гуще толпы что-то выкрикивающих горняков. Он* взглянул на ведьм с выражением утопленника, которому предлагают стакан воды.

— Вы что, действительно так хороши, как говорят? — хмуро поинтересовался он.

Нянюшка Ягг и матушка Ветровоск переглянулись.

— Сдается мне, Маграт, это он тебя имеет в виду, — сказала матушка.

* Многие из наиболее приверженных традициям гномьих племен даже не имеют в своем наречии местоимений женского рода. Соответственно, и ухаживание у гномов — процесс чрезвычайно деликатный.

— У нас в девятой штольне только что произошел обвал,— продолжал король.— Худо дело. Мы лишились очень перспективной жилы золотоносного кварца.

Один из стоящих рядом с ним гномов что-то шепнул ему на ухо.

— А, ну да, и кое-кого из ребят,— рассеянно добавил король.— И тут появляетесь вы. Видать, судьба.

Матушка Ветровоск стряхнула со своей шляпы снег и огляделась.

Увиденное даже на нее произвело впечатление. Теперь нечасто приходится бывать в настоящих гномьих залах. Большинство гномов в наши дни заняты отхожим промыслом, зашибая деньгу по городам на равнинах, где гномом быть куда как легче — например, не нужно проводить большую часть жизни под землей, то и дело попадая молотком по пальцам и беспокоясь о колебаниях цен на международных рынках металлов. Недостаток уважения к традициям — вот главная беда нашего времени. А возьмите троллей. Теперь в Анк-Морпорке троллей больше, чем в целом горном хребте. Матушка Ветровоск ничего не имела против троллей, но инстинктивно чувствовала, что если бы больше троллей перестали носить одежду, ходить на двух ногах и вернулись к жизни под мостами, откуда они бы периодически выскакивали и пожирали людей, как троллям и было предназначено природой, то мир стал бы куда более счастливым местом.

— Ты лучше покажи нам, где все это случилось,— сказала она.— Похоже, сверху обвалилась куча камней, да?

— Что-что? — переспросил король.

Часто говорят, что у эскимосов существует целых пятьдесят слов для определения снега*.

Это ошибочное утверждение.

А еще говорят, что у гномов существует аж двести слов для определения камня.

Ничего подобного. У них так же не может существовать слов для камня, как у рыбы не может быть слов для определения воды. У них есть слова для вулканических пород, осадочных пород, метаморфических пород, породы под ногами, породы, падающий тебе на каску, и породы, которая на вид представляет интерес и которой — они готовы поклясться — вчера здесь не было. Но вот чего у них нет, так это слова, означающего просто «камень». Покажите гному булыжник, и он увидит в нем, например, кусок кристаллического сульфита какого-нибудь там шпата.

В данном случае речь шла о тоннах двухстах низкокачественного глинистого сланца. Когда ведьмы оказались на месте обвала, несколько дюжин гномов лихорадочно укрепляли потрескавшийся свод штольни и тачками вывозили обломки поменьше. На глазах некоторых из них блестели слезы.

— Это ужасно... Ужасно! — бормотал один из них. — Какой кошмар!

* Впрочем, может, говорят это не так уж и часто. Во всяком случае, не ежедневно. И, по крайней мере, не везде. Хотя, возможно, в некоторых холодных странах люди частенько восклицают нечто вроде: «Во дают эти эскимосы! Вот это да! У них целых пятьдесят слов для снега! Представляете? Поразительно!»

Маграт протянула ему носовой платок. Гном шумно высморкался.

— Скорее всего, случился сильный оползень на линии сброса, и теперь мы лишились целого пласта, — сказал он, качая головой.

Сосед утешающе похлопал его по спине.

— Худа без добра не бывает, — сказал он. — Мы всегда можем пробить горизонтальный штрек от пятнадцатой штольни. Не волнуйся, никуда этот пласт от нас не денется.

— Извините, — встряла Маграт, — значит, выходит, там, за завалом, *остались* гномы, да?

— О да, — подтвердил король.

Причем сказал это так, словно речь шла о каком-то досадном побочном обстоятельстве катастрофы, поскольку новые гномы очень скоро появятся на свет естественным образом, а вот золотоносная порода имеет дурное обыкновение кончаться.

Матушка Ветровоск критически осмотрела завал.

— Нам хотелось бы, чтобы нас оставили одних, — громко произнесла она. — Дело очень деликатное.

— Понимаю, — не стал спорить король. — Небось, разные там секреты ремесла, да?

— Навроде того, — сказала матушка.

Король выгнал всех гномов из туннеля, оставив ведьм одних в тусклом свете фонаря. С потолка упали несколько камней.

— Гм-м, — протянула матушка.

— Ну, теперь всего-навсего надо что-нибудь предпринять, — промолвила нянюшка Ягг.

— На свете нет ничего невозможного, — неопределенно заметила матушка Ветровоск.

— Тогда тебе придется очень постараться, Эсме. Если Создателем нам было предназначено ворожить с помощью ведьмовства всякие камни, он не стал бы изобретать лопату. Быть ведьмой — это прежде всего знать, когда стоит воспользоваться лопатой. И оставь в покое тачку, Маграт. Ты ничего не понимаешь в машинах.

— Хорошо, хорошо, — сказала Маграт. — А почему бы нам не испробовать волшебную палочку?

Матушка Ветровоск фыркнула:

— Ха! Здесь? Фея-крестная в шахте — с ума сойти!

— Окажись я там, за завалом, в недрах горы, думаю, я бы очень обрадовалась появлению такой феи, — горячо возразила Маграт.

Нянюшка Ягг кивнула.

— Тут она права, Эсме. Нет такого закона, который бы запрещал фее-крестной работать в шахте.

— Не доверяю я этой палочке, — нахмурилась матушка. — По мне, она какая-то уж больно волшебная.

— Ой, да ладно, — ответила Маграт. — Ей пользовались поколения и поколения фей-крестных.

Матушка замахала руками.

— Хорошо, хорошо, хорошо, — пробурчала она. — Давай! Делай из себя дуру набитую!

Маграт вытащила из сумки волшебную палочку. Она давно и с ужасом ждала этого момента.

Палочка была сделана из какой-то кости — Маграт искренне надеялась, что не из слоновой, ей нравились эти большие животные. Когда-то на палочке были какие-то буквы, но многие поколения пухлых пальчиков фей-крестных почти полностью их стерли. Также палочку обхватывали

несколько золотых и серебряных колечек. Никаких инструкций не прилагалось. Отсутствовали даже самые примитивные руны или значки, которые подсказали бы, как с ней обращаться.

— По-моему, ей надо взмахнуть, — сказала нянюшка Ягг. — Я даже уверена в этом.

Матушка Ветровоск скрестила руки на груди.

— Не пристало ведьме баловаться со всякими там палками, — осудила она.

Маграт на пробу взмахнула палочкой. Ничего не случилось.

— Может, надо еще что-нибудь сказать? — предложила нянюшка.

Маграт впала в панику.

— А что обычно говорят феи-крестные? — жалобно поинтересовалась она.

— Э-э-э, — сказала нянюшка. — Понятия не имею.

— Ха! — выразилась матушка.

Нянюшка Ягг вздохнула.

— Разве Жалка тебе ничего не объясняла?

— Ничегошеньки!

Нянюшка пожала плечами.

— Ну, тогда делай что можешь, — посоветовала она.

Маграт уставилась на грудку камня. Потом зажмурила глаза. Затем глубоко вздохнула. Она попыталась превратить свое сознание в безмятежную картину космической гармонии. Монахам-то хорошо рассуждать о космической гармонии, подумала она, они сидят себе там в своих заснеженных горах, и беспокоиться им не о чем, кроме как о случайно забредшем йети. Попробовали бы они

поискать внутреннего спокойствия под взглядом матушки Ветровоск.

Юная ведьма неуверенно взмахнула палочкой и попыталась не думать о тыквах.

Она ощутила движение воздуха. Потом услышала, как ахнула нянюшка.

— Что-нибудь случилось? — спросила Маграт.

— Угу, — спустя некоторое время отозвалась нянюшка Ягг. — Вроде того. Надеюсь, они успели порядком проголодаться.

— Значит, по-твоему, это и есть настоящее волшебство феи-крестной? — заметила матушка Ветровоск.

Маграт открыла глаза.

Перед ними по-прежнему высилась груда, но теперь уже не камней.

— Жалость какая, поглядите, некоторые-то помялись, — сказала нянюшка.

Маграт открыла глаза еще шире.

— Что, опять тыквы?

— Мятых много. *Мятых*, — повторила нянюшка на тот случай, если кто-нибудь ее не услышал.

Верхушка груды зашевелилась. Парочка небольших тыкв скатилась прямо к ногам Маграт, а в образовавшемся отверстии появилось личико гнома.

Оно уставилось на ведьм.

Наконец нянюшка Ягг спросила:

— У вас все в порядке?

Гном кивнул. Его внимание по-прежнему было приковано к груде тыкв, громоздившихся от пола до потолка.

— Э-э, да, — сказал он. — А папа-то здесь?

— Какой папа?

— Ну, король?

— А-а! — Нянюшка Ягг приложила руки ко рту и крикнула в глубину туннеля: — Эй, короли!

Появились гномы. Они тоже уставились на тыквы. Король вышел вперед и тут заметил лицо сына.

— Ты как там, сынок?

— Все отлично, па. Жив и здоров, ни царапинки.

Король облегченно вздохнул. Потом подумал и добавил:

— Все остальные тоже целы?

— Все до единого, па.

— А то я уже начал беспокоиться. Подумал, может, мы нарвались на участок конгломерата или чего-нибудь в этом роде.

— Да нет, па. Просто пласт рыхлого сланца.

— Хорошо. — Король снова взглянул на груды. Почесал бороду. — Сдается мне, тыкв у нас теперь хоть отбавляй.

— А я было подумал, что это какая-то разновидность песчаника, па.

Король снова подошел к ведьмам.

— А вы не можете превратить их еще во что-нибудь? — с затаенной надеждой спросил он.

Нянюшка Ягг бросила взгляд на Маграт, которая все еще потрясенно пялилась на палочку.

— Думаю, мы пока остановимся на тыквах, — опасно ответила она.

Король был явно немного разочарован.

— Что ж, тогда... — протянул он, — если я могу быть чем-нибудь вам полезен, дамы... Например, угостить вас чашечкой чаю или еще чем-нибудь...

Матушка Ветровоск шагнула вперед.

— Да, думаю, что-нибудь вроде этого нам не повредит,— кивнула она.

Король просиял.

— Только, конечно, мы бы угостились чем-нибудь посущественнее чая,— добавила матушка.

Лицо короля сразу вытянулось.

Нянюшка Ягг тем временем подошла к Маграт, которая все еще взмахивала палочкой, не сводя с нее окаменелого взгляда.

— Очень умно,— шепнула нянюшка.— Но почему ты решила выбрать именно тыквы?

— Ничего я не решала!

— Ты что, не знаешь, как с ней обращаться?

— Нет! Я думала, нужно просто...ну, в общем, *захотеть*, чтобы что-нибудь случилось!

— Видно, просто захотеть — это еще не все,— как можно добродушнее заметила нянюшка.— Обычно этого недостаточно.

Где-то перед самым рассветом — насколько можно представить себе рассвет в подземных туннелях — ведьм отвели к протекающей в толще гор подземной реке, у берега которой были пришвартованы две баржи. Рядом с каменным причалом покачивалась на воде небольшая лодка.

— Река проведет вас сквозь горы,— сказал король.— По правде говоря, я думаю, что она течет до самой Орлеи.— Он взял из рук сопровождающего его гнома большую корзину.— И вот... тут мы собрали вам в путь немножко еды...

— Мы что же, всю дорогу будем плыть на лодке? — спросила Маграт. За спиной она снова попыталась взмахнуть волшебной палочкой, но тщетно.— Я с лодками как-то не очень...

— Слушай,— перебила ее матушка Ветровоск, влезая в лодку.— Река в отличие от нас знает дорогу. А метлами мы сможем воспользоваться и позже, когда пейзаж начнет вести себя немного поумнее.

— К тому же отдохнуть не мешало бы,— добавила нянюшка Ягг, усаживаясь на скамейку.

Маграт взглянула на обеих ведьм, которые поудобнее устраивались на корме, словно пара располагающихся на насесте кур.

— А вы умеете грести? — поинтересовалась она.

— Нам это ни к чему,— сказала матушка.

Маграт уныло кивнула. Но потом решила, что не вредно и ей заявить хоть какие-то свои права.

— Думаю, я тоже не умею,— высказалась она.

— Ну и ничего страшного,— кивнула нянюшка Ягг.— Как увидим, что ты не так что-то делаешь, мы тебе сразу подскажем. Спасибо за заботу, ваше королевское величество.

Маграт вздохнула и взялась за весла.

— Плоские концы нужно макать в воду,— пришла ей на помощь матушка Ветровоск.

Гномы на прощание помахали им. Медленно двигаясь в круге отбрасываемого фонарем света, лодка выплыла на середину реки. Маграт обнаружила, что ей всего-то и надо удерживать суденышко на середине течения.

Вскоре она услышала, как нянюшка Ягг сказала:

— Вот никак в толк не возьму, и зачем они вечно на свои двери невидимые руны навешивают? Приходится платить какому-нибудь волшеб-

нику, чтобы он нанес на дверь невидимые руны, а как узнать, что за свои деньги получаешь товар?

Ответ матушки не замедлил последовать:

— Очень запросто. Раз ты их не видишь, значит, получил нормальные невидимые руны.

Подумав немного, нянюшка согласилась:

— А ведь и верно. Так, а теперь посмотрим, что у нас на завтрак.

Послышалось шуршание.

— Так, так, так...

— Что там, Гита?

— Тыква.

— Тыква с чем?

— Тыква ни с чем. Тыква с тыквой.

— Должно быть, у них нынче много тыкв уродилось,— встряла в разговор Маграт.— Сами знаете, как бывает в конце лета: в огороде всего полным-полно. Я сама вечно голову ломаю, придумываю всякие новые соленья да квашенья, чтоб ничего не пропало...

В тусклом свете ей было видно лицо матушки, выражение которого недвусмысленно свидетельствовало о том, что если Маграт еще и не сошла с ума, то ей совсем недолго осталось.

— Лично я,— заявила матушка,— в жизни огурца не засолила.

— Зато ты их очень любишь есть,— сказала Маграт.

Ведьмы и соленья так же неразделимы, как... она поколебалась, не решаясь думать о таком аппетитном сочетании, как персики и сливки, и мысленно заменила их на «вещи, которые здорово подходят друг другу». Вид единственного сохранившегося зуба нянюшки Ягг, увлеченно трудя-

щегося над маринованной луковицей, вызывал на глазах слезы.

— Любить-то люблю, — кивнула матушка Ветровоск. — И особенно люблю, когда их мне приносят.

— А знаете, — сказала нянюшка, обследуя укромные уголки корзины, — каждый раз, когда придется иметь дело с гномами, у меня в голове всплывает выражение «занудный сквалыга».

— Мерзкие маленькие дьяволята. Вы бы видели, сколько они пытаются содрать с меня всякий раз, когда я приношу им в ремонт свое помело, — фыркнула матушка.

— Да, но ты же все равно никогда им не платишь, — заметила Маграт.

— Не в том дело, — отрезала матушка Ветровоск. — Надо вообще запретить им брать так дорого. Это самый настоящий грабеж среди бела дня.

— Не понимаю, при чем здесь грабеж, если ты все равно ничего не платишь? — гнула свое Маграт.

— Я вообще никогда ни за что не плачу, — рявкнула матушка. — Люди просто не позволяют мне платить. Сама посуди, что ж тут поделаешь, если все мне все время всякую всячину суют, и к тому же даром? Вот иду я по улице, а люди как посыплются из домов — свежие пироги несут, пиво свежее и всякую одежку, которая почти и не надевана. Прямо так и упрашивают: «Ой, матушка Ветровоск, уж будьте добры, возьмите лукошко яичек». Это называется уважением. Быть ведьмой, — сурово закончила она, — в сущности и означает, что тебе ни за что не надо платить.

— Так, а это что у нас? — спросила нянюшка, вытаскивая из корзины небольшой сверточек.

Она развернула бумагу и достала несколько твердых коричневых плоских кругляшей.

— Беру свои слова обратно, — сказала матушка Ветровоск. — Это ж знаменитые гномьи пироги, вот что это такое. Кому попало такие пироги не даются.

Нянюшка постучала хлебцем по борту лодки. Звук получился очень похожий на тот, который раздается, если щелкнуть деревянной линейкой по краю стола.

— Говорят, он никогда не черствеет, храни его хоть сколько лет, — добавила матушка.

— А поешь его и будешь сыт много дней подряд, — согласилась нянюшка Ягг.

Маграт протянула руку, взяла один из плоских ломтей, попыталась было разломить его, но наконец сдалась.

— И это едят? — удивилась она.

— О нет, вряд ли он предназначен для еды, — сказала нянюшка. — Это скорее...

— ...Для поддержания сил, — закончила матушка. — Говорят, что...

Она вдруг замолчала.

На фоне шума реки и звука падающих с потолка капель они вдруг услышали ритмичное плюх-плюх направляющегося к ним судна.

— Нас кто-то догоняет! — прошипела Маграт.

На краю освещенного круга воды появились два бледных светящихся пятна. Постепенно стало ясно, что это глаза небольшого серого создания, немного напоминающего лягушку, которое гребло к ним, сидя на бревне.

Наконец оно нагнало лодку. Длинные влажные пальцы ухватились за борт, и мрачное лицо оказалось на одном уровне с лицом нянюшки Ягг.

— 'Рассьте,— сказала тварь.— У ммммня дддднь рожжжженья.

Все три ведьмы несколько мгновений молча таращились на нежданного гостя. Потом матушка Ветровоск схватила весло и что было силы огрела существо прямо по голове. Послышался всплеск, а потом откуда-то издалека до них донеслась приглушенная брань.

— Мерзкий маленький уродец,— фыркнула матушка, когда они погребли дальше.— От таких, как он, ничего, кроме неприятностей, не жди.

— Точно,— кивнула нянюшка Ягг.— Вот от таких-то скользких все и беды.

— Интересно, что ему было нужно? — спросила Маграт.

Через полчаса лодка миновала пещеру и выплыла в узкое ущелье среди гор. На склонах поблескивал лед, а на некоторых скальных выступах лежал снег.

Нянюшка Ягг с любопытством огляделась, а затем, порывшись в недрах своих многочисленных юбок, извлекла на свет небольшую бутылочку. Раздался булькающий звук.

— Бьюсь об заклад, здесь замечательное эхо,— спустя некоторое время заявила она.

— Нет, только не это,— твердо сказала матушка.

— Что не это?

— Не смей затягивать Ту Песню.

— Прости, Эсме, не поняла?

— Если ты снова затянешь Ту Песню,— предупредила матушка Ветровоск,— я немедленно высаживаюсь.

— Ты какую песню имеешь в виду? — невинно осведомилась нянюшка.

— Ты прекрасно знаешь, о чем идет речь,— ледяным тоном отрезала матушка.— Стоит тебе хоть капельку глотнуть, ты сразу начинаешь горланить свою любимую песенку. Совсем не думая обо мне.

— Что-то я никак не припомню никакой такой песенки,— кротко ответила нянюшка Ягг.

— Я говорю о песне,— сказала матушка Ветровоск,— про грызуна, с которым ни у кого ничего не получается.

— А! — нянюшка просияла словно утренняя заря.— Так ты имеешь в виду песенку про то, как с ежиком вышел...

— Да-да, ее самую!

— Но ведь это очень старая и традиционная песня,— возразила нянюшка.— К тому же в заграницах все равно никто не поймет из нее ни слова.

— Достаточно послушать тебя, и сразу становится ясно, о чем рассказывается в этой отвратительной песенке,— рявкнула матушка.— По тому, как ты ее поешь, даже самая распоследняя болотная тварь поймет, что там говорится.

Маграт оглядела ущелье по которому они плыли. Там и сям скалы были покрыты белыми шапками. Течение стало немного быстрее, и в воде то и дело попадались льдинки.

— Это всего лишь народная песня, Эсме,— попыталась успокоить подругу нянюшка Ягг.

— Ха! — фыркнула матушка Ветровоск. — Знаем мы эти народные песни! Уж я их вдоволь наслушалась, о да! Сначала вроде поют нормальную, хорошую песенку про... про юношу там, розы, девушку, которая любит цветы, всякое такое, а потом вдруг оказывается, что... что песня-то совсем о другом, — хмуро закончила она. — Этим народным песням доверять нельзя. Так и жди от них какой-нибудь гадости.

Маграт оттолкнула лодку от скалы. Суденышко медленно закружилось в водовороте.

— Я знаю еще одну песенку. Про двух маленьких синичек, — сказала нянюшка Ягг.

— М-м-м, — выразилась Маграт.

— Они могут начинаться и с синичек, зато, об заклад могу побиться, наверняка заканчиваются какой-нибудь там метамфорой, — отрезала матушка Ветровоск.

— Э-э-э... матушка, — позвала Маграт.

— Мало мне того, что Маграт рассказала про майские деревья и что там на самом деле происходит, — покачала головой матушка. И добавила с тоской в голосе: — А раньше, бывало, как взгляну на майское дерево весенним утром, так тепло на сердце становится, красиво...

— Кажется, река становится какой-то чересчур бурной, — предупредила Маграт.

— Не понимаю, почему некоторые ну никак не могут плыть себе спокойно и плыть! — рассердилась матушка.

— Да нет, вы посмотрите, как нас несет, — сказала Маграт, снова отталкивая лодку от скалы.

Матушка Ветровоск чуть отклонилась в сторону и заглянула за Маграт. У реки впереди был ка-

кой-то обрезанный вид, наводящий, например, на мысли о близком водопаде. Лодка и в самом деле набирала ход. Послышался приглушенный рев.

— Нас не предупреждали ни о каком водопаде, — покачала головой матушка.

— Видать думали, что мы сами его найдем, — ответила нянюшка Ягг, собирая свои причиндалы и вытаскивая за шкирку Грибо, который забился под скамейку. — Эти гномы очень неразговорчивый народец, слова лишнего из них не вытянешь. Хорошо, что ведьмы хоть плавать умеют. К тому же гномы ведь знали, что у нас есть метлы.

— Это *у вас* есть метлы, — возразила матушка Ветровоск. — А вот как, скажите на милость, я, сидя в лодке, заведу свое помело? Не могу же я бегать здесь взад-вперед! И перестань так ворочаться, а то ты нас всех...

— Эсме, убери свои ноги, расставилась здесь, как...

Лодка резко качнулась.

Маграт воспользовалась случаем и, когда небольшая волна перехлестнула через борт, вытащила волшебную палочку.

— Не волнуйтесь, — успокоила она. — Я воспользуюсь палочкой. Кажется, я наконец научилась ею пользоваться...

— Нет! — хором закричали матушка Ветровоск и нянюшка Ягг.

Послышался оглушительный влажный звук. Лодка изменила форму. А заодно и цвет. Она стала веселенького оранжевого цвета.

— Тыквы! — проорала нянюшка Ягг, медленно погружаясь в воду. — Снова эти проклятые тыквы!

Лилит откинулась на спинку кресла. Лед вокруг реки, конечно, не слишком походил на зеркало, но для ее целей все же годился.

Так. Бледная девчонка-переросток, которой и самой не помешала бы хорошая фея-крестная, плюс маленькая, похожая на прачку старушка, которая любит напиться и погорланить песенки. И еще палочка, которой глупая девчонка совсем не умеет пользоваться.

Вообще, это бесит. Более того, это унизительно. Десидерата и госпожа Гоголь могли бы найти кого-нибудь получше. Статус человека определяется силой его врагов.

Да, и еще одно действующее лицо. Она. После стольких-то лет...

Да. Этот ход Лилит одобрила. Потому что их должно быть трое. Три вообще очень важное для сказок число. Три желания, три принца, три поросенка, три загадки... три ведьмы. Девчонка, женщина средних лет и... третья. Это была одна из самых древних сказок.

Только Эсме Ветровоск никогда не понимала сказок. А поэтому ей никогда не понять, насколько *реальны* отражения. Вот если бы она это осознала, то, возможно, сейчас уже правила бы всем миром.

— Вечно ты пялишься в эти зеркала! — послышался недовольный голос. — Терпеть не могу, когда ты вот так уставишься в свое зеркало и все глядишь, глядишь!

Дюк Орлейский развалился в кресле в углу. Сплошь черный шелк и изящные ноги. Вообще-то, Лилит никого не допускала в свое зеркальное

гнездо, но формально этот замок принадлежал ему. Кроме того, дюк был слишком тщеславен и глуп, чтобы разбираться в происходящем. Это она предусмотрела. По крайней мере, так раньше ей казалось. Хотя в последнее время он вроде начал что-то подозревать...

— Не понимаю, зачем тебе все это? — снова заявил он. — Я всегда думал, что волшебство — это когда ткнешь в кого-нибудь пальцем и он — фью-ю-ю!

Лилит надела свою шляпу, после чего, взглянув в зеркало, чуть поправила ее.

— Так безопаснее, — наконец ответила она. — Больше ничего не требуется. Пользуясь зеркальной магией, ты полагаешься только на себя и ни на кого больше. Вот почему никому так и не удалось завоевать мир с помощью волшебства. Пока не удалось. Все эти люди пользовались могуществом, взятым из... других источников. Но всему есть цена. А с зеркалами не зависишь ни от чего, кроме собственной души.

Она опустила на лицо вуаль. Оказываясь вне безопасного окружения своих зеркал, она предпочитала уединение вуали.

— Ненавижу зеркала, — пробурчал дюк Орлейский.

— Это потому, дружок, что они всегда говорят тебе правду.

— Значит, это жестокая магия.

Лилит расправила вуаль.

— О да. С зеркалами ведь как? Сила, которая тебе дается, принадлежит тебе, и только тебе. Ни откуда больше она прийти не может, — усмехнулась она.

— А эта женщина с болота черпает ее из болота,— добавил дюк.

— Ха! И в один прекрасный день она пожалеет об этом. Болото свое возьмет. Она просто не понимает, что делает.

— А ты понимаешь?

Она почувствовала прилив гордости. Он попытается уколоть ее! Значит, боится. Неплохую работу она здесь проделала.

— Я понимаю сказки,— ответила Лилит.— Больше ничего не нужно.

— Ну, где эта твоя девушка? — капризно поинтересовался дюк.— Ты обещала мне девушку. А еще обещала, что потом все кончится, я смогу спать в нормальной постели и мне больше не понадобится никакая магия отражений...

Да, работа хорошая... Главное — не перестараться.

— То есть тебе надоело волшебство? — добродушно осведомилась Лилит.— Может, мне умыть руки? Проще простого. Я нашла тебя в сточной канаве. Хочешь туда вернуться?

Его лицо превратилось в паническую маску.

— Я вовсе не это имел в виду! Просто хотел сказать... долго все как-то. Ты же сказала, что нужен всего-навсего один поцелуй. Не понимаю, неужели так трудно это устроить.

— Должный поцелуй и в должное время,— отрезала Лилит.— Здесь необходимо выбрать нужный момент, иначе ничего не получится.

Она улыбнулась. Его била дрожь — частично причиной тому было желание, главным образом ужас и немного наследственность.

— Не волнуйся, — сказала она. — Этого не может не случиться.

— А как же те ведьмы, которых ты мне показала?

— Они просто... часть сказки. О них можешь не беспокоиться. Сказка поглотит их и не заметит. А ты благодаря сказке получишь ее. Разве тебя это не радует? Ну, пойдем? Сдается мне, у тебя есть некие обязанности правителя, которые ты должен выполнять?

Он сразу уловил в ее голосе повелительные нотки. Это был приказ. Дюк поднялся, протянул ей руку, и они вместе спустились в дворцовый зал для аудиенций.

Дюком Орлейским Лилит гордилась. Разумеется, еще нужно было справиться с этой его досадной ночной проблемкой, являющейся результатом ослабления во сне морфического поля, но проблема была не из серьезных. Ну а зеркала, которые показывали дюка таким, какой он есть на самом деле? Проще простого — все зеркала, кроме ее собственных, находились под строгим запретом. Но вот глаза... С глазами она ничего не могла поделать. Не существует такого волшебства, которое способно изменять глаза. Поэтому она только и смогла придумать, что темные очки.

Но даже при всем при том он был ее триумфом. К тому же он был благодарен ей. Она проявила к нему доброту.

Начать с того, что она сделала из него человека.

Немного ниже по течению реки, неподалеку от водопада, который был вторым по высоте на Плоском мире и был открыт в год Восставшего Краба

знаменитым путешественником Ги де Йойо*, у небольшого костерка сидела матушка Ветровоск с накинутым на плечи полотенцем и буквально кипела от ярости.

— С другой стороны, согласись, нет худа без добра,— сказала нянюшка Ягг.— Скажи спасибо, что мне удалось одновременно держать и свое помело, и тебя. А Маграт успела схватить свое. Иначе бы мы сейчас любовались этим водопадом из-под воды.

— Очень здорово. Ну, утешила! — рывкнула матушка, зло сверкнув глазами.

— Подумаешь, приключение как приключение, и всего-то,— продолжала нянюшка, ободрительно улыбаясь.— Когда-нибудь мы с тобой будем вспоминать все это да посмеиваться.

— Вот здорово,— повторила матушка.

Нянюшка коснулась царапин на руке. Грибо, повинувшись своему кошачьему инстинкту самосохранения, вскарабкался на хозяйку и совершил гигантский прыжок в безопасность прямо с ее головы. Теперь же он, свернувшись клубочком, лежал у костра и смотрел свои кошачьи сны.

На них упала чья-то тень. Это была Маграт, которая прочесывала окрестности реки.

— Кажется, почти все собрала,— сообщила она, приземлившись.— Вот матушкино помело. И... о да... палочка.— Она довольно храбро улыбну-

* Само собой, до этого водопад чуть ли не ежедневно открывали многочисленные гномы, тролли, местные жители, охотники и просто заблудившиеся путники. Но все они не были знаменитыми путешественниками, а поэтому в счет не идут.

лась.— Я нашла ее по тыквочкам, которые выныривали на поверхность.

— По мне так это чистое везение,— ободряюще кивнула нянюшка Ягг.— Слышала, Эсме? Голодать нам в любом случае не придется.

— А еще я нашла корзинку с гномьими пирогами,— сказала Маграт,— хотя, боюсь, они, наверное, испортились.

— Поверь, такого просто быть не может,— усмехнулась нянюшка Ягг.— Гномий хлеб ни-почем не испортишь. Так, так,— довольно пробурчала она, снова усаживаясь.— У нас ни дать ни взять прям пикник какой-то, верно? И костерчик такой миленький, яркий такой, и... и сидим так уютно, и... Могу поспорить, куча людей в таких местах, как Очудноземье, и ему подобных сейчас все бы отдали, лишь бы здесь оказаться...

— Гита Ягг, если ты сейчас же не прекратишь свой жизнерадостный щебет, то получишь по уху, да так, что потом свои не узнают! — обозлилась матушка Ветровоск.

— Ты точно не простудишься? — заботливо спросила нянюшка Ягг.

— Я сохну,— ответила матушка Ветровоск.— Изнутри.

— Послушайте, мне и впрямь очень жаль, что так все вышло,— взмолилась Маграт.— Я же уже попросила прощения.

Впрочем, особой вины Маграт за собой не чувствовала. А что? Лодка была не ее идеей. И не она устроила на их пути водопад. Да и вообще, она сидела на веслах и не видела, что там впереди творится. Ну да, она превратила лодку в тыкву, но ведь не нарочно же! Такое с кем угодно может случиться.

— А еще я спасла тетради Жалки,— похвасталась Маграт.

— Вот это настоящая удача,— сказала нянюшка Ягг.— Теперь мы точно будем знать, где заблудились.

Она огляделась. Самые страшные горы остались позади, но вокруг еще высились вершины, по склонам которых тянулись высокогорные луга. Откуда-то издалека донеслось позвякивание козьего колокольчика.

Маграт расправила карту. Карта вся помялась, промокла, а карандашные пометки расплылись. Она опасливо ткнула пальцем в грязное пятно.

— По-моему, мы здесь,— заявила она.

— Вот это да,— покачала головой нянюшка Ягг, представления которой об основах картографии были еще более смутными, чем познания в этом вопросе матушки Ветровоск.— Просто удивительно, и как это мы все умещаемся на таком маленьком клочке бумаги!

— Наверное, лучше всего сейчас просто продолжать двигаться по течению,— сказала Маграт.— Но только ни в коем случае не по воде,— поспешно добавила она.

— А мою сумку ты, видать, не нашла,— хмуро заметила матушка Ветровоск.— Вообще-то, у меня там были кое-какие личные вещи.

— Небось, камнем ко дну пошла,— хмыкнула нянюшка Ягг.

Матушка Ветровоск поднялась, словно генерал, узнавший, что его армия опоздала к сражению.

— Ну,— сказала она.— Пора в путь. Хватит рассиживаться.

Внизу простирался лес — темный и ужасно хвойный. Ведьмы летели над ним в полном молчании. Изредка им попадались одинокие домики, полускрытые деревьями. То тут, то там посреди лесного моря торчала скала, даже в полдень затянутая туманной дымкой. Раз или два они пролетали мимо замков — если только их можно было так назвать. Замки выглядели скорее частью скальной породы, нежели зданиями, возведенными человеческими руками.

К такому ландшафту непременно должна была прилагаться своя особая сказка, в которой присутствовали бы волки, чеснок и перепуганные женщины. Темная и вечно жаждущая сказка, сказка, хлопающая крыльями на фоне луны...

— Доннерветтер, — пробормотала нянюшка Ягг.

— А что это? — спросила Маграт.

— Это по-заграничному летучая мышь.

— Они такие симпатичные, — сказала Маграт. — В основном.

Ведьмы вдруг обнаружили, что летят чуть ли не вплотную друг к дружке.

— Я чегой-то уже проголодалась, — заметила матушка Ветровоск. — И смотрите, не вздумайте при мне поминать тыкву.

— У нас еще есть гномьи пироги, — вспомнила нянюшка Ягг.

— Гномьи пироги штука вечная, — ответила матушка. — А хотелось бы чего-нибудь, приготовленного в *этом* году, хотя все равно спасибо.

Они пролетели над еще одним замком, занимающим всю вершину скалы.

— Что нам нужно, так это какой-нибудь маленький симпатичный городок или вроде того,— сказала Маграт.

— По-моему, вон тот, что внизу, вполне сгодится,— ткнула пальцем матушка Ветровоск.

Они присмотрелись к городку повнимательнее. Это был не то чтобы городок, а скорее горстка домов, тесно сбившихся в кучу среди деревьев. Выглядел он безрадостно, как пустой очаг, но тени от гор уже набегали на лес, а окружающая местность не больно-то располагала к ночным полетам.

— Что-то людей там не особо много наблюдается,— заметила матушка.

— Наверное, в здешних краях принято ложиться пораньше,— предположила нянюшка Ягг.

— Да еще и солнце-то не село,— сказала Маграт.— А может, полетим прямо к тому замку?

Они дружно повернули головы в сторону замка.

— Ну уж не-е-ет,— медленно протянула матушка Ветровоск, выражая общее мнение.— Я предпочитаю быть ближе к народу.

Поэтому, вместо того чтобы лететь к замку, они совершили посадку в месте, по-видимому служившем центральной городской площадью. Где-то за домами тявкнула собака. С шумом захлопнулись ставни.

— Очень гостеприимно,— хмыкнула матушка.

Она подошла к дому повыше, над большой дверью которого красовалась какая-то вывеска. Правда, разобрать, что на ней написано, не удалось, такая она была грязная. Матушка постучала.

— Открывайте! — велела она.

— Нет, нет, надо не так,— сказала Маграт. Она протиснулась к двери и легонько побарабанила

по ней кончиками пальцев.— Прощу прощения! Мы, бонжур, путешественники!

— Абажур что? — спросила нянюшка.

— Так полагается говорить,— пояснила Маграт.— Бонжур-путешественников должны пускать в любую гостиницу и оказывать им полный сервис.

— Неужто? — удивилась нянюшка Ягг.— Понятия не имею, что такое сервис, но, когда тебе что-то оказывают, это всегда хорошо. Да, такую штуку полезно запомнить.

Однако дверь по-прежнему оставалась закрытой.

— Дай-ка я попробую,— вызвалась нянюшка.— Я тоже чуть-чуть умею по-заграничному.

Она забарабанила по двери кулаками.

— Открыве муа, так вас раззтак, сей минут, быстро-быстро! — заорала она.

Матушка Ветровоск внимательно выслушала всю ее тираду.

— Это что, и есть по-заграничному, да?

— Мой Шейнчик, он же моряк,— пояснила нянюшка Ягг.— Просто не поверишь, каких он слов понахватался в разных заграницах.

— Можно себе представить,— сказала матушка.— Только ему они, видать, больше помогают.

Она снова гроыхнула по двери. На сей раз дверь приоткрылась, причем очень медленно. Из-за нее выглянуло бледное лицо.

— Прощу прощения...— начала Маграт.

Матушка толкнула дверь рукой. Владелец лица явно налегал на створку всем телом, поскольку они хорошо расслышали, как заскребли по полу его поехавшие вместе с дверью сапоги.

— Мир дому сему,— небрежно бросила матушка.

С этих слов ведьмы обычно начинают все свои знакомства. Крайне удачная фраза — она сразу заставляет людей задуматься, а что *еще* эта женщина может пожелать сему дому. Мгновенно вспоминаются свежие пироги, только что испеченный хлеб или кучи почти не надеванной старой одежды — впрочем, неудивительно: такие мелочи, о них ведь легко забыть...

Но, похоже, *что-то еще* уже свалилось на этот дом, решив не дожидаться появления здесь трех ведьм.

В здании действительно располагалось нечто вроде гостиницы. Три ведьмы в жизни не видавали столь унылого заведения. Однако народу внутри оказалось довольно много. Когда они вошли, на них мрачно уставились не меньше дюжины бледных людей, сидящих на скамейках вдоль стен.

Нянюшка Ягг принюхалась.

— Вот те на! — воскликнула она. — Помяни чеснок, и он тут как тут! — В самом деле, с потолочных балок свисало множество связок чеснока. — Я лично всегда считала, что чеснока никогда не бывает много. По-моему, мне здесь понравится.

Она приветственно кивнула стоящему за стойкой бледному мужчине.

— Гутен день, майне добрый хер! Труа пивас фюр нас, мерси в боку.

— А он не обидится, что ты его так, хером? — беспокойно спросила матушка Ветровоск.

— Это по-заграничному господин,— пояснила нянюшка Ягг.

— А вот мне сдается, что все-то ты выдумываешь,— фыркнула матушка.

Хозяин заведения, всегда работавший по очень простому принципу и считавший, что любой, кто вошел в дверь, хочет чего-нибудь выпить, налил три кружки пива.

— Ага, видишь! — торжествующе возвестила нянюшка.

— Не нравится мне, как тут на нас смотрят,— тревожно промолвила Маграт, пока нянюшка что-то втолковывала крайне изумленному трактирщику на собственного приготовления эсперанто.— А вон тот вообще мне *улыбнулся*.

Матушка Ветровоск присела на скамью, но так, чтобы как можно меньший участок ее тела соприкасался с деревом,— видимо, на тот случай, если заграница окажется чем-то вроде заразной болезни, которую можно легко подцепить.

— Вот,— сказала нянюшка Ягт, подходя к ним с подносом,— все очень просто. Главное — громко и четко произносить слова, и тебя обязательно поймут.

— Выглядит кошмарно,— призналась матушка Ветровоск.

— Чесночная колбаса и чесночный хлеб,— ответила нянюшка.— Мои любимые.

— Нужно было взять каких-нибудь овощей,— произнесла Маграт, крайне трепетно относившаяся к вопросам питания.

— А я и взяла. Вот же чеснок лежит,— радостно сообщила нянюшка, отрезая себе солидный шмат колбасы, от запаха которой слезы выступали на глазах.— И сдается мне, на одной полке я видела что-то вроде маринованного лука.

— Правда? Тогда на ночь нам потребуется не меньше двух комнат, — сурово заметила матушка.

— Три, — поспешно сказала Маграт.

Она исподволь еще раз оглядела помещение. Молчаливые посетители по-прежнему пожирали их взглядами, в которых сквозила некая выжидающая печаль. Впрочем, любой человек, прошедший в обществе матушки Ветровоск и нянюшки Ягг достаточно долгое время, постепенно привыкал к тому, что на него все пялятся, поскольку обе старые ведьмы были из тех людей, которые любое пространство заполняют до краев. И возможно, обитателям здешних мест с их густыми лесами окрест и всем прочим нечасто доводилось встречать незнакомых людей. Вид нянюшки Ягг, с аппетитом уминающей колбасу, мог вполне конкурировать даже с теми фокусами, которые она умудрялась проделывать с маринованным луком.

И все же... как-то они не так смотрели...

Откуда-то снаружи из леса донесся волчий вой.

Посетители все как один тут же вздрогнули, да так дружно, будто долго репетировали. Хозяин что-то пробурчал. Все нехотя повставали и покинули заведение, стараясь держаться кучкой. Как-кая-то старушка на мгновение положила руку на плечико Маграт, печально покачала головой и поспешила за остальными. Но Маграт и к этому привыкла. Люди, видя ее в компании матушки Ветровоск, частенько жалели бедняжку.

Наконец к ним подошел сам хозяин с зажженным факелом и жестом пригласил следовать за собой.

— А как ты растолковала ему насчет ночлега? — спросила Маграт.

— Ну, это просто: «Эй ты, хер, шибко-шибко, софа, три номер, мыль пардон»,— ответила нянюшка Ягг.

Матушка Ветровоск попробовала повторить то же самое себе под нос и кивнула.

— Этот твой парнишка, Шейн, и впрямь повидал свет. Что верно, то верно,— заметила она.

— Он говорит, эти слова все понимают,— кивнула нянюшка Ягг.

Когда они по длинной винтовой скрипучей лестнице поднялись на второй этаж, выяснилось, что комнат только две. И одну из них заняла Маграт. Даже хозяин гостиницы вроде бы согласился с ее доводами. Он вообще был крайне предупредителен.

Жалко только, он решительно не пожелал оставлять открытыми ставни. Маграт любила спать с открытым окном. А так в комнате было слишком темно, да и душновато к тому же.

«То, что я заняла отдельную комнату, даже справедливо,— подумала Маграт.— Это ведь я фея-крестная. А остальные просто меня сопровождают».

Она грустно погляделась в небольшое, висящее на стене, потрескавшееся зеркальце, покрутилась перед ним, а потом улеглась в постель и стала прислушиваться к происходящему за тоненькой, как бумажка, стенкой.

— Эсме, ты зачем поворачиваешь зеркало лицом к стенке?

— Да не люблю я, когда эти зеркала на меня пялятся.

— Но ведь они на тебя пялятся только тогда, когда ты сама в них пялишься.

На некоторое время воцарилась тишина, а потом:

— Слушай-ка, а этот кругляш тут зачем?

— Видать, подушка такая.

— Ха! Лично я нипочем бы это подушкой не назвала. Даже одеяла нормальные, и те придумать не смогли в этих ваших заграницах. Вот ты все знаешь. Как эта штука называется?

— Кажется, Эсме, по-ихнему, это дюве.

— Вот дурни. Они что, пледа никогда не видели? Типичный ведь плед. Сами они дюве.

Опять молчание. Затем:

— А ты зубы почистила?

И снова пауза. После чего:

— Ой, ну и холодные у тебя ножищи, Эсме!

— Ничего подобного. Они красивые и удобные.

Тишина еще раз пытается воцариться. Но:

— Сапоги! Это же твои сапоги! Ты залезла в кровать прямо в сапогах!

— Просто не доверю я этим чужеземцам, Гита Ягг. Пусть лучше мои сапоги будут на мне.

— И одежда! Ты даже не разделась!

— В заграницах осторожность никогда не помещает. Здесь такие разные шастают, что ой-ой-ой!

Маграт свернулась калачиком под — как его там? — дюве и снова прислушалась. Похоже, матушке Ветровоск сна требовалось не больше часа, в то время как нянюшка Ягг могла храпеть хоть на заборе.

— Гита! Гита! ГИТА!

— Ну шо?

— Ты спишь?

— Вроде того...

— Никак звук какой!

— ...Угу...

Маграт ненадолго задремала.

— Гита! ГИТА!

— ...Ну шо еще?..

— Кто-то поскребся в ставни!

— ...Да кому мы нужны... Спи давай...

Воздух в комнате с каждой минутой становился все более спертым. Маграт встала, отперла ставни и широко распахнула их.

Послышалось недовольное ворчание, и что-то с громким стуком ударилось о землю вниз.

В окно светила полная луна. Так-то лучше. Маграт довольно вернулась в постель.

Ей показалось, что она не проспала и минуты, как ее снова разбудили голоса из соседней комнаты.

— Гита Ягг, ты что там делаешь?!

— Перекусываю.

— Не спится, что ль?

— Ага. Сна что-то ни в одном глазу, — ответила нянюшка Ягг. — Сама не знаю, и с чего бы это?

— Эй, да ты ж чесночную колбасу жрешь! Думаешь, я стану спать рядом с человеком, который наелся чесночной колбасы?

— Слушай, это моя колбаса! А ну отдай...

Ночную тишину разорвал громкий топот обутой в сапоги ног, а потом в соседней комнате распахнулись ставни, шумно ударившись о стену.

Маграт почудилось, что она услышала еле слышное «уф-ф» и какой-то приглушенный стук под окнами.

— По-моему, ты раньше любила чеснок, — слышался возмущенный голос нянюшки Ягг.

— Колбаса хороша на своем месте, но место ее никак не в постели. И ни слова больше. Ну-ка повернись, а то все одеяло на себя стянула.

Некоторое время спустя бархатное молчание было нарушено глубоким, звучным храпом матушки Ветровоск. Вскоре к нему присоединилось более изысканное похрапывание нянюшки Ягг, которой куда чаще доводилось спать рядом с другими людьми и которая вследствие этого выработала более приспособленный к присутствию посторонних носовой оркестр. Храпом же матушки можно было валить деревья в лесу.

Маграт накрыла голову ужасной круглой твердокаменной подушкой и зарылась под дюве.

Где-то там, внизу, барахтаясь на мерзлой земле, очень большая летучая мышь пыталась снова взлететь. За эту ночь она была оглоушена уже дважды: один раз створками беззаботно распахнутых ставней, а второй — баллистической чесночной колбасиной. Поэтому сейчас ей было не по себе. Последняя попытка, думала она, и назад, в замок. Да и времени почти не осталось: вот-вот рассветет.

Мышь посмотрела на открытое окно в комнате Маграт, и ее красные глазки хищно сверкнули. Она поднатужилась...

Но тут на ее спинку опустилась чья-то лапа.

Мышь оглянулась.

Ночь у Грибо не задалась. Он обшарил все окрестности на предмет кошачьего женского пола,

но ни одной кошки не обнаружил. Тогда он ползал по помойкам и тоже остался несолоно хлебавши. Такое впечатление, люди в этом городке вообще не выбрасывали мусор. Они его ели.

Потом Грибо потрусил в лес, разыскал там несколько волков, уселся напротив и улыбался им до тех пор, пока они не трусили и не убежали.

Да, на события ночь была небогатой. Пока.

Летучая мышь, прижатая его лапой, громко заверещала. Крохотному кошачьему мозгу Грибо показалось, что она пытается изменить форму, но он не собирался терпеть подобного безобразия от какой-то там мыши, пусть даже нацепившей крылья.

Особенно теперь, когда он наконец нашел с кем поиграть.

Орлея была сказочным городом. Люди здесь день-деньской улыбались и веселились. Особенно если хотели прожить еще один день-деньской.

Лилит об этом позаботилась. Возможно, кое-кто считал, что те дни, когда городом правил старый барон, были куда счастливее нынешних. Но то было беспорядочное, неаккуратное счастье — вот почему Лилит с легкостью добила своего.

Нет, так жить не дело. Картина была какой-то нецельной.

Когда-нибудь они будут ее благодарить.

Разумеется, без нескольких трудных случаев никогда не обходится. Иногда люди просто не знают, как себя вести. Ты ради них из кожи вон лезешь, как следует управляешь их городом, заботишься о том, чтобы их жизни были осмыслен-

ными и счастливыми каждый час каждого дня, и после всего этого они вдруг ополчаются на тебя — причем без какого-либо серьезного повода.

Вдоль стен зала для аудиенций стояли стражники. Здесь действительно шла аудиенция. На самом деле она никуда не шла — ее вели. И присутствовало на этой «аудиенции» довольно много людей. Лилит всегда говорила, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Грош примера заменяет фунт наказания.

К этому времени преступности в Орлее почти не стало. А тех преступников, что иногда встречались, вряд ли где-либо еще сочли бы преступниками. С такими вещами, как воровство, справиться было проще простого, и они едва ли требовали каких-то юридических процедур. Куда более важными Лилит считала преступления против исхода повествования. Эти людишки все делали как назло, будто ничего не понимали.

Лилит подносила зеркало к Жизни и обрубала все ее кусочки, которые не умещались в зеркале...

Дюк Орлейский безвольно развалился на троне, закинув одну ногу на подлокотник. Он все еще никак не мог привыкнуть к креслам.

— А этот чего натворил? — спросил он и зевнул.

Вот уж что-что, а рот разевать он умел.

Между двумя стражниками съежился сухонький старичок.

Всегда найдется кто-нибудь, желающий стать стражником, — даже в таких местах, как Орлея. Тем более что в придачу к должности выдают красивый модный мундир — голубые панталоны,

красный китель — и высокую черную шапку с кокардой.

— Но я... я *не умею* свистеть,— дрожащим голосом пробормотал старичок.— Я... я не знал, что это обязательно...

— Но ты же игрушечных дел мастер,— заметил дюк.— А игрушечных дел мастера целыми днями что-нибудь насвистывают и поют.

Он взглянул на Лилит. Та кивнула.

— Я не знаю ни одной... песни,— заикаясь, пролепетал игрушечных дел мастер.— Меня никогда не учили п-п-еть. Только делать игрушки. Я очень долго был подмастерьем. Целых семь лет, и только потом сам стал мастером. Ну там рубанок, молоток, но...

— А еще здесь говорится,— произнес дюк, правдоподобно делая вид, будто читает лежащий перед ним перечень обвинений,— что ты не рассказываешь детям сказок.

— Мне никогда ничего не говорили насчет... с-сказок,— оправдывался мастер.— Послушайте, я просто делаю игрушки. Игрушки. Больше я ничего не умею. Игрушки. Хорошие и-игрушки. Я всего лишь игрушечных дел м-мастер...

— Какой же из тебя игрушечных дел мастер, если ты не рассказываешь детям сказки? — подаваясь вперед, спросила Лилит.

Игрушечных дел мастер взглянул на ее закрытое вуалью лицо.

— Я просто ни одной не знаю,— пожал плечами он.

— Как? Не знаешь *ни одной* сказки?!

— Зато я могу р-рассказать им, как делать игрушки,— прошептал старичок.

Лилит откинулась на спинку кресла. Разглядеть выражение ее лица под вуалью было невозможно.

— Думаю, будет справедливо и правильно, — сказала она, — если Народная Стража сейчас отведет тебя туда, где ты наверняка научишься петь. А через некоторое время, возможно, и свистеть. Разве это не здорово?

Подземные казематы старого барона навели ужас. Лилит велела отремонтировать их и заново обставить. Множеством зеркал.

Когда аудиенция закончилась, одна из присутствовавших на ней женщин выскользнула наружу через дворцовую кухню. Стражники у боковой калитки даже не попытались задержать ее. Слишком уж важную роль сыграла эта женщина в их маленьких ограниченных жизнях.

— Здравствуйте, тетушка Приятка.

Она остановилась, полезла в корзинку и вытащила пару жареных куриных ножек.

— Попробуйте-ка мой новый ореховый соус, — сказала она. — Буду счастлива услышать ваше мнение, ребята.

Они с благодарностью взяли по ножке. Тетушку Приятку любили все. Она такое умела делать с курами, что птицы, наверное, почитали за великую честь очутиться на ее разделочной доске.

— А сейчас вот решила сходить купить кой-каких приправ, — сообщила она.

Стражники некоторое время смотрели, как тетушка Приятка, похожая на толстую целеустремленную стрелу, стремительно удаляется в направ-

лении городского рынка, расположенного на берегу реки. Затем принялись за куриные ножки.

Тетушка Приятка шествовала между рядами рыночных прилавков, причем изо всех сил старалась именно шествовать. Даже в Орлее встречались люди, готовые при первом же удобном случае доложить о тебе кому следует. *Особенно* в Орлее. Она была поварихой, а поварихе полагается шествовать. И тетушка Приятка всегда старалась оставаться толстой, ну а веселым нравом она, к счастью, обладала и так, от природы. Еще она тщательно следила за тем, чтобы руки у нее всегда были в муке. Если же она чувствовала на себе чей-нибудь подозрительный взгляд, то отпускала что-нибудь вроде: «Батюшки-светы!». И пока вроде бы все проходило удачно.

Она поискала взглядом нужную вывеску. И наконец нашла. Навес над прилавком, что был заставлен клетками с курами, гусями, индюками и прочей домашней птицей, поддерживал столб, и на столбе этом сидел черный петух. Значит, колдунья вуду на месте.

Стоило взгляду тетушки Приятки упасть на петуха, как тот тоже повернул голову и в ответ уставился на нее.

Чуть в стороне от остальных лотков расположилась небольшая палатка, ничем не отличающаяся от своих товарок. Перед ней на огне булькал котел. Возле котла высилась стопка мисок и лежал черпак, а рядом с ними стояла тарелочка, в которой поблескивали монеты. Монет было довольно много — за варево госпожи Гоголь люди платили столько, сколько считали нужным, и тарелочка едва вмещала все, что в нее кидали.

Густая жидкость в котле была неаппетитного бурого цвета. Тетушка Приятка налила в миску немного похлебки и стала ждать. Госпожа Гоголь обладала определенными талантами.

Через некоторое время из палатки донесся голос:

— Ну, тетушка Приятка, что новенького?

— Она упекла игрушечных дел мастера, — ответила тетушка Приятка, ни к кому конкретно не обращаясь. — А вчера посадили старого Деверо, хозяина гостиницы. За то, что он слишком худой и у него недостаточно красное лицо. Итого, за этот месяц уже четверо.

— Входи, тетушка Приятка.

В палатке было темно и душно. Здесь горел еще один очаг, над которым висел еще один котел. Госпожа Гоголь, склонившись над ним, помещивала содержимое. Жестом она указала госте на лежащие рядом мехи.

— Раздуй немного пламя, и посмотрим, что там к чему, — сказала она.

Тетушка Приятка повиновалась. Сама она волшебством не пользовалась, ну разве что подрумянить пирог или чтоб тесто поскорее поднялось, но волшебство других она уважала. Особенно волшебство таких людей, как госпожа Гоголь.

Угли раскалились добела. Густая жидкость в котле забурлила. Госпожа Гоголь вгляделась в пар.

— Госпожа Гоголь, а что ты делаешь? — тревожно спросила кухарка.

— Пытаюсь понять, что будет дальше, — ответила колдунья вуду. Ее голос стал гулким, как у медиума.

Тетушка Приятка, прищурившись, взгляделась в кипящее варево.

— Должно быть, кто-то будет есть креветочный суп? — наконец решила прийти на помощь она.

— Видишь этот кусочек гумбо? — спросила госпожа Гоголь. — И то, как наверх всплывают крабьи клешни?

— Уж на что на что, а на крабье мясо в супе ты никогда не скупилась, — поддержала ее госпожа Приятка.

— И видишь, в какой цвет окрашивают пузыри листья оку? А завихрения возле розовой луковицы заметила?

— Да! Да! Вижу! — воскликнула тетушка Приятка.

— А знаешь ли ты, что все это означает?

— Наверное, то, что суп получится просто отменный!

— Само собой, — добродушно согласилась госпожа Гоголь. — А еще это значит, что скоро появятся какие-то люди.

— Правда? И сколько?

Госпожа Гоголь зачерпнула ложкой немного кипящей похлебки и попробовала на вкус.

— Трое, — сообщила она и задумчиво облизала губы. — Все женщины.

Она снова зачерпнула ложку похлебки.

— Есть небольшой привкус, — поморщилась она. — С ними кот. По сассафрасу сразу ясно. — Она пожевала губами. — Серый. С одним глазом. — Она поковыряла кончиком языка в дупле. — С... левым.

У тетушки Приятки прямо челюсть отвалилась.

— Они найдут тебя раньше, чем меня, — продолжала госпожа Гоголь. — И ты должна привести их сюда.

Тетушка Приятка взглянула на мрачно улыбающуюся госпожу Гоголь, а потом снова уставилась на вареву в котле.

— И они направляются сюда только ради того, чтобы попробовать вот это? — спросила она.

— Конечно. — Госпожа Гоголь уселась на стул. — Ты ведь навещаешь девушку — ту, что живет в белом доме?

— Юная Золушка, — кивнула тетушка Приятка. — Разумеется. Когда могу. Но это случается только тогда, когда сестры отправляются во дворец. Малышка страшно боится их, госпожа Гоголь.

Она снова взглянула на котел, а потом опять перевела взгляд на госпожу Гоголь.

— Неужели ты и впрямь видишь?..

— По-моему, ты собиралась что-то мариновать? — осведомилась госпожа Гоголь.

— Ах да, да.

Тетушка Приятка попятилась было к выходу, но двигалась она крайне неохотно. А потом и вовсе остановилась. Тетушку Приятку, коли уж она остановилась, не так-то просто было сдвинуть с места против ее желания.

— Эта Лилит утверждает, что в своих зеркалах видит весь мир, — сказала она с легким осуждением в голосе.

Госпожа Гоголь покачала головой.

— В зеркалах человек видит лишь самого себя, — сказала она. — Зато в добром гумбо можно увидеть буквально *все*.

Тетушка Приятка кивнула. Хорошо известный факт. С этим не поспоришь.

Когда кухарка наконец вышла, госпожа Гоголь печально покачала головой. Колдунье вуду приходилось очень стараться, чтобы люди поверили, будто она знает про все на свете, но ей было немного стыдно делать перед честной женщиной вид, что она и в самом деле видит будущее в котле с какой-то там похлебкой. По правде говоря, в котле госпожи Гоголь можно было увидеть лишь то, что в ближайшем будущем вас ожидает неплохой обед.

В действительности, все вышеописанное она увидела в горшке с джамбалайей, которую приготовила накануне.

Волшебную палочку Маграт держала под подушкой. Юная ведьмочка то проваливалась в легкий сон, то снова просыпалась.

Разумеется, лучше, чем она, для палочки хозяйки не сыщешь. Иного мнения здесь быть не может. Иногда Маграт даже начинала сомневаться, что ее старшие товарки вообще имеют какое-то отношение к ведьмовству. В большинстве случаев они прекрасно обходились без него. Впрочем, оказываясь под одной крышей с матушкой Ветровоск, Маграт не позволяла себе столь рискованных размышлений.

Но взять, например, всякие снадобья. Маграт точно знала, что разбирается в лекарственных растениях гораздо лучше матушки Ветровоск и нянюшки Ягг. От тетушки Вемпер, домик которой она теперь занимала, ей по наследству досталось

несколько больших книг на эту тему, и она даже внесла в них кое-что от себя — так, для эксперимента. Маграт могла рассказать людям, как пользоваться чертовой скабиозой, причем излагала все так захватывающе, что слушатели тут же убегали, очевидно горя желанием поскорее поделиться этими изумительными сведениями с кем-нибудь еще. Она умела производить возгонку и двойную перегонку, умела делать многие другие вещи, которые требовали, к примеру, сидеть всю ночь до утра, наблюдая за цветом пламени под колбой. Она *работала* над этим.

Нянюшка же предпочитала пользоваться больных горячими припарками и всегда рекомендовала пациентам раз в день употреблять большой стакан их любимого напитка, полагая, что если уж человек все равно заболел, то почему бы ему не поболеть с удовольствием. (Маграт в отличие от нее решительно запрещала своим пациентам принимать спиртное, поскольку оно вредно влияет на печень, а если они не знали, насколько губительным оно может быть для их печени, Маграт не ленилась подробно поведать им об этом.)

Ну а матушка... та просто давала больному бутылочку подкрашенной воды и авторитетно заявляла, что скоро ему станет гораздо лучше.

И самое обидное, очень часто так оно и случилось.

Но где тут ведьмовство?

Зато с палочкой все решительным образом изменится. При наличии палочки можно гораздо эффективнее помогать людям. Волшебство для того и существует, чтобы людям жилось лучше.

Эту убежденность Маграт хранила в трепетном розовом будуаре своего сердца.

Она снова погрузилась в забытие.

И ей приснился странный сон. Впоследствии она никому о нем не рассказывала, поскольку... просто о таких вещах не рассказывают, и все тут.

Ей приснилось, что среди ночи она вдруг проснулась, разбуженная тишиной, и направилась к окну — подышать свежим воздухом. Но, проходя мимо зеркала, заметила в нем какое-то движение.

Лицо в зеркале не было ее лицом. Отражение весьма походило на матушку Ветровоск. Затем лицо улыбнулось ей — куда более милой и дружелюбной улыбкой, чем она когда-либо удостаивалась от матушки, — после чего исчезло, растворившись в туманной серебристой поверхности.

Маграт поспешила обратно в постель и проснулась уже только утром — от звуков духового оркестра, что было сил наяривавшего на улице. Люди что-то кричали и смеялись.

Быстро одевшись, Маграт выскочила в коридор и постучала в дверь комнаты пожилых ведьм. Ответа не последовало. Тогда она подергала за ручку.

После пары рывков из-за двери послышался грохот, как будто там упал стул, которым была приперта дверь от всяких насильников, грабителей и прочих ночных татей.

С одной стороны кровати из-под одеяла торчали сапоги матушки Ветровоск. Рядом с ними виднелись босые ступни нянюшки Ягг. От дружного храпа даже кувшин на умывальнике подпрыгивал — это было уже не торопливое похрюкива-

ние ненадолго прикорнувшего любителя, но размеренный, внушительный храп профессионала, собравшегося крепко проспать всю ночь.

Маграт постучала в подошву сапога матушки.

— Эй, просыпайтесь! В городе происходит что-то странное.

Пробуждение матушки Ветровоск представляло собой зрелище более чем впечатляющее, и мало кому доводилось его лицезреть.

Большинство людей, просыпаясь, непременно проходят сквозь поспешную паническую процедуру полусонной самопроверки: кто я, где я, кто он/она, Боже мой, а почему это я сплю в обнимку с полицейской каской, и вообще, *что вчера вечером было?*

А все это потому, что людей обуревают Сомнение. Именно оно является двигателем, позволяющим людям благополучно прожить жизнь. Это резиновая петля в авиамодели их души, и они все натягивают ее, натягивают — пока она в конце концов не лопнет. Раннее утро — самое наихудшее время, поскольку именно по утрам вас подкарауливает коротенькое мгновение паники: вдруг вы ночью куда-то улетели, а ваше место занял некто совершенно другой? С матушкой Ветровоск подобного никогда не случалось. Она прямо из глубокого сна мгновенно переходила в режим работы на всех шести цилиндрах. Ей незачем было искать себя, поскольку она всегда твердо знала, кто занимается поисками.

Матушка принюхалась.

— Что-то горит, — сказала она.

— Там костер разожгли, — кивнула Маграт.

Матушка снова принюхалась.

— Они жарят чеснок? — изумилась она.

— Ага. Только не могу себе представить зачем. А еще срывают со всех окон ставни, жгут их на площади и танцуют вокруг костра.

Матушка Ветровоск изо всех сил ткнула нянюшку Ягг локтем под ребра.

— Эй, а ну вставай!

— Чччшшт?

— Из-за ее храпа, — укоризненно сказала матушка, — я всю ночь глаз не сомкнула.

Нянюшка Ягг осторожно высунулась из-под одеяла.

— Даже для раннего утра еще слишком рано, так что ничего не может происходить, — заявила она.

— Вставай, вставай, — велела матушка. — Без твоих заграничных языков нам нипочем не справиться.

Замахав вверх-вниз руками, хозяин гостиницы принялся нарезать по площади круги. Затем указал на возвышающийся над лесом замок. Яростно впился зубами в собственное запястье. Упал на спину. После чего выжидающе посмотрел на нянюшку Ягг. Все это время позади него весело полыхал костер из сушеного чеснока, деревянных жердей и тяжелых оконных ставней.

— Нет, — чуть погодя заявила нянюшка. — Все равно не компренимаю, майн хер.

Хозяин встал, и отряхнул пыль со своих кожаных штанов.

— По-моему, он пытается показать, что кто-то умер, — встряла Маграт. — Кто-то в замке.

— В таком случае могу сказать, что все этому очень рады, — сурово промолвила матушка.

В свете нового дня деревня выглядела гораздо более симпатичной. Встречные радостно кивали ведьмам.

— Это, наверное, потому, что покойный — их хозяин, — предположила нянюшка Ягг. — Сдается мне, он был порядочным кровососом.

— А, ну тогда ладно. — Матушка потеряла руки и бросила одобрителный взгляд на вынесенный на улицу стол, щедро уставленный блюдами. — Кстати, еда стала значительно лучше. Передай-ка мне хлеб, Маграт.

— Все улыбаются нам и машут руками, — сказала Маграт. — И вы только взгляните на угощение!

— Этого и следовало ожидать, — ответила матушка с набитым ртом. — Мы провели у них всего одну ночь, а они уже начинают понимать, что хорошее отношение к ведьмам приносит *удачу*. Ну-ка, помогите снять крышку с этой банки меда.

Под столом сидел Грибо и умывался. Время от времени он рыгал.

Вампирам, конечно, удавалось воскресать, восставать из могил, из склепов, но из кошачьего желудка еще ни один из них не возвращался.

«Дарагой Джейсон и все в д. №21, № 34, №15, №87 и №61 но не в №18 до тех пор пака она не вирнет миску каторую точно зажилила хоть это и атрицает.

Вот мы и там где мы есть, пока все в парятке только о тыквах уже слышать не маг. Рисую тебе картинку где мы начивали прошлой ночью я пометила хрестиком нашу комнату там где нам отвели комнату. Пагода...»

— Что ты там делаешь, Гита? Нам пора.

Нянюшка Ягг подняла голову. Ее лоб все еще был сморщен от мук творчества.

— Я просто подумала, что пора черкнуть хоть что-нибудь нашему Джейсону. Ну, чтоб не беспокоился. Вот я и нарисовала на открытке это заведение, а майн хер потом передаст ее кому-нибудь, кто будет направляться в наши края. Кто знает, может, и дойдет.

«...Стаит Харошая».

Нянюшка Ягг погрызла кончик карандаша. Не в первый раз за историю вселенной человек, который обычно за словом в карман не лезет, вынужден был дожидаться вдохновения, оказавшись лицом к лицу с несколькими строчками на обратной стороне открытки.

«Ну вот пака и все, скоро напешу иишо МАМА. ПС Котик что-то Загрустил пахоже саскучился на Дому».

— Гита, ну скоро ты там? Маграт уже заводит мое помело.

«ППС. Матушка переидает всем Привет».

Нянюшка Ягг наконец удовлетворенно откинулась на спинку стула, как славно потрудившийся человек*.

Маграт добежала до края городской площади и остановилась передохнуть.

Поглазеть на женщину с ногами собралась целая толпа. Правда, все любопытствующие вели

* Вообще, нянюшка Ягг отправила домой своим близким множество открыток, однако все они пришли много после того, как вернулась сама нянюшка. Впрочем, удивляться тут нечему — дело самое обычное и случается во вселенной повсеместно.

себя крайне вежливо. Но от этого почему-то становилось только хуже.

— Она не взлетает, пока как следует не разбежишься, — объясняла всем Маграт, хотя и понимала, насколько глупо это звучит, особенно на заграничном языке. — Это называется заводить с разгона.

Она набрала в грудь побольше воздуха, сосредоточенно нахмурила брови и снова ринулась вперед.

На сей раз помело завелось. Оно дернулось у нее в руках. Прутья зашуршали. До того как аппарат успел поволочь ее по земле, Маграт ухитрилась переключить его на нейтралку. Помело у матушки Ветровоск было старомодным, сделанным еще в те дни, когда метлы делались надежно, так, чтобы их не пожрал жучок. Хоть его и нелегко было завести, но уж, заведясь, оно не желало ждать ни минуты.

Однажды Маграт хотела было растолковать матушке Ветровоск символическое значение помела, но потом решила, что лучше не стоит. Это было бы еще хуже, чем их спор по поводу предназначения майского дерева.

Отбытие заняло довольно долгое время. Местные жители все никак не хотели их отпускать без подарков и надавали им на дорогу кучу всякой провизии. На прощание нянюшка Ягг произнесла речь, которую никто не понял, но которая тем не менее была принята с большим энтузиазмом. Грибо, время от времени икая, занял свое исконное место среди прутьев нянюшкиной метлы.

Поднявшись над лесом, ведьмы увидели, что над замком поднимается тонкая струйка дыма. Потом стали видны языки пламени.

— Я вижу танцующих вокруг огня людей,— сказала Маграт.

— Опасное это дело — сдавать недвижимость в аренду,— покачала головой матушка Ветровоск.— Видать, он не слишком часто делал жильцам ремонт, чинил крыши и все такое прочее. Людям это не больно-то по нраву. Уж сколько живу в своем домике, а мой домовладелец ни разу ремонта не делал,— добавила она.— Стыд и позор. А ведь я как-никак пожилая женщина.

— А я думала, что этот домик вам и принадлежит,— удивилась Маграт, когда они пролетали над лесом.

— Просто она уже лет шестьдесят не платит за проживание,— сказала нянюшка Ягг.

— Разве ж то моя вина? — обозлилась матушка Ветровоск.— Вот уж никак не моя. Я бы заплатила со всем моим удовольствием.— Ее губы медленно растянулись в самодовольной улыбке.— Ему всего-то и надо, что *попросить*,— добавила она.

Это Плоский мир, вид сверху. Над поверхностью Диска медленно плывут по кругу облака.

Из слоя облаков вынырнули три точки.

— Теперь понятно, почему путешествия никак не войдут в моду. Скука смертная. Уже сколько часов летим, а внизу все лес да лес.

— Верно, матушка, но, когда летишь, попадаешь куда нужно гораздо быстрее.

— Кстати, а сколько мы уже летим?

— С тех пор как ты в последний раз об этом спрашивала, Эсме, прошло минут десять.

— Вот видишь? *Скучно.*

— Что мне больше всего не нравится, так это сидеть на метле. Почему не делают специальные метлы дальнего следования, а? Такие, чтоб на них можно было прилечь, вздремнуть...

Эта мысль заставила ведьм призадуматься.

— И перекусить,— добавила нянюшка.— То есть как следует поесть. Первое и второе. А не просто там бутерброды всякие и прочую дребедень.

Некоторое время назад был поставлен эксперимент по воздушному приготовлению обеда на примусе, однако его пришлось срочно прекратить, поскольку нянюшкина метла чуть не сгорела.

— Наверное, это было бы возможно, если бы помело было действительно большим,— сказала Маграт.— Размером где-нибудь с дерево. Тогда одна из нас могла бы рулить, а другая в это время готовить.

— Ничего не получится,— возразила нянюшка Ягт.— За такое здоровенное помело гномы обдерут тебя как липку.

— Да, но на нем,— продолжала Маграт, все больше распаляясь,— можно будет возить народ и брать за это деньги. Наверняка полно людей, которым надоели все эти разбойники с большой дороги и... и морская болезнь, и все такое прочее.

— Ты что думаешь, Эсме? — спросила нянюшка Ягт.— Я буду рулить, а Маграт — готовить.

— А я что буду делать? — подозрительно осведомилась матушка Ветровоск.

— О... ну... например, должен же кто-то приветствовать пассажиров, сажающихся на помело, и разносить им всякие там коробочки с завтраками,— сказала Маграт.— И объяснять им, как себя вести, если вдруг чары откажут.

— Если уж чары откажут, то все грохнутся на землю и расшибутся в лепешку — тут веди себя, не веди...— заметила матушка.

— Да, но ведь кто-то все равно должен рассказать им, каков тут порядок,— ответила нянюшка Ягг, хитро подмигивая Маграт.— Коли они доселе никогда не летали, то не будут и знать, как правильно расшибаться. А называться мы будем...

Нянюшка на мгновение смолкла. Плоский мир находится на самом краю нереальности, но крошечные частички реальности иногда залетают даже туда и попадают в голову тем, кто резонирует с ними в унисон. Что сейчас и произошло.

— ...«Ведьмофлот»,— сказала она.— Как вам, а?

— Или «Люфтпомеланза»,— продолжала Маграт.— «Пан-ведьм»...

— Вы еще богов сюда приплетите,— фыркнула матушка.

— А эмблемой можно сделать моего котика,— нянюшка ласково погладила расположившегося сзади нее Грибо.— «Даже коты летают»...

В это мгновение порыв ветра подхватил все три помела и закружил их в воздушном водовороте. Ведьм охватила была паника, но вскоре они справились с управлением.

— Чушь все это собачья,— буркнула матушка.

— Зато помогает скоротать время,— усмехнулась нянюшка Ягг.

Матушка угрюмо взглянула на простирающуюся внизу зелень.

— Людей на такое помело калачом не заманишь, — сказала она. — Чужь собачья.

«Дарагой Джейсон и астальные,

К абаротной старане моево письма прилагаеца рисунок аднаво места где помер и пахаронен какой-то король, уж ни знаю пачиму. Это в адном гаратке где мы астанавились на начлек. Пакушали ихней еды вкусно даже не паверишь што это улитки, очень неплохо и Эсме три раза прасила дабавку пака все ни узнала тагда она накричала на повара а Маграт всю ноч потом была плоха при адной мысли и мучилась паносом. Думаю о вас ваша любящая МАМА. ПС удобства здесь проста УЖАСНЫИ они у них пряма ВДОМИ вот вам и ГИ-ГИЕНА!»

Прошло несколько дней.

В тихой маленькой гостиничке в одной крохотной стране матушка Ветровоск сидела за столом и с глубоким подозрением рассматривала стоящее перед ней блюдо. Хозяин порхал вокруг с отчаянным выражением человека, который явно подозревает, что ничего хорошего от нынешних гостей ждать не следует.

— Добрая нехитрая домашняя еда, — сказала матушка. — Вот и все, что мне надо. Вы меня знаете. Я не из привередливых. Хоть кого спросите, любой скажет, что я не из привередливых. Просто хочу обычной пищи. Чтоб там поменьше жиру и всего такого. А то, бывалоча, жалуешься, что

в салате что-то не то, а потом оказывается, нет, это как раз то, что ты и заказывала.

Нянюшка Ягг заткнула салфетку за ворот платья и ничего не ответила.

— Взять, к примеру, ту забегаловку, где мы вчера останавливались, — продолжала матушка Ветровоск. — Если подумать, ну что такого особенного может случиться с сэндвичами, верно? То есть я имею в виду... с обычными сэндвичами. Во всем свете, казалось бы, нет еды проще. Так нет ведь, эти чужеземцы даже сэндвичи криво готовят. Ха!

— Они называют их не сэндвичами, матушка, — сообщила Маграт, не сводя глаз со сковородки хозяина. — Они называют их... кажется, они называют их будебородами.

— А по-моему, все было очень вкусно, — сказала нянюшка Ягг. — Особенно мне селедка соленья понравилась.

— Зато они, похоже, решили, будто мы и не заметим, что верхнего куска хлеба-то не хватает! — торжествующе воскликнула матушка. — Ну я уж им высказала все как на духу! В следующий раз сто раз подумают, прежде чем лишать честных людей куска хлеба, который принадлежит им по праву!

— Это точно, — мрачно сказала Маграт.

— Терпеть не могу, когда порядочной еде дают всякие там дурацкие названия и людям даже не понять, что они едят, — фыркнула матушка, твердо решившая до конца изоблчить недостатки чужеземной кухни. — Человек должен есть то, что знает. Название должно быть простым. «Биг Смак» или... или...

— «Фиг с Маслом», — рассеянно помогла нянюшка.

Она с нетерпением наблюдала за созреванием булочек.

— Вот именно. Достойная, честная пища. А взять то, что мы ели на обед? Ничего не скажу, вкусно, — милостиво согласилась матушка. — Разумеется, в заграничном смысле этого слова. Так они ж называли это «куйссес де гренноль», а кому ведомо, что сие означает?

— Лягушачьи лапки, — не подумав, перевела нянюшка.

Тишину заполнило необычайно потяжелевшее дыхание матушки. Лицо Маграт стремительно залила зеленоватая бледность. Ситуация была критической — давно уже нянюшке Ягг не приходилось так быстро соображать.

— Конечно, это были *не настоящие* лягушачьи лапки, — поспешно исправилась она. — Ну, это вроде как «ежики» — там же не настоящие ежи, а на самом деле мясной фарш и хлеб. Просто название такое смешное.

— Не вижу ничего смешного, — заявила матушка.

Она повернула голову и посмотрела на булочки.

— По крайней мере, булочки им вряд ли удастся испоганить, — сказала она. — Как они, кстати, в здешних местах называются-то?

— Куроссаны вроде бы, — ответила нянюшка.

От комментариев матушка воздержалась. С мрачным удовлетворением она принялась наблюдать за хозяином гостиницы. Тот наконец довел булочки до ума и наградил матушку Ветровоск доброжелательной улыбкой.

— Ага, сейчас, жди, будем мы их есть! — хмыкнула она. — Они у него там бухнут, одни боги знают, что там внутри понапихано, а он еще надеется, что мы будем их есть!

Возможно, со временем при помощи какого-нибудь там демографического исследования и станет возможным нанести на карту маршрут путешествия ведьм через континент. Спустя много лет в каких-нибудь тихих, увешанных связками лука кухнях, в сонных деревушках, притулившихся среди нагретых солнцем холмов, вам, возможно, удастся отыскать таких поваров, которые *не станут* вздрагивать при вашем виде и не будут прятаться за дверью всякий раз, когда в их кухни попытается войти какой-нибудь незнакомец.

«Дарагой Джейсон,

Сдесь априделенна типлей, Маграт гаварит што эта патаму што удаляемся ат Пуна и што забавна, деньги тута абсалютна другие. Нада минять наши деньги на другие деньги каторые все разные и памоиму какие-то не правильные. Абычна мы давиряим их минять Эсме, она всигда миняит их на удивление дорого, Маграт гаварит што напишит книгу пад названием «Как Путишествовать на Доллар в День» причем на один и тот же доллар. Эсме начинаит вести себя как эти самые чужесранцы, вчира она снила шаль, а скоро наверна начнет атплясывать на столах. Эта рисунок знаминитава маста, а можит и не знаминитава вовсе. С любовью, МАМА».

Солнце заливало жаркими лучами мощную улицу. Особенно тяжело приходилось уютному дворику небольшой гостиницы.

— Даже трудно представить,— сказала Маграт,— что дома у нас осень.

— Свиньор! Ун бутылъ де вино, мыль патрон!

Не понявший ни слова хозяин гостиницы был по натуре добродушным человеком, совершенно не заслуживавшим того, чтобы его обзывали свиньором. И тем не менее он одарил нянюшку радушной улыбкой. Он готов был улыбаться всякому, кто обладает способностью *столько* выпить.

— Не нравится мне, что они вытаскивают столы на улицу. Не одобряю я этого,— сказала матушка Ветровоск, хотя и без особой горячности.

День был теплым и приятным. Не то чтобы она не любила осень — она всегда с нетерпением ждала наступления этого времени года,— однако в ее преклонные годы всегда приятно узнать, что осень таки наступила, но где-то за сотню миль от тебя.

Под столом, развалившись на спине и задрав лапы кверху, дремал Грибо. Время от времени он дергался, сражаясь во сне с волками.

— В записках Жалки говорится,— произнесла Маграт, осторожно листая заскорузлые страницы,— что на исходе лета здесь устраивают особую традиционную церемонию, во время которой через весь город проносится стадо быков.

— Пожалуй, стоит взглянуть,— кивнула матушка Ветровоск.— А зачем они это делают?

— Затем, чтобы молодые люди могли вдоволь погоняться за быками и показать, какие они храб-

рецы,— объяснила Маграт.— И чего-то они у этих быков отрываю.

По морщинистому лицу нянюшки Ягг пробежала целая гамма разнообразных выражений, словно тени от облаков пронесли над вулканической равниной.

— Звучит довольно странно,— наконец сказала она.— А зачем они им?

— В подробности она не вдается,— ответила Маграт. Ведьмочка перевернула страницу и, молча шевеля губами, продолжила чтение.— Что такое «кохонес»?

Ведьмы лишь пожали плечами.

— Ты на выпивку не налегай,— сказала матушка, когда официант поставил перед нянюшкой Ягг очередную бутылку.— Я бы на твоём месте не больно-то доверяла всякому зеленому пойлу.

— Да никакая это и не выпивка,— возразила нянюшка.— На этикетке говорится, что она сделана из трав. А из одних трав порядочного пойла не сделаешь. Попробуй капельку.

Матушка поднесла открытую бутылку к носу.

— Пахнет вроде анисовым семенем,— сообщила она.

— На бутылке написано «Абсент»,— сказала нянюшка.

— О, это просто у них так полынь называется,— заявила Маграт, здорово разбиравшаяся во всяких травах.— В моем травнике говорится, что она хорошо помогает от расстройства желудка и избавляет от тошноты.

— Ну вот, а я что говорила? — обрадовалась нянюшка.— Травки. Это практически лекарство.— Она налила своим товаркам по изрядной пор-

ции.— Прими-ка, Маграт. Знаешь, как грудь греет, а тебе это не повредит, вон какая тощая.

Матушка Ветровоск незаметно полускинула сапоги. А еще она прикидывала, как бы снять кофту. Двух будет вполне достаточно.

— Пожалуй, нам пора,— сказала она.

— Лично я по горло сыта метлами,— промолвила нянюшка.— Как посижу на помеле больше двух часов, так потом круп не разогнуть.

Она выжидающе взглянула на товарок.

— Круп — это по-заграничному задница,— добавила она.— Вообще забавно, что в некоторых заграницах зад как только не обзывают: где-то зад — это седалище, а в другом месте седалище — это мясистые лепестки лотоса. То-то смеху!

— Прям животики надорвешь,— мрачно отозвалась матушка.

— Река здесь довольно широкая,— заметила Маграт.— И я видела большие корабли. Ни разу не плавала на настоящем корабле. Представляет? Ну, на таком, который так легко не потонет...

— По-моему, метлы ведьмам как-то больше к лицу,— промолвила матушка, но без особой убежденности.

Столь обширным международным анатомическим словарем, как нянюшка Ягг, она не располагала, но те части ее тела, в знании названий которых она бы не призналась ни за что на свете, определенно нуждались в отдыхе.

— Видала я эти корабли,— сказала нянюшка.— Навроде больших таких здоровенных плотов, а на них дома. Даже и не заметишь, что плывешь на корабле, Эсме. Эй, что это он делает?

Хозяин гостиницы поспешно выбежал на улицу и принялся затаскивать столики внутрь. Он кивнул нянюшке Ягг и довольно настойчиво попытался ей что-то втолковать.

— Кажется, он хочет, чтобы мы перебрались внутрь, — догадалась Маграт.

— А мне и здесь хорошо, — пожала плечами матушка. — БЛАГОДАРСТВУЙТЕ, МНЕ И ЗДЕСЬ ХОРОШО, — повторила она медленно и громко.

— Эй, ты не вздумай и наш утащить! — рявкнула нянюшка, ударяя по столику кулаком.

Хозяин что-то быстро заговорил и указал рукой куда-то вдоль улицы.

Матушка Ветровоск и Маграт вопросительно взглянули на нянюшку Ягг. Та пожала плечами.

— Ничего не поняла, что он там бормочет! — признала она.

— БЛАГОДАРСТВУЙТЕ, МЫ ЗДЕСЬ ПОСИДИМ, — сказала матушка.

Несколько мгновений они с хозяином глядели друг на друга. Наконец он сдался, в отчаянии всплеснул руками и исчез в доме.

— Думают, если ты женщина, так тобой можно вертеть как хочешь, — возмутилась Маграт.

Она незаметно подавила отрыжку и снова взялась за зеленую бутылку. В груди в самом деле разгоралось тепло. «Может, хоть чуточку вырастет?» — с тайной надеждой подумала Маграт.

— Что верно, то верно. А знаете что? — спросила нянюшка Ягг. — Прошлой ночью я забаррикадировалась в комнате, так вот, ни один мужчина даже *не попробовал* ко мне ворваться.

— Ну, Гита Ягг, иногда ты... — тут матушка осеклась, увидев что-то за спиной нянюшки.

— По улице движется целое стадо *коров*, — возвестила она.

Нянюшка развернула свой стул.

— Должно быть, это те самые быки, о которых упоминала Маграт, — догадалась она. — Наверное, стоит посмотреть.

Маграт подняла глаза. Из всех окон вторых этажей высывались люди. Она увидела быстро приближающуюся массу рогов, копыт и распаленных туш.

— Эти людишки смеются *над нами*, — укоризненно сказала она.

Лежащий под столом Грибо пошевелился и перекатился на бок. Он открыл свой единственный глаз, сфокусировал взгляд на приближающихся быках и поднялся. Кажется, намечалась потеха.

— Смеются? — переспросила матушка и обвела взглядом улицу.

Торчащие в окнах люди, похоже, и впрямь веселились как могли.

У матушки сузились глаза.

— Так, ведем себя как ни в чем не бывало... — велела она.

— Но это довольно большие быки, — нервно констатировала Маграт.

— К *нам* это не имеет *никакого* отношения, — отрезала матушка. — *Нас* абсолютно не касается, над чем там потешаются какие-то чужеземцы. Ну-ка, передай мне это ваше травяное вино.

Насколько Лагро те Кабанае, хозяин гостиницы, помнил события того дня, они развивались примерно следующим образом.

Было как раз время Бычачьего Коса. А эти сумасшедшие бабы продолжали сидеть и глушить абсент так, будто это простая вода! Он попытался увести их в дом, но самая старая из них, худая как палка, взяла да наорала на него. Поэтому он плюнул и ушел, хотя и оставил дверь открытой — когда на улице появлялось стадо быков, за которыми неслась толпа городской молодежи, люди, как правило, начинали соображать быстрее. Тот из них, кто умудрялся схватить большую алую розетку, красующуюся между рогами самого огромного быка, становился почетным гостем общегородского праздника плюс — Лагро даже улыбнулся при воспоминании о событиях сорокалетней давности — получал право вступить в неформальные, но весьма приятные отношения с самыми красивыми девушками города, обычно продолжающиеся довольно долго и после этого...

А сумасшедшие бабы все продолжали сидеть...

Бык, бежавший первым, вдруг почувствовал себя как-то неуверенно. При нормальном развитии событий он должен был бы взречь и начать рыть землю копытами, чтобы потенциальные жертвы устрашились, растерялись и вприпрыжку побежали прочь, но сейчас он был совершенно сбит с толку полным отсутствием внимания с их стороны. Но и не это было главной проблемой — главной проблемой были двадцать несущихся за ним других быков.

Но даже это перестало быть его главной проблемой, поскольку ужасная старуха — та, что в черном, — встала, что-то пробормотав при этом, и что было сил гвозданула его между глаз. В то же мгновение другая ужасная старуха — та, что покоре-

настей и желудок которой был совершенно невосприимчив к спиртному и вместителен как бочка, — со смехом опрокинулась вместе со стулом на спину, а молодая — то есть та, что была помоложе двух остальных, — принялась махать на быков руками, будто это были не быки, а утки.

И тут улица заполнилась удивленными и разъяренными животными, а также множеством испуганно кричащих молодых людей. Одно дело — гнаться за стадом перепуганных быков, и совсем другое — вдруг обнаружить, что быки неожиданно пытаются развернуться и броситься в обратном направлении.

Хозяин гостиницы, пребывая в безопасности собственной спальни, слышал доносящиеся из окна крики, которыми обменивались эти ужасные иностранки. Приземистая все время смеялась и время от времени издавала что-то вроде боевого клича: «ТымкрикниЛошадиноесловоЭсме!» А потом та, что помоложе, которая проталкивалась сквозь стадо так, будто быть забоданной до смерти — это удел других людей, но никак не ее, добралась наконец до главного быка и сняла у него со лба розетку так же походя, как старушка вытаскивает занозу из лапы своего кота. А потом она недоуменно уставилась на внезапно доставшееся ей украшение — так, будто не знала, что это такое и что с ним делать...

Наступившая тишина подействовала даже на быков. Их крошечные, убогие, налитые кровью мозги почуяли что-то неладное. Быки растерялись.

К счастью, три ужасные женщины в тот же день отплыли на корабле — после того как одна из них спасла своего кота, который, загнав сто-

двадцатикилограммового быка в угол, упорно пытался подбросить его над головой и поиграть с ним.

В тот вечер Лагро те Кабана старался быть особенно, особенно добр к своей старухе-матери.

А в следующем году в городке устроили праздник цветов, и больше никто никогда даже не заикался о Бычащем Косе.

По крайней мере, в присутствии мужчин.

Огромное колесо шлепало лопастями по густому коричневому супу, который здесь назывался рекой. Движителем служили несколько дюжин троллей, которые тащились по бесконечной круговой дорожке под навесом. С деревьев на далеких берегах доносилось птичье пение. Над водой разливался аромат экзотических цветов, забивавший — но, к сожалению, не совсем — смрадный запах самой реки.

— Вот это, — сказала нянюшка Ягг, — совсем другое дело.

Удобно расположившись в шезлонге, она повернула голову и взглянула на матушку Ветровск, брови которой были сдвинуты в глубокой сосредоточенности. Матушка читала.

Губы нянюшки растянулись в недоброй улыбке.

— Знаешь, как называется эта река? — спросила она.

— Нет.

— Она называется Река Вье.

— И что?

— А знаешь, что это значит?

— Нет.

— Старый рек. Или, если точнее, Старая река мужского пола, — сказала нянюшка.

— Как это?

— В заграницах даже слова разнополые, — с надеждой сообщила нянюшка.

Но матушка даже глазом не повела.

— А чего еще от них ждать? — пробормотала она.

Нянюшка поникла.

— Это ведь одна из тетрадок Десидераты?

— Ага, — кивнула матушка.

Она культурно облизала палец и перелистнула страницу.

— А куда делась Маграт?

— Пошла прилечь в каюте, — не поднимая глаз, ответила матушка.

— Опять животом мучается?

— Нет, на сей раз головой. Помолчи, Гита, не видишь — читаю.

— Про что? — живо осведомилась нянюшка.

Матушка Ветровоск вздохнула и заложила пальцем недочитанную страницу.

— Про то место, куда мы направляемся, — пояснила она. — Про Орлею. Жалка Пуст пишет, что там царит декаданс.

Улыбка на лице нянюшки казалась приклеенной.

— Неужели? — сказала она. — Так это ведь хорошо, правда? Я еще никогда не бывала в большом городе.

Матушка Ветровоск молчала. Ее одолевали раздумья. Она не была уверена в значении слова «декаданс». Она не допускала и мысли, что речь идет о каком-нибудь там «десятичном танце», который

любят танцевать жители города. Но, как бы то ни было, Жалка Пуст сочла необходимым это слово употребить. Вообще-то, матушка Ветровоск не больно доверяла письменному слову как источнику информации, но сейчас у нее просто не было выбора.

Лично у нее слово «декаданс» ассоциировалось с чем-то таким, что делают за плотными, хорошо задернутыми шторами.

— А еще она пишет, что это город искусств, мудрости и культуры, — добавила матушка.

— Тогда нам ничто не грозит, — уверенно заметила нянюшка.

— И еще она пишет, что особенно он славится красотой своих женщин.

— Значит, все в порядке: мы придемся как раз ко двору.

Матушка аккуратно переворачивала страницы. Жалка уделяла большое внимание едва ли не всему, что происходило на Плоском мире. С другой стороны, она не рассчитывала, что ее тетради будет читать кто-нибудь, кроме нее, поэтому записи зачастую бывали загадочными и представляли собой скорее путевые заметки, нежели сколь-нибудь связное повествование.

«Сичас закулисной правительницей горада являится Л., — прочла матушка, — и гаворят, что барон С. был убит, утоплен в реке. Вабще-то, он был не очень хорошим челавеком, хотя, по-мойму, и не таким плохим, как Л., каторая утврждает, что хочет сделать Орлею Валшебным Каралевством, угалком Мира и Щастья, а на самом деле теперь здесь все только и делают, что ищут Шпионов на каждом углу и стараются диржать язык

за зубами. Кто же осмелится выступить против Зла, тваримого ва имя Мира и Щастья? Все Улитсы чисто убраны, а Топоры остро отточены. Но, по крайней мере, З. в бизапасности, пока у Л. есть насчет нее свои планы. А госпожа Г.— прежняя амур барона — скрывается на балотах и борится с Л. балотной магией, но бисполезно баротся с магией зеркал, которая вся — сплашное Атражение».

Матушка знала, что феи-крестные обычно ходят парами. Значит, речь идет о Жалке Пуст и... и Л. Но что тут за болотная женщина?

— Гита! — окликнула матушка.

— Шшшто? — встрепенулась задремавшая было нянюшка.

— Жалка пишет, что какая-то женщина там чей-то амур.

— Наверное, просто метамфора, — сказала нянюшка Ягг.

— А, — угрюмо отозвалась матушка, — понятненько! Ох уж мне эти метамфоры...

«Но никаму не астановить Марди Гра, — прокла дальше она. — Если што-нибудь и можно сделать, то скарее всего ва время Самеди Ньюи Морт, в последнюю ночь карнавала, ночь, лижащую на полпути между Жывыми и Мертвыми, кагда валшебство насыщает улицы. Если Л. вабще уязви-ма, то это самый подходящий момент, поскольку карнавал она ненавидит больше всиго на свете...»

Матушка надвинула шляпу на глаза, чтобы заштититься от слепящего солнца.

— Здесь говорится, что они каждый год устраивают большой карнавал, — сказала она. — Называется Марди Гра.

— Это означает Сытый Вторник,— пояснила нянюшка Ягг, известный международный лингвист, и повернула голову: — Эй, гаркон! Постскриптум гросс Мятн Тюльпан авек пти вазон де арахис и соль ву плюэ!

Матушка Ветровоск захлопнула книгу.

Она бы никогда и никому — а уж тем более другой ведьме — в этом не призналась, но чем ближе становилась Орлея, тем меньше оставалось уверенности в матушке Ветровоск.

В Орлее ждет ее *она*. И это после стольких лет! Она подглядывала за ней в зеркало! Улыбалась!

Солнце палило просто нещадно. Матушка пыталась не обращать на жару внимания, но все равно рано или поздно ей придется смириться с поражением — настанет время избавляться от очередной кофты.

Выпрямившись в шезлонге, нянюшка Ягг некоторое время гадала на картах на своих родственников, а потом зевнула. Она была ведьмой, которая предпочитала, чтобы вокруг всегда было шумно илюдно. И теперь нянюшку Ягг одолевала скука. Корабль оказался просто громадным, больше похожим на плавучую гостиницу, и она была уверена, что где-то здесь наверняка можно развлечься.

Нянюшка Ягг положила котомку на кресло и отправилась на поиски развлечений.

Тролли мерно вышагивали по своей дорожке.

Когда матушка проснулась, солнце уже покраснело, растолстело и висело теперь над самым горизонтом. Матушка виновато стрельнула глазами по сторонам — не заметил ли кто, что она заснула? Дремать средь бела дня — удел дряхлых старух,

а матушка Ветровоск становилась старухой лишь тогда, когда это ей было нужно.

Единственным свидетелем ее оплошности оказался Грибо, свернувшийся клубком в нянюшкином шезлонге. Его единственный глаз был устремлен на матушку, но кошачий взгляд был все же не так ужасен, как молочно-белый зырк слепого глаза.

— Просто обдумывала стратегию... — на всякий случай пробормотала матушка Ветровоск.

Закрыв книгу, матушка встала и отправилась к себе. Каюта была небольшой. На корабле встречались помещения куда просторнее, но, учитывая травяное вино и все прочее, у матушки просто не было сил, чтобы воспользоваться своим Влиянием и заполучить каюту поприличнее.

Маграт и нянюшка Ягг сидели на койке и угрюмо молчали.

— Что-то я проголодалась, — сказала матушка Ветровоск. — Пока шла сюда, унюхала запах жаркого — может, сходим да проверим, а? Как вы насчет этого?

Другие две ведьмы по-прежнему сидели, молча вперившись в пол.

— В любом случае, у нас всегда остаются тыквы, — наконец откликнулась Маграт. — Да и гномьи пироги остались.

— Гномьи пироги, они всегда есть, — машинально повторила нянюшка Ягг и подняла голову.

Лицо ее представляло собой настоящую маску стыда.

— Э-э-э... Эсме... Э-э... Понимаешь ли, деньги...

— Деньги, которые мы отдали тебе, чтобы ты для надежности хранила их в своих панталонах? — уточнила матушка.

Судя по тому, как развивался разговор, этот обмен репликами был навроде первых нескольких камешков, предвещающих большую лавину.

— Э-э-э... Ну да, я говорю именно об этих деньгах... Э-э-э...

— О деньгах, которые лежали в большом кожаном кошельке и которые мы собирались тратить крайне осмотрительно? — спросила матушка.

— Понимаешь ли... Деньги...

— Ах деньги! — воскликнула матушка.

— ...Их больше нет... — прошептала нянюшка.

— Их украли?

— Она *играла в азартные игры*, — с затаенным ужасом в голосе пояснила Маграт. — Причем с *мужчинами*.

— Да какой там азарт! — огрызнулась нянюшка Ягг. — Я вообще не азартный игрок! Да и картежники они никудышные! Я, можно сказать, без конца выигрывала!

— Однако деньги все ж *проиграла*, — заметила матушка Ветровоск.

Нянюшка Ягг снова потупилась и что-то невнятно пробормотала.

— Ась? — переспросила матушка.

— Без конца выигрывала, говорю, — отозвалась нянюшка. — А под конец подумала: ба, да ведь мы можем сорвать неплохой куш — ну там, чтобы не слишком отказывать себе в городе, к тому же мне всегда везло в дуркера...

— И ты начала поднимать ставки, — кивнула матушка.

— Как ты догадалась?

— Дурное предчувствие, — устало ответила матушка Ветровоск. — И, само собой, тут всем, кроме тебя, вдруг стало необыкновенно везти, я права?

— Поперло просто невероятно, — понурилась нянюшка Ягг.

— Гм-м.

— Но все равно никакой это не азарт, — заявила нянюшка. — Я ведь и понятия не имела, что это азартная игра. Когда я села за стол, они и карт-то сдать толком не могли. А обыграть таких противников — это никакой не азарт, а просто самый обычный здравый смысл.

— В том кошельке было почти четырнадцать долларов, — сообщила Маграт, — не считая заграничных денег.

— Гм-м.

Матушка Ветровоск уселась на койку и забарабанила пальцами по деревянной отделке. Взгляд ее стал отсутствующим. У них в Овцепиках люди были дружелюбны и честны настолько, что, даже попадись им профессиональный шулер, они, скорее всего, просто спокойно и открыто поймали бы его за руку, не спрашивая, как он там называется. Да и само выражение «карточный шулер» до их мест никогда не доходило. Но человеческая природа повсюду была одинаковой.

— Надеюсь, ты не очень расстроилась, а, Эсме? — с тревогой спросила нянюшка.

— Гм-м.

— А помело новое я куплю, сразу как вернусь домой.

— Гм... что?

— Проиграв все деньги, она поставила на кон свое помело, — торжествующе произнесла Маграт.

— А у нас вообще осталось хоть сколько-нибудь денег? — поинтересовалась матушка.

Тщательная проверка многочисленных карманов и панталон принесла сорок семь пенсов.

— Хорошо, — хмыкнула матушка. Она сгребла монетки и сунула их в карман. — Этого должно хватить. По крайней мере, для начала. Ну, где эти типы?

— Что ты собралась делать? — в ужасе осведомилась Маграт.

— Играть в карты, — ответила матушка.

— Но так нельзя! Ты не имеешь права! — воскликнула Маграт, сразу узнавшая блеск в матушкиных глазах. — Ты собираешься обыграть их с помощью ведьмовства! Но это запрещено! Нельзя влиять на законы вероятности! Это *нечестно!*

Корабль был практически целым плавучим городом, и, поскольку теплый вечерний воздух все же дарил кое-какую прохладу, практически никому не хотелось сидеть в помещении. На палубе между штабелями груза группками прогуливались гномы, тролли и люди. Матушка протиснулась между ними и направилась в салон, почти такой же длинный, как сам корабль. Из салона доносились звуки шумного веселья.

Подобные корабли были самым быстрым и самым доступным средством передвижения на дальние расстояния. Как выразилась бы матушка, здесь можно было встретить самое разное отребье, а на кораблях, идущие вниз по течению накануне Сы-

того Вторника, всегда набивались определенные любители поживиться за чужой счет.

Матушка Ветровоск вошла в салон. Со стороны могло бы показаться, что его входная дверь обладает совершенно волшебными свойствами. Матушка Ветровоск подходила к ней своим обычным шагом. Но, стоило ей миновать дверную арку, как она внезапно превратилась в согбенную, едва ковыляющую старушку, являющую собой зрелище, которое тронуло бы даже самое черствое сердце.

Доковыляв до стойки, матушка остановилась. На стене за стойкой висело такое огромное зеркало, какого матушке в жизни видеть не приходилось. Она некоторое время смотрелась в него, но с виду зеркало выглядело достаточно безопасным. Что ж, придется рискнуть.

Она еще немного сгорбилась и обратилась к человеку за стойкой.

— Икс козу муар, мусью, — окликнула она*.

Человек за стойкой бросил на нее равнодушный взгляд и продолжил полировать стакан.

— Чего надо, старая? — спросил он.

В свидетельствующих о полном старческом маразме глазах матушки Ветровоск мелькнула едва заметная искорка.

— О... так ты меня понимаешь? — удивилась она.

— Да у нас тут кого только не бывает, — пожал плечами человек.

— В таком случае не будешь ли ты так любезен одолжить мне колоду этих — как их? — ах

* В нянюшке Ягт было нечто такое, что легко передавалось окружающим.

да! Кажется, они картами зовутся, — проскрипела матушка Ветровоск.

— Никак собираешься в гроб сыграть? — сострил человек за стойкой.

В глазах матушки снова мелькнул ледяной огонек. Однако она сдержалась и спокойно ответила:

— Да нет, просто пару сыансов разложить. Хочу попробовать понять, в чем суть.

Человек нырнул под стойку, вынырнул и швырнул ей засаленную колоду.

Матушка Ветровоск рассыпалась в благодарностях и заковыляла к стоящему в сторонке, покрытому пятнами от стаканов столику, в беспорядке рассыпала на нем карты и уставилась на них.

Буквально через несколько минут ее плеча мягко коснулась чья-то рука. Подняв голову, матушка увидела над собой приветливое, открытое лицо человека, которому кто угодно с радостью и без каких-либо вопросов дал бы в долг. Когда незнакомец заговорил, во рту у него блеснул золотой зуб.

— Прошу прощения, матушка, — сказал он, — но у меня и моих друзей, — он указал еще на несколько весьма гостеприимных лиц за соседним столом, — было бы гораздо спокойнее на сердце, если бы ты присоединилась к нам. Женщине опасно путешествовать одной.

Матушка Ветровоск мило улыбнулась ему, а потом неопределенно махнула в сторону своих карт.

— Никак не могу запомнить: циферки старше картинок или младше? — пожаловалась она. —

Скоро, видать, собственную голову где-нибудь забуду!

Все рассмеялись. Матушка прошаркала к соседнему столу и уселась на свободное место, расположенное так, что зеркало оказалось прямо у нее за спиной.

Она улыбнулась про себя, после чего наклонилась вперед, всем своим видом выражая готовность.

— Так расскажите же мне, — сказала она, — как играют-то в эти самые карты?

Ведьмы очень тонко чувствуют сказки. Они чувствуют их так же, как человек, купающийся в крошечном пруду, чувствует присутствие там форели.

Если знаешь, как устроены сказки, можно считать, дело в шляпе. Или, как говорят гномы, в каске.

Например, если за один стол с тремя опытными шулерами усаживается явный простофиля да еще спрашивает: «Как вы играете в эту игру?» — кого-то определенно будут трясти до тех пор, пока у него все зубы не выпадут.

Маграт и нянюшка Ягг бок о бок сидели на узкой койке. Нянюшка рассеянно щекотала Грибо брюшко, а кот довольно мурлыкал.

— Если она, чтобы выиграть, воспользуется ведьмовством, мы можем навлечь на себя ужасные неприятности, — сказала Маграт. — Ты ведь знаешь, как она не любит проигрывать, — добавила она.

С проигрышами матушка Ветровоск наотрез отказывалась мириться. С ее точки зрения, проигрыш — это нечто случающееся с кем-то другим, но не с ней.

— Это все ее йогоизм, — откликнулась нянюшка Ягг. — Все люди от природы такие. Йогоисты. А она — великая йогоистка. Впрочем, все ведьмы такие, таков уж наш удел.

— Она *обязательно* воспользуется ведьмовством, — покачала головой Маграт.

— Использовать чары в азартной игре значит искушать судьбу, — важно сообщила нянюшка Ягг. — Жульничать — это нормально. Практически даже *честно*. То есть, я хочу сказать, мухлевать может кто угодно. Но вот пользоваться какими-нибудь там заклятиями — это значит искушать Судьбу.

— Судьбу? Боюсь, кого пострашнее, — хмуро промолвила Маграт.

Нянюшка Ягг вздрогнула.

— Пошли, — решила Маграт. — Нужно остановить ее.

— А все ее йогоизм, — слабым голосом сказала нянюшка Ягг. — Страшное дело этот самый йогоизм.

— А у меня, — поделилась матушка, — три маленькие картинки королей и три забавные единички.

Трое партнеров просияли и перемигнулись.

— Это называется тройственный дуркер! — сказал тот, что пригласил матушку к столу и которого, как выяснилось, зовут господин Честни.

— Так это хорошо или нет? — спросила матушка.

— Это значит, что ты снова выиграла! — Он придвинул к ней кучку пенни.

— Ух ты! — восхитилась матушка. — То есть, выходит, у меня... сколько же это будет... почти пять долларов, да?

— Ничего не понимаю, — покачал головой господин Честни. — Должно быть, здесь у нас то самое знаменитое везение новичка, правда, ребята?

— Если так и дальше пойдет, мы вообще без гроша за душой останемся, — подхватил один из его компаньонов.

— Да, неровен час, она с нас и пиджаки поснимает, запросто, — присоединился третий.

— Ха-ха.

— Похоже, нам лучше выйти из игры, пока не поздно, — притворно озаботился господин Честни.

— Ха-ха.

— Ха-ха.

— Ха-ха.

— Ой нет, лучше давайте продолжим, — тревожно улыбаясь, забеспокоилась матушка. — Я только-только начала входить во вкус.

— Тогда тебе стоит дать нам хоть немножко отыграться, ха-ха, — сказал господин Честни. — Ха-ха.

— Ха-ха.

— Ха-ха.

— Ха-ха. А как насчет сыграть по доллару? Ха-ха.

— О, сдаётся мне, что такая азартная дама будет не против сыграть по доллару, — сказал третий.

— Ха-ха!

Матушка взглянула на свою кучу пенни. Мгновение она как будто пребывала в нерешительности, но потом — как рассудили по ее виду трое шулеров — осознала: ну разве может она проиграть, коль пошла такая пруха?

— Давайте! — воскликнула матушка. — По доллару, так по доллару! — Она порозовела. — Это так *возбуждает*, верно?

— Точно, — согласился господин Честни и потянул к себе колоду.

Раздался ужасный грохот. Все трое шулеров уставились на стойку, с которой сыпались осколки зеркала.

— Что случилось?

Матушка одарила господина Честни милой старушечьей улыбкой. Она вроде даже и не обратила внимания на происшествие.

— Должно быть, стакан, который тот парень вытирал, выскользнул у него из руки и угодил прямоком в зеркало, — объяснила она. — Надеюсь, бедняжке не придется платить за ущерб из своего кармана.

Ее партнеры переглянулись.

— Продолжим, — сказала матушка. — Мой доллар уже весь наготове.

Господин Честни нервно взглянул на осиротевшую раму. Потом пожал плечами.

От этого движения что-то где-то высвободилось. Послышался приглушенный щелчок, как будто мышеловка сделала свое черное дело. Господин Честни побелел и схватился за рукав. Оттуда вывалилось небольшое металлическое приспособле-

ние, состоящее в основном из пружин и гнутых проволочек. Среди них застрял помятый туз пик.

— Оп-па! — выразилась матушка.

Маграт через окошко заглянула в салон.

— Ну, что она там делает? — прошипела нянюшка Ягг.

— Снова улыбается, — ответила Маграт.

Нянюшка Ягг покачала головой.

— Йогоистка, — только и сказала она.

Матушка Ветровоск придерживалась того самого метода игры, который приводит в бессильную ярость профессиональных игроков по всей множественной вселенной.

Она держала карты в кулачке тесно сдвинутыми и в нескольких дюймах от лица, так что разглядеть можно было только самые их краешки. Она смотрела на свои карты так, словно боялась ненароком их обидеть. И создавалось впечатление, что она ни на мгновение не отрывает от них глаз, кроме как для того, чтобы быстро глянуть на стол.

И она очень, очень подолгу думала. И она никогда, никогда не рисковала.

Через двадцать пять минут она проиграла доллар, а господин Честни весь взмок. Матушка уже трижды любезно указывала ему, что он совершенно случайно сдал карту снизу колоды, а потом вообще попросила принести другую колоду «потому что, глядите, в этой у всех карт на обратной стороне какие-то черные точки».

А все ее глаза... Они были виноваты. Он уже два раза пасовал с прекрасными тройственными дуркерами только для того, чтобы она выиграла с

каким-то жалким двойным бублом. На третий раз, когда, как ему показалось, он наконец понял стиль ее игры, господин Честни пошел ва-банк — и его неплохой флюш угодил прямо в зубы пятерному дуркеру, который старая кошелка собирала, должно быть, целый век. А потом — тут у него даже костяшки пальцев побелели — потом эта ужасная, кошмарная карга еще и говорит: «Так я что же, выиграла? Со всеми этими маленькими карточками? Ого, ну и везучая же я!»

После чего, глядя на карты, она начала что-то мурлыкать себе под нос. Раньше трое шулеров только приветствовали бы это. Перестук зубов, шевеление бровями, потирание ушей — такие жесты для человека, знающего значение всех этих незаметных сигналов, означали, что деньги уже хранятся у вас в чулке под матрасом. Но своей «прозрачностью» эта отвратительная старая карга больше походила на кучу угля. А ее мурлыканье было... завораживающим. Вы вдруг ловили себя на том, что пытаетесь разобрать мотив. От этого даже зубы начинали ныть. А потом она выкладывала жалкий неполный флюш в ответ на ваш столь же паршивый двухкарточный дуркер и удивленно спрашивала: «Что, неужто снова я?»

Господин Честни отчаянно пытался вспомнить, как играть в карты без потайного приспособления в рукаве, верного зеркала и крапленой колоды. И под мурлыканье, подобное скрежету гвоздя по стеклу.

При всем при том мерзкая старуха вроде бы даже понятия не имела, как правильно играть.

Через час ее выигрыш составил еще четыре доллара, и — когда она заявила: «Иногда и нам,

девочкам, везет!» — господин Честни случайно прокусил себе язык.

А потом ему вдруг прямо с раздачи пришел настоящий дуркер-рояль. Перебить эти карты практически невозможно. Такое вообще случается раз или два в жизни.

А она взяла да и бросила свою сдачу! Старая стерва бросила карты! При этом она лишилась целого доллара, черти ее побери, — и все же не колеблясь бросила карты!

Маграт снова заглянула через окошко в салон.

— Ну, что там? — спросила нянюшка.

— У них у всех очень сердитый вид.

Нянюшка сняла шляпу и вытащила из нее трубку. Раскурив табак, она бросила спичку за борт.

— Ага! Попомни мои слова, скоро она примется мурлыкать под нос. О, Эсме умеет назойливо мурлыкать. — Нянюшка выглядела вполне довольной. — А в ухе она еще не ковырялась?

— Да нет вроде.

— Никто не умеет ковыряться в ухе так, как Эсме.

И тут она начала ковыряться в ухе!

Все делалось очень женственно, и слабоумная старая мымра, скорее всего, даже не замечала, что делает. Она просто то и дело совала мизинец в ухо и крутила им там. При этом получался звук, похожий на тот, который раздается, когда натирают мелком бильярдный кий.

Отвлекающий маневр, вот что это такое. Наконец-то они раскусили ее...

Но нет, она снова бросила карты! А ведь у него ушло целых пять проклятых минут на то, чтобы собрать проклятый двойственный дуркер!

— Помню,— сказала нянюшка Ягг,— как-то раз она пришла к нам в гости на праздник по случаю коронации короля Веренса, и мы начали играть с детишками в «пятнашки» по полпенни за кон. Так она обвинила Джейсонова младшенького в жульничестве и целую неделю потом дулась.

— А он и вправду жульничал?

— Надеюсь,— гордо ответила нянюшка.— Основная беда Эсме состоит в том, что она совершенно не умеет проигрывать. Маловато практики.

— По мнению Лобсанга Достабля, иногда, чтобы выиграть, нужно проиграть,— вспомнила Маграт.

— По мне, так это просто чушь какая-то,— пожалала плечами нянюшка.— Это йен-буддизм, что ли?

— Нет. Йен-буддисты, наоборот, говорят, мол, чтобы выиграть, ты должен иметь много денег*, — сказала Маграт.— А в Учении Скорпиона говорится, что самый верный способ выиграть — это проиграть все схватки, кроме последней. То есть нужно использовать силу противника против него самого.

* Йен-буддисты являются самой богатой религиозной сектой во всей множественной вселенной. Они утверждают, что страсть к накопительству — большое зло и бремя для души. Поэтому они, невзирая на страшный риск для себя лично, считают своей неприятной обязанностью скопить как можно больше денег, дабы уберечь от сей страшной напасти обычных, ни в чем не повинных людей.

— Что же, надо сделать так, чтобы он сам себе врезал? — спросила нянюшка. — По-моему, звучит довольно глупо.

Маграт наградила ее сердитым взглядом.

— Да что ты во всем этом понимаешь? — фыркнула она с несвойственной ей резкостью.

— А что я в этом понимаю?

— Ладно, с меня хватит! — воскликнула Маграт. — Я, по крайней мере, хоть пытаюсь узнать что-то новое, пытаюсь учиться! Не оскорбляю окружающих меня людей и не даю волю своему дурному характеру!

Нянюшка вытащила трубку из рта.

— И вовсе у меня не дурной характер, — спокойно заявила она.

— А я не о тебе говорю!

— Да уж, Эсме всегда была вздорной, — подтвердила нянюшка. — Это у нее от природы.

— И она практически никогда не пользуется ведьмовством. А что толку быть ведьмой, если не насылаешь чары? Почему она не пользуется заклятиями, чтобы помогать людям?

Нянюшка уставилась на Маграт сквозь клубы табачного дыма.

— Думаю, это потому, что ей не нужно никому ничего доказывать, — промолвила она. — К тому же я знаю матушку много лет. И всю ее семью тоже. Ветровоски всегда отличались большими способностями к магии, даже мужчины. Есть у них какая-то волшебная жилка. Что-то вроде проклятия над ними довлеет. И тем не менее... она считает, что людям магией не поможешь. То есть *как следует* не поможешь. Но если подумать хорошенько, оно ведь и верно...

— Тогда какой смысл?..

Нянюшка поковыряла в трубке спичкой.

— Помнится мне, как-то раз, когда в твоей деревне началась чума, матушка тут же прилетела, чтобы помочь тебе,— продолжила она.— Работала день и ночь. Ни разу такого не бывало, чтобы она отказала кому-то в помощи, какая бы зараза к человеку ни прицепилась, пусть даже самая заразная зараза. А когда большой старый тролль, ну, тот, что живет под Ломаной горой, пришел в деревню за помощью, потому что его жена никак не могла разродиться,— так вот, помню, все тогда принялись бросаться в него камнями, но Эсме, ни слова не говоря, пошла с ним и приняла у бедняжки роды. Ха... А потом Куроцап Хопкинс тоже запустил камнем в Эсме — вскоре после того, как ночью все его амбары раздавила чья-то огромная нога. Эсме всегда говорила, что людям чарами не поможешь, зато поможешь трудом. То есть людям нужно помогать чем-то реальным, а не волшебством.

— Я вовсе не имела в виду, что матушка Ветровоск плохой человек...— начала Маграт.

— Ха! Зато я имела в виду именно это. Нужно много заграниц объездить, чтобы найти кого-нибудь повреднее Эсме,— усмехнулась нянюшка Ягг,— и это я тебе говорю. Ей отлично известно, что она собой представляет. Эсме уродилась доброй, и ей это очень не нравится.

Нянюшка выколотила трубку о поручни и снова повернулась к Маграт.

— Девочка моя, просто пойми,— сказала она,— она не только большая йогоистка, но еще и на психологию больна. И я рада до смерти, что ни тем, ни другим я лично не страдаю.

Матушка выиграла уже двенадцать долларов. Жизнь в салоне замерла. Стояла такая тишина, что слышно было, как шлепают по воде колеса и раздаются команды, отдаваемые капитаном.

Матушка предъявила тройственный дуркер и выиграла еще пять долларов.

— Что значит психолология? — спросила Маграт. — Вы что, книги читаете?

Нянюшка проигнорировала ее вопрос.

— Главное дело сейчас следить, — сказала она. — Когда она начнет зубом цыкать, этак негромко: «ц-ц-ц». Это всегда следует за ковырянием в ушах. И обычно означает, что она что-то задумала.

Господин Честни побарабанил пальцами по столу, к своему ужасу, поймал себя на этом занятии и, чтобы скрыть смущение, прикупил еще три карты. Старая кошелка вроде бы ничего не заметила.

Он уставился на свой новый расклад.

Добавил два доллара и прикупил еще карту.

Снова уставился на карты.

Интересно, подумал он, какие шансы получить дуркер-рояль дважды за день?

Только не паниковать.

— Пожалуй, — услышал он собственный голос, — я рискну еще парой долларов.

Он взглянул на компаньонов. Они послушно бросили карты — сначала один, за ним — другой.

— Даже не знаю... — пробормотала матушка, по всей видимости обращаясь к своим картам. И снова поковыряла в ухе. — Ц-ц-ц. А как называется, ну, знаешь, когда, ну, вроде хочешь поставить еще денег?

— Это называется поднять ставки,— ответил господин Честни. Костяшки пальцев у него снова побелели.

— Тогда я подниму. Долларов этак на пять.

Колени господина Честни заскребли друг о друга.

— Отвечаю и поднимаю еще на десять,— огрызнулся он.

— Уравниваю,— откликнулась матушка.

— Тогда я поднимаю еще на двадцать долларов.

— А я...— Матушка вдруг поникла.— Я... У меня... есть помело.

Где-то в подсознании господина Честни прозвонил тревожный звоночек, но он уже во весь опор скакал к победе.

— Идет!

Он выложил карты на стол.

Толпа ахнула.

Он начал тянуть банк к себе.

Но тут на его запястье сомкнулись пальцы матушки.

— Еще я не выложила *свои* карты,— лукаво заметила она.

— А это и ни к чему,— рявкнул господин Честни.— Вряд ли ты сможешь перебить это.

— Могу, если надурю тебя,— возразила матушка.— Кажется, поэтому игра и называется дуркер?

Он заколебался.

— Но... но... Да, ты, конечно, выиграешь, но только если у тебя на руках девять карт одной масти подряд,— пробормотал он, чувствуя, что начинает тонуть в пучине ее глаз.

Матушка откинулась на спинку стула.

— Знаешь, — спокойно сказала она, — мне как раз показалось, что у меня на руках что-то уж очень много этих черненьких с колючками. Много — это ведь хорошо, да?

Она выложила на стол карты. Окружающая игроков толпа дружно ахнула.

Господин Честни затравленно огляделся.

— Да, здорово вам повезло, госпожа, — признал какой-то пожилой джентльмен.

Из толпы посыпались поздравления. Из большой и так некстати образовавшейся толпы.

— Э-э-э... да, — наконец кивнул господин Честни. — Да. Здорово. Учишься ты невероятно быстро...

— Уж побыстрее, чем ты. Итак, с тебя пятьдесят пять долларов и помело, — подсчитала матушка.

Когда она наконец появилась в дверях салона, Маграт и нянюшка Ягг уже поджидали ее.

— Вот твое помело, — буркнула она. — И надеюсь, вы уже собрали вещи. Мы сходим.

— Почему? — спросила Маграт.

— Да потому, что, когда здесь все немного утихнет, кое-кто начнет нас искать.

Они трусцой поспешили за ней в маленькую каюту.

— И ты не использовала никаких заклятий? — спросила нянюшка Ягг.

— Нет. Чистая головология, — ответила матушка Ветровоск.

— А где ты научилась так играть? — подозрительно осведомилась нянюшка.

Матушка остановилась. Они с разбегу врезались в нее.

— Помнишь прошлую зиму, когда старой матушке Дипбаж совсем похужело и я почти месяц сидела с ней каждую ночь?

— Да.

— Ты поиграй в дуркера с человеком, которого изад-вперед по времени мотает, тоже быстро научишься,— сказала матушка.

«Дарагой Джейсон и все астальныи,

Чево в заграницах с избытком, так эта разных запахов, теперь я вних здорово разбираюсь. Эсме на всех кричит, думаю она думает што все вокруг спицально притворяются чужеземцами, на Зло ей, даже не знаю кагда ана ище так развликалась. И вапще, по мне так им всем просто нехватает хорошей Встряски, на абед мы астановились где-то и заказали Бифштекс по-Тартарски так все павара вели себя ОЧЕНЬ прирзительна, патамушта я захатела, штобы мой как следует пражарили. Всиво хорошева, МАМА».

Здесь луна была ближе.

Овцепиками спутник Плоского мира предпочитал любоваться издалека, видимо не доверяя столь высоким и угрожающе выглядящим горам. Здесь же, неподалеку от Края, луна стала значительно больше. И налилась оранжевым цветом.

— Вылитая тыква,— заметила нянюшка Ягг.

— Кажется, мы договорились не упоминать больше о тыквах,— сказала Маграт.

— Так я ж не за обедом...— пожала плечами нянюшка.

И было здесь еще одно отличие. Ведьмы совершенно не привыкли к теплым ночам — в их краях такие ночи выдавались только в самый разгар лета и то не каждый год. Неправильно это — сверху светит огромная оранжевая луна, а ты неспешно скользишь, скользишь над темной листвою, в которой трещат, жужжат и стрекочут насекомые...

— По-моему, мы достаточно отлетели от реки, — промолвила Маграт. — Матушка, может, приземлимся? Вряд ли кто сумеет нас догнать!

Матушка Ветровоск взглянула вниз. Река извивалась большими блестящими петлями — двадцать миль речных изгибов равнялись пяти милям по прямой. Земля казалась лоскутным одеялом холмов и лесов. А свечение вдали — наверное, это и была Орлея.

— Мы уже целую ночь летим, вся задница в занозах, — прямолинейно выразилась нянюшка Ягг.

— Ну хорошо, *хорошо*.

— Вон там какой-то город, — указала Маграт. — И замок.

— Опять замок?

— Очень миленький такой, маленький замок, — принялась оправдываться Маграт. — Неужели нельзя просто попроситься туда на ночлег? Я по горло сыта всякими постоянными дворами.

Матушка глянула вниз. Она очень хорошо видела в темноте.

— А ты уверена, что это замок? — спросила она.

— Я же вижу башенки и все такое прочее, — сказала Маграт. — Замок это, что еще?

— Гм-м. А вот лично я вижу не только башенки,— сообщила матушка.— Похоже, Гита, нам стоит взглянуть, что такое тут творится.

В окутанном сном замке всегда царила абсолютная тишина, изредка прерываемая разве что в конце лета, когда с кустов ежевики падали спелые ягоды и мягко стукались об пол. Некоторые птички пытались свить гнездо в колючих зарослях, которые теперь заполняли тронный зал от пола до потолка, но довести начатое до конца им никогда не удавалось, поскольку они тоже засыпали. А не считая этого, вам оставалось лишь слушать, как растет трава да распускаются цветы. Хотя, конечно, вам потребовался бы очень острый слух.

Так продолжалось десять лет. Тишину замка не нарушал...

— Эй, откройте!

— Бонжур-путешественники много-много ходить, к вам прийти, ночевать хотеты!

...Ни единый звук...

— Ну-ка, Маграт, подсади. Так. Сейчас...

Звон разлетающегося стекла.

— Ты разбила окно!

...Ни единый звук...

— Ничего, потом за все заплатим.

Ворота замка медленно отворились. Из-за створки навстречу двум другим ведьмам вылезла нянюшка Ягг, попутно вытаскивая из волос колючки и шипы.

— Внутри черт-те что творится,— поделилась она.— По всему замку спящие люди, причем все в

паутине, да только пауков не видно. Ты была права, Эсме. Тут какая-то волшба замешана, не иначе.

Ведьмы с трудом пробрались сквозь опутавшие замок заросли. На коврах толстым слоем лежал слой пыли и палых листьев. Молодые платаны отчаянно пытались захватить двор. Стены были сплошь увиты виноградными лозами.

Матушка Ветровоск поставила на ноги крепко спящего солдата. С его мундира взлетело целое облако пыли.

— А ну, просыпайся! — велела она.

— Фжтфт,— пробормотал солдат и снова повалился на пол.

— И так повсюду,— сказала Маграт, пробираясь сквозь джунгли папоротника, который заполонил кухонные пределы.— На кухне храпят повар, а в котлах ничего, кроме плесени! Даже мыши в кладовке, и те спят!

— Гм-м,— задумалась нянюшка Ягг.— За всем этим стоит прялка. Попомните мои слова. Неужели работа Черной Алиссии?

— Похоже на то,— кивнула матушка. А потом тихо добавила: — Или кого-то вроде нее.

— Вот была ведьма так ведьма. Действительно знала, как работают сказки,— проворчала нянюшка.— Порой, бывало, действовала сразу в трех одновременно.

Даже Маграт знала о Черной Алиссии. Она считалась величайшей из всех когда-либо живших ведьм — не то чтобы очень уж злой, но столь могущественной, что разница иногда становилась практически незаметной. Когда речь шла о том, чтобы погружать в сон целые дворцы или заставлять

принцесс пряхть солому, превращая ее в Золто,* никто не справлялся с этим лучше Черной Алиссии.

— Однажды я встречалась с ней,— рассказывала нянюшка, пока они карабкались вверх по главной лестнице замка, сплошь поросшей львиным задом.— Еще когда я была девочкой, мне показала ее старая Горячка Скиббли. Конечно, к тому времени Алиссия была уже довольно... эксцентричной. Пряничные домики всякие и прочее в том же роде.

Голос нянюшки Ягг был печальным — таким голосом люди обычно рассказывают о постаревшем, сильно сдавшем дядюшке, который начал одевать нижнее белье поверх штанов.

— Видимо, это было еще до того, как те двое детишек засунули Алиссию в ее же собственную печь? — спросила Маграт, отцепляя от рукава ключую ветку шиповника.

— Точно. Прискорбное происшествие, надо отметить. Ну, то есть на самом-то деле она никогда никого не ела,— покачала головой нянюшка.— Или, во всяком случае, почти никогда и редко кого. Конечно, ходили всякие слухи, однако...

— Вот так оно обычно и случается,— фыркнула матушка Ветровоск.— Нельзя чересчур увлекаться сказками, а то ведь и запутаться можно. Будешь потом сомневаться, что настоящее, а что — нет. И в конце концов сказки тебя одолеют. Сам себя пугаться будешь. Нет, не люблю я

* Черная Алиссия тоже была не больно-то в ладах с правописанием. Избавиться от гнома-скандалиста потом влетело в кругленькую сумму.

эти сказки. Ненастоящие они какие-то. Терпеть не могу всякие ненастоящие штуковины.

Она толкнула дверь.

— Так. Комната, — кисло констатировала она. — Возможно, даже будвар.

— Почему здесь так быстро все растет? — спросила Маграт.

— Это часть заклинания времени, — ответила матушка. — Ага, вот она. Так я и знала, что она где-нибудь здесь.

На кровати, окруженной розовыми кустами, кто-то лежал.

— А вот и прялка, — промолвила нянюшка Ягг, указывая на полускрытый плющом предмет.

— Не трогай! — рывкнула матушка Ветровоск.

— Не волнуйся, я просто возьму ее за раму и выкину из окна.

— Так вы все знали? — удивилась Маграт.

— Самая обычная деревенская легенда, — пожал плечами нянюшка. — Это случалось уже множество раз.

Матушка Ветровоск и Маграт стали рассматривать спящую девочку лет примерно тринадцати, от пыли и пыльцы ставшую почти серебристой.

— Какая хорошенькая! — вздохнула Маграт, добрая душа.

Позади них раздался грохот — это прялка разбилась о булыжники мощеного двора. Рядом с двумя ведьмами появилась нянюшка Ягг, отряхивая руки.

— Сама раз десять сталкивалась с таким, — добавила она.

— Врешь, — спокойно сказала матушка.

— Ну, один-то раз точно, — невозмутимо поправились нянюшка. — Но слышала о подобном раз десять, не меньше. Впрочем, все слышали. Это ж сельская легенда. Все слышали, что нечто похожее случилось в деревне соседа друга чьего-то там двоюродного брата...

— Потому что именно там оно и случилось, — перебила ее матушка Ветровоск.

Матушка пощупала запястье спящей девочки.

— Она спит потому, что... — начала было нянюшка.

Матушка повернулась.

— Да знаю я, знаю. Знаю, поняла? Не хуже тебя знаю. Думаешь, я сама не знаю? — Она нагнулась над безвольной рукой. — Вот оно, ваше феекрестничество, — пробурчала она больше себе под нос. — Все должно выглядеть *внушительно*. Во все нужно вмешиваться, все держать под контролем! Ха! Кто-то отравился каплей яда? Так пусть все остальные тоже проспят сотню лет! Будь проще. Один укололся — а всем досталось. Неужели обязательно раздувать все? Надо ж, беда какая, конец света прям...

Она замолчала. Нянюшка Ягг стояла позади нее, и матушка никак не могла видеть выражение ее лица, однако ж:

— Гита!

— Да, Эсме? — невинно спросила нянюшка Ягг.

— Я *чувствую*, что ты улыбаешься. Прибереги эту свою грошовую психологию для тех, кому она действительно нужна.

Матушка закрыла глаза и пробормотала несколько слов.

— Может, палочкой попробовать? — неуверенно предложила Маграт.

— Я тебе попробую, — огрызнулась матушка и снова что-то забормотала.

Нянюшка кивнула.

— Она определенно начинает розоветь, — заявила она.

Через несколько минут девочка открыла глаза и сонно взглянула на матушку Ветровоск.

— Пора вставать, — непривычно добродушно сказала матушка. — А то все интересное пропустишь.

Девочка попыталась сфокусировать взгляд на нянюшке, потом на Маграт, а затем снова посмотрела на матушку Ветровоск.

— Ты? — удивилась она.

Матушка подняла бровь и недоуменно взглянула на подруг.

— Я?

— Ты... Ты все еще здесь?

— Все еще? — переспросила матушка. — Да я в жизни здесь не бывала.

— Но... — девочка явно была удивлена. И, как заметила Маграт, напугана.

— Знаешь, милая, — сказала нянюшка Ягт, беря девочку за руку и похлопывая по ней, — вот и со мной по утрам такое же. Пока не выпью чашку-другую чайку, я не я. Кстати, скоро и остальные начнут просыпаться. Правда, потребуется некоторое время, чтобы вытряхнуть из чайников крысиные гнезда, но... Эсме!

Матушка разглядывала какой-то покрытый пылью предмет.

— Вечно ты во все лезешь...— наконец прошептала она.

— Что там такое, Эсме?

Матушка Ветровоск приблизилась к стене и стерла пыль с большого зеркала в вычурной раме.

— Ха! — воскликнула она и обернулась.— Ну, по-моему, нам пора,— строго промолвила она.

— Но мы же собирались чуточку передохнуть. То есть, я хочу сказать, ведь почти рассвело уже... — извиняющимся тоном пояснила Маграт.

— Не будем надоедать хозяевам,— отрезала матушка, выходя из комнаты.

— Но мы ведь даже не...— начала было Маграт.

Она взглянула на зеркало. Оно было большим, овальным, в позолоченной раме. И выглядело совершенно обычно. Матушка вела себя крайне странно — она что, собственного отражения испугалась?

— Снова у нее плохое настроение,— покачала головой нянюшка Ягг.— Пошли. Больше задерживаться нет смысла.— Она погладила изумленную принцессу по голове.— Прощевай, госпожа. Ни о чем не волнуйся — пара недель работы шваброй и топором, и твой старый дворец опять станет как новенький.

— Она как будто узнала матушку,— промолвила Маграт, когда они пошли следом за торопливо удаляющейся вниз по лестнице фигурой Эсме Ветровоск.

— Но мы же знаем, что такого просто быть не может,— пожала плечами нянюшка Ягг.— Эсме в жизни не бывала в здешних краях.

— Но я все равно не понимаю, к чему такая спешка, — настаивала Маграт. — По мне, так люди будут нам только благодарны за то, что мы разрушили чары и все такое.

Дворец постепенно просыпался. Они миновали стражников, с удивлением разглядывающих затянутые паутиной мундиры и растущие повсюду кусты. Когда ведьмы пересекали заросший деревьями двор, из дверей, пошатываясь, появился какой-то пожилой человек в выцветшем камзоле и прислонился к стене, явно пытаясь сообразить, где он и что с ним. И тут он заметил торопливо шагающую матушку Ветровоск.

— Эй, ты! — закричал он, а потом: — Стража!

Нянюшка Ягг не колебалась ни секунды. Она подхватила Маграт под локоть и пустилась дальше крупной рысью, нагнав матушку Ветровоск у самых ворот замка.

Один из стражников, — который, очевидно, привык вставать спозаранку и потому испытывал меньше проблем с пробуждением, — спотыкаясь, двинулся навстречу матушке и пикой попытался преградить дорогу, но ведьма лишь мягко оттолкнула его рукой, и стражник, покачнувшись, отступил.

Через мгновение ведьмы уже были снаружи и бежали к метлам, прислоненным к растущему неподалеку дереву. Матушка Ветровоск на ходу подхватила свое помело, и оно завелось с первой же попытки — чуть ли не впервые за все время своей службы.

Мимо шляпы матушки Ветровоск просвистела стрела и воткнулась в нависающую над землей ветку.

— И это называется благодарность? — недоуменно воскликнула Маграт, когда метлы взмыли над лесом.

— Частенько люди просыпаются не в самом лучшем настроении, — ответила нянюшка.

— Матушка, мне показалось, что тебя в этом замке все знают. Но откуда? — спросила Маграт.

Помело матушки Ветровоск дернулось от порыва ветра.

— Вот именно, показалось! — рывкнула она. — Ноги моей там раньше не было, понятно?

Некоторое время после этого ведьмы летели в обихженном молчании.

А потом Маграт, которая, как считала нянюшка Ягг, обладала настоящим талантом затрагивать в беседе всякие опасные темы, сказала:

— Я вот все думаю, правильно ли мы поступили? Насколько мне известно, вместо нас это должен был сделать какой-нибудь прекрасный принц.

— Ха! — откликнулась летевшая впереди матушка. — И что толку? По-твоему, если кто продерется через эти дурацкие кусты, так из него уже и муж хороший выйдет? Типичное феекрестное мышление, вот что это такое! Думаешь, можно просто так ходить повсюду и награждать людей счастливым концом, хотят они того или нет?

— А что плохого в счастливых концах? — горячо возразила Маграт.

— Послушай, счастливый конец — это хорошо, но только тогда, когда все заканчивается действительно хорошо, — произнесла матушка Ветровоск, глядя на небо. — Нельзя навязывать людям счастливые концы. Возьмем, к примеру, счастливый

брак. По идее, любой брак можно сделать счастливым — отруби молодоженам головы, как только они на венчании скажут «да», и всего делов. Но ведь так не годится. Нет, счастье так запросто не создашь...

Матушка стала вглядываться в показавшийся на горизонте город.

— Все когда-то кончается, — сказала она. — Вопрос только — как?

Они позавтракали на лесной полянке. На завтрак у них была жареная тыква. На всякий случай вытащили попробовать гномьи пироги. Нет, все-таки эти самые гномьи пироги — поистине удивительный продукт. Человек, у которого в котомке завалялся гномий пирог, никогда не познает, что такое настоящий голод. Достаточно лишь взглянуть на этот пирог, и на ум мгновенно приходят дюжины вещей, которые вы предпочли бы съесть. Например, собственные сапоги. Гору. Дохлую овцу. Собственную ногу.

Потом ведьмы попытались вздремнуть. По крайней мере, нянюшка и Маграт. Но в результате они лишь проворочались с боку на бок, прислушиваясь к хмурому бормотанию матушки Ветровоск. Им еще никогда не доводилось видеть ее в таком дурном расположении духа.

В конце концов нянюшка предложила прогуляться. Такой замечательный денек, сказала она. Да и лес очень интересный, сказала она, много разных целебных трав тут должно расти, стоит поискать — вдруг найдем что интересное? А кроме того, добавила нянюшка, небольшая прогулка под теплым солнышком повышает настроение.

Прогулка и впрямь оказалась очень приятной. Через полчаса или около того даже матушка Ветровоск уже готова была признать, что в некоторых отношениях этот лес не такой уж и заграничный, то бишь дрянной. Маграт то и дело сходила с тропинки, чтобы сорвать цветочек. А нянюшка пропела несколько куплетов из «На волшебном посохе — нехилый набалдашник», причем протесты со стороны слушателей поступали какие-то вялые и ленивые, чисто формальные.

И все же что-то было не так. Нянюшка Ягг и Маграт чувствовали, что между ними и матушкой Ветровоск воздвиглась какая-то незримая стена, что-то очень важное, сокрытое и невысказанное витало в воздухе. Обычно у ведьм нет секретов друг от друга — ведьмы по своей натуре существа невероятно любопытные, поэтому в ведьмовской среде просто-напросто ничего не утаишь. Однако сейчас происходило нечто крайне странное и тревожащее.

А потом, обогнув большую дубовую рощу, они встретили маленькую девочку в красном платице.

Девочка вприпрыжку бежала по самой середине дорожки, распевая песенку, которая было гораздо более незамысловатой и менее сальной, чем любая песня из репертуара нянюшки Ягг. Ведьм девочка заметила, только когда едва не налетела на них. Остановившись, дитя простодушно улыбнулось.

— Здравствуйте, бабушки.

— Гм, — выразилась Маграт.

Матушка Ветровоск наклонилась.

— И что это ты, юная дама, делаешь в лесу? Причем совсем одна?

— Вот, несу корзиночку гостинцев своей бабушке,— ответила девочка.

Матушка выпрямилась, в глазах ее застыло отсутствующее выражение.

— Эсме,— поспешно окликнула нянюшка.

— Знаю, знаю,— отмахнулась матушка.

Маграт тоже нагнулась к девочке и изобразила на лице идиотскую гримасу, с помощью которой взрослые обычно пытаются завязать с детьми дружеские отношения. Впрочем, еще ни один ребенок не поддался на такую провокацию.

— Э-э-э... Скажи-ка мне, госпожа, а разве твоя мамочка не предупреждала тебя, чтобы ты остерегалась всяких-разных плохих волков, которые могут водиться в окрестностях?

— Предупреждала.

— А твоя бабушка...— сказала нянюшка Ягг.— Наверное, она сейчас приболела и лежит в постели?

— Потому-то я и несу ей корзинку с гостинцами...— начало было объяснять дитя.

— Так я и думала.

— А вы знакомы с моей бабушкой? — удивилась девочка.

— Ага,— ответила матушка Ветровоск.— В каком-то смысле.

— То же самое случилось в Скундском лесу, когда я еще совсем малышкой была,— тихо промолвила нянюшка Ягг.— Бабушку тогда так и не наш...

— А где находится домик твоей бабушки? — громко осведомилась матушка Ветровоск, резко ткнув нянюшку локтем под ребра.

Девочка указала на убегающую вбок тропинку.

— Ты ведь не злая ведьма? — потом спросила она.

Нянюшка Ягг кашлянула.

— Я? О нет. Мы... мы... — матушка запнулась.

— Феи, — закончила Маграт.

У матушки Ветровоск едва не отвалилась челюсть. Такое объяснение и в голову бы ей не пришло.

— Моя мамочка предупреждала меня и насчет злой ведьмы тоже, — пояснила девочка. Она подозрительно взглянула на Маграт. — А какие феи?

— Э-э-э... Ну... Цветочные феи, да, феи цветов, — кивнула Маграт. — Смотри, у меня есть волшебная...

— Каких?

— Что каких?

— Каких цветов?

— Э-э-э, — протянула Маграт. — Э-э-э... Ну, я, например... Маргаритка, фея маргаритки. А вот она... — Маграт всячески старалась не смотреть на матушку. — В общем, она — Ромашка... А она...

— Ежиха я, — сказала нянюшка Ягг.

Подобное дополнение к сверхъестественному пантеону потребовало серьезных размышлений.

— Не можешь ты быть феей Ежихой, — немного подумав, ответило дитя. — Нету такого цветка.

— А ты откуда знаешь?

— У ежей — колючки.

— У роз тоже колючки. И у чертополоха.

— О!

— А у меня есть волшебная палочка, — сказала Маграт.

Она только теперь осмелилась бросить взгляд на фею Ромашку.

— Пожалуй, нам пора, — сказала матушка Ветровоск. — Ты оставайся здесь с этой, как ее там, Маграриткой, а мы пойдем и проверим, все ли в порядке у твоей бабушки. Хорошо?

— Спорим, никакая это не волшебная палочка? — предложила девочка, не обращая внимания на матушку, а вместо этого уставившись на Маграт с чисто детской способностью найти слабое звено в любой цепи. — Спорим, что она ничего у тебя не превращает?

— Ну... — начала Маграт.

— Спорим, — сказала девочка, — спорим, ты ни за что не превратишь вон тот пенек в... в... в *тыкву*? Спорим на триллион долларов, у тебя это не получится?

— Вижу, вы двое отлично поладите, — сказала фея Ежиха. — А мы скоро вернемся.

Два помела летели на небольшой высоте вдоль лесной тропинки.

— Может, просто совпадение? — спросила нянюшка Ягг.

— Не может, — отрезала матушка. — На малышке даже красное платьице!

— Когда мне было пятнадцать, у меня тоже было красное платьице, — возразила нянюшка.

— Да, но твоя бабушка жила по соседству. Да и волков в округе никаких не водилось, — сказала матушка.

— Ага, кроме старого Сампкинса, жильца бабушкиного.

— Вот это как раз совпадение.

Впереди между деревьями стал заметен голубоватый дымок. Откуда-то сбоку донесся шум падающего дерева.

— Дровосеки! — воскликнула нянюшка. — Если неподалеку дровосеки, то все в порядке! Один из них врывается в дом...

— Это детишкам так рассказывают, — сказала матушка, когда они прибавили ходу. — Ну, ворвется твой дровосек, а бабушке что, легче от этого? Ее-то к тому времени *уже* съедят!

— Никогда не любила эту сказку, — пожалала плечами нянюшка. — Всем ровным счетом плевать на бедных незащитных старушек.

Тропинка неожиданно вывела их на опушку леса. Между деревьями виднелся огородик, в котором несколько жалких стебельков боролись за место под скудным солнцем. Посреди огородика высилось сооружение, которое просто не могло не быть домиком с крытой соломой крышей, поскольку таких неаккуратных стогов просто не бывает.

Ведьмы прыгнули на землю, оставили свои метлы висеть в кустах и, подбежав к двери, принялись барабанить по дереву кулаками.

— Возможно, мы опоздали, — сказала нянюшка. — Наверное, волк уже...

Через некоторое время внутри домика слышались шаркающие шаги, а потом дверь чуть-чуть приоткрылась. Из полумрака на них глянул подозрительный глаз.

— Чего? — спросил тихий дрожащий голос откуда-то из-под глаза.

— Ты бабушка? — требовательно спросила матушка Ветровоск.

— А вы, милочки, уж не сборщики ли налогов?

— Нет, мэм, мы...

— ...Фей,— поспешно закончила фея Ежиха.

— Знаешь ли, милая, не в моих привычках открывать дверь всяким незнакомым людям,— сказал голос, и в нем слышались нотки недовольства.— Особенно тем, которые даже посуду вымыть не удосуживаются, после того как я оставляю им миску почти свежего молока.

— Мы хотели бы только переговорить. Это займет всего несколько минут,— сказала фея Ромашка.

— Да неужто? А удостоверение, милочка, у тебя имеется?

— Это та самая бабушка. Совершенно точно,— кивнула фея Ежиха.— Семейное сходство налицо. Кроме того, у нее большие уши.

— Послушай, это не у *нее* большие уши,— огрызнулась фея Ромашка.— Это у волка будут большие уши. В том-то все и дело. Когда ты научишься элементарной внимательности?

Бабушка с интересом прислушивалась к спору. Целую жизнь она верила во всяких фей и наконец впервые их увидела. То еще переживание. Матушка Ветровоск заметила удивленное выражение ее лица.

— Ладно, не будем ходить вокруг да около,— произнесла она деспотически рациональным тоном.— Как тебе понравится, если тебя сожрет серый волк?

— Знаешь, милочка, сомневаюсь, что мне это как-то понравится, — отозвалась прячущаяся за дверью бабушка.

— Тогда альтернатива это мы, — промолвила матушка.

— Вот те на! А ты уверена?

— Честное слово фей, — подтвердила фея Ежиха.

— Вот как? Правда? Ну ладно. Заходите уж. Но только смотрите, без этих ваших штучек. И на сей раз вам придется помыть за собой посуду. Кстати, у вас с собой вроде бы должен быть горшочек с золотом?

— Горшочки — это к лепреконам.

— Да нет, лепреканы живут в норках. А она имеет в виду гоблинов.

— Не городи чушь. Гоблинов? Тех, что живут под мостами?

— Нет, то тролли. Всем известно, что под мостами живут тролли.

— Во всяком случае, мы там точно не живем. Поэтому с горшочками не к нам.

— Так я и знала, — вздохнула бабушка.

Маграт хотелось думать, что она легко сходится с детьми, однако всякий раз она убеждалась в собственной неправоте — и это тревожило. Кроме того, дети ей не больно-то нравились — это ее тоже тревожило. Вот нянюшка Ягг без малейших усилий ладила с малышами — то давала им конфетку, то уши надирала, но ладила. Тогда как матушка Ветровоск по большей части вовсе игнорировала их, и это вроде бы действовало ничуть не хуже. В то время как Маграт действительно было *не все*

равно. Как все-таки несправедливо устроен этот мир...

— Спорим на миллион триллионов зиллионов долларов, что вот этот куст ты никогда не превратишь в тыкву, — предложила девочка.

— Но послушай, все предыдущие кусты я без труда превратила в тыквы, — заметила Маграт.

— Рано или поздно у тебя должно не получиться, — спокойно пояснила девочка.

Маграт беспомощно взглянула на волшебную палочку. Она перепробовала все — загадывала желания, произносила их про себя и даже, когда думала, что другие ведьмы не слышат ее, стучала палочкой по разным предметам и кричала: «Что угодно, только не тыквы!»

— На самом деле ты же не знаешь, как все это делается, — заявила девочка.

— Гм, малышка, — сказала Маграт, — ты вроде бы говорила, твоя мама знает, что в лесу живет большой злой волк?

— Говорила.

— И все-таки она послала тебя одну отнести гостинцы бабушке?

— Да, а что?

— Ничего. Просто подумала кой о чем. Кстати, ты должна мне миллион триллионов зиллионов сквиллионов долларов.

Бабушки, они навроде масонов, поскольку отличаются большим пристрастием к разным обрядам — с той лишь разницей, что для вступления в общество бабушек не нужно стоять на одной ноге или приносить клятвы верности. Оказавшись в домике с кипящим на плите чайником, нянюш-

ка Ягг почувствовала себя как дома. Грибо растянулся перед скромным камельком и, пока ведьмы пытались объяснить, в чем дело, решил немножко вздремнуть.

— Даже не представляю, и как этот волк сюда попадет,— добродушно промолвила бабушка.— Они же волки! И не умеют открывать двери.

Матушка Ветровоск отдернула ветхую занавеску и выглянула в окно.

— Зато мы это знаем,— сказала она.

Нянюшка Ягг кивнула на небольшую кровать, стоящую в алькове у очага.

— Ты спишь там? — спросила она.

— Только когда плохо себя чувствую, милочка. А так обычно сплю на чердаке.

— Будь я на твоём месте, я бы именно туда сейчас и отправилась. И если не трудно, прихвати с собой моего котика, ладно? Не хотелось бы, чтобы он пострадал.

— А вы тем временем приберётесь в доме и вымоете посуду за блюдечко молока? — с надеждой спросила бабушка.

— Возможно. Кто знает, как все обернется...

— Забавно, милочка. А я почему-то всегда думала, что вы, феи, гораздо ниже ростом...

— Просто мы часто бываем на свежем воздухе,— ответила нянюшка.— Ну все, все, иди.

Наконец они остались вдвоем. Матушка Ветровоск обвела взглядом похожую на пещеру комнату. Тростник, которым были застланы полы, больше походил на компост. Паутина, затянувшая потолок, была черна от сажи.

Если этот дом и можно было как-то прибрать, то только с помощью лопаты или — еще лучше — спички.

— А и в самом деле забавно, — хмыкнула нянюшка, когда старушка поднялась по шаткой лесенке на чердак. — Она ведь моложе меня. Правда, я держу себя в форме. Упражнения всякие, тренировки...

— Да ты в жизни никаких упражнений не делала, — возразила матушка Ветровоск, все еще разглядывая кусты за окном. — Ты всегда делала только то, что хотела.

— Ага, только то, что хотела, — радостно подтвердила нянюшка. — Послушай, Эсме, говорю тебе, все это...

— Нет! Я *чувствую* сказки. И знаю, что кто-то в здешних краях заставляет сказки сбываться.

— Может, ты еще знаешь, кто именно этим занимается, а, Эсме? — лукаво спросила нянюшка.

Матушка крутанулась на месте, обводя раздраженным взором грязные стены.

— По-моему, она слишком бедна, чтобы обзавестись зеркалом, — успокоила ее нянюшка Ягг. — Я ж не слепая, Эсме. А еще мне известно, что зеркала и феи-крестные всегда ходят парой. Так в чем же дело?

— Не скажу. Не хочется выставлять себя душой — вдруг я ошибаюсь? Ни за что на свете не... Кто-то идет!

Нянюшка Ягг прилипла носом к грязному стеклу.

— Ничего не вижу.

— Кусты шевельнулись. Полежай в постель!

— Я? А я-то думала, что в постель отправишься ты!

— Не пойму, с чего это тебе в голову взбрело.

— Ага. Совсем плоха стала, раз так подумала... — устало откликнулась нянюшка.

Она сняла висящий на кровати мягкий чепец, напаялила его и забралась под лоскутное одеяло.

— Вот те на, да ведь этот матрас соломой набит!

— Ничего, тебе на нем недолго лежать.

— Он колется! А еще кажется, в нем *кто-то* есть.

Стена домика содрогнулась от сильного удара. Ведьмы замолчали.

Из-за задней двери донеслось какое-то сопение.

— Знаешь, — прошептала нянюшка, пока они ожидали, что будет дальше. — Буфет у нее почти пустой, дров не осталось. Да и съестного ни крошки. А молока в кувшине — на самом донышке...

Матушка быстро пересекла комнату, схватила что-то с очага и тут же вернулась на прежнее место у передней двери.

Через мгновение послышался лязг задвижки, как будто с ней возился кто-то плохо управляющийся либо с замками, либо с собственными пальцами.

Дверь медленно, со скрипом приотворилась.

Комнату наполнил удушливый запах мускуса и мокрой псины.

Неуверенные шаги проследовали от двери к накрытой одеялом фигуре.

Нянюшка приподняла оборки чепца ровно настолько, чтобы хоть что-то видеть.

— Ух ты! — воскликнула она, а затем: — Вот это да, никогда бы не подумала, что ты *такой* огромный...

Матушка Ветровоск захлопнула дверь и быстро шагнула вперед. Волк развернулся и вытянул лапу, как бы защищаясь.

— Не-е-е-ет!

Мгновение матушка колебалась, а потом с размаху врезала ему по башке чугунной сковородой.

Волк рухнул на пол.

Нянюшка Ягг выпростала ноги из-под одеяла и села на краю кровати.

— Когда такое приключилось в Скунде, потом говорили, мол, это оборотень был или нечто в том же роде, а я еще подумала: нет, оборотни совсем не такие... — заявила она. — Но я никогда не думала, что это *настоящий* волк. Чуть со страху не померла!

— Настоящие волки не ходят на задних лапах и не открывают двери, — буркнула матушка Ветровоск. — Ну-ка, давай, помоги мне вытащить его наружу.

— Едва чувств не лишилась, как увидела такого серого да волосатого. Он ведь как полезет, и прям на меня... — пожаловалась нянюшка, берясь за задние лапы оглушенного зверя. — Слушай, Эсме, тебе никогда не доводилось встречаться со стариком Сампкинсом?

Вообще-то, волк с виду был самым обычным, разве что гораздо более худым. Под кожей явственно проступали ребра, а шерсть вся свалилась. Матушка набрала в колодце рядом с отхожим местом ведро мутной воды и выплеснула ее зверю на голову.

После этого уселась на пенек и уставилась на волка. Где-то высоко в ветвях чирикали несколько птичек.

— Он ведь говорил... — пробормотала она. — Пытался сказать «нет».

— Вот и мне слышалось,— кивнула нянюшка.— А потом думаю: может, почудилось?

— Чему тут чудиться? — огрызнулась матушка.— Все и так хуже некуда.

Волк застонал. Матушка передала сковороду нянюшке Ягг.

— Наверное, придется заглянуть ему в голову,— спустя некоторое время сказала она.

Нянюшка Ягг покачала головой.

— На твоём месте я бы этого не делала.

— Я на своём месте, мне и решать. А ты просто стой со сковородой наготове.

Нянюшка пожала плечами.

Матушка сосредоточилась.

Читать человеческие мысли очень тяжело. Большинство людей в каждый отдельный момент времени думают о стольких вещах одновременно, что в таком потоке почти невозможно выделить отдельную струйку.

Разумы животных совсем другие. Гораздо менее запутанные. Проще всего мысли хищников — особенно до еды. В мире мыслей нет цветов, но если бы мысли имели окраску, то разум голодного хищника был бы раскален, красен и целеустремлен, как стрела. Разумы травоядных тоже просты — сжатые серебристые пружинки, всегда готовые кинуться прочь.

Но здесь не было ничего даже отдаленно похожего на нормальный разум. Здесь были два разума.

Матушка Ветровоск, когда выдавался спокойный вечерок и голова ее ничем особенным не была занята, иногда развлекалась тем, что читала

мысли охотников, бродящих по лесу. Порой их разумы напоминали тот разум, в котором она сейчас очутилась. Иногда — но очень редко. Только когда охотник был готов убить, разрозненные ручейки его мыслей сливались воедино. Но сейчас матушка столкнулась с совершенно противоположным случаем — здесь тонкий наконецник исключительно хищнических намерений вдруг расслоился и породил на свет кривой, искалеченный процесс мышления. Ее глазам предстал разум хищника, пытающегося *думать*.

Не удивительно, что этот разум мало-помалу сходил с ума.

Матушка открыла глаза.

Нянюшка Ягг держала сковородку над ее головой. Рука нянюшки дрожала.

— Ну,— спросила она,— кто там?

— Честно говоря, я бы не отказалась от стаканчика воды,— сказала матушка. Сквозь царящий в ее голове сумбур проглянула природная осторожность.— Но только не из этого колодца.

Нянюшка немного расслабилась. Когда ведьма начинает копать в чем-нибудь мозгу, никогда не знаешь наверняка, кто вернется. Но матушка Ветровоск была лучшей из лучших. Маграт может сколько угодно искать себя, однако матушке чужда сама идея подобных поисков. Если она не сумеет найти дорогу обратно в свою голову, значит, такой дороги просто не существует.

— Там в домике осталось молоко,— предложила нянюшка.

— А цвет у него точно был нормальный?

— Белый. Со всякими примесями, но более-менее белый.

— Неси.

Только когда нянюшка Ягг повернулась к ней спиной, матушка наконец позволила себе слегка вздрогнуть.

Она уставилась на волка, размышляя над тем, чем ему можно помочь. Нормальный волк ни за что не стал бы заходить в домик, даже если бы смог открыть дверь. Волки вообще стараются обходить людей стороной — исключение представляют только те случаи, когда этих волков собирается очень много, да на дворе стоит самый конец очень голодной зимы. А если они и идут на крайние меры, так это вовсе не потому, что они большие, плохие и злые, а потому, что они все-таки волки.

Но этот волк пытался стать человеком.

Скорее всего, помочь ему не удастся...

— На вот, попей молочка,— сказала нянюшка Ягг.

Матушка, не глядя, взяла у нее кружку.

— Кто-то заставил этого волка думать, что он человек,— сообщила она.— Его заставили думать, что он человек, а потом отпустили на все четыре стороны. И случилось это несколько лет назад.

— Откуда ты знаешь?

— Я... считала его воспоминания,— ответила матушка.

«И инстинкты тоже»,— подумала она. Теперь ей по меньшей мере пару дней придется превозмогать в себе настойчивое желание удрать в лес и повыть там на луну.

— О.

— Он застрял между видами. Его мысленно переклинило.

— А можно ему чем-нибудь помочь? — спросила нянюшка.

Матушка Ветровоск отрицательно покачала головой.

— Случай слишком запущенный. Теперь это стало привычкой. К тому же он голоден. Он не может окончательно стать ни тем, ни другим. Он не может поступать как волк, но и не может позволить себе быть человеком. И дальше так продолжаться не может.

Тут она в первый раз подняла голову и взглянула на нянюшку. Нянюшка даже опасливо попятилась.

— Ты и представить себе не можешь, каково это, — продолжила матушка Ветровоск. — Годами бродить в одиночестве. Не человек и не волк. Ты и представить себе не можешь, что он испытал на своей шкуре.

— По-моему, все-таки могу, — возразила нянюшка. — Достаточно на твое лицо взглянуть. Очень доходчиво все объясняет. Но кто же сотворил с ним такое?

— Есть у меня кое-какие подозрения...

Они оглянулись.

К ним приближались Маграт с девочкой. Рядом с ними шагал один из дровосеков.

— Ха, — фыркнула матушка. — Ну да, конечно. Ведь всегда должен быть... — Она буквально выплюнула эти два слова: — *счастливый конец*.

За ее лодыжку ухватилась когтистая лапа.

Матушка Ветровоск опустила голову и посмотрела волку в глаза.

— Пршшшууу, — прорычал он. — Прррик-
конншть мннняя! Скорррреее!

Она опустилась рядом с ним на колени и взяла в руки его лапу.

— Ты уверен? — спросила она.

— Дааааа!

С властным видом она поднялась на ноги и повернулась к приближающейся троице.

— Господин Дровосек! — окликнула она. — Тут есть для вас кое-какая работенка...

Дровосек так никогда и не понял, почему волк сам, с покорной готовностью положил голову на пенек.

Или почему старуха — та, в которой гнев буквально kloкотал, словно ячменная каша в горшке, — почему она, когда все было кончено, настояла, чтобы волка похоронили по-человечески, вместо того чтобы содрать с него шкуру, а остальное забросить в кусты.

Таков был конец большого злого волка.

Это случилось примерно через час. У домика, возле которого кипела какая-то оживленная деятельность, собралось довольно много дровосеков. Рубка леса — занятие не из тех, которые обычно предоставляют много возможностей поразвлечься.

Маграт мыла полы — прибегнув к тем самым чарам, которые вершатся с помощью ведра обычной мыльной воды и жесткой щетки. Даже нянюшка Ягг, чей и без того довольно скромный интерес к гордой роли домохозяйки полностью испарился, как только ее старшая дочь подросла настолько, чтобы удержать в руках тряпку, — ня-

нюшка, и та чистила стены. Старенькая бабушка, которая не совсем понимала, что происходит, тревожно сновала следом за ведьмами, держа в руках блюдечко с молоком. Пауки, которые из поколения в поколение безраздельно владели потолком, были вежливо, но решительно изгнаны за дверь.

А матушка Ветровоск прогуливалась по опушке со старшиной дровосеков — молодым человеком с бочкообразной грудью, который крайне гордился своими кожаными с заклепками напоястниками.

— Но он ошивался тут много лет, — пожал плечами лесоруб. — Вечно рыскал по округе, болтался возле деревень и все такое.

— Вот именно. И с ним никто ни разу даже не попытался заговорить! — рывкнула матушка.

— Заговорить? Так ведь он же *волк*! А с *волками* никто никогда не разговаривает. Животные не умеют разговаривать.

— Гм-м, понятно. А как насчет старушки? Ведь вас, дровосеков, так много. Вы когда-нибудь, хоть разок, заглянули навестить ее?

— Что? Конечно нет!

— Почему?

Старшина дровосеков заговорщически наклонился вперед:

— Говорят, она ведьма, вот почему!

— Неужели? — удивилась матушка. — С чего это ты взял?

— Да все ж признаки налицо.

— И какие же это признаки?

Дровосек слегка смутился.

— Ну... она... живет в лесу и, почитай, совсем одна, так?

— Так, и что?..

— И... и... а еще у нее нос крючком, и она вечно что-то бормочет себе под нос...

— И?

— И у нее совсем нет зубов.

— Ага! — догадалась матушка. — Значит, насколько я поняла, все дело в ее внешности. Просто вы не хотите иметь дело с такими, как она, верно?

— Верно! — с облегчением воскликнул дровосек.

— А то вдруг она только взглянет на вас, и вы тут же превратитесь во что-нибудь этакое, я правильно тебя поняла? — матушка сунула палец в ухо и задумчиво им покрутила.

— Ну, от ведьм всякого можно ожидать...

— Ну еще бы! — подтвердила матушка. — Здорово, что на свете есть такие здоровущие, сильнющие парни, как вы. Ц-ц-ц. Гм-м. Молодой человек, позвол-ка взглянуть на твой топор.

Дровосек вручил ей свое орудие труда. Перехватив его, матушка показно скрючилась, как будто держала неимоверную тяжесть. На лезвии топора до сих пор были видны следы волчьей крови.

— Ну и ну, какой тяжелый, — покачала головой она. — И, небось, ты ловко с ним управляешься?

— Два года подряд выигрываю серебряный пояс на состязаниях дровосеков, — гордо ответил старшина.

— Два года подряд? Целых два года? Ого! Это здорово. Это очень здорово. А я так едва могу его поднять...

Матушка, держа топор одной рукой, неумело попыталась взмахнуть им. Дровосек едва успел отскочить, когда лезвие просвистело у самого его

лица и на четверть дюйма вонзилось в ствол растущего рядом дерева.

— Ты уж меня извини, — запричитала матушка Ветровоск. — Какая же я неловкая старуха! Никогда не умела обращаться со всякими сложными приборами!

Криво улыбнувшись в ответ, дровосек попытался отобрать у матушки топор.

Но внезапно все силы оставили его, и он рухнул на колени. Лицо дровосека вдруг побелело как полотно.

Матушка в свою очередь нагнулась так, что ее губы оказались вровень с его ухом.

— Вы же могли навестить старушку, — тихо произнесла она. — Могли поговорить с волком. Но ничего этого вы не сделали, верно?

Дровосек попытался было что-то сказать, но, похоже, у него никак не получалось разжать зубы.

— Вижу, ты сейчас очень сожалеешь об этом, — кивнула она. — Вижу, ты понял, что поступал неправильно. И руку даю на отсечение, что тебе не терпится немедленно кинуться чинить старушкин домик, приводить в порядок огород, готовить ей дрова на зиму... Мало того, я бы ничуть не удивилась, если бы вы, лесорубы, оказались настолько щедры, что построили бы ей *новый* домик с нормальным колодцем. Причем где-нибудь поблизости от деревни, чтобы ей не нужно было жить одной. Понимаешь ли, иногда у меня получается прозревать будущее, и сейчас я просто знаю, что именно так все и случится, — *я права?*

С дровосека градом катил пот. Теперь создавалось впечатление, что и легкие у него тоже отказали.

— Также мне известно, что вы обязательно сдержите данное слово. Знаешь, я так довольна этим, что непременно позабочусь о том, чтобы с вами не произошло ничего дурного, — проговорила матушка все тем же приятным ровным голосом. — Лес валить занятие небезопасное. Люди частенько калечатся. То на них дерево упадет, то топор сломается, да острием по горлу — чик! — Дровосек задрожал, а матушка продолжала: — Поэтому я наложу на тебя маленькое заклятие, чтобы с тобой никогда ничего подобного не случилось. В знак моей, стало быть, благодарности. За то, что тебе так не терпится помочь пожилой женщине. Договорились? Ты только кивни.

Из последних сил дровосек ухитрился чуть шевельнуть головой. Матушка Ветровоск улыбнулась.

— Ну вот! — воскликнула она, выпрямляясь и стряхивая с платья прицепившийся листок. — Сам знаешь, насколько легче станет жить, если мы будем помогать друг другу!

Ведьмы отправились в дорогу около полудня. К тому времени огород старушки уже кишел людьми, а воздух был наполнен визгом пил и стуком молотков. Такие новости, как матушка Ветровоск, распространяются со скоростью лесного пожара. Трое дровосеков вскапывали огород, двое спорили, кому лезть чистить печную трубу, а еще четверо уже наполовину вырыли новый колодец — земля так и летела с их лопат.

У старушки подходил к концу запас блюдечек для молока.

Воспользовавшись всей этой суматохой, ведьмы незаметно улизнули.

— Вот видите, — сказала Маграт, когда они двинулись по лесной тропинке. — Стоит кому-нибудь одному подать пример, и все прочие тоже начнут помогать друг другу, причем совершенно бескорыстно, от чистого сердца. Значит, можно обойтись и без угроз, правда?

Нянюшка Ягг искоса взглянула на матушку.

— Ты вроде бы о чем-то разговаривала со старшиной дровосеков, — заметила она. — И о чем же вы с ним беседовали?

— Об опилках, — ответила матушка.

— Да неужто?

— А один из дровосеков сказал мне, — сообщила Маграт, — что в этом лесу творятся всякие странные вещи. Мол, животные ведут себя совсем как люди. И неподалеку отсюда обитает очень необычная медвежья семья.

— По-моему, в том, что медведи живут семьей, ничего необычного нет, — сказала нянюшка. — Они весьма общительные животные.

— А в том, что живут они в самом настоящем домике?

— Вот это уже необычно.

— Ну а я что говорю? — пожала плечами Маграт.

— Да уж, небось не так-то просто им сходить к соседям, чтобы занять чашку сахара, — хмыкнула нянюшка. — Не посидишь, не поговоришь по душам...

— Это точно, — подтвердила Маграт. — Как тут поговоришь, когда тебе все «хрю» да «хрю»?

— Как это?

— А что еще они могут сказать? Они ж свиньи.

— Одно время у нас тоже были такие соседи...— начала было нянюшка.

— Я говорю о настоящих *свиньях*. На четырех ногах. С хвостиками крючком. Чем бывает свинина, до того как становится свининой? Свиньей.

— Чтобы свиньи жили в доме? — удивилась матушка. — Кто ж их туда пустил?

— Дровосек сказал, что никто их и не пускал. Свиньи выстроили его сами. Трое их было. Три поросенка.

— Было? А с ними что-то случилось? — спросила нянюшка.

— Их съел волк. Видно, они оказались единственными настолько глупыми животными, чтобы позволить ему подкрасться достаточно близко. С костями сожрал. Ничего не осталось, кроме их духовного уровня.

— Стыд и позор.

— Впрочем, как говорит дровосек, строители из них были никудышные.

— А чего еще ожидать от свиней? С этими их копытцами и всем прочим, — покачала головой нянюшка.

— Дровосек жаловался, что крыша, мол, дырявая как решето, льет прямо на его постель.

Некоторое время ведьмы шли в молчании.

— Помню как-то раз я слышала, — бросив миомолетный взгляд на матушку Ветровоск, заговорила нянюшка, — про какую-то древнеисторическую колдунью. Она жила на острове и превращала выброшенных на берег моряков в свиней.

— Ужас какой! — подхватила Маграт.

— По-моему, главное — это то, каков ты внутри, — продолжала нянюшка. — Возьмем хоть Грибо. — Грибо, развалившийся на ее плечах вонючим меховым воротником, довольно заурчал. — Он же практически человек.

— Болтаешь всякий вздор, Гита, — фыркнула матушка Ветровоск.

— Болтаю. А все потому, что кое-кто ничего не хочет мне рассказывать, — мрачно парировала нянюшка Ягг.

— Говорю же тебе, я не уверена, — сказала матушка.

— Ты ж заглядывала волку в голову.

— Да. Заглядывала.

— Ну и?

Матушка вздохнула.

— Кто-то побывал здесь до нас. Проходил мимо. Кто-то, кто знает о могуществе сказок и всю пользуется им. А у сказок есть одно свойство... в общем, они имеют обыкновение обретать собственную жизнь. В особенности когда материал есть...

— Но зачем кому-то так развлекаться? — удивилась нянюшка.

— Для *практики*, — ответила матушка.

— Для какой еще практики? — спросила Маграт.

— Вот это мы скоро и узнаем, — буркнула матушка.

— Ты должна немедленно все мне рассказать, — заявила Маграт. — Это ведь я здесь официальная фея-крестная. Поэтому я должна быть в курсе. Так что рассказывай.

Нянюшка Ягг прям похолодела. В качестве главы семейства Яггов она была отлично знакома с такого рода эмоциональным ландшафтом. Подобное заявление, отпущенное в столь неподходящий момент, можно сравнить с легким оползанием пласта снега, когда в горах вовсю буйствует оттепель. Это лишь начало процесса, который, без сомнения, закончится тем, что снежная лавина погребет под собой дюжину деревень. Целые ветви семейства Яггов перестали разговаривать с другими ветвями семейства Яггов из-за каких-то жалких «Спасибо вам большое», сказанных не в том месте и не тем тоном. А сейчас ситуация была куда хуже...

— Слушайте,— поспешно вмешалась она,— а почему бы нам не...

— С чего это я буду объясняться перед тобой? — хмуро промолвила матушка Ветровоск.

— А с того, что мы должны быть *тремя* ведьмами,— сказала Маграт.— Если, конечно, ты вообще считаешь нас ведьмами,— добавила она.

— Будь добра, растолкуй-ка мне, что ты хочешь этим сказать? — попросила матушка.

«Будь добра? — подумала нянюшка. — Кто-то начал предложение с “будь добра”? Это равносильно тому, как если бы кто-нибудь ударил кого-нибудь по лицу перчаткой, а затем швырнул ее на пол. Когда в ход идут фразы вроде “будь добра”, обратной дороги уже нет». Но на всякий случай она все ж попыталась.

— А как насчет...

Маграт бросилась в бой с безрассудной отвагой человека, танцующего в зареве сожженных им мостов.

— Ну,— промолвила она,— лично *мне* кажется...

— Неужели? И что же тебе кажется? — осведомилась матушка.

— Лично *мне* кажется,— снова начала Маграт,— что ни о каких там чарах даже речи идти не может. Чары? Какое там. Зачем? Обойдемся обычной... головологией. Только это не то, что принято называть ведьмовскими чарами. Мы просто морочим людям головы. Пользуемся их доверчивостью. Знаешь, решив стать ведьмой, я ожидала несколько другого...

— А кто здесь говорит,— процедила матушка Ветровоск медленно и с ленцой,— что ты стала ведьмой?

— Ой, ветерок чтой-то поднялся, может, нам лучше...— встряла нянюшка Ягг.

— Что-что ты сказала? — переспросила Маграт?

Нянюшка Ягг прикрыла глаза ладонью. Когда человек просит повторить фразу, которую и так прекрасно расслышал, но которой до крайности взбешен, это означает, что войска начали приходить в боевую готовность.

— Вот странно, раньше у меня с дикцией все было нормально,— фыркнула матушка.— Неужели ты меня не расслышала? Лично *мне* показалось, что каждое мое слово прозвучало абсолютно ясно.

— Наверное, скоро облака набегут, по-моему, нам стоит...

— То есть, ты считаешь, для настоящей ведьмы я недостаточно ограниченная, вздорная и легкомысленная? — осведомилась Маграт.

— Ограниченная? Это ты обо *мне*?

— Тебе нравятся люди, которые нуждаются в помощи, потому что, если они нуждаются в помощи, значит, они слабы, и, помогая им, ты чувствуешь себя сильной! Так чем же тут может помешать немного волшебства?

— Да тем, что волшебства никогда не бывает немного, глупая ты девчонка!

Маграт отшатнулась, лицо ее покраснело. Она полезла в сумку и, вытащив тоненький томик, взмахнула им как мечом.

— Может, конечно, я и глупая, — выпалила она, — но я стараюсь хоть чему-то научиться! Волшебство — это тебе не фокусы и не средство запугивания! Люди в этой книге могут... они могут ходить по горящим углям! Совать руки в огонь, и им ничего не будет!

— Дешевые трюки! — рявкнула матушка.

— Чистая правда!

— Не может быть. Такое просто невозможно!

— Это значит, что они умеют управлять порядком вещей! Думаешь, волшебство — это лишь средство, чтобы вертеть людьми, как тебе захочется? Ошибаешься, волшебство — это нечто большее!

— Вот как? Ну да, будем теперь обращаться с мольбами к звездам, рассеивать в воздухе волшебные порошки. Уж так-то люди точно станут счастливее!

— Да, счастливее! И это очень важно! Иначе вообще какой смысл что-либо делать? Да и потом... Когда я пришла в дом Жалки, ты ведь искала там волшебную палочку?

— Я просто не хотела, чтобы она попала в дурные руки!

— То есть в любые руки, кроме твоих!

Они яростно уставились друг на друга.

— Неужели в тебе нет ни капли романтики? — горестно воскликнула Маграт.

— Нет, — сказала матушка. — Ни капельки. И звездам совершенно без разницы, чего ты там желаешь, и волшебство вовсе не делает жизнь лучше, а тот, кто сует руки в огонь, непременно обжигается. Короче, Маграт Чесногк, если ты хочешь стать хоть немного похожей на ведьму, ты должна научиться трем вещам. Что реально, что нереально и в чем разница между...

— А еще всегда узнавай у молодого человека его адрес и как его зовут, — добавила нянюшка. — Мне это всегда помогало. Шучу, шучу, — поспешно промолвила она, когда обе ведьмы сердито уставились на нее.

Поднимался ветер. По воздуху неслись листья и клочья травы.

— Во всяком случае, идем мы правильно, — не подумавши, ляпнула нянюшка, лихорадочно пытаясь отвлечь подруг от спора. — Во, глядите-ка! На табличке написано: «Орлея».

Так оно и было. Старый, изъеденный древесными червями дорожный указатель стоял прямо на опушке леса. Один из концов таблички был заострен так, что походил на вытянутый указательный палец.

— И дорога тоже вроде подходящая, — продолжала трещать нянюшка.

Ссора немного улеглась — отчасти из-за того, что обе стороны больше не разговаривали друг с другом. Не то чтобы они прекратили обмениваться звуковыми сигналами — нет, это всего-навсего называется «прекратить разговор». Тишина, что

разделила Маграт Чесногк и матушку Ветровоск, была абсолютной, она происходила родом из ужасных раскаленных миров Абсолютного Неразговаривания Друг с Другом.

— Вот это да! — вдруг удивилась нянюшка. — Желтые кирпичи. Слыханное ли дело, чтобы дорогу мостили желтым кирпичом?!

Маграт и матушка Ветровоск стояли, скрестив руки на груди, и намеренно смотрели в разные стороны.

— Наверное, это чтоб светлее было по вечерам, — предположила нянюшка.

На горизонте посреди яркой зелени сверкала и переливалась Орлея. Дорожка спускалась в широкую долину, в которой приютились несколько маленьких деревушек, и направлялась в сторону города. Между деревушкам змеилась река.

Ветер яростно вцепился в ведьмины юбки.

— При такой погоде ни за что не долетим, — сказала нянюшка, мужественно пытаясь подерживать разговор за троих.

— Ну так что, пешком пойдем? — предложила она и добавила, поскольку даже в столь невинных душах, как у нянюшки Ягт, порой вспыхивают искорки язвительности: — А может, споем что-нибудь бодрое? Чтоб легче шагалось?

— Кто я такая, чтобы кому-то что-то запрещать? — пожала плечами матушка. — Делай что хочешь, меня это не касается. Но кое у кого с палочками и великими идеями наверняка найдется что сказать.

— Ха! — отреагировала Маграт.

Друг за другом ведьмы двинулись по желтой дорожке к далекому городу, причем нянюшка Ягт

вынуждена была выполнять роль эдакого мобильного буферного государства посередине.

— Что кое-кому не помешало бы,— промолвила Маграт, обращаясь к миру в целом,— так это иметь побольше сердца.

— А кое-кому не помешало бы,— ответствовала матушка Ветровоск, обращаясь к грозовому небу,— иметь побольше мозгов.

И ухватила обеими руками за шляпу, которую едва не сорвало ветром.

«А что мне не помешало бы,— с жаром подумала нянюшка Ягт,— так это глотнуть из бутылочки».

Ровно три минуты спустя ей на голову обрушился домик.

Длинной вереницей ведьмы растянулись по дороге. Матушка Ветровоск вышагивала впереди, Маграт тащилась в арьергарде, а нянюшка находилась как раз между ними.

«Я ведь даже не пела!» — возмущалась потом нянюшка. Просто еще мгновение назад по дороге шла маленькая полненькая ведьма, а в следующий миг на ее месте уже разваливался деревянный домик.

Обернувшись, матушка Ветровоск обнаружила, что смотрит на покосившуюся некрашеную дверь. А Маграт едва не влетела в такую же серую выцветшую дверь, расположенную позади домика.

Стояла полная тишина, слышалось лишь потрескивание оседающего дерева.

— Гита! — позвала матушка.

— Нянюшка! — окликнула Маграт.

Обе ведьмы распахнули свои двери.

Домик был очень простой конструкции, с двумя комнатами внизу, разделенными коридором. Посреди коридора, окруженная сломанными, изъеденными термитами половицами, торчала нянюшка Ягг. Широкополая шляпа была нахлобучена до самого ее подбородка. Грибо куда-то бесследно исчез.

— Что случилось? — спросила нянюшка. — Случилось что?

— Тебе на голову упал фермерский домик, — растолковала Маграт.

— А, один из этих... — неопределенно кивнула нянюшка.

Матушка схватила ее за плечи.

— Гита, сколько пальцев ты видишь? — с тревогой спросила она.

— Каких еще пальцев? Кругом тьма кромешная.

Маграт и матушка ухватились за поля ведьмовской шляпы и полусдернули-полускрутили ее с нянюшкиной головы. Нянюшка Ягг растерянно заморгала.

— Вот что значит ивовая арматура, — сказала она, когда остроконечная шляпа со скрипом приняла первоначальную форму, будто раскрывающийся зонтик. Нянюшку чуть покачивало. — Хоть молотком по ней бей, по этой самой арматуре. Главное в шляпе — это прутья. Распределяют нагрузку. Непременно напишу господину Вернисачче.

Маграт ошалело озиралась.

— Он свалился с неба прямо нам на головы! Вернее, тебе на голову, — поправилась она.

— Может, смерч где случился или еще какая напасть,— ответила нянюшка Ягг.— Подхватило его, понимаешь, а потом ветер стих, ну, он возьми да и упади. От этих ветров чего угодно ожидать можно. Помните ту бурю, что была в прошлом году? Так вот, одна моя несущка откладывала одно и то же яйцо раза четыре, не меньше, страх как намучилась, бедная...

— Заговаривается,— поставила диагноз Маграт.

— Да нет, это я всегда так разговариваю,— возразила нянюшка.

Матушка Ветровоск заглянула в одну из комнат.

— Скорее всего, ни еды ни питья здесь не сыщешь,— констатировала она.

— Пожалуй, после долгих уговоров я бы глотнула чуточку бренди,— быстро сказала нянюшка.

Маграт взглянула в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

— Ау-у! — придушенно позвала она. Подобный голос обычно используется в тех ситуациях, когда человек желает быть услышанным, но в то же время боится, что о нем плохо подумают.— Есть там кто-нибудь?

Нянюшка сунулась под лестницу. меховой шар Грибо сидел, забившись в самый угол. Она выгудила кота за шкурку и растерянно погладила. Несмотря на шляпный шедевр господина Вернисачче, несмотря на изъеденный жучком пол и даже несмотря на вошедший в легенды толстый Ягговский череп, нянюшка чувствовала себя странно потускневшей, а к ее обычной жизнерадостности примешивалась легкая тоска по дому. В родных

краях тебя не станут просто так бить домом по голове.

— Знаешь, Грибо,— сказала она.— По-моему, это не Ланкр.

— Я нашла немного варенья,— донесся из кухни голос матушки Ветровоск.

Чтобы к нянюшке Ягг вернулось обычное расположение духа, требовалось совсем немного.

— Прекрасно! — отозвалась она.— К гномьим пирогам самое то!

В комнату вошла Маграт.

— Уж не знаю, имеем ли мы право пользоваться чужими припасами...— покачала головой она.— Ведь домик кому-то да принадлежит.

— Гита, там кто-то что-то сказал, или мне слышалось? — язвительно осведомилась матушка Ветровоск.

Нянюшка устало закатила глаза.

— Лично я, нянюшка,— продолжила Маграт,— всегда считала, что брать чужое нехорошо.

— Она говорит, мол, все это не наше, Эсме,— перевела нянюшка.

— Не знаю, с кем ты там разговариваешь, Гита, но передай ей, что мы сейчас подбираем обломки после кораблекрушения, так что все законно,— произнесла матушка.

— Она говорит: было ваше — стало наше, Маграт,— сообщила нянюшка.

За окном что-то мелькнуло. Маграт подошла к окну и вперилась в давно не мытое стекло.

— Забавно. Вокруг домика танцует целая толпа гномов,— наконец сказала она.

— Да ну?! — удивилась нянюшка, открывая шкафчик.

Матушка вдруг застыла.

— А они... То есть, я хочу сказать, спроси ее, они там случаем не поют? — выдавила она.

— Они там что-нибудь поют, Маграт?

— Я что-то слышу, — кивнула Маграт. — Что-то вроде «хай-хо, хай-хо».

— Да, это гномья песня, точно, — признала нянюшка. — Только гномы и могут кричать по-ослиному целый день напролет.

— По-моему, они чему-то очень радуются, — с сомнением заметила Маграт.

— Может, это их домик, и они радуются, что получили его обратно?

В заднюю дверь забарабанили. Маграт открыла. Целая толпа ярко одетых человечков растерянно отшатнулась от двери, но потом гномы пришли в себя и изумленно уставилась на Маграт.

— Э-э-э, — проблеял один из них, по всей видимости старший. — А старая ведьма... она мертва?

— Которая из них? — уточнила Маграт.

Гном несколько мгновений таращился на нее с широко открытым ртом. Потом повернулся и шепотом посоветовался о чем-то со своими товарищами. Затем снова повернулся к Маграт.

— А сколько их у тебя?

— Две. На выбор, — ответила Маграт. Сейчас она была не в настроении, и ей совершенно не хотелось поддерживать разговор дольше необходимого. Несвойственная ей раздражительность даже заставила ее добавить: — За спрос денег не беру.

— О! — Гном призадумался. — Ну тогда та, на которую упал домик.

— Нянюшка-то? Нет, живехонька. Ее лишь оглушило. Но все равно спасибо, что поинтересова-

лись, — произнесла Маграт. — Очень мило с вашей стороны.

Это сообщение немало озадачило гномов. Маленькие человечки сбились в кучу и о чем-то тихонько заспорили.

Потом старший гном опять повернулся к Маграт. Он снял свою каску и принялся нервно крутить ее в руках.

— Э-э-э, — сказал он. — А можно мы заберем ее сапоги?

— Что?

— Ее сапоги, — повторил гном и покраснел. — Пожалуйста, можно мы их возьмем?

— А зачем вам понадобились ее сапоги?

Гном хмуро взглянул на нее. Затем развернулся и снова принялся горячо о чем-то спорить с коллегами. Потом опять повернулся к Маграт.

— Понимаешь, просто у нас такое... чувство... что мы должны забрать ее сапоги, — сказал он.

И вытаращился на Маграт, смущенно моргая.

— Ладно, пойду спрошу, — кивнула Маграт. — Но вряд ли она согласится.

Она уже было собралась закрыть дверь, когда гном снова затеребил свою каску.

— А они желтого цвета? — робко поинтересовался он.

— Скорее, они красные, — ответила Маграт. — Красные вас устроят?

— Сейчас спрошу.

Некоторое время гномы оживленно совещались. Наконец старший гном вернулся.

— Раз нет желтых, давайте красные.

Маграт без всякого выражения взглянула на гнома и прикрыла дверь.

— Нянюшка,— медленно произнесла она, вернувшись на кухню,— там снаружи какие-то гномы просят твои сапоги.

Нянюшка подняла на нее глаза. Она нашла в шкафчике краюху заплесневелого хлеба и сейчас самозабвенно жевала. Просто удивительно, и на что только не идет человек, когда альтернативой является гномий пирог...

— А зачем они им? — поинтересовалась она.

— Не говорят. Сказали только, что чувствуют, будто хотят ваши сапоги.

— Звучит крайне подозрительно,— вмешалась матушка.

— Помню, старый Трясун Свистли с Рыбьих Ручьев всегда был сам не свой до сапог,— сказала нянюшка, откладывая хлебный нож.— А по сапогам с черными пуговками вообще с ума сходил. Прямо коллекционировал их. Бывало, видит, что идешь мимо в новых сапогах, так поперек дороги и ложится.

— Вряд ли в этом дело. Гномы не такие извращенцы,— возразила матушка.

— Может, они собираются из них пить? — предположила нянюшка.

— Что значит пить? — спросила Маграт.

— Да просто в заграницах так принято,— ответила нянюшка.— Они там частенько пьют шипучее вино из дамской обуви.

Ведьмы дружно уставились на нянюшкины сапоги.

Даже сама нянюшка не могла себе представить, чтобы кто-нибудь захотел из них пить и что с ним случилось бы потом.

— По мне, так это еще большее извращение, чем то, что творил старый Свистли,— задумчиво заявила нянюшка.

— Мне показалось, они были немного растеряны,— сказала Маграт.

— И неудивительно. Не так уж часто у людей вдруг появляется чувство, что они должны пойти и стянуть с порядочной ведьмы сапоги. Лично мне кажется, что это очень похоже на еще одну болтающуюся окрест сказку,— задумчиво промолвила матушка Ветровоск.— По-моему, стоит перемолвиться с этими гномами.

Она двинулась в коридор и распахнула дверь.

— В чем дело? — грозно спросила она.

При виде матушки гномы попятились. Из толпы донеслись перешептывание и приглушенные возгласы вроде: «Нет, *ты*» и «Я уже *ходил*». Наконец вперед вытолкнули одного из гномов. Возможно, именно с ним разговаривала Маграт. Этих гномов никогда не отличишь друг от друга.

— Э-э-э,— произнес он.— Э-э-э. Сапоги?

— *Зачем?* — спросила матушка.

Гном почесал в затылке.

— Будь я проклят, если знаю,— ответил он.— Честное слово, мы и сами промеж себя никак не пойдем. Просто полчаса назад мы возвращались со смены из шахты, увидели, как падает домик... на ведьму, и... в общем...

— Вы вдруг *поняли*, что вам обязательно нужно туда сбегать и стянуть ее сапоги, так? — спросила матушка.

Лицо гнома растянулось в улыбке облегчения.

— Точно! — сказал он.— И при этом петь «хай-хо, хай-хо». Правда, ведьму должно было разда-

вить. Вы только не обижайтесь,— быстро добавил он.

— Это все ивовый каркас,— раздался голос за спиной у матушки.— Отличная штука.

Некоторое время матушка задумчиво смотрела в пространство, затем улыбнулась.

— А почему бы нам, ребятки, не зайти в дом? — предложила она. — Мне нужно кое о чем вас спросить.

Гномы растерянно зашебуршались.

— М-м-м,— изрек их представитель.

— Что, боитесь очутиться в одном доме с тремя ведьмами? — спросила матушка Ветровоск.

Гномий представитель кивнул и тут же покраснел. Маграт и нянюшка Ягг за спиной матушки переглянулись. Очевидно, произошел какой-то сбой. Жившие в горах гномы никогда не боялись ведьм. Ссориться с гномами вам же хуже: в один прекрасный день вы можете обнаружить, что прямо под вашим домом расположилась гномья шахта.

— Видать, давненько вы не были у себя в горах,— заметила матушка.

— Уж очень здесь богатый угольный пласт,— пробормотал представитель, теребя каску.

— Наверное, соскучились по настоящему гномьему пирогу, да? — продолжала матушка.

Глаза представителя затуманились.

— О, гномий пирог, он испечен из тончайшего, молотого на каменных жерновах песка... Сделан трудолюбивыми ногами вашей мамочки,— продолжала матушка Ветровоск.

Гномы издали нечто вроде коллективного вздоха.

— Здесь такого просто не найти,— потупил глаза гномий представитель.— Видно, все дело в воде или еще в чем-то. И пары лет не пройдет, как пирог разваливается на мелкие кусочки.

— Просто они в него муку кладут,— кисло промолвил один из стоящих у него за спиной гномов.

— Хуже того. Булочник в Орлее еще и сухофрукты туда добавляет,— поддержал другой гном.

— Что ж,— потеряла руки матушка.— В таком случае, может быть, я сумею вам кое-чем помочь. Могу поделиться гномьими пирогами.

— Это невозможно...— уныло произнес гномий представитель.— Откуда здесь взяться гномьим пирогам? Настоящий гномий пирог нужно опускать в реку, высушивать, потом сидеть на нем... А затем он должен вылежаться, каждый день его нужно доставать из кладовой, чтобы проверить, после чего снова убирать... Здесь такие пироги печь не умеют.

— Значит, сегодня ваш счастливый день,— гордо изрекла матушка Ветровоск.

— По честности говоря,— сказала нянюшка Ягг,— мне кажется, что на кое-какие пироги нагадил кот.

Представитель гномов поднял голову, глаза его горели.

— Будь я проклят!

«Даразой Джейсон и все астальные,

Ну што за жизнь, чево тут только не творицца, начиная с гавоаящих валков и спящих в замках женьщин, вот вернись так будит вам расказать парачку историй, уш бутте уверены. Вот

*только всяких сельских домиков при мне не паминайте, кстати вспомнила нада паслать ка-
вонибудь к господину Верниссачче в Ломоть и
пиридать паздравления госпожа Ягг какие он
атличные делалит шляпы, пусть типерь пишит
на них «Адобрина нянюшкой Ягг». Пиридайте
ему, што его шляпы астанавливают 100% всех
известных сельских домиков, а ицо кагда пишиш
людям нащет таго какие атличные у них вещи
иногда палучаиш тавары бисплатна, так што
можит и выйдит мне новая шляпа вобщем ни
забуть, зделай как я гаварю».*

Лилит вышла из своей зеркальной комнаты. Призрачные отражения тянулись за ней, медленно исчезая.

Падающие домики — верное средство от ведьм. Лилит это знала точно. Ведьмам от домиков спасения нет, только обувька и остается.

Порой Лилит приходила в отчаяние. Люди наотрез отказывались следовать своим ролям.

Интересно, думала иногда она, а бывает ли такая штука, как *противоположность* феи-крестной? Ведь большинство вещей имеют свои противоположности. А если подобная противоположность существует, значит, и вовсе Лилит не злая — она все та же добрая фея-крестная, только немножко с другой точки зрения.

А настоящая противоположность феи-крестной — это человек, который портит сказки, самое отвратительное существо на свете.

Но здесь, в Орлее, развивается такая сказка, которую никому не остановить. Эта сказка уже набрала скорость. Попробуй встать на ее пути, и

она поглотит тебя, сделает частью своего сюжета. Теперь Лилит можно и пальцем не шевелить. За нее все сделает сказка. Да, Лилит могла быть совершенно спокойна: победа ей обеспечена. Да и чего волноваться-то? Она ж добрая фея-крестная!

Лилит прошла вдоль зубцов крепостной стены и спустилась по лестнице в свою комнату, где ее уже ждали сестры. Что-что, а ждать они умели. Могли сидеть часами, даже не моргая.

Дюк напрочь отказывался оставаться с ними в одной комнате.

Когда она вошла, обе сестры повернули головы.

Лилит так и не дала им голосов. Это было ни к чему. Хватит того, что они красивы и способны понимать ее приказы.

— Сейчас вы должны пойти в дом, — велела она. — Это очень важно. Послушайте меня. Завтра появятся люди, которые захотят встретиться с Эллой. Вы должны им это позволить, понятно?

Они пристально следили за ее губами. Они всегда следили за всем, что движется.

— Они понадобятся нам для сказки. Они должны попытаться остановить Эллу, иначе сказка не будет развиваться как надо. А потом... потом, может быть, я подарю вам голоса. Вы ведь хотите этого, верно?

Они переглянулись и дружно посмотрели на нее. После чего их внимание переключилось на стоящую в углу комнаты клетку.

Лилит улыбнулась, подошла к клетке и вытащила оттуда двух белых мышей.

— Самая молодая из ведьм чем-то похожа на вас, — сказала она. — Посмотрим, что с ней можно сделать. А теперь... открывайте ротик...

Метлы неслись в полуденном небе.

Редко когда такое случалось, но на сей раз ведьмы не спорили.

Гномы напомнили им о родных краях. Да и какое бы сердце не смягчилось при виде того, как гномы тихонько сидели и смотрели на любимые пироги, буквально пожирая их глазами, — надо сказать, это лучший способ поглощения всякого гномьего пирога. Что бы там ни подвигло маленьких человечков на поиски желтого цвета сапог, под действием невероятно приземленного воздействия гномьего пирога эти чары бесследно выветрились. Как выразилась матушка, трудно найти что-нибудь более реальное, чем гномий пирог.

А потом матушка отошла в сторонку, чтобы поговорить с глазу на глаз с гномьим старшиной.

Что он там ей поведал, она не рассказала, а спрашивать у нянюшки и Маграт не хватило духу. Сейчас матушка Ветровоск летела чуть впереди.

Периодически она восклицала себе под нос что-то вроде: «Ох уж эти мне крестные!» или «Практикантки!»

Ведьмовского опыта у Маграт было еще мало, но к этому времени даже она *ощущала* Орлею — так барометр чувствует атмосферное давление. В Орлее оживали сказки. В Орлее кто-то решил сны сделать былью.

Помните свои сны?

Орлея располагалась в дельте реки Вье (а правильнее, Старого река), которая и являлась источником богатства города. А Орлея была действительно богата. Когда-то город контролировал устье

реки и облагал данью все проходящие в верховья суда. Пиратством это было назвать нельзя только потому, что дань взимал муниципалитет, а следовательно, подобный грабеж сразу становился экономикой и оказывался совершенно нормальным взиманием платы. Ну а болота и озера в дельте обеспечивали горожан ползающими, плавающими и крылатыми ингредиентами блюд, которые непременно прославились бы на весь мир, если бы жители Диска больше путешествовали.

Орлея была богата, ленива и непугана. И некогда на нее точили зуб многие организации. Например, раньше там помещался самый крупный за пределами Анк-Морпорка филиал Гильдии Убийц, а у его членов было столько заказов, что порой клиенту приходилось месяцами дожидаться своей очереди*.

Но убийцы покинули город много лет назад. От некоторых вещей начинает мутить даже шакалов.

Город возник внезапно. Издали он казался похожим на какой-то сложный белый кристалл, который вырос на благодатной зелено-коричневой почве болот и лесов.

По мере приближения Орлея превратилась сначала в наружное кольцо небольших зданий, затем во внутреннее кольцо больших, внушительных белых особняков, и наконец, показался дворец, выся-

* Тогда как в Анк-Морпорке бизнес временами шел настолько вяло, что некоторые из самых прогрессивных членов гильдии вывешивали в витринах своих лавок особые предложения типа: «Двоих закалываю, одного травлю бесплатно».

щийся в самом центре города. Он был очень красив и походил на игрушечный замок или на какое-то произведение кондитерского искусства. Каждая изящная башенка выглядела так, будто была выстроена специально для того, чтобы содержать в ней плененную принцессу.

Маграт вздрогнула. Но потом вспомнила о волшебной палочке. У крестной есть свои обязанности.

— Напоминает мне одну из историй о Черной Алиссии, — сказала вдруг матушка Ветровоск. — Помнится, она заточила одну девчонку как раз в такую же башню. Румпельштильцель ее звали, или что-то вроде того. У нее еще косы длинные были.

— Но ей удалось выбраться, — отозвалась Маграт.

— Да, длинные волосы никогда не помешают, — покачала головой нянюшка.

— Ха! Сельские легенды! — фыркнула матушка.

Они подлетели почти к самым городским стенам.

— У ворот стража, — заметила Маграт. — Может, перелетим прямо через стену?

Матушка, прищурившись, уставилась на самую высокую башню.

— Не-ет, — задумчиво протянула она. — Сядем у ворот и войдем как все. Чтобы понапрасну никого не беспокоить.

— Ну, тогда вон за теми деревьями есть чудесная зеленая лужайка, — сказала Маграт.

Матушка на пробу прошла враз-вперед. При каждом шаге ее сапоги водянисто-возмущенно пищали и булькали.

— Слушайте, я же уже извинилась! — воскликнула Маграт. — С виду лужайка как лужайка, ровная такая...

— Вода обычно такой и бывает, — подтвердила нянюшка, сидящая на пенке и выжимающая свои одеяния.

— Но ведь вы тоже не поняли, что это вода, — ответила Маграт. — Она выглядит такой... такой *травянистой*. От всей этой тины и водорослей, что плавают по верху.

— Видать, в здешних краях земля и вода сами не могут разобраться, кто есть кто, — пожалала плечами нянюшка.

Она окинула взглядом окутанные болотными миазмами окрестности.

Прямо из болота росли деревья. У них был какой-то изломанный, типично чужеземный вид, и, похоже, чтобы не терять зря времени, они гнили прямо в процессе роста. Вода, местами проглядывающая из-под зеленой ряски, была черной как чернила. Периодически на поверхность вырывалось несколько пузырей, что смахивало на какую-то утробную болотную отрыжку. А где-то вдалеке была река — если только в этом царстве трясин и земли, колыхавшейся при каждом шаге, хоть в чем-то можно было быть уверенным.

Нянюшка изумленно заморгала.

— Странно... — пробормотала она.

— Что? — спросила матушка.

— Да померещилось. Будто... что-то бежит... — рассеянно ответила нянюшка Ягг. — Вон там. Между деревьями.

— Тогда это, наверное, утка, в таком-то месте...

— Да нет, оно вроде побольше утки было, — возразила нянюшка. — И что забавно, очень походило на маленький домик.

— Ага, конечно, а из трубы у него небось дым валил, — саркастически заметила матушка Ветровоск.

Нянюшка прямо-таки просияла.

— Значит, ты его тоже видела?

Матушка лишь закатила глаза.

— Ладно, пошли, — сказала она. — Пора выбираться на дорогу.

— Э-э-э, — промолвила Маграт, — но как?

Они взглянули на так называемую землю, отделяющую их сравнительно сухое прибежище от дороги. «Земля» отливала желтизной. Из-под нее торчали всякие кривые ветки, кое-где виднелись клочки подозрительно зеленой травы. Нянюшка отломила от упавшего дерева, на котором сидела, сухой сучок и швырнула его на несколько ярдов. Сучок издал влажный «чвак» и тут же утонул, родив напоследок звук, который обычно слышится, когда кто-то пытается всосать остатки молочного коктейля.

— Ну, можно просто перелететь туда, — предложила нянюшка.

— Вы-то, может, и перелетите, — фыркнула матушка. — А где я здесь разбежусь, чтобы помело завести?

В конце концов Маграт переправила ее через трясины на своем помеле, а нянюшка летела за ними, ведя на буксире непослушную метлу матушки.

— Остается только надеяться, что нас никто не видел, — сказала матушка, когда они наконец

оказались в сравнительной безопасности, то есть на твердой и сухой дороге.

По мере приближения к городу в болотную дорогу вливались другие. Эти дороги были буквально запружены людьми, и перед воротами скопилась длинная очередь.

С земли город производил еще более внушительное впечатление. На фоне болотных испарений он сверкал, будто отполированный камень. Над стенами развевались разноцветные флаги.

— А с виду он очень миленький, — сообщила нянюшка.

— И очень чистый, — добавила Маграт.

— Это он только снаружи такой, — ответила матушка, которая однажды уже бывала в большом городе. — А стоит оказаться внутри, так там сплошь нищие, шум и сточные канавы, полные уж не знаю чего... В общем, попомните мои слова.

— Смотрите-ка, половину людей стражники заворачивают, — удивилась нянюшка.

— На корабле, помнится, говорили, мол, прорва народу стремится прорваться сюда на этот ихний Сытый Вторник, — сказала матушка. — Может, отсеивают самых худых, чтобы праздник не портить?

С полдюжины стражников молча наблюдали за приближением ведьм.

— Красиво разнаряжены, — признала матушка. — Вот это мне нравится. Не то что наши.

На весь Ланкр было всего шесть кольчуг. При чем сделанных по принципу «поносил сам, дай поносить другому». В Ланкре роль дворцового стражника мог исполнять любой гражданин, которому в тот момент нечем было заняться, и, что-

бы убрать лишнее, пользовались веревочками и проволочками.

Тогда как местные стражники все были шести футов ростом, и даже матушка признала, что в своих красивых красно-голубых мундирах выглядели они очень впечатляюще. В Анк-Морпорке, впрочем, ей тоже доводилось видеть Городскую Стражу. Однако сам вид анк-морпоркских стражников прежде всего заставлял задуматься: неужели на город может напасть кто-нибудь хуже этих типов?

К вящему матушкиному удивлению, стоило ей вступить под арку ворот, как дорогу ей преградили две скрещенные пики.

— Не бойтесь так, ребята, мы на вас не нападем,— сказала матушка Ветровоск.

Капрал отдал ей честь.

— Конечно, госпожа,— кивнул он.— Но нам велено не пускать всяких подозрительных личностей.

— Подозрительных? — переспросила нянюшка Ягг.— А что ж в нас такого подозрительного?

Капрал сглотнул. Встретиться взглядом с матушкой Ветровоск было испытанием не из легких.

— Ну,— выдавил он,— понимаете, вы как бы... слегка неопратно выглядите.

Наступила звенящая тишина. Матушка втянула в себя воздух.

— Просто мы немножко заблудились и случайно забрели на болото,— поспешно вмешалась Маграт.

— Впрочем, подождите, я уверен, все будет в порядке,— пробормотал несчастный капрал, за-

метно оседая под матушкиным взором.— Скоро подойдет капитан. Понимаете, ежели пускать в город кого попало, то ничего, кроме неприятностей, не жди. Вы даже не поверите, какие типы к нам пытаются пролезть.

— Уж конечно, кого попало пускать не с руки,— согласилась нянюшка Ягт.— Вы в самом деле смотрите, кого попало не пускайте. Скажу больше, мы бы и сами не пошли в такой город, в который пускают кого ни попадя, правда, Эсме?

Маграт пнула ее в лодыжку.

— Хорошо, что мы не кто попало,— заключила нянюшка.

— В чем дело, капрал?

Капитан стражников появился из двери караулки и подошел к ведьмам.

— Эти... дамы хотят пройти, сэр,— отрапортовал капрал.

— И?

— Они немного... ну, понимаете, не стопроцентно чистые,— промямлил капрал, ежась под матушкиным взглядом.— А у одной из них растрепаны волосы...

— И что с того?! — огрызнулась Маграт.

— ...А еще одна, похоже, имеет привычку сквернословить.

— Чего? — возмутилась нянюшка, улыбка которой мгновенно растаяла.— Вот засранец, ну я тебе сейчас надеру задницу!

— Но, капрал, ведь при них метлы,— заметил капитан.— А служанкам-уборщицам трудновато всегда выглядеть опрятно.

— Служанкам? — возмутилась матушка.

— Не сомневаюсь, что им самим не терпится привести себя в порядок,— продолжал капитан.

— Ну уж извините...— нахмурилась матушка, в словах которой прозвучали почти такие же нотки, как в командах «Взять!» и «Убить!».— Я, конечно, извиняюсь, но разве эта моя остроконечная шляпа тебе ни о чем не говорит?

Солдаты вежливо изучили ее шляпу.

— А о чем она должна говорить? — наконец спросил капитан.

— Она означает, что мы...

— Если вам все равно, то мы, пожалуй, просто проскочим, и дело с концом,— перебила ее нянюшка Ягг.— Нам еще убирать и убирать.

Она помахала своей метлой.

— Следуйте за мной, дамы.

Они с Маграт крепко подхватили матушку под руки и поспешно протащили под аркой, пока не сработал ее запал. Матушка Ветровоск всегда придерживалась мнения, что сначала нужно досчитать до десяти, а уж только потом выходить из себя. Никто не знал, зачем ей это было нужно, поскольку таким образом давление лишь нарастало и последующий взрыв причинял много больше ущерба.

Ведьмы не останавливались до тех пор, пока ворота не остались далеко позади.

— Слушай, Эсме,— примирительно произнесла нянюшка,— не стоит принимать это на свой счет. Согласись, мы и в самом деле слегка запачкались. Они просто делают свое дело, и все. Верно ведь?

— Они обошлись с нами так, как будто мы обыкновенные люди,— потрясенно заявила матушка.

— Так это ж заграница, матушка,— встряла Маграт.— Кроме того, ты сама рассказывала, что люди на корабле тоже не узнали твою шляпу.

— Но тогда мне это было ни к чему,— ответствовала матушка.— А здесь совсем другое дело...

— Просто произошло дурацкое недоразумение, вот и все,— сказала Маграт.— Матушка, они ведь глупые солдафоны. Что с них взять, если они в упор не узнают свободной формы прическу?

Нянюшка огляделась. Мимо них почти в полной тишине сновало множество людей.

— И ты должна согласиться, что это премиленький чистенький город,— промолвила нянюшка.

Они окинули взглядом окрестности.

Более чистого города они и вправду еще не видели. Даже булыжники, которыми была вымощена улица, казались отполированными.

— На мостовой хоть чай пей,— заметила нянюшка, когда они двинулись дальше.

— Тебе это будет не впервой,— хмыкнула матушка.

— Да, обычно я спокойно отношусь ко всяким там условностям. Но смотрите, сточные канавы, и те вычищены. Ни единой кучки рыжего* не видно.

— Гита!

— Так ты же сама рассказывала, что в Анк-Морпорке...

— То совсем другое дело!

* Ланкрский король Гобно Рыжий считался монархом крайне неприятным и вошел в историю только благодаря оозвучию его имени с известным крайне неблагоприятным продуктом.

— С ума сойти, какая чистота, — сказала Маграт. — Так и хочется помыть сандалии.

— Что верно, то верно. — Нянюшка Ягг, прищурившись, оглядела улицу. — Этот город порождает желание стать лучше, чем ты есть на самом деле.

— О чем вы там шепчетесь? — спросила матушка.

Она проследила за их взглядами. На пересечении улиц стоял стражник. Увидев, что три дамы уставились на него, стражник коснулся шлема и улыбнулся.

— Даже стражники вежливые, — удивилась Маграт.

— Да и много их как... — покачала головой матушка.

— И правда удивительно. Зачем в городе, где люди такие тихие да опрятные, столько стражников? — поинтересовалась Маграт.

— Может, чтобы распространять повсюду такую благодать, требуется целая толпа народу? — предположила нянюшка Ягг.

Ведьмы продолжили свой путь по запруженным улицам.

— Какие симпатичные домики, — оглянулась по сторонам Маграт. — Все такие старинные и живописные.

Матушка Ветровоск, живущая в хибарке, старинней которой, пожалуй, могла бы быть только глыба метаморфической породы, благоразумно промолчала.

Ноги нянюшки Ягг начали выражать недовольство.

— Наверное, стоит позаботиться о пристанище на ночь,— предложила она.— А девушку можем поискать и утром. Нам всем не мешает хорошенько выспаться.

— И принять ванну,— добавила Маграт.— С успокоительными травами.

— Неплохая мысль. Я бы тоже не прочь принять ванну,— согласилась нянюшка.

— Вот уж чья бы корова мычала,— кисло заметила матушка.

— Что-что? Да ты сама-то когда в последний раз мылась, а, Эсме?

— Что значит в *последний*?

— Вот видишь? Так и нечего прохаживаться по поводу моих омовений.

— Принимать ванну негигиенично,— возвестила матушка.— Ты же знаешь, эти ванны я всегда недолюбливала. Что хорошего сидеть в собственной грязи?

— А как же тогда ты моешься? — удивилась Маграт.

— Просто моюсь,— ответила матушка.— Мою все места. Когда они становятся доступными.

Насколько эти самые места были доступны, дальнейшей информации на сей счет не поступало, но определенно они были более доступны, чем гостиничные номера в Орлее накануне Сытого Вторника.

Все постоянные дворы и гостиницы были переполнены. Постепенно под давлением толп ведьмы были вытеснены с центральных улиц в менее фешенебельные районы города, но даже там места им не нашлось.

Наконец, матушка Ветровоск решила, что с нее довольно.

— Значит так: заходим в следующее же заведение, которое нам попадется, — заявила она, поиграв желваками. — Что это там за гостиница?

Нянюшка Ягг уставилась на вывеску.

— «Хотель... Забит», — задумчиво прочитала она, а потом просияла. — «Хотель Забит», — повторила она. — «Хотель» по-ихнему «гостиница», а «Забит», наверное, название.

— Сойдет, — решила матушка.

Она толкнула дверь. Пухлый краснолицый человек, стоявший за стойкой, поднял голову и взглянул на вошедших. Он поступил сюда на работу совсем недавно и очень нервничал. Его предшественник исчез потому, что был недостаточно пухл и краснолиц.

Матушка времени терять не стала.

— Видишь эту шляпу? — спросила она. — А помело видишь?

Человек перевел взгляд с матушки на помело, после чего опять воззрился на лицо возникшей перед ним дамы.

— Вижу, — ответил он. — И в чем дело?

— А дело в том, что нам нужны три комнаты на ночь, — заявила матушка, самодовольно глядя на товарок.

— С колбасой, — добавила нянюшка.

— И одним вегетарианским ужином, — сказала Маграт.

Человек оглядел троих ведьм. А потом подошел к двери.

— А ты видела эту дверь? Вывеску видела? — спросил он.

— Нам до вывесок дела нет,— ответила матушка.

— Тогда,— пожал плечами человек,— я сдаюсь. И что же означают эти твои остроконечная шляпа и метла?

— Они означают, что я ведьма,— сообщила матушка.

Человек склонил голову набок.

— Вот как? — удивился он.— Так, наверное, в наших краях называют глупых старух?

«Дарагой Джейсон и все асталые,— писала нянюшка Ягг,— Претставляте, ани здесь панятия ни имеют кто такие ведьмы, вот какие ани атсталые в ихних заграницах. Адин тут Нахамил Эсме и ана едва ни вышла ис Сибы, пришлось нам с Маграт паскарее увадить ее веть дастаточно проста заставить кового думать што ево в кавота привратили вобщем патом непреятностей не оберешся. Ты же помниш што было кагда тебе пришлось итти капать прут для господина Уилкинса штобы он мох там жить...»

Ведьмам наконец удалось отыскать свободный столик в таверне. Зал был битком набит самыми разными людьми. Таверну наполнял громкий шум, периодически переходящий в крик, дым стоял коромыслом.

— Гита Ягг, что ты там опять царапаешь? Ты мне на нервы действуешь,— рявкнула матушка.

— Здесь обязаны быть ведьмы,— сказала Маграт.— Ведьмы есть везде. Значит, должны быть и в загранице. Ведьмы повсюду водятся.

— Как тараканы,— добродушно заметила нянюшка Ягг.

— Все-таки стоило заставить его поверить, что он лягушка...— пробормотала матушка.

— Нет, Эсме, мы абсолютно правильно поступили, что увели тебя оттуда. Нельзя же так просто ходить по улицам и заставлять людей верить, будто они во что-то превратились. Пускай они грубияны, пускай не знают, кто ты есть, но зачем же так круто? — покачала головой нянюшка Ягг.— Ты что, хочешь, чтобы все вокруг на четвереньках прыгали?

Несмотря на многочисленные угрозы, матушка Ветровоск еще никогда никого не превратила в лягушку. Она считала, что гораздо менее жестоко, зато куда приятнее и технически проще поступить по-другому. Можно оставить обидчика человеком, но сделать так, чтобы он считал себя лягушкой. И проходим опять-таки развлечение...

— А мне всегда было жаль господина Уилкинса,— сказала Маграт, мрачно сверля взглядом столешницу.— Он так жалобно ловил мух языком... Аж сердце разрывалось.

— Надо было думать, что говоришь,— парировала матушка.

— А что такого он сказал? Что ты заносчивая старая сплетница? — простодушно осведомилась нянюшка.

— Против критики я никогда не возражала,— ответила матушка.— Ты меня знаешь. Я на критику не обижаюсь. Никто не может сказать, будто я обижаюсь на критику...

— И правда не может,— подтвердила нянюшка.— Если не хочет потом пузыри пускать.

— Просто я не выношу несправедливости,— продолжала матушка.— И прекрати ухмыляться! Да и вообще, не понимаю, чего так переживать? Ну походил он пару дней лягушкой — что, беда большая?

— А госпожа Уилкинс говорит, что он до сих пор сам не свой до купания,— ввернула Маграт.— Мол, плавание теперь стало его любимым занятием.

Некоторое время стояла унылая тишина.

— Может, здешние ведьмы совсем по-другому выглядят? — безнадежно предположила Маграт.— Ну там, одеваются иначе, летают на чем-то другом...

— Ведьмы бывают только одного рода,— сказала матушка.— Нашего.

Она обвела взглядом комнату. «Конечно,— думала она,— если кто-то, допустим, *не пускает* сюда ведьм, так люди могут о них и не знать. Кое-кто, наверное, очень не хочет, чтобы ему мешали. Но ведь нас она пустила...»

— По крайней мере, здесь тепло и сухо... — начала было нянюшка.

Тут один из стоящих за ее спиной завсегдатаев таверны, запрокинув голову, громко расхохотался и случайно плеснул ей на спину немного своего пива.

Нянюшка что-то пробормотала себе под нос.

Маграт увидела, как обидчик собрался сделать очередной глоток, поднес кружку к губам и вдруг, выпучив глаза, уставился на ее содержимое. Судорожно отшвырнув от себя кружку, он протолкался сквозь толпу посетителей и опрометью выскочил на улицу, держась за горло.

— Что ты сделала с его пивом? — спросила Маграт.

— Мала ты еще, чтобы все тебе рассказывать, — пробурчала нянюшка.

Там, дома, ведьма, которой вздумалось отыскать свободный столик... она просто находила его. Одного вида остроконечной шляпы было вполне достаточно. Люди старались держаться на почтительном расстоянии и время от времени посылали ведьме какое-нибудь угощение. Знаки уважения оказывали даже Маграт, и вовсе не потому, что кто-то опасался ее, но потому, что неуважение к одной ведьме означало неуважение ко всем ведьмам сразу, а никому не хотелось, чтобы появилась матушка Ветровоск и популярно все объяснила. Здесь же ведьм толкали и пихали так, будто они были самыми обычными людьми. Только ладонь нянюшки Ягг, предупредительно лежащая на руке матушки Ветровоск, оберегала с дюжину развеселых гуляк от противоестественного превращения в земноводных. Однако долготерпимость нянюшки тоже уже была на исходе. Нянюшка Ягг всегда гордилась своей простотой и приземленностью, но есть приземленность, а есть приземленность. Взять, к примеру, этого принца, как его там, ну, из детской сказки, который обожал переодеваться простолудином и так расхаживать по своему королевству. Она всегда подозревала, что маленький извращенец всегда заранее давал людям понять, кто он есть на самом деле, — на тот случай, если кому-нибудь взбредет в голову повести себя по отношению к нему слишком уж просто. Это было все равно что валяться в грязи.

Валяться в грязи забавно до тех пор, пока ты знаешь, что впереди тебя ждет горячая ванна, а вот валяться в грязи, когда впереди тебя ждет все та же грязь, — в этом ничего забавного не было. Нянюшка пришла к некоему заключению.

— Эй, а почему бы нам не выпить? — весело спросила она. — Опрокинув стаканчик-другой, сразу чувствуешь себя лучше.

— Ну уж нет, — буркнула матушка. — Мне вполне хватило той твоей травяной настойки. Точно говорю, был там градус. После шестого стаканчика у меня так в голове зашумело... Не-ет, больше это заграничное пойло я пить не буду.

— Тебе все равно нужно чего-нибудь глотнуть, — попыталась успокоить ее Маграт. — Я так просто умираю от жажды. — Она обвела взглядом облепленную народом стойку. — Может, у них тут есть какой-нибудь фруктовый напиток или что-нибудь вроде?

— Сейчас выясним, — кивнула нянюшка Ягг. Она встала, взглянула на стойку и незаметно вытащила из шляпы булавку. — Я сейчас.

За столом воцарилось мрачное молчание. Матушка сидела, уставившись куда-то в пространство.

— Тебе действительно не стоит принимать все так близко к сердцу. Уважение — это вещь преходящая, — сказала наконец Маграт, пытаясь залить целительным бальзамом душевный пожар. — Лично мне вообще почти никогда не выказывали уважения. Так что это не проблема.

— Если тебя не уважают, значит, ты никто, — с отсутствующим выражением заметила матушка.

— Ну уж не знаю. Я всю жизнь как-то обходилась,— ответила Маграт.

— Это потому, Маграт Чесногк, что ты просто мокрая курица,— сказала матушка.

Последовала короткая раскаленная пауза, звенящая от слов, которым не следует срываться с языка, но как раз в этот момент со стороны стойки донеслось несколько удивленных болезненных вскриков.

«Я же всегда знала об отношении ко мне матушки,— убеждала себя Маграт, укрывшись за накаленными стенами своего замешательства.— Просто никогда не думала, что она когда-нибудь выскажет все это вслух. И ведь она же не извинится, потому что не такой она человек. Считает, что всякие гадости, которые тебе наговорят, быстро забываются. А я так хотела, чтобы мы с ней снова стали друзьями. Если только у нее вообще могут быть друзья...»

— А вот и мы,— объявила нянюшка Ягг, возникая из толпы с подносом в руках.— Фруктовые напитки, извольте вам.

Она уселась и окинула подруг подозрительным взглядом.

— Из бананов,— добавила она в надежде высечь из обеих ведьм хоть искорку интереса.— Помню, наш Шейнчик однажды привез банан. Ну и смеху было! Я этого здесь спрашиваю: «Какие у вас тут пьют фруктовые напитки?» — вот он мне и сделал. Из бананов. Банановый напиток. Вам понравится. Здесь все это пьют. Там бананы.

— Да, ничего не скажешь... вкус странный,— подтвердила Маграт, осторожно пробуя свой.— А сахар там тоже есть?

— Скорее всего, — ответила нянюшка.

Она бросила взгляд на задумчивое, нахмуренное лицо матушки, вытащила карандаш и профессионально облизнула кончик.

«...А уш вот што здесь хорошива так эта што напитки тут оч. дишовые, один называется Банановый дакири и зделан он в аснавном из каковато Рома с банананами. Чувствую он харашо на миня действуйт. Здесь оч. сыро. Надеюсь найдем где пириначивать, да думаю што найдем патамушта Эсме всигда или сама выходит ис палажения или ее выводят. Вот нарисавала бананананановый дакири сами видити он пустой до донышка. С любовью, МАМА ХХХХ».*

В конце концов они нашли конюшню. Вот и здорово, благодушно констатировала нянюшка Ягг, в конюшне будет даже теплее и чище, чем в любом ихнем хотеле, и вообще, в заграницах миллионы людей с радостью отдали бы правую руку за такое удобное, сухое место для ночлега.

Но это было все равно что резать лед пилой из мыла.

Ведьмам поспориться что подпоясаться.

Маграт никак не могла заснуть и лежала в темноте, подложив под голову котомку с одеждой и слушая, как капли теплого дождя стучат по крыше.

«С самого начала все пошло не так, — думала она. — Даже не знаю, и почему я позволила им

* Нянюшка Ягг знала, как пишется слово «банан», просто не знала, когда оно заканчивается.

отправиться со мной? Я взрослая девушка и способна сама со всем справиться, во всяком случае хотя бы раз, но они всегда обращаются со мной так, будто я... будто я какая-нибудь мокрая курица. И почему я должна мириться с вечными ее придирками и грубостью? Да и вообще, кто она такая? Что бы там нянюшка ни говорила, к ведмовству она практически не прибегает. На самом деле большую часть времени она только орет и пугает людей. Нянюшка, напротив, желает добра, но она совершенно лишена чувства ответственности: я думала, что умру со стыда, когда в таверне она начала распевать "Песню про ежика". Надеюсь, там никто ничего не понял...

А фея-крестная здесь я. Сейчас мы не дома. В заграницах все должно делаться иначе, не так, как у нас...»

Она поднялась на рассвете. Другие две ведьмы еще спали, хотя слово «спали» чересчур мягко характеризовало те звуки, которые издавала матушка Ветровоск.

Маграт натянула свое лучшее платье — зеленое, шелковое, — которое, к сожалению, изрядно помялось. Затем вытащила бумажный сверток и осторожно развернула свою оккультную бижутерию. Оккультную бижутерию Маграт приобретала, чтобы хоть ненадолго забыть о том, что она — Маграт. В общей сложности этой бижутерии у нее уже скопилось три большие коробки, но ничто не помогало — Маграт упорно оставалась собой.

Она тщательно, как смогла, вытряхнула из волос солому. Потом распаковала волшебную палочку.

Жаль, что нет зеркальца, чтобы посмотреться!

— У меня есть палочка,— тихо произнесла она.— Не понимаю, зачем мне чья-то помощь. Ведь Жалка велела передать им, чтобы они со мной не ходили.

Ей вдруг вспомнилось, что Жалка не больно-то на этом и настаивала. Кроме того, всем известно: если велишь матушке Ветровоск и нянюшке Ягг ни в коем случае не помогать, они тут же кинутся помогать, пусть даже назло. Маграт очень удивило то, что столь умная женщина, как Жалка Пуст, упустила из виду сей важный факт. По-видимому, тут она задействовала какую-то свою психолологию — одни боги знают, что это такое.

Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить двух спящих ведьм, Маграт открыла дверь и осторожно вышла из конюшни во влажный воздух. Подняв волшебную палочку, она приготовилась подарить миру все, чего только он ни пожелает.

Вот было бы здорово, если бы он пожелал сейчас тыкв.

Когда дверь скрипнула, нянюшка Ягг приоткрыла один глаз.

Приподнявшись на локте, она зевнула и почесалась. Потом порылась в шляпе и выудила свою трубку. После чего толкнула под ребра матушку Ветровоск.

— Да не сплю я, не сплю,— отозвалась матушка.

— Маграт куда-то собралась.

— Ха!

— А я пойду раздобуду чего-нибудь поесть,— пробормотала нянюшка.

С Эсме Ветровоск, пребывающей в подобном настроении, разговаривать было бесполезно.

Когда нянюшка шагнула через порог, откуда-то сверху, очевидно с балки, свалился Грибо, приземлившись ей прямо на плечо.

Нянюшка Ягг, один из величайших оптимистов на свете, вышла на улицу, чтобы с радостью принять все то, что уготовило ей будущее.

Но предпочтительно, чтобы туда входили ром и бананы.

Отыскать дом оказалось нетрудно. На сей счет Жалка оставила очень точные указания.

Взгляд Маграт обежал высокие белые стены и затейливые железные балкончики. Она попыталась расправить несколько складок на платье, выдернула несколько самых непокорных соломинок из волос, подошла к входной двери и пару раз стукнула дверным молоточком.

Молоточек у нее в руках сломался.

Тревожно оглядываясь, не заметил ли кто этого акта вандализма, Маграт попыталась исправить содеянное. Однако молоточек выпал у нее из рук и отколол кусок мраморной ступеньки.

Спустя некоторое время она постучалась еще раз, теперь уже костяшками пальцев. От двери отделилось небольшое облачко сухой краски и опустилось на землю. Больше ничего не произошло.

Маграт стала прикидывать, как быть дальше. Она была совершенно уверена, что феи-крестные не оставляют под дверью маленькие карточки с

надписью вроде: «Приходила сегодня, но вас не было дома. Пожалуйста, свяжитесь с диспетчером, чтобы договориться о дате нового визита». Кроме того, дом был не из тех, которые оставляют пустыми, внутри таких особняков вечно роится множество слуг.

Она прошла по гравийной дорожке и заглянула за угол. Может, через заднюю дверь? Ведьмам всегда как-то больше с руки входить через задние двери...

Во всяком случае, нянюшка именно так всегда и поступала. И сейчас она направлялась к той двери, что вела во дворец. Проникнуть туда оказалось сравнительно просто, ведь это был не такой замок, как замки у них на родине, которые всем своим видом демонстрировали разницу между понятиями «внутри» и «снаружи» и были построены исключительно с тем, чтобы отделять одно от другого. Этот же был, ну, скажем, вроде сказочного замка — с зубчатыми, будто из сахарной глазури, стенами и крошечными, возвышающимися над ними башенками. На маленьких старушек здесь никто особого внимания не обращал. Маленькие старушки безобидны по определению — хотя совсем недавно в целом ряде деревень, что отделяли Ланкр от Орлеи, это определение было подкорректировано.

Замок, насколько успела убедиться на личном опыте нянюшка Ягг, — это нечто вроде лебедя. Он выглядит так, будто величественно плывет по водам Времени, но под поверхностью этих вод ки-

пит бурная деятельность. Там обязательно должен иметься целый лабиринт буфетных, кухонь, прачечных, конюшен и пивоварен — идея пивоварен ей особо понравилась, — а стало быть, никто и не заметит какую-то старую каргу, которая шаркает себе куда-то по коридорам, то и дело пихая за щеку любой плохо лежащий кусочек.

Кроме того, в замке можно послушать последние сплетни. Сплетни нянюшка Ягг тоже любила.

Ну а матушка Ветровоск в это время печально блуждала по чистеньким орлейским улицам. Только не подумайте, что она искала двух своих товаров. Ни в коем случае. Разумеется, она могла наткнуться на них, вроде бы как случайно, дабы вознаградить многозначительным взглядом. Но специально она их не искала, это точно.

В конце улицы толпились люди. Справедливо рассудив, что в гуще толпы может оказаться нянюшка Ягг, матушка Ветровоск поплыла туда же.

Нянюшки там не оказалось. Зато там обнаружился деревянный помост. И худенький человек в цепях. И несколько стражников в ярких мундирах. Один из стражников держал в руках топор.

Не нужно быть великим путешественником, чтобы сразу понять: люди здесь собрались вовсе не для того, чтобы зачитать человечку в цепях благодарственное письмо и собрать со всех присутствующих пожертвования в его пользу.

Матушка подтолкнула локтем соседа.

— Что там такое?

Зевака искося взглянул на нее.

— Стражники поймали его на воровстве, — пояснил он.

— А-а! В самом деле, выглядит он довольно-таки виновным, — признала матушка. Впрочем, любой человек, закованный в цепи, разом обретает весьма виноватый вид. — И что с ним собираются делать?

— Ему будет преподан урок.

— И какой же?

— Топор видишь?

Матушка топор видела. Вдоволь нагладевшись на него, она позволила себе отвлечься и пробежаться взглядом по толпе, выхватывая обрывки мыслей.

Мысли муравья читать легко. У него в мозгу сплошной поток крупных простых мыслей: Тащи, Неси, Кусай, Полезай в Бутерброды, Тащи, Ешь. С существом вроде собаки уже сложнее — собака может одновременно думать о нескольких вещах сразу. Но человеческий разум представляет собой огромное мрачное, пронизанное молниями облако мыслей, на обработку каждой из которых отпущено определенное количество мозгового времени. И разобраться в этой гуще, сплошь состоящей из предрассудков, воспоминаний, тревог, надежд и страхов, практически невозможно. Люди сами не отдают себе отчета, о чем именно они думают.

Но когда достаточно большое число людей думает примерно об одном и том же, основное направление их мыслей уловить можно. В данном случае мыслями толпы владел страх.

— Похоже, этот урок он не забудет, — пробормотала матушка себе под нос.

— А мне сдается, что забудет, причем очень быстро,— ответил зевака и поспешно стал проталкиваться через толпу, стремясь оказаться подалее от матушки,— точно так же люди во время грозы стараются держаться как можно дальше от громоотвода.

И тут матушка уловила в оркестре мыслей какую-то постороннюю нотку. А производили ее два разума, которые не принадлежали человеческим существам.

Своей простотой, чистотой и целеустремленностью они напоминали обнаженное лезвие. Она и раньше встречалась с подобными разумами, и данные встречи всегда оставляли не самые приятные ощущения.

Оглядев толпу, матушка быстро обнаружила носителей этих разумов. Немигающими взглядами они уставились на людей, толпящихся на помосте.

Это были женщины, или, по крайней мере, в данный момент времени они имели женский облик. Ростом повыше ее, худые и прямые как палки, на головах — широкополые шляпы с вуалетками, целиком скрывающими лица. Их платья переливались на солнце — может, они были синими, может, голубыми, а может, и зелеными. Или вообще разноцветными. Трудно было сказать наверняка. При малейшем движении ткань меняла цвет.

Матушка никак не могла разглядеть их лица.

Значит, ведьмы в Орлее все-таки есть. Во всяком случае, одна.

Донесшийся со стороны помоста звук заставил ее обернуться.

И она сразу поняла, почему люди в Орлее такие тихие и любезные.

Матужке доводилось слышать, что в заграничных краях есть страны, где вора́м рубят руки, чтобы они больше не могли воровать. И это всегда было ей не по душе.

В Орлее этого не делали. Тут сразу отрубали головы, чтобы о воровстве нельзя было даже *помыслить*.

Теперь матужка доподлинно знала, где находятся ведьмы в Орлее.

Они находились у власти.

Маграт наконец добралась до задней двери. Та была распахнута настежь.

Она постаралась взять себя в руки.

Постучалась, этак вежливо и робко.

— Э-э-э,— начала было Маграт.

И тут ей прямо в лицо выплеснули целое ведро грязной воды. Сквозь рев водного потока, оглушительно звенящий в залепленных мыльной пеной ушах, до нее донесся чей-то голос:

— Ой, прости. Не знала, что здесь кто-то есть.

Маграт протерла глаза и попыталась сфокусировать взгляд на расплывчатой фигуре, стоящей перед ней. Если рассудить, куда должно двигаться повествование, то...

— Тебя случаем не Эллой зовут? — спросила она.

— Верно. А ты кто?

Маграт оглядела свою новообетенную крестницу с головы до ног. Это была самая привлека-

тельная из когда-либо виденных Маграт девушек: кожа коричневая, как орех, волосы светлые, едва ли не белые,— комбинация не столь уж необычная в городе с такими простыми и вольными нравами, какие некогда царили в Орлее.

И что же обычно говорят в подобные моменты?

Маграт стряхнула с носа стружку картофельной шелухи.

— Я твоя фея-крестная,— сообщила она.— Хотя, конечно, звучит очень глупо, я и сама это чувствую...

Элла недоверчиво уставилась на нее.

— Ты?

— Угу. Я. У меня и палочка есть, и все прочее.

Маграт на всякий случай помахала палочкой у девушки перед носом, надеясь, что это хоть отчасти ее убедит. Не убедило.

Элла склонила голову набок.

— А я всегда думала, что феи-крестные должны появляться в вихре искорок и под звон колокольчиков,— подозрительно сказала она.

— Видишь ли, в чем дело... Тебе, конечно, дают волшебную палочку,— в отчаянии попыталась объяснить Маграт.— Но об инструкциях почему-то всегда забывают.

Элла наградила ее еще одним испытующим взглядом.

— Что ж, может, в таком случае зайдем в дом? — наконец предложила она.— Я как раз собиралась попить чаю.

Переливающиеся женщины уселись в открытую коляску. Несмотря на свою красоту, ходили они, как заметила матушка, очень неуклюже.

Впрочем, ничего удивительного. Просто они не привыкли пользоваться ногами.

А еще матушка обратила внимание, что на коляску никто не смотрит. Не то чтобы ее не видели. Просто люди не позволяли своим взглядам упасть на нее, как бы сознавая, что до добра это не доведет.

Лошади в волнении переступали с копыта на копыто. Чутье у них было более острым, чем у людей. Они знали, что сидит у них за спиной, и это им совсем не нравилось.

Когда они наконец, прижав уши и выпучив глаза, рысью двинулись по улицам, матушка Ветровоск отправилась следом. Вскоре экипаж остановился — у подъезда большого и довольно обветшавшего дома, расположенного неподалеку от дворца.

Матушка притаилась за углом и принялась подмечать детали. Со стен дома осыпалась штукатурка, даже дверной молоточек у входной двери был сломан.

В атмосферы матушка Ветровоск никогда не верила. И во всякие там психические ауры тоже. Настоящая ведьма должна четко отдавать себе отчет, во что она верит, а во что — нет. Но сейчас матушка была готова поверить, что в этом доме есть что-то очень неприятное. Не злое, нет. Эти две не-совсем-женщины не были злом — так же как не являются злом кинжал или отвесный обрыв. Быть злым означает быть способным делать вы-

бор. Злой может быть рука, сжимающая кинжал или сталкивающая человека с обрыва. Вот что здесь происходило...

Матушка знала, кто стоит за всем этим, но лучше бы она этого не знала...

Люди вроде нянюшки Ягт встречаются повсюду. Такое впечатление, что где-то существует некий морфический генератор, специально настроенный на производство старушек, которые не прочь посмеяться и пропустить кружечку-другую напитка, который обычно продается в очень маленьких стаканчиках. Таких старушек можно встретить где угодно, причем зачастую парами*.

Эти старушки как будто привлекают друг друга. Возможно, они испускают какие-то неслышимые сигналы, указывающие, что неподалеку объявился человек, которого можно засадить за разглядывание семейного альбома и который с радостью поохает над фотографиями чужих внуков.

Нянюшка Ягт нашла себе подружку. Ее звали тетушка Приятка, она была кухаркой и первой чернокожей женщиной, с которой нянюшке приходилось разговаривать**. Тетушка Приятка относилась к кухаркам высшего разряда, к тем са-

* К примеру, они всегда стоят прямо перед вами в любой очереди.

** На Плоском мире проблем с расизмом никогда не было. Однако вследствие повсеместного распространения троллей, гномов и им подобных существ на Диске повсюду процветает видизм. Так что черные и белые живут здесь в полной гармонии и при случае дружно ополчаются на зеленых.

мым, которые большую часть времени проводят, сидя на своем троне посреди кухни и почти не обращая внимания на то, что творится вокруг.

Время от времени кухарки высшего разряда отдают приказы. Но происходит это исключительно редко, поскольку за долгие годы работы на кухне они окружили себя персоналом, который либо делает все так же, как они, либо вообще не работает на данной кухне. Раз или два с большой торжественностью главная кухарка встает со своего тронного места, пробует что-нибудь и, возможно, добавляет щепотку соли.

Подобные кухарки всегда рады поболтать с бродячим торговцем, знахарем или маленькой старушкой с котом на плечах. Грибо возлежал на плече нянюшки с таким довольным видом, словно только что сожрал попугая.

— Стало быть, вы на Сытый Вторник к нам пожаловали? — спросила тетушка Приятка.

— Да так, помогаю подружке в кой-каких делах, — ответила нянюшка. — М-м, какое вкусное печенье!

— Я как взглянула в ваши глаза, так сразу увидела, — продолжала тетушка Приятка, пододвигая тарелку поближе к нянюшке, — что вы человек, не чуждый магических занятий...

— В таком случае ты видишь куда дальше, чем большинство людей в здешних краях, — покачала головой нянюшка. — А знаешь, чтобы это печенье стало совсем уж объединением, неплохо было бы во что-нибудь макать его, как по-твоему?

— Как насчет банановой подливки?

— Бананы здесь будут как раз, — радостно согласилась нянюшка.

Тетушка Приятка властно махнула одной из своих помощниц, которая немедленно принялась готовить угощение.

Нянюшка тем временем сидела на стуле, свесив пухлые ножки, и с интересом оглядывала кухню. Дюжина поваров работала с целеустремленностью ведущей обстрел артиллерийской батареи. Создавались огромные торты. В очагах жарились целые туши. Огромный совершенно лысый верзила с пересекающим все лицо сверху донизу шрамом терпеливо втыкал в колбаски крошечные палочки.

Нянюшка еще не завтракала. В отличие от Грибо, которому по пути удалось заморить червячка (или в данном случае попугая). Но даже сытый желудок не смог бы долго выдерживать эту изощренную кулинарную пытку.

И нянюшка, и Грибо как загипнотизированные повернулись следом за огромным подносом с бутербродами, который пронесли мимо них две служанки.

— Вижу, вы очень наблюдательная женщина, госпожа Ягг,— промолвила тетушка Приятка.

— О, я столько всего вижу...— задумчиво проворботала нянюшка.

— А еще, сдается мне,— чуть погодя продолжила тетушка Приятка,— что этот кот на вашем плече довольно необычной породы...

— Тут ты права.

— Само собой, само собой...

Перед нянюшкой возник стакан, наполненный до краев желтой пеной. Некоторое время нянюшка внимательно изучала его, а потом невероятным усилием воли заставила себя вернуться к разговору.

— Я в здешних краях впервые,— сказала она,— но меня очень интересует ваша местная магия. Хотелось бы навестить кого-нибудь из...

— Кстати, не желаете ли чего-нибудь перекусить? — вдруг перебила ее тетушка Приятка.

— Что? Э-э, еще бы!

Тетушка Приятка закатила глаза.

— Но этой гадостью я вас ни за что кормить не стану,— с отвращением промолвила она.

Лицо у нянюшки изумленно вытянулось.

— Зачем же ты тогда это готовишь? — заметила она.

— Затем, что так мне было велено. Вот старый барон знал толк в хорошей еде. А это? Это же просто свинина, говядина и баранина, начиненные всякой там дрянью. Нынешние правители ничего не понимают в кухне. Единственная тварь на четырех ногах, которую можно вкусно приготовить, это аллигатор. Нет, я имею в виду *настоящую* еду.

Тетушка Приятка обвела взглядом кухню.

— Сара! — крикнула она.

Одна из младших поварих обернулась:

— Да, тетушка?

— Мы с этой госпожой ненадолго уйдем. А ты присмотри тут за всем, ладно?

— Хорошо, тетушка.

Тетушка Приятка поднялась и многозначительно кивнула нянюшке Ягг.

— И у стен бывают уши,— сказала она.

— Да что ты?! Неужели?

— Мы немножко прогуляемся.

Орлея, как теперь стало казаться нянюшке Ягг, на самом деле содержала в себе два города. Один был белым, с новыми особняками и дворцами с голубыми крышами, но вокруг него и даже под ним располагался старый город. Новому городу, возможно, не нравилось присутствие старого, но обойтись без него он не мог. Ведь кто-то где-то должен готовить нормальную человеческую еду.

В принципе, нянюшка Ягг любила готовку, разумеется если при этом кто-нибудь другой шинковал овощи, а потом мыл посуду. И всегда считала, что способна сделать с куском говядины такое, что быку бы и в голову не пришло. Но только что она осознала, что все это ерунда по сравнению с тем, как готовят в Орлее. Вот где умели наслаждаться жизнью. Тогда как за пределами Орлеи кулинария пребывала на первобытной стадии развития и занималась лишь нагреванием всяких кусков животных, птиц, рыб и овощей до тех пор, пока они не станут коричневыми.

Однако все орлейские повара специализировались исключительно на несъедобных вещах — по крайней мере, пищей назвать это было трудно. Сама нянюшка Ягг раньше думала, что у пищи должно быть четыре ноги, ну или две ноги и два крыла. Или на худой конец плавники. Идея же о пище, у которой может быть много больше четырех ног, была для нянюшки абсолютно внове.

Готовить в Орлее было особенно не из чего. Поэтому здесь готовили из *всего*. Нянюшка никогда слыхом не слыхивала о креветках, лангустах или омарах. На ее взгляд, жители Орлеи просто выскребали речное дно и варили все то, что удавалось оттуда вытащить.

Хороший орлейский повар мог бросить в кастрюлю отжатую пригоршню грязи, добавить несколько палых листьев и щепотку-другую каких-нибудь травок с непроизносимыми названиями, но из всего этого получалось такое блюдо, попробовав которое, самый заядлый гурман разрыдался бы от радости и поклялся бы чем угодно, что изменится, очистится и весь остаток жизни будет творить исключительно добрые дела, если ему нальют еще маленькую тарелочку добавки.

Нянюшка Ягг покорно шагала за пробирающейся через рынок тетушкой Прияткой. Мимо клеток со змеями и связок загадочных волосатых растений. Мимо поддонов с устрицами. Потом они остановилась поболтать с двумя тетушками, как две капли воды похожими на нянюшку Ягг и стоящими за прилавками небольших ларьков, в которых за пару пенни можно было попробовать какие-то странные похлебки и пирожки с моллюсками. Нянюшка пробовала все подряд. Она получала несказанное удовольствие. Орлея — город поваров — наконец нашла аппетит, которого заслуживала.

Прикончив тарелку рыбы, нянюшка Ягг обменялась кивком и улыбкой с маленькой старушкой, хозяйкой рыбного ларька.

— Да, все это... — начала она, поворачиваясь к тетушке Приятке.

Тетушка Приятка исчезла.

Большинство людей, наверное, сразу бросились бы искать ее в толпе, нянюшка же Ягг просто стояла и думала.

«Я спрашивала насчет магии, — думала она, — и она привела меня сюда, а сама ушла. Видимо,

тут все дело в этих самых стенах с ушами. Так что, может, все остальное мне лучше сделать самой?»

Она огляделась. Чуть поодаль от остальных ларьков, прямо у реки, стояла очень грубая с виду палатка. Вывески над ней не было, но перед входом на огне нежно булькал котел. Рядом с котлом громоздилась стопка простых глиняных мисок. Время от времени кто-нибудь выныривал из толпы, наливал себе миску того, что варилось в котле, а потом швырял горстку монеток в стоящую перед входом в палатку тарелочку.

Нянюшка отправилась к палатке и заглянула в котел. Что-то то и дело всплывало со дна, а потом снова исчезало в глубине. Большей частью варево было бурым. На поверхности образовывались пузыри, росли и липко лопались с характерным «блоп». В этом котле могло твориться что угодно. Вполне может быть, в данный момент там зарождалась жизнь.

Один раз нянюшка Ягг пробовала все. А кое-что она могла попробовать и несколько тысяч раз.

Нянюшка сняла с крючка черпак, взяла миску и налила в нее бурого варева.

Мгновением позже она откинула занавешивающий вход кусок полотна и заглянула в темное чрево палатки.

В полутьме нечетко различалась некая фигура, сидящая со скрещенными ногами и курящая трубку.

— Ничего, если я зайду? — спросила нянюшка.

Фигура кивнула.

Нянюшка вошла и тоже присела. Выждав из приличия несколько секунд, она тоже вытащила трубку.

— Видать, вы с тетушкой Прияткой большие приятельницы?

— Она меня знает.

— А-а.

Снаружи послышалось звяканье черпака, которым очередной покупатель наливал себе вариво.

Из трубки нянюшки Ягг кольцами поднимался сизый дым.

— По-моему,— наконец промолвила она,— очень немногие уходят не заплатив.

— Да.

Воцарилась очередная пауза.

— Небось,— продолжила нянюшка,— кое-кто даже золотом платит, драгоценными камнями, пахучими благовониями и всяким таким?

— Нет.

— Удивительно.

Нянюшка Ягг еще немного помолчала, слушая отдаленные звуки рыночной суеты и собираясь с силами.

— И как это называется?

— Гумбо.

— Вкусно.

— Знаю.

— Видно, тот, кто умеет так готовить, умеет и еще много чего...— Нянюшка Ягг сосредоточилась.— А, госпожа... Гоголь?

Она выжидающе замолкла.

— Почти что так, госпожа Ягг.

Обе женщины смотрели на призрачные силуэты друг друга, как заговорщики, которые, обменявшись паролем и отзывом, ждут, что будет дальше.

— Там, откуда я родом, это называется ведьмовством, — негромко произнесла нянюшка.

— А там, откуда родом я, мы называем это вуду, — сказала госпожа Гоголь.

Изборожденный морщинами лоб нянюшки сморщился еще больше.

— Это что-то вроде возни с разными там куклами, мертвецами и прочим?

— Ровно в той же степени, в какой ведьмовство — это беготня голышом и втыкание булавок в людей, — спокойно парировала госпожа Гоголь.

— А, — отозвалась нянюшка. — Я поняла, что ты хочешь сказать.

Она неловко заерзала. В глубине души она была женщиной честной.

— Хотя... если признаться честно... — добавила она, — но только иногда... ну, может, булавочку-другую...

Госпожа Гоголь сурово кивнула.

— Ладно. Иногда... зомби-другого, — ответила она.

— Но только когда иного выбора нет.

— Разумеется. Когда не остается выбора.

— Когда... ну, знаешь... когда люди должного уважения не выказывают и все такое...

— Когда нужно дом покрасить.

Нянюшка широко, во все зубы, улыбнулась. Госпожа Гоголь тоже улыбнулась, по зубам превзойдя ее штук на тридцать.

— Мое полное имя Гита Ягг. Но обычно меня кличут нянюшкой.

— А меня полностью зовут Эрзули Гоголь, — откликнулась госпожа Гоголь. — Но обычно меня кличут госпожой Гоголь.

— Как я понимаю, — продолжила нянюшка, — здесь заграница, так что, может, здесь совсем иная магия. Да оно и неудивительно. Деревья здесь другие, люди другие, напитки другие, с бананами, — так что и магия должна быть здесь другой. Вот я и подумала... Гита, девочка моя, учиться никогда не поздно. Да, так и подумала.

— Само собой.

— Что-то с этим городом не так. Как только попали сюда, я враз почувствовала.

Госпожа Гоголь кивнула.

Некоторое время стояла тишина, прерываемая лишь попыхиванием трубок.

Потом снаружи что-то звякнуло, последовала задумчивая пауза, после чего чей-то голос вдруг произнес:

— Гита Ягг! Я знаю что ты там, внутри.

Силуэт госпожи Гоголь вытащил трубку изо рта.

— Хорошо, — сказала она. — У нее отличный вкус.

Занавес у входа приоткрылся.

— Привет, Эсме! — поздоровалась нянюшка Ягг.

— Благословенна будь... эта палатка, — промолвила матушка Ветровоск, вглядываясь в полутьму.

— Это вот госпожа Гоголь, — представила нянюшка. — Она вроде колдуньи вуду. Это в здешних краях так ведьм называют.

— В *здешних* краях и другие ведьмы имеются, — ответила матушка.

— Ты произвела большое впечатление на госпожу Гоголь, найдя меня здесь, — похвасталась нянюшка.

— А чего тут такого? — фыркнула матушка. — Когда я заметила, что у входа Грибо умывается, остальное — одна сплошная дедукция.

Согласно мысленному образу, составленному нянюшкой в полутьме палатки, госпожа Гоголь был стара. И чего уж она совсем не ожидала увидеть, когда колдунья вуду вышла на солнечный свет, так этого того, что собеседница окажется весьма симпатичной женщиной средних лет и ростом выше матушки. В ушах госпожи Гоголь покачивались массивные золотые серьги, а одета она была в белую блузку и длинную красную юбку с оборками. Нянюшка сразу почувствовала неодобрительное отношение матушки Ветровоск. Видимо, то, что говорили про женщин в красных юбках, было еще хуже чем то, что говорили про женщин в красных сапогах, *что бы там про них ни говорили*.

Госпожа Гоголь остановилась и подняла руку. Послышалось хлопанье крыльев.

Грибо, подобострастно тершийся о ногу нянюшки, поднял голову и зашипел. На плечо госпожи Гоголь слетел самый большой и самый черный из всех когда-либо виденных нянюшкой петухов. Он повернул голову и смерил нянюшку самым разумным из всех когда-либо виденных ею птичьих взглядов.

— Вот это да! — потрясенно промолвила нянюшка. — Отродясь не видывала таких здоровенных петухов, а уж я их на своем веку перевидала — ого-го!

Госпожа Гоголь неодобрительно приподняла бровь.

— Да откуда у нее воспитанию-то взяться? — заметила матушка.

— Вы меня не дослушали. Просто я сызмальства жила неподалеку от птицефермы, — ответила нянюшка.

— Это Легба, темный и опасный дух, — сообщила госпожа Гоголь. Она наклонилась поближе и уголком рта продолжила: — Между нами, он просто большой черный петух. Но вы же понимаете...

— От рекламы никогда вреда не бывало, — согласилась нянюшка. — А это Грибо. И если между нами, он сущий демон, исчадие ада.

— Ну разумеется, он же кот, — великодушно заметила госпожа Гоголь. — Чего же еще ожидать от кота?

«Дарагой Джейсон и все астальные,

Ну разве ни удивительна што случаица кагда савсем ни ажидаеш, например мы пазнакомилсь с гаспожой Гоголь каторая днем работает поварихой а на самом деле она калдунья вуду, так што ни верьте што там гаворят нащет чорной магии итэдэ, все это Придрасудки, она савсем вроди нас толька чутачку другая. Хатя про зомби все правда, но это не то што вы думаете...»

Странный город эта Орлея, решила нянюшка. Стоит миновать центральные улицы, пройти по переулочку, нырнуть в маленькую калитку — и ока-

зывается среди деревьев, с которых — свисают длинные пряди мха и что-то вроде клочьев шерсти, а земля начинает колыхаться под ногами и превращается в болото. По обе стороны тропинки темнели пруды, в которых тут и там среди лилий виднелись какие-то живые бревна.

— Ну и здоровенные же тритоны, — изумилась она.

— Это аллигаторы.

— Да неужто! Небось и вкусные же?!

— Да.

Дом госпожи Гоголь, казалось, был сложен из обычного топляка, выуженного из реки, крыша его была крыта мхом, и стоял он над самым болотом на четырех крепких сваях. Отсюда до центра города было рукой подать. Нянюшка явственно слышала уличный шум и цокот копыт, но хибарка посреди болота была будто окутана тишиной.

— А люди тебя здесь не беспокоят? — спросила нянюшка.

— Те, кого я не хочу видеть, нет.

Заросли лилий колыхнулись. По поверхности ближайшего пруда стала разбегаться V-образная зыбь.

— Уверенность в себе, — одобрительно заметила матушка. — Это всегда очень важно.

Нянюшка уставилась на рептилию оценивающим взглядом. Та попыталась выдержать его, но вскоре у нее заслезились глаза, и она отказалась от своего намерения.

— По-моему, парочка этаких красавчиков мне и дома бы не помешала, — задумчиво произнесла

нянюшка Ягг, когда ее противник по гляделкам поспешно скользнул прочь. — Наш Джейсон за- просто выроет такой же пруд. А что они там жрут?

— Все, что захотят.

— Я знаю один анекдот про аллигаторов, — заявила матушка тоном человека, собирающегося поведать великую и неоспоримую истину.

— Да что ты?! — воскликнула нянюшка Ягг. — Отродясь не слыхивала от тебя ни единого анекдота!

— Если я *не рассказываю* их, это еще не означает, что я их *не знаю*, — надменно сообщила матушка. — Там один парень...

— Какой парень? — спросила нянюшка.

— *Один парень* зашел в трактир. Да. Это был трактир. И увидел объявление. А в объявлении том написано: «Любые бутерброды на любой вкус». Тогда он и говорит: «Сделайте мне аллигаторский бутерброд — да побыстрей!»

Воцарилась пауза.

Некоторое время остальные две ведьмы непонимающе таращились на матушку.

Наконец нянюшка Ягг повернулась к госпоже Гоголь.

— Так, значит... ты, получается, одна здесь живешь? — жизнерадостно спросила она. — И кругом больше ни единой живой души?

— В каком-то смысле, — ответила госпожа Гоголь.

— Понимаете, соль в том, что аллигаторский — это... — громко начала было матушка, но осеклась. Дверь хижины отворилась.

Кухня оказалась большой*. Некогда в ней было занято не меньше дюжины поваров одновременно. Теперь же она больше смахивала на пещеру, дальние уголки которой скрывались в тенях, а висящие на стенах сковороды потускнели от пыли. Большие столы были отодвинуты к одной стене, и на них едва ли не до самого потолка громоздились горы посуды. Плиты, на вид достаточно большие, чтобы жарить коров целиком и обслуживать целую армию, стояли нерастопленными.

Посреди этого серого запустения у очага на небольшом ярком коврикe кто-то установил маленький столик. На столике в банке из-под варенья стояли цветы. Букет был составлен очень просто: кто-то вырвал пучок цветов и воткнул их в банку. В целом же все это производило эффект небольшого островка яркости посреди океана мрачности.

Элла нервно переложилa с места на место несколько каких-то мелочей, потом повернулась и взглянула на Маграт с обезоруживающе застенчивой улыбкой.

— Какая же я все-таки глупая. Впрочем, тебе, наверное, не впервой бывать в таких кухнях, — сказала она.

— А-а, да. Да. О да. Я много кухонь посетила, — ответила Маграт.

— Просто дело в том... я думала, что ты будешь немножко... старше. Ты была на моем крещении, да?

* Как говаривала Жалка Пуст, феи-крестные и кухни — понятия неразделимые.

— Э-э... Что? — переспросила Маграт. — Видишь ли, я...

— Хотя ты ведь можешь выглядеть как тебе вздумается, — пришла ей на помощь Элла.

— Что? А, да. Гм.

Элла, казалось, была слегка озадачена — видимо, пыталась понять, почему Маграт, если она может выглядеть так, как ей заблагорассудится, вдруг захотелось выглядеть как Маграт.

— Ну, — наконец промолвила девушка. — И что мы будем делать?

— Ты что-то говорила насчет чая, — ответила Маграт, стараясь выиграть время.

— Ах да, конечно...

Элла повернулась к очагу, где над тем, что матушка Ветровоск обычно называла огоньком оптимиста*, висел закопченный чайник.

— А как тебя зовут? — спросила она через плечо.

— Маграт, — ответила Маграт, присаживаясь.

— Какое... милое имя, — вежливо отозвалась Элла. — Ну а как зовут меня, ты наверняка и сама знаешь. Представляешь, я столько времени провела за готовкой у этого проклятого очага, что теперь тетушка Приятка зовет меня Золушкой. Глупо, правда?

«Золушка... — подумала Маграт. — Я умудрилась стать феей-крестной у девчонки с таким дурацким прозвищем...»

— Она могла бы выдумать что-нибудь получше, — согласилась Маграт.

* Два полена плюс надежда.

— У меня просто духу не хватает попросить ее не называть меня так, ведь тетушка считает, что это очень забавное имя,— призналась девушка.— А по-моему, так это совершенно дурацкое прозвище.

— Ну что ты! — воскликнула Маграт.— Да, кстати, а кто такая эта тетушка Приятка?

— Дворцовая повариха. Когда они куда-нибудь уходят, она навещает меня и старается утешить...

Элла развернулась, держа наперевес почерневший чайник.

— Я *не пойду* на этот бал! — вдруг огрызнулась она.— И ни за что на свете не выйду замуж за этого принца! И все тут!

Слова падали тяжело, словно чугунные болванки.

— Конечно! Конечно! — пробормотала Маграт, ошеломленная силой, с какой были произнесены эти слова.

— Он... какой-то скользкий весь. И от него у меня мурашки по коже,— мрачно сказала Золушка.— Говорят, у него странные глаза. И весь город знает, чем он занимается по ночам!

«Как всегда,— подумала Маграт.— Знают все, кроме меня. Вот мне никогда ничего такого не рассказывают».

Но вслух она произнесла:

— Что ж, думаю, это будет совсем нетрудно устроить. То есть я хочу сказать, что обычно проблема состоит в том, как бы *выйти замуж* за принца.

— Со мной все наоборот,— покачала головой Золушка.— Все *уже* готово. И моя другая крест-

ная говорит, что я непременно должна стать его женой. Такова моя судьба, говорит она.

— Другая крестная? — удивилась Маграт?

— У каждого человека должны быть две крестные, — пояснила Элла. — Хорошая и плохая. Впрочем, ты сама ведь все знаешь. А ты какая из них?

Мысли Маграт лихорадочно заметались.

— О, я хорошая... — наконец выдавила она. — Определенно хорошая.

— Забавно, — нахмурилась Элла. — То же самое утверждает и та, другая.

Матушка Ветровоск сидела в своей особой позе — со сдвинутыми коленями и прижатыми к бокам локтями, позволяющей ей в наименьшей степени контактировать с окружающим миром.

— Вкуснее ничего не едала, — сообщила нянюшка Ягг, до блеска подчищая тарелку чем-то очень похожим на хлеб. Во всяком случае матушка искренне надеялась, что это было хлебом. — Эсме, ты непременно должна попробовать хоть капельку.

— Положить еще, госпожа Ягг? — спросила госпожа Гоголь.

— Если не трудно, госпожа Гоголь. — Нянюшка ткнула матушку Ветровоск локтем в бок. — И в самом деле пальчики оближешь, Эсме. Точь-в-точь как жаркое.

Госпожа Гоголь склонила голову набок и взглянула на матушку.

— Думаю, госпожа Ветровоск отказывается вовсе не из-за пищи, — промолвила она. — Скорее, ей не нравится обслуживание.

По лицу нянюшки Ягг пробежала тень. Чья-то серая рука забрала ее тарелку.

Матушка Ветровоск негромко кашлянула.

— Вообще-то, я ничего не имею против мертвецов,— сказала она.— Многие из моих ближайших друзей уже умерли. Просто это вроде бы как-то неправильно, чтобы мертвецы расхаживали как ни в чем не бывало.

Нянюшка Ягг покосилась на фигуру, накладывающую в ее тарелку уже третью порцию загадочного варева.

— А что ты на это скажешь, господин Зомби?

— Такова жизнь, госпожа Ягг,— откликнулся зомби.

— Вот! Видишь, Эсме? Он не против. Уж наверняка здесь ему куда лучше, чем целыми днями лежать запертым в тесном гробу.

Матушка тоже поглядела на зомби. Он был — или, если быть совсем точным, *раньше* был — высоким симпатичным человеком. Строго говоря, он и сейчас был таким же, правда создавалось впечатление, будто он только что прошел через комнату, сплошь затянутую паутиной.

— А как тебя зовут, мертвец? — спросила она.

— Я зовусь Субботой.

— Что-то похожее я уже слыхала...— задумчиво протянула нянюшка Ягг.— У тебя братьев случаев нет?

— Вроде нет, госпожа Ягг. Один я такой.

Матушка Ветровоск пристально посмотрела ему в глаза. Они были куда более разумными, чем глаза подавляющего большинства людей, которых принято называть живыми.

Она смутно представляла, что каким-то образом можно превратить мертвеца в зомби, хотя этой областью ведьмовства ей никогда не хотелось овладеть. И тем не менее для подобного превращения требовалось нечто большее, чем внутренности каких-нибудь странных рыб и таинственные корешки: покойник должен *хотеть* вернуться в мир живых. Должен обладать какой-то невероятно сильной мечтой, желанием или целью, которые позволили бы ему преодолеть власть самой могилы....

Глаза Субботы *горели*.

Наконец она пришла к некоему решению. И протянула руку.

— Очень приятно познакомиться, господин Суббота,— кивнула она.— И я с удовольствием попробую это замечательное блюдо.

— Оно называется гумбо,— подсказала нянюшка.— И в него кладут дамские пальчики.

— Я отлично знаю, что дамские пальчики — это сорт помидоров, так что спасибо тебе большое за подсказку,— парировала матушка.— Не настолько уж я темная.

— Ладно, ладно, только попроси, чтобы тебе положили побольше змеиных голов,— ухмыльнулась нянюшка Ягг.— Это самое вкусное.

— Змеиная голова? Вот о таком не слышала. А это что за овощ?

— Знаешь, ты, наверное, просто ешь, и все,— вздохнула нянюшка.

Они сидели на скособоченной деревянной верандочке, выходящей на болото, что простиралось позади хижины госпожи Гоголь. С ветвей окружающих деревьев свисали длинные бороды мха.

В зеленых зарослях жужжали какие-то невидимые насекомые, а по воде мягко расходились в стороны клинообразные волны.

— Должно быть, после захода солнца здесь особенно приятно, — заметила нянюшка.

Суббота неуклюже уковылял в дом и вернулся с самодельной удочкой. Насадив на крючок наживку, он закинул удочку прямо с веранды. И сразу вроде как выключился — вряд ли кто может посоревноваться в терпении с зомби.

Госпожа Гоголь откинулась на спинку своего кресла-качалки и раскурила трубку.

— Когда-то это был великий город, — промолвила она.

— И что с ним случилось? — спросила нянюшка.

А у Грибо тем временем были большие неприятности с петухом Легбой.

Во-первых, птица никак не желала пугаться. Грибо способен был привести в ужас большинство созданий, движущихся по поверхности Плоского мира, даже созданий значительно больше его по размерам и от природы весьма свирепых. И тем не менее ни один из давно проверенных приемчиков, как то: зевки, взгляды и, самый действенный, медленная улыбка — не срабатывал. Легба лишь надменно смотрел на него, высокомерно задрав свой клюв, и делал вид, будто роет землю, на самом деле демонстрируя длиннющие шпоры.

Оставалось только совершить нападение влет. Это действовало почти на всех созданий. Очень немногие животные способны сохранять спокой-

ствие, когда на них летит разъяренный мохнатый комок, сплошь из мелькающих когтей. Но эта пташка, как подозревал Грибо, вполне может превратить его в покрытый шерстью кебаб.

Однако проблему нужно было так или иначе решать. В противном случае над ним будут смеяться все грядущие поколения котов.

Кот и птица кружили по болоту, притворяясь, что не обращают друг на друга ни малейшего внимания.

В кронах деревьев перекликались какие-то существа. В воздухе мелькали маленькие радужные птички. Грибо злобно поглядывал на них. Ничего, с ними он разберется позже.

И тут петух вдруг исчез.

Уши Грибо прижались к голове.

Воздух по-прежнему был наполнен птичьим пением и жужжанием насекомых, но все звуки как-то удалились. А на их место пришла сдавленная тишина — жаркая, зловещая и гнетущая, и деревья вроде бы оказались ближе, чем ему помнилось.

Грибо огляделся.

Он стоял на полянке. Кусты и деревья, растущие по краям, были увешаны всякой всячиной. Обрывками ленточек. Белыми костями. Глиняными горшками. То есть самыми обычными предметами — вот только висели они в крайне необычном месте.

А посреди полянки высилось что-то вроде пугала — вертикально торчащая из земли жердь с перекладиной, на которую кто-то напаялил старый черный фрак. На верхний конец жерди была

нахлобучена шляпа-цилиндр. И на том цилиндре, задумчиво глядя на Грибо, громоздился петух Легба.

Неподвижный воздух разорвал порыв свежего ветерка, и фалды старого фрака заколыхались.

Грибо внезапно припомнил день, когда он гонялся за крысой по деревенской мельнице, и вспомнил то ощущение, когда он неожиданно понял, что помещение, казавшееся ему загроможденной мебелью комнатой, на самом деле является огромной чудовищной машиной, которая, если неправильно поставить лапу, в мгновение ока сотрет его в порошок.

Воздух мягко заискрился. Он почувствовал, как шерсть его встает дыбом.

Грибо развернулся и надменно двинулся прочь — так он и шествовал, пока не решил, что его больше не видно, после чего прыснул с такой скоростью, что лапы не поспевали за телом.

Потом он сходил и улыбнулся нескольким аллигаторам, но настроение это как-то не подняло.

На полянке фрак снова мягко шевельнулся, а потом опять замер. Однако что-то угрожающее появилось в том пугале.

Легба наблюдал. Воздух становился все более плотным, как это обычно случается перед грозой.

— Это был великий город. И счастливый. Хотя для этого никто ничего не делал. Все просто случилось само собой, — рассказывала госпожа Гоголь. — Так было, когда нами правил старый барон. Но его убили.

— И кто же? — спросила нянюшка Ягг.

— Дюк. Это всем известно, — пожала плечами госпожа Гоголь.

Ведьмы переглянулись. Очевидно, в заграницах придворные интриги носили несколько иной характер.

— Неужели этот самый индюк заклевал его до смерти? — удивилась нянюшка.

— Жуткая смерть, — заметила матушка Ветровоск.

— Не индюк, а дюк — это наш нынешний правитель, а вовсе не птица, — терпеливо объяснила госпожа Гоголь. — Барон был отравлен. Страшная ночь тогда выдалась. А утром дюк уже хозяйничал во дворце. А потом возникла проблема завешания.

— Дальше можешь не рассказывать, — перебила матушка. — Наверняка оказалось, что барон оставил завешание, в котором все отписал этому самому дюку. И руку даю на отсечение, что к утру чернила почему-то еще не высохли.

— Откуда ты об этом знаешь? — изумилась госпожа Гоголь.

— Иначе и быть не могло, — величественно отозвалась матушка.

— Но у барона была юная дочь, — добавила госпожа Гоголь.

— И она, похоже, еще жива, — кивнула матушка.

— А тебе и впрямь немало известно, — покачала головой госпожа Гоголь. — Но почему ты так решила?

— Ну... — начала было матушка.

Она собиралась сказать: «Да потому, что я знаю, как развиваются сказки». Однако тут вмешалась нянюшка Ягг.

— Если этот барон был столь велик, как ты говоришь, то в городе у него наверняка была куча друзей, так? — спросила она.

— Ну да. Люди любили его.

— Что ж, будь я на месте этого дюка, претензии которого не подкреплены ничем, кроме сомнительного завещания и еще не завинченной бутылочки чернил, я бы искала любую возможность укрепить официальную сторону своего положения, — изрекла нянюшка. — А наилучший способ укрепиться во власти — это жениться на наследнице. Тогда он мог бы спокойно сидеть на троне и поплевывать на всех остальных. Держу пари, девчонка не знает, кто она такая на самом деле. Угадала?

— Верно, — кивнула госпожа Гоголь. — Но у дюка тоже есть друзья. Так называемые опекуны девочки относятся к тем людям, с кем не хотелось бы ссориться. Они воспитали ее и практически не отпускали от себя.

Некоторое время ведьмы сидели в молчании.

«Нет, — думала матушка. — Здесь все как-то неправильно. Нас будто бы занесло в историческую книжку. Вот только в *сказках* так не бывает...»

— Но, госпожа Гоголь, а ты-то как вписываешься во все это? — спросила вдруг матушка. — Не в обиду будет сказано, но, на мой взгляд, уж тебе-то здесь, на болоте, должно быть все едино, кто правит во дворце.

Впервые с тех пор, как они познакомились, госпожа Гоголь явно смутилась.

— Барон был... моим другом, — пояснила она.

— А, — понимающе кивнула матушка.

— Но должна отметить, что он тоже не очень-то жаловал зомби. Говорил, что мертвецам следует предоставить заслуженный покой. Однако никогда на этом не настаивал. В то время как этот новый...

— Не увлекается подобными штучками, да? — сказала нянюшка.

— О, думаю, как раз наоборот, — фыркнула матушка. — Иначе и быть не должно. Может, *твоя* магия его не интересует, но готова поклясться, что он буквально окружен волшебством.

— Странный вывод, — промолвила госпожа Гоголь.

— Обычный, — возразила нянюшка. — Ты, насколько я могу судить, женщина смелая и не стала бы мириться со всем происходящим, если б только нужда не заставила. По-моему, есть куча способов решить все проблемы. Небось, если бы тебе вдруг кто-то пришелся не по душе, у него могли бы ноги внезапно отняться или в сапоги к нему заползла бы какая-нибудь незваная змея...

— А то и хулигатор забрался бы под кровать, — вставила матушка.

— Все правильно. У него есть защита.

— Вон оно что!

— Могущественная магия.

— Помогущественнее твоей, что ли? — спросила матушка.

Возникла долгая и мучительная пауза.

— Да.

— Ага.

— Во всяком случае, сейчас мне с ним не справиться,— добавила госпожа Гоголь.

Снова последовала пауза. Ведьмы крайне не любят признавать свое бессилие. А если уж приходится делать это перед коллегой по ремеслу...

— Судя по всему, ты сейчас тянешь время,— доброжелательно заметила матушка.

— Копишь силы,— прибавила нянюшка.

— У него очень могущественная защита,— сказала госпожа Гоголь.

Матушка откинулась на спинку стула. Когда она снова заговорила, это были слова человека, который кое-что придумал, но прежде хочет выяснить, что знают другие.

— И какого рода? — спросила она. — Какого именно?

Госпожа Гоголь сунула руку куда-то в подушки своей качалки и, немного пошарив там, вытащила кожаный кисет. Раскурив трубку, она выпустила в утренний воздух клуб голубоватого дыма.

— Госпожа Ветровоск, тебе часто в последнее время доводилось смотреться в зеркало? — спросила она.

Матушкин стул так резко качнулся назад, что ведьма едва не опрокинулась с веранды в чернильную болотную трясику. Слава богам, в заросли лилий слетела только шляпа.

Матушка еще успела заметить, как шляпа плавно опускается на воду. Какое-то мгновение она плавала на поверхности, а потом...

...Ее взяли и сожрали. Невероятно большой аллигатор быстро захлопнул челюсти и самодовольно устоялся на матушку.

Представилась замечательная возможность сорвать на ком-нибудь свою злость.

— Моя шляпа! Он схавал мою шляпу! Один из этих твоих хулигаторов *сожрал* мою шляпу! Это была моя шляпа! Прикажи ему, пусть немедленно отдаст!

Матушка Ветровоск сорвала с ближайшего дерева кусок лианы и принялась хлестать им по воде.

Нянюшка Ягг отпрянула.

— Эсме, ты что делаешь?! Совсем с ума сошла?! — дрожащим голосом воскликнула она.

Аллигатор чуть подался назад.

— Никто не запретит мне отлупить эту наглую ящерицу!

— Лупи себе на здоровье, — примирительно сказала нянюшка. — Но, может, все-таки не змеей?

Матушка поднесла кусок лианы к лицу и всмотрелась. На нее испуганно уставился средних размеров трехполосный болотный коитус. Он прикинул, уж не цапнуть ли матушку за нос, но решил, что лучше не связываться, и крепко стиснул челюсти в надежде, что сумасшедшая женщина поймет намек. Матушка Ветровоск разжала руку. Змея шмякнулась на дощатый пол веранды и поспешно уползла.

За все это время госпожа Гоголь даже не пошевелилась в своем кресле. Когда все немного успокоились, она повернулась к Субботе, который все так же молча следил за удочкой.

— Суббота, сходи и принеси госпоже ее шляпу, — велела она.

— Да, госпожа.

Матушка недоуменно нахмурилась.

— Ты посылаешь его прямо в пасть к хулигатору? — недоверчиво спросила она.

— Он же мертвый, — резонно указала госпожа Гоголь.

— Конечно. Но быть мертвым и без того плохо, а так ему придется быть мертвым в виде куточков, — ответила матушка. — Господин Суббота, право, не стоит утруждаться!

— А как же твоя шляпа? — удивилась госпожа Гоголь.

— Шляпа? — переспросила матушка. — Ну, это... это ведь была всего-навсего шляпа. Но чтобы посылать человека, пусть даже мертвого, прямоком в пасть хулигатору? И ради какой-то там шляпы?

Нянюшка Ягг с ужасом слушала матушкины слова.

Кто-кто, а матушка Ветровоск лучше всех знала, насколько важна шляпа. Шляпа — это не просто предмет туалета. Шляпа определяет голову. Она определяет, *кто* ты есть. Всякий мало-мальский волшебник, если он хоть чего-то стоит, должен носить остроконечную шляпу, иначе и не волшебник он вовсе. Разве кто-нибудь слышал, чтобы ведьма разгуливала по улицам без своей шляпы? Даже у Маграт была шляпа, хотя юная ведьмочка почти никогда не носила ее, поскольку была мокрой курицей. Впрочем, это не важно, поскольку дело не в ношении шляпы, а в ее наличии. Каждое занятие, каждое искусство обладает собственной шляпой. Именно поэтому короли носят корону. Снимите с короля корону, и останется лишь человек с безвольным подбородком, время от времени машущий людям ладошкой. В шляпах —

сила. Шляпы очень и очень важны. Но что важнее — человек или шляпа?..

Госпожа Гоголь снова пыхнула трубкой.

— Суббота, сходи и принеси мою лучшую выходную шляпу, — приказала она.

— Слушаюсь, госпожа Гоголь.

Суббота ненадолго скрылся в доме и вскоре появился с большой, выдавшей виды коробкой, тщательно перевязанной бечевкой.

— Нет, этого я принять не могу, — наотрез отказалась матушка. — Это же твоя лучшая шляпа!

— У меня есть еще одна, — успокоила госпожа Гоголь. — Правда-правда, тут нечего стесняться.

Матушка осторожно взяла коробку.

— Сдается мне, госпожа Гоголь, — промолвила она, — что ты не совсем такая, какой кажешься.

— Вовсе нет, госпожа Ветровоск. Поверь, я именно та, за кого себя выдаю. Так же, как и ты.

— Это ты нас сюда привела?

— Ни в коем случае. Вы пришли сами. По собственной воле. Чтобы помочь кое-кому, верно ведь? И никто вас не заставлял. Вы целиком и полностью следовали своим желаниям — я права?

— Верно говорит, — согласилась нянюшка. — Будь это магия, мы бы сразу почувствовали.

— И то правда, — кивнула матушка. — Сюда нас насильно никто не гнал, сами пошли. Но какова здесь твоя роль, а, госпожа Гоголь?

— Я не играю никаких ролей, госпожа Ветровоск. Просто хочу получить свое. Хочу справедливости. А еще я хочу остановить ее.

— Кого это ее? — спросила нянюшка Ягг.

Лицо матушки напоминало застывшую маску.

— Ее. Ту, которая стоит за всем этим, — пояснила госпожа Гоголь. — У дюка куриные мозги, сам бы он ничего не смог. Нет, госпожа Ягг, я имею в виду *ее*. Ее и зеркальную магию. Ее, то есть ту, которая любит всем управлять. Ту, которая реально стоит у руля. Ту, которая играет с судьбой. Ту, о которой госпожа Ветровоск прекрасно осведомлена.

Нянюшка Ягг была явно сбита с толку.

— Эсме, о чем это она? — повернулась нянюшка к подруге.

Но матушка лишь пробормотала себе под нос что-то невнятное.

— Чего? Не расслышала, — отозвалась нянюшка.

Матушка Ветровоск подняла голову. Лицо ее покраснело от гнева.

— Она говорит о моей *сестре*, Гита! Тебе ясно? Расслышала? Поняла? О моей сестре! Может, еще раз повторить? Хочешь знать, о ком она говорит? Может, тебе еще написать? О моей сестре! Вот кого она имеет в виду! Мою *сестру*!

— Они и в самом деле сестры? — спросила Маграт.

Ее чай остыл.

— Не знаю, — ответила Элла. — Но уж очень они... похожи. И большую часть времени неразлучны. Однако я чувствую, как они непрестанно следят. Они очень здорово умеют следить.

— И они заставляют тебя делать *всю* работу?

— Да нет, в общем-то, мне приходится лишь готовить для себя и для остальной прислуги, —

пожала плечами Элла. — А прибраться и выстирать белье мне совсем не трудно.

— Значит, себе они готовят сами?

— Вряд ли. Правда, после того как я ложусь спать, они ходят по дому. Крестная Лилит говорит, что я должна быть добра к ним и жалеть их, потому что они не могут говорить. А еще я должна следить за тем, чтобы у нас в погребе всегда было много сыра.

— Они не едят ничего, кроме сыра? — удивилась Маграт.

— Не знаю... — растерянно произнесла Элла.

— В таком старом доме, наверное, много мышей и крыс. Видимо, они-то этот сыр и съедают.

— Знаешь, как ни странно, — ответила Элла, — я ни разу не видела тут ни единой мышки.

Маграт вздрогнула. Она вдруг почувствовала, что за ней *следят*.

— А почему ты просто не уйдешь? Лично я бы так и поступила.

— Куда? К тому же они всегда меня находят. Или посылают за мной кучера и конюхов.

— О боги!

— Скорее всего, они думают, что рано или поздно я с радостью выйду замуж за кого угодно, лишь бы избавиться от бесконечной стирки, — промолвила Элла. — Вряд ли одежду принца когда-нибудь стирают, — жестко добавила она. — После *такого* одежда не отстирывается, лучше сразу ее сжечь.

— А на самом деле ты хочешь сделать собственную карьеру, — ободрительно заметила Маграт,

чтобы поддержать бедняжку.— Ты хочешь быть самостоятельной. Хочешь эмансипироваться.

— Э-э, ну не знаю...— ответила Элла, причем очень осторожно, поскольку фей-крестных ни в коем случае нельзя обижать, ведь это страшный грех.

— Хочешь, хочешь,— убежденно произнесла Маграт.

— Правда?

— Да.

— Ох.

— Нельзя выдавать девушку замуж против ее желания.

Элла откинулась на спинку стула.

— А ты давно фея? — спросила она.

— Э-э... Ну... В принципе...

— Вчера привезли платье,— перебила ее Элла.— Оно сейчас в большой гостиной, на специальной подставке,— а то вдруг помнется? Нет, оно должно быть *идеальным*. Карету специально покрыли лаком. И наняли дополнительных лакеев.

— Да, но, может...

— По-моему, мне все-таки придется выйти замуж за этого человека,— заключила Элла.

Матушка Ветровоск рассказывала взад и вперед по верандочке из плавника. От ее топота содрогалась вся хижина, и от свай во все стороны расходились круги.

— Да откуда тебе ее помнить?! — разорвалась она.— Наша мать выгнала ее из дому, когда ей только-только тринадцать исполнилось! Мы обе тогда пешком под стол ходили! Но я прекрасно

помню те ссоры! Слышала их, лежа в постели! Она была настоящей распутницей!

— Когда мы были помоложе, ты и про меня говорила, что я распутница,— напонила нянюшка.

Матушка запнулась, на мгновение растерявшись. Но потом раздраженно отмахнулась.

— Ну говорила,— мрачно пробормотала она.— Но ты в отличие от нее чар ни на кого не напускала.

— Просто ни к чему было,— радостно ответила нянюшка.— Платья с глубоким вырезом более чем достаточно.

— С глубоким вырезом и коротким подолом, насколько мне помнится,— буркнула матушка.— Но она пользовалась всякими заклятиями. Притом не обычными, нет! И всегда все делала назло!

Нянюшка Ягг уже собиралась было съязвить что-то вроде: «Да неужели? Хочешь сказать, она была не столь покладистой и скромной, как ты, Эсме?» Но вовремя прикусила язык. Не стоит играть со спичками на пиротехнической фабрике.

— Ужас, сколько жалоб было! — хмуро проговорила матушка.— Что ни день, так очередной папаша жаловаться заявляется.

— А вот насчет *меня* никто никогда не жаловался,— с гордостью заметила нянюшка.

— И еще она вечно смотрелась в зеркало,— продолжала матушка.— Гордая была, как кошка. Всегда предпочитала смотреть в зеркало, а не в окно.

— И как ее звали?

— Лили.

— Милое имечко,— заметила нянюшка.

— Сейчас она называет себя по-другому, — встряла госпожа Гоголь.

— Ну еще бы!

— И она, выходит, заправляет всем городом? — уточнила нянюшка.

— Уж что-что, а покомандовать она всегда любила!

— А на кой ей командовать городом-то? — не поняла нянюшка.

— У нее свои планы, — ответила госпожа Гоголь.

— Была ли она тщеславной? Да еще какой! — воскликнула матушка, обращаясь, очевидно, ко всему миру в целом.

— И ты знала, что она здесь? — спросила нянюшка.

— У меня было предчувствие! Зеркала!

— В зеркальной магии ничего дурного нет, — возразила нянюшка. — Я и сама проделывала всякие штуки с зеркалами. С зеркалом можно отлично позабавиться.

— Она пользуется не одним зеркалом, — пояснила госпожа Гоголь.

— Ого!

— А двумя.

— Вон оно что. Это совсем другое дело.

Матушка уставилась на поверхность воды. Из темной глубины на нее уставилось ее собственное лицо.

По крайней мере, она искренне надеялась, что это лицо принадлежит ей.

— Я всю дорогу чувствовала, что она следит за нами, — промолвила матушка Ветровоск. — Толь-

ко в зеркалах она по-настоящему счастлива. В этих самых зеркалах она как хочет вертит людьми, превращая их в сказки.

Матушка ткнула в отражение палкой.

— И в доме Жалки она тоже за мной следила — как раз перед тем, как пришла Маграт. Думаєте, приятно видеть в собственном отражении кого-то другого?

Некоторое время матушка молчала.

— Кстати, а где Маграт?

— Должно быть, феекрестничает, — ответила нянюшка. — Сказала, мол, наша помощь ей не требуется.

Маграт была рассержена. А кроме того, она была напугана, отчего сердилась еще больше. А когда Маграт бывала рассержена, людям приходилось туго.

— Даю тебе честное слово, — пообещала она. — Если не хочешь, можешь не идти на бал.

— Ничего у тебя не получится. Их не остановить, — уныло махнула рукой Элла. — Я-то знаю, как обстоят дела в этом городе.

— Слушай, говорю же тебе, можешь не ходить! — повторила Маграт.

Немного подумав, она спросила:

— А нет ли случайно человека, за которого ты хотела бы выйти замуж?

— Нет. Я мало кого знаю. Когда мне знакомиться-то?

— Хорошо, — кивнула Маграт. — Это все упрощает. Тогда я уведу тебя отсюда и... отведу в какое-нибудь другое место.

— А здесь нет никакого другого места. Я же тебе объясняла. Только болото. Я пробовала раз или два спрятаться там, но за мной всегда посылали кучеров. Нет, они совсем не плохие. Ну, кучера то есть. Просто они запуганы. Все боятся. Помоему, даже сестры, и те боятся.

Маграт обвела взглядом тени.

— Боятся чего? — спросила она.

— Говорят, люди бесследно исчезают. Если делают что-нибудь не угодное дюку. С ними что-то происходит. В Орлее все очень *вежливы*, — поморщилась Элла. — Никто не крадет, не повышает голоса, и все по вечерам, кроме Сытого Вторника, сидят дома. — Она вздохнула. — Вот куда бы я хотела сходить. На карнавал. Только меня всегда оставляют дома. Но я же слышу, как люди на улицах веселятся... Вот какой должна быть Орлея! Чтобы плясали не во дворцах, а на улицах!

Маграт передернуло. Она вдруг почувствовала, как далеко забрела от дома.

— Возможно, мне понадобится кое-какая помощь, — призналась она.

— У тебя же есть палочка, — сказала Элла.

— Бывают моменты, когда одной палочки недостаточно, — пояснила Маграт.

Она встала.

— Но вот что я тебе скажу, — грозно добавила она. — Не нравится мне этот дом. И город этот мне не нравится. Золушка!

— Что?

— Ты *не пойдешь* на бал. Это я тебе обещаю...

И тут она повернулась.

— Я же предупреждала, — потупившись, проворчала Элла. — Их даже не слышно.

На верхней ступеньке лестницы, ведущей в кухню, стояла одна из сестер. Ее неподвижный взгляд был устремлен прямо на Маграт.

Говорят, каждый человек немного смахивает на какое-нибудь животное. Должно быть, у Маграт была прямая мысленная связь с неким небольшим пушистым зверьком, потому что она ощутила ужас, который испытывают все маленькие грызуны перед лицом немигающей смерти. Через угрожающий взгляд ей передавались самые разные послания: бесполезность бегства, глупость сопротивления, неотвратимость гибели.

Она знала, что ничего не может поделать. Ноги не слушались ее. Впечатление было такое, будто команды передавались непосредственно через этот взгляд и прямо в ее спинной мозг. Чувство беспомощности было почти умиротворяющим...

— Благословен будь этот дом.

Сестра обернулась куда быстрее, чем это сумел бы проделать обычный человек.

В дверях стояла матушка Ветровоск:

— Вот те на! — прогрохотала она. — Ты погляди!

— Ага, — согласилась нянюшка Ягг, появляясь в дверном проеме за ее спиной. — Я и гляжу.

— Мы просто две старые нищенки, — заявила матушка, проходя в кухню.

— Просим милостыни по домам, — добавила нянюшка Ягг. — И уж конечно, сюда попали совершенно случайно.

Они с двух сторон подхватили Маграт под локти и подняли ее над полом.

Матушка повернулась к Элле.

— А ты, госпожа?

Элла отрицательно покачала головой, отводя глаза.

— Нет,— промолвила она.— Я не могу уйти. Матушка прищурилась.

— Думаю, это верно,— признала она.— Все мы должны идти своим путем, как считают некоторые, но не я. Гита, пошли!

— Ну, нам пора,— жизнерадостно объявила нянюшка Ягг.

Они развернулись, чтобы уйти.

В дверях появилась вторая сестра.

— О боги! — воскликнула нянюшка Ягг.— Я даже и не заметила, как она вошла!

— Мы сейчас просто уйдем,— громко сказала матушка.— Надеюсь, вы, дамы, ничего не имеете против?

Она твердо встретила устремленный на нее взгляд.

В воздухе повисло напряжение.

— Гита, когда я скажу, беги...— шепнула матушка Ветровоск сквозь стиснутые зубы.

— Слышу, слышу,— откликнулась нянюшка.

Матушка пошарила за спиной и нащупала чайничек, в котором Элла недавно заваривала чай. Она взвесила его на ладони, стараясь двигаться медленно и плавно.

— Готова, Гита?

— По твоей команде, Эсме.

— Бежим!

Матушка подбросила чайничек под самый потолок. Головы обеих сестер немедленно повернулись следом за ним.

Нянюшка Ягг тащила за собой спотыкающуюся Маграт. Матушка захлопнула дверь прямо

перед носом одной из сестер, которая, разинув рот, бросилась было следом за ними, но чуть припозднилась.

— А девушку мы вам оставляем! — крикнула нянюшка, когда они неслись по дорожке.

— Они сторожат ее, — ответила матушка. — И с ней ничего не случится!

— В жизни не видывала людей с такими зубищами! — покачала головой нянюшка.

— Это потому, что никакие они не люди! Они змеи!

Ведьмы достигли сравнительной безопасности улицы и, задыхаясь, прислонились к стене.

— Змеи? — просипела нянюшка.

Маграт открыла глаза.

— Это все дело рук Лили, — пояснила матушка. — Помнится, такие штуки у нее всегда хорошо выходили.

— Самые настоящие змеи?

— Угу, — мрачно подтвердила матушка. — Ей это пару раз плюнуть.

— Вот так штука! У меня бы такое ни за что не вышло.

— В прежние времена у нее бы тоже ничего не получилось. Вот она, сила зеркал.

— Я-я-я... — заикаясь, проблеяла Маграт.

— С тобой все в порядке, — успокоила нянюшка.

И поглядела на матушку.

— Что бы ты там ни говорила, а девушку бросать нельзя. Да еще в доме, где рассказывают змеи, возомнившие себя людьми.

— Все куда хуже. Как раз они-то по-прежнему считают себя змеями, — поправила матушка.

— Ай, все едино. Даже ты никогда не творила ничего подобного. Самое худшее, так это когда ты слегка сбивала людей с толку и они путали себя с кем-то другим.

— Это потому, что я добрая, — резко отозвалась матушка.

Маграт передернулась.

— Ну что, будем ее вызволять или нет? — поинтересовалась нянюшка.

— Не сейчас. Всему свое время, — ответила матушка. — Ты меня слышишь, Маграт Чесногк?

— Да, матушка, — отозвалась Маграт.

— Нам нужно найти место, где мы могли бы спокойно переговорить, — сказала матушка. — Насчет сказок.

— А что насчет сказок? — спросила Маграт.

— Лили использует их, — объяснила матушка. — Неужто сама не видишь? Это чувствуется по всей стране. Сказки скапливаются здесь потому, что именно тут они находят себе выход. Она *подкармливает* их. Думаешь, ей нужно, чтобы твоя Элла вышла за этого самого дюка просто потому, что того требуют политические соображения? Нет, это всего-навсего... видимость. Но истинная причина кроется в другом. Лили хочет, чтобы девочка вышла замуж за принца, потому что того требует сказка.

— А зачем ей это? — удивилась нянюшка.

— Все сказки на свете крутятся либо вокруг добрых фей, либо вокруг злых ведьм. И вот тут на сцену выступает наша Лили. Она как... как... — Матушка Ветровоск помолчала, пытаясь подыскать нужное слово. — Помните, в прошлом году в Ланкр приезжали циркачи?

— Ага,— кивнула нянюшка.— Там еще всякие девицы в блестящих трико прыгали, и парни выливали белила себе на штаны. Хотя слона я так и не увидела. Обещали все, что покажут слонов, а их возьми да и не окажись. А на афишах сплошь слоны были нарисованы. Целых два цента потратила, а ни единого слона...

— Да, да, но я хочу сказать совсем другое,— перебила ее матушка.— Помнишь, среди этих самых циркачей был один человек? Усатый такой и в большой шляпе?

— Тот-то? Но он ведь почти ничего и не делал,— пожала плечами нянюшка.— Стоял себе в серединке, время от времени щелкал хлыстом, а все крутилось само собой.

— Вот потому-то он и был там самым главным,— кивнула матушка.— Ведь именно вокруг него все происходило.

— А чем Лили подкармливает сказки? — спросила Маграт.

— Людьми,— ответила матушка и нахмурилась.— Ох уж мне эти сказки! — буркнула она.— Что ж, посмотрим еще, кто кого...

На Орлею надвинулись зеленые сумерки. С болота потянулись туманы.

На улицах горели факелы, а в уютных двориках сутились призрачные фигуры, стягивая чехлы с ярмарочных повозок. В темноте то и дело поблескивали праздничные одежды, периодически раздавался звон колокольчиков.

Весь год жители Орлеи были милыми и тихими. Однако ход истории неумолим, и в любом

календаре имеется по крайней мере одна ночь, которая временно восстанавливает мировой баланс. И не важно, как она называется — Праздник Дураков, Ночь Бобового Короля или вообще Самеди Ньюи Мор. Главное, что в эту ночь даже самые серьезные, самые почтенные люди могут плюнуть на приличия и как следует поразвлечься.

Во всяком случае, такая возможность им предоставляется, а остальное — их личное дело.

Кучера и лакеи сидели в своем закутке в конюшне, уплетая ужин и жалуясь на то, что все веселятся, а они вот тут вкалывают. А еще они коротали время, пытаясь угадать, что за ужин собрали им сегодня заботливые женушки, и завидую тем, чьи жены проявили больше заботы.

Старший лакей опасно приподнял крышку.

— У меня цыплячья шейка и соленый огурец, — возвестил он. — Сыра ни у кого нет?

Второй кучер исследовал содержимое своей коробочки.

— Снова вареный бекон, — пожаловался он. — Моя всегда кладет мне вареный бекон. Знает, что я терпеть его не могу. И даже жир не срезает.

— А это такой толстый белый жир? — осведомился первый кучер.

— Ну да. Просто ужас какой-то! По-твоему, это разве похоже на праздничный ужин?

— Махнемся на салат и помидор?

— Годится. А что у *тебя*, Джимми?

Младший лакей застенчиво развернул свой аккуратный сверток. Там обнаружились четыре бутерброда, причем все корки с ломтей хлеба были тщательно обрезаны. Каждый бутерброд украша-

ла веточка петрушки, и в сверток даже была вложена салфетка.

— Копченый лосось и сливочный сыр,— ответил он.

— Еще, небось, и кусочек свадебного пирога? — ухмыльнулся первый кучер.— Неужто вы его по сию пору не доели?

— Каждую ночь угощаемся,— парировал младший лакей.

Загон содрогнулся от последовавшего хохота. Общеизвестно, что любое, даже самое невинное замечание, сделанное любым недавно женившимся молодым членом любого трудового коллектива, является спусковым крючком для грубого веселья среди его старших и более циничных коллег. Это свойственно даже девятиногим существам, живущим на дне аммиачного океана некой огромной ледяной планеты. Таковы традиции.

— Ничего, наслаждайся, пока можешь,— мрачно произнес второй кучер, когда веселье немного улеглось.— Начинается все с поцелуйчиков, пирога и обрезанных корок, а потом вдруг раз, и твой удел — остывший пирог с языком, охладевшая жена и вечные скандалы.

— Насколько я понимаю,— начал первый кучер,— тут все дело в том, как ты...

В дверь постучали.

Младший лакей, будучи самым младшим из всех, направился к двери.

— Какая-то старая карга,— вскоре возвестил он.— Чего тебе, старая?

— Выпить не желаете? — спросила нянюшка Ягг.

Она продемонстрировала кувшин, над которым витал ощутимый запах спиртного, и дунула в бумажный пищик.

— Что? — переспросил лакей.

— И не стыдно вам, ребята, работать? Праздник же! Эге-гей!

— А ну, в чем дело?.. — начал было старший кучер, но вдруг учуял соблазнительный аромат спиртного. — О боги! *Что* там у нее?

— Очень похоже на ром, господин Тревис.

Старший кучер заколебался. С улицы доносились музыка и смех — это проходило первое шествие. В небе вспыхивали фейерверки. В этот вечер ну никак нельзя было не пропустить хоть глоточек спиртного...

— Какая милая старая дама, — сказал он.

Нянюшка Ягг снова помахала кувшином.

— Наше здоровье! — воскликнула она. — И пусть грязи вам будет по колено!

Существуют две основные разновидности так называемых классических ведьм — сложная и простая. Иначе говоря, бывают такие ведьмы, чьи комнаты битком набиты всяческими причиндалами, а некоторые ведьмы прекрасно обходятся без подобных штук.

Маграт по своим наклонностям относилась к первой разновидности. Взять, к примеру, волшебные ножи. У нее была целая коллекция волшебных ножей, причем все с соответствующим образом раскрашенными рукоятками и лезвиями, сплошь покрытыми магическими рунами.

Но лишь спустя много лет, проведенных рядом со старой, мудрой матушкой Ветровоск, Маг-

рат наконец поняла, что самый обычный кухонный нож для резки хлеба может оказаться куда полезнее, чем самый изукрашенный из волшебных ножей. Им можно делать все то же самое, что и волшебным ножом, а кроме того, еще и резать хлеб.

В каждой давно устоявшейся кухне есть один старинный нож с истертой до невозможности рукоятью и выгнутым подобно банану лезвием. Причем нож этот настолько остр, что вы скорее согласитесь выудить яблоко из аквариума с пираньями, чем сунуть ночью руку в ящик кухонного стола.

Свой нож Маграт носила за поясом. В данный момент она, судорожно болтая ногами, парила в тридцати футах над землей, одной рукой сжимая палку своей метлы, а другой рукой цепляясь за водосточную трубу. На первый взгляд при наличии помела проникновение в дом дело нехитрое. Но получалось, что это не так.

Наконец ведьмочка обхватила ногами трубу, а рукой — очень кстати подвернувшуюся горгулью. Просунув лезвие ножа между створками окна, Маграт подняла защелку. Еще немного пыхтения и кряхтения — и в конце концов она оказалась в доме, где привалилась к стене и попыталась отдышаться. Перед закрытыми глазами мелькали голубые огни — эхо фейерверков, взрывающихся в небе снаружи.

Матушка несколько раз переспрашивала у нее, точно ли Маграт хочет сделать то, что она хочет сделать. Оказалось-таки, что да, Маграт и *впрямь* уверена в своих желаниях. Пусть даже по дому все еще бродят эти самые змееженщины. Но быть

ведьмой — это прежде всего означает посещать те места, где тебе вовсе не улыбается оказаться.

Маграт открыла глаза.

На портновском манекене посреди зала красовалось платье.

Над Орлеей взорвалась «клатчская свеча». По бархатно-черному небу разлетелись красные и зеленые звезды, ярко высветив драгоценные камни и шелка.

Маграт в жизни не видела ничего более красивого.

Она тихонько двинулась вперед, во рту у нее пересохло.

Над болотом клубился теплый туман.

Госпожа Гоголь помешала варево, бурлящее в котле.

— Что они делают? — спросил Суббота.

— Останавливают сказку, — ответила она. — А может... может, и нет...

Она поднялась.

— Так или иначе, нам пора на поляну, — промолвила госпожа Гоголь и повернулась к Субботе. — Ты боишься?

— Я... я знаю, что будет потом, — выдавил зомби. — Даже если мы победим.

— Мы оба это знаем. Но у нас было двенадцать лет.

— Да. У нас было двенадцать лет.

— И Элла будет править городом.

— Да.

А в кучерском закутке тем временем, как выразилась бы нянюшка Ягг, зажигали вовсю.

Младший лакей неопределенно улыбнулся стене и повалился на стол.

— Вот она, нынешшняя-то молодешь,— заявил главный кучер, пытаясь выудить свой парик из кружки.— Совсем градушшш... градуссс... не умеют держать...

— Не желаете ли еще, господин Тревис? На ход ноги? — спросила нянюшка, в очередной раз наполняя его кружку.— Или как там среди вас, кучеров, говорят? На оборот колеса?

— Кжжжись,— заметил старший лакей,— нам ужжже вроде пора карету готовить, шо скажжете?

— Я так скажу, что вы вполне успеете пропустить еще по одной,— ответила нянюшка Ягг.

— Ошшшнь благородно,— признал кучер.— Вессьма блгродно. Вот гляжжжу на вассс, гжа Яг-га...

Маграт всегда мечтала о таком платье. В бездонной пропасти своей души бессонными ночами она частенько танцевала с принцами. Нет, не с застенчивыми, трудолюбивыми принцами, вроде ланкрского принца Веренса, а с настоящими, с теми, у которых хрустально-голубые глаза и белые жемчужные зубы. И в эти моменты на ней были точь-в-точь такие платья. И сшиты они были на нее и для нее.

Она рассматривала отделанные рюшами рукава, вышитый корсаж, тончайшие белые кружева. Это был какой-то совсем другой, далекий мир... Платье... А на ней сейчас были штаны, которые нянюшка Ягг упорно обзывала «магратжами». Зато они очень практичные.

Будто практичность вообще что-то значит!

Она еще долго смотрела на платье.

А потом со слезами, текущими по лицу и меняющимися цвет под вспышками ярких фейерверков, Маграт взялась за нож и принялась резать платье на очень-очень маленькие кусочки.

Голова старшего кучера мягко подскочила на бутербродах.

Нянюшка Ягг встала, правда немного неуверенно. Будучи в душе женщиной доброй, она заботливо подсунула под голову храпящему на столе младшему лакею его парик, после чего вышла в ночь.

У стены она заметила чей-то силуэт.

— Маграт, ты? — прошипела нянюшка.

— Нянюшка?

— Ну как, позаботилась о платье?

— А как там кучера?

— Значит, порядок, — заключила, появившись из теней, матушка Ветровоск. — Осталась только карета.

На цыпочках она просеменила к сараю, где стоял экипаж, и открыла дверь. Та громко закрипела.

— Тш-ш-ш! — прошипела нянюшка.

На полочке нашлись огарок свечи и спички. Маграт, немного повозившись, зажгла свечу.

Карета засверкала как зеркальный шар.

Зрелище было поистине невероятное. Экипаж был так пышно изукрашен, как будто кто-то взял самую обыкновенную карету, а потом вдруг сошел с ума и принялся напропалую лепить на нее украшения и золотую краску.

Матушка Ветровоск задумчиво обошла карету.

— Показуха, — наконец заключила она.

— Эх, жаль красоту такую ломать... — с грустью в голосе промолвила нянюшка.

Она засучила было рукава, но потом, чуток поразмыслив, заткнула подол юбки за подштанники.

— Где-то здесь непременно должен быть молоток, — пробормотала она, оглядывая тянущиеся вдоль стены полки.

— Не надо! Будет слишком много шума! — прошипела Маграт. — Погодите секундочку...

Она вытащила из-за пояса презренную палочку, крепко стиснула ее и махнула в сторону кареты.

По сараю будто промчался порыв ветра.

— Чтоб мне лопнуть! — восхитилась нянюшка Ягг. — Мне бы это и в голову не пришло.

На полу лежала большая оранжевая тыква.

— Пустяки, — махнула рукой Маграт, рискнув позволить себе чуточку горделивости.

— Ха! Эта карета уже никуда не поедет, — сказала нянюшка.

— Слышь... А может, ты и с лошадьми то же самое сотворишь? — спросила матушка.

Маграт отрицательно покачала головой.

— М-м-м, думаю, это было бы слишком жестоко.

— Верно, верно, — согласилась матушка. — Нет оправдания жестокости к бессловесным тварям.

Два жеребца с поистине лошадиным любопытством наблюдали, как она отпирает дверцы их стойл.

— Бегите, — велела матушка Ветровоск. — Где-то там бескрайние зеленые луга. — Она бросила

взгляд на Маграт.— Считай, ты их эмконьсипировала.

Отклика не последовало.

Матушка вздохнула. Она забралась на деревянную перегородку, разделяющую стойла, вытянула обе руки, взяла обоих жеребцов за уши и мягко пригнула их головы на один уровень со своим ртом.

Что-то им прошептала.

Жеребцы повернулись друг к другу и обменялись изумленными взглядами.

Потом уставились на матушку.

Она улыбнулась им и кивнула.

А затем...

Вообще-то, лошадь не способна мгновенно перейти из неподвижного состояния в галоп, но жеребцам это почти удалось.

— Интересно, что такого ты им сказала? — спросила Маграт.

— Волшебное лошадиное слово, — ответила матушка. — Его по наследству получил Гитин Джейсон, а уж потом открыл его мне. Срабатывает как часы.

— Неужто он тебе его открыл? — изумилась нянюшка.

— Да.

— Как, неужели от и до?

— Ну да, — самодовольно признала матушка.

Маграт заткнула палочку обратно за пояс. При этом на пол выпал кусочек белой материи.

В свете огарка сверкнули драгоценные камни и шелк. Она поспешно нагнулась, чтобы поднять его, но мало что способно ускользнуть от взгляда матушки Ветровоск.

Она вздохнула.

— Маграт Чесногк...— начала матушка.

— Да,— смиренно согласилась Маграт.— Да. Знаю. Я мокрая курица.

Нянюшка ласково похлопала ее по плечу.

— Ничего,— ободряюще произнесла она.— Сегодня ночью мы славно потрудились. Теперь у этой твоей Эллы примерно столько же шансов угодить на бал, сколько у меня... стать королевой.

— Ни платья, ни кучеров, ни лошадей, ни кареты,— перечислила матушка.— Хотела бы я посмотреть, как *она* выкрутится на *этот* раз. Сказки, говоришь? Ха!

— Так, а что мы дальше будем делать? — спросила Маграт, когда они крадучись вышли во двор.

— Сегодня же Сытый Вторник! — воскликнула нянюшка.— Предлагаю как следует повеселиться!

Из темноты появился Грибо и принялся тереться о ее ноги.

— А я думала, что Лили попробует как-нибудь известить его,— сказала Маграт.

— С таким же успехом она могла бы попробовать известить наводнение,— хмыкнула нянюшка.— Так как насчет погулять от души?

— Что-то не по душе мне отплясывать на улицах,— призналась матушка.— Это сколько ж ты рому выпила?

— Ой, да будет тебе, Эсме,— махнула рукой нянюшка.— Помнишь пословицу? Если не можешь славно повеселиться в Орлее, то скорее всего ты уже мертв.— Но тут она вспомнила про Суб-

боту.— Впрочем, возможно, в Орлее даже мертвым перепадает чуток веселья.

— А может, нам лучше остаться здесь,— предложила Маграт.— На всякий случай?

Матушка Ветровоск задумалась.

— Ты что, Эсме, считаешь, ее могут отправить на бал в *тыкве*? — спросила нянюшка Ягг.— А кого запрягать-то будут? Мышей? Хе-хе-хе!

Перед мысленным взором матушки Ветровоск возникли две женщины-змеи, и она снова засомневалась. Но день и в самом деле выдался долгим. Кроме того, если подумать, это действительно смешно...

— Ну ладно,— решила она.— Но запомни: гулять от твоей души я ни в жизнь не стану!

— Там танцуют и все такое прочее...— вкрадчиво промолвила нянюшка.

— И еще, наверное, продают всякие банановые напитки,— добавила Маграт.

— Ставлю миллион против одного, что так оно и есть! — радостно воскликнула нянюшка Ягг.

Лилит де Темпскир улыбнулась сама себе в двойном зеркале.

— Ну надо же,— сказала она.— Ни кареты, ни платья, ни лошадей. И что тут делать старенькой крестной? Бедная я, несчастная. В общем, ой-ой-ой, как говорится.

Она открыла небольшой кожаный футляр, похожий на те, в которых музыканты обычно носят свою любимую флейту.

В футляре оказалась палочка — точная копия волшебной палочки, что была у Маграт. Лилит

вытащила ее и переставила серебряные и золотые кольца в новые положения.

Послышался щелчок, который издают затворы самых зловещих ружей.

— Придется работать с тыквой, — сказала Лилит.

Основная разница между разумными и неразумными объектами заключается в том, что изменить вид первых хоть и трудно, но все же не так уж невозможно. Главное здесь — ментальные настройки. В то время как для превращения неразумного объекта вроде тыквы — а трудно себе представить объект более неразумный, чем тыква, — требуется волшебство, и только волшебство.

Но если его молекулы помнят то время, когда они еще не были тыквой...

Она рассмеялась, и мириады отражений Лилит, населяющие зеркальную вселенную, рассмеялись вместе с ней.

Центр Орлеи уже отпраздновал свой Сытый Вторник, и сейчас темные и освещенные светом факелов церемонии разворачивались в бедных предместьях, окружающих высокие белые здания. Тут были фейерверки. Были танцоры и пожиратели огня, были перья и блески. Ведьмы, представления которых о народном гулянье ограничивались пляской вокруг костра, разинув рты, смотрели с запруженного зеваками тротуара на проходящие мимо праздничные процессии.

— Да это ж танцующие скелеты! — воскликнула нянюшка, когда по улице прошествовала толпа костлявых фигур.

— Ага, сейчас,— отозвалась Маграт.— Обычные люди в черных трико с нарисованными на них костями.

Кто-то толкнул матушку Ветровоск. Она обернулась и увидела перед собой широкое улыбающееся лицо темнокожего человека. Он протягивал ей какую-то бутыль.

— Угостись-ка, милашка.

Матушка взяла бутыль, поколебалась, но затем отхлебнула. Толкнула Маграт и передала бутылку ей.

— Бр-р-р! У-у-у-ух! — с трудом выговорила она.

— Что? — крикнула Маграт, стараясь перекрыть грохот марширующего мимо оркестра.

— Какой-то тип хочет, чтобы мы попробовали.

Маграт оглядела горлышко бутылки и попыталась незаметно вытереть его о платье — несмотря на тот самоочевидный факт, что все микробы в окрестностях бутылки давным-давно сдохли. Опасливо сделав небольшой глоток, Маграт в свою очередь толкнула нянюшку Ягг.

— Хр-р-бр-р-эх! — выдавила она и утерла покотившиеся из глаз слезы.

Нянюшка запрокинула бутылку. Спустя некоторое время Маграт снова ткнула нянюшку в бок.

— Мне казалось, мы пустили ее по кругу! — укоризненно сказала она.

Нянюшка вытерла губы и передала заметно полегчавшую бутылку высоченному соседу слева.

— Эй, господин, здесь угощают,— сказала она.

— БЛАГОДАРИЮ.

— Симпатичный ты себе наряд отхватил. Кости прям как настоящие.

Нянюшка снова переключилась на процессию жонглирующих факелами огнеглотателей. Затем у нее в подсознании что-то щелкнуло. Она снова взглянула налево. Но сосед уже удалился.

Нянюшка пожала плечами.

— Интересно, что будет дальше? — пробормотала она.

Матушка Ветровоск впилась глазами в группу танцоров беспритязательного лимбо. У многих танцев во время парадов есть одна общая черта: они недвусмысленно выражают то, на что шутики вроде майского шеста лишь намекают. Правда, танцы прикрывают все это блестками.

— Да уж, в следующий раз, заходя в уборную, сто раз подумаешь, а в таком ли ты уединении, как тебе кажется...— хмыкнула нянюшка Ягг, ткнув пальцем в танцоров, которые без видимой помощи вертелись в воздухе.

Грибо сидел у ее ног, пристально наблюдая за танцующими женщинами, на которых не было ничего, кроме перьев. Он тщетно пытался понять, что это за странные твари и как с ними стоит обойтись.

— Я сейчас кое о чем другом думаю. О том... как работают сказки. Но, по-моему, стоит перекусить,— слабым голосом промолвила матушка. Однако тут же подавила секундную слабость.— Я имею в виду настоящую еду, а не то, что выскребли со дна пруда. Слышать больше не желаю ни о каких там *гастрономиях*!

— Как же ты все-таки не любишь приключения, матушка,— укоризненно произнесла Маграт.

— Вообще-то, я не против приключений, если они, конечно, не опасные, — парировала матушка. — Но только не с едой.

— Тут неподалеку есть заведение, где делают бутерброды с аллигаторами, — объявила нянюшка, отворачиваясь от парада. — Представляете? Настоящий аллигатор на бутерброде!

— Это напомнило мне один анекдот... — сказала матушка Ветровоск.

В ее сознании назойливо свербила какая-то мысль.

Нянюшка Ягг надрывно закашляла, но это не сработало.

— Заходит, значит, один в харчевню, — начала матушка Ветровоск, пытаясь не обращать внимания на все усиливающееся беспокойство. — И вдруг видит объявление. А там: «Любые бутерброды на любой вкус». Ну он и говорит: «Сделайте-ка мне аллигаторский бутербродик — да побыстрее!»

— Интересно, что думают сами аллигаторы по поводу этих бутербродов? — с упреком промолвила Маграт.

За этим замечанием последовала поистине свинцовая пауза.

— А вот я всегда говорю: посмеяться вдоволь — это ж только на пользу! — наконец заявила нянюшка.

Глядя на Эллу, с безнадежным видом стоящую между змееженщинами, Лилит улыбнулась.

— Надо же, что с платьем-то случилось! — покачала головой она. — И дверь-то была заперта. Вот так раз! Как же такое могло случиться?

Элла упорно смотрела себе под ноги.

Тогда Лилит взглянула на сестер.

— Что ж,— сказала она,— значит, придется воспользоваться тем, что есть. Так? Принесите-ка мне... двух крыс и двух мышей. Уж я-то *знаю*, крыс и мышей вы всегда отыщете. Да, и захватите тыкву побольше.

Она рассмеялась. Нет, не тем безумным пронзительным смехом, которым смеются побежденные злые волшебницы, а скорее довольно приятным смехом человека, который ценит удачную шутку.

После чего задумчиво взглянула на палочку.

— Но сначала,— промолвила она, переводя взгляд на бледное лицо Эллы,— приведите ко мне тех *нехороших* людей, которые позволили себе так напиться. Какое неуважение с их стороны. А если тебя не уважают, значит, ты ничего не стоишь.

Единственным звуком, нарушавшим тишину кухни, было пощелкивание волшебной палочки.

Нянюшка Ягг уставилась на стоящий перед ней высокий стакан.

— Никак в толк не возьму, и зачем они в них зонтики вставляют,— в который раз поразилась она, накалывая на соломинку вишенку из коктейля и отправляя ее в рот.— Непонятно, то ли боятся, что туда дождь накапает, то ли еще чего...

Она улыбнулась Маграт и матушке, которые мрачно созерцали тянущиеся мимо праздничные процессии.

— Да не горюйте вы так,— призвала она.— В жизни не видывала таких угрюмых физий.

— Нянюшка, ты пьешь почти чистый ром,— указала Маграт.

— Это ты мне говоришь? — хмыкнула нянюшка, делая очередной глоток.— Ваше здоровье!

— Слишком уж легко все оказалось,— сказала вдруг матушка Ветровоск.

— Ну еще бы! Это ж мы! — воскликнула нянюшка.— Если надо что-то сделать, то кто ж еще это сделает, кроме нас, девочек, а? Покажите мне человека, который смог бы туда проникнуть и повернуть все в мгновение ока! Особенно удачно получился фокус с каретой.

— Сказка не складывается,— отсутствующе заметила матушка.

— Да наплюй ты на эти поганые сказки! — высокомерно перебила ее нянюшка.— Их всегда можно перекроить по-своему.

— Не всегда. Нужно знать, где подступиться,— возразила матушка.— В любом случае не исключено, что они смогут достать ей и новое платье, и лошадей, и карету, и все прочее.

— Да где? Когда? — воскликнула нянюшка.— Сегодня ж праздник. Ни за что не успеют! Бал начнется с минуты на минуту.

Матушка Ветровоск побарабанила пальцами по краю столика.

Нянюшка вздохнула.

— Ну что еще? — устало спросила она.

— Не бывает так, и все тут,— заявила матушка.

— Послушай, Эсме, единственное, что их сейчас спасло бы, так это волшебная палочка. А палочка у Маграт,— нянюшка кивнула на Маграт.— Верно ведь, Маграт?

- Гм,— ответствовала Маграт.
- Надеюсь, ты ее не потеряла?
- Нет, но...
- Ну и порядок.
- Только... Э-э... Элла сказала, что у нее две

крестные...

Рука матушки Ветровоск резко опустилась на стол. Нянюшкин стакан подскочил и опрокинулся.

- Вот оно! — взревела матушка.
- Он был почти полный. Почти полный стакан,— укоризненно заметила нянюшка.
- Пошли!
- Почти полный стакан...
- Гита!
- Да иду я, иду! Просто стакан...
- *Быстро!*
- Я только хотела попросить принести мне дру...
- *Гита!*

Ведьмы уже приближались к дому, когда из ворот вывернула карета и покатила прочь.

— Не может быть, чтобы это была та самая карета! — воскликнула Маграт.— Мы ведь избавились от нее!

— Надо было пошинковать ее на кусочки,— покачала головой нянюшка.— Заодно тыквы бы поели...

— Нас обошли,— сказала, останавливаясь, матушка.

— Слушайте, можно же проникнуть в сознание лошадей...— предложила Маграт.

Ведьмы сосредоточились.

— Никакие это не лошади,— вдруг сообщила нянюшка.— Похоже, это...

— Крысы, превращенные в лошадей,— закончила матушка, которая умела влезать в умы куда лучше, чем в душу.— Я чувствую то же самое, что и тогда с бедным старым волком. Их сознания больше похожи на фейерверк.

От неприятного ощущения у себя в голове она даже поморщилась.

— Наверное,— задумчиво произнесла матушка, глядя вслед исчезающей за поворотом карете,— я могла бы заставить колеса отвалиться...

— Это не поможет,— возразила Маграт.— Кроме того, там внутри Элла!

— А есть и другой способ,— хмыкнула нянюшка.— Я знаю кое-кого, кто запросто залезет им в мозги.

— И кто же это? — спросила Маграт.

— Итак, наши метлы при нас,— сказала нянюшка.— Догнать их труда не составит...

Ведьмы приземлились в укромном переулочке, обогнав карету на несколько минут.

— Не больно-то мне это нравится,— призналась матушка.— Такие вещи больше Лили по душе. Терпеть не могу подобные штуки. Ты только вспомни того волка!

Нянюшка вытащила Грибо из его гнездышка среди прутьев.

— Да ведь Грибо и так почти человек,— сказала она.

— Ха!

— К тому же это все равно продлится недолго. Хоть нас и трое,— добавила нянюшка.— Кроме того, интересно посмотреть, сработает или нет.

— Да, но это *неправильно*,— указала матушка.

— Только не в здешних краях,— фыркнула нянюшка.

— Кроме того,— вдохновенно изрекла Маграт,— мы хорошие ведьмы. Значит, ничего плохого и неправильного мы сделать не можем.

— О да, уж кто-то, а мы-то хорошие,— скептически ухмыльнулась матушка.— Как же я, дура, забыла об этом.

Нянюшка выпрямилась. Грибо, понимая, что от него что-то требуется, выжидающе уселся и поднял морду.

— Матушка, ты должна согласиться, что ничего лучшего нам уже не придумать,— привела еще один довод Маграт.

Матушка заколебалась. Из-под отвращения пробивался слабенький предательский огонек увлечения идеей. Кроме того, они с Грибо вот уже много лет сердечно ненавидят друг друга. Почти человек, говорите? Ладно, пускай понюхает, каково это, посмотрим, как ему понравится... От подобной мысли ей даже стало стыдно. Но не очень.

— Ай, *ладно*.

Они сосредоточились.

Как было отлично известно Лили, изменение формы объекта — один из сложнейших видов волшебства. Но с живым объектом все намного легче. Ведь как-никак, а живое существо уже знает, какая у него форма. И все, что вам требуется, это лишь изменить его мышление.

Грибо зевнул и потянулся. К его удивлению, собраться обратно он не сумел, а продолжал вытягиваться все дальше и дальше.

В мыслительные протоки его кошачьего мозга хлынул прилив веры. Грибо вдруг поверил, что он — человек. И это не было каким-то там мимолетным ощущением, будто он внезапно стал человеком, нет, он абсолютно поверил в это. И сила сей непререкаемой веры бурным потоком хлынула в его морфическое поле, сметая все возможные возражения, полностью переделывая само его естество.

Обратно ринулись новые инструкции.

Если он человек, то ему совершенно ни к чему вся эта шерсть. И он должен быть больше...

Ведьмы пораженно наблюдали за происходящим.

— Вот уж не думала, что у нас это получится, — наконец призналась матушка.

...Долой острые кончики ушей, усы слишком длинные...

...Мышцы должны быть больше, все эти кости неправильной формы, и ногам следует быть подлиннее...

А потом все кончилось.

Грибо разогнулся и, неуверенно покачнувшись, встал.

Нянюшка уставилась на него, разинув рот.

Потом ее глаза опустились ниже.

— Ого! — только и смогла сказать она.

— По-моему, — решительно произнесла матушка Ветровоск, — нам стоит немедленно создать ему какую-нибудь одежду.

Это было достаточно просто. Наконец, удовлетворившись полученным результатом, матушка кивнула и отступила назад.

— Маграт, теперь можешь открыть глаза,— разрешила она.

— А я их и не закрывала.

— А следовало бы.

Грибо медленно повернулся, его покрытое шрамами лицо искривилось в ленивой улыбке. Нос у него был сломан, а слепой глаз прикрывала черная повязка. Зато другой полыхал словно все грехи ангелов, а улыбка сулила падение святым. Во всяком случае, святым женского пола.

Может, дело было в феромонах или в том, как перекачивались мускулы под черной кожаной курткой, но Грибо источал какую-то сальную дьявольскую сексуальность в мегаваттном диапазоне. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы в багровом свете захлопали темные крылья.

— Э-э-э, Грибо,— позвала нянюшка.

Он открыл рот. Блеснули клыки.

— Ур-р-р-о-ул,— откликнулся он.

— Ты меня понимаешь?

— Да-а-а-ау, нянюшкау.

Нянюшка почувствовала, что ноги отказываются ей служить, и прислонилась к стене.

Послышался цокот копыт. Карета приближалась.

— Отправляйся туда и останови эту карету!

Грибо снова улыбнулся и бросился прочь.

Нянюшка принялась обмахиваться шляпой.

— Ого-го,— выдавила она.— Даже вспомнить страшно, я ведь частенько почесывала ему брюш-

ко... Не удивительно, что кошки так орут по ночам.

— Гита!

— Знаешь, Эсме, ты и сама что-то раскраснелась.

— Просто я запыхалась, — ответила матушка.

— Забавно, ты вроде и не бегала вовсе.

Карета с грохотом неслась по улице.

Кучера и лакеи были не совсем уверены, кто они такие. Их мысли дико метались. То они были людьми, думающими о сыре и ветчинной кожуре. А то вдруг становились мышами, удивляющимися, с чего это на них вдруг напялили штаны.

Что же до лошадей... лошади вообще немного безумны, и то, что при этом они были крысами, ничуть не облегчало их положения.

В общем, когда из тени вдруг появился Грибо и улыбнулся им, все участники событий пребывали в довольно неустойчивом психическом состоянии.

— Ур-р-р-о-ул? — осведомился он.

Лошади попытались остановиться, но при наличии несущейся следом кареты это было практически невозможно. Кучера в ужасе замерли.

— Ур-р-р-о-ул?

Карету занесло, и она боком врезалась в стену, стряхнув сидящих на козлах кучеров. Грибо поднял одного из них за шкурку и принялся трясти его, в то время как лошади изо всех сил старались вырваться из упряжи.

— Поуиграем, пушистик? — предложил Грибо.

Позади перепуганных глаз отчаянно боролись за превосходство человек и мышь. Впрочем, они

могли бы не напрягаться — все равно бы проиграла, и тот и другой. Их переключающееся сознание видело либо улыбающегося кота, либо здорового, мускулистого одноглазого лыбящегося детину.

Наконец кучеромыш потерял сознание. Грибо на всякий случай похлопал его по щекам, надеясь, что тот придет в себя...

— Проснись, мяушоночек...

...А потом вдруг потерял к нему интерес.

Дверца кареты скрипнула, застряла и наконец после очередного усилия распахнулась.

— Что случилось? — спросила Элла.

— Ур-р-р-о-ул!

Сапог нянюшки Ягг угодил Грибо точнехонько в затылок.

— И думать не смей, дружок, — предостерегла она.

— Хочяу, — уныло сообщил Грибо.

— Ты всегда хочешь, это твоя вечная беда, — ответила нянюшка и улыбнулась Элле. — Выходи, милая.

Грибо пожал плечами и удалился, таща за собой бесчувственного кучера.

— Что тут происходит? — жалобно поинтересовалась Элла. — Ой, Маграт! Это все ты устроила, да?

Маграт позволила себе на мгновение испытать скромную гордость.

— Я же говорила, что тебе не придется отправляться на бал!

Элла оглянулась на искалеченную карету, а затем снова повернулась к ведьмам.

— А эти две змеи в женском облике случайно не с тобой ехали? — спросила матушка Ветровоск.

Маграт судорожно схватила за палочку.

— Они ушли раньше, — ответила Элла.

Тут она вспомнила кое о чем еще, и лицо ее помрачнело.

— А настоящих кучеров Лилит превратила в жуков, — прошептала она. — Хотя они ничего плохого не сделали! Но она заставила сестер поймав двух мышек, превратила тех в людей, а потом сказала, что равновесие нарушать нельзя; сестры притащили кучеров, она превратила их в жуков, а затем... затем она *раздавила* их...

Элла в ужасе замолчала.

В небе разорвался очередной фейерверк, но вокруг кареты висел пузырь ужасной тишины.

— Ведьмы не убивают людей, — наконец сказала Маграт.

— Здесь же заграницы, — пробормотала, отворачиваясь, нянюшка.

— По-моему, — вступила в беседу матушка Ветровоск, — тебе, юная леди, лучше всего прямо сейчас отправиться отсюда куда-нибудь подальше.

— Они так жалобно хрустнули...

— У нас есть метлы, — перебила Маграт. — Чтобы улететь всем, как раз хватит.

— Она пошлет за вами в погоню какую-нибудь тварь, — угрюмо произнесла Элла. — Я ее знаю. Какую-нибудь тварь из зеркала.

— Ничего, справимся, — обнадежила ее Маграт.

— Нет, — возразила ей матушка. — Что бы там дальше ни случилось, это должно случиться здесь. Эту юную особу мы отправим куда-нибудь в безопасное место. А потом... потом посмотрим.

— Но если я исчезну, *она* сразу узнает, — возразила Элла. — Ведь она уже ждет меня на балу! И сразу начнет искать!

— Похоже, она права, Эсме, — согласилась нянюшка Ягг. — Думаю, ты и сама предпочла бы встретиться с ней на собственной территории. Лично мне очень не хочется играть с ней в прятки в такую темную ночь. Лучше я буду видеть, как она приближается.

В темноте над ними раздалось хлопанье крыльев. Сверху скользнула маленькая крылатая тень и приземлилась на булыжную мостовую. Из темноты угрожающе сверкнули глаза. Существо выжидающе уставилось на ведьм взглядом намного более разумным, чем если бы это была какая-нибудь сова.

— Это вроде петух госпожи Гоголь, — подметила нянюшка. — Или не он?

— Вряд ли мы когда узнаем, петух это или нет, — фыркнула матушка. — Интересно, что у нее на уме...

— Хорошее или плохое — ты это имеешь в виду? — уточнила Маграт.

— Она здорово готовит, — отозвалась нянюшка. — Не может быть плохим человек, который умеет так вкусно готовить.

— Это та женщина, что живет на болоте? — спросила Элла. — О ней ходит множество разных слухов.

— Слишком уж охотно превращает она всяких мертвецов в зомби, — покачала головой матушка. — А это неправильно.

— Но мы же сами только что наделили кота разумом, то есть, я хочу сказать, сделали его че-

ловеком,— поправились нянюшка, закоренелая любительница кошек.— И это, строго говоря, тоже не совсем правильно. Более того, возможно, это ой как далеко от правильного!

— Да, но мы поступили так по правильным причинам,— возразила матушка.

— Мы же не знаем, какие причины у госпожи Гоголь...

Из переулка донеслось урчание. Нянюшка немедленно ринулась туда, и вскоре из темноты слышался ее строгий голос:

— Нет! Оставь его сию же минуту!

— Мой! Мой!

Легба немного прошелся вдоль улицы. А потом повернулся и еще раз выжидающе взглянул на ведьм.

Матушка почесала подбородок и, чуть отступив от Маграт и Эллы, смерила девушек оценивающим взглядом. После чего повернулась и задумчиво огляделась.

— Гм-м,— протянула она.— Значит, говоришь, Лили тебя ждет?

— Она умеет выглядывать из отражений,— нервно отозвалась Элла.

— Гм-м,— снова выразилась матушка. Сунула палец в ухо и покрутила им там.— Ну что ж, Маграт, ты ведь у нас крестная... А в чем заключается основная задача настоящей крестной?

Маграт в жизни не играла в карты.

— Защищать Эллу,— тут же отозвалась она, немало удивленная матушкиным публичным признанием, что не кому-нибудь, а именно Маграт была передана волшебная палочка.

— Неужели?

Матушка Ветровоск нахмурилась.

— Понимаешь,— проговорила она,— у вас обоих почти один и тот же размер...

Озадаченное выражение оставалось на лице у Маграт еще с секунду, а затем мгновенно сменилось гримасой ужаса.

Юная ведьма попятилась.

— Но кто-то же должен это сделать,— сказала матушка.

— О нет! Нет! Это не пройдет! Нет, правда, ничего не получится! Нет!

— Маграт Чесногк,— торжественно возвестила матушка Ветровоск,— ты *должна* отправиться на бал!

Карета унеслась за угол на двух колесах, едва не опрокинувшись на повороте. На козлах стоял Грибо, раскачиваясь на ходу, дико улыбаясь и щелкая кнутом. Развлечение было куда лучше, чем надоевший моток шерсти с колокольчиком внутри...

В карете, зажатая между двумя старшими ведьмами, сидела Маграт, обхватив голову руками.

— Но Элла может заблудиться на болоте!

— Дорогу ей покажет петух. Кроме того, на болоте у госпожи Гоголь она будет в большей безопасности, чем на балу,— сказала нянюшка.

— Спасибо, что успокоила!

— Всегда пожалуйста,— ответила матушка.

— Все сразу поймут, что я — никакая не она!

— Под маской никто ничего не разберет,— возразила матушка.

— Но у меня волосы другого *цвета!*

— Это дело поправимое,— махнула рукой нянюшка.

— Но у меня другие *формы!*

— Мы можем...— Нянюшка поколебалась.— А ты не можешь... ну, это... чуть-чуть надуться?

— Нет!

— Гита, у тебя случаем не найдется запасного платка?

— Думаю, Эсме, я могу оторвать кусочек от нижней юбки.

— Ох!

— На, держи.

— И хрустальные туфельки мне *велики!*

— А мне в самый раз,— сообщила нянюшка.— Я их уже примерила.

— Да ведь у меня нога куда меньше твоей!

— Ничего страшного,— откликнулась матушка.— Натянешь пару моих носков, и будет как раз впору.

Исчерпав все возможные отговорки, Маграт в полном отчаянии возопила:

— Но ведь я понятия не имею, как надо вести себя на балах!

Матушка Ветровоск вынуждена была признать, что она этого тоже не знает. Тогда она шевельнула бровями в сторону нянюшки.

— Помнится, ты в молодости частенько хаживала на танцульки,— намекнула матушка.

— Ну,— гордо промолвила нянюшка Ягг, преподавательница хороших манер,— главное, что тут надо делать, это хлопать мужчин веером — веер у тебя? — и периодически говорить нечто вроде:

«О-ля-ля, сэр!» А еще хихикать. И, знаешь, этак хлопать ресницами. И надувать губки.

— И как же, интересно, я должна надувать губки?

Нянюшка Ягг продемонстрировала.

— Ох!

— Не волнуйся,— успокоила матушка.— Мы тоже там будем.

— И, по-твоему, я от этого буду чувствовать себя лучше?

За спиной Маграт нянюшка протянула руку и тронула матушку за плечо. «Не получится,— произнесла она одними губами.— Она в усмерть перепугана. Уверенности ноль».

Матушка кивнула.

— Может, мне пойти вместо нее? — громко предложила нянюшка.— У меня по части балов большой опыт. Руку даю на отсечение, будь у меня волосы подлиннее, да маска, да эти самые блестящие башмачки, да еще мы бы подрезали платьишко на фут, никто бы ничего и не заметил. Ты как считаешь?

Маграт была так поражена, представив эту сногшибательную картину, что, когда матушка Ветровоск велела: «*Погляди на меня, Маграт Чеснок!*» — она не задумываясь подчинилась.

Расшвыривая в разные стороны лошадей и людей, тыквенная карета подлетела к дворцу и как вкопанная, подняв вихрь гравия, остановилась у парадной лестницы.

— Во *весело-то* былоу,— сказал Грибо.

А потом ему стало неинтересно.

Пара лакеев бросилась открывать дверцу кареты. Самоуверенность, что шибанула изнутри экипажа, едва не сбила их с ног.

— Быстрее шевелитесь, мужланы!

Из кареты, оттолкнув мажордома, вылезла Маграт. Она подобрала юбки и побежала по красному ковру. Стоявший на верхней ступеньке лакей имел глупость спросить у нее приглашение.

— Отлезь, наглая прислуга!

Лакей, мгновенно признавший безгранично дурные манеры истинно высокородной персоны, быстренько ретировался.

А в карете нянюшка Ягг сказала:

— Слушай, тебе не кажется, что ты слегка переборщила?

— Пришлось, — пожалала плечами матушка. — Сама же видела, какая она была.

— А как мы туда попадем? У нас же нет билетов. Да и одеты мы вроде бы не очень подходяще.

— Давай-ка наши метлы, — усмехнулась матушка. — Мы зайдем сверху.

Они приземлились на зубчатой верхушке возвышающейся над дворцом башни. Снизу доносились звуки изысканной музыки, а над рекой то и дело расцветали огни фейерверка.

Матушка открыла показавшуюся ей подходящей дверь и двинулась вниз по винтовой лестнице. Вскоре они оказались на площадке.

— Шикарный тут ковер, — похвалила нянюшка. — Вот только зачем они и на стенах ковры развесили?

— Это *гобелены*, — пояснила матушка.

— Вот те на! — удивилась нянюшка. — Век живи, век учись. Во всяком случае, я так и делаю.

Матушка взялась за ручку двери и остановилась.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

— Ну, просто я никогда не знала, что у тебя есть сестра.

— Мы об этом никогда не говорили, вот и все.

— Стыд и позор, когда семьи вот так раскалываются, — укоризненно произнесла нянюшка.

— Ха! Ты же сама утверждала, что твоя собственная сестрица Берил — неблагодарная хапуга с совестью устрицы.

— Да, но она от этого не перестает быть моей сестрой.

Матушка открыла дверь.

— Так, так... — промолвила она.

— Что там? Что там? Ну не стой же в дверях!

Нянюшка из-за ее спины заглянула в комнату.

— Ого! — сказала она.

Оказавшись в огромном, затянутом красным бархатом вестибюле, Маграт немножко задержалась. В ее голове взрывались фейерверки странных мыслей — ничего подобного с ней не случилось с тех пор, как она причастилась травяного вина. Но сквозь эти мысли с трудом — крошечный кустик прозаического картофеля на клумбе роскошных хризантем — пробивался тоненький внутренний голосок, вопящий, что она ведь даже не умеет танцевать. Разве что в хороводе.

Но вряд ли это так трудно. Обычные-то люди как-то справляются, а она — ведьма...

«Неужели матушка вот так чувствует себя *все время?*» — с ужасом подумала крошечная внутренняя Маграт, с трудом пытающаяся сохранить равновесие среди прилива вызывающей самоуверенности.

Она приподняла подол платья и взглянула на туфельки.

Вряд ли они сделаны из обычного стекла, в противном случае она уже ковыляла бы по дворцу в поисках медпункта. К тому же туфельки были непрозрачными. Человеческая ступня, конечно, весьма полезный, но не слишком привлекательный на вид орган — ну разве что для людей с весьма специфическими интересами.

Туфельки были зеркальными. Дюжины фасеток отражали свет.

У нее на ногах два зеркала. Маграт смутно припомнила что-то насчет... насчет того, что вроде бы ведьма никогда не должна оказываться меж двух зеркал. Или нет? Может, не следует доверять мужчине с оранжевыми бровями? Нечто такое, чему ее учили еще тогда, когда она была простолюдинкой. Что-то... вроде... вроде бы ведьма никогда не должна вставать между двумя зеркалами поскольку... поскольку... поскольку тот, кто из них выйдет, может оказаться совсем другим человеком. Или вообще не человеком. Вроде... вроде ты размываешься среди отражений, твоя душа растягивается и становится очень тонкой. А тем временем где-то среди самых далеких отражений оживает твоя темная сторона, и эта сторона непременно завладеет тобой, если ты допустишь ошибку и поведешь себя неосторожно. Или что-то в том же роде...

Она решительно отбросила все сомнения. Ерунда!

И двинулась вперед — туда, где небольшая кучка гостей ожидала, когда их впустят.

— Лорд Генри Онорей и леди Онорея!

Бальный зал оказался и не залом вовсе, а внутренним двором, раскинувшимся под теплым вечерним небом. Чтобы попасть туда, нужно было спуститься по нескольким ступеням. На противоположном конце двора виднелась другая, гораздо более широкая лестница, с обеих сторон ярко освещенная колеблющимся светом факелов и ведущая непосредственно в дворцовые покои. На стене висели огромные и видимые отовсюду часы.

— Достопочтенный Дуглас Потент!

На часах было без четверти восемь. Маграт вспомнила, как какая-то старуха втолковывала ей что-то насчет времени, но... это тоже ерунда...

— Леди Хотелия Д'Авалия!

Настала ее очередь. Дворецкий, объявлявший прибывающих гостей, смерил ее взглядом, а потом словно человек, которого целый день готовили исключительно к этому самому моменту, оглушительно провозгласил:

— Э-э... Таинственная и прекрасная незнакомка!

От подножия лестницы по залу пролитой краской разлилось молчание. Пятьсот голов одновременно повернулись, чтобы взглянуть на Маграт.

Еще вчера от одной мысли, что она может стать объектом внимания пятисот человек сразу, Маграт растаяла бы, как масло на сковородке. Теперь же она лишь обвела присутствующих взглядом, улыбнулась и надменно вскинула подбородок.

Ее веер раскрылся с треском, похожим на выстрел.

Дочь Симплисити Чесногк, внучка Араминты Чесногк, таинственная и прекрасная незнакомка, чье самообладание было столь насыщенным, что даже кристаллизовалось на поверхности ее личности...

...Сделала шаг.

Мгновение спустя возле дворецкого возник следующий гость.

Дворецкий заколебался. Что-то в облике гостя смутно беспокоило его. Тот все время оставался не в фокусе. Дворецкий вообще не был уверен, есть рядом с ним кто или нет.

Затем здравый смысл, временно покинувший его и спрятавшийся неизвестно где, вдруг вернулся. Сегодня же Самеди Нью Мор — люди *должны* были одеваться и выглядеть странно. Видеть подобных людей — это *нормально*...

— Прошу прощения... э-э... господин, — выдавил дворецкий. — Как представить?

— Я ЗДЕСЬ ИНКОГНИТО.

Дворецкий мог поклясться, что вслух ничего произнесено не было, и в то же время он определенно услышал именно эти слова.

— М-м, что ж... прекрасно... — пробормотал он. — Тогда ладно... проходите... гм. — И тут лицо его просветлело. — Чертовски хорошая маска, сэр.

Он проводил взглядом спускающуюся по ступенькам темную фигуру и прислонился к колонне.

Ну, кажется, на сегодня все. Он вытащил из кармана носовой платок, стянул с головы напуд-

ренный парик и вытер взмокший лоб. У него было такое чувство, будто он только что чего-то избежал, но хуже всего было то, что он так и не понял, *чего именно*.

Дворецкий опасливо огляделся, а потом скользнул в вестибюль и спрятался за бархатную портьеру, где мог спокойно насладиться захваченным из дома мясным рулетом.

И едва не проглотил его целиком, увидев, как по красному ковру бесшумно идет еще кто-то. Незнакомец был в наряде пирата, намереваясь ограбить корабль, на борту которого по случаю оказалась партия изделий из черной кожи, предназначенная для понимающего покупателя. На одном глазу нежданного гостя красовалась черная повязка. Второй глаз горел зловещим изумрудом. И ни один столь крупный человек не способен был двигаться столь бесшумно.

Дворецкий сунул остатки рулета в карман.

— Прошу прощения, господин, — окликнул он, догнав незнакомца и уважительно, но твердо прикоснувшись к его руке. — Не соблаговолите ли предъявить ваше при... ваше при...

Человек перевел взгляд на пальцы, осмелившиеся коснуться его. Дворецкий поспешно убрал руку.

— Ур-р-р-о-ул?

— Ваше... приглашение...

Гость приоткрыл рот и зашипел.

— Ну разумеется, — тут же согласился дворецкий, пятясь с разумной скоростью человека, которому платят не настолько много, чтобы он связывался с клыкастым маньяком, затянутым в черную

кожу.— Вы, должно быть, один из друзей самого дюка, да?

— Ур-р-р-о-ул.

— Ничего... ничего... Но глубокочтимый сэр, по-видимому, забыл маску многоуважаемого сэра...

— Ур-р-р-о-ул?

Дворецкий отчаянно замахал руками, указывая на заваленный масками столик.

— Его светлость дюк повелел, чтобы все присутствующие непременно были в масках,— пояснил дворецкий.— Э-э... Не соизволит ли сэр подобрать себе что-нибудь по вкусу?

Несколько таких гостей всегда попадают. Хотя на пригласительных билетах большими тисненными и в завитушках золотыми буквами совершенно недвусмысленно значится, что «наличие маски обязательно», всегда находятся несколько придурков, которые считают, что их физиономия вполне ее заменяет. Но, судя по всему, этот тип, вместо того чтобы учиться читать, уже в том возрасте грабил честной народ.

Мерзкий тип устоялся на маски. Те, что лучше, уже были разобраны предыдущими гостями, но это его как будто не смутило.

Он указал на одну из масок.

— Хоучу эту,— заявил он.

— Э-э... Весьма... Весьма удачный выбор, ваша светлость. Позвольте помочь вам надеть ее...

— Ур-р-р-о-ул!

Дворецкий попятился, схватившись за руку.

Верзила сверкнул на него глазами, напялил маску и сквозь прорези для глаз уставился на себя в зеркало.

«Чертовски странно,— подумал дворецкий.— Я всегда считал, что как раз эту маску никто никогда не выберет. Люди предпочитают черепа, маски птиц, быков и так далее. Но только не кошек».

А еще более странным было то, что маска — пока она лежала на столе — была симпатичной рыжей кошачьей мордочкой. Тогда как на этом типе она казалась... да, она по-прежнему оставалась кошачьей мордой, только стала как-то чуть более кошачьей и куда более злобной, чем следовало бы.

— Всяю жи-изнь хаутел быть ры-ы-ы-ыжим,— поделился своими переживаниями верзила.

— Вам очень идет, сэр,— проверещал дворецкий.

Гость в кошачьей маске покрутил головой и так и сях. Ему явно нравилось то, что он наблюдал в зеркале.

Наконец Грибо негромко и счастливо мяукнул и легким шагом отправился на бал. Ему хотелось чего-нибудь съесть. С кем-нибудь подраться, а потом... ладно, там видно будет.

С точки зрения волка, свиньи и медведя, оказаться в человеческой шкуре — это настоящая трагедия. Для кота же это новые впечатления.

Кроме того, новое тело было куда более приятным. Вот уже десять минут как никто не швырял в Грибо старым сапогом.

Две ведьмы оглядели комнату.

— Странно,— покачала нянюшка Ягг.— В королевской спальне я ожидала увидеть совсем другое.

— А это королевская спальня?

— На двери-то корона.

— А-а.

Матушка внимательно изучила отделку.

— А что ты вообще знаешь о королевских спальнях? — поинтересовалась она, в основном для того, чтобы хоть что-нибудь сказать. — Ты же никогда в них не бывала.

— А может, и бывала, — возразила нянюшка.

— Откуда ж?

— Помнишь коронацию молодого Веренса? Когда нас всех пригласили во дворец? — спросила нянюшка. — Так вот, когда я пошла в... коро-че попудрить носик, то увидела открытую дверь. Ну и, конечно, вошла, полюбопытствовала, что там да как.

— Это государственная измена. За такое в тюрьму сажают, — сурово заявила матушка и добавила: — Ну и как там было?

— Ужас какая уютная. Молодая Маграт даже не понимает, чего лишается. Но, сказать по честности, та была куда как лучше, чем эта, — признала нянюшка Ягг.

Преобладающим цветом здесь был зеленый. Зеленые стены, зеленый пол. Имелись шкаф для одежды и прикроватный столик. Даже прикроватный коврик, и тот был зеленым. Свет проникал в комнату через окно с зелеными стеклами.

— Как будто на дно пруда угодили, — заметила матушка. Она прихлопнула что-то ладонью. — А мух-то сколько! — Она осеклась, как будто о чем-то задумавшись. — Гм-м...

— Ага, вылитый пруд. Только вместо лебедя индюк, — хмыкнула нянюшка.

Мух было *великое* множество. Они жужжали на окне и бесцельно метались взад-вперед под потолком.

— Индюк...— повторила нянюшка, поскольку люди, которые шутят таким образом, не могут не повторить свою шутку несколько раз.— Ты же сама сперва сказала, что он — индюк...

— Да слышала я, слышала,— перебила ее матушка и указала на толстую синюю навозную муху.

— Во всяком случае, нипочем не подумаешь, что в королевской спальне могут водиться мухи,— пробормотала нянюшка.

— Зато непременно подумаешь, что в ней должна быть кровать,— заметила матушка.

Каковой здесь не было. Зато здесь находилось нечто крайне их заинтриговавшее: большая круглая деревянная крышка диаметром около шести футов, лежащая на полу. С двух сторон у нее были удобные ручки.

Ведьмы обошли ее кругом. С крышки, угрожающе жужжа, поднялась целая туча мух.

— Вспоминается мне одна сказка...— протянула матушка.

— Мне тоже,— произнесла нянюшка Ягг голосом несколько более пронзительным, чем обычно.— Насчет той девушки, которая вышла за одного парня, а он ей и говорит: можешь, мол, ходить по всему дворцу, только смотри не открывай *вот эту* дверь, а она, понятно дело, тут же туда сунулась и поняла, что он убил всех своих предыдущих...

Нянюшка замолкла.

Матушка Ветровоск задумчиво уставилась на крышку, поскребывая подбородок.

— Сама посуди,— наконец продолжила нянюшка, пытаясь, несмотря ни на что, рассуждать здраво.— Разве может там прятаться что-нибудь хуже того, что мы и так способны себе представить?

Обе ведьмы нагнулись и взялись за ручки.

Пять минут спустя матушка Ветровоск и нянюшка Ягг вышли из спальни дюка. Матушка тихонечко прикрыла дверь.

Они переглянулись.

— Ну и ну,— промолвила все еще бледная нянюшка.

— Да уж,— кивнула матушка.— Вот тебе и сказки!

— Доводилось мне слыхивать о таких... Ну, ты понимаешь, о людях вроде него, да только я не верила. Ужас! Интересно, как же он выглядит?

— Его внешний вид ничего тебе не даст,— возразила матушка.

— Ну хоть ясно, откуда все эти мухи,— сказала нянюшка Ягг.

Она в ужасе прикрыла рот ладонью.

— Ты только представь! Наша Маграт сейчас там, вместе с ним! — воскликнула она.— А ты ведь знаешь, что должно случиться. Они встретят друг друга и...

— Но там ведь кроме них сотни других людей,— ответила матушка.— Едва ли это можно назвать *интимной* обстановкой.

— Да, но стоит мне подумать о том, что он просто *касается* ее... По-моему, это все равно что...

— Слушай, как ты считаешь, Элла годится в принцессы? — неожиданно перебила ее матушка.

— Что? А, да. Возможно. Для заграниц. А что?

— А то, что здесь действует не одна сказка. Лили одновременно ведет сразу несколько сказок, — пояснила матушка. — Ты сама прикинь. Нет, одного прикосновения здесь недостаточно. Тут требуется *поцелуй*.

— Надо скорее попасть туда! — воскликнула нянюшка. — Нельзя это допустить! То есть, ты же меня знаешь, я не ханжа какая-нибудь, но... Ой!

— Эй, старуха! К тебе обращаются!

Ведьмы разом повернулись. На них надменно уставилась невысокая толстуха в красном платье и высоком седом парике. Лицо ее скрывалось под маской лисицы.

— Да? — огрызнулась матушка.

— Не «да», а «да, госпожа», — поправила толстуха. — Где ваши манеры? Ну-ка, немедленно отведите меня в дамскую комнату! *Да что ты себе позволяешь?!*

Последнее восклицание относилось к нянюшке Ягг которая обходила толстуху вокруг, критически разглядывая красное платье.

— У тебя двадцатый номер или двадцать второй? — осведомилась нянюшка.

— Что? Какая неслыханная *дерзость!*

Нянюшка задумчиво потерла подбородок.

— Даже и не знаю, — покачала головой она, — лично мне красные платья никогда не нравились. А синенького у тебя ничего не найдется?

Вспыльчивая женщина развернулась, чтобы огреть нянюшку веером, но тут ее по плечу похлопала чья-то костлявая рука.

Толстуха обернулась и увидела перед собой лицо матушки Ветровоск.

Когда она засыпала, ей вроде бы слышался какой-то далекий голос, говорящий: «Ага, похоже, налезло. Но только у нее вовсе не двадцатый номер. И честно говоря, будь у меня такая рожа, ни за что бы не надела красное...»

Леди Хотелия Д'Авалия наконец-то смогла блаженно расслабиться в святой святых дамской комнате. Она сняла маску и выудила из недр декольте заблудившуюся мушку. Затем наклонилась и принялась крутить свой турнюр, стараясь его приспособить получше, — упражнение, представляющее собой самую нелепую женскую гимнастику в любом из миров, где умудрились изобрести такую штуку, как женский пояс.

Леди Хотелия Д'Авалия была не только прекрасно адаптирующимся паразитом, наподобие древесной плесени, но и женщиной поистине великосветской в полном смысле этого слова. Она посещала все без исключения благотворительные мероприятия, а также ставила себе в заслугу то, что знает имена почти всех своих слуг — разумеется, тех, что почище. А еще она, в общем-то, довольно хорошо относилась к животным и даже к детям, если, конечно, они были чистенькими и не шумели. Короче говоря, она совершенно не заслуживала того, что ее ожидало, а ожидала ее судьба, уготованная Матерью-Природой любой женщине, которая оказалась этим вечером в этой комнате и размеры которой подходили матушке Ветровоск.

Леди Хотелия вдруг почувствовала, что сзади к ней кто-то подходит.

— Премного извиняюсь, госпожа...

К ней обращалась невысокая отталкивающего вида женщина, явно происходящая из низшего сословия. На лице старой карги играла широкая заискивающая улыбка.

— Чего надо, старуха? — осведомилась леди Хотелия.

— Извиняюсь, — повторила нянюшка Ягг. — Моя подружка хотела перемолвиться с тобой словечком.

Леди Хотелия возмущенно оглянулась и...

...Погрузилась в ледяное, голубоглазое, гипнотического забвение.

— А это что за штука такая?

— Это турнюр, Эсме.

— Страшно неудобный, вот что я тебе скажу. Такое чувство, будто тебя за задницу кто-то лапает.

— А белое тебе к лицу.

— Ничего подобного. Настоящей ведьме идет только черное. В парике слишком жарко. И кому нужен целый фут волос на голове?

Матушка натянула маску. То была орлиная голова с белыми перьями, украшенными блестками.

Нянюшка наконец застегнула последнюю булавку, прячущуюся где-то под кринолином, и выпрямилась.

— Ты только посмотри на нас, — довольно произнесла она. — Особенно хороши эти перья у тебя в волосах.

— А вот тщеславной я никогда не была,— заявила матушка Ветровоск.— Сама же знаешь, Гита. Никто никогда не смог бы назвать *меня* тщеславной.

— Конечно нет, Эсме,— подтвердила нянюшка Ягг.

Матушка напоследок покрутилась перед зеркалом.

— Ладно. Итак, вы готовы, леди Ягг? — спросила она.

— Абсолютно готова. Пойдемте же, леди Ветровоск.

Танцевальный двор был запружен гостями. С колонн свисали украшения, но все они были черными с серебром — то есть основного цвета праздника мертвых. На балконе играл оркестр. Пары кружились в танце. Шум стоял неимоверный.

Официант, только что бывший официантом с целым подносом наполненных вином фужеров, вдруг обнаружил, что он мгновенно стал официантом без подноса. Оглядевшись и наконец опустив глаза, он заметил низенькую лису под огромным белым париком.

— Слетай-ка да принеси нам еще,— вежливо попросила нянюшка.— Ну как, видите ее, ваше ледство?

— Слишком много народу.

— А дюка хоть видишь?

— Откуда мне знать? Все ж в масках!

— Эй, это там не закуска случаем?

Многие из менее энергичных или более голодных представителей орлейской аристократии толпились возле длинного буфета. Внезапно сквозь

них прокатилась некая волна, усердно работающая локтями и периодически монотонно журчащая, что-то типа: «Ну-ка, подвинься... так, в сторонку... а ты сюда отойди».

Нянюшка проложила себе дорогу к столу и расчистила рядом с собой местечко для матушки Ветровоск.

— Нет, ты глянь, что за выбор, а! — воскликнула она. — Но цыплята в этих заграницах подкачали!

Она ухватила целое блюдо.

— Перепелки это.

— Возьму, пожалуй, три. Эй, половой!

Официант удивленно уставился на нее.

— Огурчиков соленых нет?

— Боюсь, что нет, мэм.

Нянюшка Ягг обвела взглядом стол, уставленный всевозможными яствами. Жареные лебеди, море фруктов, вареные омары, орехи, торты, бисквиты с вином и со сливками — одним словом, суцая мечта отшельника! А посреди всего великолепия красовался запеченный павлин, который вряд ли обрадовался бы уготованной ему судьбе, даже если бы ему сказали, что все до единого роскошные хвостовые перья воткнут ему обратно в зад.

— Так, а соуса какого не найдется?

— Нет, мэм.

— Тогда, может, хоть кетчуп есть?

— Нет, мэм.

— И это называется рай для дурманов? — буркнула нянюшка, когда оркестр грянул очередной танец. Она толкнула своего высокого со-

седа, расправлявшегося с омаром. — Ну и местечко, верно?

— ОЧЕНЬ ПРИЯТНОЕ.

— Отличную ты себе масочку отхватил!

— БЛАГОДАРЮ.

Тут нянюшку круто развернула опустившаяся ей на плечо рука матушки Ветровоск.

— Там Маграт!

— Где? Где? — засуетилась нянюшка.

— Вон там... Сидит у цветов в горшках.

— А, вижу. На дюване, — сказала нянюшка. —

Ну, это по-заграничному «кровать».

— Но что она делает?

— По-моему, старается произвести впечатление на мужчин.

— Кто? *Маграт*?

— Ну да. По-моему, этот твой гипнотизм неплохо сработал, сама взгляни!

Маграт обмахнулась веером и взглянула на Грва де Йойо.

— Ля-ля, сэр, — изрекла она. — Ладно, можете принести мне еще тарелочку перепелиных яиц, если вы так на этом настаиваете.

— Я пулей, дорогая леди! — Старичок заковылял по направлению к буфету.

Маграт обвела взглядом толпу своих воздыхателей и наконец протянула руку капитану дворцовых стражников де Веру. Офицер тут же встрепенулся.

— *Дорогой* капитан, — с придыханием промолвила Маграт, — можете иметь удовольствие протанцевать следующий тур со мной.

— Ведет себя как настоящая распутница, — неодобрительно заметила матушка.

Нянюшка бросила на свою товарку какой-то немного странный взгляд.

— Разве? — удивилась она. — Никогда не сказала бы. Кроме того, немного распутства еще никому не вредило. Главное, что дюка нигде не видно, и то ладно. Эй, ты что там делаешь?

Эти слова были обращены к низенькому лысому человечку, который пытался незаметно установить возле них небольшой пюпитр.

— Э-э... многоуважаемые дамы, не могли бы вы несколько минут постоять неподвижно? — застенчиво попросил он. — И позировать для резьбы?

— Для какой-такой резьбы? — нахмурилась матушка Ветровоск.

— Ну, для резьбы... — туманно пояснил человечек, раскрывая небольшой ножичек. — Лестно ведь увидеть свой резьбяной отпечаток на улицах после такого бала! «Леди Такая-то мило шутит с лордом Таким-то». Понимаете меня?

Матушка Ветровоск уже открыла было рот, чтобы ответить ему, но тут нянюшка Ягг мягко сжала ее локоть. Матушка немного расслабилась и попыталась подыскать более подходящие к ситуации слова.

— А я вот знаю анекдот про аллигаторов, — наконец наплась она и стряхнула руку нянюшки. — Один, значит, заходит в таверну и спрашивает: «А вы делаете большие бутерброды?» А другой ему и отвечает: «Да». А он тогда и говорит: «Тогда сделайте мне аллигаторский бутербродик — да побыстрей!»

И матушка торжествующе воззрилась на резчика.

— Ну а дальше что было? — поинтересовался тот, сноровисто работая резцом.

Нянюшка Ягт быстро потащила матушку прочь, на ходу подыскивая, чем бы ее отвлечь.

— Юмора кое у кого ни на грош, — фыркнула матушка.

Когда оркестр начал следующий номер, нянюшка Ягт порылась в кармане и обнаружила танцевальную карточку, которая принадлежала прежней обладательнице наряда, сейчас мирно посапывающей далеко отсюда.

— Так, значит... — Она перевернула карточку и, шевеля губами, удивленно прочитала: — «Сэр Роджер, Полька...» Вот заграницы! Где это видано, чтобы мужчина носил женскую фамилию?!

— Мадам!

Матушка Ветровоск оглянулась. Ей кланялся пухлый человечек в военном мундире и с огромными усами. Вид у него был такой, словно он готовился сожрать заветную сметану.

— Да?

— Вы изволили обещать протанцевать этот танец со мной, миледи!

— Ничего такого я тебе не обещала.

Усач был явно озадачен.

— Уверяю вас, леди Д'Авалия... Ваша карточка... Я полковник Усун и...

Матушка одарила полковника исполненным глубочайшей подозрительности взглядом, а затем посмотрела на приколотую к ее вееру карточку.

— О!

— Ты хоть умеешь танцевать-то? — прошепила нянюшка.

— Разумеется.

— В жизни не видела, чтоб ты танцевала, — хмыкнула нянюшка.

Матушка Ветровоск собралась было дать полковнику самый вежливый отказ, на который только была способна. Но после такого замечания она вызывающе расправила плечи.

— Настоящая ведьма умеет все, Гита Ягг. Пойдем, господин полковник.

Нянюшка смотрела, как пара исчезает в толпе.

— Алло, лисичка моя, — окликнул кто-то за ее спиной.

Она оглянулась. Там никого не было.

— Чуть пониже.

Нянюшка Ягг опустила голову.

Ей лучезарно улыбалось лицо гнома, облаченного в форму капитана дворцовой стражи и украшенного напудренным париком.

— Позволь представиться: Казанунда, — произнес он. — Считаюсь величайшим любовником в мире. Что ты на это скажешь?

Нянюшка Ягг смерила его оценивающим взглядом с ног до головы, или, скорее, с головы до ног.

— Ты же гном, — объявила она.

— Размер значения не имеет.

Нянюшка Ягг прикинула, как быть. Одна из ее коллег, известная своей застенчивостью и скромностью, сейчас вела себя как эта самая... ну, в общем, словно та самая варварская королева, которая вечно заигрывала с мужчинами и принимала

ванны из ослиного молока. А вторая ее подружка вообще вела себя очень странно и танцевала с *мужчиной*, хотя на самом деле не могла отличить одну ногу от другой. Нянюшка Ягг решила, что тоже имеет право хоть немного побыть самостоятельной женщиной.

— А танцевать ты умеешь? — устало спросила она.

— О да. Как насчет свидания?

— Сколько, по-твоему, мне лет? — вопросом на вопрос ответила нянюшка.

Казанунда задумался.

— Что ж, ладно, — наконец промолвил он. — Тогда, может, просто потанцуем?

Нянюшка вздохнула и взяла его за руку.

— Пошли.

Леди Хотелия Д'Авалия, спотыкаясь, плелась по коридору — одинокая тощая фигура в сложной арматуре корсета и длинной нижней юбке.

Она так и не поняла, что произошло. Сначала возникла эта *ужасная* женщина, потом нахлынуло ощущение невыразимого *блаженства*, а затем... она вдруг очнулась сидящей на ковре без *платья*. За всю свою скучную жизнь леди Хотелия посетила множество балов и потому знала, что бывают случаи, когда просыпаешься совсем без платья и в абсолютно незнакомых комнатах, но это обычно случалось уже после бала, и, по крайней мере, ты всегда отдаешь себе отчет, как именно ты там оказалась...

Придерживаясь за стену, она упорно ковыляла вперед. Ой, кто-то поплатится...

Из-за поворота вдруг появилась какая-то фигура, беззаботно подбрасывающая индюшачью ножку одной рукой и ловящая ее другой.

— Ничего себе, — начала было леди Хотелия, — представляете, с меня кто-то... О...

Перед ней высилась затянута в кожу фигура с повязкой на глазу и улыбкой безжалостного корсара.

— Ур-р-р-о-ул?

— Конечно хочу!

Ничего такого сложного в этих танцах нет, сказала себе матушка Ветровоск. Главное — двигаться в такт музыке.

Весьма помогало чтение мыслей партнера. Танец — вещь инстинктивная, особенно после того как вы миновали стадию, когда нужно постоянно пялиться вниз, чтобы знать, чем там заняты ваши ноги, а ведьмы очень здорово умеют читать резонирующие инстинкты. Последовала недолгая борьба — это полковник попытался вести, но вскоре он покорился судьбе — отчасти перед лицом отчаянного нежелания матушки Ветровоск следовать за ним, но в основном из-за ее сапог.

Туфли леди Хотелии оказались ей малы. Кроме того, матушка испытывала к своим сапогам искреннюю привязанность. У них была сложная система железных застёжек, а носки больше напоминали осадные тараны. И теперь, когда дело дошло до танцев, матушкины сапоги двигались исключительно туда, куда им хотелось.

Она попыталась направить своего беспомощного и частично покалеченного партнера в сторону нянюшки Ягг, которая к тому времени расчисти-

ла вокруг себя довольно обширное пространство. То, чего матушке удалось добиться с помощью двух фунтов подбитых гвоздями синкоп, нянюшка Ягг обрела всего-навсего благодаря своей груди.

Это была большая и опытная грудь, такая, которая не выносит никаких ограничений. Когда нянюшка Ягг опускалась вниз, грудь подпрыгивала вверх, стоило нянюшке крутануться вправо, как грудь упрямо забирала влево. Вдобавок ко всему ноги нянюшки независимо от темпа музыки исполняли какую-то сложную джигу; вот так и выходило, что, в то время как нянюшкино тело двигалось в ритме вальса, ее ноги выделявали кренделя, больше похожие на разудалый матросский танец. В результате всех этих эволюций ее партнер был вынужден танцевать в нескольких футах от нянюшки, а многие пары по соседству вообще прекратили танец, чтобы понаблюдать, не зашвырнут ли ее все нарастающие гармонические колебания на люстру.

Матушка и ее беспомощный партнер прокружились мимо.

— Кончай выставляться, — прошипела матушка и снова сгинула в толпе.

— Эта твоя подружка? — поинтересовался Казанунда.

— Она... — начала было нянюшка.

Но тут оглушительно взревели трубы.

— По-моему, немного не в такт, — заметила она.

— Нет, это означает, что сейчас появится сам дюк, — пояснил Казанунда.

Оркестр смолк. Пары все как одна повернулись лицом к главной лестнице.

По ней величественно спускались две фигуры.

«Да, ничего не скажешь, он и впрямь выглядит таким лощеным и симпатичным дьяволенком,— подумала нянюшка.— Все так, как говорила Эсме. По его внешнему виду ничего и не скажешь...»

А женщина...

...И это Лили Ветровоск?

Маски на женщине не было.

Добавь или убери морщинку тут, складочку там, но это была точная копия матушки Ветровоск.

Почти...

Нянюшка вдруг поймала себя на том, что пытается отыскать в толпе белого орла. Все головы были повернуты к лестнице, но одна из них уставилась туда так, будто ее взгляд был стальным прутом.

Лили Ветровоск была вся в белом. До сих пор нянюшка и не думала даже, что могут быть разные оттенки белого. Но теперь она это поняла. Белизна платья Лили Ветровоск как будто испускала сияние. У нянюшки возникло ощущение, что если бы вдруг погас свет, то платье Лили продолжало бы светиться. Невероятное, шикарное платье! Оно мерцало, у него были рукава с буфами, и все оно было отделано кружевами.

А выглядела Лили Ветровоск — нянюшке Ягг пришлось признать это — значительно моложе своих лет. Налицо та же комплекция и свойственный Ветровоскам прекрасный цвет лица, но все выглядело... менее изношенным.

«Если это следствие того, что ты плохая,— подумала нянюшка,— то даже чуточку жаль, что я упустила время. Можно было бы попробовать.

Грехи — это смертоносный груз, но добродетели так же верно ведут к смерти. По крайней мере, зло по пятницам возвращается домой пораньше».

А вот глаза были одинаковыми. Где-то в генах Ветровосков затесался кусочек сапфира, причем очень настойчивый кусочек.

Дюк был невероятно красив. Впрочем, оно и понятно. Он был весь в черном. Даже его глаза были в черном.

Нянюшка вынырнула на поверхность и начала проталкиваться через толпу к матушке Ветровоск.

— Эсме!

Она схватила матушку за руку.

— Эсме!

— Гм-м.

Нянюшка вдруг сообразила, что толпа зашевелилась, расступаясь будто море и открывая дорожку, которая вела от лестницы к «дювану» в дальнем конце зала.

Костяшки пальцев матушки Ветровоск были так же белы, как и ее платье.

— Эсме! Что происходит? Что ты *делаешь*? — спросила нянюшка.

— Пытаюсь... остановить... сказку, — ответила матушка.

— А что делает *она*?

— Позволяет... происходить... событиям!

Толпа тем временем струилась мимо них. Это движение казалось каким-то неосознанным, инстинктивным. Как будто коридор образовывался сам собой.

Принц медленно двинулся вперед по дорожке. За спиной Лили в воздухе колыхались какие-то

тени — казалось, будто за ней плывет целая процессия призраков.

Маграт поднялась.

Нянюшке почудилось, что воздух приобрел некий радужный оттенок. Вроде бы даже пение птичек послышалось.

Принц взял Маграт за руку.

Нянюшка взглянула на Лили Ветровоск, которая лучезарно улыбалась, остановившись в нескольких ступеньках от подножия лестницы.

А затем нянюшка Ягг попыталась сфокусироваться на будущем.

Это оказалось ужасно просто.

Обычно будущее разветвляется на каждом повороте, а посему о том, что скорее всего случится, возможно получить лишь самое смутное представление. Даже если вы столь темпорально чувствительны, как ведьма. Но здесь скопились сказки — они обернулись вокруг древа событий и насильно придавали ему новую форму.

Матушка Ветровоск не узнала бы картину квантовой неотвратимости, даже если бы поймала ее нагло сидящей посреди кухонного стола. А если бы вы произнесли при матушке такие слова, как «парадигмы пространства-времени», то она бы недоверчиво переспросила у вас: «Что-что?» Но это вовсе не означает, что матушка была невежественна. Это лишь означает, что она терпеть не могла разные заумные словечки. Матушка просто знала, что существуют некие определенные события, которые в человеческой истории постоянно повторяются. Нечто вроде трехмерных клише. Сказки.

— Мы тоже стали частью сказки! И я ничего не могу поделать! — хмуро возвестила матушка.—

Должно же быть какое-то место, на котором я могла бы ее остановить! Но я никак не могу его найти!

Снова грянул оркестр. Он заиграл вальс.

Маграт и принц закружились в танце по залу, не отрывая друг от друга глаз. Затем к ним осмелились присоединиться несколько других пар. А потом вдруг все закрутилось, будто весь бал был некой машиной, которую снова привели в действие. Опять все заполнилось кружащимися в вальсе парами, и отзвуки светских бесед бесследно канули в музыкальную пучину.

— Может, ты все-таки познакомишь меня со своей подружкой? — спросил Казанунда откуда-то из-под нянюшкиного локтя.

Мимо них в танце проносились люди.

— Все так и случится, — промолвила матушка, полностью игнорируя доносящиеся снизу реплики. — Все-все. Поцелуй, часы, бьющие полночь, ее бегство и потеря стеклянной туфельки — буквально все.

— Поцелуй... Мерзость какая, — ответила нянюшка, облачиваясь на голову партнера. — Я бы скорее жабу поцеловала.

— А она как раз в моем вкусе, — слегка приглушенно заметил Казанунда. — Меня всегда влекло к властным женщинам.

Ведьмы смотрели на кружащуюся пару. Юноша и девушка по-прежнему не отрывали друг от друга глаз.

— Я могу заставить их споткнуться. Это мне запросто, — предложила нянюшка.

— Ничего не выйдет. Такого просто не может произойти.

— Ну, Маграт девица рассудительная... Более-менее рассудительная,— поправилась нянюшка.— Она должна заметить, что здесь что-то неладно...

— Гита Ягг, я знаю, что говорю,— перебила матушка.— Ничего она не заметит. Во всяком случае, пока часы не пробьют полночь.

Они обернулись и задрали голову. Было начало десятого.

— А знаешь,— сказала вдруг нянюшка,— часы ведь бьют не полночь. Они бьют двенадцать раз. То есть все дело тут в ударах.

Они снова поглядели на часы.

На болоте прокукарекал Легба, черный петух. Он всегда кукарекал на закате.

Нянюшка Ягг преодолела еще один лестничный пролет и привалилась к стене, чтобы отдышаться.

Так, это где-то здесь...

— В следующий раз будешь держать язык за зубами, Гита Ягг,— пробормотала она.

— Может, покинем этот бальный шурум-бурм и устроим где-нибудь интимный тет-а-тетик? — с надеждой предложил Казанунда, семья следом за ней.

Нянюшка постаралась не обращать на него внимания и заспешила дальше по пыльной галерее. Одной стороной, вдоль которой тянулись деревянные перильца, галерея выходила во двор, где кипел бал. А в конце виднелась...

...Маленькая деревянная дверка.

Нянюшка Ягг открыла ее толчком локтя. За дверцей в контрапункте с танцующими внизу парами мурчали механизмы — как будто часы приводили людей в движение; впрочем, в метафизическом смысле так оно и было.

«Часовой механизм, — подумала нянюшка. — Поняв, как работают часы, ты поймешь, как действует все остальное.

Проклятье, если б еще я понимала, как они работают...»

— Очень уютно, — признал Казанунда.

Она протиснулась через небольшой проем в часовое пространство. У самого ее носа кликали зубчатые колеса.

Какое-то мгновение она рассеянно рассматривала их.

Это ж надо! Такая машинища — и все только для того, чтобы шинковать Время на крошечные кусочки.

— Разве что самую чуточку тесновато, — сообщила Казанунда откуда-то из района ее подмышки. — Но что поделаешь, мадам. Вот, помню, как-то раз занесло меня в Щеботан, так там вообще был паланкин и...

«Так, посмотрим, — думала нянюшка. — Эта деталь соединена с вот этой, когда это колесо поворачивается, вон то поворачивается *быстрее*, а эта заостренная штука качается взад-вперед...

Ай, да ну это все! Просто хватай и дергай, как сказал верховный жрец девственнице-весталке»*.

* В данном случае цитируется последняя строчка одного древнего плоскомирского анекдота, начало которого, к прегрошному сожалению, безвозвратно утрачено.

Нянюшка Ягг поплевала на ладони, ухватилась за ближайшее зубчатое колесо и дернула.

Оно как ни в чем не бывало продолжало поворачиваться, утаскивая ее за собой.

Проклятье! Ну погоди...

И тогда нянюшка сделала то, что ни матушке Ветровоск, ни Маграт и в голову бы не пришло при данных обстоятельствах. Но путешествия нянюшки Ягг по морю общения с представителями противоположного пола заходили куда дальше, чем два раза оплыть вокруг маяка, и она не видела ничего унижительного в том, чтобы попросить мужчину помочь.

С жеманной улыбочкой она повернулась к Казанунде:

— Нам было бы гораздо удобнее в нашем маленьком *бледуарчике*, если бы ты чуть-чуть пододвинул вот это маленькое колесико. Уверена, для тебя это пара пустяков.

— Как прикажешь, моя повелительница, — шаркался Казанунда.

Протянув руку, он взялся за колесо. Несмотря на свои габариты, все гномы необычайно сильны. Казалось, ему не составило никакого труда удерживать шестерню на месте.

Где-то с мгновение в недрах механизма что-то сопротивлялось, а потом раздалось громкое «клонк». Большие колеса неохотно провернулись. Маленькие колесики взвизгнули на своих осях. Изнутри часов вылетела одна малюсенькая, но, судя по всему, очень важная деталька и, стукнувшись о походящую на пулю голову Казанунды, покатила по полу.

А стрелки завертелись вокруг циферблата куда быстрее, чем им было предназначено природой.

Услышав сверху какой-то новый шум, нянюшка Ягг запрокинула голову.

Довольное выражение мгновенно слетело с ее лица. Молоток, отстукивающий часы, медленно отклонялся назад. Только нянюшка сообразила, что стоит под самым колоколом, как молоток принялся отбивать время.

Бом...

— О, проклятье!

...Бом...

...Бом...

...Бом...

Над болотом плыл туман. И вместе с ним двигались неведомые тени. Приближалась та самая ночь, когда различие между живыми и мертвыми будет сведено до минимума.

Госпожа Гоголь явственно ощущала их присутствие среди деревьев. Бесприютные. Голодные. Безмолвные. Отвергнутые людьми и богами. Обитатели туманов и грязи, единственная сила которых находится где-то на оборотной стороне слабости, чьи верования столь же неустойчивы и самодельны, как и их домики. А еще люди из города — но не те, что живут в больших белых особняках и разъезжают по балам в красивых каретах. Нет, об этих людях в сказках никогда не упоминается. Сказки в принципе не интересуют свинопасы, остающиеся свинопасами, и бедные, скромные портняжки, удел которых умереть чуть более бедными и намного более скромными.

Однако именно эти люди приводили в действие волшебное царство, готовили его пищу, подметали его полы, вывозили его нечистоты и были его лицами в толпе. Вот только их желания и мечты, сколь бы непритязательными они ни были, не имели никакого значения. *Люди-невидимки.*

«А я сижу здесь,— подумалось госпоже Гоголь.— Расставляю ловушки для богов».

Множественная вселенная насчитывает огромное число самых разнообразных религий вуду, поскольку данную религию можно приготовить из любых подручных ингредиентов. Однако все без исключения религии вуду так или иначе пытаются зазвать бога в тело человека.

«Глупо,— подумала госпожа Гоголь.— И очень опасно к тому же».

Вуду госпожи Гоголь отталкивалось от обратного. Что такое бог? Точка, где фокусируется вера. Если люди верят, бог начинает расти. Сначала незаметно, но чему-чему прекрасно учит болото, так это терпению.

Фокусной точкой для бога может служить что угодно. Пригоршня перьев, перевязанных красной ленточкой, шляпа и фрак, нацепленные на две перекрещенные палки... Все равно что. Ведь если ты практически ничего не имеешь, значит, ничто для тебя — это все, а все — ничто. Потом ты подкармливаешь его, пестуешь, как гуся к празднику, и даешь могуществу медленно-медленно расти, а когда приходит время — открываешь ему дорогу... назад. Скорее человек может управлять богом, а не наоборот. Правда, за это приходится платить. Но платить приходится всегда и за все. Из

собственного опыта госпожа Гоголь прекрасно знала: в конце концов умирают все и вся.

Она сделала глоток рома и передала кувшин Субботе.

Суббота тоже отхлебнул и сунул кувшин дальше. Нечто бывшее в своей прошлой жизни рукой с благодарностью приняло передачу.

— Давай приступим, — велела госпожа Гоголь.

Мертвец взял три маленьких барабанчика и начал отбивать ритм, будоражаще быстрый.

Спустя некоторое время нечто похлопало госпожу Гоголь по плечу и вручило ей опустевший кувшин.

Да, пожалуй, можно начинать...

— Улыбнись же мне, о властительница Бон Анна. Защити меня, Повелитель Сети Продаж. Направь меня, о Широко Шагая. И прими меня ты, Хоталоба Эндрюс.

Ибо стою я между светом и тьмой, но это ничего не значит, поскольку стою я *между* ними.

Вот ром для вас. Табак для вас. Пища для вас. Дом для вас.

А теперь внимательно выслушайте меня...

...Бом.

Очнувшись от одного сна, Маграт словно бы перенеслась в другое сновидение. Ей снилось, что она танцует с самым прекрасным мужчиной на балу, а потом... оказалось, что она действительно танцует с самым прекрасным мужчиной на балу.

Только вот глаза его были скрыты двумя кружочками закопченного стекла.

Хотя Маграт и была мягкосердечной, неисправимой мечтательницей (пусть даже мокрой ку-

рицей, как выражалась матушка Ветровоск), она не была бы ведьмой, если бы не обладала кое-какими инстинктами и не доверяла им. Быстро вскинув руку и опередив своего партнера буквально на мгновение, Маграт сдернула стеклышки с его глаз.

Ей и раньше доводилось видеть подобные глаза, вот только их обладатели никогда не ходили на двух ногах.

Ее ножки, которые еще секунду назад грациозно порхали в танце, вдруг запнулись друг о друга.

— Э-э... — начала было Маграт.

И только тут ощутила, насколько холодны и влажны эти розовые, с ухоженными ногтями, пальцы.

Подгоняемая безумным желанием поскорее убежать из этого ужасного места, Маграт развернулась и бросилась прочь, расталкивая попадающиеся на пути пары. Ноги путались в складках платья. Дурацкие туфельки скользили по полу.

Ведущую в вестибюль лестницу охраняли двое стражников.

Глаза Маграт сузились. Сейчас главное лишь одно — выбраться отсюда, да побыстрее.

— Ай!

— Ой!

Она миновала стражников, взбежала по лестнице, но на самом верху поскользнулась. Стеклянная туфелька соскочила с ноги и зазвенела по мрамору.

— Проклятье, и как только можно *ходить* в такой дурацкой обуви?! — воскликнула она, ни к кому конкретно не обращаясь.

Отчаянно прыгая на одной ноге, она сдернула вторую туфельку и выбежала в ночную темноту.

Принц медленно взошел по ступеням и поднял сиротливо валяющуюся туфельку.

Некоторое время он разглядывал ее. Свет отражался в многочисленных зеркальных гранях.

А матушка Ветровоск тем временем затаилась неподалеку, в тени. В любой сказке имеется решающий момент, и он вот-вот должен был наступить.

Она отлично умела проникать в головы других людей, но сейчас ей нужно было проникнуть в свой собственный разум. Она сосредоточилась. Еще глубже... долой повседневные мысли и мелкие заботы, *быстрее, быстрее...* сквозь слои глубоких раздумий... все дальше... мимо потаенных и покрывшихся коркой мыслей, давнишних грехов и напрасных сожалений — сейчас на них не было времени... еще чуть-чуть... а, вот!.. серебряная ниточка сказки. Матушка являлась частью сказки, неотъемлемой частью, а следовательно, и сказка тоже часть матушки.

Она струилась в самой глубине. Матушка потянулась к ней.

Матушка Ветровоск терпеть не могла, когда что-то предопределяло судьбы людей, когда что-то вводило этих людей в заблуждение и тем самым принижало их.

Сказка покачивалась из стороны в сторону, будто стальной трос. Она ухватила за нее...

И потрясенно открыла глаза, быстро осмысливая увиденное. А потом матушка шагнула вперед.

— Прошу прощения, ваше высочество!

Выхватив туфельку из рук дюка, матушка Ветровоск подняла ее высоко над головой.

На матушкином лице заиграла зловещая ухмылка, от которой у нормального человека затряслись бы все поджилки.

Матушка разжала руки.

Туфелька со звоном упала на ступеньки.

По мрамору разлетелись тысячи сверкающих осколков.

Сказка, оббившая весь черепахообразный отрезок пространства-времени, больше известный как Плоский мир, судорожно вздрогнула. Оторванный конец извивался во тьме, отчаянно пытаясь найти хоть какое-нибудь продолжение, которое подпитывало бы его и дальше...

На полянке шевельнулись деревья. Тени тоже пришли в движение. Вообще-то, тени не могут шевелиться, если не колеблется свет. Но этим теням свет не был нужен.

Барабанный бой прекратился.

В тишине слышалось лишь негромкое потрескивание энергии, пробегающей по одеянию, что свисало с вбитой в землю жердины.

Суббота двинулся вперед. Когда он схватил фрак и принялся одеваться, по его пальцам тоже забегали зеленые искорки.

Тело его содрогнулось.

Эрзули Гоголь перевела дух.

— Вот ты и здесь, — подвела итог она. — Ты — это ты. Ты в точности такой, каким был когда-то.

Суббота поднял над головой руки со сжатыми кулаками. Время от времени у него дергалась то нога, то рука. Это энергия, заключенная в беличьей клетке его тела, металась в поисках выхода, но ясно было, что он с ней справляется.

— Дальше будет легче, — промолвила она уже гораздо мягче.

Суббота кивнул.

Теперь, когда в нем кипит энергия, подумала она, он стал таким же неистовым, как и при жизни. Хотя при жизни он не был идеальным человеком. Орлея никогда не являлась образцом гражданской добродетели. Но он, по крайней мере, не пытался убедить людей, что, мол, они сами хотят, чтобы он угнетал их. И не говорил им, будто все, что он делает, делается исключительно ради их же блага.

Вокруг поляны жители Новой Орлеи — *старой* Новой Орлеи — становились на колени или сгибались в поклоне.

Нет, добрым правителем он не был. Но он всех устраивал. Да, он бывал капризным, заносчивым, а иногда просто оказывался неправым, зато он никогда и не настаивал, что это оправдывается чем-либо иным, кроме того, что он больше, сильнее и подчас хуже других. Он никогда не говорил, что он *лучше*. И не велел людям поголовно быть счастливыми, не навязывал им никакого счастья. Кто-кто, а люди-невидимки знали, что счастье не является естественным состоянием человечества и не может быть навязано извне.

Суббота снова кивнул, на сей раз с удовлетворением. Когда же он открыл рот, искры засверкали

у него между зубами. А когда он двинулся по болоту прочь, аллигаторы торопливо порскнули во все стороны, стараясь не угодить ему под ногу.

В дворцовой кухне было тихо. Огромные подносы с жареным мясом, свиные головы с яблоками во рту, многослойные торты — все давным-давно было унесено наверх. Слышалось лишь звяканье посуды, которую начали мыть в огромных раковинах, расположенных в дальнем конце помещения.

Тетушка Приятка наложила себе полную тарелку красной полосатки, сваренной в крабовом соусе. В Орлее она не была лучшей поварихой — с гумбо госпожи Гоголь не могло сравниться ни одно кушанье, люди с радостью восставали из мертвых, лишь бы еще разок попробовать это самое гумбо, — но разница между тетужкой и госпожой Гоголь была столь же ничтожной, как... скажем, как между сапфиром и бриллиантом. Однако у тетужки Приятки все же была профессиональная гордость, поэтому, зная, что предстоит бал, она расстаралась. Вот только разве можно приготовить что-нибудь толковое из огромных кусков мяса?

Коленнская кухня, как и все лучшие кухни во множественной вселенной, была создана людьми, которым надо было хоть как-то использовать продукты, от которых наотрез отказывались правители. Без крайней необходимости ни один здравомыслящий человек даже не подумает *попробовать на вкус* птичье гнездо. И только голод способен заставить человека попробовать аллигатора. Кто будет есть акулы плавники, когда можно съесть саму акулу?

Тетушка Приятка налила себе рома и как раз взялась за ложку, когда почувствовала, что за ней наблюдают.

В дверях, уставившись на нее, стоял высоченный здоровяк в черной кожаной куртке. В руке он держал кошачью маску.

То был очень своеобразный взгляд. Тетушка Приятка вдруг ощутила странное желание привести в порядок волосы и надеть чуть более нарядное платье.

— Да? — спросила она. — Что вам угодно?

— Хаучу еусть, теутушка Приятка, — ответил Грибо.

Она внимательно осмотрела посетителя. И каких только типов не встретишь в Орлее в нынешние-то деньки. Этот, должно быть, тоже на бал заявился, вот только было в нем что-то очень... знакомое.

Грибо ощущал себя крайне несчастным котом. Только что поднялся страшный шум всего лишь из-за того, что он попытался стащить со стола жалкую жареную индейку. А потом какая-то худощавая женщина с лошадиными зубами, жеманно улыбаясь, долго уговаривала его встретиться попозже в розарии, что было совсем не по-кошачьи. Кроме того, тело у него было абсолютно неподходящее, да и у нее тоже. К тому же кругом толпилось слишком много других представителей мужского пола.

А потом он учуял кухню. Кухня притягивает котов так же, как, скажем, притяжение притягивает камни.

— Мы с вами где-то встречались? — уточнила тетушка Приятка.

Грибо ничего не ответил. Нос привел его к миске, стоящей на одном из столов.

— Хаучу! — потребовал он.

— Рыбьих голов? — изумилась госпожа Приятка.

С технической точки зрения они представляли собой отбросы, хотя то, что она собиралась сделать из них, плюс небольшое количество риса и несколько особенных подливок, должно было превратить эти головы в блюдо, за которое дрались бы даже короли.

— Хаучу, — повторил Грибо.

Тетушка Приятка пожала плечами.

— Что ж, если желаете сырых рыбьих голов, милости прошу, — не стала перечить она.

Грибо неуверенно взял миску. Он еще плохо управлялся с пальцами. Заговорщически оглядевшись, он нырнул под стол.

Послышались энергичное чавканье и скрежет возимой по полу миски.

Вскоре Грибо снова появился на белый свет.

— Маулаукоу? — поинтересовался он.

Удивленная тетушка Приятка потянулась за кувшином молока и чашкой...

— Блюдце, — возразил Грибо.

...И за блюдцем.

Грибо взял блюдце, смерил его долгим мрачным взглядом и поставил на пол.

Тетушка Приятка удивленно наблюдала за происходящим.

Грибо покончил с молоком и ловко слизнул с подбородка последние капли. Теперь он чувствовал себя куда как лучше. В очаге горел огонь.

Грибо прошествовал к нему, уселся, поплевал на ладонь и попытался вымыть уши, но у него ничего не получилось, поскольку и уши его, и лапа оказались для этого занятия абсолютно неподходящими. После нескольких неудачных попыток мытья он наконец улегся на пол и с трудом свернулся клубочком. Что тоже получилось не слишком хорошо, поскольку позвоночник почему-то стал плохо гнуться.

Через некоторое время тетушка Приятка услышала низкое, астматическое ворчание.

Грибо пытался мурлыкать.

Но у него оказалось неподходящее для этого горло.

В общем, проснется Грибо в самом дурном настроении и непременно захочет с кем-нибудь подраться.

А тетушка Приятка вернулась к своему ужину. Несмотря на то что этот верзила прямо у нее на глазах сожрал целую миску рыбьих голов, вылакал блюдце молока, а потом неуклюже скрючился у огня, она вдруг поняла, что ни капельки его не боится. Более того, она с трудом подавляла желание почесать ему брюшко.

Маграт прямо на ходу стащила с ноги вторую туфельку. Сейчас она бежала по длинной красной ковровой дорожке к дворцовым воротам, за которыми ждала ее свобода. Бежать — вот что было важнее всего. И не важно *куда*, главное — *откуда*.

А потом из теней вдруг выступили две фигуры. Когда они в абсолютном молчании стали приближаться к ней, Маграт угрожающе подняла

туфельку, показывая, что так легко ее не возьмешь. Но даже в сумерках она ощущала на себе эти жуткие взгляды.

Толпа расступилась. Лили Ветровоск в шорохе шелка проскользнула вперед.

Не выказывая ни малейшего удивления, она оглядела матушку Ветровоск.

— И тоже вся в белом,— сухо промолвила она.— Честное слово, ну разве это не *мило*?!

— Я остановила тебя,— откликнулась матушка, все еще тяжело дыша.— Я *прервала* ее.

Лили Ветровоск посмотрела куда-то за ее плечо. По лестнице поднимались змеесестры, с двух сторон поддерживая безвольно обмякшую Маграт.

— Избави нас боги от людей, которые все понимают буквально,— сказала Лили.— Два — вот волшебное число.

Она подошла к Маграт и выхватила у нее из руки вторую туфельку.

— А ход с часами был довольно занятным,— произнесла она, снова поворачиваясь к матушке.— Часы действительно произвели на меня впечатление. Правда, как видишь, это ничего не дало. Да и вообще, ты бы ничего не смогла сделать. Слишком велика инерция неизбежности. Хорошую сказку ничем не испортишь. Уж поверь мне.

Она вручила туфельку принцу, но с матушки глаз по-прежнему не сводила.

— Ей будет как раз,— сказала она.

Двое придворных держали ногу Маграт, в то время как принц напяливал туфельку на неподатливую женскую ступню.

— Ну вот,— заключила Лили, глядя матушке Ветровоск прямо в глаза.— И еще, Эсме. Можешь даже не пытаться загипнотизировать меня.

— Подходит,— возвестил принц с некой ноткой сомнения в голосе.

— Да уж конечно,— слышался живой голос откуда-то из-за спин стоящих кругом гостей.— Как тут не подойти? Когда на пару шерстяных носков надеваешь...

Лили наконец опустила взгляд на ногу в туфельке. Затем посмотрела на Маграта. Протянув руку, она грубо сорвала маску.

— Ogo!

— Девчонка не та,— признала Лили.— Но это все равно ничего не значит, Эсме, главное, что туфелька *та самая*. Все, что нам нужно, это найти девушку, которой она придется по ноге...

В толпе произошло какое-то шевеление. Гости расступились, пропуская вперед вымазанную маслом и облепленную паутиной нянюшку Ягг.

— Если это пятый с половиной размер и средний подъем, то вам нужна именно я,— сказала она.— Сейчас, сейчас, только разуюсь...

— Я имела в виду не тебя, старуха,— холодно отозвалась Лили.

— А кого ж еще? — радостно возразила нянюшка.— Понимаешь, все мы знаем, как должна развиваться эта сцена. Принц, пытаюсь отыскать девушку, которой туфелька придется по ноге, обходит весь город. Именно это ты и планировала. Так что я могу хоть отчасти облегчить тебе задачу. А, что скажешь?

По лицу Лили пробежала тень неуверенности.

— Мы ищем *девушку*,— сказала она.— *Брачного* возраста.

— А какие проблемы? — добродушно отозвалась нянюшка.

Гном Казанунда с гордостью толкнул локтем в колено своего соседа-придворного.

— Одна моя очень близкая знакомая,— гордо поделился он.

Лили взглянула на сестру.

— Твои происки? — осведомилась она.

— А что я? Я ничего,— пожала плечами матушка.— Нормальная жизнь берет свое, только и всего.

Нянюшка выхватила туфельку из рук принца и, не успев никто даже глазом моргнуть, натянула ее себе на ногу.

После чего покрутила ступней в воздухе.

Туфелька сидела идеально.

— Вот! — возвестила она.— Видишь? А так бы ты понапрасну пробегала целый день.

— И это при том, что пятый с половиной размер...

— ...И средний подъем...

— ...И средний подъем в таком большом городе, как этот, имеют сотни женщин,— продолжала матушка.— Хотя, конечно, ты сразу же могла наткнуться на нужный дом. Ну, понимаешь, такая счастливая случайность.

— Не, это уже был бы обман! — заметила нянюшка.

И пихнула принца локтем.

— Хотела только добавить,— сказала она,— я вовсе не против всяческого помахивания ручкой, открывания разных там церемоний и прочих ко-

ролевских занятий. Вот только спать в одной постели с этим молодчиком ни за что на свете не стану.

— Это потому, что спит он вовсе не в постели,— пояснила матушка.

— А спит он в пруду,— кивнула нянюшка.— Своими глазами видела. В самом настоящем большом комнатном пруду.

— Просто он — лягушка,— фыркнула матушка.

— А в вокруг всегда полно мух на случай, если он вдруг ночью проснется и захочет перекусить,— победоносно закончила нянюшка.

— Так я и думала! — воскликнула Маграт, вырываясь из цепкой хватки своих змеетюремщиц.— У него и руки влажные!

— У многих мужчин влажные руки,— возразила нянюшка.— Но у этого руки влажные потому, что он — лягушка.

— Я — принц королевской крови! — воскликнул принц.

— И лягушка при этом,— парировала нянюшка.

— А вот здесь я не согласен,— подал голос Казанунда откуда-то снизу.— Лично я сторонник свободных отношений. Нравится водиться с лягушкой, ну и водись себе на здоровье...

Лили оглянулась на толпу и щелкнула пальцами.

Матушка Ветровоск вдруг ощутила, что вокруг воцарилась мертвая тишина.

Нянюшка Ягг взглянула на стоящих рядом с ней людей. Потом помахала рукой перед лицом стражника.

— Ку-ку! — позвала она.

— Ну и сколько ты выдержишься? — хмыкнула матушка. — Тысячу людей надолго не обездвизишь.

Лили пожала плечами:

— И что с того? Думаешь, потом будут вспоминать, кто был на бале, а кто не был? Запомнится главное: бегство, туфелька и счастливый конец.

— Я ведь уже сказала тебе. Ты не сможешь запустить сказку заново. Кроме того, он — лягушка. Даже ты не в состоянии поддерживать его в человеческом виде целыми днями напролет. По ночам к нему возвращается прежний облик. В его спальне устроен *пруд*. Он — лягушка, — спокойно повторила матушка.

— Но только внутри, — поправила Лили.

— Это самое главное, — сказала матушка.

— Вообще-то, внешность тоже имеет значение, — встала нянюшка.

— Многие люди в душе настоящие животные. А многие животные внутри — люди, — ответила Лили. — Так что же тут плохого?

— Он — лягушка.

— Особенно ночью, — кивнула нянюшка.

Ей вдруг пришло в голову, что самым приемлемым вариантом был бы супруг, который по ночам — мужчина, а *днем* — лягушка. Конечно, денег такой приносить не будет, зато и мебели меньше износ. Кроме того, она никак не могла выкинуть из головы соображения интимного характера, касающиеся длины его языка.

— А еще ты убила барона, — заявила Маграт.

— Думаешь, он был таким уж замечательным? — фыркнула Лили. — Кроме того, он не

выказывал мне никакого уважения. А нет уважения — нет всего остального.

Нянюшка и Маграт вдруг осознали, что дружно устали на матушку.

— Он — лягушка.

— Я нашла его на болоте, — признала Лили. — Поверь, он был очень умным. А мне как раз требовался кто-нибудь... поддающийся внушению. Почему бы не предоставить шанс обычной лягушке? А что? Лягушонок — муж не хуже прочих. Один поцелуй прекрасной принцессы, и заклинание навеки запечатано.

— В большинстве своем мужчины настоящие животные, — заявила Маграт, подхватившая эту мысль в одной из своих книжек.

— Да. Но он — лягушка, — указала матушка.

— Давайте посмотрим на все моими глазами, — предложила Лили. — Видели, что вокруг творится? Сплошные болота да туманы. У этой страны нет *направления*. Я же могу сделать этот город великим. Не каким-то там Анк-Морпорком, где живут сплошные бездельники, а городом, который работает, трудится.

— Девочка не хочет выходить замуж за лягушку.

— Но через сотню лет это не будет иметь значения!

— Это имеет значение сейчас.

Лили подняла руки:

— Хорошо, хорошо. Чего вы тогда хотите? Сами выбирайте. Или я... или та женщина с болота. Свет или тьма. Туман или солнце. Темный хаос или счастливый конец.

— Он — лягушка, и ты убила старого барона, — ответила матушка.

— Ты бы поступила точно так же! — зарычала Лили.

— Нет, — ответила матушка. — Мне бы захотелось сделать то же самое, но я бы удержалась.

— По большому счету никакой разницы нет.

— То есть ты хочешь сказать, что *не видишь* ее? — уточнила нянюшка Ягг.

Лили расхохоталась.

— Да вы на себя посмотрите-то! — воскликнула она. — Вы разве что не лопаетесь от своих ни на что не годных благих намерений. Девчонка, мамаша и старуха!

— Это кто тут девчонка? — спросила нянюшка Ягг.

— Это кто тут мамаша? — спросила Маграт.

На мгновение матушка Ветровоск слегка помрачнела — как человек, который видит, что все соломинки уже вытянули и осталась всего одна.

— Ну, и что мне с вами делать? — спросила Лили. — Я и вправду терпеть не могу убивать людей без особой необходимости, но в данном случае просто нельзя позволить вам и дальше совершать всякие глупости...

Несколько мгновений она задумчиво разглядывала свои ногти.

— Поэтому я, наверное, упрячу вас куда-нибудь до тех пор, пока все не закончится как надо. А потом... Догадываетесь, что будет потом? Потом, надеюсь, вы сбежите. Ведь как-никак я *добрая* фея-крестная...

Элла осторожно пробиралась по залитому лунным светом болоту, следуя за важно вышагивающим впереди Легбой. Один раз она заметила какое-то движение в воде, но никто так и не появился — плохие новости вроде появления Легбы распространяются на удивление быстро, даже среди аллигаторов.

Вдали показался оранжевый свет. Это могло быть все, что угодно: хижина госпожи Гоголь, лодка или еще что-нибудь. На болоте разница между водой и сушей — это всего-навсего вопрос выбора.

Свет приближался.

— Здравствуйте! Есть кто-нибудь дома?

— Входи, дитя мое. Присаживайся. Отдохни немного.

Элла опасливо ступила на шаткую веранду. Госпожа Гоголь сидела в кресле, держа на коленях белую тряпичную куклу.

— Маграт сказала...

— Я все знаю. Добро пожаловать к Эрзули.

— А кто ты такая?

— Я твой... друг, девочка.

Элла напряглась, как будто готовясь бежать.

— Ты что, тоже крестная?

— Нет. Ничего подобного. Просто друг. За тобой никто не следил?

— Э-э... Вряд ли.

— Впрочем, это и не важно, девочка моя. Не важно. Думаю, нам все равно стоит отправиться к реке. Когда со всех сторон вода, как-то оно безопаснее...

Хижина вздрогнула.

— Ты лучше сядь. А то лапы ходят впере-
валку, и, пока не окажемся на воде, дом будет
трясти.

Тем не менее Элла все же рискнула и загляну-
ла под веранду.

Хижина госпожи Гоголь передвигалась на че-
тырех больших гусиных лапах, которые как раз
сейчас высвобождались из тины. Потом они за-
шлепали по мелководью и, добравшись до реки,
принялись мягко выгребать на середину.

Проснувшись, Грибо попытался потянуться.

И руки с ногами тоже неправильные!

Тетушка Приятка, которая все это время сиде-
ла и смотрела на него, поставила стакан.

— Ну и чего же ты желаешь теперь, господин
Кот? — поинтересовалась она.

Грибо прошествовал к двери, ведущей наружу,
и поскребся о косяк.

— Хаучу выыйти, теутушкау Приятка, — про-
говорил он.

— Для этого тебе нужно всего-навсего повер-
нуть ручку, — ответила она.

Грибо устоялся на дверную ручку с видом
человека, которому предстоит справиться со слож-
ным техническим устройством, а потом умоля-
юще посмотрел на тетущку.

Она открыла ему дверь, выпустила его на ули-
цу, а потом снова закрыла ее, заперла на замок и
облегченно привалилась к доскам спиной.

— Золушка сейчас с госпожой Гоголь, и ей
ничто не угрожает, — возвестила Маграт.

— Ха! — ответствовала матушка.

— А мне она очень даже понравилась,— сказала нянюшка Ягг.

— Не доверяю я людям, которые пьют ром и курят трубку,— поморщилась матушка.

— Но ведь нянюшка Ягг тоже курит трубку, а пьет вообще что попало,— заметила Маграт.

— Да, но это потому, что она просто мерзкая старая гримза. И кто сказал, что я ей доверяю? — не оборачиваясь, ответила матушка.

Нянюшка Ягг вытащила изо рта трубку.

— Это верно,— дружелюбно подтвердила она.— Если не поддерживать образ, ты — никто.

Матушка наконец оторвалась от замка.

— Ничего не выходит,— призналась она.— Из октирона сделан. Никакие заклятия не действуют.

— Вообще глупо сажать нас под замок,— отозвалась нянюшка.— Лично я бы сразу нас убила.

— Это потому, что по сути ты добрая,— пояснила Маграт.— Добрые ничего плохого не делают и творят справедливость. А злые всегда в чем-нибудь да виноваты, поэтому-то они и изобрели милосердие.

— Ерунда это все. Знаю я, почему она так поступила,— мрачно промолвила матушка.— Таким образом она дает нам время осознать, что мы проиграли.

— Но ведь она сама сказала, что в конце концов мы убежим,— удивилась Маграт.— Не понимаю. Неужели она не знает, что добро в результате все равно побеждает?

— Это только в сказках,— фыркнула матушка, внимательно разглядывая дверные петли.— А она считает, что сказки ее слушаются. Вертит ими как вздумается. И считает, что это она добрая.

— Кстати,— сказала Маграт,— лично я тоже терпеть не могу болота. Если бы не эта лягушка и все прочее, я бы, наверное, даже могла понять Лили...

— Тогда ты самая настоящая крестная дура! — рявкнула матушка, продолжая ковыряться в замке.— Нельзя ходить и строить людям лучший мир. Только сами люди могут построить себе лучший мир. Иначе получается клетка. Кроме того, нельзя строить лучший мир, отрубая головы и выдавая порядочных девушек замуж за лягушек.

— А как же прогресс...— начала было Маграт.

— Не смей мне ничего говорить о прогрессе. Суть прогресса в том, что плохое случается быстрее, вот и все. Ни у кого нет другой булавки? Эта не годится.

Нянюшка, которая, прямо как Грибо, обладала способностью где угодно устраиваться как у себя дома, удобно разместилась в углу камеры.

— Я однажды слышала историю,— сказала она,— про одного парня, которого посадили в тюрьму на много-много лет, и от другого заключенного, невероятно умного, он за это время узнал целую прорву насчет вселенной там и разного такого прочего. А потом он сбежал и всем отомстил.

— Слушай, Гита Ягт, а ты сама-то что такого невероятно умного знаешь насчет вселенной? — поинтересовалась матушка.

— Отстань,— дружелюбно откликнулась нянюшка.

— Ну, тогда нам лучше бежать прямо сейчас.

Нянюшка вытащила из шляпы кусочек картона, там же отыскала огрызок карандаша, поли-

зала кончик и ненадолго задумалась. А потом принялась писать:

«Дарагой Джейсон унд аллес (как говорят у нас в заграницах),

Вот такие дила палучаюцца твая старая Мама снова атбываит Срок в тюрьме, я вить старая каторжница так ты пришли мне пирожка с пузырьком чирнил внутри это я шучу. Эта План тюрьмы. Я ставлю X где мы сидим там Внутри. Маграт выступала в шикарном платьи и вела себя как истеная Куртезанка. А еще Эсме вот-вот взбилиница патамушта ни можит атпиреть замок но я думаю все палучицца патамушта дабро в канце всигда пабиждает а эта и есть МЫ. Все случилась патамушта адна дивчонка никак хочит выхадить за Принца каторый на самом дели Лигушка и трудна ее за эта венить. Каму захочицца рибенка с такими Храмыми Сомами каторый станит жить в балоти и визде прыгать, веть на ниво может ктонибуть наступить...»

От дела ее оторвал звук мандолины, на которой кто-то весьма искусно наигрывал прямо за стеной, после чего негромкий, но крайне решительный голос запел:

— ...*Si consuenti d'amoure, ventre dimo tondreturo-o-o-o...*

— Как голодает моя любовь по столовой твоего изнурения,— тут же перевела нянюшка Ягг, не поднимая головы.

— ...*Della della t'ozentro, audri t'dren vontarie-e-e-e-e...*

— Магазин, магазин, у меня есть лепешка, небо розовеет, — продолжала переводить нянюшка.

Матушка с Маграт переглянулись.

— ...*Guaranto del tari, bella pore di larientos...*

— Возрадуйся, свечник, у тебя такой большой, огромный...

— Ни единому слову не верю, — перебила матушка. — Ты все выдумываешь.

— Дословный перевод, — возразила нянюшка. — Сама ж знаешь, заграничный я знаю как родной.

— Госпожа Ягг, это ты? Ты ли это, любовь моя?

Ведьмы дружно подняли головы и посмотрели на забранное решеткой окно. В камеру заглядывало крохотное личико.

— Казанунда?

— Я, госпожа Ягг.

— Любовь моя! — пробурчала матушка.

— Как же ты добрался до окна? — не обращая на нее внимания, спросила нянюшка.

— Я всегда знаю, где раздобыть лестницу, госпожа Ягг.

— Но знаешь ли ты, где раздобыть ключ?

— Ключ тут не поможет. У вашей двери дежурит слишком много стражников, госпожа Ягг. Слишком много — даже для такого прославленного фехтовальщика, как я. Ее ледство отдала строжайшие приказы. Запрещается не только слушать вас, но даже смотреть на вас.

— А как тебя-то занесло в дворцовые стражники?

— Солдат удачи хватается за ту работу, что подворачивается под руку, госпожа Ягг, — честно ответил Казанунда.

— Но ведь все остальные стражники шести футов росту, а ты... ну, слегка пониже.

— Я соврал насчет своего роста, госпожа Ягг. Я же самый знаменитый в мире враль.

— Правда?

— Нет.

— А как насчет того, что ты самый знаменитый в мире любовник?

Некоторое время за окном молчали.

— Ну, может, я и на втором месте,— откликнулся наконец Казанунда.— Но я стараюсь.

— Господин Казанунда, ты не мог бы сходить и поискать нам напильник или что-нибудь вроде? — попросила Маграт.

— Посмотрю, что можно сделать, госпожа.

Лицо исчезло.

— Может, попросить кого-нибудь навестить нас, а потом переодеться в его одежду и сбежать? — предложила нянюшка Ягг.

— Ну вот, теперь еще и палец булавкой уколола,— пробормотала матушка Ветровоск.

— Или Маграт могла бы попробовать соблазнить одного из стражников...— продолжала нянюшка.

— А почему бы тебе самой это не попробовать? — зло огрызнулась Маграт.

— Ладно. Идет.

— Слушайте, вы там, а ну заткнитесь обе,— рывкнула матушка.— Я тут пытаюсь придумать...

За окном снова послышался какой-то звук.

На сей раз к ним наведалься Легба.

Сквозь прутья решетки черный петух мельком заглянул в камеру, после чего немедленно улетел.

— У меня от него прям мурашки по коже,— призналась нянюшка.— Не могу на него смотреть, сразу думаю о луковой подливке и картофельном пюре.

Ее морщинистое лицо сморщилось еще больше.

— Грибо! — возопила она.— На кого мы тебя оставили?!

— Ой. Да он же всего-навсего кот,— отмахнулась матушка Ветровоск.— Кот и сам о себе может позаботиться.

— Да, только ведь он еще совсем маленький, пушистый...— начала было нянюшка, но тут кто-то принялся разбирать стену.

Вскоре в стене образовалась небольшая дыра. Чья-то серая рука вытащила очередной камень. Ведьмы почувствовали резкий запах тины.

Камень крошился под сильными пальцами.

— Эй, вы там? — позвал звучный голос.

— Да, господин Суббота,— откликнулась нянюшка.— Как все-таки жестоко устроен этот мир, мы — здесь, ты — там...

Суббота что-то буркнул и исчез.

Тут из-за двери камеры донеслась какая-то возня, и кто-то зазвенел ключами.

— Нечего нам здесь рассиживаться,— решила матушка.— Пошли.

Ведьмы, помогая друг дружке, пролезли в дыру.

Снаружи в небольшом дворике они увидели Субботу, торопливо направляющегося туда, где все еще продолжался бал.

А следом за Субботой тянулось нечто весьма напоминающее хвост какой-нибудь кометы.

— Что это?

— Дело рук госпожи Гоголь,— мрачно ответствовала матушка Ветровоск.

За Субботой по воздуху струился поток сгущающейся темноты, медленно, но верно распространяясь по территории дворца. На первый взгляд могло показаться, будто во тьме роятся какие-то тени, но при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что это вовсе не тени, а лишь намек на тени. В круговерти на мгновение блеснули чьи-то глаза. Слышались стрекот цикад и жужжание moskitov, доносились запах мха и вонь болотной тины.

— Болото,— сказала Маграт.

— Это лишь *идея* болота,— поправила ее матушка.— Это то, из чего рождается болото.

— Батюшки-светы,— поежилась нянюшка, а потом пожала плечами.— Что ж, Элла сбежала, да и мы тоже сбегаем, значит, наступила та часть сказки, где все мы сбегаем. Ну так что, мы бежим или нет?

Они продолжали стоять.

— Народ здесь, конечно, не очень...— спустя некоторое время промолвила Маграт.— Но аллигаторов он не заслужил.

— Эй! Ведьмы, а ну стойте! — слышался чей-то голос за их спинами.

Из дыры выглядывали с полдюжины стражников.

— Тут определенно становится жарковато,— сказала нянюшка, выдергивая из шляпы еще одну булавку.

— У них арбалеты,— предупредила Маграт.— Против арбалетов сильно не повыступаешь. Про

метательное оружие рассказывается только в Седьмом Уроке, а я до него еще не дошла.

— Интересно, как они спустят курки, если будут думать, что у них плавники вместо рук? — с угрозой в голосе заметила матушка.

— Слушай,— примиряюще произнесла нянюшка,— давай только без этого, ладно? Всем же и так известно, что добро всегда побеждает, *особенно* если врагов больше.

Стражники наконец выбрались во двор.

Стоило им сделать пару шагов, как со стены прямо позади них бесшумно прыгнула высокая черная фигура.

— Ну вот,— радостно возвестила нянюшка,— я же говорила, что от своей мамочки он далеко не уйдет!

Один или два стражника вдруг осознали, что одна из ведьм с гордостью смотрит куда-то за их спины, и обернулись.

Их взорам предстал высокий широкоплечий тип с копной черных волос, повязкой на глазу и очень широкой улыбкой.

Он стоял, небрежно сложив руки.

Дождавшись, когда внимание всех стражников переключится на него, Грибо медленно разомкнул губы.

Несколько стражников невольно попятились.

— И что такого? — — пробормотал один из них.— Оружия-то у него не...

Грибо поднял руку.

Выскакивая, когти не издают никакого звука, а *надо бы*. Им стоило бы появляться со звуком вроде «дзинь».

Улыбка Грибо стала заметно шире.

Ага! Ну хоть это еще действует...

У какого-то стражника хватило ума поднять арбалет, но не хватило мозгов сообразить, что позади стоит нянюшка Ягг со шляпной булавкой. Ее рука метнулась вперед столь молниеносно, что, увидев это, любой ищущий мудрости, одетый в желтый балахон юнец вполне мог бы там же и прямо тогда же отправиться Путем Госпожи Ягг. Стражник вскрикнул и выронил оружие.

— Ур-р-роул-л-л...

Грибо прыгнул.

Коты очень похожи на ведьм. Они дерутся не ради того, чтобы убить, а ради того, чтобы победить. Это совершенно разные вещи. Какой смысл убивать противника? Ведь тогда он никогда не узнает, что проиграл, а стать настоящим победителем можно только при наличии противника, который побит тобой и сознает это. Нельзя торжествовать над трупом, зато побежденный противник, который останется побежденным до конца своих горестных и жалких дней, — вот оно, настоящее сокровище.

Но коты, разумеется, не вдаются в такие глубокие размышления. Им просто нравится, когда кто-то, прихрамывая, опрометью бросается от них прочь, лишенный хвоста и нескольких больших клочьев шерсти.

Техника Грибо была безыскусной, и, встретясь он с мало-мальски приличным фехтовальщиком, ему бы ни за что не выстоять. Однако на его стороне было явное преимущество: практически невозможно прилично фехтовать, когда ты словно бы угодил в большой миксер, который так и норовит сбрить тебе уши.

Ведьмы с интересом наблюдали за происходящим.

— Думаю, теперь мы ему не нужны,— заключила нянюшка.— По-моему, он нашел себе развлечение.

Они заторопились в дворцовый зал.

Оркестр как раз добрался до середины сложной мелодии, когда первая скрипка случайно бросила взгляд на входную дверь и тут же выронила смычок. Виолончелист обернулся посмотреть, что явилось тому причиной, проследил за неподвижным взглядом коллеги и в смятении попытался заиграть на своем инструменте задом наперед.

Издав какофонию взвизгов и фальши, оркестр замолчал. По инерции танцующие еще несколько мгновений кружились в тишине, но затем тоже остановились и в смущении принялись переглядываться, не понимая, в чем дело. А потом, один за другим, они тоже подняли головы и уставились на вход.

В дверях стоял Суббота.

Эту тишину разорвал звук барабанов, по сравнению с которым музыка, игравшая до него, могла показаться незначительной, словно стрекот кузнечиков. Нет, теперь звучала настоящая музыка крови; по сравнению с ней любая другая когда-либо написанная музыка выглядит жалкими потугами на оригинальность.

Она лилась в зал, и с ней пришли жар, теплота и растительный запах болота. В воздухе ощутимо обозначилось присутствие где-то рядом громадного аллигатора.

Звуки барабанов становились все громче. К ним примешивались сложные контрритмы, скорее ощущаемые, нежели слышимые.

Суббота стряхнул с плеча древнего фрака пылинку и вытянул руку.

В руке появился высокий цилиндр.

Он вытянул другую руку.

Прямо из воздуха вынырнула черная трость с серебряным набалдашником, и он торжествующе сжал ее в ладони.

А потом надел шляпу. Взмахнул тростью.

Барабаны продолжали стучать. Вот разве только... Возможно, теперь это были уже не барабаны, казалось, будто рокот исходит из самого пола, из стен или из воздуха. Барабанный бой был быстрым и жарким, и люди в зале вдруг обнаружили, что их ноги начинают двигаться сами собой, поскольку дробь как будто проникала прямо в спинной мозг, минуя уши.

Ноги Субботы тоже задвигались. Они громко отбивали на мраморном полу свое стаккато.

Пританцовывая, он спустился по ступенькам.

Суббота кружился, Суббота подпрыгивал. Фалды его фрака мелькали в воздухе. А потом он приземлился у подножия лестницы, опустившись на пол со звуком, который весьма напоминал удар судьбы.

И только тогда произошло движение.

— Не может быть! — хрипло прокаркал принц. — Он мертв! Стража! Убить его!

Капитан стражников побледнел.

— Я... Э... Опять? То есть... — начал он.

— Быстро!

Капитан нервно вскинул свой арбалет. Наконечник стрелы выписывал восьмерки перед его глазами.

— Я приказываю тебе! Стреляй же!

Арбалет тренькнул.

Послышался стук.

Суббота, опустив голову, взглянул на торчащие из его груди перья, мрачно улыбнулся и вскинул трость.

Капитан со смертельным ужасом воззрился на Субботу. Потом уронил арбалет и повернулся, чтобы бежать, но не успел преодолеть и двух ступенек, как упал лицом вниз.

— Любители, — послышался голос из-за спины принца. — *Вот* как надо убивать мертвеца.

Вперед вышла Лили Ветровоск. Лицо ее от ярости побелело.

— Тебя здесь быть не должно, — прошипела она. — Ты больше в сказке не участвуешь.

Она подняла руку.

Призрачные образы, окружавшие ее со всех сторон, внезапно сомкнулись, и блеск их многократно усилился. Через зал рванулось серебристое пламя.

Барон Суббота выставил вперед свою трость. Магическая энергия ударила в набалдашник и ушла в землю, оставив за собой маленькие змеящиеся молнии, которые еще несколько мгновений потрескивали на полу, прежде чем бесследно исчезнуть.

— Ошибаетесь, мадам, — ответил он. — Мертвеца убить невозможно.

Три ведьмы наблюдали за происходящим, стоя в дверях.

— Я чувствовала, — изумленно выдохнула нянюшка. — Это заклинание должно было разнести его на мелкие кусочки!

— Разнести на куски кого? Или, вернее, что? — уточнила матушка. — Болото? Реку? Мир? Ведь он и то, и другое, и третье! Да-а, а она умная, эта госпожа Гоголь!

— Что-что? — переспросила Маграт. — Как это понимать: и то, и другое, и третье?

Лили попятилась. Она снова подняла руку и послала в барона еще один шар серебристого пламени. Тот угодил ему в цилиндр и взорвался как фейерверк.

— Глупо, ой как глупо! — бормотала матушка. — Видела же, что ничего не вышло, а все равно пытается!

— А я думала, ты против нее, — удивилась Маграт.

— Конечно против! Просто не люблю, когда люди творят глупости. Тут ее заклинания не помогут, Маграт Чесногк, даже ты способна это понять, если как следует... О нет, неужели еще раз?..

Когда и третья попытка закончилась ничем, барон рассмеялся. А потом поднял трость. К нему бросились двое придворных.

Лили Ветровоск, все еще отступая, оказалась у подножия главной лестницы.

Барон шагнул вперед.

— Хотите испробовать что-нибудь еще, благородная госпожа? — осведомился он.

Лили подняла обе руки.

Все три ведьмы явственно ощутили, как она пытается сконцентрировать вокруг себя всю энергию.

Тем временем во дворе единственный оставшийся на ногах стражник вдруг понял, что сражается он уже не с человеком, а всего-навсего с разъяренным котом. Впрочем, вряд ли это принесло большое облегчение. Это просто означало, что у Грибо появилась дополнительная пара когтистых лап.

Принц вскрикнул.

То был долгий, слабеющий вскрик, который завершился кваканьем, раздающимся откуда-то с уровня пола.

Барон Суббота сделал еще один шаг, занес ногу и силой опустил ее. Квак оборвался.

Барабаны неожиданно замолчали.

И вот после этого наступила настоящая тишина, нарушаемая лишь шелестом платья взбегающей вверх по лестнице Лили.

— Благодарю вас, уважаемые дамы, — произнес чей-то голос позади ведьм. — А теперь будьте так добры, пропустите меня, пожалуйста!

Они оглянулись. Это была госпожа Гоголь, держащая за руку Золушку. На плече у нее висела пухлая, ярко расшитая сумка.

Миновав ведьм, колдунья вуду спустилась по лестнице и провела девушку сквозь безмолвствующую толпу.

— Это тоже неправильно, — вполголоса заметила матушка.

— Что? — спросила Маграт. — Что неправильно?

Барон Суббота стукнул тростью о пол.

— Вы меня знаете, — сказал он. — Вы все меня знаете. И вам известно, что меня убили. Но сей-

час я снова здесь. Меня подло убили, а что сделали вы?..

— А что, интересно, сделала ты, госпожа Гоголь? — пробормотала матушка. — Нет, так дело не пойдет...

— Тс-с, а то не слышно, что он говорит, — прошипела нянюшка.

— Он говорит, что сейчас они могут выбирать, кто будет править — снова он или Золушка, — подсказала Маграт.

— Они выберут госпожу Гоголь, — пробурчала матушка. — И она станет одной из этих, как их, сирых кардинаторов.

— Ну, не так уж она и плоха... — заметила нянюшка.

— Конечно, в своем болоте она не так уж и плоха, — согласилась матушка. — Когда есть кто-то, кто может уравновесить ее, она действительно не так уж плоха. Но вот если госпожа Гоголь начнет всему городу указывать, что делать... Это неправильно. Волшебство — вещь слишком важная, чтобы с его помощью управлять людьми. Кроме того, Лили просто убивала людей — а госпожа Гоголь, убив, еще заставит их колоть дрова и заниматься ее хозяйством. По мне так, коли прожил ты тяжкую жизнь, значит, хоть после смерти имеешь право отдохнуть.

— Лежи себе да радуйся, вроде того, — кивнула нянюшка.

Матушка оглядела свое белое платье.

— Жаль, одета я неподходяще, — покачала головой она. — Ведьме пристало ходить в черном.

Она спустилась по лестнице в зал, поднесла руки ко рту и крикнула:

— Ау-у-у! Госпожа Гоголь!

Барон Суббота замолчал. Госпожа Гоголь кивнула матушке.

— Слушаю, госпожа Ветровоск?

— Господина никогда не было, так что зови меня лучше матушкой,— огрызнулась та, а потом продолжила несколько более спокойно: — Ты сама прекрасно знаешь, что все это неправильно. Королевой должна быть она, и это справедливо. Чтобы помочь ей, ты воспользовалась магией, и это тоже правильно. Но на этом и нужно остановиться. Что будет дальше, уже ее дело. Нельзя постоянно исправлять все с помощью магии. С помощью волшебства можно лишь не давать кому-то творить зло.

Госпожа Гоголь выпрямилась во весь свой внушительный рост.

— Да кто ты такая, если указываешь мне, что я здесь могу делать, а чего не могу?

— Мы ее крестные,— ответила матушка.

— Точно,— кивнула нянюшка Ягг.

— У нас и волшебная палочка есть,— добавила Маграт.

— Матушка Ветровоск, ты же *ненавидишь* крестных,— усмехнулась госпожа Гоголь.

— Мы относимся к другому их типу,— пожала плечами матушка.— Мы даем людям то, что они действительно хотят, а не то, что, как нам кажется, они должны хотеть.

Удивленные гости беззвучно зашевелили губами, повторяя и переваривая только что услышанное.

— В таком случае свою роль крестных вы уже сыграли,— парировала госпожа Гоголь, которая

соображала быстрее остальных.— И сыграли замечательно.

— Ты невнимательно слушала,— упрекнула матушка.— Крестные бывают самые разные. Она может оказаться хорошей правительницей. А может оказаться плохой. Но выяснить это она должна самостоятельно. Без какого-либо вмешательства извне.

— А что, если я скажу «нет»?

— Наверное, нам тогда придется продолжить исполнять свои обязанности крестных,— промолвила матушка.

— Да ты хоть представляешь, сколько мне пришлось трудиться, чтобы победить? — надменно спросила госпожа Гоголь.— Знаешь, сколького я себя лишила?

— Зато теперь ты выиграла. Стало быть, делу конец,— сказала матушка.

— Ты что, матушка Ветровоск, бросаешь мне вызов?

Несколько мгновений матушка колебалась, но потом расправила плечи. Ее руки чуть разошлись в стороны — едва заметно. Нянюшка и Маграт немного отодвинулись от нее.

— Если тебе так хочется.

— Мое вуду против твоей... головологии?

— Как пожелаешь.

— А какова ставка?

— Больше никакой магии в орлейских делах,— решительно ответила матушка.— Никаких сказок. Никаких крестных. Люди должны сами решать — что добро, а что зло, что правильно, а что неправильно.

— Идет.

— И ты отдаешь мне Лили Ветровоск.

Госпожа Гоголь так шумно набрала воздуха в грудь, что это было слышно во всем зале.

— Никогда!

— Гм, вот как? — спросила матушка. — Стало быть, ты все-таки боишься проиграть?

— Просто не хочется прибегать к крайним мерам, матушка Ветровоск, — ухмыльнулась госпожа Гоголь. — Ведь тебе может быть больно.

— Вот и не прибегай к ним, — согласилась матушка. — Я очень не люблю, когда мне больно.

— Я против поединков, — встряла вдруг Элла.

Обе соперницы взглянули на нее.

— Теперь ведь она правительница, верно? — осведомилась матушка. — Значит, мы должны ее слушаться?

— Я покину город, — сказала госпожа Гоголь, снова поворачиваясь к матушке, — но Лилит моя.

— Нет.

Госпожа Гоголь полезла в сумку и достала оттуда тряпичную куклу.

— Видишь вот это?

— Ну, вижу, — ответила матушка.

— Эта кукла предназначена для нее. Не хотелось бы, чтобы кукла стала тобой.

— Прошу прощения, госпожа Гоголь, — твердо отозвалась матушка, — но у меня есть долг, и я ему следую.

— Ты умная женщина, матушка Ветровоск, однако сейчас ты очень далеко от дома.

Матушка равнодушно пожала плечами. Госпожа Гоголь держала куклу за талию. У куклы были сапфирово-голубые глаза.

— Тебе известно о магии зеркал? Так вот, матушка Ветровоск, это *моя* разновидность зеркала. Эту куклу я могу сделать тобой. А потом я могу заставить ее *страдать*. Не вынуждай меня делать это. Прошу.

— Увы, госпожа Гоголь. Но иметь дело с Лили буду я.

— Честно говоря, Эсме, я бы на твоём месте вела себя поумнее,— пробормотала нянюшка.— В этих делах она мастерица.

— По-моему, она может быть очень жестокой,— поделилась своим мнением Маграт.

— Я не испытываю к госпоже Гоголь ничего, кроме глубочайшего уважения,— откликнулась матушка.— Прекрасная женщина. Но слишком много говорит. Будь я на её месте, я бы прямо сейчас вонзила в эту штуку пару длинных ногтей.

— Так бы уж и вонзила,— хмыкнула нянюшка.— Все-таки хорошо, что ты добрая, правда?

— Правда,— кивнула матушка и снова повысила голос: — Я иду за своей сестрой, госпожа Гоголь. Это дело *семейное*.

Она решительно направилась к лестнице.

Маграт вытащила палочку.

— Если кое-кто хоть что-нибудь сделает нашей матушке, остаток жизни этой «кое-кому» придется провести круглой и оранжевой, с семечками внутри,— посулила она.

— Вряд ли Эсме одобрит, если ты сотворишь что-нибудь подобное,— сказала нянюшка.— Не волнуйся. Не верит она во все эти штучки с булавами и куклами.

— Да она вообще ни во что не верит. Только какое это имеет значение?! — воскликнула Маг-

рат.— Главное, что госпожа Гоголь этому верит! Это ее магия! И это она должна верить!

— Думаешь, Эсме этого не понимает?

Матушка Ветровоск была уже у самого подножия лестницы.

— Матушка Ветровоск!

Та оглянулась.

Госпожа Гоголь держала в руке длинную щепку. Безнадежно покачав головой, она воткнула ее в ступню куклы.

У всех на глазах Эсме Ветровоск пошатнулась.

Еще одна щепка была воткнута в тряпичную руку.

Матушка медленно подняла руку и, прикоснувшись к больному месту, вздрогнула. Но потом, слегка прихрамывая, она продолжила свое восхождение.

— Следующим может стать сердце, матушка Ветровоск! — крикнула ей вслед госпожа Гоголь.

— Не сомневаюсь. У тебя хорошо получается. И тебе это прекрасно известно, — не поворачиваясь, бросила матушка.

Госпожа Гоголь воткнула еще одну щепку во вторую ногу куклы. Матушка осела и вцепилась в перила. Рядом с ней горел один из факелов.

— В следующий раз! — предупредила госпожа Гоголь. — Ты поняла? Следующий раз — последний. Я не шучу!

Матушка обернулась.

Сотни лиц были устремлены в ее сторону.

Когда же она заговорила, голос ее был таким тихим, что приходилось вслушиваться.

— Я знаю, что ты способна на это, госпожа Гоголь. Ты действительно веришь в свои силы. Ну-

ка, напомни мне еще раз: мы, кажется, спорили на Лили? И на город?

— Какое значение имеет это теперь? — удивилась госпожа Гоголь. — Разве ты не сдаешься?

Матушка Ветровоск сунула мизинец в ухо и задумчиво им там покрутила.

— Нет, — ответила она. — Даже не собиралась. Ты смотришь, госпожа Гоголь? Внимательно смотришь?

Ее взгляд скользнул по присутствующим и на какую-то долю секунды задержался на Маграт.

Потом она медленно подняла руку и по локоть погрузила ее в пламя горящего факела.

И кукла в руках Эрзули Гоголь вдруг вспыхнула.

Она продолжала полыхать даже после того, как колдунья вуду вскрикнула и уронила ее на пол. И горела до тех пор, пока нянюшка Ягг, насвистывая что-то сквозь зубы, не вылила на нее принесенный с буфетного стола кувшин фруктового сока. Только после этого кукла потухла.

Матушка вытащила руку из огня. На руке не осталось ни следа.

— Вот это и есть головология, — сказала она. — Вот что имеет значение. А все остальное просто чепуха. Надеюсь, я не обожгла тебя, а, госпожа Гоголь?

Она снова двинулась вверх по лестнице.

Госпожа Гоголь безмолвно уставилась на мокрые обгорелые лохмотья, оставшиеся от куклы. Нянюшка Ягг дружелюбно похлопала ее по плечу.

— Как она это сделала? — спросила госпожа Гоголь.

— А она ничего не делала. Наоборот, позволила тебе все сделать за нее,— ответила нянюшка.— С Эсме Ветровоск нужно держать ухо востро. Хотелось бы мне посмотреть, что стало бы с одним из этих зен-мудистов, возникни он когда-нибудь против нее.

— И при этом она добрая? — уточнил барон Суббота.

— Ага,— кивнула нянюшка.— Забавно все-таки, как оно иной раз бывает, правда?

Нянюшка задумчиво посмотрела на пустой кувшин из-под фруктового сока.

— Чего здесь не хватает,— произнесла она тоном человека, после длительных и серьезных размышлений наконец приходящего к заключению,— так это бананов, рома и всего остального...

Увидев, что нянюшка решительно направляется в сторону дайкири, Маграт едва успела ухватить ее за платье.

— Потом успеешь,— возразила она.— Лучше пошли за матушкой. Вдруг ей понадобится наша помощь?!

— Вот уж это навряд ли,— махнула рукой нянюшка.— Не завидую я Лили, когда Эсме доберется до нее.

— Но я в жизни не видела матушку такой возбужденной! — воскликнула Маграт.— Может ведь что угодно случиться.

— Надеюсь, так оно и будет,— ответила нянюшка.

А потом со значением кивнула лакею, который, будучи человеком понятливым, тут же подлетел к ней.

— Но ведь она может сделать что-нибудь... ужасное!

— И отлично. Ей всегда этого хотелось, — сказала нянюшка. — Айн банановый дакири, махат-ма данке, вуле ву.

— Ничего отличного не вижу, — настаивала Маграт.

— Ой, ну ладно, ладно... — сдалась нянюшка.

Пустой кувшин она сунула барону Субботе, который машинально принял этот дар.

— Решили сходить туда, разобраться, что да как, — пояснила нянюшка Ягг. — Уж извините. А вы тут продолжайте пока... если еще осталось чем продолжать.

После того как ведьмы поднялись по лестнице и скрылись из вида, госпожа Гоголь, нагнувшись, подняла с пола мокрые остатки своей куклы.

Один или двое из гостей кашлянули.

— И это все? — спросил барон. — Двенадцать лет псу под хвост?

— Принц мертв, — ответила госпожа Гоголь. — Справедливость восстановлена.

— Но ведь ты обещала, что отомстишь ей за меня, — напомнил барон.

— Ей отомстит кое-кто другой, — пожала плечами госпожа Гоголь и бросила куклу на пол. — Лилит боролась со мной двенадцать лет, и у нее ничего не вышло. А эта даже не вспотела. Так что не хотелось бы мне сейчас оказаться в шкуре Лилит.

— Значит, ты не держишь своего слова?!

— Держу. Должна же я хоть что-то держать. Госпожа Гоголь обняла Эллу за плечи.

— Ну вот, девочка моя,— сказала она.— Это твой дворец. Твой город. И здесь не найдется ни единого человека, который посмел бы отрицать это.

Она обвела взглядом гостей. Кое-кто попятился.

Элла посмотрела на Субботу.

— У меня такое чувство, что я тебя знаю,— объявила она и повернулась к госпоже Гоголь.— И тебя тоже,— добавила она.— Я видела вас обоих... раньше. Наверное, очень давно, да?

Барон Суббота уже открыл было рот, собираясь что-то сказать, но госпожа Гоголь подняла руку.

— Мы обещали,— напомнила она.— Никакого вмешательства.

— Даже с нашей стороны?

— Даже с нашей стороны.— Она снова повернулась к Элле.— Мы просто люди.

— Ты хочешь сказать...— недоуменно проговорила Элла.— Я столько лет ишачила на самой обычной кухне... А теперь... Я вдруг стала правительницей города? Раз — и стала?

— Именно так.

Элла в глубокой задумчивости уставилась себе под ноги.

— И что бы я ни повелела, люди будут это исполнять? — простодушно поинтересовалась она.

Из толпы донеслись нервные покашливания.

— Будут,— кивнула госпожа Гоголь.

Еще некоторое время Элла стояла, вперившись в пол и грызя ноготь большого пальца. Наконец она подняла голову.

— Тогда первым делом закончим этот бал. И немедленно! Я собираюсь отправиться на карнавал. Всегда хотела потанцевать на карнавале.— Она обвела взглядом обеспокоенные лица.— Кто не хочет, может не идти,— добавила она.

Дворяне Орлеи были людьми достаточно опытными и прекрасно понимали, как надо поступать, когда твой правитель говорит, что ты вовсе не обязан что-то там делать.

Уже через несколько минут зал опустел. В нем остались только трое.

— Но... но... я жаждал *мести*,— выдавил барон.— Я желал *смерти*. Я хотел, чтобы наша дочь получила власть.

— ПОПАДАНИЕ — ДВА ИЗ ТРЕХ. НЕ ТАКОЙ УЖ ПЛОХОЙ РЕЗУЛЬТАТ.

Госпожа Гоголь и барон обернулись. Смерть поставил свой стакан и шагнул вперед.

Барон Суббота выпрямился.

— Я готов идти с тобой,— поклонился он.

Смерть пожал плечами. Тем самым он, казалось, показывал, что лично ему все равно, готов кто-то там или нет.

— Но мне удалось-таки оттянуть встречу с тобой,— гордо добавил барон.— На целых двенадцать лет! — Он обнял Эрзули за плечи.— Когда меня убили и бросили в реку, мы украли у тебя мою жизнь!

— ТЫ ВСЕГО-НАВСЕГО ПЕРЕСТАЛ ЖИТЬ. НО ВМЕСТЕ С ТЕМ ТЫ И НЕ УМИРАЛ. ПРОСТО Я ЗА ТОБОЙ НЕ ПРИХОДИЛ.

— Вот как?

— ВСТРЕЧА С ТОБОЙ У МЕНЯ НАЗНАЧЕНА НА СЕГОДНЯШНИЙ ВЕЧЕР.

Барон передал свою трость госпоже Гоголь. Снял высокую черную шляпу. Скинул с плеч фрак.

В складках фрака еще потрескивала энергия.

— Нет больше барона Субботы,— возвестил он.

— МОЖЕТ БЫТЬ. А СИМПАТИЧНАЯ ШЛЯПА, КСТАТИ.

Барон повернулся к Эрзули.

— Ну, думаю, мне пора.

— Да.

— А ты что будешь делать?

Колдунья вуду взглянула на цилиндр, который держала в руках.

— Вернусь на болото,— ответила она.

— Ты можешь остаться здесь. Не доверяю я этой чужеземной ведьме.

— Зато я доверяю. Поэтому и вернусь на болото. Некоторые сказки должны заканчиваться. Кем бы Элла ни стала, ей придется взрослеть самостоятельно.

До бурых густых вод реки идти было совсем недалеко.

На берегу барон остановился.

— И теперь она будет жить долго и счастливо, да? — спросил Суббота.

— НЕ ЗНАЮ. ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ, НА БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ У МЕНЯ С НЕЙ ВСТРЕЧИ НЕ ЗАПЛАНИРОВАНО.

Так заканчиваются сказки.

Злая ведьма побеждена, бедная принцесса-замарашка вступает в свои законные права, королевская власть восстановлена. Возвращаются счастливые денечки. Счастливые отныне и вовек.

И на этом обычно все заканчивается. Жизнь замирает.

Сказки *хотят* заканчиваться. Им-то наплевать, что будет дальше...

Нянюшка Ягг, тяжело пыхтя, спешила по коридору.

— Никогда еще не видела Эсме такой, — призналась она. — В каком-то забавном она настроении. Такая Эсме Ветровоск опасна даже для самой Эсме Ветровоск.

— Прежде всего она представляет опасность для окружающих, — сказала Маграт. — Она же...

Вдруг перед ними прямо посреди коридора возникли фигуры змееженщин.

Ведьмы резко затормозили.

— Давай посмотрим на это с точки зрения простой логики, — негромко предложила нянюшка. — Ну что они могут нам сделать?

— Терпеть не могу змей, — тихо отозвалась Маграт.

— Само собой, само собой, у них ведь эти самые, как их, зубы, — нравоучительно промолвила нянюшка, будто проводя семинар. — Даже, скорее, клыки. Ладно, девочка, пойдем. Посмотрим, нет ли тут обходной дороги.

— Я их ненавижу!

Нянюшка потянула Маграт за собой, но та не двинулась с места.

— *Пошли!*

— Я их и правда ненавижу.

— Поверь мне, издали ненавидится еще лучше. Бежим!

Сестры были уже совсем рядом. Они не шли, они скользили. Но, наверное, у Лили не было возможности хорошенько сосредоточиться, поэтому сейчас сестры больше, чем когда-либо, походили на змей. Нянюшке даже показалось, что она различает у них под кожей очертания чешуек. Да и подбородки какие-то не такие...

— Маграт!

Одна из сестер потянулась к молоденькой ведьмочке. Маграт вздрогнула.

Змеесестра открыла пасть.

Маграт подняла голову и будто бы во сне так врезала змееженщине, что та отлетела на несколько футов назад.

Этот удар не был описан ни в одном из путеводителей по Дорогам и Путям. Никто никогда не изображал его в виде рисунка и не упражнялся перед зеркалом с повязкой на голове. Прием этот брал свое начало в наследственных рефлексах, он был рожден чистым, незамутненным инстинктом самосохранения.

— Палочку доставай! — крикнула нянюшка, бросаясь вперед. — Нечего с ними ниндзячиться! У тебя же есть палочка! Вот и воспользуйся ею!

Вторая змея инстинктивно повернула голову, следя за нянюшкой. Однако инстинкт не всегда является ключевым элементом для выживания, поскольку в этот самый момент Маграт огрела ее по затылку. Волшебной палочкой. Змея осела на пол, теряя при этом форму.

Основная проблема ведьм заключается в том, что они никогда не бегут от того, что по-настоящему ненавидят.

А основная проблема с загнанными в угол маленькими пушистыми зверушками состоит в том, что один из этих невинных зверьков на поверку может оказаться мангустом.

Матушка Ветровоск никогда не понимала — и что такого особенного в полной луне? Просто большой светлый круг, и ничего больше. А лунное затмение означает всего-навсего, что некоторое время будет темно хоть глаз коли.

Но когда луна находится ровно на полпути между этими двумя состояниями, когда она повисает точнехонько между мирами света и тьмы, когда луна живет на грани... быть может, вот он, тот самый момент, когда ведьма способна поверить в луну.

И как раз сейчас над болотными туманами плыл полумесяц.

Зеркала в гнездышке Лили отражали холодный свет. К стене были прислонены три помела.

Матушка взяла свою метлу. Одежда на ней была не того цвета, да и шляпа ее бесследно сгинула в пасти какого-то хулигатора... Так приятно почувствовать под рукой что-то знакомое, родное.

Ее окружало безмолвие.

— Лили! — мягко позвала матушка.

Из зеркал на нее таращились ее собственные отражения.

— Все может закончиться прямо сейчас, — продолжала матушка. — Ты возьмешь мое помело, а я возьму метлу Маграт. Гитино помело легко вы-

держит двойной вес. И госпожа Гоголь пообещала, что не будет преследовать тебя. С ней я договорилась. Ведьм стало мало, так что в Овцепиках тебя с радостью примут. И больше тебе не придется быть крестной. Не нужно будет убивать людей только для того, чтобы их дочерей можно было вставить в сказку. Я ведь знаю, зачем ты все это устроила. Давай вернемся домой. Это предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

Зеркало бесшумно скользнуло в сторону.

— Ты пытаешься проявить ко мне *доброту*? — спросила Лили.

— Только не подумай, что мне это так легко дается, — ответила матушка уже более нормальным голосом.

Когда Лили шагнула наружу, ее платье громко зашуршало в темноте.

— Итак, — сказала она, — значит, ты все-таки взгрела эту болотную колдунью.

— Нет.

— Но куда пришла ты, а не она.

— Да.

Лили взяла из рук матушки помело и принялась его рассматривать.

— Никогда не пользовалась этими штуками, — наконец призналась она. — Что, просто садишься на него и — вперед?

— Ну, чтобы взлететь на *этом* помеле, тебе сначала придется как следует разбежаться, — хмыкнула матушка. — Но общий принцип примерно похож.

— Гм. А ты знаешь, что символизирует помело? — спросила Лили.

— Что-то связанное с майскими деревьями, народными песнями и прочим в том же роде? — уточнила матушка.

— О да.

— Тогда я даже слышать об этом не желаю.

— Уж конечно,— хихикнула Лили.— Ты всегда избегала подобных вещей.

Она вернула помело.

— Я остаюсь здесь,— объявила она.— Может, госпожа Гоголь и придумала какой-то новый фокус, но это еще не значит, что она победила.

— Никаких больше фокусов не будет. Все ведь закончилось,— пояснила матушка.— Так все и происходит, когда превращаешь мир в сказки. Не стоило тебе это делать. Нельзя обращаться с людьми так, будто они *персонажи* или неодушевленные *предметы*. Но если ты все-таки ввязалась в это дело, то должна отдавать себе отчет, что рано или поздно все сказки заканчиваются.

— То есть мне ничего не остается, кроме как, поджав хвост, бежать в далекие королевства? — спросила Лили.

— В общем, да. Что-то вроде того.

— А все остальные будут жить долго и счастливо?

— Ну, насчет этого не знаю,— пожала плечами матушка.— Это уже их личное дело. Я сейчас говорю, что нельзя запускать сказку по второму кругу. Ты *проиграла*.

— Ты же знаешь, Ветровоски никогда не сдаются,— презрительно бросила Лили.

— Стало быть, сегодня вечером это случится впервые,— ответила матушка.

— Но ведь *мы* не зависим от сказок,— сказала Лили.— Я — посредник, с помощью которого эти сказки происходят, а ты борешься с ними. Мы находимся посередине. Мы независимые...

Позади них послышался какой-то шум. Из люка выглянули Маграт и нянюшка Ягг.

— Эсме, тебе тут помощь не требуется? — опасно поинтересовалась нянюшка.

Лили громко рассмеялась.

— А вот и *твои* змейки пожаловали. Знаешь, Эсме,— тут же добавила она,— ты и в самом деле очень похожа на меня. Неужели ты этого не замечала? Каждая мысль, что посещала мою светлую головку, приходила и в твою голову тоже. Нет ни единого сделанного мною дела, о котором бы ты сама не думала. Просто тебе никогда не хватало смелости. Вот в чем разница между такими людьми, как я, и такими, как ты. У нас хватает смелости *делать* то, о чем вы только мечтаете.

— Да ну,— усмехнулась матушка.— Неужели? По-твоему, я о *таком* мечтала?

Лили подняла палец. Маграт, отчаянно сопротивляясь, выплыла из лестничного колодца. Она размахивала волшебной палочкой.

— Вот на что мне нравится смотреть больше всего,— сообщила Лили.— На людей, которые чего-то хотят. Я в жизни ничего не хотела. Я всегда *делала* то, что хотела. Это приносит куда большее удовлетворение.

Маграт скрипнула зубами.

— Послушай, милочка, вряд ли из меня получится симпатичная тыква,— фыркнула Лили и беспечно взмахнула рукой.

Маграт поднялась еще выше.

— Ты бы удивилась, если б узнала, как много я умею,— мечтательно промолвила Лили, в то время как молоденькая ведьма мягко покачивалась над зубцами дворцовой стены.— Попробуй как-нибудь зеркала, Эсме, очень рекомендую. С человеческой душой они творят настоящие чудеса. Ту болотную колдунью я оставила в живых только потому, что ее ненависть вдохновляла меня. Знаешь, я люблю, когда меня ненавидят. А уж ты-то это *точно* знаешь. Ведь это своего рода уважение. Это говорит о том, что ты кое-чего стоишь. Так освежает, будто ты окунулась в холодную речку жарким днем. Когда глупцы обнаруживают, что они бессильны, когда они кипят от собственного бессилия, когда они побиты и у них не остается ничего, кроме сосущего чувства в кислотных ямах их желудков,— о, как это здорово, как это восхитительно. А *сказки... оседлать сказку... позаимствовать ее силу... ее уют... очутиться в ее потаенном центре...* Но способна ли ты меня понять? Оценить то острое удовольствие, которое испытываешь, видя, как повторяются сюжеты? Я всегда любила сюжеты. Кстати, если эта твоя Яггиха не перестанет пытаться проскользнуть ко мне за спину, я, пожалуй, позволю твоей юной подружке вылететь за пределы башни, а потом, Эсме, потом я ведь могу случайно потерять к ней всякий интерес.

— Да я просто шла себе и шла,— завозмущалась нянюшка.— А где написано, что нельзя тут ходить?

— Ты изменила сказку по-своему, а теперь я собираюсь перекроить ее на свой лад,— продол-

жала Лили.— И вот еще что... Ты мне не нужна, я тебя не трону. Ты просто уйди, и все. А что будет здесь, не имеет значения. Это далекий город, ты о нем почти ничего не знаешь... Вряд ли у меня получится перехитрить тебя,— добавила она,— но эти двое... К сожалению, они не из того теста слеплены. Я могу стереть их в порошок. Надеюсь, это ты понимаешь? А ведь ты была права, сегодня одной из Ветровосков действительно придется научиться проигрывать.

После этой долгой речи матушка некоторое время молчала, опираясь на свое бесполезное помело.

— Ладно,— наконец произнесла она.— Отпусти ее. А потом я признаю, что твоя взяла.

— Ага, сейчас, так я тебе и поверила,— язвительно промолвила Лили.— Впрочем... Ты же у нас добренькая, правда? Значит, ты должна держать свое слово.

— И все-таки ты не веришь,— грустно покачала головой матушка.— Что ж, смотри...

Она подошла к парапету и взглянула вниз. Двудликая луна светила еще достаточно ярко, и в ее свете ясно различалось клубящееся море тумана, окружающее дворец.

— Маграт! Гита! — позвала матушка Ветровоск.— Вы уж меня извините. Ты действительно выиграла, Лили. И тут я ничего не могу поделать.

С этими словами матушка спрыгнула с башни.

Нянюшка Ягг бросилась к парапету и выглянула за стену как раз вовремя, чтобы увидеть, как смутный силуэт скрывается в туманной пелене.

Трое ведьм, оставшиеся на верху башни, с трудом перевели дух.

— Наверняка это какой-нибудь трюк, — прошипела Лили. — Хочет меня с толку сбить!

— Никакой это не трюк, — едва пробормотала Маграт, бессильно оседая на каменные плиты.

— У нее было помело, — указала Лили.

— Оно не работает! Не заводится! — выкрикнула нянюшка. — Ну погоди, — с угрозой в голосе произнесла она, надвигаясь на худощавую Лили. — Сейчас ты у меня подавишься этой своей наглой ухмылочкой...

Но тут все ее тело пронзила острая боль.

Лили расхохоталась.

— Так, значит, это правда? — спросила она. — Да! Я вижу это по вашим лицам. Эсме была достаточно умна и понимала, что ей нипочем не победить меня. Так что вам тоже глупить не стоит. И кончай тыкать в меня этой палкой, госпожа Чесногк. Старая Жалка если бы могла, то уже давным-давно одолела бы меня. До чего же люди непонятливые...

— Надо спуститься вниз, — сказала Маграт. — Может, она лежит там и...

Ведьмы переглянулись и бросились к лестнице.

— Вот именно. Будьте добры, сбегайте, а? Заодно займете себя чем-нибудь, — крикнула Лили им вслед.

— Но мы еще вернемся! — рывкнула нянюшка Ягг. — Даже если нам придется жить на болоте вместе с госпожой Гоголь и до скончания веков жрать эти ее змеиные головы!

— Ну разумеется! — отозвалась Лили, приподнимая бровь. — А я что говорю? Всегда полезно иметь под рукой таких людей, как вы. Сразу видишь, чего ты стоишь на самом деле. Отличный способ поддерживать форму...

Она проводила взглядом ведьм, исчезающих в темном лестничном проеме.

Башню насквозь продувал ветер. Лили подобрала юбки и подошла к краю крыши, откуда были видны клочья тумана, летящие над домами далеко внизу. До нее доносились отдаленные звуки веселья — то карнавал по-прежнему струился по городским улицам.

Скоро полночь. Настоящая полночь, ее полновесный вариант, а не какой-то там урезанный, наступивший из-за какой-то старой карги, что забралась внутрь часов.

Лили попыталась рассмотреть, что делается там, внизу, у подножия башни.

— Да уж, Эсме, — пробормотала она, — умеешь ты проигрывать...

Миновав пару лестничных пролетов, нянюшка наконец нагнала Маграт и, протянув руку, чуть придержала молодую ведьмочку.

— Притормози немножко, а то мне за тобой не угнаться, — взмолилась она.

— А если она лежит там вся переломанная?!

— То же самое может случиться и с тобой, если ты вдруг оступишься. Вообще-то, — хмыкнула нянюшка, — сильно сомневаюсь я, что Эсме разбилась. Не похоже на нее. Сдается мне, она это придумала, чтобы Лили оставила нас в покое. Похоже,

она считала нас — как там звали этого цортского парня, которого можно было ранить, только если попасть ему куда надо? Никто не мог его одолеть, пока не узнали про слабое место. Кажется, коленка у него была плохая, что ли? Вот, значит, и получается, что мы были ее цортской коленкой.

— Но ведь ее помело ни разу просто так не заводилось! Чтобы запустить его, нужно было как следует разогнаться! — воскликнула Маграт.

— Да знаю я, знаю, — ответила нянюшка. — Я и сама об этом думала. А теперь я думаю... интересно, когда летишь, сильно разгоняешься? Ну, то есть когда падаешь вниз?

— Я... Понятия не имею, — пожала плечами Маграт.

— Наверное, Эсме решила, что стоит это выяснить, — заключила нянюшка. — Вот что я думаю.

Из-за поворота лестницы появилась фигура, неторопливо поднимающаяся наверх. Ведьмы вежливо посторонились, пропуская незнакомца.

— Вот незадача-то, никак не вспомню, куда там его надо было поразить... — задумчиво промолвила нянюшка. — Теперь небось до утра не засну, все буду вспоминать.

— В ПЯТКУ.

— Правда? Вот спасибо.

— РАД БЫЛ ПОМОЧЬ.

Фигура проследовала мимо них и снова скрылась из вида за следующим поворотом лестницы.

— Хорошая у него маска, правда? — мимоходом заметила Маграт.

Они с нянюшкой уставились друг на друга.

Потом Маграт побледнела и бросила взгляд наверх — туда, где исчез незнакомец.

— По-моему, нужно срочно бежать обратно и...— начала она.

Однако нянюшка Ягт была куда старше ее.

— Только мы не побежим, а пойдем,— ответила она.

Леди Хотелия Д'Авалия сидела в розарии у подножия большой башни и сморкалась в платочек.

Она ждала уже полчаса. Ну все, с нее довольно...

Она рассчитывала на романтический тет-а-тет: он показался ей таким приятным мужчиной — и пылким и застенчивым одновременно. А вместо этого она чуть не получила по голове, когда из тумана вдруг на бешеной скорости вынырнула какая-то старуха на метле. Причем эта старая карга была одета в собственное платье леди Хотелии!

В крутом пике старухины сапоги пропахали розовые кусты, мелькнули прямо перед изумленным лицом леди Хотелии, после чего унеслись куда-то обратно в небесную высь.

А потом откуда-то появился облезлый вонючий котяра и принялся тереться о ноги леди Хотелии.

Все насмарку, а поначалу вечер обещал быть таким приятным...

— Алло, милая дамочка!

Она заозиралась по сторонам, ища взглядом говорящего.

— Меня зовут Казанунда,— радостно объявил невидимка.

Услышав звон стекла где-то в недрах зеркального лабиринта, Лили Ветровоск обернулась.

Нахмурившись, она сделала несколько шагов и распахнула дверь в зеркальный мир.

Ни звука — кроме шуршания платья и ее собственного дыхания. Лили Ветровоск скользнула в пространство между зеркалами.

На нее одобрительно смотрели мириады ее отражений. Она немного расслабилась.

Но вдруг ее нога зацепилась за что-то. Она посмотрела под ноги и увидела на каменных плитах пола лежащее среди осколков битого стекла помело, в лунном свете кажущееся черным.

Лили перевела исполненный ужаса взгляд на свое отражение.

Отражение пристально смотрело на нее.

— Какая радость быть победителем, если проигравший мертв и не знает о том, что он проиграл?

Лили отшатнулась. Рот ее открылся и снова закрылся.

Из пустой рамы к ней шагнула матушка Ветровоск. Лили бросила взгляд за спину неожиданно воскресшей сестры.

— *Ты разбила мое зеркало!*

— Так вот, значит, ради чего ты все это затеяла? — фыркнула матушка. — Королева болот? Всю жизнь обслуживающая сказки? И по-твоему, это власть?

— Ты не понимаешь... Ты разбила зеркало...

— Говорят, это плохая примета, — подтвердила матушка. — Но я подумала: в конце концов, еще семь лет несчастий — разве это так уж много?

Отражение за отражением разбиваются вдребезги на всей протяженности бескрайнего зеркального мира, трещина протягивается все дальше и дальше со скоростью света...

— Надо было разбить оба зеркала, тогда все было бы в порядке... Но ты нарушила равновесие...

— Ха! Это *я-то* нарушила равновесие? — матушка шагнула вперед, ее глаза полыхали, как два безжалостных сапфира. — Сейчас я устрою тебе такую порку, Лили Ветровоск, какой даже наша мамаша никогда нам не устраивала. Причем не магией, не головологией и не палкой, как, бывало, лупил тебя наш папаша. И накажу я тебя вовсе не за то, что ты плохая. И не за то, что ты вмешивалась в сказки. Каждый идет своим путем. А за то — и я хочу, чтобы ты это как следует уразумела, — что, когда ты сбежала, *хорошей пришлось стать мне*. А ты в это время развлекалась как хотела. Вряд ли я смогу расплатиться с тобой, Лили, за все, что я пережила, но все же попробую...

— Но ведь... Я... я... Это же я хорошая, — пробормотала Лили, лицо которой от потрясения стало мертвенно-бледным. — Это как раз я хорошая, а не ты. Я не могу проиграть. Я фея-крестная. А ты — злая ведьма... И потом, ты разбила зеркало...

...Пронзая пространство подобно комете, трещина в зеркалах достигает самой удаленной точки и начинает змеиться обратно, все ускоряя свое движение среди бесчисленных миров...

— Ты должна помочь мне... Отражения нужно срочно уравновесить... — еле слышно пробормотала Лили, пятясь к уцелевшему зеркалу.

— Хорошая? Хорошая?! Ты скармливала людей сказкам. Коверкала человеческие жизни. И это, по-твоему, *хорошо*? — спросила матушка. — Может, ты еще посмеешь утверждать, будто не получала от этого наслаждение? Да стань я плохой, как ты, я была бы стократ хуже. Такой плохой, что тебе даже и не снилось.

Она замахнулась.

...Трещина вернулась к точке, откуда начала свое движение, она вела за собой спасающиеся бегством отражения всех остальных зеркал...

Глаза матушки расширились.

Зеркало за спиной Лили Ветровоск вдруг пошло трещинами.

А виднеющееся в зеркале отражение Лили Ветровоск вдруг повернулось, блаженно улыбнулось, и руки, появившиеся из зеркальной рамы, заключили Лили Ветровоск в свои объятия.

— Лили!

Все зеркала лопнули, взрываясь тысячами мельчайших осколков, и на мгновение верхушку башни окутало облако волшебной сверкающей пыли.

Нянюшка Ягг и Маграт вылетели на крышу, будто ангелы мщения, наконец выпущенные на свободу после длительной проверки небесным контролем качества.

И вдруг остановились.

Там, где еще недавно замеился зеркальный лабиринт, теперь зияли пустые рамы. Весь пол

был усыпан осколками стекла, а посреди всей этой разрухи лежала фигура в белом платье.

Нянюшка отстранила Маграт и опасливо двинулась вперед. Подойдя поближе, она потыкала лежащую женщину носком сапога.

— Давай сбросим ее вниз,— предложила Маграт.

— Давай,— согласилась нянюшка.— Только сбрасывать будешь ты.

Маграт заколебалась.

— Вообще-то,— наконец сказала она,— когда я предложила сбросить ее с башни, я не имела в виду, что собираюсь сделать это лично. Я имела в виду, что если еще осталась в мире хоть какая-то справедливость, то эту женщину стоило бы...

— В таком случае на твоем месте я бы лучше помолчала,— перебила ее нянюшка, осторожно становясь коленями на острые осколки.— Ну да, точно. Это Эсме Ветровоск. Ее лицо я ни с одним другим не перепутаю. Сними-ка нижнюю рубашку.

— Зачем?

— Девочка, да ты взгляни на ее руки!

Маграт пригляделась и в испуге зажала рот ладонями.

— Что же она такое *делала*?

— Судя по всему, пыталась просунуть руки сквозь стекло,— ответила нянюшка.— Давай-ка, сними и порви ее на узкие полоски, а потом сбегай и найди госпожу Гоголь — спроси, нет ли у нее каких-нибудь мазей и не может ли она нам помочь. А еще передай ей, что если она нам не поможет, то чтобы к утру даже духу ее здесь не

было.— Нянюшка взяла матушку Ветровоск за запястье.— Признаю, Лили Ветровоск действительно способна была стереть нас в порошок, но вот госпожу Гоголь, коли дойдет до дела, я потреплю так, что мало ей не покажется.

Сняв свою патентованную неуничтожимую шляпу, нянюшка принялась шарить внутри. Наконец на свет божий появилась бархотка, которую нянюшка быстро развернула. Внутри оказались несколько иголок и катушка ниток.

Она облизнула кончик нитки, подняла иголку повыше, держа ее на фоне луны, и сощурила один глаз.

— Ох, Эсме, Эсме,— со вздохом промолвила она, приступая к наложению швов,— тяжело же тебе далась эта победа...

Лили Ветровоск оглядела многослойный серебристый мир.

— Где я?

— ВНУТРИ ЗЕРКАЛА.

— Я мертва?

— ОТВЕТ НА ЭТОТ ВОПРОС,— сказал Смерть,— НАХОДИТСЯ ГДЕ-ТО МЕЖДУ «НЕТ» И «ДА».

Лили обернулась, и миллиард фигур обернулся вместе с ней.

— Когда же я смогу выбраться отсюда?

— КОГДА НАЙДЕШЬ ТУ, ЧТО РЕАЛЬНА.

Лили Ветровоск помчалась мимо бесконечных отражений.

Хороший повар утром приходит на кухню первым, а вечером уходит домой последним.

Тетушка Приятка затушила огонь. Потом быстро проверила столовое серебро и пересчитала супницы. И вдруг...

Она почувствовала, что на нее кто-то смотрит.

В дверях стоял кот. Большой и серый. Один глаз горел зловещим желтовато-зеленым пламенем, другой же был жемчужно белым. То, что осталось от его ушей, больше походило на края почтовой марки. Тем не менее было в нем что-то щегольское, и всем своим видом он как бы говорил: «Я побью тебя одной лапой». Что показалось ей странно знакомым.

Некоторое время тетушка Приятка смотрела на кота. Она была близкой подругой госпожи Гоголь, а потому знала, что внешний облик — это еще одна вредная, но глубоко укоренившаяся привычка. Тем более, побывав хоть раз в Орлее накануне Самеди Ньюи Мор, человек мгновенно обучается доверять своему рассудку, а не чувствам.

— Если я правильно тебя понимаю, — произнесла она слегка дрогнувшим голосом, — ты бы сейчас не отказался от рыбьих ног, э-э, голов — так?

Грибо потянулся и выгнул спину.

— А в леднике еще осталось немного молока, — продолжала тетушка Приятка.

Грибо счастливо зевнул.

Потом почесал задней ногой за ухом. Человеческий облик, безусловно, хорош, но оставаться в нем постоянно — нет уж, увольте!

Днем позже.

— Похоже, заживляющая мазь госпожи Гоголь действительно помогает,— сказала Маграт.

В руках она держала кувшинчик, наполовину заполненный каким-то бледно-зеленым и необычно зернистым составом со слабым, но всепроникающим запахом.

— Между прочим, в состав ее входят змеиные головы,— сообщила нянюшка Ягг.

— И даже не пытайся меня напугать,— важно заявила Маграт.— Кто-кто, а уж я-то знаю, что «змеиная голова» — это такой цветок. Кажется, разновидность герани. Из цветов можно готовить чудесные средства.

Нянюшка Ягг, которая имела честь провести весьма познавательные, пусть даже и не лучшие в жизни, полчаса, наблюдая за тем, как госпожа Гоголь готовит свой состав, решила не расстраивать Маграт.

— Ага,— кивнула она.— Конечно, это цветы. Тебя не проведешь, умная девчонка.

Маграт зевнула.

Дворец был предоставлен в их полное распоряжение, хотя у них не было ни малейшего желания им распоряжаться. Матушку поместили в соседнюю комнату.

— Давай-ка, поспи,— предложила нянюшка.— А я пойду сменю госпожу Гоголь.

— Э-э, нянюшка... — нерешительно окликнула Маграт.

— Гм-м?

— Все... Все, что она... что она твердила во время нашего путешествия сюда... Она была такой холодной, такой бездушной. Правда ведь? Не

исполняй людских желаний, не помогай людям волшебством и так далее — а потом р-р-раз! И сама все это проделала! Как же ее понимать?

— Послушай,— ответила нянюшка,— есть общие законы, а есть частные случаи. Теперь понятно?

— Нет... — Маграт прилегла на кровать.

— Это значит, что, когда Эсме использует такие слова, как «все» и «никто», на саму себя она их не распространяет.

— Но как же... Если вдуматься... Ведь это ужасно!

— Просто она ведьма, вот и все. Сплошные крайности во всем. А теперь... вздремни немножко.

Маграт слишком устала, чтобы возражать. Она вытянулась на кровати, и вскоре уже послышалось ее негромкое похрапывание.

Некоторое время нянюшка Ягг сидела, уставившись в стену и посасывая трубку.

Потом она встала и решительно вышла.

Устроившаяся на стуле у постели госпожа Гоголь подняла голову.

— Пойди и тоже поспи,— предложила нянюшка.— А я пока посижу здесь.

— С ней что-то не так,— ответила госпожа Гоголь.— С ее руками все в порядке. Она просто отказывается приходить в себя.

— Голова у Эсме всегда была слабым местом,— сказала нянюшка.

— Я могла бы создать новых богов и заставить всех поверить в них. Как насчет этого?

Нянюшка отрицательно покачала головой.

— Вряд ли Эсме согласилась бы с таким способом. Она вообще к богам относится так себе.

Считает, что они только понапрасну занимают место.

— Тогда я могу сварить гумбо. Чтобы отведать его, люди будут приходить отовсюду.

— Вот это, пожалуй, можно попробовать,— согласилась нянюшка.— Я всегда говорила, что тут любая мелочь может помочь. Прямо сейчас и займись. Ром только оставь.

После того как колдунья вуду ушла, нянюшка еще некоторое время курила трубку и задумчиво попивала ром, глядя на лежащую на кровати фигуру.

А потом она наклонилась к самому уху матушки Ветровоск и тихонько прошептала:

— Ты ведь не сдашься, правда?

Матушка Ветровоск оглядела многослойный серебристый мир.

— Где я?

— ВНУТРИ ЗЕРКАЛА.

— Я мертва?

— ОТВЕТ НА ЭТОТ ВОПРОС,— сказал Смерть,— НАХОДИТСЯ ГДЕ-ТО МЕЖДУ «НЕТ» И «ДА».

Эсме обернулась, и миллиард фигур обернулся вместе с ней.

— Когда же я смогу выбраться отсюда?

— КОГДА НАЙДЕШЬ ТУ, ЧТО РЕАЛЬНА.

— Это какой-то подвох?

— НЕТ.

Матушка посмотрела на себя.

— Вот эта,— сказала она.

А еще сказкам всегда хочется счастливых концов. И плевать им, для кого они счастливые, а для кого — нет.

«Дарагой Джейсон идт, ипт,

Кароче хватит про эту самую Арлею зато я все выснила нащет срецтва госпожи Гоголь для зомби и ищцо ана дала мне рицет, пенцет, вобщем рассказала как делать банананановый дакрири и падарила мне адну штуку пад назавани-ем банджо ты ни павериш но на праверку она аказалась доброй душой хатя глас спускать с нее нестоит. Мы вроде вернули Эсме хатя я ни уверена патамушта ана видет сибя странно и тихая на сибя ни пахожа я за ней слижу на слячай если Лили чиво-та смашеничала в зиркалах. Но кажицца ей лутше патамушта ана папрасила Маграт пасматреть палачку а потом падвигав и пакрутив калечки вдрук привратила гаршок в букет цветоф. Маграт сказала што ей никагад ни удавалось заставить палочку такое сатаварить а Эсме ей атветила што эта патамушта ана всевремя чевото жилала а нет штобы падумать как эта сделать. Вот я и гаварю харашо што у Эсме не было палочки смоладу, а то Лили в детстве по сравнению с ней была проста игненок. Пасылаю рисунок здешнива кладбища здесь людей харанят в ящиках над зимлей патамушта зимля очинь сырая и никому ни хоцицца сначала умирать а патом ищцо и захлибнуца. Гаварят путишества расширяют кругазор так вот я щитаю мой расширился дальши некуда, хоть из ушей вытягивай да завязывай пад падбародкам, всиво хорошива, МАМА».

На болоте госпожа Гоголь, колдунья вуду, накинула фрак на грубую крестовину, нахлобучила сверху цилиндр и куском бечевки привязала к перекладине трость.

Закончив, она отступила назад.

Послышался шорох крыльев. С неба камнем рухнул Легба, уселся на цилиндр и громко закукарекал. Обычно он кукарекал только с приходом ночи, поскольку был весьма необычной птицей, но на сей раз для разнообразия решил поприветствовать новый день.

А потом пошло поверье, что каждый год на Самеди Ньюи Мор, когда карнавал в самом разгаре, барабаны грохочут громче всего, а ром почти весь выпит, вдруг откуда ни возьмись появляется поистине демонический человек в длинном фраке и высоком цилиндре и возглавляет танцевальное шествие.

Впрочем, ничего особенного в этом нет. Должны же сказки с чего-то начинаться.

Послышался всплеск, и воды реки снова сомкнулись.

Маграт повернулась спиной и пошла прочь.

Палочка тихонько опустилась в толстый ил речного дна, и с тех пор ее касались лишь ноги случайного краба, у которого никогда не было никаких фей-крестных и которому вообще не позволено о чем-то там мечтать. Месяц за месяцем волшебная палочка погружалась все глубже и глубже в ил, пока в конце концов не канула в небытие — самая распространенная судьба всех вещей — как волшебных, так и самых обычных.

Три помела взмыли над Орлеей вместе с клубящимися навстречу заре туманами.

Ведьмы оглянулись на окружающие город зеленые болота. Орлея дремала. После Сытого Вторника всегда наступало затишье, люди отсыпались после праздничных дней. Грибо, как всегда свернувшийся в своем гнездышке среди прутьев метлы, тоже спал. Расставание с тетушкой Прияткой стало для него настоящей трагедией.

— Ну вот, и кончилась наша долька виты, — философски заметила нянюшка.

— Мы так и не попрощались с госпожой Гоголь, — вспомнила Маграт.

— Думаю, она знала, что мы собираемся улетать, — ответила нянюшка. — Эта госпожа Гоголь очень проникательная женщина.

— Надеюсь, ей можно доверять? Она сдержит слово? — спросила Маграт.

— Да, — кивнула матушка Ветровоск.

— По-своему она очень честная женщина, — вставила нянюшка Ягг.

— Этого у нее не отнимешь, — согласилась матушка. — Да и потом, я предупредила ее, что, возможно, еще вернусь.

Маграт бросила взгляд на матушкино помело. Среди притороченного к нему багажа была большая круглая картонка.

— Ты так и не примерила шляпу, которую она тебе подарила, — заметила Маграт.

— Я посмотрела ее, — ледяным тоном ответствовала матушка. — Она мне не подходит.

— Вряд ли госпожа Гоголь стала бы дарить кому-нибудь шляпу, которая не подходит, — удивилась нянюшка. — Давай посмотрим еще раз, а?

Матушка презрительно фыркнула и, развязав картонку, сняла крышку. Когда она вытащила шляпу, из картонки во все стороны полетели комки упаковочной бумаги и тут же унеслись вниз, навстречу туманам.

Маграт и нянюшка Ягг уставились на подарок госпожи Гоголь.

Обе они, конечно, знали, что головные уборы иногда украшают фруктами — у нянюшки Ягг у самой имелась черная соломенная шляпа с восковыми вишенками, которую она берегла для самых жарких семейных баталий. Но эта шляпа была украшена не просто какими-то там вишенками. Пожалуй, единственным отсутствующим на ней фруктом была дыня.

— Да, она определенно чересчур... *заграничная*,— подвела итог Маграт.

— Давай, давай,— подбодрила нянюшка.— Примерь.

Матушка с явным смущением надела шляпу. Рост ее разом увеличился чуть ли не на два фута — в основном за счет ананасов.

— М-да, ярко. И очень... стильно,— промолвила нянюшка.— Не каждый сумеет носить такую шляпу.

— А гранаты тебе очень к лицу,— заметила Маграт.

— И лимоны тоже,— добавила нянюшка Ягг.

— Что? Вы случаем не издеваетесь ли надо мной? — подозрительно осведомилась матушка Ветровоск.

— Хочешь посмотреть? — спросила Маграт.— У меня где-то было зеркальце...

Молчание обрушилось как топор. Маграт покраснела. Нянюшка Ягг сердито взглянула на юную ведьму.

Потом обе опасливо посмотрели на матушку.

— Ну-у-у...— после крайне длинной паузы наконец сказала она.— Думаю, посмотреться в зеркальце не помешало бы.

Маграт облегченно вздохнула, порылась в карманах, извлекла на свет маленькое ручное зеркальце в деревянной рамке и передала его матушке.

Матушка Ветровоск долго и внимательно разглядывала свое отражение. Тем временем нянюшка Ягг незаметно подрулила поближе.

— Гм-м,— спустя некоторое время выразилась матушка.

— Это виноградная гроздь над ухом все портит,— стараясь приободрить подругу, заметила нянюшка.— Знаешь, в жизни не видела более внушительной шляпы.

— Гм-м.

— А ты сама-то что думаешь? — спросила Маграт.

— Ну,— ворчливо отозвалась матушка,— может, для заграниц она в самый раз, да только в наших краях я со стыда сгорю, если меня в ней увидит кто-нибудь из знакомых. Во всяком случае, влиятельных знакомых.

— Доберемся до дому и съедим ее,— предложила нянюшка Ягг.

Они расслабились. У них было такое чувство, будто они только что перевалили через вершину какой-то горы, оставив позади полное опасностей ущелье.

Маграт бросила взгляд вниз — на бурую реку и подозрительного вида бревна на ее песчаных берегах.

— Вот только я так и не поняла,— сказала она,— какая она, госпожа Гоголь: хорошая или плохая? Ну, то есть со всеми этими ее мертвецами, аллигаторами и всем прочим...

Матушка взглянула на пробивающееся сквозь туманы, неторопливо восходящее солнце.

— Добро и зло — понятия относительные,— ответила она.— Никогда нельзя сказать точно, хороший человек или плохой. Возможно, это зависит от того, в какой ситуации он оказывается. А знаете,— добавила она,— по-моему, я вижу Край.

— Занятно,— вдруг промолвила нянюшка.— Говорят, в заграницах кое-где водятся слоны... Всю жизнь хотела посмотреть на слона. А еще в Клатче или где-то там есть такое место, где люди взбираются вверх по веревкам — и бесследно исчезают! Вот бы полюбоваться на такое чудо!

— А зачем они туда лазают? — спросила Маграт.

— Убей, не знаю. Наверное, по каким-то своим загадочным заграничным соображениям.

— В одной из книг Жалки,— вставила Маграт,— упоминается одна забавная штука насчет слонов. Она пишет, что на равнине Сто, если человек говорит, будто собирается посмотреть на слонов, это значит, что он просто отправляется путешествовать, поскольку ему до смерти надоело сидеть на одном месте.

— Усидеть на одном месте легко,— нравоучительно промолвила нянюшка.— Ты попробуй ум свой остановить.

— А мне бы хотелось побывать возле Пупа,— сказала Маграт.— Посмотреть на древние храмы, описанные в Главе Первой Учения Скорпиона.

— Думаешь, тебя там научат тому, чего ты еще не знаешь? Зря надеешься,— непривычно резко заметила нянюшка.

Маграт взглянула на матушку.

— Может, ты права,— смиренно ответила она.— Может, ничему меня там и не научат.

— Ладно,— перебила нянюшка.— Так как мы поступим, а, Эсме? Возвращаемся домой? Или отправимся смотреть слонов?

От порыва ветра помело матушки чуть развернулось.

— Мерзкая ты старая карга, Гита Ягт,— сообщила матушка.

— Что верно, то верно,— радостно согласилась нянюшка.

— А ты, Маграт Чесногк, просто...

— Знаю,— с неимоверным облегчением подхватила Маграт.— Я мокрая курица.

Матушка оглянулась на высокие горы, высящиеся ближе к Пупу. Где-то там затерялся ее старенький домик с висящим в отхожем месте ключиком. За это время, небось, чего только не случилось! Может, вообще в их отсутствие жители Ланкра, лишённые мудрого матушкиного руководства, довели королевство до полного разорения? Ведь наставлять людей на путь истинный — ее работа. И даже представить страшно, какие глупости они могут натворить без нее...

Нянюшка рассеянно стукнула друг о друга каблуками своих красных сапожек.

— Да, пожалуй. В гостях хорошо, а дома лучше,— признала она.

— А вот и нет,— по-прежнему задумчиво возразила матушка Ветровоск.— Это не совсем так. Мест, похожих на дом, бесчисленное множество. Но живем мы лишь в одном из них.

— Стало быть, мы возвращаемся? — спросила Маграт.

— Да.

Но они все-таки сделали небольшой крюк и посмотрели на слона.

ДАМЫ И ГОСПОДА

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Вобще-то, большинство романов о Плоском мире являются совершенно самостоятельными и законченными книгами. Читать их в определенном порядке лишь рекомендуется, но это вовсе не обязательно.

А вот данная книга отличается от прочих. Тут я не могу не обратить внимание на некоторые события, что произошли в прошлом. Впервые матушка Ветровоск появилась в «Творцах заклинаний». В «Вещих сестричках» она неофициально возглавила небольшой ведьмовской шабашик, состоящий из беззаботной, многократно замужней нянюшки Ягг и молодой Маграт, ведьмочки с вечно шмыгающим носом, растрепанными волосами и странно сентиментальным отношением к дождевым каплям, розам и котяткам.

Затем случился заговор, похожий на тот, что был описан в знаменитой пьесе о шотландском короле. После разоблачения заговорщиков правителем крошечного холмистого и заросшего ле-

сами Ланкра стал Веренс II — хотя, с формальной точки зрения, этого не должно было произойти, так как, если говорить честно, он не был законным наследником, но ведьмы решили, что шут — самая подходящая кандидатура на престол и, кроме того, хорошо то, что хорошо кончается. Также нельзя не упомянуть, что Маграт достигла с Веренсом неувверенного Взаимопонимания... но очень, очень неувверенного: обе стороны Взаимопонимания были настолько стеснительными, что мгновенно забывали, о чем собирались сказать друг другу, а если кому-либо все же удавалось сказать хоть что-то, другой тут же неправильно понимал услышанное и обижался, а потом уйма времени уходила на то, чтобы догадаться, кто что думает. Возможно, это и есть любовь, ну, или нечто крайне близкое к ней.

В «Ведьмах за границей» три ведьмы пересекли полконтинента, дабы сойтись в схватке с Феей-Крестной (которая сделала Судьбе некое предложение, от которого невозможно было отказаться).

Все это было в прошлом. А нынешняя история повествует о том, что произошло, когда ведьмы вернулись домой.

НУ А ТЕПЕРЬ — ЧИТАЙТЕ...

теперь читайте дальше.

Когда все началось?

Начал **было** несколько. О, некоторые события лишь кажутся первопричиной. Занавес поднимается, пешка делает первый ход, звучит первый выстрел* — но это еще не начало. Пьеса, игра, война — не более чем маленькое окошко в череде событий, уходящих на многие тысячелетия назад. Всегда есть вещи, происшедшие *до того как*. Вот почему присказка «читайте дальше» столь распространена.

Человечество очень много времени ухлопало на поиски первичного До Того Как, однако наши нынешние познания все равно оставляют желать лучшего. Единственное, в чем мы более-менее определились, можно выразить примерно следующим образом:

«В самом начале не было ничего, а потом это самое ничто вдруг взяло и рвануло».

* В эту самую первую пешку.

Согласно другим теориям о Начале Всего Сущего, боги создали вселенную из ребер, внутренних и гениталий своего папочки*. И подобных теорий существует великое множество. Космология, происхождение вселенной — это ладно, а вот людям как жить?.. Эй, ребята, а вы как думаете, какая часть тела *ваш* город?

Впрочем, нынешняя история началась на Плоском мире, который путешествует по пространству на спинах четырех гигантских слонов, стоящих на панцире огромной черепахи, — вряд ли можно создать что-либо подобное из обычного тела, пусть даже принадлежащего богу.

Э-э, но с чего же начать?

Может, с событий, происшедших тысячи лет назад? Именно тогда огромный поток раскаленных камней, жутко завывая, рухнул с неба, проломил дыру в Медной горе и повалил лес в радиусе десяти миль.

Вскоре после происшествия гномы выкопали те камни, потому что они состояли из железа, а гномы, вопреки сложившемуся мнению, любят железо гораздо сильнее золота. Просто о железе труднее слагать песни, хотя встречается оно гораздо чаще золота. В общем, гномы любят железо.

А камни именно этим и отличались. Они содержали любовь к железу. Любовь настолько сильную, что она притягивала к себе все железные предметы. Три гнома, которые первыми обнаружили камни, смогли оторваться от них, только сняв кольчужные штаны.

* Боги — известные шутники.

Ядро многих миров состоит из железа. И только Плоский мир лишен сердечника, как бублик.

На Диске, если вы наложите на иглу заклятие, она укажет на Пуп, потому что там самое сильное магическое поле. Все очень просто.

На других мирах, при создании которых использовалось много меньше воображения, игла поворачивается благодаря любви к железу.

Одним словом, и гномы, и люди, жившие на Плоском мире, испытывали большую потребность в этой «любви к железу».

А теперь перематываем время на несколько тысяч лет вперед — к тому моменту, который отстоит всего лет на пятьдесят, или чуть более, от постоянно изменяющегося сейчас, — и окажемся на склоне холма, по которому бежит девушка. О нет, она ни от кого не убегает и никуда конкретно не спешит. Она просто бежит впереди молодого человека — однако не настолько быстро, чтобы ему надоело гнаться за ней и он махнул бы рукой.

Вскоре девушка выбежала из-под деревьев и оказалась в заросшей тростником долинке, посреди которой, на небольшой возвышенности, стояли камни.

Высотой они были с человеческий рост, а в объёме — чуть толще среднестатистического толстяка.

В общем, невзрачные каменюки, ничего особенного. Если уж существует кольцо камней, к которому подходить не рекомендуется, то это непременно должны быть, как услужливо подсказывает воображение, нависающие над вами мрачные мегалиты и древние алтарные камни, вопящие о кро-

вавых жертвоприношениях. А тут — какие-то унылые приземистые глыбы.

Впоследствии суждено было выясниться, что на этот раз девушка таки бежала слишком быстро, а поэтому смеющийся молодой человек, который преследовал ее, заблудился, погрузился и вынужден был возвратиться в городок в гордом одиночестве. Но тогда девушка этого не знала, она просто стояла и с рассеянным видом поправляла цветочки, вплетенные в волосы по случаю праздника.

О камнях она, конечно же, слышала, хотя никто о них особо не распространялся. И приходить сюда никому не воспрещалось — потому что люди, воздерживающиеся от разговоров о подобных камнях, знают, насколько притягателен запретный плод. Просто местные жители обычно... не подходили к этим камням, вот и все. Особенно хорошенькие девушки.

Но эта девушка не была хорошенькой — в общепринятом смысле. Во-первых, она не была красивой. Конечно, если кто-нибудь пожелал бы сказать ей хоть что-нибудь приятное, то при соответствующем освещении и благоприятном расположении звезд линия ее подбородка и вздернутый носик могли бы быть названы красивыми. А во-вторых, ее глаза сияли неким определенным блеском, обычно свойственным человеку, который понял, что он значительно умнее окружающих, но еще не догадался, что самым разумным будет вести себя так, чтобы другие люди об этом не прознали. Ну а носик... носик лишь подчеркивал тот пронзительный взгляд, который, как правило, приводил собеседника в крайнее замешательство. Да, с таким лицом лучше не разговаривать. Стоит толь-

ко открыть рот, и вы удостаиваетесь внимательного, оценивающего взгляда, словно бы говорящего: «Очень надеюсь, что вы собираетесь сказать что-нибудь интересное».

Именно таким взглядом были вознаграждены невысокие камни на маленьком холме.

Гм-м...

А потом девушка осторожно приблизилась. Впрочем, она ничуть не походила на готовящегося убежать кролика. Скорее, так двигается охотник.

Скрестив руки на груди — грудь есть грудь, каких бы размеров она ни была, — девушка еще раз обозрела каменюки.

В раскаленном летнем небе летал жаворонок. Лишь его звонкая песня нарушала царящую тут тишину. Чуть дальше в долинке и выше, в холмах, трещали кузнечики, жужжали пчелы — в общем, трава была наполнена всяческими микрозвуками. Но рядом с камнями всегда было тихо.

— Я пришла, — объявила девушка. — Покажись мне.

Внутри круга вдруг возникла фигура темноволосой женщины в красном платье. Через круг легко можно было перекинуть камень, и тем не менее создавался странный эффект, будто призрак приближается с огромного расстояния.

Многие люди тут же предпочли бы спастись бегством, но девушка не убежала, чем немедленно заинтересовала женщину в круге.

— Значит, ты и вправду существуешь...

— Конечно. Как тебя зовут, девочка?

— Эсмеральда.

— И чего же ты хочешь?

— Ничего.

— Каждый человек чего-нибудь да хочет. Иначе зачем тебе приходить сюда?

— Просто захотелось узнать, взаправду ты существуешь или это все рассказы.

— Для тебя? О да, для тебя я существую... У тебя *хорошее* зрение.

Девушки кивнула. Ее гордостью можно было колоть орехи.

— А теперь, когда ты это выяснила, — продолжила женщина в круге, — скажи, чего же ты хочешь?

— Ничего.

— Правда? На прошлой неделе ты поднималась в горы, чтобы поговорить с троллями. Что тебе от них понадобилось?

Девушка наклонила голову.

— А откуда ты знаешь, что я туда ходила?

— Ты только об этом и думаешь, девочка. Такие мысли любой может разглядеть. Любой... у кого *хорошее* зрение.

— Когда-нибудь я тоже научусь этому, — хвастливо заявила девушка.

— Кто знает? Возможно. Так чего же ты хотела от троллей?

— Я... я хотела поговорить с ними. Знаешь, они ведь считают, что на самом деле время движется назад. И раз мы знаем свое прошлое, значит...

Женщина в круге рассмеялась.

— О, как они похожи на тупых гномов! Камни, камни, камни — только об этом и говорят. И что такого интересного в обычных камнях?

Девушка пожала одним плечом, словно бы отвечая, мол, и камни интересны, правда по-своему.

— А почему ты не выходишь из круга? — спросила она.

И у нее тут же возникло явственное ощущение, что как раз этот вопрос задавать не следовало. Однако женщина от ответа уклонилась.

— Я способна подарить тебе нечто большее, чем какие-то там камни, — сказала она.

— Ты просто не можешь оттуда выйти?

— Все, что захочешь, я дам тебе все.

— Я могу ходить где захочу, а вот ты вечно будешь сидеть в этом круге, — заявила девушка.

— Ты правда считаешь, будто можешь ходить где вздумается?

— Не сейчас, так потом. Когда стану ведьмой.

— Но ты никогда ею не станешь.

— Что?

— Говорят, ты никого не слушаешь. И совсем не умеешь сдерживаться. А еще говорят, что ты невоспитанна.

Девушка встряхнула волосами.

— О, тебе и это известно... Только сплетницы могут болтать что угодно, я все равно стану ведьмой. Во всем можно разобраться самой, а не слушать полоумных старух, которые и жизни-то не видели. И вот еще что, дамочка из круга, я стану самой лучшей ведьмой на Диске.

. — С моей помощью — возможно, — кивнула женщина и добавила мягко: — Кажется, тебя ищет некий молодой человек.

Девушка снова дернула плечом, словно говоря, что этот молодой человек может искать ее хоть весь день.

— Я ведь стану ведьмой, правда?

— О да! Ты можешь стать кем угодно. Кем захочешь. Войди в круг, я тебе кое-что покажу...

Девушка сделала несколько шагов и остановилась. Что-то не понравилось ей в голосе женщины. Улыбка вроде была дружелюбной и приятной, но в голосе звучало какое-то отчаяние, слишком настойчивым он был, слишком *голодным*.

— Но я многому и так научилась, сама...

— Зайди за камни, тебе говорю!

Однако девушка все медлила.

— А откуда мне знать, что ты не...

— Время заканчивается! Ты только подумай, какие возможности перед тобой раскроются! Давай же!

— Но...

— *Войди в круг!*

Все это было давным-давно*. И кроме того, та юная стервочка...

...Стала гораздо старше.

Страна льда...

Это вам не обычная зима, которая подразумевает наличие осени и, возможно, даже весны. Нет, это самая настоящая страна льда, а не какие-то там временные заморозки.

Три фигуры на лошадях смотрят вдоль заснеженного склона на кольцо из восьми камней. И вот что интересно: камни выглядят значительно крупнее.

Нужно некоторое время внимательно разглядывать фигуры, прежде чем вы поймете, что имен-

* А значит, все равно что неправда.

но кажется в них странным, ну, то есть более странным, чем облачения этих людей. Горячее дыхание лошадей замирало в холодном воздухе облачками пара, тогда как дыхания всадников видно не было.

— На сей раз, — сказала женщина в красном платье, — победа будет за нами. Страна встретит нас с радостью. Она, наверное, уже ненавидит этих людишек.

— Но ведьмы... — напомнил один из ее спутников. — Есть еще ведьмы. Я их хорошо помню.

— Ведьмы? — переспросила женщина. — Да, они были. Но сейчас... ах, бедняжки, *бедняжки*. У них и сил-то почти не осталось. Не то что раньше. Нынешние ведьмы, дорогой мой, они стали сговорчивыми. Уж я-то знаю, я за ними следила. Каждую ночь подходила к ним все ближе и ближе. Нынче толковую ведьму днем с огнем не сыщешь... В общем, я ими займусь.

— Я тоже помню ведьм, — встрял в разговор третий всадник. — Их разум... он как клинок.

— Все меняется. Говорю же, с ведьмами я разберусь.

Королева благосклонно улыбнулась кольцу из камней.

— А потом я отдам их вам, — пообещала она. — Что же касается меня лично, то я бы предпочла смертного мужа. Но это должен быть особый смертный. Союз миров. Чтобы показать всем, что на сей раз мы останемся и пребудем вовек.

— Королю это не понравится.

— А это когда-то имело значение?

— Нет, госпожа.

— Время, Ланкин. Кольца открываются. Скоро мы вернемся.

Второй всадник наклонился в седле.

— И я снова смогу охотиться? — с надеждой осведомилось существо. — Но когда? *Когда?*

— Скоро, — улыбнулась королева. — Очень скоро.

Ночь была темной. Да, небо затянули облака, а значит, луны и звезд не было видно, но эта тьма — она была особой. Темнота эта была настолько густой и осязаемой, что казалось, захвати пригоршню воздуха — и выжмешь из нее саму ночь.

Такая темнота заставляет овец перепрыгивать через ограду загонов, а собак трусливо забиваться в конуру.

Однако же ветер был теплым и скорее шумным, чем сильным. Он ревел среди деревьев леса и завывал в печных трубах.

В такие ночи нормальные люди предпочитают прятаться под одеяло с головой — некое шестое чувство подсказывает им: сегодня этим миром правит кто-то другой. Ну а утром... утром все вернется на круги своя. Будут валяться сломанные ветки, с крыши сорвет несколько черепиц, но мир снова будет принадлежать человеку. А пока лучше... спрятаться.

Однако кое-кто все ж не спал.

Джейсон Ягг, искусный, знаменитый на всю округу кузнец, несколько раз для вида качнул мехи горна и снова присел на наковальню. В кузнице всегда было тепло, даже когда над крышами деревенских домов завывал ветер.

Джейсон Ягг мог подковать кого угодно и что угодно. Однажды ради шутки ему принесли муравья, и он всю ночь просидел с увеличительным

стеклом, склонившись над наковальной из булавочной головки. Кстати, этот муравей все еще где-то здесь, иногда он слышал цокот крошечных подковак по каменному полу.

Но сегодня срок очередной проплаты. Конечно, единоличным владельцем кузницы был он. Уже много поколений эта кузница принадлежала семейству Ягтов, однако состояла она не только из кирпичей, раствора и железа. Он не мог точно сказать, из чего еще, но было в кузнице что-то этакое. Именно оно обычно определяет разницу между мастером своего дела и простым человеком, который придает кускам железа причудливые формы, чтобы заработать себе на жизнь. Это странное «нечто» связано с железом, оно способно превратить обычного кузнеца в мастера на все руки. И за это умение нужно платить.

Давным-давно отец отвел Джейсона в сторону и объяснил, как следует вести себя в подобных обстоятельствах.

«Порой выдаются такие ночи, — сказал отец, — а ты сам поймешь, что наступила “такая” ночь, — в общем, к тебе явится человек и попросит подковать его лошадь. Так вот, прими его радушно. Подкуй лошадь. И ни на что не обращай внимания. Думай только о подковах и ни о чем больше».

Годы шли, и постепенно Джейсон привык к «таким» ночам.

Ветер усилился, донесся треск падающего дерева.

Загремел засов кузницы.

Кто-то стукнул в дверь. Один раз. Два.

Джейсон Ягг взял лоскут материи и завязал глаза. Это очень важно, предупреждал отец. Помогает не отвлекаться.

А затем Джейсон отпер дверь.

— Добрый вечер, господин.

— КАКАЯ БУРЯ.

Он почувствовал запах мокрой лошадиной шкуры, услышал цоканье копыт по каменным плитам кузницы.

— На горне закипает чай, а наша Дрин испекла печенье, оно в жестянке с надписью «Падарок из Анк-Морпорка».

— СПАСИБО, СПАСИБО. ПОЛАГАЮ, ТЫ В ДОБРОМ ЗДРАВЬИ?

— В добром, господин. Я уже подготовил подковы. Постараюсь не задержать тебя. Наверное, много... э-э... дел.

Он услышал звук шагов. Посетитель приблизился к старому кухонному стулу, стоящему тут специально для клиентов — вернее, для владельцев клиентов.

Джейсон разложил инструменты, подковы и гвозди на верстаке рядом с наковальней. Затем вытер руки о фартук, взял напильник и принялся за работу. Холодную ковку он не очень любил, но лошадей Джейсон подковывал с десяти лет, а потому спокойно мог делать это на ощупь. Он отыскал рашпиль и продолжил работу.

Честно говоря, более покладистой лошади он в жизни не встречал. Жаль, еще ни разу не получилось взглянуть на нее, хоть одним глазком. Наверное, очень хорошая лошадь...

«И даже не пытайся подсматривать», — предупреждал отец.

До Джейсона донеслось бульканье чайника, затем побрякивание ложки в чашке и тихий стук, когда ложку отложили в сторону.

«Полная тишина,— рассказывал отец.— Ты услышишь, только как он ходит или говорит. Никаких тебе причмокиваний губами, никаких покряхтываний, ничего».

И дыхания тоже не было слышно.

«И вот еще что. Когда старые подковы снимешь, отложи их в сторонку, не бросай туда, где валяется прочий лом. А потом расплавь их. В отдельном тигле. Из этого железа ты выкуешь новые подковы. Но не вздумай подковать ими какую другую лошадь».

На самом деле один комплект таких подков Джейсон умудрился припрятать для себя — он сначала брал их с собой на всяческие соревнования, которые обычно проводятся на деревенских ярмарках. И с тех пор, как он стал носить с собой подковы, Джейсон ни разу не проиграл. Наоборот, стал побеждать так часто, что даже занервничал, а потому повесил эти странные подковы на гвоздик рядом с дверью, где они и висели по сей день.

Джейсон работал. Пару раз в окно пытался врываться ветер, в горне весело трещал уголь. Со стороны огорода донеслись череда глухих ударов и громкое кудахтанье — похоже, курятник отправился немного полетать.

Владелец клиента налил себе еще одну чашку чая.

Джейсон подковал очередное копыто и отпустил ногу лошади. Потом протянул руку. Лошадь переступила и подняла последнее копыто.

Таких лошадей — одна на миллион. Если не меньше.

Наконец все было закончено. Забавно. Времени прошло всего ничего. Часами Джейсон никогда не пользовался — зачем они ему? — но мог поклясться, что работа, длившаяся почти час, одно временно заняла не более нескольких минут.

— Все, — сказал он. — Готово.

— БЛАГОДАРИЮ. ДОЛЖЕН ОТМЕТИТЬ, ПЕЧЕНЬЕ БЫЛО ОЧЕНЬ ВКУСНЫМ. С КУСОЧКАМИ ШОКОЛАДА ВНУТРИ. КАК, ИНТЕРЕСНО, ЕГО ПЕКЛИ?

— Понятия не имею, господин, — ответил Джейсон, таращась в абсолютную черноту повязки.

— ПО ИДЕЕ, ШОКОЛАД ДОЛЖЕН РАСПЛАВИТЬСЯ... КАК ЖЕ ЕГО ПЕКЛИ?

— Наверное, это какой-нибудь профессиональный секрет, — откликнулся Джейсон. — Такие тайны кому попало не раскрывают, вот я и не лезу.

— ПРАВИЛЬНО. ОЧЕНЬ МУДРО. НУ ЧТО Ж, ДУМАЮ, МНЕ...

Но он должен был спросить — хотя бы для того, чтобы знать, что все-таки спросил.

— Э-э... Прошу прощения...

— ДА, ГОСПОДИН ЯГГ?

— У меня есть один вопрос...

— ДА, ГОСПОДИН ЯГГ?

Джейсон облизал губы.

— Что я увижу, если... сниму повязку?

Ну вот и все, он спросил.

Послышались шаги по каменным плитам, всколыхнулся воздух, и Джейсон понял, что его собеседник стоит прямо перед ним.

— ГОСПОДИН ЯГГ, ТЫ ВООБЩЕ ЧЕЛОВЕК ВЕРУЮЩИЙ?

Джейсон быстро обдумал вопрос. Ланкр был не слишком религиозным королевством, хотя здесь имелись свои Поклонники Девятого Дня и фанатики-оффлиане, а на дальних полянках были спрятаны алтари для поклонений тем или иным мелким богам. Однако сам Джейсон предпочитал гномье отношение к религии. Железо — это железо, а огонь — это огонь, попробуй задумайся о всякой метафизике, и тут же твой большой палец будет размазан по наковальне.

— ВО ЧТО ТЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВЕРИШЬ? ИМЕННО СЕЙЧАС?

«Он всего в нескольких дюймах,— подумал Джейсон.— Я могу протянуть руку и дотронуться...»

Он чувствовал запах, и не то чтобы неприятный. Скорее ни на что не похожий. Так пахнут старые, давно закрытые комнаты. Если бы века обладали запахом, самые древние пахли бы именно так.

— ГОСПОДИН ЯГГ?

Джейсон судорожно сглотнул.

— Э-э,— наконец вымолвил он,— ну, именно сейчас... я верю в эту повязку на глазах.

— МОЛОДЕЦ. МОЛОДЕЦ. НУ А ТЕПЕРЬ... МНЕ В САМОМ ДЕЛЕ ПОРА.

Джейсон услышал, как гроыхнул засов. Стукнула распахнутая порывом ветра дверь, потом по булыжникам зацокали подковы.

— ТВОЯ РАБОТА, КАК ВСЕГДА, ВЫШЕ ВСЯКИХ ПОХВАЛ.

— Благодарю, господин.

— И Я ГОВОРЮ ЭТО КАК МАСТЕР МАСТЕРУ.

— Спасибо, господин.

— МЫ ЕЩЕ ВСТРЕТИМСЯ.

— Да, господин.

Джейсон закрыл и запер дверь, хотя в этом, если задуматься, не было никакого смысла.

Такова была договоренность... Ты подковыываешь все, что к тебе приводят, а взамен тебе дается возможность подковыывать все, что ты хочешь. В Ланкре всегда был кузнец, и каждый знал, что кузнец из Ланкра чуть ли не самый умелый кузнец на Диске.

Такова была древняя договоренность, и она имела какое-то отношение к железу.

Ветер стих. Постепенно он превратился в шепот на горизонте. Солнце вставало.

Это была страна октариновых трав. Очень благоприятная для земледелия, особенно для выращивания всяческих зерновых культур.

И было поле волнуемой на ветру пшеницы, обнесенное забором. Не очень большое поле. И ничем не примечательное. Просто поле и растущая на нем пшеница — конечно, тут не берется в расчет зима, когда на поле оставались только голуби и вороны.

Ветер стих.

Но пшеница продолжала волноваться, и это были вовсе не те волны, которые обычно вызывает ветер. Они расходились от центра поля, будто круги по воде от брошенного камня.

Воздух зашипел и наполнился сердитым жужжанием.

Потом в центре поля с шорохом легла молодая пшеница.

По кругу.

А в небе роились и сердито жужжали пчелы.

До летнего солнцестояния оставалось несколько недель. Королевство Ланкр мирно дремало в жаре, окутавшей леса и поля.

В небе появились три точки.

Спустя некоторое время они превратились в трех женщин, каждая на помеле, летящих клином.

Присмотримся к ним повнимательнее.

Первая женщина, назовем ее вожаком, летела гордо выпрямившись, словно бы демонстрируя полное пренебрежение сложностями полета. И похоже, в битве с сопротивлением воздуха победа была за ней. Лицо этой женщины можно было бы счесть интересным или даже приятным, но красивым его мог бы назвать только тот, кто всю жизнь мечтал обладать трехфутовым носом.

Вторая дама была коренастой и кривоногой, а лицо ее походило на залежавшееся яблоко и было исполнено почти смертельной доброжелательности. Она играла на банджо и... м-м, пела, если это можно так назвать. В песне той рассказывалось про злोकлучения некоего ежика.

В отличие от первого помела, которое можно было бы счесть почти ненагруженным — один-два мешка не в счет, — транспортное средство второй дамы было увешано и уставлено самыми невообразимыми вещами: пушистыми сиреневыми игрушечными осликами, штопорами в виде писающих мальчиков, бутылками вина в декоративных соломенных корзинках и прочими изделиями

международной туристической культуры. А посреди всего этого устроился спать самый вонючий и злобный кот на Плоском мире.

Третья и, определенно, последняя наездница была самой молодой. В отличие от попутчиц, одетых словно вороны, на ней было платье яркой, веселенькой расцветки, которое ей абсолютно не шло, — по всей видимости, подобные платья ей вообще никогда не шли. Эта дамочка путешествовала с выражением легкой и доброжелательной надежды на лице. В волосы ее были вплетены цветы — уже начинающие увядать, впрочем как и их владелица.

Три ведьмы пересекли границу королевства Ланкр, а чуть позже пролетели над самой столицей. Снижение они начали над вересковыми пустошами прямо за городом, а посадку совершили рядом с вертикально стоящим камнем, который отмечал границы их территории.

Ведьмы вернулись.

И снова все было в порядке.

Это «все в порядке» длилось минут пять.

В уборной поселился барсук.

Матушка Ветровоск вынуждена была несколько раз ткнуть в него помелом — наконец до барсука дошло, и он неуклюже уковылял прочь. Затем матушка сняла ключ, висящий на гвоздике рядом со старым выпуском «Поиждидневного Ещегодника», и зашагала по дорожке к своему домику.

Ее не было целую зиму! Столько дел накопилось. Забрать коз у господина Тоццаги, очистить печную трубу от пауков, выловить лягушек из колодца и, наконец, приступить к своим обычным

обязанностям — когда рядом нет ведьмы, люди могут впутаться во все, что угодно, глаз да глаз нужен.

Но сейчас матушка могла позволить себе немножко отдохнуть, посидеть, задрать ноги.

В котелке свила гнездо малиновка. Птицы залетали в хижину через разбитое стекло. Матушка аккуратно вынесла котелок на улицу и повесила его над дверью, чтобы хорек какой не добрался, после чего вернулась в дом и вскипятила воду в кастрюле.

А потом завела часы. Обычно ведьмам часы ни к чему, но матушка держала их из-за тиканья, и только. Это тиканье придавало комнате жилой вид. Часы принадлежали еще ее матери, и та заводила их каждый день.

Смерть матери особым сюрпризом не стала: во-первых, потому, что Эсме Ветровоск была ведьмой, а ведьмы обладают даром предсказывать будущее; а во-вторых, всякая настоящая ведьма должна кое-что понимать в медицине. В общем, у нее была возможность подготовиться, и она совсем не плакала, разве что чуть-чуть, на следующий день, когда в самый разгар поминок часы вдруг остановились. Помнится, она тогда выронила поднос с ветчинными рулетиками и вынуждена была на некоторое время скрыться в уборной, где ее никто бы не увидел.

Время воспоминаний. Время погрузиться в прошлое...

Часы тикали. Вода кипела. Матушка Ветровоск выудила из своего скудного багажа пакетик с чаем и ополоснула заварной чайник.

Огонь погас. Влажность, присущая обычно комнатам, в которых несколько месяцев никто не жил, постепенно вытеснялась теплом. Тени удлинились.

Время подумать о прошлом. Ведьмы обладали даром предвидеть будущее. И вскоре матушке Ветровоск предстояло заняться делом, исход которого будет зависеть от того, как она себя поведет...

Матушка задумчиво уставилась в окно. И тут все случилось,

Нянюшка Ягг, балансируя на табурете и отчаянно пытаясь не свалиться, провела пальцем по верхней кромке шкафа. Внимательно изучила результат. Палец был безукоризненно чистым.

— Гм-м,— произнесла она задумчиво,— похоже, здесь сравнительно чисто.

Невестки облегченно задрожали.

— Похоже...— многозначительно повторила нянюшка.

Девушки в ужасе прижались друг к другу.

В целом нянюшка Ягг весьма доброжелательно относилась к окружающим ее людям, однако невестки к этому «целому» не относились. С зятьями дело обстояло иначе — она помнила их имена и даже дни рождения, и они вливались в семью подобно цыплятам-переросткам, прибежавшим искать защиты под крыльями заботливой наседки. Внуки... внуки и внучки — это святое, все без исключения. Но любая женщина, имевшая неосторожность выйти замуж за одного из сыновей нянюшки Ягг, должна была подготовиться к жизни, полной душевных мук и домашнего рабства.

Сама нянюшка Ягг работами по дому не занималась, зато сполна обеспечивала таковыми работами всех вокруг.

Она слезла с табурета и улыбнулась.

— А вы неплохо следили за домом, — признала она. — Молодцы.

Но улыбка тут же исчезла с ее лица.

— Правда, я еще не проверила под кроватью в той комнате, где никто не живет, — сказала она.

Инквизиторы изгнали бы нянюшку Ягг из своих рядов за излишнюю жестокость.

В гостиную вошли другие члены семьи, и нянюшка мигом крутанулась вокруг своей оси, расплываясь в восторженной улыбке, которой она всегда приветствовала внуков.

Джейсон Ягг подтолкнул своего младшего сына вперед. Это был Пьюси Ягг, было ему четыре года, и он что-то держал в ладошках.

— А что это у тебя там? — заворковала нянюшка. — Ну-ка, покажи своей нянюшке.

Пьюси поднял ручки.

— Подумать только, ты же...

Именно тогда это и произошло. Прямо у нее на глазах.

Теперь что касается Маграт.

Ее не было дома восемь месяцев.

И сейчас она потихоньку впадала в панику. Формально Маграт была помолвлена с королем Веренсом II. Ну... не совсем помолвлена, если выражаться *точно*. Однако бытовало общее невысказанное мнение, что до помолвки этой совсем недалеко. Конечно, Маграт не уставала повторять, что свободна духом и не хочет быть связанной

чем-либо, и, разумеется, на самом деле так оно и было, ну, более или менее, но... но...

Но... прошло восемь месяцев. За восемь месяцев могло случиться что угодно. Она могла прямо из Орлеи направиться домой, однако две ее подруги так увлеклись путешествием...

Маграт стерла пыль с зеркала и критически оглядела себя. Вполне пристойно. Все равно, что бы она ни делала с волосами, буквально через три минуты они спутывались, как оставленный в сарае поливочный шланг*. В загранице Маграт купила себе новое зеленое платье, выглядевшее таким привлекательным на манекене и висящее на ней самой будто на вешалке.

Все эти восемь месяцев Веренс правил здесь один. Конечно, Ланкр — королевство маленькое, тут даже чихнуть нельзя, чтобы не услышать в ответ «будь здоров», но Веренс — он же настоящий король, а вокруг настоящих королей вечно выются молоденькие девушки, ищущие возможности продвинуться в карьере на поприще королевы.

Маграт привела в порядок платье — насколько это было возможно — и мстительно провела гребнем по волосам.

После чего отправилась в замок.

Обязанности стражников Ланкрского замка, как правило, выполняли люди, которым в данный момент времени нечем было заняться. Сегодня дежурил Шон Ягг, младший сын нянюшки, фор-

* Который, как бы аккуратно его ни смотали, за ночь обязательно разматается и привяжет газонокосилку к велосипеду.

менная кольчуга не столько обтягивала его, сколько существовала вокруг. Когда мимо пробежала Маграт, Шон Ягт принял позу, по его мнению соответствующую стойке «смирно», потом бросил пикку и поспешил следом за ведьмочкой.

— Э-э, госпожа, не могла бы ты бежать чуть медленнее?

Наконец, он перегнал Маграт, взлетел по лестнице к двери, схватил висевшую на гвозде трубу и неумело протрубил. Но тут на его лице вновь проступила легкая паника.

— Э-э, госпожа, жди здесь, ну, прямо здесь... А потом сосчитай до пяти и постучи,— быстро проговорил он и нырнул в дверь, громко захлопнув ее за собой.

Маграт выждала некоторое время и протянула руку к дверному молотку.

Через несколько секунд Шон распахнул перед ней дверь. Лицо его покраснелось, а на голове теперь красовался напудренный парик, правда надетый задом наперед.

— Да-а-а-а? — важно протянул он, отчаянно пытаясь походить на дворецкого.

— У тебя шлем из-под парика торчит,— услужливо подсказала Маграт.

Из Шона словно выпустили воздух, глаза его судорожно завращались, пытаясь рассмотреть, что такое происходит у него на голове.

— Что, все на сенокосе? — понимающе поинтересовалась Маграт.

Шон снял парик, потом шлем, потом снова надел парик. А потом рассеяно напялил шлем поверх парика.

— Да, а дворецкий, господин Прижкинс, слег со своей обычной болезнью. Здесь только я, госпожа. А еще я должен распорядиться об ужине, перед тем как отправлюсь домой, потому что повариха, тетушка Пышка, тоже нездорова.

— Тогда не провожай меня,— сказала Маграт.— Дорогу я знаю.

— Нет, все должно делаться по правилам,— возразил Шон.— Только иди помедленнее, а я уж обо всем позабочусь.

Он побежал вперед и распахнул какие-то двойные двери...

— Го-о-оспо-о-ожа-а-а Магра-а-а-а-т Че-е-есно-о-огк!

...И поспешил к следующим дверям.

После третьей пары дверей он уже стал задыхаться, но все равно упорно мчался впереди.

— Го-о-оспо-о-ожа-а-а... Магра-а-а-а-а-т... Че-е-есно-о-огк... Его вели-и-че-е-е-ство ко-о... вот дьявол, куда же он подевался?

Тронный зал был пуст.

В конце концов им удалось отыскать короля Ланкра Веренса II. Его величество пребывал в конюшне.

Некоторые рождаются королями, другие такими становятся, хотя звание архигенералиссимуса, он же Отец Родной, звучит ничуть не хуже. Но к Веренсу королевский сан снизошел. Соответствующего воспитания он не получил и занял трон в результате обычной генеалогической неразберихи — генеалогия королевских династий вообще штука крайне запутанная.

На самом деле Веренс учился на шута, то есть должен был стать человеком, который всегда ду-

рачится, шутит и периодически получает в лицо тортом. Естественно, это выработало у него мрачное и серьезное отношение к жизни — и несгибаемую решимость никогда ни над чем не смеяться, особенно в присутствии тортов.

Став правителем Ланкра, он с головой ушел в самообразование. Никто никогда не объяснял ему, как быть королем, поэтому Веренс вынужден был доходить до всего самостоятельно. Перво-наперво он послал за книгами по предмету. Веренс искренне верил в полезность знаний, почерпнутых из книг.

В результате у него сложилось весьма необычное для правителя мнение, что основной задачей короля является построить такое королевство, где каждому жилось бы вольготно и привольно.

В данный момент Веренс II осматривал какое-то сложное устройство. Оно было оснащено парой оглобелей для лошади и весьма походило на телегу, набитую ветряными мельницами.

Он поднял взгляд и рассеянно улыбнулся.

— Привет,— сказал Веренс.— Значит, уже вернулись?

— Гм...— начала было Маграт.

— Патентованная овощерастилка,— пояснил Веренс и похлопал по машине.— Только что доставили из Аяк-Морпорка. Веяния будущего, понимаешь? Надо повышать эффективность земледелия и использования почвы. А система триполья? Нужно вводить ее в наше хозяйство.

Маграт была просто поражена.

— Но, по-моему, у нас всего три поля,— напомнила она.— К тому же на них не очень много почвы...

— Тут очень важно поддерживать баланс между зерновыми, бобовыми и корнеплодами, — чуть повысил голос Веренс. — Кроме того, я серьезно рассматриваю возможность разведения клевера. И меня очень интересует твое мнение по этому поводу.

— Гм...

— К тому же, я считаю, пора что-то делать со свиньями! — вскричал Веренс. — Мы выведем ланкрского хряка! Правда, будет очень трудно. Но мы действительно сможем увеличить привес! Осторожное межпородное скрещивание — вот секрет успеха. Скажем, с оседлой свиньей, которая так популярна на равнине Сто! Мне должны прислать оттуда пару кабанчиков. Шон, *прекрати* дуть в эту *проклятую* трубу!

Шон опустил трубу.

— Это фанфары, ваше величество.

— Да, конечно, но зачем постоянно трубить? Достаточно нескольких коротких нот. — Веренс принялся. — Что-то горит?

— О, дьявол... Морковка подгорает... — Шон умчался прочь.

— Так-то лучше, — заметил Веренс. — На чем мы остановились?

— Кажется, на свиньях, — ответила Маграт. — Но на самом деле я пришла...

— Тут все от почвы зависит, — глубокомысленно изрек Веренс. — Главное — нормальная почва, а остальное приложится. Да, кстати, я назначил свадьбу на Праздник Середины Лета. Подумал, тебе должно понравится.

Маграт от удивления раскрыла рот.

— Конечно, можно ее перенести, но не намного. Уборка урожая, сама понимаешь,— добавил Веренс.

— И приглашения уже разосланы. Самым заметным гостям,— добавил Веренс.

— Также я подумал, неплохо будет организовать какую-нибудь ярмарку или фестиваль,— добавил Веренс.

— А еще я послал письмо в Анк-Морпорк, в лавку Куччи, чтобы они прислали сюда своего лучшего портного с различными материалами и одну из служанок примерно твоих размеров. Уверяю, ты будешь довольна,— добавил Веренс.

— Сам господин Железобетонссон, ну, гномий король, специально по такому случаю спустился с гор, чтобы выковать корону,— добавил Веренс.

— А вот мой брат и труппа господина Витоллера не смогут приехать, потому что совершают турне по Клатчу, но ихний драматург Хьюл написал для нашего свадебного Представления специальную пьесу. Как он сказал, такое даже крестьяне сыграют,— добавил Веренс.

— Значит, решено? — спросил Веренс.

Голос Маграт, наконец, вернулся из своего далекого путешествия, правда по дороге он слегка охрип.

— А может, стоило спросить *моего* согласия?

— Что? Гм. На самом деле это вовсе не обязательно,— пояснил Веренс.— Да. Короли не спрашивают согласия. Я все проверил — в книжках. Я ведь король, понимаешь, а ты, только не обижайся, подданная. Так что твоего согласия я спрашивать не обязан.

Маграт открыла было рот, чтобы издать яростный вопль, но, слава богам, вовремя подросел ее разум, тоже где-то бродивший.

«Да,— подсказал он.— Ты можешь завопить и умчаться, а он, вероятно, побежит за тобой».

«Скорее всего побежит»,— чуть погодя поправился разум.

«Гм-м...» — откликнулась Маграт.

«А может, и не побежит. Да, он приятный мужчина, правда ростом чуть не вышел, да и глаза все время слезятся, но вместе с тем он еще и король, который по каждому вопросу консультируется с книжками. Хотя скорее всего побежит, вероятность большая».

«Но...»

«Что, хочешь провести остаток жизни, строя догадки? Он сделал тебе предложение. Ты ведь именно этого добивалась. И пришла сюда именно за этим. Верно?»

Веренс смотрел на Маграт с некоторой тревогой.

— Ты, наверное, беспокоишься о том, что ты ведьма? — наконец спросил он.— Нет-нет, ты вовсе не обязана отказываться от своего ремесла. Кроме того, к ведьмам я испытываю огромное уважение. Ты можешь быть и ведьмой и королевой одновременно, правда тогда тебе придется ходить в достаточно откровенных нарядах, держать кучу кошек и угощать всех отравленными яблоками. Где-то я читал о таком. Ты боишься, что это станет нам помехой?

— Да нет,— пробормотала Маграт.— Дело вовсе не в том... Э-э... Ты что-то говорил о короне?

— У тебя должна быть корона,— указал Веренс.— У всех королев есть короны. Так в книжках написано.

Тут снова встрял разум. «Королева Маграт...» — восхищенно произнес он. И ловко выставил перед ее мысленным взором небольшое зеркальце.

— Ты расстроилась? — спросил Веренс.

— Что? Нет, конечно нет...

— Хорошо. Значит, договорились. Кажется, мы ничего не забыли, а?

— Гм-м...

Веренс потер руки.

— Вот, например, с бобовыми мы просто творим чудеса! — неожиданно перескочил он на прежнюю тему, как будто ничего не произошло, как будто не он только что полностью изменил жизнь Маграт, не спросив ни разрешения, ни совета.— Бобы, горох... сама понимаешь. Натуральные удобрения. Глину и известь в нормальную плодородную почву. Вот оно, земледелие по науке. Иди сюда, ты только посмотри...

Он радостно запрыгал куда-то.

— Знаешь,— продолжал он через плечо,— а ведь мы действительно можем заставить это королевство крутиться.

Маграт поплелась следом.

Итак, все решено. Никаких тебе официальных предложений руки и сердца, просто констатация факта. Маграт сама точно не знала, каким именно будет этот момент, но почему-то ей всегда казалось, что в нем должны присутствовать розы, закат и певчие птички. Клевер — нет, клевер несколько не то. А бобы и прочие бобовые культуры явно не должны были играть главную роль.

С другой стороны, Маграт была более практичной женщиной, чем казалось тем, кто замечал лишь ее вечно рассеянную улыбку плюс коллекцию из трехсот или более оккультных украшений, ни одно из которых не работало.

Значит, вот как выходят замуж за короля. Все решено за тебя. Никаких белых лошадей. Прошлое переносится сразу в будущее и волочит тебя следом.

Но, может, так и должно быть? Короли — крайне занятые люди. Особым опытом заключения брака с королями Маграт похвастаться не могла.

— А куда мы идем? — спросила она.

— В старый розарий.

А... Это уже похоже на дело.

Вот только никаких роз там не оказалось. Обнесенный стеной садик был напрочь лишен уютных тропок и увитых зеленью беседок, зато он по пояс зарос зелеными стеблями с белыми цветочками, над которыми энергично трудились пчелы.

— Бобы? — изумилась Маграт.

— Вот именно! Пробный урожай. Я уже показал его местным крестьянам, — усмехнулся Веренс. — Они кивали, что-то мямлили, улыбались, но, боюсь, вернувшись домой, они так и будут делать все по старинке.

— Знаю, — согласилась Маграт. — Я столкнулась с такой же реакцией, когда попыталась объяснить людям, что такое естественные роды.

Веренс удивленно поднял бровь. Мысль о том, что Маграт учила рожать плодовитых женщин Ланкра, показалась ему несколько нереальной.

— Правда? А как они рожали прежде?

— О, всякими бабушкиными способами.

Они посмотрели на жужжащий бобовый огоро-
дник.

— Вот когда ты станешь королевой, тебе не
придется... — начал было Веренс.

Это произошло мягко, почти как поцелуй, лег-
ко, словно прикосновение солнечного луча.

Ветра не было, появилась только тяжелая тиши-
на, от которой затрещало в ушах.

Стебли сгибались и ломались, ложились на зем-
лю по кругу.

Пчелы яростно зажужжали и улетели.

Три ведьмы появились у стоящего камня одно-
временно.

В объяснениях необходимости не было. Неко-
торые вещи просто *знаешь*.

— В самом центре моих грядок, прямо посреди
моих Трав! — воскликнула матушка Ветровоск.

— В дворцовом саду! — воскликнула Маграт.

— Бедный малыш! Он так хотел показать мне
свою игрушку! — воскликнула нянюшка Ягг.

Матушка Ветровоск на мгновение задумалась.

— Гита Ягг, ты это о чем? — осторожно осве-
домилась она.

— Наш Пьюси выращивал для своей любимой
бабушки горчицу и кресс-салат на фланельке, —
терпеливо объяснила нянюшка Ягг. — Он пока-
зал их мне, я только наклонилась — и вдруг бац!
Там появился круг!

— Все это очень серьезно, — нахмурилась ма-
тушка Ветровоск. — Последняя подобная попытка
была предпринята много лет назад. И всем нам

известно, что означают эти круги. А стало быть, в первую очередь...

— Гм,— выразилась Маграт.

— ...Нужно...

— Прошу прощения,— снова вмешалась Маграт.

Некоторые вещи все же требовали объяснения.

— Да?

— Лично я понятия не имею, что эти круги означают,— сказала Маграт.— Ну, то есть старая тетушка Вемпер...

— Дапокоитсеедушасмиром,— хором произнесли старые ведьмы.

— ...Однажды сказала мне, что круги очень опасны, но так и не объяснила *почему*.

Старые ведьмы переглянулись.

— Она что, никогда не рассказывала тебе о Плясунах? — уточнила матушка Ветровоск.

— И ничего не говорила о Верзиле? — удивилась нянюшка Ягг.

— О каких-таких Плясунах? — не поняла Маграт.— Это те старые камни на болоте?

— *Сейчас* тебе достаточно знать только то,— сказала матушка Ветровоск,— что мы должны Их остановить.

— Кого Их?!

Матушка излучала святую невинность.

— Круги конечно,— пожала плечами она.

— Э-э, нет, не отвертитесь,— помотала головой Маграт.— Ты говорила вовсе не о кругах. Ты сказала «Их» так, словно имела в виду какую-то ужасную напасть. Не просто «их», а «Их» с большой буквы.

Старые ведьмы неловко переглянулись.

— И кто такой Верзила? — продолжала Маграт.

— О Верзиле говорить запрещено, — отрезала матушка.

— Но о Плясунах-то стоит ей рассказать. Беды особой не будет, — пробормотала нянюшка Ягг.

— Да, но ты... То есть она... Она ведь Маграт, — развела руками матушка.

— И что с того? — огрызнулась Маграт.

— Ну, я хотела сказать, ты можешь отнестись к Ним по-другому, — пояснила матушка.

— Плясуны охраняют нас от... — начала было нянюшка Ягг.

— Только не называй их!

— Да, правильно, извини.

— Кроме того, круг может и не попасть в Плясунов, — задумчиво промолвила матушка. — Это нельзя не учитывать, а стало быть, может, мы зря паникуем. Все случившееся могло быть простой случайностью.

— Но если он откроется внутри... — начала было нянюшка.

И тут Маграт не выдержала:

— Вы все это специально! Специально говорите так, чтобы я ничего не понимала! И не только сегодня, всегда! Но ничего, скоро я стану королевой, вот тогда посмотрим...

Обе пожилые ведьмы разом замолкли.

Нянюшка Ягг склонила голову набок.

— О? — ухмыльнулась она. — Значит, молодой Веренс сделал тебе предложение?

— Да!

— И когда же случится это счастливое событие? — ледяным тоном осведомилась матушка Ветровоск.

— Через две недели, — ответила Маграт. — В Праздник Середины Лета.

— Неудачный выбор, очень неудачный, — покачала головой нянюшка Ягг. — Самая короткая ночь в году...

— Гита Ягг!

— И вы станете моими подданными, — продолжала Маграт, не обращая внимания на их замечания. — Должны будете приседать передо мной в реверансах и все остальное!

Уже вымолвив эти слова, она поняла, какую глупость только что лягнула, но гнев не позволял ей остановиться.

Матушка Ветровоск прищурилась.

— Гм-м, — произнесла она. — Стало быть, в реверансах?

— Да, а если вы не будете этого делать, вас бросят в *темницу*.

— Подумать только, — откликнулась матушка. — Черт меня возьми. Темница — это очень плохо. Мне совсем не хотелось бы оказаться в темнице.

Все знали, что темницы замка, никогда не считавшиеся его особой достопримечательностью, сейчас совсем не использовались. Веренс II был самым благожелательным монархом в истории Ланкра. Подданные относились к нему с некоторым доброжелательным презрением, которого удостоивается всякий, незаметно и добросовестно трудящийся на благо общества. Кроме того, Веренс скорее отрезал бы себе ногу, чем посадил бы

в тюрьму ведьму — это позволило бы избежать многих бед и было бы менее болезненным.

— Стало быть, королева Маграт? — встряла нянюшка Ягг, пытаясь несколько разрядить атмосферу. — Неплохо, неплохо. Старый замок давно пора чуточку оживить.

— О, он оживится, в этом можешь не сомневаться, — сказала матушка Ветровоск.

— Впрочем, — фыркнула Маграт, — я не обязана заниматься всякими глупостями. Это *ваше* дело. Ну а у меня... у меня просто не будет времени.

— Вы можете поступать как вам заблагорассудится, ваше будущее королевское величество, — кивнула матушка Ветровоск.

— Ха! — воскликнула Маграт. — Конечно могу! А вы можете поискать для Ланкра другую ведьму! Понятно? Другую сентиментальную девчонку, которая станет выполнять за вас всю грязную работу и которой можно будет ничего не говорить. А я займусь чем-нибудь более приятным!

— Более приятным, чем быть ведьмой? — уточнила матушка.

Маграт не заметила тона матушки.

— Да!

— Вот дьявол, — пробормотала нянюшка.

— Хорошо, — промолвила матушка острым, как нож, голосом. — Что ж, полагаю, сейчас вы желаете удалиться. К себе во дворец.

— Да!

Маграт подняла свою помело.

Но матушка быстро вскинула руку, преграждая ей путь.

— О нет, — сказала она, — это не дело. Королевы путешествуют в золоченых каретах или в

чем-нибудь еще. Каждому свое. А помело предназначается для *ведьмы*.

— Перестаньте, вы обе, — начала было нянюшка Ягг, один из лучших в мире посредников. — Можно быть и королевой и ведь...

— А мне-то что? — рявкнула Маграт, бросая помело. — Меня такие вещи больше не интересуют.

Она повернулась, подобрала платье и побежала. Скоро был виден лишь ее силуэт на фоне заходящего солнца.

— Ты, гляжу, совсем из ума выжила, Эсме, — сказала нянюшка Ягг. — Нельзя ж так. И все из-за того, что она выходит замуж?

— Ты сама знаешь, как она поступит, если мы ей все расскажем, — возразила матушка Ветровоск. — Она не поймет. Эти существа. Круги. Она сказала бы, что они... *хорошие*. Лучше ей в этом не участвовать.

— Прошло много лет, с тех пор как они в последний раз просыпались, — покачала головой нянюшка. — Нам потребуется помощь. То есть... когда ты последний раз ходила к Плясунам?

— Ты же знаешь, как оно бывает, — вздохнула матушка. — Когда все тихо... о Них как-то забываешь.

— Надо посмотреть, что там да как. Может, стоит кое-что подчистить.

— Верно.

— Завтра с утра, пораньше, — сказала нянюшка Ягг.

— Да.

— И не забудь захватить серп.

В королевстве Ланкр существовало не много таких мест, где можно было бы спокойно поиграть в футбол — если вы хотели действительно поиграть, а не бегать за постоянно укатывающимся мячом. Большую часть страны составляли вересковые пустоши, лесистые холмы, переходившие в крутые зазубренные горы, на которые не рисковали забираться даже тролли, и глубокие долины-расщелины, угодив в которые, солнечный свет никогда не выбирался наружу.

Тропинка к вересковой пустоши, на которой стояли Плясуны, почти заросла, хотя находилось это место всего в нескольких милях от города. Иногда сюда забредали охотники, но только случайно. Не то чтобы охота тут была плохой, просто...

...Здесь стояли камни.

Круги из камней достаточно часто встречаются в горах. Друиды строили их в качестве предсказывающих погоду компьютеров, а всегда легче построить новый 33-мегалитный компьютер, чем сделать апгрейд старому и медленному кругу.

Но друиды никогда не приближались к Плясунам.

Камни эти не имели определенной формы. Они даже не были расположены в каком-то определенном порядке. И солнечные лучи не падали на рассвете определенного дня на определенный камень. Кто-то просто приволок в лес восемь глыб и воткнул их по окружности.

Однако погода здесь была другой. Поговаривали, что если начинался дождь, то внутри круга это происходило на несколько секунд позже, чем снаружи, как будто капли падали откуда-то изда-

лека. И то же самое случалось, когда на солнце вдруг набегала какая-нибудь тучка,— внутри круга солнечный свет исчезал на пару секунд позже.

Через несколько минут Вильяму Скрябу предстояло умереть. Сразу необходимо отметить, что ему не следовало охотиться на оленей не в сезон, тем более на такого прекрасного самца и уж тем более на красного овцепикского оленя, который официально был признан вымирающим. Впрочем, как уже говорилось выше, опасность полного и окончательного вымирания нависла скорее над Вильямом Скрябом.

Олень шел впереди и так громко шуршал папоротником, что со следа не сбился бы даже слепой.

Скряб крался за ним.

Туман все еще нависал над камнями, но его сплошной покров уже превратился в рваные полосы.

Олень приблизился к кругу и остановился. Нерешительно потоптался на месте, потом оглянулся и вдруг увидел Скряба.

Охотник вскинул арбалет.

Олень повернулся и прыгнул между камней.

После этого момента воспоминания становятся отрывочными. Первое...

...Касалось *расстояния*. Диаметр окружности составлял всего несколько ярдов, она просто не могла содержать такое большое *пространство*.

Следующее...

...Касалось *скорости*. Что-то выходило из круга, какая-то белая точка, становившаяся все больше и больше.

Арбалет был наведен на цель, но сильным ударом существо вырвало оружие из рук Скрыба, а потом появилось ощущение...

...Покою.

И краткое воспоминание о боли.

Вильям Скрыб умер.

Вильям Скрыб глядел сквозь пальцы на примятый папоротник. А примят он был потому, что в папоротнике валялось тело Вильяма Скрыба.

Свежеумершие глаза осмотрели окрестности.

У мертвых не бывает галлюцинаций. Смерть похожа на пробуждение после хорошей попойки: сначала — пара секунд невинной свободы и только потом вы начинаете вспоминать поступки прошлого вечера, казавшиеся тогда столь логичными и смешными. Затем вы припоминаете действительно *поразительную* выходку с абажуром и двумя воздушными шарами, над которой все хотали до боли в животе. После чего осознаете, что сегодня вам предстоит посмотреть людям в глаза, только сегодня вы трезвы, и они тоже трезвы, а главное — и вы и они *помните*.

— О,— изрек Скрыб.

Ландшафт словно обволакивал камни. Когда смотришь с другого плана существования, все кажется столь очевидным...

Очевидным. Никаких стен, только двери. Никаких кромок, только углы...

— ВИЛЬЯМ СКРЯБ?

— Да?

— ПРОШУ ПРОСЛЕДОВАТЬ СЮДА.

— Ты тоже охотник?

— СКОРЕЕ ВОР, СОБИРАТЕЛЬ ОСТАВЛЕННЫХ БЕЗ ВНИМАНИЯ МЕЛОЧЕЙ. ПРЕДПОЧИТАЮ, ЧТОБЫ ТАК МЕНЯ НАЗЫВАЛИ.

Смерть с надеждой улыбнулся. Скрыб нахмурил ныне бестелесные брови.

— Что? Типа булавок и пуговиц?

Смерть вздохнул. Метафоры редко когда доходят до людей. Порой ему даже казалось, что на самом деле всерьез его никто не воспринимает.

— Я ЗАБИРАЮ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ, — несколько раздраженно пояснил он.

— Куда?

— ВОТ ЭТО НАМ И ПРЕДСТОИТ ВЫЯСНИТЬ.

Вильям Скрыб уже исчезал в тумане.

— Эта тварь, которая мне так врезала...

— ДА?

— Я думал, они вымерли.

— НЕТ. ПРОСТО УШЛИ.

— Куда?

Смерть показал костлявым пальцем.

— ТУДА.

До свадьбы Маграт не собиралась переезжать во дворец — людская молва, сплетни и всякое такое. Конечно, во дворце много кто жил, свободных комнат там хватало с избытком, но она будет находиться *под одной крышей с...* Одного этого достаточно. А если не хватит, то люди додумают.

Так она считала раньше. Но сейчас кровь ее буквально кипела. А и пусть говорят. Известно, кто именно будет говорить. Все известно. *Ведьмы*. Ха. Пусть болтают что хотят.

Она поднялась рано утром и принялась собирать свои небогатые пожитки. Хижина ей не принадлежала, как, впрочем, и мебель. Ведьмы приходят и уходят, а хижины пребывают вечно, обычно под той же соломенной крышей.

Зато Маграт принадлежали: комплект волшебных ножей, мистические цветные шнурочки, различные чаши и тигли плюс шкатулка, полная колец, ожерелий и браслетов с алхимическими символами самых разных религий. Все это она сложила в мешок.

Кроме того, были книги. Среди ведьм тетушка Вемпер слыла книжным червем. Целая дюжина книг, представляете? Маграт немного посомневалась, а потом оставила их на полке.

И была еще обязательная черная шляпа. Шляпа никогда ей не нравилась, и Маграт предпочитала ее не носить. В мешок.

Обведя комнату безумным взором, Маграт заметила у камина маленький котелок. И его туда же. В мешок и затянуть шнурком.

По пути во дворец, пересекая по мосту Ланкрский провал, она бросила мешок в реку.

Несколько секунд он покачивался на поверхности, после чего пошел на дно.

Маграт втайне надеялась увидеть разноцветные пузырьки или хотя бы услышать шипение. Но мешок просто взял и утонул. Словно не представлял собой ничего особенного.

Другой мир, другой дворец...

Черный конь галопом пересек замерзший крепостной ров, от животного и от тела, лежавшего у него на шее, валили клубы пара.

Всадник-эльф взлетел на коне по ступеням прямо в тронный зал, где, погруженная в свои мысли, сидела королева...

— Господин Ланкин?

— Олень!

Олень был еще жив. Тут эльфы были искусники: попавшее к ним живое существо могло жить целые недели.

— С той стороны круга?

— Да, госпожа.

— Я же говорила, силы слабеют.

— Но когда? Когда же?!

— Скоро, очень скоро. А что прошло в ту сторону?

Эльф попытался отвести глаза.

— Ваш... любимец, госпожа.

— Вряд ли он уйдет далеко от круга.— Королева рассмеялась.— Но повеселится он хорошо, в этом я не сомневаюсь...

На рассвете прошел дождь.

Нет ничего более неприятного, чем пробираться через доходящий до плеч мокрый папоротник. Впрочем, есть. Существует бесчисленное множество вещей, сквозь которые еще более неприятно пробираться, особенно если вы погружены в них по шею. «Но здесь и сейчас,— подумала нянюшка Ягг,— на ум приходит только одна, ну две, не больше».

Само собой разумеется, приземляться внутри Плясунов они не собирались. Сами птицы облетают их стороной. Даже пауки, мигрирующие на осенних паутинках, предпочитают сделать крюк в полмили, лишь бы не пролетать над камнями. Облака разделялись и огибали круг стороной.

Над камнями висел туман. Липкий, мокрый туман.

Нянюшка рассеяно подрезала папоротник своим серпом.

— Эй, Эсме, ты куда запропастилась? — окликнула она.

Из зарослей папоротника в нескольких футах от нянюшки вынырнула голова матушки Ветровоск.

— Здесь что-то не так, — сказала она нарочито холодно и размеренно.

— Да?

— Папоротник и трава вокруг камней примяты. По-моему, здесь кто-то *танцевал*.

Нянюшка Ягг отнеслась к услышанному, как физик-ядерщик, которому сообщили, что кто-то, чтобы согреться, стучит двумя кусками урана докритической массы.

— О нет, — выдохнула она.

— О да. И вот еще что...

Трудно было представить, что могло случиться нечто худшее, но нянюшка Ягг все же спросила:

— Ну?

— Тут кого-то убили.

— О боги, — простонала нянюшка Ягг. — Надеюсь, не внутри круга?

— Нет. Что за глупые вопросы? Это случилось снаружи. Высокий мужчина. Одна нога короче другой. С бородой. Возможно, он был охотником.

— Но как? Как ты все это узнала?

— Я только что на него наступила.

Лучи солнца пробивались сквозь туман.

А в пятистах милях утренние лучи уже ласкали древние камни стен Незримого Университета — главного волшебного заведения на Плоском мире.

Правда, не все волшебники этот факт признавали.

Для большинства волшебников Незримого Университета первым приемом пищи являлся обед. Вообще говоря, волшебников нельзя назвать ярыми поборниками завтраков. Только аркканцлер и библиотекарь узнали бы рассвет в лицо, зато каждое утро весь Университет был целиком и полностью в их распоряжении.

Библиотекарь всегда вставал рано, поскольку был орангутаном, а орангутаны всегда встают рано; правда, он не оглашал окрестности воплями, чтобы отпугнуть других самцов. Он просто открывал библиотеку и кормил книги.

А Наверн Чудакулли, занимавший в то время пост аркканцлера, любил побродить по сонным зданиям, кивая слугам и оставляя записки подчиненным (цель у этих записок была только одна — сообщить, что аркканцлер уже бодрствовал и занимался делами, когда нерадивые младшие волшебники еще видели сладкие сны*).

* Такое случается постоянно и повсеместно по всей множественной вселенной, даже на холодных планетах, омываемых жидким метаном. Никто не знает почему, но в любой группе наемных работников раньше всех всегда встает начальник, который имеет дурную привычку оставлять на столах подчиненных уккоризненные записки (или покрытые гравировкой кристаллы гелия). На самом деле единственным местом, где такая ситуация возникает довольно редко, является планета по имени Зирикс, но только потому, что у Зирикса целых восемнадцать солнц и встать рано утром возможно лишь раз в 1789,6 лет. Но даже там, раз в каждые 1789,6 лет, словно подчиняясь некоему общему сигналу, главные работодатели вползают в контору, сжимая в щупальцах створки ракушек с уккоризненными посланиями.

Сегодня, однако, голову аркканцлера занимало нечто иное. Причем «занимало» в более или менее буквальном смысле этого слова.

Оно было круглым. А вокруг росли здоровые волосы. Аркканцлер готов был поклясться, что вчера ничего подобного там не было.

Он ветел головой то в одну, то в другую сторону и рассматривал в зеркале *другое* зеркало, которое держал над затылком.

Следующим служащим, просыпавшимся после Чудакулли и библиотекаря, был казначей, однако вовсе не потому, что казначей любил вставать рано, а потому, что к десяти часам весьма ограниченный запас терпения аркканцлера иссякал, Наверн Чудакулли вставал на нижней площадке лестницы и начинал орать:

— Казначей!!!

...Пока казначей не появлялся.

На самом деле вопль раздавался ровно в одно и то же время, поэтому вскоре казначей, прирожденный нервоядный*, научился подниматься и одеваться во сне в точности за несколько минут до рева аркканцлера. Сегодня он принял вертикальное положение, оделся и даже успел дойти до двери — и только потом открыл глаза.

Чудакулли никогда не тратил время на пустые разборки. Разборки должны быть насыщенными — либо никакими.

— Да, аркканцлер, — мрачно произнес казначей.

* То есть существующий исключительно за счет собственных нервов.

Аркканцлер снял шляпу.

— Ну, что скажешь? — резко осведомился он.

— Гм... Гм... О чем, аркканцлер?

— Об этом! Об этом вот!

Близкий к панике казначей в отчаянии уставился на макушку Чудакулли.

— О чем? А. О плеши?

— Нет у меня никакой плеши!

— Э-э, тогда...

— То есть еще вчера ее не было!

— А. Ну. Гм.— В определенные моменты что-то замыкало в голове казначея, и он уже не мог остановиться.— Конечно, такое иногда случается, вот мой дедушка, помню, спасался настоем из меда и конского навоза, втирал каждый день и...

— Я не лысею!

Нервный тик исказил лицо казначея. Слова принялись вылетать изо рта самостоятельно, без всякого участия мозга.

— А еще у него была такая штука со стеклянным стержнем, и, и... трешь ее шелковым платочком, она и...

— Это просто возмутительно! В моей семье никогда никто не лысел! Одна из теток, но она не в счет!

— И, и, и он собирал утреннюю росу и мыл в ней голову, и, и, и...

Чудакулли замолк. Он не был злым человеком.

— Ты сейчас что пьешь? — осведомился он.

— Су-су-су... — залепетал казначей.

— Все так же глотаешь эти свои пилюли из сушеных лягушек?

— Д-д-д-д-д.

— В левом кармане?

— Д-д-д-д-д.

— Так... Теперь глотай.

Несколько секунд они тупо смотрели друг на друга.

Потом казначей обмяк.

— М-м-мне уже гораздо лучше, аркканцлер, спасибо.

— Что-то явно происходит, казначей. Печенкой чувствую.

— Как скажешь, аркканцлер.

— Кстати, ты что, в тайное общество какое вступил?

— Я... Конечно *нет*, аркканцлер.

— Тогданими с головы подштанники. Тебе не идет.

— Знаешь его? — спросила матушка Ветровск.

Нянюшка Ягг знала в Ланкре всех, в том числе и то жалкое существо, которые сейчас валялось в папоротнике.

— Вильям Скряб из Ломтя, — мигом откликнулась она. — Один из троих братьев. Помнишь, он еще женился на девчонке Тюфяксов, на той, у которой зубы с проветриванием?

— Надеюсь, у бедняжки найдется приличное черное платье, — покачала головой матушка Ветровск.

— Похоже, его чем-то закололи, — констатировала нянюшка Ягг, осторожно, но решительно переворачивая тело.

К трупам она относилась спокойно. Ведьмы часто готовили тела к погребению, а также выступали в качестве повивальных бабок, поэтому для многих людей в Ланкре лицо нянюшки Ягг было первым и последним впечатлением — эти два события настолько впечатывались в память, что вся остальная жизнь между ними могла показаться скучной и серой.

— Насквозь, — охнула она. — Его ж насквозь проткнули. Вот это да! Кто ж сотворил такое?

Обе ведьмы разом повернулись и посмотрели на камни.

— Не знаю, *что* это было, но точно знаю, откуда оно явилось, — буркнула матушка Ветровоск.

Теперь нянюшка Ягг тоже заметила, что папоротник вокруг камней примят и весь почернел.

— Вот теперь я пойду до конца, — мрачно промолвила матушка.

— Ты, главное, не ходи...

— Я сама знаю, куда следует ходить, а куда не следует. Спасибо за совет.

Плясунами назывались восемь камней, и у трех из них были собственные имена. Матушка двинулась в обход круга, пока не подошла к каменюке по прозвищу Трубач.

Она вытащила одну из булавок, которыми была приколата к волосам остроконечная шляпа, поднесла ее к камню, после чего отпустила.

Потом вернулась к нянюшке.

— В камнях еще сохранилась сила, — констатировала матушка. — Ее немного, но есть.

— Кто мог настолько ополоуметь, чтобы прийти сюда и плясать вокруг камней? — изумилась

нянюшка Ягг и добавила чуть погодя, когда в голову пришла предательская мысль: — Маграт все время была с нами.

— Кто? Это нам и предстоит выяснить, — ответила матушка с мрачной улыбкой. — А теперь помоги-ка поднять этого беднягу.

Нянюшка Ягг наклонилась над телом.

— Тяжеленный какой. Жаль, Маграт с нами нет.

— А вот я об этом ничуть не жалею. Слишком уж она легкомысленная. Ей легко вскружить голову.

— Хотя очень приятная девушка.

— Но сентиментальная. Думает, что жизнь можно прожить как в сказке и что народные песни соответствуют истине. Но я все равно желаю ей счастья.

— Надеюсь, из нее получится хорошая королева.

— Мы научили ее всему, что она знает, — сказала матушка Ветровоск.

— Ага, — согласилась нянюшка Ягг, пятясь в заросли папоротника. — Слушай, как ты думаешь... может...

— Что?

— Как думаешь, может, стоит научить ее всему, что знаем мы?

— На это уйдет слишком много времени.

— Пожалуй, ты права.

Письма доходили до аркканцлера достаточно долго. Почту от ворот Университета забирал тот, кто проходил мимо, и складывал на полку. Или

использовал для того, чтобы прикурить трубку. Или в качестве книжной закладки. Или, как в случае с библиотекарем, в качестве матраца.

Это письмо попало к аркканцлеру всего через два дня и было практически невредимым, если не считать пары кругов от чашки и бананового отпечатка пальца. Его доставили к столу вместе с прочей почтой, когда преподавательский состав Университета завтракал. Декан вскрыл конверт ложкой.

— Кто-нибудь знает, где находится Ланкр? — вдруг спросил он.

— А зачем тебе? — спросил аркканцлер, резко подняв голову.

— Какой-то король женится и хочет, чтобы мы приехали.

— Мило, очень мило! — воскликнул профессор современного руносложения. — Какой-то мелко-травчатый король женится и хочет, чтобы приехали мы?!

— Это высоко в горах, — тихо произнес аркканцлер. — Насколько я помню, там неплохо ловится форель. Подумать только. Ланкр... О боги. Не вспоминал о нем уже сто лет. Знаете, там есть ледниковые озера, рыба в которых никогда не видела удочки. Ланкр. Да.

— Слишком далеко, — кивнул профессор современного руносложения.

Но Чудакулли ничего не слышал.

— А еще там есть олени. Тысячи оленей. И лоси. Волки везде бегают. И горные львы, ничего удивительного. Я слышал, там даже ледяные орлы встречаются.

Его глаза смотрели куда-то далеко-далеко.

— Их всего-то осталось с полдюжины.

Наверн Чудакулли очень много делал для редких видов животных. В частности, заботился о том, чтобы они оставались редкими.

— Самая что ни на есть глушь, — сообщил декан. — На самом краю карты.

— На каникулах я гостил там у своего дяди, — произнес Чудакулли, и глаза его затуманились слезами. — О, как я проводил там время... Великолепно. Там такое лето... Небо синее, как нигде больше... Там очень... И трава... И...

Он резко вернулся из просторов воспоминаний.

— Значит, нужно ехать, — резко выпрямился он. — Долг зовет. Глава государства сочетается браком. Очень важное событие. Волшебники должны на нем присутствовать. Хотя бы для вида. Положение обвязывает, как говорится.

— Лично я никуда не поеду, — решительно заявил декан. — Это же противоестественно, я имею в виду сельскую местность. Слишком много деревьев. Терпеть их не могу.

— А вот казначею не мешало бы проветриться, — сказал Чудакулли. — В последнее время он стал каким-то нервным, понятия не имею почему. — Он наклонился и уставился вдоль стола. — Казначе-е-ей!

Казначей уронил ложку в кашу.

— Вот видите, — развел руками Чудакулли. — Комок нервов. Я ГОВОРИЛ, ЧТО ТЕБЕ НЕ ПОМЕШАЕТ ПОБЫТЬ НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ, КАЗНАЧЕЙ. — Аркканцлер ткнул локтем декана. — Надеюсь, бедняга еще не сбрендил окончательно, — произнес он, как ему казалось, шепотом. — Слиш-

ком много времени проводит в помещении, ну, ты-то меня понимаешь.

Декан, который выходил на улицу в среднем один раз в месяц, только пожал плечами.

— ТЕБЕ, ДОЛЖНО БЫТЬ, ПОЙДЕТ НА ПОЛЬЗУ ВЫЕХАТЬ НА ПРИРОДУ, ПОДАЛЬШЕ ОТ УНИВЕРСИТЕТА, А? — прокричал аркканцлер, кивая и жутко гримасничая. — Тишина и покой? Здоровая сельская жизнь?

— Я, я, я... Буду очень рад, аркканцлер, — выдавил казначей. На его лице, подобно осеннему грибу, проступила надежда.

— Молодец, молодец, — похвалил аркканцлер с лучезарной улыбкой. — Поедешь со мной.

Лицо казначея свело от ужаса.

— Нужен еще кто-нибудь, — оглянулся по сторонам Чудакулли. — Добровольцы есть?

Волшебники — все как один городские жители — с крайне заинтересованным видом уставились в свои тарелки. Они всегда проявляли уважение к еде, но на сей раз никому не хотелось, чтобы взгляд Чудакулли упал именно на него.

— Может, библиотекарь? — предложил профессор современного руносложения, бросив жертву на растерзание волкам.

Раздался одобрителный гомон.

— Хороший выбор, — поддержал декан. — Это как раз для него. Сельская местность. Деревья. А еще... деревья.

— Горный воздух, — подсказал профессор современного руносложения.

— Да, последнее время наш библиотекарь как-то неважно выглядит, — быстро согласился магистр неписанных текстов.

— Полагаю, соскучился по дому, — покачал головой декан. — Там ведь везде деревья.

Все выжидающе посмотрели на аркканцлера.

— Он не носит одежду, — сказал Чудакулли. — И постоянно у-укает.

— Он носит старый зеленый халат, — возразил декан.

— Но только после ванны.

Чудакулли шумно почесал в бороде. На самом деле библиотекарь ему нравился — никогда с ним не спорил и всегда сохранял хорошую форму, пусть даже она была несколько грушевидной, но для орангутана такая форма считается нормальной.

Здесь следует отметить, никто из волшебников уже и не замечал, что в библиотеках у них ходит орангутан, если только какой-нибудь гость Университета специально не обращал внимание на сей факт. На что, как правило, отвечали примерно следующее: «О да. Какой-то магический несчастный случай, если не ошибаюсь. Почти уверен, что именно так все и случилось. Был человек, стал примат. Самое смешное... я и не припомню, как он выглядел до этого. Ну, то есть он же когда-то *был* человеком. Да, странно, хотя лично я всегда считал его приматом. Право, ему так лучше».

И действительно, то был несчастный случай, утечка магии — в библиотеке Университета хранится множество очень могущественных волшебных книг. В результате генотип библиотекаря был волшебным образом спущен по эволюционному древу, а потом поднят обратно, но уже по другой

ветви. Зато на этой ветви можно было качаться вверх ногами.

— Ну хорошо, хорошо, — сдался наконец аркканцлер. — Но на церемонию ему придется что-то надеть. Невесту хоть пожалейте.

Казначей жалобно захныкал.

Все волшебники разом повернулись к нему.

Ложка казначея с глухим стуком упала на пол. Она была деревянной. После случая, вошедшего в университетскую историю под названием Досадного Происшествия За Обедом, волшебники запретили казначею пользоваться металлическими столовыми приборами.

— А-а-а-а, — пробулькал казначей, пытаясь отодвинуться от стола.

— Пилюли из сушеных лягушек! — воскликнул аркканцлер. — Кто-нибудь, достаньте из его кармана пузырек!

Исполнять приказ аркканцлера никто не спешил. У волшебника в карманах может лежать что угодно: горошины, всякие невообразимые штуковины с лапками, маленькие экспериментальные вселенные — все, что угодно...

Магистр неписаных текстов вытянул шею, чтобы посмотреть, что стало причиной безумия его коллеги.

— Вы поглядите на его кашу! — воскликнул он.

На поверхности овсяной каши появилось углубление идеально круглой формы.

— Вот те на, еще один круг, — сказал декан.

Волшебники подуспокоились.

— В этом году их что-то слишком много расплодилось... — покачал головой аркканцлер и по-

правил шляпу, которая прижимала к затылку тряпочку, пропитанную мазью из меда и конского навоза.

Также в шляпу вместился маленький электростатический генератор с мышинным приводом, разработанный специально для аркканцлера молодыми умниками с факультета высокоэнергетической магии. Умные парни, когда-нибудь, возможно, ему удастся понять хотя бы половину из того, о чем они постоянно лопочут...

— К тому же разных размеров, — продолжил его мысль декан. — Вчера садовник жаловался мне, что капусту в этом году всю подавило.

— А я думал, они появляются только на полях или на чем-нибудь подобном, — удивился Чудакулли. — Всегда считал их нормальным природным явлением.

— В случаях повышенной флуктуации межконтинуумное давление способно превышать базовый коэффициент реальности, — изрек магистр неписанных текстов.

Разговоры прекратились. Все повернулись, чтобы посмотреть на этого наиболее жалкого и наименее старшего члена профессорского состава.

Взгляд аркканцлера стал сердитым.

— Лучше молчи. Даже не пытайся объяснять, — сказал он. — А то опять начнешь твердить, мол, вселенная наша и не вселенная вовсе, а резиновая простыня с грузами, ну и так далее...

— Э-э, не совсем, но...

— Ага, конечно, как же я забыл, есть ведь еще кванты.

— Ну...

— Знаем мы эти твои контининуумы.

Магистр неписанных текстов — молодой волшебник, которого звали Думминг Тупс, — глубоко вздохнул.

— Нет, аркканцлер, я только хотел подчеркнуть...

— Про червоточины мы тоже уже слышали.

Тупс сдался. Поскольку Чудакулли был начисто лишен воображения, метафоры действовали на него, как красная тряпка на бы... как что-то очень раздражительное на человека, легко раздражающегося.

Быть специалистом по неписанным текстам — тяжкий труд*.

— Думаю, тебе тоже стоит съездить с нами, — сказал Чудакулли.

— Мне, аркканцлер?

— Хватить бродить без дела и придумывать миллионы всяческих вселенных, которые якобы слишком малы, чтобы их увидеть. И мы по горло сыты твоим любимым контининуумом, — продол-

* Исследование невидимых писаний было новой дисциплиной, связанной с открытием двухмерной природы Библиотекопространства. Волшебная математика — крайне сложная наука, но в упрощенном виде может быть представлена утверждением, что все книги, где бы они ни находились, действуют на другие книги. Это очевидный факт. Книги стимулируют написание книг в будущем, используют цитаты из книг, написанных в прошлом. Общая Теория** Б-пространства предполагает, что в таком случае содержание книг, *еще не написанных*, может быть выведено из книг, уже существующих.

** Есть еще и Специальная Теория, но практически никто ей не занимается, поскольку невооруженным глазом видно, что это — бред сумасшедшего.

жал Чудакулли. — Кроме того, должен же кто-то носить мои удочки и арба... мои вещи.

Тупс устался в тарелку. Спорить было бесполезно. От жизни он хотел только одного: провести следующие сто лет в Университете, сытно и часто питаться, а между приемами пищи никаких лишних движений не совершать. Это был пухлый молодой человек с живым лицом — причем такое живет обычно где-нибудь под камнем. Все постоянно твердили Тупсу, что с его жизнью нужно что-то делать, а он и не возражал. Он твердо решил сделать из нее кровать.

— Но, аркканцлер, — не успокаивался профессор современного руносложения, — как ни крути, это все равно *очень* далеко.

— Чепуха, — махнул рукой Чудакулли. — Уже открыли скоростной тракт до самого Сто Гелита. Кареты каждую среду, регулярно. Казначе-е-е-ей! Дайте же ему этих пилюль, наконец. Господин Тупс, если ты вдруг, совершенно случайно, на пяток минут заглянешь в эту вселенную, будь так любезен, сходи и закажи билеты.

Маграт проснулась.

И поняла, что перестала быть ведьмой. Ощущение этого пришло к ней следом за обычным переучетом, который автоматически производится любым телом после пробуждения от сна: руки — 2 штуки, ноги — 2 штуки, экзистенциальный ужас — 58%, случайное чувство вины — 94%, уровень колдовства — 00,00%.

Все дело было в том, что другой она себя не помнила. Она всегда была ведьмой. Маграт Чес-

ногк, ведьма в третьем поколении. Нормальная, обычная ведьмочка.

Сразу было понятно, что хорошей ведьмы из нее не выйдет. Конечно, она умела колдовать, причем неплохо, искусно применяла травы, но Маграт никогда не была ведьмой *до костей мозга*. И ее бывшие подружки неустанно напоминали ей об этом.

Что ж, придется овладеть профессией королевы. По крайней мере, в Ланкре она будет единственной королевой. Никто не станет выглядывать из-за плеча и укорять: «Ты *неправильно* держишь скипетр!»

Да...

Ночью кто-то спер ее одежду.

Поднявшись, Маграт на цыпочках — плиты были очень уж холодными — поскакала к двери, но та вдруг распахнулась сама.

Темноволосую девушку, едва видимую за огромной стопкой белья, Маграт узнала сразу. Большинство жителей Ланкра знали друг друга.

— Милли Хлода?

Стопка белья сделала реверанс.

— Да, 'м?

Маграт взяла у нее часть белья.

— Это я, Маграт. Привет.

— Да, 'м.

Еще один книксен.

— Что с тобой, Милли?

— Да, 'м.

Очередное приседание.

— Я же сказала, это — я. Ты чего на меня так уставилась?

— Да, 'м.

Нервным приседаниям не было конца. Маграт вдруг почувствовала, что ее ноги тоже начинают дергаться в унисон, но с некоторой задержкой — она опускалась вниз, а Милли уже подпрыгивала вверх.

— Еще раз скажешь «да, 'м», и я поступлю с тобой очень жестоко, — наконец успела выдохнуть Маграт, пролетая мимо стремящейся вверх Милли.

— Д... Слушаюсь, ваше величество, м'м.

В голове Маграт забрезжило некоторое понимание.

— Я еще не королева, Милли. И ты знаешь меня уже двадцать лет, — задыхаясь, пробормотала Маграт на пути вверх.

— Да, 'м. Но ты *станешь* королевой. Поэтому моя мама сказала, что я должна проявлять уважение, — Милли по-прежнему нервно приседала.

— Ну, хорошо. Где моя одежда?

— Здесь, ваше королевское предвеличество.

— Это не моя. И прошу тебя, перестань дергаться, меня уже мутит.

— Король специально заказал это из Сто Гелита, м'м.

— Правда? Когда?

— Понятия не имею, м'м.

«Он *знал*, что я вернусь, — подумала Маграт. — Но откуда? Что здесь происходит?»

Кружев было больше, чем обычно позволяла себе Маграт, но они были лишь глазурью на торте. Как правило, Маграт носила простое платье, под которым почти ничего не было, кроме самой Маграт. Знатные дамы предпочитали иные одея-

ния. Милли захватила с собой схему, но это не особо помогло.

Некоторое время они изучали чертеж.

— Стало быть, это и есть стандартный наряд королевы?

— Не могу сказать, м'м. Наверное, его величество просто послал много денег и приказал доставить все.

Они разложили составные части туалета на полу.

— Пантуфля — это, по-моему, вот эта штука. Как думаешь?

Снаружи, на стене с бойницами, сменилась стража. Вернее, стражник надел фартук садовника и отправился пропалывать бобы. А внутри продолжался горячий портновский спор.

— Кажется, ты надела это не той стороной, м'м. Тут где-то должны быть фижмы...

— Здесь говорится: «Вставьте питлю А в проресь Б». Никак не могу найти «проресь Б». А это что, *седельные сумки*? Нет, такое я надевать не буду. Что это за материал?

— По-моему, парча.

— Больше похоже на *картон*. И я должна носить эту штуку *каждый день*?

— Э-э, не знаю, м'м.

— Но Веренс везде бегаёт в кожаных гетрах и старой куртке.

— Да, но ты — королева. Королевам такое не позволительно. Это короли могут бегать по дворцу с торчащей из штанов за...

Милли быстро прикрыла рот ладошкой.

— Все в порядке, — успокоила ее Маграт. — Уверена, у королей за... верхняя часть ног такая

же, как и у других людей. Говори, что хотела сказать.

Милли стала ярко-красной.

— Я имела в виду, в виду, в виду, что королева должна выглядеть как настоящая дама... — наконец выдавила она. — У короля есть даже специальные книги об этом. Эттикетки и всякое такое прочее.

Маграт критически осмотрела себя в зеркале.

— Тебе действительно идет, ваше скоро-будет-величество, — похвалила Милли.

Маграт повернулась перед зеркалом туда-сюда.

— На голове у меня бардак, — сделала вывод она.

— Да будет мне позволено сказать, м'м, король заказал парикмахера из самого Анк-Морпорка. Он должен приехать к свадьбе, м'м.

Марат попыталась пригладить прядь волос. Медленно, но верно она осознала, что стать королевой не так уж и просто. Это все равно что начать жить заново.

— Подумать только! А что теперь?

— Не знаю, м'м.

— А что делает король?

— Он рано позавтракал, а потом умчался в Ломоть учить старого Грязза, как разводить свиней по книге.

— А мне что делать? Ну, то есть какие у меня обязанности?

Вопрос этот явно поставил Милли в тупик, хотя, надо отметить, лицо ее при этом почти не изменилось.

— Не знаю, м'м. Править, наверное. Гулять по саду. Устраивать приемы при дворе. Ткать гобе-

лены. Очень популярное среди королев занятие. А потом... э... потом следует позаботиться о продолжении королевской династии...

— Пока что,— твердо сказала Маграт,— ограничимся гобеленами.

С библиотекарем у Чудакулли возникли некоторые трудности.

— Знаешь, так уж получилось, что я — твой аркканцлер!

— У-ук.

— Но тебе там понравится! Свежий воздух! Кучи деревьев! Качайся — не перекачайся!

— У-ук.

— А ну, спускайся немедленно!

— У-ук!

— Книгам ничто не грозит, каникулы же. О боги, да студентов и в лучшие времена сюда не загонишь...

— У-ук!

Чудакулли свирепо посмотрел на библиотекаря, свисающего со стеллажа с книгами по паразоологии от «Ба» до «Мн».

— Ну и ладно,— голос аркканцлера стал низким и вкрадчивым.— Хотя очень жаль. Я слышал, в Ланкрском замке собрана неплохая библиотека. Во всяком случае, они называют это библиотекой, эту кучу старых книг. У них и каталога никогда не было...

— У-ук?

— О, их там тысячи. Мне говорили, там даже эти, инкунабли попадают. Жаль, что ты не хочешь взглянуть на них.— Голосом Чудакулли можно было смазывать колеса.

— У-ук?

Выйдя за дверь библиотеки, Чудакулли остановился и начал считать. На счет «три» из дверей на костяшках пальцев вылетел заинтересовавшийся инкунаблями библиотекарь.

— Значит, все-таки четыре билета? — уточнил Чудакулли.

Матушка Ветровоск твердо решила выяснить, что происходит вокруг камней.

Люди недооценивают пчел.

Матушка Ветровоск — нет. У нее самой было с полдюжины ульев, и она знала, что такого создания, как отдельная пчела, не существует. Зато есть рой, составляющие ячейки которого весьма и весьма мобильны, гораздо мобильнее, чем ячейки, скажем, какого-нибудь тайного общества. Рой видит все, а чувствует и того больше, он способен хранить воспоминания годами, хотя его память, как правило, располагается снаружи, а не внутри, и сделана из воска. Соты — вот память улья; помещения для ячеек, пыльцы, маток, меда различного типа — все это части матрицы памяти.

А еще есть толстые трутни. Люди считают, что они без дела ошиваются в улье целый год, ожидая тех нескольких кратких минут, когда матка заметит наконец их существование. Но это не объясняет, почему органов чувств у трутней больше, чем на крыше главного здания ЦРУ.

Матушка держала пчел вовсе не затем, зачем их обычно разводят. Да, каждый год она забирала у них немного воска для свечей, иногда фунт-другой меда, которым ульи вполне могли поделиться,

но главным образом она держала пчел в качестве собеседников.

Впервые после возвращения домой она направилась к ульям.

И тупо уставилась на них.

Пчелы яростно вылетали наружу. Громкое жужжание нарушало обычное умиротворение, царящее за кустами малины. Коричневые тела пронзали воздух подобно горизонтальным градинам.

Интересно, что происходит?

Пчелы, одно из слабых мест матушки... Не было в Ланкре разума, который она не могла бы Заимствовать. Однажды она даже побывала в шкуре земляного червя*. И только рой, разум, состоящий из тысяч подвижных частей, был ей недоступен. Раз за разом она пробовала войти в рой и увидеть мир десятками тысяч пар сложных глаз, но каждая такая попытка заканчивалась жуткой мигренью и необъяснимым желанием заняться любовью с цветами.

Но много чёго можно узнать, просто наблюдая за пчелами. За их активностью, направлением движения, действиями пчел-охранников.

Пчелы вели себя так, словно были *крайне обеспокоены*.

Поэтому она пошла «немножко полежать», как называла это матушка Ветровоск.

Действия нянюшки Ягг были совсем другими и имели мало общего с ведьмовством, зато имели много общего с тем, что она была Ягг.

* Ничего интересного, вокруг земля и очень темно.

Некоторое время она сидела на безукоризненно чистой кухне, потягивала ром, попыхивала вонючей трубкой и рассматривала картинки на стенах.

Все они были созданы младшими внуками грязью различных тонов и воплощали бесформенные фигуры с бесформенными подписями «БАБА» из бесформенных грязных букв.

Перед нянюшкой на полу, задрав все четыре лапы, лежал обрадованный возвращением домой Грибо и играл свою знаменитую роль чего-то найденного в сточной канаве.

Наконец нянюшка Ягг поднялась и с задумчивым видом пошла в кузницу Джейсона Ягга.

Кузница всегда занимала важное место в жизни деревни и служила ратушей, площадкой для встреч и центром анализа слухов. Сейчас в кузнице болтались несколько местных жителей, которые пытались скоротать время между обычными для Ланкра занятиями браконьерством и наблюдением за тем, как работают женщины.

— Джейсон Ягг, мне нужно с тобой поговорить.

Кузница опустела словно по волшебству. Вероятно, основной причиной был голос нянюшки. Правда, она успела поймать за руку одного из беглецов, пытавшегося на карачках проскользнуть мимо нее.

— Очень рада, что застала тебя здесь, господин Кварней. Ты не убегай, не убегай. Как там твоя лавка?

Единственный на весь Ланкр лавочник смотрел на нянюшку, как трехногая мышь на пережрав-

шего анаболиков кота. Тем не менее он таки собрался с духом, чтобы выдавить:

— Все ужасно, просто ужасно. Дела идут хуже некуда, госпожа Ягг.

— То есть как обычно?

Лицо господина Кварнея стало умоляющим. Он понимал, что без потерь ему не выпутаться. Оставалось лишь слушать.

— Итак,— продолжила нянюшка,— вдову Скрыб из Ломтя знаешь?

Кварней удивленно раскрыл рот.

— Вдову? — пробормотал он.— Но она же...

— Пospорим на полдоллара? — предложила нянюшка.

Рот господина Кварнея так и остался открытым, зато лицо приобрело выражение восхищенного ужаса.

— Ты предоставишь ей кредит, пока она не поставит хозяйство на ноги,— сказала нянюшка в полной тишине.

Кварней тупо кивнул.

— Это касается и тех, кто подслушивает у двери,— повысила голос нянюшка.— Кусок мяса раз в неделю ей совсем не помешает. Кроме того, ей потребуется помощь, когда придет время убирать урожай. Отлично, так и знала, что могу на вас рассчитывать. Все, идите...

Они предпочли убежать, оставив нянюшку наслаждаться очередной победой.

Джейсон Ягг беспомощно посмотрел на свою любимую мамочку. Мужчина в центнер весом вдруг превратился в четырехлетнего мальчишку.

— Джейсон?

— Э-э, совсем забыл, надо тут кое-что сделать...

— Ну, малыш,— продолжила нянюшка, не обращая внимания на его слова,— что здесь происходило в наше отсутствие?

Джейсон рассеянно потыкал в огонь металлическим прутом и начал перечислять:

— В Ночь Всех Пустых пронесся смерч, одна из куриц матушки Пейзан трижды снесла одно и то же яйцо, корова Голокуров родила семиглавого змея, в Ломте прошел дождь из лягушек...

— Значит, все было нормально,— оборвала его нянюшка и небрежно, но многозначительно набила трубку.

— Ага, все тихо было,— согласился Джейсон.

Вытащив из горна прут, он положил его на наковальню и занес над головой молот.

— Рано или поздно я все равно все узнаю, сам понимаешь,— как бы между делом бросила нянюшка Ягг.

Джейсон не повернулся, но молот его замер в воздухе.

— От меня ничто не скроется, ты же знаешь,— продолжала нянюшка Ягг.

Железо постепенно остывало, цвет свежей соломы приобрел ярко-красный отлив.

— Ну, расскажи все своей старой мамочке, и сразу станет легче,— ласково предложила нянюшка Ягг.

Железо из ярко-красного стало шипяще-черным. Джейсон, привычный к жару кузницы, вдруг почему-то вспотел.

— Сейчас совсем остынет, нужно ковать,— заметила нянюшка Ягг.

— Мам, я здесь совсем ни при чем! Что мне было делать? Лечь им поперек дороги?

Нянюшка откинулась на спинку стула и довольно улыбнулась.

— Ты это о ком, сынок?

— Ну, эти, молодая Диаманда, а еще Пердита, — затараторил Джейсон, — и та рыжая из Дурного Зада, и другие. А я ведь говорил старухе Пейзан, я сказал, что ты этого так не оставишь. Им я тоже сказал. Сказал, что госпожа Ветровоск выпрыгнет из своих подшта... будет очень смеяться, когда узнает. Но они не слушали. Говорили, что сами могут научиться ведьмовству.

Нянюшка кивнула. На самом деле они были правы. Ведьмовству можно научиться самостоятельно. Но учитель и ученик должны быть людьми определенного склада.

— Диаманда? — переспросила она. — Что-то не припоминаю такой.

— На самом деле это Люси Чокли, — пояснил Джейсон — Только она сказала, что Диаманда более подходящее имя для... для ведьмы.

— А. Это та, в большей фетровой шляпе с обвисшими полями?

— Да, мама.

— Она еще ногти красит черным лаком?

— Да, мама.

— Но старый Чокли услад ее в какую-то там школу.

— Да, мама. Она вернулась, когда тебя не было.

— А.

Достав из горна уголек, нянюшка Ягг прикурила трубку. Шляпа с обвисшими полями, черные ногти плюс образование. О боги.

— И сколько всего этих барышень?

— С полдюжины. Но на самом деле девушки они хорошие.

— Да?

— И не собирались делать ничего плохого.

Нянюшка Ягг задумчиво уставилась на пламя в горне.

Молчание нянюшки могло быть поистине бездонным. А еще оно обладало направленностью. Джейсон отчетливо понимал, что данное молчание нацелено на него.

Он всегда попадался на этот трюк и пытался заполнить молчание.

— И эта, как ее, Диаманда хорошее образование получила, — забормотал Джейсон. — Знает много интересных слов.

Молчание.

— Кроме того, ты сама всегда жаловалась, мол, как не хватает молодых девушек, которые хотели бы научиться ведьмовству, — неловко закончил Джейсон.

Он снова вытащил прут из горна и несколько раз ударил молотом — так, для вида.

Поток молчания, струящегося в сторону Джейсона, стал еще сильнее.

— Каждое полнолуние они ходили танцевать в горы, — буркнул он.

Нянюшка Ягг вытащила изо рта трубку и внимательно осмотрела ее.

— Люди говорят, — промолвил Джейсон, чуть понизив голос, — они там совсем обнаженными танцуют.

— Какими-какими?

— Ну, ты знаешь, мам, голыми.

— А, вот в чем дело. А кто-нибудь видел, как они туда ходили?

— Нет. Кровельщик Плетс пару раз пытался проследить за ними, но им удавалось ускользнуть.

— Джейсон?

— Да, мам.

— Они танцевали вокруг камней.

Джейсон врезал молотом себе по пальцу.

В лесах и горах Ланкра обитает много богов. Один из них известен под именем Кышбо Гонимого, а еще иногда его называют Хернем Охотником, потому что он — бог охоты и погони. Один из богов.

Большинство богов существуют только благодаря вере и надежде. Охотники в звериных шкурах пляшут вокруг костров и тем самым создают богов погони — энергичных, неистовых и обладающих тактичностью приливной волны. Но это не единственные боги охоты. Добыча также обладает правом оккультного голоса, столь же неоспоримым, как право сердца биться, а собак лаять. Кышбо — бог гонимых и истребляемых, а также всех мелких существ, жизнь которых неотвратимо завершается коротким писком.

Ростом Кышбо примерно три фута, а еще у него кроличьи уши и очень маленькие рожки. Зато он умеет очень быстро бегать, и Кышбо использовал эту свою способность в полной мере, когда пронесся по лесам с воплями:

— Они идут! Они идут! *Они возвращаются!*

— Кто? — спросил Джейсон Ягг, опустив палец в корыто с водой.

Нянюшка Ягг вздохнула.

— *Они*, — сказала она. — Ну, ты знаешь. *Они*. Мы не совсем уверены, но...

— Кто *Они*?

Нянюшка несколько помедлила с ответом. Существуют вещи, которые нельзя говорить обычным людям. С другой стороны, Джейсон — кузнец, а значит, к обычным людям не относится. Кузнецы умеют хранить секреты. К тому же он член семьи. Молодость нянюшки Ягг была бурной, а считать нянюшка никогда не умела, но в том, что Джейсон Ягг — ее сын, она практически не сомневалась.

— Понимаешь... — наконец промолвила она, неопределенно махнув рукой. — Эти камни... Плясуны... Э-э, когда-то... давным-давно...

Она замолчала и предприняла еще одну попытку объяснить фрактальную природу реальности.

— Видишь ли... есть места, которые гораздо *тоньше* других, там раньше были двери, ну, не совсем двери, сама никогда до конца не понимала, не двери как таковые, скорее это места, где мир *тоньше*... Одним словом, все дело в том, что Плясуны — это своего рода ограда... и мы, когда я говорю «мы», то имею в виду, что тысячи лет назад... То есть они не совсем камни, скорее какое-то грозное железо... А еще есть вещи, подобные приливам, но это не морские приливы, это когда миры сближаются и ты можешь переступить... В общем, если люди болтались около тех камней, занимались там всякой ерундой... значит, нужно быть очень осторожными, иначе *Они* вернутся.

— Но кто Они?

— В этом-то и беда, — с несчастным видом произнесла нянюшка. — Если я тебе расскажу, скорее всего ты поймешь меня неправильно. Они живут по другую сторону Плясунов.

Джейсон, нахмурившись, уставился на нее. Но затем лицо его расплылось в улыбке понимания.

— А, знаю. Я как-то слышал, что иногда анкморпоркские волшебники прорывают дыры в ткани действительности, и оттуда начинают лезть ужасные Твари из Подземельных Измерений. Огромные твари с дюжиной глаз, а ног у них больше, чем у целого хоровода. — Он схватил свой верный молот № 5. — Не волнуйся, мам. Если они сюда полезут, мы им...

— Да нет, все совсем не так, — прервала его нянюшка. — Те Твари живут *снаружи*. А эти... Они — по ту сторону.

Джейсон окончательно запутался.

Нянюшка пожала плечами. Все равно рано или поздно придется рассказать...

— Дамы и Господа, — прошептала она.

— Кто-кто?

Нянюшка осторожно оглянулась по сторонам. В конце концов, она же в кузнице, и кузница стояла здесь задолго до того, как был построен замок, задолго до того, как возникло королевство. Повсюду висели подковы. Сами стены были пропитаны железом. Кузница — это не просто место, где хранится железо, здесь железо умирает и возрождается. Сложно представить более безопасное место.

И все равно ей так не хотелось произносить эти слова...

— Э-э, — сказала она. — Сказочный Народец. Сияющие. Звездные Люди. Уж ты-то должен их знать.

— Что?

Нянюшка на всякий случай положила руку на наковальню и наконец произнесла запретное слово.

Хмурое выражение исчезло с лица Джейсона со скоростью рассвета.

— Как? — удивился он. — Но они же милые и...

— Вот видишь! — хмыкнула нянюшка. — Я же говорила, что ты не поймешь.

— Сколько-сколько? — не поверил своим ушам Чудакулли.

Кучер пожал плечами.

— Соглашайся или отваливай, — сказал он.

— Прошу прощения, аркканцлер, — вмешался Думминг Тупс. — Но это единственная карета.

— Пятьдесят долларов! Грабеж среди бела дня!

— Вовсе нет, — терпеливо объяснил кучер авторитетным тоном опытного человека. — Грабеж среди бела дня — это когда кто-то выходит на дорогу, нацеливает на нас арбалет, а потом его друзья прыгают с деревьев и скал и отнимают у вас все деньги и пожитки. А еще есть грабеж среди темной ночи, который очень похож на грабеж среди бела дня, только они еще поджигают карету, чтобы лучше видеть, что брать. А есть еще грабеж среди серых сумерек, основная разновидность которого...

— Ты имеешь в виду, — перебил Чудакулли, — что ограбление входит в цену проезда?

— Гильдия Разбойников и Бандитов, — пояснил кучер. — Сорок долларов с носа. И обсуждению не подлежит. Ставка окончательная.

— А если мы не заплатим? — уточнил Чудакулли.

— Я же сказал, ставка окончательная. Окончится ваша жизнь.

Волшебники устроили быстрое совещание.

— Итак, у нас есть сто пятьдесят долларов,— сказал Чудакулли.— Больше из сейфа достать не удастся, потому что вчера казначей съел ключ.

— Э-э, аркканцлер, я могу высказаться? — встрял Думминг.

— Давай.

Думминг широко улыбнулся кучеру.

— Насколько я понимаю, на домашних животных билет не нужен? — спросил он.

— У-ук?

Помело нянюшки Ягг летело в нескольких футах над лесной тропкой. Скорость была такая, что на поворотах помело заносило и ведьма задевала башмаками листья. У хижины матушки Ветровоск нянюшка спрыгнула с помела, но выключить его не успела, и оно остановилось, только когда врезалось в уборную.

Дверь была открыта.

— Ау?

Нянюшка Ягг заглянула в буфетную, потом протопала по узкой лестнице на второй этаж.

Матушка Ветровоск лежала на своей кровати. Лицо ее было серым, а тело — холодным.

Люди и раньше находили ее в таком состоянии и всегда реагировали неоднозначно. Поэтому теперь матушка успокаивала посетителей — но искушала судьбу — при помощи небольшого клочка картона, который обычно сжимала в окочевших руках.

«Я НИ УМИРЛА», — гласила записка.

Окно было открыто и подперто обломком доски.

— А, — сказала нянюшка скорее себе, чем кому-либо еще, — вижу, тебя нет. Я... я просто поставлю чайник и подожду, когда ты вернешься, хорошо?

К Заимствованию нянюшка Ягг относилась неоднозначно. С одной стороны, это, конечно, здорово войти в разум животного или еще кого, но, с другой стороны... слишком многие ведьмы не возвращались. Вот уже несколько лет нянюшка подкармливала кусочками сала и корками бекона некую синичку, которая всеми повадками очень походила на матушку Посталюту, однажды ушедшую Заимствовать, да так и не вернувшуюся. Жуткая вещь... если ведьма вообще может считать что-то жутким.

Нянюшка вернулась в буфетную и опустила ведро в колодец, напомнив себе на сей раз выбросить тритонов, прежде чем поставить воду на огонь.

А потом она стала смотреть на сад.

Некоторое время спустя какое-то маленькое существо впорхнуло в верхнее окно.

Нянюшка разлила чай. Аккуратно взяла одну ложку сахара из сахарницы, высыпала остальной сахар в свою чашку, ложку сахара вернула в сахарницу, поставила обе чашки на поднос и поднялась по лестнице.

Матушка Ветровоск сидела на кровати.

Нянюшка огляделась.

На балке вниз головой висела летучая мышь.

Матушка Ветровоск растирала уши.

— Гита, будь добра, поставь под нее горшок, — попросила она нянюшку. — Они постоянно гадят на ковер.

Нянюшка отыскала наиболее интимный предмет спальни комнаты и ногой толкнула его по половику.

— Сделала тебе чашку чая, — сообщила она.

— То, что нужно, — кивнула матушка, — а то во рту какой-то жучиный привкус.

— Я думала, ночью ты предпочитаешь сов, — сказала нянюшка.

— После них потом все время пытаешься повернуть голову по кругу, — поморщилась матушка. — Летучие мыши, они, по крайней мере, смотрят в одну сторону. Сначала я пробовала Заимствовать кроликов, но сама знаешь, чем они думают. Вернее, о чем только и думают.

— О траве?

— Ага, о ней самой.

— Что-нибудь выяснила? — спросила нянюшка.

— Туда приходили. Каждое полнолуние! Судя по всему, это были девушки. Летучие мыши видят только силуэты.

— Неплохо, — осторожно похвалила ее нянюшка. — Кто-нибудь из местных?

— Скорее всего. Во всяком случае, они туда пришли, а не прилетели.

Нянюшка Ягг вздохнула.

— Это были Агнесса Нитт, дочь старого Трехпенсовика, и Люси Чокли. Да еще несколько девчонок.

Матушка Ветровоск уставилась на нее с широко раскрытым ртом.

— Извини,— пожала плечами нянюшка.— Я расспросила Джейсона.

Летучая мышь рыгнула. Матушка вежливо прикрыла рот ладонью.

— Я, наверное, выгляжу старой дурой? — спросила она некоторое время спустя.

— Нет, что ты,— успокоила ее нянюшка.— Заимствование — это ведь настоящее искусство. И ты прекрасно им овладела.

— Слишком гордой я стала. А ведь раньше я бы тоже людей расспросила, перед тем как носиться по лесам летучей мышью.

— Наш Джейсончик ничего бы тебе не сказал. Да и мне он открылся только потому, что иначе я превратила бы его жизнь в ад,— хмыкнула нянюшка.— На то они и матери.

— Теряю чутье, вот в чем дело. Старею я, Гита.

— Лично я всегда говорю следующее: ты настолько стара, насколько себя чувствуешь.

— Именно это я и имею в виду.

Нянюшка Ягг выглядела озабоченной.

— Была бы здесь Маграт,— пробормотала матушка,— я бы такой дурой перед ней выставилась...

— Маграт сейчас сидит в своем замке,— ответила нянюшка.— Учится быть королевой.

— По крайней мере, когда ты — королева, никто и не заметит, что ты что-то там делаешь неправильно,— возразила матушка.— О нет, все, что ты делаешь, *правильно*, потому что это *ты* так делаешь.

— Королевская власть... Смешная штука,— покачала головой нянюшка.— Берешь девушку с задницей, как у двух свиней, завернутых в одея-

ло, и головой, полной воздуха, выходит она замуж за короля, принца или еще кого-нибудь и вдруг становится ее королевским сиятельством-величеством-принцессой. Ох уж этот смешной старый мир.

— Запомни, лебезить перед ней я ни в жизнь не стану, — предупредила матушка.

— А ты никогда ни перед кем не лебезила, — терпеливо сказала нянюшка Ягг. — Никогда не кланялась старому королю. И Веренса едва достаиваешь кивком. Да уж, кто-то, а ты никогда ни перед кем не лебезила.

— Именно так! — воскликнула матушка. — Именно так и должны поступать ведьмы.

Нянюшка немного подуспокоилась. То, что матушка вдруг заговорила о старости, встревожило ее. Она больше привыкла к матушке в нормальном состоянии едва сдерживаемого гнева.

Матушка встала.

— Значит, дочь старого Чокли, говоришь?

— Именно.

— Ее мать звали Кибль, верно? Приятная женщина, насколько я помню.

— Да, но когда она умерла, старик отослал дочку в Сто Лат, в какую-то там школу.

— Не одобряю я эти школы, — нахмурилась матушка Ветровоск. — Они только мешают образованию. А все эти книги... Книги! Да что в них хорошего? Люди сейчас слишком много читают. Вот когда я была молодой, времени на чтение у нас не было, это я точно помню.

— Мы были слишком заняты другими развлечениями.

— Верно. Пошли, у нас мало времени.

— Что ты имеешь в виду?

— Дело тут не только в девушках. Там есть еще что-то. Чувствуется какой-то разум — он-то всем и управляет.

Матушка поежилась. Она слишком явственно ощущала это — так опытный охотник, крадущийся по лесам, мгновенно чувствует присутствие другого охотника — по тишине, когда должен быть шум, по примятым стеблям, по ярости пчел.

Нянюшка Ягг никогда не одобряла Заимствование, а Маграт наотрез отказывалась даже пробовать. У других же старых ведьм, живущих на противоположном склоне горы, было слишком много проблем с собственными головами, чтобы лезть еще и в другие. Таким образом, матушка одна прибегала к Заимствованию.

По королевству блуждал разум, а матушка Ветровоск не могла его понять.

Она Заимствовала. Однако здесь следовало проявлять крайнюю осторожность. Это ведь как наркотик, затягивает. Входить в разумы зверей и птиц — но не пчел, — нежно управлять ими, смотреть на мир их глазами... Матушка Ветровоск частенько наведывалась в чужие сознания. Для нее это было неотъемлемой частью ведьмовства. Возможность взглянуть на мир иными глазами...

...Глазами мошек увидеть медленное течение времени в быстротечном дне, их маленькие разумы перемещаются с быстротой молнии...

...Телом жука услышать мир, представляющий собой трехмерный узор колебаний...

...Носом собаки обонять запахи, которые вдруг приобретают цвета и оттенки...

Но за это приходилось платить. Конечно, никто никакой платы не требовал, но само отсутствие каких-либо требований налагает моральные обязательства. Ты стараешься не бить мух. Как можно осторожнее рыхлишь грядки. Подкармливаешь собак. Ты — платишь. Ты заботишься не потому, что это хорошо, а потому, что так правильно. После себя не оставляешь ничего, кроме смутных воспоминаний, а с собой забираешь только впечатления, не больше.

Но этот иной, блуждающий разум... Он будет входить в сознания, будто цепная пила, и брать, брать, брать. Она чувствовала его форму, хищническую, жестокую, злую. Этот ум будет использовать, будет причинять боль. Почему? Да потому, что это весело и интересно.

Только одно существо на свете обладает подобным разумом.

Эльф.

Высоко над землей трещали ветви деревьев.

Матушка и нянюшка шагали по лесу. По крайней мере, матушка Ветровоск шагала, а нянюшка Ягг пыталась от нее не отстать.

— Дамы и Господа пытаются найти выход, — говорила матушка. — И есть еще что-то. Это нечто уже пробилось сюда. Какая-то тварь с той стороны. Скряб загнал оленя в кольцо, там-то их и поджидало это существо. Кто-то входит, кто-то выходит, нормальный обмен...

— Какое существо?

— Сама знаешь, зрение у летучих мышей никуда не годится. Они видят лишь силуэты. Но старого Скряба что-то убило. И эта тварь все еще

бродит по округе. Она явилась оттуда, откуда потом придут Дамы и Господа.

Нянюшка посмотрела на тени. Ночью в лесу так много теней...

— Тебе не страшно? — поинтересовалась она.

Матушка хрустнула пальцами.

— Нет. А чего тут бояться? Пусть лучше эта тварь боится.

— Правильно о тебе говорят. Ты слишком гордая, Эсмеральда Ветровоск.

— И кто ж так говорит?

— Ты сама, только что.

— Наверное, чувствовала себя неважно.

«Я была несколько не в себе», — вероятно, сказал бы другой. Но матушка Ветровоск всегда была только в себе, здесь и сейчас.

Две ведьмы поспешили дальше, а над землей все так же бушевал ветер.

Из колючих зарослей им вслед смотрел единорог.

Диаманда Чокли действительно носила фетровую шляпу с обвисшими полями. Да еще и с вуалью.

Пердита Нитт (которая, до того как заняться ведьмовством, звалась просто Агнессой) тоже носила шляпу с вуалью — потому что такую же надевала Диаманда. Им обеим было по семнадцать лет. Разница между ними заключалась в том, что Диаманда была очень, очень тощей, и тут Пердита ей ужасно завидовала. Однако вскоре она нашла выход из положения: если не можешь быть тощей, следует, по крайней мере, выглядеть нездорово. Поэтому, скрывая жизнерадостно-розовый цвет

своего лица, она накладывала на себя такой слой белого грима, что, наверное, если бы она резко обернулась, ее лицо съехало бы на затылок.

Они уже прошли Возведение Конуса Силы, попробовали магию со свечами и провели несколько пробных сеансов с хрустальным шаром. Сейчас Диаманда показывала, как правильно работать с картами.

«Карты содержат очищенную мудрость Древних», — нравоучительно наставляла она. Пердита не раз задавалась предательским вопросом: кем же были эти самые Древние? Речь тут шла явно не о *стариках* — всех без исключения пожилых людей Диаманда считала дураками. Но чем эти Древние были мудрее, скажем, современных людей? Непонятно...

А ведь есть еще Женский Принцип, такая же непонятная штука. Не говоря уже о Внутреннем Я, которое Пердита никак не могла в себе выявить. Она уже начинала подозревать, что, видимо, его у нее просто-напросто нет.

Диаманда вызывающе красила глаза.

Диаманда ходила в туфлях на невероятно высоких каблуках.

И спала в самом настоящем гробу — по крайней мере, так утверждала Аманита Де Мон.

У Аманиты хотя бы была татуировка — череп и кинжал. Вот бы и Пердите сделать такую, пусть даже простыми чернилами, пусть даже каждый вечер придется ее смывать, чтобы мать не увидела...

Тоненький, отвратительный голосок Внутреннего Я Пердиты предположил, что Аманита — не самое удачное имя.

Как и Пердита, если уж на то пошло.

А еще он намекнул, что, быть может, Пердите не стоит заниматься вещами, в которых она ровным счетом ничего не понимает.

Основная беда заключалась в том — и она это отлично знала, — что вышесказанное относилось почти ко всему.

Но эти черные кружева, в которые неизменно облачалась Диаманда!..

Диаманда умела производить впечатление.

Пердита всегда знала о существовании ведьм — старухи, одевавшиеся, как вороны, за исключением, разве что, Маграт Чесногк, которая была откровенно ненормальной и всегда выглядела так, будто вот-вот расплчется. Однажды на вечеринку в честь Дня Всех Пустых Маграт притащила гитару и весь вечер нескладно распевала всякие народные песни, причем глаза ее были томно полуприкрыты — словно она и в самом деле искренне верила в то, о чем пела. Играла она отвратительно, но это и не важно, потому что петь она совсем не умела. Люди аплодировали — ну а что еще им оставалось?

Тогда как Диаманда читала книги. Она действительно много знала. Например, Диаманда умела черпать силу из камней. Правда-правда умела.

Сегодня она обучала подруг работе с картами.

Вечером снова поднялся ветер. Он хлопал ставнями и выбивал сажу из печной трубы. Тени зашуганно прятались по углам комнаты и...

— Сестра, ты меня слушаешь? — холодным голосом осведомилась Диаманда.

Чтобы подчеркнуть общность взглядов, начинающие ведьмы называли друг друга сестрами.

— Да, Диаманда, — кротко ответила Пердита.

— Повторяю специально для тех, кто мог случайно прослушать, — продолжала Диаманда, — вот это — Луна. — Она подняла карту. — Что же мы здесь видим? А, Мускара?

— Гм... Изображение луны? — полным надежды голосом ответила Мускара (в простонародье — Сьюзан).

— Это не просто *луна*, — фыркнула Диаманда. — *На самом деле* это неподражательная условность, не имеющая абсолютно никакого отношения к привычной системе координат.

— А...

Порыв ветра потряс хижину. Распахнулась, ударившись о стену, дверь, и на мгновение показалось облачное ночное небо, на котором в виде полумесяца висела неподражательная условность.

Диаманда махнула рукой. Последовала октаринная вспышка. Дверь с треском захлопнулась. Диаманда улыбнулась — своей обычной холодной, всезнающей улыбкой, которой так завидовала Пердита.

Ведьма положила карту обратно на черный бархат.

Пердита с унылым видом таращилась на стол. Все было очень красиво, карты выглядели маленькими картинками, созданными рукой опытного живописца, и имена у них были занятные... Но тоненький предательский голосок неустанно нашептывал: «Будущее? Откуда им-то про него знать? Картон, знаешь ли, никогда не отличался сообразительностью».

С другой стороны, шабаш — он ведь и в самом деле помогает... более или менее. На шабаше ты

силу свою поднимаешь... и все такое прочее. «О Боги, а что, если она спросит *меня?*»

Неожиданно Пердита почувствовала легкую тревогу. Что-то было не так. Секунду назад все было нормально, и вдруг — стало не так. Что-то произошло, правда она не поняла, что именно. Пердита подняла взгляд.

— Счастья этому дому, — изрекла матушка Ветровоск.

Примерно таким же тоном обычно говорят нечто вроде: «Попробуй-ка переварить мою пулю, Кинкейд» или «Ты вчера классно повеселился, следующую вечеринку будем проводить у тебя, я обязательно приду».

Диаманда удивленно открыла рот.

— Что вы тут, картишками балуетесь? — поинтересовалась нянюшка Ягг и через Диамандино плечо заглянула в карты. — М-да, с такой рукой ловить нечего. У тебя же двойной дуркер.

— Кто вы такие?

«Как внезапно они появились... — подумала Пердита. — Только что были одни тени, и вдруг, откуда ни возьмись, — они, такие же настоящие, как и все остальное».

— А зачем весь пол мелом исчеркан? — огляделась по сторонам нянюшка Ягг. — Ну вы намусорили. И надписи какие-то языческие. Нет, против язычников я ничего не имею. — Она, казалось, задумалась на мгновение. — Честно говоря, я и сама практически язычница, но на полу ведь не рисую. Чего это вы тут делали? — Она подтолкнула локтем Пердиту. — С мелом поосторожнее надо, он иногда так в доски вьестся — в жизнь не отмоешь.

— Гм, это магический круг,— пояснила Пердита.— Добрый вечер, госпожа Ягг. Гм. Это чтобы оградить себя от дурного влияния...

Матушка Ветровоск слегка наклонилась вперед.

— Скажи-ка, дорогуша,— обратилась она к Диаманде,— и, по-твоему, это работает?

Она еще больше наклонилась вперед.

Диаманда чуть отшатнулась.

А потом медленно выпрямилась.

В итоге они оказались нос к носу.

— Это кто такая? — процедила Диаманда уголком рта.

— Гм, это — матушка Ветровоск,— ответила Пердита.— Гм, она — ведьма.

— Какого уровня? — спросила Диаманда.

Нянюшка Ягг поискала взглядом, за что бы спрятаться. Бровь матушки Ветровоск задрожала.

— Уровня? — переспросила она.— Наверное, первого — какого же еще?

— Значит, только начала? — уточнила Диаманда.

— Дорогуша,— тихонько шепнула нянюшка Ягг Пердите,— если мы перевернем стол, то за ним можно будет спрятаться.

А про себя нянюшка подумала: «Эсме брошен вызов, и она на него обязательно ответит. Мы всегда отвечаем на вызов. Настоящая ведьма — это прежде всего уверенность в себе. Вот только молоде мы не становимся... Ведьмы — это все равно что фехтовальщики. А чтобы быть лучшей... Да, ты считаешь себя опытным воином, но вместе с тем знаешь, что где-то есть более молодые бойцы — они беспрестанно тренируются, оттачивают свое мастерство, и в один прекрасный день идешь ты

спокойненько по тропинке, и вдруг за твоей спиной голос: “Доставай свою жабу и защищайся!” Ну, или что-нибудь вроде.

Вот и Эсме это ждет. Рано или поздно она встретится с кем-нибудь более умелым, более быстрым...»

— О да, — ровным голосом откликнулась матушка. — Только-только. Каждый день только и делаю, что начинаю.

«Но сегодня ей ничто не грозит», — подумала нянюшка Ягг.

— Ты — глупая старуха, — хмыкнула Диаманда, — и тебе меня не испугать. Ха. Знаю я, как вы пугаете суеверных крестьян. Бормочете что-то, смотрите с прищуром. Но это все видимость. Игры ума. Простая психология. Настоящим ведьмовством тут и не пахнет.

— Я, пожалуй, пойду в буфетную, посмотрю, может, чайник поставлю... — сказала нянюшка Ягг в окружающее пространство.

— Но ты-то все знаешь о ведьмовстве, — предположила матушка Ветровоск.

— Да, я изучаю его, — честно ответила Диаманда.

Нянюшка Ягг вдруг осознала, что невольно стащила со своей головы шляпу и сейчас нервно жует ее поля.

— И, наверное, ты уже достаточно искусна? — продолжала матушка Ветровоск.

— Достаточно.

— Ну-ка, *покажи*.

«А она действительно хороша, — невольно подумала нянюшка Ягг. — Выдержала взгляд Эсме

больше минуты. Даже *змеи* через минуту обычно сдаются».

Если бы какую-нибудь неосторожную муху уго-раздило в этот момент пролететь между матушкой и Диамандой, она бы тут же вспыхнула и сгорела под пламенем взглядов.

— Я обучилась ведьмовству у нянюшки Грапс,— сказала матушка Ветровоск,— которая училась у тетушки Ежки, которой передала свое мастерство бабка Плюм, научившаяся всему у самой Черной Алиссии, которая...

— Стало быть,— перебила ее Диаманда, заряжая слова в предложения словно патроны в обойму,— за все это время никто из вас ничему *новому* так и не научился? Я правильно поняла?

Наступившую тишину нарушила нянюшка Ягг:

— Вот проклятье, прокусила поля. Насквозь.

— Так-так-так...— промолвила матушка Ветровоск.

— Ты только посмотри,— торопливо забормотала нянюшка Ягг, толкая локтем дрожащую Пердиту,— вместе с подкладкой. Эта шляпа стоила мне два доллара плюс исцеление свиньи в придачу. Два доллара и исцеление свиньи на дороге не валяются.

— Можешь идти, старуха,— сказала Диаманда.— Тебя здесь никто не держит.

— Но мы ведь обязательно встретимся? — спросила матушка Ветровоск.

Молодая и пожилая ведьмы оценивающе осмотрели друг друга.

— В полночь? — предложила Диаманда.

— В полночь? А что такого особенного в полночи? В полночь каждая дура — ведьма,— фырк-

нула матушка Ветровоск.— А вот как насчет полудня?

— Конечно. За что будем сражаться? — осведомилась Диаманда.

— Сражаться? Кто-то собрался сражаться? Нет, мы просто покажем друг другу, на что способны. По-дружески,— улыбнулась матушка Ветровоск.

Она встала.

— Ну, мне пора. Мы, старухи, обычно спим по ночам, сама знаешь, наверное.

— А что получит победитель? — не отступала Диаманда, однако в ее голосе появилась легкая неуверенность. Едва заметная, ноль целых неизвестно сколько тысячных балла по шкале сомнений Рихтера. Примерно такие же колебания производит пластмассовая чашка, упавшая на ковер в пяти милях от вас. Но тем не менее это была неуверенность.

— О, победитель получит победу,— пожала плечами матушка Ветровоск.— Как и должно быть. Не беспокойся, не провожай, ты ведь нас и не приглашала.

Дверь захлопнулась.

— Психический кинез. Примитивный трюк,— растолковала Диаманда.

— Ну да. Он самый,— откликнулась матушка Ветровоск, исчезая в ночи.— Этим-то все и объясняется. Все счастливы.

До изобретения параллельных вселенных дорожные указатели были крайне простыми: Вверх-Вниз, Направо-Налево, Вперед-Назад, Прошлое-Будущее...

Но в множественной вселенной подобные знаки не работают — там слишком много измерений, нужную дорогу так просто не отыщешь. Поэтому, чтобы дорогу все-таки можно было отыскать, пришлось придумать новые указатели.

Например, На Восток От Солнца, На Запад От Луны.

Или же — Не Знаю Куда.

А еще — Край Ойкумены.

Туда И Обратно — тоже все понятно объясняет.

Иногда дорогу можно срезать. Через дверь или какие-нибудь врата. Через стоящие вертикально камни, через расщепленное молнией дерево, платяной шкаф.

Или, скажем, через некую вересковую пустошь...

Главное — найти место, где «там» почти становится «здесь».

Почти, но не совсем. Однако малейшей утечки вполне достаточно для того, чтобы заставить маятник качаться, а физиков — сходить с ума, чтобы дом сочли населенным призраками и котелок иногда летал по комнате. Достаточно небольшой утечки, чтобы трутни вылетели в воздушные патрули.

Кстати о трутнях.

Существуют собрания трутней. Иногда в погожий летний день в некоем определенном месте со всей округи собираются трутни — собираются и летают кругами, жужжа будто радары дальнего слежения, каковыми они и являются.

Пчелы разумны. Это человеческое слово, но пчелы являются упорядоченными созданиями, в их гены заложена ненависть к хаосу.

Если бы люди умели определять утечку, если бы они понимали, что происходит, когда переплетаются «здесь» и «там», то могли бы (опять-таки, если б знали как) отметить место утечки некими определенными камнями.

В надежде, что каждый дурак поймет это недвусмысленное предупреждение и предпочтет держаться подальше.

— Ну, что думаешь? — спросила матушка по дороге домой.

— У толстенькой и молчаливой есть природный дар,— пожалала плечами нянюшка Ягг.— Я его сразу почувствовала. Ну а всем остальным, как мне кажется, просто делать нечего. Решили поиграть в ведьм. Сама знаешь, планшетки для этих, как их, спиртических сеансов, карты, черные кружевные перчатки без пальцев. Тяга к оккультному.

— Терпеть не могу, когда тягают всякие культы,— твердо заявила матушка.— Я знаю лишь одно: начинаешь баловаться с куклами — начнешь верить в духов, начинаешь верить в духов — начнешь верить в демонов. А потом глядь — ты уже и в богов поверила. После этого все, твое дело — швах.

— Но ведь все они и в самом деле существуют,— возразила нянюшка Ягг.

— Это еще не значит, что в них надо верить. Они от этого только нагледят.

Матушка Ветровоск перешла на шаг.

— Ну а как насчет *нее*? — немного погодя спросила она.

— Что насчет *нее*?

— В ней ты силу почувствовала?

— О да. Честно говоря, у меня волосы встали дыбом.

— Кто-то передал ей эту силу. И я даже знаю кто. Ведь совсем еще девчонка, книжек читалась, в голове черт знает что, и вдруг бац — на нее падает сила, а что с этой силой делать — непонятно. Карты! Свечки! Детские игры какие-то, а не ведьмовство. Тяга к культам... Ногти черные — ты заметила?

— Ну, у меня они тоже не совсем чистые...

— Я имела в виду, они выкрашены в черный цвет.

— В молодости я красила ногти на ногах красным лаком, — с тоской в голосе промолвила нянюшка.

— На ногах — это совсем другое дело. И красный цвет тоже, — возразила матушка. — Кроме того, ты делала это, чтобы выглядеть обольстительной.

— И, надо сказать, у меня неплохо получалось.

— Ха!

Они еще немного помолчали.

— Я ощутила большую силу, — наконец сказала нянюшка Ягг.

— Ага.

— Очень большую.

— Ага.

— Нет, конечно, ты ее побьешь, — быстро произнесла нянюшка. — Иначе и быть не может. Но, полагаю, лично я на это не способна, да и тебе все-таки придется попотеть, как мне кажется. Ведь, чтобы победить ее, нужно будет причинить ей боль.

— То есть ты намекаешь, что я переоцениваю собственные силы?

— Э-э...

— Она *очень* рассердила меня, Гита. Я не сдержалась. И теперь мне предстоит поединок с семнадцатилетней девчонкой. Причем, если я выиграю, меня сочтут задиристой старой ведьмой, ну а если проиграю...

Она яростно пнула кучу прелых листьев.

— Ну, не умею я сдерживаться, не умею.

Нянюшка Ягг промолчала.

— Выхожу из себя по любому поводу...

— Да, но...

— Я еще не закончила!

— Извини, Эсме.

Мимо пролетела летучая мышь. Матушка приветливо кивнула ночному зверьку.

— Не слышала, как там дела у Маграт? — спросила она тоном столь же небрежным, сколь небрежно обнимает вас корсет.

Они подошли к перекрестку, под лунным светом едва заметно светилась белая пыль. Одна дорога вела в Ланкр, где жила нянюшка Ягг. Другая сначала терялась в лесу, становилась дорожкой, потом тропинкой и, наконец, приводила к хижине матушки Ветровоск.

— Когда мы вновь увидимся... *вдвоем?* — спросила нянюшка Ягг.

— Слушай,— покачала головой матушка Ветровоск,— она сделала выбор, понимаешь? Да и сказать по чести, в королевах ей будет гораздо лучше.

— А я ничего и не говорила,— мягко произнесла нянюшка Ягг.

— Знаю! Я прямо-таки *слышу*, как ты ничего не говоришь. Молчание у тебя — мертвец позавидует!

— Тогда... Где-то в одиннадцать, что ли?

— Именно!

Когда матушка зашагала по тропинке к хижине, снова поднялся ветер.

Матушка и сама понимала, что слишком уж разошлась. Но столько всего нужно было сделать. С Маграт разобрались, нянюшка сама о себе может позаботиться, но вот Дамы и Господа... Их она не учла.

И самое главное...

Самое главное, матушку Ветровоск никак не оставляло ощущение, что в очень скором будущем ее ждет смерть. Это предчувствие начинало действовать ей на нервы.

Знание точного момента собственной смерти является одним из тех странных преимуществ, которые предоставляются настоящим пользователям магии. Хотя, как ни крути, это ведь и в самом деле преимущество.

Многие волшебники ушли в мир иной, весело допивая остатки винных погребов и занимая у всех знакомых подряд огромные суммы денег.

Интересно, порой гадала матушка Ветровоск, что чувствует человек, когда вдруг видит... в общем, видит то, что на него надвигается? То, что в итоге оказывается пустотой...

Люди считают, жизнь подобна точке, пролетающей из Прошлого в Будущее и оставляющей за собой, будто комета, пышный хвост воспоминаний. Однако на самом деле воспоминания рас-

пространяются не только назад, но и вперед. Обычный человек не понимает, что такое воспоминания о будущем, поэтому они приобретают форму интуиции и наития, предчувствий и дурных предзнаменований. Ведьмы же, напротив, умеют разумно распорядиться данным им знанием, и наличие пустоты там, где, по идее, должны быть завитки будущего, действует на них примерно так же, как вид очень высокой скалы прямо по курсу — на пилота самолета, вынырнувшего из плотного тумана.

Ей осталось несколько дней, а потом — все. Она то надеялась, у нее будет время привести в порядок сад, убраться в хижине, чтобы унаследовавшая ее домик ведьма не посчитала матушку неряхой, выбрать приличное место для погребения и какое-то время посидеть в кресле-качалке, не делать ничего, только смотреть на деревья и думать о прошлом. Однако... как говорится, боги расплагают.

Однако и это еще не все. Память начала выделять какие-то странные фокусы. Но, быть может, так все и должно происходить? Может, к концу жизни ты просто истощаешься, как это случилось с нянюшкой Грапс, которая к концу жизни завела себе привычку ставить кошку на плиту, а кастрюлю выпускать на ночь погулять?

Матушка заперла за собой дверь и зажгла свечу.

В ящике комода лежала шкатулка. Поставив ее на кухонный стол, матушка открыла шкатулку и аккуратно вынула сложенный лист бумаги. Там же хранились чернила и ручка.

Чуть подумав, она принялась писать с того самого места, на котором прервалась в прошлый раз:

«...Моей подруге Гите Ягг аставляю кровать и ласкутное адияло каторое падарил мне куснец ис Дурнова Зада, а так же набор ис кувшинчика и тазика на каторый она давно налажила глаз, а так же памело, ано в полном порядке, нада только нимного паделать.

Маграт Чесногк аставляю садиржымое этой шкатулки, сиребрянный чайный сервис с малошником в виде забавной каровы каторый ивляется Фамильной Ценастью, а так же Чисы каторые принадлежали моей матери и паручаю диржать их завидеными, патому, што кагда чисы астанавливаются...»

Снаружи донесся какой-то шум.

Если бы в комнате кроме нее был еще кто, матушка Ветровоск смело распахнула бы дверь — но рядом с ней никого не было. Она осторожно взяла кочергу, удивительно бесшумно, учитывая стоптанные, хлябающие башмаки, подкралась к двери и внимательно прислушалась.

В саду кто-то лазил.

Впрочем, вряд ли тут годится слово «сад». Возле дома матушки росли Травы и ягодные кусты, была небольшая лужайка — и, конечно, ульи. От леса «сад» отгорожен не был. Местная фауна благоразумно предпочитала не приближаться к жилищу ведьмы.

Матушка осторожно открыла дверь.

Луна уже садилась. Бледный серебряный свет делал мир одноцветным.

На лужайке стоял единорог. Резкий запах наполнял округу.

Матушка двинулась вперед, держа перед собой кочергу. Единорог попятился, принялся бить копытом.

Будущее предстало перед матушкой совершенно отчетливо. Она знала, *когда* все случится. Теперь она начала понимать, *как* это произойдет.

— Мне известно, откуда ты пришел, — произнесла она едва слышно. — И лучше тебе убраться обратно, да поскорее.

Зверь было бросился на нее, но тут же отступил, когда матушка взмахнула кочергой.

— Что, не выносишь железа? Тогда беги к своей хозяйке и скажи, что мы в Ланкре все знаем о железе. И мне известно о ее существовании. Так что пусть держится подальше, понял? Это моя земля!

Солнце сменило луну, и наступил день.

На том месте, которое обычно выполняло обязанности главной площади Ланкра, собралась внушительная толпа. Жизнь в Ланкре не была богата событиями, а на поединок между двумя ведьмами всяко стоило посмотреть.

Матушка Ветровоск явилась без четверти полдень. Нянюшка Ягг уже поджидала ее на скамейке рядом с таверной. На шее у нянюшки висело полотенце, рядом стояло ведро с водой, в котором плавала губка.

— Это еще зачем? — нахмурилась матушка.

— Так положено. У вас же будут перерывы. Я и перекусить тебе захватила.

Она подняла блюдо, на котором горкой были сложены апельсины. Матушка хмыкнула.

— Судя по твоему виду, подкрепиться тебе не повредит, — покачала головой нянюшка. — Похоже, сегодня ты еще ничего не...

Тут взгляд ее упал на башмаки матушки, на грязный подол ее длинного черного платья, к которому прилипли листочки папоротника и сухие вересковые веточки.

— Упрямая старая дура! — прошипела нянюшка. — Тебя где носило?

— Мне нужно было...

— Ты что, к Плясунам ходила? Пыталась удерживать Господ?

— Ну да, — ответила матушка.

Голос ее не был слабым, и она не качалась. Но нянюшка Ягг понимала, что голос ее не был слабым и она не качалась только потому, что тело матушки Ветровоск было зажато в стальных тисках разума матушки Ветровоск.

— Кто-то же должен это сделать, — добавила она.

— Ты могла прийти ко мне!

— Ты бы меня отговорила.

Нянюшка Ягг чуть наклонилась вперед:

— Эсме, с тобой все в порядке?

— Все превосходно! Чувствую себя просто чудесно! Поняла?

— Ты хоть немножко-то поспала?

— Ну...

— Конечно нет. Думаешь, победить эту девчонку пару раз плюнуть?

— Не знаю.

Нянюшка Ягг сердито посмотрела на нее.

— Не знаешь, значит? — повторила она уже несколько более мягким тоном. — Слушай, ты... лучше присядь, пока не свалилась. Пососи апельсиновую корочку. Они появятся с минуты на минуту.

— Вряд ли, — возразила матушка Ветровоск. — Скорее всего, она опоздает.

— Откуда ты знаешь?

— Являться нужно только тогда, когда все собрались. Чтобы тебя все увидели и оценили. Обычная головология.

И в самом деле шабаш молодых ведьм прибыл в двадцать минут первого. Диаманда и ее сторонницы расположились на ступенях рыночной пентаграммы на другой стороне площади.

— Ты только полюбуйся на них, — фыркнула матушка Ветровоск. — Снова все в черном.

— Ну, мы тоже носим черное, — заметила рассудительная нянюшка Ягг.

— Только потому, что это прилично и практично, — мрачно ответствовала матушка Ветровоск. — А не потому, что это романтично. Ха. Дамы и Господа тоже могли бы поприсутствовать.

Некоторое время две противоборствующие стороны молча таращились друг на друга, после чего нянюшка Ягг снялась с места и заковыляла по площади навстречу Пердите. Они встретились в центре. Молодая ведьмочка выглядела весьма встревоженной. В руках она нервно мяла черный кружевной платок.

— Доброе утро, госпожа Ягг, — поздоровалась она.

— Добрый день, Агнесса.

— Гм-м. Ну, что дальше?

Нянюшка Ягг достала трубку и почесала за ухом.

— Не знаю. Вам решать.

— Диаманда спрашивает, что, обязательно было встречаться именно здесь? К тому же посреди белого дня?

— Да. Пусть все видят,— ответила нянюшка Ягг.— В этом весь смысл. Нечего прятаться по углам да по норам. Каждый имеет право знать, кто тут лучшая ведьма. Пусть весь город знает. Победитель победит, а проигравший проиграет. Все честь по чести, потом не будет никаких споров.

Пердита бросила взгляд в сторону таверны. Матушка Ветровоск дремала.

— Абсолютно уверена в себе, просто невероятная уверенность,— сказала нянюшка Ягг, скрестив за спиной пальцы.

— Гм, а что будет с тем, кто проиграет? — заинтересовалась Пердита.

— На самом деле ничего,— пожала плечами нянюшка Ягг.— Обычно проигравшая сторона покидает город. Какая ж из тебя ведьма, если все люди видели, как тебя побили?

— Диаманда говорит, что хочет лишь преподать старой госпоже урок,— продолжала Пердита.

— Пусть не волнуется. Эсме быстро учится.

— Гм... Право, госпожа Ягг, мне очень жаль, что мы вот так...

— Я тебя понимаю.

— А еще Диаманда говорит, что у госпожи Ветровоск очень внушительный взгляд.

— Спасибо за комплимент.

— Но гляделками ведь дело не ограничится, правда, госпожа Ягг?

Нянюшка сунула трубку в рот.

— Под гляделками ты подразумеваешь то самое старомодное состязание, кто кого переглядит?

— Гм, да.

— Думаю, что не ограничится.— Нянюшка подумала и пожала плечами.— Хотя попробуем. Но все-таки магический круг очертить стоит. Мы же не хотим, чтобы пострадали невинные люди, верно?

— Вы, наверное, прибегнете к Скорхианским рунам? Или к октограмме Тройных Чар?

Нянюшка Ягг склонила голову набок.

— Честно говоря, дорогуша, первый раз о таких слышу. Всегда очерчивала магический круг вот так...

Приволакивая одну ногу, она бочком, будто краб, двинулась вбок от пухлой девушки. Вскоре нянюшка вновь уткнулась в Пердиту, но уже с другой стороны, а на земле появилась грубая окружность диаметром в пятнадцать футов.

— Извини. Вот и все. Готово.

— И это магический круг?

— Ну да, он самый. Надо же и о людях подумать. Разные магические силы летают, когда две ведьмы сходятся в поединке.

— Но... А как же песнопения?

— Какие песнопения?

— Ну, обычно создание магического круга сопровождается всякими там песнопениями...

— Понятия не имею, о чем ты говоришь. Лично я никогда ничего не пела.

— О.

— Впрочем, я знаю одну отличную песенку. Хочешь спою? — с готовностью предложила нянюшка.

— Гм, нет. Не надо. — Пердита никогда не слышала, как поет нянюшка, но слухами земля полнится.

— А мне нравится твой черный платочек, — сказала, нисколько не смущаясь, нянюшка. — На нем и грязи почти не видно.

Пердита как загипнотизированная смотрела на круг.

— Гм. Можно начинать?

— Конечно.

Нянюшка Ягг поспешила вернуться к скамейке и ткнула матушку локтем в ребра.

— Вставай.

Матушка открыла один глаз.

— Я вовсе и не спала, просто хотела, чтобы глаза немножко отдохнули.

— Ты должна пересмотреть ее.

— По крайней мере, она знает о важности взгляда. Ха! Да кем она себя считает? Я всю свою жизнь только и делаю, что людей пересматриваю!

— Ага, именно это меня и волнует... *А-а-ах, а кто самый любимый малыш у нянюшки?*

На площади появился весь клан Ягг.

Матушка Ветровоск всегда недолюбливала Пьюси. Надо признать, маленьких детей она вообще недолюбливала и поэтому хорошо с ними ладила. Однако что касалось Пьюси... да, пусть ты четырехлетний ребенок, но надо же вести себя достойно, а то бродит везде в одной майке. Кроме того, у

пацана вечно текли сопли, поэтому ему постоянно требовался носовой платок или, за неимением одного, пробка.

Нянюшка Ягг, напротив, в руках любого своего внука, даже такого липкого, как Пьюси, превращалась в податливый воск.

— Канфетку хачу, — прорычал Пьюси неожиданно низким голосом.

— погоди минутку, утеночек, я разговариваю с тетей, — просюсюкала нянюшка Ягг.

— Хачу канфетку *сичас*.

— Отвали, ненаглядный мой. Няня занята.

Пьюси потянул нянюшку за юбку.

— *Сичас канфетку, сичас!*

Матушка Ветровоск резко наклонилась, и ее внушительный нос оказался на одном уровне с фонтанирующим носиком Пьюси.

— Если ты немедленно не уберешься отсюда, — мрачно предупредила она, — я лично оторву тебе голову и набью ее змеями.

— Здорово! — воскликнула нянюшка. — Среди ребятишек Клатча твое проклятие возымело бы огромный успех.

Через секунду или две выражение неуверенности на маленьком личике Пьюси сменила глупая улыбка.

— Тетя смесная, — заявил он.

— Знаешь, что я тебе скажу, — задумчиво промолвила нянюшка, погладив Пьюси по головке, а потом машинально вытерев руку о платье, — видишь тех молоденьких теть на другой стороне площади? У них *много-много* конфеток.

Пьюси заковылял прочь.

— Это биологическое оружие,— заметила матушка Ветровоск.

— Пошли,— велела нянюшка.— Джейсончик уже понес в круг стулья. С тобой все в порядке? Ты уверена?

— Конечно уверена.

Пердита устало тащилась к ним через площадь.

— Э... госпожа Ягг?

— Да, дорогуша?

— Э... Дияманда говорит, вы не поняли, ни о каких гляделках даже речи быть не может...

Маграт было скучно. А вот в бытность ее ведьмой скучать не приходилось. Периодически она испытывала смущение, усталость — но только не скуку.

Все изменится, убеждала себя Маграт, вот станет она настоящей королевой, и все изменится... хотя что изменится? Как изменится? Пока же она бесцельно бродила по бесчисленным комнатам дворца, и шорох ее платья был почти не слышен из-за постоянного шума турбин скуки:

«...Хумдрумхумдрумхумдрумхумдрум...»

Все утро Маграт провела в отчаянных попытках овладеть искусством гобеленоплетения — Милли заверила ее, что именно этим, как правило, занимаются настоящие королевы. Сейчас первый пробный экземпляр с надписью «Да Хронят Боги Ен-тот Дом» забытый валялся на кресле.

В своих скитаниях по дворцу Маграт забрела в Длинную галерею, где висели огромные гобелены с изображениями древних битв, сотканые предыдущими одолеваемыми скукой затворницами королевской крови. Гобелен ткался очень долго —

неужели все это время солдаты упорно позировали королевам? А еще здесь было много-много портретов самих царствующих особ. Все королевы были красивыми, элегантно одетыми дамами, и со всех без исключения аккуратно вытканых личиков смотрела та же смертельная скука.

Потом Маграт направилась в солярий — так называлась большая зала, расположенная на самом верху главной башни. По идее, тут принимались солнечные ванны, хотя это зависело от погоды — иногда ванны были ветряными, а иногда — дождевыми или снежными. В общем, зала служила своего рода сетью для всего того, что сбрасывало на людские головы небо.

Послonyaвшись немного по солярию, Маграт дернула за шнурок колокольчика, предназначавшегося для вызова прислуги. Тишина, никто не появился. Дернув за шнурок еще пару раз, Маграт, втайне обрадованная представившейся возможностью поупражняться, спустилась на кухню. Вот откуда она бы вовсе не уходила... Во-первых, здесь всегда тепло, во-вторых, всегда есть с кем поговорить. Но положение обвязывает — королевы обязаны жить Наверху.

Однако сегодня на кухне был только Шон Ягт — он чистил духовку огромной печи и вслух размышлял о том, как стыдно военному человеку выполнять такую работу.

— А куда все подевались?

Шон аж подпрыгнул, ударившись головой о печную заслонку.

— Ой! Прошу прощения, госпожа! Гм! Все... все подевались... на площадь, госпожа. Да и я-то здесь

только потому, что госпожа Пышка пообещала содрать с меня шкуру, если я не вычищу всю эту гадость.

— А что такое на площади?

— Говорят, пара ведьм меряются силами. Настоящий ведьмовской поединок, госпожа.

— Что? Уж не твоя ли мать и матушка Ветровоск?

— Нет, госпожа. Какая-то новая ведьма.

— В Ланкре? *Новая* ведьма?

— Кажется, мама так сказала.

— На это стоит посмотреть.

— О, не думаю, что это хорошая мысль, госпожа,— укоризненно сказал Шон.

Маграт царственно вытянулась.

— Так уж получилась, что мы — королева,— изрекла она.— Почти королева. Так что ты не можешь указывать нам, что делать, а что не делать, а иначе мы пошлем тебя чистить уборные!

— А я их и так чищу,— рассудительно заметил Шон.— И гардеробными тоже я...

— Вот и замечательно, так и будет продолжаться в дальнейшем,— перебила его Маграт.— Уж мы за этим *проследим*.

— Да меня это нисколько не затрудняет, госпожа,— пожал плечами Шон.— Зато в среду у меня выходной. Я имел в виду, что, согласно этикету, нужно подождать, пока я спущусь в арсенал за трубой для фанфар.

— Спасибо большое, в фанфарах мы не нуждаемся.

— Но, госпожа, фанфары необходимы...

— Мы можем и *сами* подуть в трубу.

- Хорошо, госпожа.
- Госпожа кто?
- Госпожа королева.
- Вот именно. И не забывай об этом.

Бегом, насколько это было возможно в наряде королевы, которому, честно говоря, не помешали бы ролики, Маграт примчалась на площадь.

Там она увидела кольцо из нескольких сотен человек. Неподалеку стояла очень задумчивая нянюшка Ягг.

- Что тут происходит, нянюшка?

Нянюшка повернулась.

— Ой, извини. Фанфар что-то не расслышала, — сказала она. — Я бы сделала реверанс, да ноги болят.

Маграт посмотрела на две фигуры внутри магического круга.

- Что они там делают?
- Соревнуются, кто кого переглядит.
- Но они же смотрят на небо.
- Это все проклятая Диаманда! Она захотела, чтобы Эсме переглядела солнце! Причем нельзя ни моргать, ни отводить взгляд...

- И долго они смотрят на солнце?
- Около часа, — мрачно ответила нянюшка.
- Ужас какой!
- Да не ужас, а глупость! Чертовская глупость! — фыркнула нянюшка. — И что это нашло на Эсме?! Никак не пойму. Будто ведьмовство зависит только от силы! Она же сама прекрасно знает: ведьмовство это ведь не сила, а умение с ней обращаться.

Магический круг был окутан бледно-золотистой дымкой от обильно выпадающих магических осадков.

— Так или иначе, скоро закат и... — проговорила Маграт.

— Эсме до заката не дотянет, — отрубил нянюшка. — Ты посмотри на нее. Едва держится.

— Ну а если пустить в ход какие-нибудь чары и... — начала было Маграт.

— Ты думай что говоришь! — рявкнула нянюшка. — Да если Эсме узнает об этом, то будет гонять меня пинками по всему королевству. Кроме того, чарами тут не воспользуешься, люди сразу заметят.

— Может, нам все-таки удастся создать маленькое облачко или еще что навроде? — предложила Маграт.

— Нельзя! Это жульничество.

— Но ты-то всегда жульничаешь.

— Я жульничаю за себя. А за других людей жульничать нельзя.

Матушка Ветровоск заметно осела на своем стуле.

— А если я своей властью остановлю поединок? — задумчиво промолвила Маграт.

— То заполучишь себе врага на всю жизнь.

— Мне казалось, мы с матушкой и так уже враги.

— Ничего-то ты не понимаешь, девочка, — покачала головой нянюшка. — Но когда-нибудь наступит день, и ты поймешь, что Эсме Ветровоск — твоя лучшая подруга.

— Надо же что-то делать! Неужели ты ничего не можешь придумать?

Нянюшка Ягг задумчиво уставилась на круг, попыхивая своей верной трубкой.

Впоследствии данный магический поединок был весьма подробно описан в книге Птицесвистля «Лигенды и Дрефности Овцапикских гор», и вот что там говорилось:

«Паудинок вот уж дивяноста минут как продолжался, кагда в магический крук ребенок мушского пола вбижал каторый (ребенок, не пол) тут же упал са страшным криком и спышкой. Старая ведьма агляделась, са стула sibя падняла, затем падняла ребенка и атнесла его бабушке, в то время как ведьма младая ни разу не атвела взгляда ат Сонца. Но другие младые ведьмы тутже прикратили паудинок славами: “Се, Даманда победила, ибо атвела Ветравоск свой взгляд”. Однако бабушка младенца ватвет на то рекла голасом громким: “Неушто? Зелены вы ище, павзраслейте сначала. Не спор это силы, но ведьмовства, кагда ж вы паймете, што это такое — БЫТЬ ведьмой?»

Та ли ведьма настоящая, кто, услышав крик детский, ни аглянется по старанам?»

И Гаражане закричали: “Не-е-ет!”, и присудили пабеду матушке Ветравоск».

— Это было невероятно! — воскликнула жена лавочника госпожа Кварней. — Весь город приветствовал ее. Вот оно, настоящее благородство.

Они находились в задней комнате таверны. Матушка Ветровоск лежала на скамейке с влажным полотенцем на лице.

- Настоящее,— подтвердила Маграт.
- А девчонку осуждают все без исключения.
- Ага,— согласилась Маграт.
- Утерла ей нос матушка.
- Вот именно,— кивнула Маграт.
- С малышом все в порядке?

Все посмотрели на счастливого Пьюси, который, забившись в угол, сидел в подозрительного вида луже с кульком конфет в руках и перепачканными липкими губами.

— Цел и невредим,— успокоила всех нянюшка.— Обжегся чуточку, а так ничего особенного. Вопит как безумный по каждому пустяку,— добавила она с некоторой гордостью, будто это было редким талантом.

— Гита,— позвала ее матушка из-под полотенца.

— Да?

— Тебе известно, я никогда не прикасаюсь к крепким напиткам, но ты как-то говорила о применении бренди в медицинских целях.

— Уже несу.

Матушка приподняла полотенце и одним взглядом уставилась на Маграт.

— Добрый день, ваше предвельчество. Пришли меня пожалеть?

— Отличный был поединок,— холодно похвалила Маграт.— Ня... госпожа Ягг, можно перекинуться с вами парой словечек? На улице.

— Конечно, моя королева.

Едва они вышли в переулок, Маграт резко повернулась.

— Ты...

Нянюшка успокаивающе подняла руку.

— Я знаю, знаю, что ты хочешь сказать. Но малышу ничто не угрожало.

— Но ты...

— Я? А что я? Никто ж не знал, что он забежит в круг, верно? И обе ведьмы повели себя совершенно естественным образом. Так что все справедливо.

— Да, в некоторой степени, но...

— Никакого жульничества не было,— перебила ее нянюшка.

Маграт подавленно замолчала. Нянюшка хлопала ее по плечу.

— Значит, ты никому не скажешь, что я помахала ему кульком с конфетами?

— Нет, нянюшка.

— Так и подобает поступать будущей королеве.

— Нянюшка?

— Да, дорогуша?

Маграт глубоко вздохнула.

— А как Веренс узнал, когда мы возвращаемся?

Маграт показалось, что нянюшка обдумывала ответ несколько дольше, чем нужно.

— Понятия не имею,— ответила та наконец.— Видишь ли, короли — они ж немного волшебники. Умеют избавлять от всякого рода болезней, от перхоти например. Наверное, это все королевские привилегии, они ему что-то там подсказали — проснулся утром и почувствовал: все, сегодня прилетит...

Беда нянюшки Ягг состояла в том, что она *всегда* выглядела так, будто говорила неправду. К правде нянюшка относилась сутобо практически: говорила ее, только если так было удобно или если лень было придумывать что-нибудь поинтереснее.

— Наверное, ты сейчас сильно занята? — спросила она.

— Большое спасибо, мы справляемся, — промолвила Маграт, постаравшись вложить в свои слова как можно больше истинно королевского высокомерия.

— Который из вас? — спросила нянюшка.

— Что который из нас?

— Который из вас справляется?

— Я!

— Вот так и говори, — кивнула нянюшка с непроницаемым, как у игрока в дуркер, лицом. — Для королевы очень важно быть сильно занятой.

— Он знал, что мы возвращаемся, — вернулась к прежней теме Маграт. — Даже разослал приглашения. Ах да, кстати, тебе приглашение тоже послано...

— Знаю, получила еще утром, — ответила нянюшка. — С причудливыми завитушками по краям, золотом и всем прочим. Да, там какой-то Пыс просил меня ответить, приду я или нет. Это еще кто?

Маграт давным-давно научилась мириться с нежеланием нянюшки Ягг следовать новейшим изобретениям в области этикета.

— Это называется постскрипtum, — важно объяснила она. — Просто ты должна сообщить нам, то есть мне, будешь ты на свадьбе или нет.

— О, мы, то бишь я, придем, можешь не сомневаться, — успокоила нянюшка. — А ваше скорокоролевское величество получило приглашение, которое послал им наш Джейсончик? Вряд ли... Он не слишком хорошо владеет пером, наш Джейсон.

— Мы... Нас... А я куда-то приглашена? — удивилась Маграт. Она почувствовала, что сама начинает путаться в обращениях.

— А разве мы не были извещены Веренсом? — спросила нянюшка. — Специально для мы была написана пьеса.

— Ах да... — припомнила Маграт. — Представление.

— Именно, — подтвердила нянюшка. — Оно состоится в канун Праздника Середины Лета.

— К празднику мы должны быть готовы, — категорически заявил Джейсон Ягг. — Времени осталось всего ничего.

Дверь была надежно заперта. Внутри кузницы собрались все шесть членов танцевальной команды Ланкра, шестикратные победители Пятнадцатигорного Открытого Чемпионата По Народным Танцам*, и сейчас они отчаянно пытались овладеть новым видом искусства.

— Честно говоря, места себе не нахожу от волнения, — пожаловался Скот Возчик, единственный в Ланкре пекарь. — Подумать только, я — и в платье! Увидь меня жена...

— Здесь говорится, — сурово произнес Джейсон Ягг, водя здоровенным указательным пальцем по строчкам, — что это при-лест-ная история о любви Королевы Фей, это ты, Скот...

— Большое тебе спасибо...

— ...К простому смертному. С у-мо-рис-тичной ин-тер-лю-дией про Комических Куртизанов.

* Три раза — в честном поединке, один раз — после одиннадцати часов дополнительного времени и два раза — по причине неявки на состязание (бегства) других финалистов.

— Кто такие Куртизаны? — спросил кровельщик Ткач.

— Не знаю. Что-то навроде колодца, насколько я помню. — Джейсон почесал в затылке. — Да, точно. Там, на равнинах, есть такие. Я как-то remонтировал специальный насос для одного из них. Ага, так и называется — куртизанский колодец.

— И что смешного в колодцах?

— Может, люди как-то смешно туда падают?

— А почему мы не можем показать нормальные народные танцы? — спросил Обидия Плотник, он же — портной*.

— Народный танец — это на каждый день, — объяснил Джейсон. — А сейчас нам нужно показать что-нибудь культурное. Вот это, — он потряс листами, — прислали из самого Анк-Морпорка.

— Ну, мы могли бы показать Танец с Палкой и Ведром, тот самый, помните? — предложил Пекарь, по профессии — ткач.

— Нет. Этот танец мы больше не показываем, — твердо заявил Джейсон. — Старый господин Трум до сих пор хромает, а ведь прошло уже три месяца.

Кровельщик Ткач, прищурившись, изучал свой экземпляр сценария.

— Здесь, в конце, написано «Суета суёт». Я не понял, кто куда должен совать? — спросил он.

— Вечно мне не везет, — пожаловался Плотник. — Разве ж это роль? Что тут играть?

* Который к тому же был еще и браконьером, чистильщиком выгребных ям и в некоторой мере, да, плотником**.

** Ну, знаете, гвоздей побольше — и все прекрасенько держится.

— Ладно бы только хромал, а вот кого действительно жаль, так это его жену, — машинально заметил Ткач.

— Почему? — удивился Джейсон*.

— А что тут делает лев? — удивился Пекарь-ткач.

— Это же пьеса! — воскликнул Джейсон. — Ну поместишь ты в пьесу, к примеру, э-э, *осла*! Думаете, люди пойдут на Представление, в котором участвует осел? Нет, эта пьеса была написана настоящим писателем. Ха, представляю картинку: думает настоящий писатель, думает — а потом вводит в пьесу *осла*! Кстати, автор очень просил рассказать, как пройдет Представление. А теперь заткнитесь все!

— Ну не ощущаю я себя Королевой Фей, хоть убейте, не ощущаю, — простонал Скот Возчик**.

— Ничего, привыкнешь, — пообещал Ткач.

* Когда работаешь с железом, быстро соображать не нужно.

** Да, имечко то еще, но вот как все случилось... Вообще-то, родители Возчика происходили из уважаемой ланкрской семьи, просто с именами для своих детей они несколько перемудрили. Сначала у них родились четыре дочки, которых нарекли Верой, Надеждой, Любовью и Добротой (называть девочек в честь добродетелей — давняя и ничем не примечательная традиция). Потом на свет появился первый сын, которого в результате пришедшей не вовремя идее нарекли Гневом. За ним последовали Ревнюга Возчик, Скот Возчик и Жадюга Возчик. Однако жизнь внесла свои коррективы: у Веры уже родился тринадцатый сын от пятого брака, Надежда постоянно страдала от депрессии, Любовь стала известной продажной дамой в Анк-Морпорке, чем и гордилась, а Доброта с успехом одалживала деньги в рост. В то время как сыновья выросли симпатичными и благожелательными людьми. Скот Возчик, к примеру, очень любил животных.

— Надеюсь, что нет...

— Пора репетировать,— вмешался в их спор Джейсон.

— Но здесь мало места,— развел руками Кровельщик, он же — местный извозчик.

— Я наотрез отказываюсь репетировать там, где меня может кто-нибудь увидеть,— заявил Скот.— Даже если мы спрячемся в лесу, кто-нибудь обязательно нас увидит. И меня — в платье.

— Да кто тебя узнает? Ты же будешь в гриме,— успокоил его Ткач.

— *В гриме?*

— Ага, и в парике,— добавил другой ткач — Портной.

— Хотя Скот прав,— пожал плечами Ткач.— Если уж выставять себя дураками, так профессионально. Прежде надо хорошенько все отрепетировать.

— Где-нибудь в сторонке от протоптанных дорожек,— согласился извозчик Кровельщик.

— И подальше от города,— добавил жестящик Жестящик.

— Куда никто не заходит,— заключил Возчик. Джейсон почесал подбородок, больше смахивающий на терку для сыра. Нужно было срочно искать укромное, тихое местечко...

— И все-таки,— вспомнил Ткач,— кто будет совать суете?

Карета грохотала по дороге, окруженной ничем не примечательными, унылыми равнинами. Земля между Анк-Морпорком и Овцепикскими горами была плодородной, хорошо обработанной и скучной, скучной, скучной. Путешествия, как

правило, расширяют кругозор. Но после *такого* расширения ваши глаза долго потом не могут сойтись к переносице. В подобных путешествиях вы с жадностью следите за далекой фигуркой окучивающего капусту крестьянина и проклиняете тот момент, когда она исчезает из вида, ибо впереди вас ждут бескрайние и пустынные капустные поля.

Пришла очередь казначея задавать загадку.

— А я вижу, я вижу... — протянул он. — Это слово начинается на букву... «Г»!

— У-ук.

— Нет.

— Горизонт, — предположил Думминг.

— Угадал!

— Конечно угадал. Трудно не угадать. На «Н» у нас было «небо», на «К» — «капуста», на «У» — «у-ук», а больше вокруг *ничего* нет!

— Ну и играй сам с собой, раз такой умный, — буркнул казначей, натянул шляпу на уши и попытался поуютнее устроиться на жестком сиденье.

— Зато в Ланкре есть на что посмотреть, — мечтательно промолвил аркканцлер. — Единственный кусок ровной земли хранится в музее.

Думминг ничего не ответил.

— Раньше я проводил там каждое лето, — продолжил Чудакулли и вздохнул. — Знаете... все ведь могло сложиться совсем иначе...

Чудакулли украдкой огляделся. Если вы собираетесь поделиться какими-то интимными воспоминаниями из личной жизни, перво-наперво убедитесь, что вас слышат.

Библиотекарь таращился на унылый подпрыгивающий пейзаж и пребывал в самом мрачном

настроении духа. Виной тому был яркий ошейник с надписью «ПОНГО», украсивший его шею. Кое-кто еще поплатится.

Казначей, подобно прячущейся в свой домик улитке, пытался забраться в собственную шляпу.

— Та девушка...

Думминг Тупс, которого безжалостная судьба назначила единственным слушателем, слегка удивился. Разумеется, он понимал, что с технической точки зрения даже аркканцлер был когда-то молодым. В конце концов, каждый человек движется от юности к старости, и здравый смысл подсказывал, что семидесятилетними волшебниками весом в добрых сто двадцать килограммов не рождаются, ими становятся. Но здравый смысл требовал постоянных напоминаний.

На реплику аркканцлера нужно было что-то ответить.

— Красивая была, да? — вежливо поинтересовался Тупс.

— Э-э, нет. Не сказал бы. Скорее *поразительная*. Ага, именно. Высокая. Волосы светлые, почти белые. И глаза, как буравчики, представляешь.

Думминг попытался представить.

— Ты имеешь в виду, как у гнома из той лавочки на... — начал было он.

— *Я имею в виду*, что у меня всегда складывалось впечатление, будто она видит все и вся насквозь, — ответил Чудакулли несколько резче, чем намеревался. — А как она бегала...

Замолкнув, он погрузился в кинохронику собственных воспоминаний.

— Знаешь, а я бы женился на ней... — промолвил он некоторое время спустя.

Думминг не откликался. Если уж ты стал пробкой в потоке сознания другого человека, остается только крутиться и подпрыгивать на волнах.

— А какое было лето...— продолжал бормотать Чудакулли.— Прямо как это. Все поля были в кругах, словно дождь из валунов прошел. Но... у меня были некоторые сомнения, понимаешь? Магия — что магия? Я... честно говоря, совершенно не знал, что делать. Я был готов отдать ей все. Каждую проклятую октограмму, каждое магическое заклинание. Все — и не раздумывая. Ее смех был похож на журчание горного ручья... Слышал, небось, такое выражение?

— Лично я с подобными ситуациями не знаком,— сказал Думминг,— но поэзию читал и...

— Поэзия! — фыркнул Чудакулли.— Чистый треп! Слышал я эти горные ручьи, эти буль-буль, а еще в них плавают маленькие твари, в смысле насекомые, с маленькими... не важно с чем. Уверю тебя, на смех абсолютно не похоже. Эти поэты вечно морочат людям головы. Ну, например: «Ее губы будто вишни». Что, маленькие, кругленькие и с косточкой? Ха!

Он закрыл глаза. Прошло еще какое-то время. Наконец Думминг не выдержал и спросил:

— А что дальше-то, аркканцлер?

— Что дальше?

— С девушкой, о которой ты рассказывал.

— Какой девушкой?

— Ну, с той девушкой.

— Ах с той девушкой... Она мне дала отворот поворот. Сказала, что хочет заняться кое-чем другим. Сказала, мол, да, как-нибудь, времени еще много.

Очередная пауза.

— Ну а потом что? — подтолкнул его Думминг.

— Потом? А что, по-твоему, могло произойти? Я уехал учиться. Начался семестр. Написал ей кучу писем, но ни одного ответа не получил. Может, они не дошли, а может, почту там, в горах, съедают. На следующий год все лето я учился и приехать не смог. Так я туда и не вернулся. Экзамены и все прочее. Наверное, она уже умерла или стала толстой бабушкой с дюжиной внуков. Эх, а ведь женился бы на ней не задумываясь. Не задумываясь... — Чудакулли почесал в затылке. — Ха... вспомнить бы еще, как ее звали...

Он вытянулся и положил ноги на казначея.

— Забавно, — задумчиво промолвил он. — Никогда не могу припомнить ее имя. Ха! А ведь так бегала, запросто лошадь могла обогнать...

— Кошелек или жизни!

Карета с грохотом остановилась.

Чудакулли открыл один глаз.

— В чем дело?

Думминг очнулся от мечтаний о губах, похожих на горные ручьи, и выглянул в окно.

— Кажется, — сказал он, — на нас напал какой-то очень маленький разбойник.

Кучер, прищурившись, всмотрелся в крошечную фигурку на дороге. Под таким углом грабителя почти не было видно — из-за маленького роста и широкополой шляпы. В общем, разбойник больше смахивал на элегантно одетый гриб с пером в шляпке.

— Приношу свои извинения, — учтиво поклонился очень маленький разбойник, — но я несколько стеснен в средствах.

Кучер вздохнул и отпустил вожжи. Надлежащим образом обставленные налеты Гильдии Разбойников и Бандитов — это одно, но подчиняться требованиям какого-то проходимца с большой дороги, который едва достает вам до пояса и не вооружен даже элементарным арбалетом?

— Ах ты, мелкая сволочь, — сказал кучер. — Да я тебе сейчас башку снесу...

Он взгляделся в фигурку.

— Что это там у тебя на спине? Горб никак?

— А, ты, должно быть, заметил стремянку, — кивнул маленький разбойник. — Что ж, позволь, я ее продемонстрирую...

— Что там происходит? — спросил Чудакулли.

— Гм, гном поднялся по маленькой стремянке и пинком сбросил кучера на середину дороги, — обрисовал ситуацию Думминг.

— Такое не каждый день увидишь, — признал Чудакулли.

Он выглядел вполне счастливым. До этого момента путешествие не было богато на приключения.

— А сейчас он направляется к нам.

— Прекрасненько.

Разбойник перешагнул через стонущего кучера и зашагал к двери кареты, волоча за собой стремянку.

— Кошелек или, прошу меня простить... — резко распахнув дверь, начал было он.

Вспышка октаринового пламени сорвала с него шляпу.

Выражение лица гнома ничуть не изменилось.

— Я все понял. Можно я несколько перефразирую требования?

Чудакулли смерил хорошо одетого незнакомца внимательным взглядом — впрочем, внимания потребовалось совсем чуть, поскольку замеры быстро закончились.

— А ты не похож на гнома, — произнес он наконец. — Ну, если не считать твоего роста, конечно.

— Не похож на гнома, если не считать роста?

— Раз ты гном, то где твой шлем и железные сапоги? — резонно возразил Чудакулли.

Гном поклонился и элегантно извлек из грязного, но отделанного кружевами рукава какую-то полоску картона.

— Моя визитная карточка, — пояснил он.

Карточка гласила:

ДЖИАМО КАЗАНУНДА

Второй лучший в мире любовник

«Покой нам только снится»

Искуснейший фехтовальщик Солдат удачи

Бессовестный лжец Ремонт стремянок

Думминг выглянул из-за плеча Чудакулли.

— А ты что, действительно бессовестный лжец?

— Нет.

— Кстати, тут нигде не написано, что ты к тому же грабишь кареты.

— К сожалению, некоторое время назад на меня напали разбойники, и я теперь вынужден...

— Но тут говорится,— перебил Чудакулли,— что ты искуснейший фехтовальщик.

— У них был численный перевес.

— И сколько же их было?

— Три миллиона.

— Залазь,— махнул рукой Чудакулли.

Казанунда забросил в карету стремянку, но потом взгляделся в темноту.

— У вас там что, орангутан? — удивился он.

— Он самый.

Библиотекарь приоткрыл один глаз.

— Э-э, а как же запах?

— Не стесняйся, ему все равно.

— Может, ты все-таки извинишься перед кучером? — предложил Думминг.

— Ни за что. Но если он хочет, я могу пнуть его еще раз.

— А это — казначей,— представил Чудакулли, указывая на экспонат Б, который спал сном человека, принявшего почти смертельную дозу пилуль из сушеных лягушек.— Эй, казначей! Казначей? В абсолютном отрубе. Ничего, затолкай его под сиденье. В дуркер играешь?

— Весьма слабо.

— Превосходно!

Через каких-то полчаса Чудакулли был должен гному уже восемь тысяч долларов.

— Я честно указал на карточке, что я — бессовестный лжец.

— Да, но я-то подумал, ты все врешь!

Чудакулли вздохнул и, к величайшему изумлению Думминга, достал из потайного кармана

мешок с монетами. Монеты были большими, золотыми и выглядели подозрительно настоящими.

Хоть Казанунда и избрал тернистый путь похотливого солдата удачи, генетически он все же оставался гномом, а некоторые вещи гномам известны.

— Гм-м,— произнес он задумчиво.— А на твоей визитной карточке случайно нигде не написано про «бессовестного лжеца»?

— Нет! — совершенно искренне воскликнул Чудакулли.

— Просто... Понимаешь, я умею отличать шоколадные монеты от настоящих.

— Знаете,— сказал вдруг Думминг, когда карета, покачиваясь, вкатилась в ущелье,— это напомнило мне одну известную логическую задачу.

— Какую-такую задачу? — не понял аркканцлер.

— Ну,— начал польщенный вниманием Думминг,— был один человек, которому предстояло решить, в какую из двух дверей войти. Причем стражник у одной двери всегда говорил правду, а стражник у другой двери всегда лгал. Основная же загвоздка заключалась в том, что за одной дверью этого человека ждала верная гибель, а за другой — свобода. Но кто из стражников говорит правду, а кто лжет? Человеку разрешили задать каждому стражнику всего по одному вопросу. Итак, что он спросил?

Карета подпрыгнула на выбоине. Библиотекарь перевернулся во сне.

— Шуточка вполне в духе Гаргона Щеботанского, лорда Шизанутого,— чуть подумав, заметил Чудакулли.

— Ты абсолютно прав,— согласился Казанунда.— Он был знаменит подобными шутками. Сколько студентов помещается в Железную Деву и все такое прочее.

— А как этого беднягу занесло в замок Гаргона? — удивился Чудакулли.

— Что? Э-э, понятия не имею,— пожал плечами Думминг.

— Странно. Ты так убедительно рассказывал, мне даже показалось, что вы были знакомы.

— Вряд ли такое произошло в действительности. Это ведь просто логическая задача.

— Погоди, погоди,— встрял Казанунда.— Кажется, я понял. Только один вопрос, да?

— Да,— ответил Думминг.

— Каждому стражнику?

— Да.

— Хорошо. В этом случае он подходит к самому маленькому стражнику и говорит: «Быстро говори, какая дверь ведет на свободу, если не хочешь узнать, какого цвета у тебя почки. Кстати, я войду в нее только после тебя — подумай об этом, господин Великий Умник, когда будешь скрипеть мозгами».

— Нет, нет, нет!

— А по мне, так звучит очень логично,— хмыкнул Чудакулли.— Замечательный ход мысли.

— Но у тебя нет оружия!

— Нет есть, я отобрал его у стражника, когда тот задумался над моим вопросом,— возразил Казанунда.

— Умно,— восхитился Чудакулли.— Вот оно, настоящее логическое мышление, господин Тупс. Ты можешь многому научиться у этого человека...

— ...Гнома...

— ...Прости, гнома. По крайней мере, он не утверждает постоянно о каких-то там паразитных вселенных.

— Параллельных! — рявкнул Думминг, у которого сложилось четкое впечатление, что Чудакулли умышленно перевирает слова.

— А какие тогда паразитные?

— Никакие! Я хотел сказать, что таких вселенных нет, аркканцлер*. Параллельные вселенные — это вселенные, в которых события происходят по-другому, иначе... Как бы сказать... — Он тщетно пытался подобрать нужные слова. — Возьмем, к примеру, ту девушку...

— Какую девушку?

— Ту, на которой ты хотел жениться.

— А ты откуда о ней знаешь?

— Ты сам про нее рассказывал. Сразу после обеда.

— Я? Вот ведь дурак... Ну и что с ней?

— Ну... в известном смысле ты на ней все-таки женился, — объявил Думминг.

Чудакулли покачал головой.

— Здесь ты, парень, дал... Такое обычно не забывается.

— Только не в этой вселенной...

Библиотекарь приоткрыл один глаз.

— То есть ты намекаешь, что я удрал в другую вселенную, там женился, а потом вернулся сюда и обо всем забыл? — уточнил Чудакулли.

— Нет, я имею в виду, что в той вселенной ты женат на ней, а в этой вселенной — нет.

* Что ж, Думминг тоже не всегда оказывался прав.

— Значит, я правда на ней женился? С нормальной церемонией и всем остальным?

— Да!

— Гм-м.— Чудакулли шумно почесал в бороде.— Ты уверен?

— Абсолютно, аркканцлер.

— Вот дьявол! А я и не знал...

Думминг почувствовал, что добился определенного успеха.

— Но...

— Да?

— Почему я все-таки ничего не помню?

Думминг был готов к такому вопросу.

— Потому что ты в другой вселенной отличаешься от тебя в этой. Женился другой ты. Наверное, он уже остепенился. Стал прадедушкой.

— А ведь он ни строчки не черкнул,— громко пожаловался Чудакулли.— Насчет этого я точно уверен. Вот гад, даже на свадьбу не пригласил.

— Кто?

— Он.

— Но это ты!

— Ага, сейчас! Ха! Уж я бы о себе не забыл. Нет, вот ведь гад...

Вы, главное, не подумайте, кем-кем, а тупым Чудакулли нельзя было назвать. Тупой волшебник живет не дольше стеклянного молотка. На самом деле Чудакулли обладал мощным интеллектом, но мощность эта была, как у локомотива, несущегося по рельсам и с трудом поддающегося управлению.

Такие штуки, как параллельные вселенные, действительно существуют, хотя «параллельные» —

не совсем правильное определение. Вселенные переплетаются и закручиваются вокруг друг друга, как ткань из обезумевшего ткацкого станка или эскадрон новобранцев с глухотой на правое ухо.

К тому же они разветвляются. Но — и это крайне важно — не постоянно. Вселенной, в общем-то, наплевать, наступили вы на бабочку, не наступили... Бабочек много. Так бог, увидевший, как падает пичужка, не прилагает усилий, чтобы ее подхватить.

Пристрелить диктатора и предотвратить войну? Но диктатор — это лишь кончик социального нарыва, из которого появляются диктаторы. Пристрели одного, через минуту появится другой. Пристрелить и этого? Почему бы тогда не пристрелить всех и не захватить Польшу? Через пятьдесят, тридцать или десять лет мир все равно двинется прежним курсом. История обладает огромной инерцией.

Впрочем, и на эту инерцию находится управа.

Когда стенки между «тем» и «этим» истончаются, когда появляются странные утечки... Тогда-то и встает вопрос выбора. В такие минуты можно увидеть, как вселенная, накренившись, спускается по другой штанине хорошо известных Штанов Времени.

Кроме того, существуют застойные лужи — вселенные, отрезанные от прошлого и будущего. Они вынуждены воровать время у других вселенных и могут надеяться только на то, что им, как рыбам-прилипалам, удастся присосаться к динамичным вселенным, когда те будут находиться в уязвимом состоянии. Эти вселенные и называются

паразитными, и на удачу они могут рассчитывать, только когда на полях вдруг начинают появляться круги, будто дождь из валунов прошел...

Ланкрский замок был значительно больше, чем требовалось, несмотря на то что само королевство было достаточно небольшим; с трех сторон страну окружали неприступные горы — и с четвертой стороны тоже была бы гора, не тянись там крутой обрыв. Одно слово, Овцепики...

Однако замок расползся во все стороны. Никто не знал, на какое расстояние тянутся его подвалы.

Сейчас все старались жить как можно ближе к воротам.

— Ты только посмотри на эти бойницы, — покачала головой Маграт.

— На что, м'м?

— На вырезы в верхних частях стен. Мы можем сдерживать целую армию...

— Для этого и нужен замок, м'м.

Маграт вздохнула.

— Может, хватит все время твердить «м'м»? Из-за этого твои слова звучат как-то неуверенно.

— Гм-м, м'м?

— Я имею в виду, с кем тут сражаться? Даже тролли не могут перейти через эти горы, а любой человек, решивший проехаться по нашим дорогам, рискует получить камнем по голове. Кроме того, достаточно разрушить Ланкрский мост, и...

— Не знаю, м'м. Наверное, так положено, у каждого короля должен быть свой замок.

— Вот глупая девчонка... Неужели тебе не интересно? Ты что, вообще никогда не задаешься никакими вопросами?

— А зачем, м'м?

«Я назвала ее глупой девчонкой,— подумала Маграт.— Становлюсь настоящей королевой».

— Ну, хорошо,— смирилась она.— На чем мы остановились?

— На том, что нам нужно две тысячи ярдов синего мебельного ситца в мелкий белый цветок,— заявила Милли.

— А мы не промерили и *половину* окон,— вздохнула Маграт, скручивая портновский сантиметр.

Она посмотрела вдоль Длинной галереи. Самым главным в ней, самым примечательным, первым, на что обращал внимание любой увидевший ее, была длина. Этой характерной особенностью галерея была похожа на Главный зал и Глубокие подземелья. Название служило идеально точным описанием. Раскрудит ее, как выразилась бы нянюшка Ягг.

— Почему? Ну зачем в Ланкре построили замок? — спросила Маграт скорее у самой себя, потому что разговор с Милли практически ничем не отличался от разговора с собой.— Мы никогда ни с кем не ссорились. Кроме как друг с дружкой в субботу вечером у таверны.

— Не могу сказать, м'м.

Маграт опять вздохнула.

— А где сегодня король?

— Открывает Парламент, м'м.

— Ха! Парламент!

Это было еще одной гениальной идеей Веренса. Он пытался ввести в королевстве эфебскую демократию, предоставив право голоса любому, ну, практически любому «имеющему хорошую ри-

путацию, мужского пола, старше сорока лет, владеющему домом, с даходом в три с палавиной козы в год», — никому не хочется прослыть круглым дураком, предоставившим право голоса беднякам, преступникам, сумасшедшим или женщинам, которые абсолютно не умеют пользоваться правами. В общем, Парламент появился, правда члены его приходили на заседания, когда им хотелось, никто никаких протоколов не вел, а еще все всегда соглашались с Веренсом, потому что он был королем. Зачем нам король, разумно рассуждали люди, если придется править самим? Нет, король должен выполнять свои обязанности, он даже может не уметь читать, но править обязан. Никто ведь не заставляет его крыть крыши или доить коров, верно?

— Милли, мне скучно. Скучно, скучно, скучно. Я, пожалуй, пойду погуляю в саду.

— Позвать Шона с трубой?

— Нет, если еще хочешь жить.

Не все сады были перекопаны для сельскохозяйственных экспериментов, кое-что еще уцелело. Был, например, садик со всякими полезными травами — несколько бедноватый, с точки зрения Маграт, потому что росли здесь только те травы, которые использовались в качестве приправ. А скудного воображения госпожи Пышки хватило только на мяту и шалфей. Но вырвена? Тысячеглистник? Львиный зад? Ничего этого не было и в помине.

А еще в замке был знаменитый лабиринт — или, по крайней мере, он должен был стать таковым. Веренс посадил его потому, что где-то услышал, будто бы лабиринт королевскому обитали-

щу просто необходим. Оставалось дожидаться, когда кусты вырастут выше их нынешней высоты в один фут, — вот тогда лабиринт станет действительно знаменитым, и люди смогут в нем заблудиться, не закрывая глаз и не сгибаясь в три погибели.

Маграт уныло брела по дорожке, подметая подолом огромного пышного платья мелкий гравий, когда с другой стороны живой изгороди вдруг раздался чей-то вопль.

Однако Маграт узнала голос. Она уже изучила некоторые традиции Ланкрского замка.

— Доброе утро, Ходжесааргх, — поздоровалась она.

Из-за поворота, промакивая лицо носовым платком, показался королевский сокольник. На его руке, сжав запястье когтями, словно неким точным инструментом, сидела птица. Злобные красные глазки глядели на Маграт поверх острого как бритва клюва.

— У меня новый ястреб, — с гордостью сообщил Ходжесааргх. — Ланкрский ворончатый ястреб. Еще никому не удавалось их приручить. А я приручаю. И он уже почти перестал клевать мой, а-а-а-аргх...

Сокольник яростно замолотил ястребом по стене, пока тот не отпустил его нос.

Строго говоря, сокольника звали несколько иначе. С другой стороны, если считать настоящим именем имя, которым человек обычно представляется, то сокольник определенно был Ходжесааргхом.

Основная беда была в том, что все ястребы и соколы замка происходили родом из Ланкра, то

есть обладали врожденной независимостью ума. После долгого разведения и не менее долгой дрессировки Ходжесааргху удалось наконец добиться того, чтобы они отпускали держащую их руку, и сейчас он работал над тем, чтобы заставить их перестать набрасываться на ближайшего к ним человека, то есть неизменно на Ходжесааргха. Тем не менее сокольничий был чрезвычайно оптимистичным и добродушным человеком, живущим исключительно ради того дня, когда его птицы станут лучшими в мире. Тогда как птицы жили исключительно ради того дня, когда им удастся отклевать у Ходжесааргха второе ухо.

— Вижу, ты добился неплохих результатов, — похвалила его Маграт. — Но, может, стоит обращаться с ними чуточку пожестче? Иногда это помогает.

— О нет, госпожа, — не согласился с ней Ходжесааргх. — Доброе отношение совершенно необходимо. Тут крайне важно установить связь. Если они не будут вам верить, а-а-а-аргх...

— Что ж, не буду тебе мешать, — сказала Маграт, когда в воздух полетели перья.

Маграт была нисколько не удивлена, когда узнала, что в Ланкре существует четкое разграничение по использованию ловчих птиц. Веренсу, как королю, разрешалось иметь гиросокола (кем бы эта тварь ни была), любым живущим поблизости графам дозволялось охотиться с супсанами, а священнослужители могли использовать для охоты пустельгу воробыную. Простолюдинам разрешалось бросать палки*. «Интересно, а ка-

* Правда, не слишком высоко и не очень большие.

кая птица приличествует нянюшке Ягг? — задумалась Маграт. — Наверное, маленький заводной цыпленок, тут все очень строго».

Для ведьм определенной птицы не существовало, но, как королеве, в соответствии с правилами использования ланкрских ловчих птиц Маграт дозволялось охотиться с ухтыястребом — или, как еще его называли, с мучеником бородатым. То была небольшая близорукая птица, которая предпочитала ходить, а не летать. При виде крови она теряла сознание. Стая из примерно двадцати ухтыястребов могла заклевать в усмерть больного голубя. Маграт примерно с час носила птицу на руке. Ястреб только сипло дышал и наконец задремал вверх лапками.

Но у Ходжесааргха хотя бы было занятие. В замке вообще много у кого было занятие. Каждый делал что-то полезное, за исключением Маграт. Ей же оставалось просто существовать. Конечно, если она с кем-нибудь заговаривала, ей любезно отвечали. Но она всегда отвлекала людей от той или иной важной работы. Кроме обеспечения продолжения королевской династии (кстати, Веренс уже заказал книгу по этому вопросу) Маграт...

— Эй, девочка, ближе лучше не подходи. Иначе можешь сильно пожалеть, — вдруг услышала она чей-то голос.

Маграт решила возмутиться:

— Девочка? Мы почти стали членами королевской семьи по мужу!

— Возможно, но пчелы-то об этом не знают.

Маграт остановилась.

Незаметно для себя она вышла из сада королевской семьи и вошла в сад обычных людей, то есть, покинув мир живых изгородей, подстриженных деревьев и пряных трав, она неожиданно оказалась в мире старых сараев, груд цветочных горшков, компоста и ульев.

С одного из ульев была снята крыша. Рядом в коричневом облаке, покуривая свою особую трубку, стоял господин Брукс.

— А, это ты, господин Брукс, — кивнула Маграт.

Официально господин Брукс был королевским пчеловодом. Но отношения с ним были весьма тонкими. Например, почти всех слуг называли просто по фамилиям, тогда как господин Брукс, повариха и дворецкий пользовались привилегией почтительного обращения. Потому что господин Брукс обладал тайной силой. О меде и спаривании маток ему было известно все. А еще он все-все знал о роях и о том, как уничтожать осиные гнезда. В общем, господин Брукс пользовался общим уважением — примерно так же относятся к кузнецам и ведьмам, то есть к тем людям, чьи обязанности связаны не только с будничным, повседневным миром, но и с миром иным, о котором обычный человек ничего не знает, да и, честно говоря, знать не хочет. Обычно господин Брукс возился с любимыми ульями, бродил по королевству в поисках роя или курил трубку в своем сарайчике, пахнувшем застарелым медом и осиным ядом. Королевского пчеловода старались не оскорблять — мало кому хочется обнаружить вдруг в своей уборной пчелиный рой.

Господин Брукс аккуратно накрыл крышей улей и отошел в сторону. Несколько пчел, яростно жужжа, вылетели из дыр закрывавшей его лицо сетки.

— Привет, ваша светлость,— снизошел он до приветствия.

— Привет, господин Брукс. Что ты тут делаешь?

Господин Брукс открыл дверь в свой сарайчик и некоторое время копался внутри.

— Пчелы в этом году поздно роятся,— пояснил пчеловод, выныривая обратно.— Просто проверяю их. Чаю хочешь?

В общении с господином Бруксом было бесполезно настаивать на соблюдении этикета. Он относился ко всем как к равным, даже, скорее, как к подчиненным — наверное, потому, что привык распоряжаться тысячами и тысячами пчел. Но, по крайней мере, с ним можно было нормально поговорить... Вообще, с точки зрения Маграт, господин Брукс очень походил на ведьму — насколько это возможно для мужчины.

Сарайчик пчеловода был забит составными частями ульев, загадочными пыточными инструментами для извлечения меда, старыми кувшинами; здесь же стояла маленькая печка, на которой рядом с огромной кастрюлей кипел грязный заварочный чайник.

Господин Брукс принял молчание Маграт за согласие и налил две чашки.

— Травяной? — дрожащим голосом спросила Маграт.

— Понятия не имею. Просто коричневые листочки из жестянки.

Маграт с опаской заглянула в чашку — внутри плескалась бурая крепкая жидкость. Но положение обязывает — королева должна быть со своими подданными на короткой ноге, а потому Маграт справилась с собой и мужественно сделала глоток. После чего попыталась перевести разговор на более мирные темы.

— Наверное, быть пчеловодом — это очень интересно, — сказала она.

— Да. Очень.

— Но я всегда задавалась вопросом...

— Гм?

— Пчелы такие маленькие — как их доят?

Единорог бродил по лесу, будто слепой. Он чувствовал себя здесь чужим. Высокое голубое небо — и никакого тебе северного сияния. А еще тут *шло время*. Для создания, ранее не подверженного разрушительному влиянию времени, такое чувство было сродни падению с высокой скалы.

Кроме того, единорог чувствовал, что его хозяйка где-то рядом, она будто засела в его голове. Это было куда хуже, чем чувство уходящего времени.

В общем, если говорить коротко, единорог медленно, но верно сходил с ума.

Маграт сидела с широко открытым ртом.

— А я думала, матки рождаются.

— О нет, — терпеливо объяснял господин Брукс. — Такой штуки, как маточное яйцо, в природе не существует. Улей просто выбирает одну пчелку и растит из нее королеву. Кормит ее королевским молочком, так сказать.

— А что будет, если она станет питаться обычной пищей?

— Из нее вырастет обычная рабочая пчелка, ваша светлость, — ответил Брукс с подозрительно республиканской улыбкой.

«Везет же, как все просто...» — подумала Маграт.

— Итак, появляется новая королева — а что происходит со старой?

— Обычно старушка собирает рой, — пожал плечами господин Брукс. — А потом отваливает, забрав с собой часть колонии. Лично я видел тысячи роев, но вот королевский — никогда.

— А что такое королевский рой?

— Даже не могу сказать точно. О нем упоминается в старинных книгах по пчеловодству. Это рой из роев. Говорят, незабываемое зрелище.

На мгновение взгляд пчеловода стал мечтательным.

— Впрочем, — продолжил господин Брукс, — самое веселье — это когда погода плохая или старая матка не может собрать рой. — Он покрутил рукой. — Тогда происходит вот что. В улье — две матки, правильно? Старая и новая. Они начинают преследовать друг друга по сотам, под стук дождя по крыше, а жизнь в улье идет своим чередом. — Господин Брукс иллюстрировал рассказ движениями рук, и Маграт, заслушавшись, подалась вперед. — По всем сотам гоняются, а трутни жужжат, но королевы чувствуют присутствие соперницы, наконец они находят друг друга и...

— Да? Да? — Маграт наклонилась еще ближе.

— Удар! Укол!

Маграт отшатнулась так резко, что ударилась затылком о стенку сарая.

— Двух королев быть не может,— спокойно пояснил господин Брукс.

Маграт оглянулась на улы. Ей всегда нравился вид пасеки — до этого разговора.

— После долгих дождей я частенько нахожу мертвую матку у летка улья,— с довольным видом сообщил господин Брукс.— Королева с королевой не уживается, понимаешь? Все та же старая добрая борьба за выживание. Старая матка более коварна. Однако новой матке *действительно* есть за что драться.

— И за что?

— Она же хочет спариться.

— О.

— Но самое интересное начинается осенью,— продолжал свой увлекательный рассказ господин Брукс.— Зимой улью балласт не нужен. А под ногами трутни болтаются, ничего не делают. Вот рабочие пчелы и тащат их к летку, там кусают и...

— Хватит! — не выдержала Маграт.— Это ведь ужасно! А я считала пчеловодство таким *приятным* занятием.

— А сейчас такое время года, когда пчелы очень истощены,— не унимался господин Брукс.— И происходит вот что. Возьмем обычную пчелу, да? Она работает, пока может, а потом ты вдруг замечаешь, что весь улей окружен старыми пчелами, они пытаются влезть в леток, но...

— Прекрати, я сказала! Правда. Это уже слишком. Я же королева все-таки. Почти.

— Прости, госпожа, — пожал плечами господин Брукс. — Мне показалось, ты интересуешься пчеловодством.

— Да! Но не настолько!

Маграт стрелой вылетела из сарая.

— Ну, не знаю... — задумчиво произнес господин Брукс. — Лично я всегда считал, что к природе надо быть как можно ближе.

Он весело потряс головой, провожая взглядом Маграт.

— В улье может быть только одна королева, — сказал он. — Удар! Укол! Хе-хе-хе!

Откуда-то издалека донесся вопль Ходжесааргха, который в очередной раз слишком близко подпустил к себе природу.

Повсюду появлялись круги на полях.

Вселенные начали выстраиваться в линию. Танцы кипящих спагетти остались в прошлом, сейчас нужно было как можно быстрее преодолеть ненадежный участок распоясавшегося Времени, и вселенные мчались друг за другом, голова в голову.

Именно в такие моменты вселенные и взаимодействуют. Они пихаются локтями, пытаются отвести себе местечко получше, обмениваются стрелами реальности.

Если бы человеческий разум был наивчувствительнейшим приемником, да если б еще вывернуть ручку усиления не просто до упора, а так, чтобы она сломалась, — тогда бы вы смогли уловить некие очень странные сигналы...

Часы тикали.

Матушка Ветровоск сидела перед открытой шкатулкой и читала. Иногда она прерывала чтение, закрывала глаза и задумчиво чесала кончик носа.

Лучше не знать, что готовит нам будущее, и сейчас матушка Ветровоск убедилась в этом на собственном опыте. Ее одолевали приступы дежавю. Такое продолжалось уже с неделю. Причем это было не ее дежавю. Подобное происходило с ней впервые — ее посещали воспоминания, которых не могло быть. Не могло быть никогда. Она — Эсме Ветровоск, вот она, можно ущипнуть, и всегда была Эсме Ветровоск, а не...

Раздался стук в дверь.

Матушка поморгала, обрадовавшись возможности отвлечься от жутких мыслей, но потребовалась добрая пара секунд, чтобы ее внимание сконцентрировалось на настоящем. Затем она сложила лист бумаги, убрала его в конверт, конверт вложила в пачку, пачку спрятала в шкатулку, шкатулку заперла маленьким ключиком, который повесила на гвоздь у камина, после чего направилась к двери. В последний момент она проверила, не разделась ли по рассеянности догола или еще чего не сделала, и только потом открыла дверь.

— Добрый вечер, — поздоровалась нянюшка Ягт, протягивая накрытую полотенцем миску. — Вот, принесла тебе тут...

Матушка Ветровоск смотрела мимо нее.

— Кто это с тобой? — поинтересовалась она.

У троих девиц был очень смущенный вид.

— Понимаешь, они пришли ко мне и... — начала было нянюшка Ягт.

— Погоди, погоди. Дай сама догадаюсь,— оборвала ее матушка.

Она вышла на улицу и внимательно осмотрела всю троицу.

— Так-так-так,— буркнула она.— Ничего себе. Вы, помнится, хотели ведьмами стать. А теперь...— Она заговорила фальцетом: — «О, милая госпожа Ягг, мы поняли, как ошибались, и сейчас хотим научиться *настоящему* ведьмовству». Ну что, права?

— В принципе, да,— подтвердила нянюшка.— Но...

— Это ведьмовство,— сурово произнесла матушка Ветровоск.— А не какая-нибудь... игра в салочки. Черт вас возьми!

Она прошла вдоль короткого строя дрожащих девчонок.

— Так, тебя как зовут?

— Пурпура Пеннидж, госпожа.

— Готова поспорить, мама называет тебя как-то по-другому.

Пурпура смущенно опустила глаза.

— Вообще-то, меня зовут Фиолеткой, госпожа.

— Хорошо. И цвет более приятный,— кивнула матушка.— Что, таинственности захотелось? Чтоб люди подумали, будто бы ты понимаешь все сверхъестественное? А колдовать-то ты умеешь? Подружка тебя всему научила? Ну-ка, сбей с меня шляпу.

— Что, госпожа?

Матушка Ветровоск отошла и развернулась.

— Сбей ее. Мешать не буду, обещаю. Ну, давай.

Пурпура побледнела до Фиолетки, после чего порозовела.

— Я так и не поняла смысла этого психического... как его там...

— Вот те на! Хорошо, посмотрим, на что способны другие... Ты кто?

— Аманита, госпожа.

— Какое *красивое* имя. Ну, посмотрим, что умеешь ты.

Аманита затравленно оглянулась.

— Я, э-э... Боюсь, у меня ничего не получится, я стесняюсь, когда смотрят, и...— начала было она.

— Жаль. А ты что скажешь? Да, ты, последняя.

— Меня зовут Агнесса. Агнесса Нитт,— сообщила Агнесса. Она соображала быстрее своих подруг и Пердитой решила не представляться.

— Давай-ка, попробуй.

Агнесса сосредоточилась.

— Вот это да,— хмыкнула матушка.— Шляпа все еще на мне. Эй, Гита, покажи-ка им.

Нянюшка Ягг вздохнула, подняла сломанную ветку и бросила ее в шляпу матушки. Матушка перехватила сук в воздухе.

— Но, но... Мы же должны были воспользоваться ведьмовскими силами...— запротестовала Аманита.

— Кто вам это сказал? — осведомилась матушка.

— Но так-то *каждый* может,— возразила Пурпура.

— Ага, однако дело не в этом,— кивнула матушка.— Дело в том, что у вас ничего не вышло.— Она улыбнулась, что было для нее не совсем обычным.— Послушайте, вы молоды, и я хочу вам добра. Мир полон возможностей. Ведьмами вам быть вовсе не обязательно. Особенно, если вы понимае-

те, что значит быть ведьмой. А теперь уходите. Идите домой. И не лезьте в паранормальное, пока не поймете, что такое нормально. Давайте, бегите...

— Но это же обман! Об этом-то и говорила Даманда! Сплошной обман, пустые слова...— рассердилась Пурпура.

Матушка подняла руку.

Птицы на деревьях вдруг смолкли.

— Гита?

Нянюшка вцепилась в свою шляпу.

— Послушай, Эсме, эта шляпа стоила мне целых два доллара...

Взрыв эхом разнесся по лесу.

В небе закружились клочки шляпы.

Матушка навела палец на девушек, те резко отшатнулись.

— Идите лучше позаботьтесь о своей подружке,— промолвила матушка.— Она проиграла, и ей сейчас ой как несладко. Не лучшее время для одиночества.

Девушки упорно продолжали таращиться на нее, словно бы матушкин палец загнипотизировал их.

— Я только что *попросила* вас уйти домой. Совершенно спокойным голосом. Хотите, чтобы я *рывкнула*?

Развернувшись, девушки со всех ног бросились бежать.

Нянюшка Ягг с мрачным видом повертела в руках то, что осталось от шляпы.

— Подумать только, я целую вечность угробила на эту настойку против свиных недугов,— пробормотала она.— Восемь разных трав... Листья ивы, стебелек фижмы, чуть львиного зада... Весь

день их собирала. Я понимаю, листьев на деревьях хоть отбавляй...

Матушка Ветровоск задумчиво смотрела де-вушкам вслед.

Нянюшка Ягг замолкла.

— Вспоминаешь прошлое, да? — спросила она чуть погодя. — Помню, мне было тогда лет пятнадцать, я стояла перед старой тетушкой Спективой, а она вдруг как спросит своим жутким голосом: «Кем-кем ты хочешь стать?» Я тогда так перепугалась, чуть не...

— Лично я никогда ни перед кем не стояла, — сухо ответила матушка. — Просто поселилась в саду нянюшки Грапс и обитала там, пока она не пообещала рассказать мне все, что знает. Ха! Целую неделю ее осаждала, зато я себе выходных еще вытребовала.

— То есть никто тебя специально не выбирал?

— Что? Конечно нет. Я сама себя выбрала, — пожалала плечами матушка, после чего повернулась к нянюшке. Неопытному человеку ее лицо еще долго снилось бы по ночам, даже нянюшка внутренне содрогнулась. — Я сама себя выбрала, Гита Ягг. И хочу, чтобы ты знала об этом. И вот еще. Что бы ни случилось. Я никогда не жалела о своем выборе. Никогда ни о чем не сожалела. Понятно?

— Как скажешь, Эсме.

Что есть магия?

Волшебники отвечают на этот вопрос по-разному, в зависимости от своего возраста. Волшебники постарше тут же заводят речь о свечах, кругах, планетах, звездах, бананах, напевах, рунах и

важности четырехразового питания. Их коллеги помоложе, в особенности те, что проводят большую часть времени в здании факультета высокоэнергетической магии*, как правило, пространно рассуждают о всевозможных потоках в изменчивой природе вселенной, о предательском непостоянстве даже самых жестких структур времени-пространства, о невероятности действительности и так далее — но означает это только одно: они наткнулись на горяченькую идею и сейчас бормочут о своей любимой физике...

Время шло к полуночи. Дияманда бежала по склону холма к Плясунам, не замечая, как ветви шиповника и вереска в клочья раздирают ее платье.

Она никак не могла забыть пережитое унижение. Глупые злые старухи! И эти людишки — все вокруг дураки! Она же победила! Победила по правилам! А в награду получила только насмешки.

Глупо ухмыляющиеся лица... О, как это больно! И главное — все ведь поддерживали этих ужасных старух! Откуда им знать, что такое настоящее ведьмовство, какая сила может крыться в нем?!

* Именно тут было успешно доказано, что чар, считавшийся до сего момента мельчайшей частицей магии, состоит из *резонов***, или фрагментов действительности. А последние исследования показали, что каждый резон в свою очередь состоит из комбинации по крайней мере пяти *ароматов*, известных как «вверх», «вниз», «вбок», «привлекательность сексуальная» и «мята перечная».

** Букв.: «вещички».

Но ничего, она им еще покажет.

Впереди на фоне озаренных лунным светом облаков мрачно чернели Плясуны.

Нянюшка Ягг заглянула под кровать — на тот случай, если там вдруг спрятался мужчина. Никогда не знаешь, где повезет.

Сегодня она решила лечь спать пораньше. День выдался трудным.

Рядом с кроватью стояли миска с леденцами и бутылка с прозрачной жидкостью, произведенной на сложном перегонном кубе, что был спрятан за дровяным сараем. Жидкость эта не была виски, не была она и джином, зато крепость ее составляла 90 градусов. Это «лекарство» очень помогало в тревожные моменты, иногда возникавшие в три часа ночи, когда нянюшка просыпалась и никак не могла вспомнить, кто она. После стаканчика прозрачной жидкости нянюшка по-прежнему не помнила, кто она, но это уже не имело значения, потому что она становилась совсем другим человеком.

Старая ведьма взбила четыре подушки, пинком загнала в угол мохнатых пауков и зарылась в одеяла с головой, создав себе маленькую, теплую и слегка вонючую норку. Там, аппетитно причмокивая, она принялась сосать леденец. У нянюшки остался всего один зуб, который за свою бурную жизнь перевидал столько всего, что какой-то леденец на ночь вряд ли мог ему повредить.

Через несколько секунд тяжесть в ногах сообщила о том, что кот Грибо занял свое привычное место на кровати. Грибо всегда спал в ногах, а по утрам нежно пытался выцарапать глаза, что

служило превосходным будильником. На ночь нянюшка всегда оставляла окно открытым — на тот случай, если любимому коту приспичит выйти и выпотрошить кого-нибудь, дай ему боги здоровья.

Так-так. Эльфы. (Вряд ли они способны услышать слова, произнесенные *внутри ее головы*.) А она уж решила, что никогда их не увидит. Когда ж это было? Сотни и сотни лет назад, если не тысячи. Ведьмы неохотно рассказывали о случившемся, потому что допустили большую ошибку. В конце концов они раскусили этих паскудников, и вовремя — чуть-чуть не опоздали. В те дни ведьм было много. Они сумели остановить эльфов, устроить им хорошую жизнь. С эльфами сражались железом. Эти мелкие пакостники на дух железо не переносили. Оно их ослепляло или еще что с ними делало... Причем ослепляло навсегда.

Но сейчас ведьм почти не осталось. *Настоящих* ведьм. Однако на самом деле проблема заключалась в том, что люди забыли, какой была жизнь при эльфах. Разумеется, она была намного интереснее — обычно потому, что была короче. И более красочной, если вам нравится цвет крови. Люди даже боялись вслух упоминать об этих сволочах.

Ты говоришь: Сверкающие. Ты говоришь: Сказочный Народец. А потом плюешь и трогаешь железо. Но проходит много-много поколений, и ты забываешь, что нужно обязательно плюнуть и потрогать железо, забываешь, почему ты их так называл. Помнишь только, что они были красивыми...

Да, в те времена было много ведьм. Слишком многие женщины находили колыбельки пустыми... Или муж не возвращался с охоты. С той охоты, где жертвой был он.

Эльфы! Паскудники... но все же... все же... что за штуку такую они проделывают с памятью?

Нянюшка Ягг повернулась на другой бок, Грибо протестующе заворчал.

Взять, например, троллей и гномов. «О, им нельзя доверять, — как правило, говорят люди. — Тролли — неплохие ребята, если не считать того, что за ними глаз да глаз нужен, а некоторые очень даже порядочные — по-своему, правда... Но почти все они трусливые и тупые, а что касается гномов, так они просто жадные и хитрые бесенята, правда и среди них попадаются достаточно разумные особи, но засранцы, они и есть засранцы — в общем, гномы ничуть не лучше троллей, потому что на самом деле...

...Они похожи на нас.

Только смотреть на них ничуть не приятнее, чем на нас, и у них нет *стиля*. А мы так просто дураки, и память у нас выделяет фокусы — к примеру, мы помним, как красивы эльфы, как они двигаются, но забываем, кто они на самом деле. Тут мы похожи на мышей: «Говорите что хотите, но у кошек такой утонченный *стиль*...»

От гномов люди никогда не прятались под одеялами. И не забивались в темные уголки — не дай боги, попадутся на глаза какому троллю. Время от времени троллям и гномам доставалось от людей — но так, походя, обычный пинок под зад, чтобы место свое помнили. А чтобы искоре-

нять? Пусть живут — гномы и тролли никогда не были ужасом в ночи.

«Мы помним только, как поют эльфы. И забываем, о чем они поют».

Нянюшка Ягг снова заворочалась в своей постели. Она услышала, как что-то соскользнуло с кровати, потом раздался приглушенный обиженный вой — Грибо свалился на пол.

Нянюшка села.

— Надевай свои уличные лапки, малыш. Мы идем на прогулку.

Пересекая полночную кухню, она остановилась, взяла с полки у плиты большой черный утюг и привязала к нему кусок бельевой веревки.

Сколько раз за свою жизнь нянюшка бродила по ночному Ланкру, и ей никогда не приходила в голову мысль прихватить с собой какое-нибудь оружие. Конечно, большую часть своей жизни она была признанной ведьмой, и любой незадачливый грабитель после встречи с нянюшкой унес бы свои мужские принадлежности в бумажном пакетике.

Сейчас же она явственно чувствовала свой страх.

Эльфы возвращались, отбрасывая впереди себя зловещие тени.

Диаманда добежала до вершины холма.

Где и остановилась. Она была абсолютно уверена, что кто-то идет по ее следам. Может, эта назойливая старуха Ветровоск? Да нет, вряд ли...

Никого не было видно.

Она повернулась.

— Добрый вечер, госпожа.

— Ты? Ты все-таки следила за мной!

Сидевшая в глубокой тени Трубача матушка неспешно поднялась на ноги.

— Ничего подобного, — покачала она головой. — Мой отец был настоящим знатоком леса, и я училась у него. Так вот, когда он отправлялся на охоту, то всегда говорил: плохой охотник преследует, а хороший — ждет.

— Значит, ты на меня *охотишься*?

— Да нет... Просто ждала тебя здесь. Знала, что ты обязательно появишься. Ведь больше тебе некуда идти. Ты же пришла сюда, чтобы позвать *ее*? Покажи-ка мне свои руки.

Это была не просьба, а приказ. Диаманда почувствовала, как руки ее против собственной воли поднимаются, и, прежде чем она успела спрятать их за спину, матушка схватила ее запястья шершавыми, как наждачная бумага, пальцами.

— Вижу, ты никогда не занималась тяжелой работой... — ласково произнесла матушка. — Не убирала обледеневшую капусту, не доила корову, не рыла могилу, не готовила тело к погребению.

— А что, именно так становятся ведьмами? — огрызнулась Диаманда.

— Вовсе нет, это совсем не обязательно... Но позволь рассказать тебе кое-что. О красивой женщине в красном платье и со звездами в волосах, а может, и с лунами. И о голосах, которые ты слышишь во сне. И о силе, которую ты чувствуешь, когда приходишь сюда. Думаю, ее посулы были щедры. Тебе обещали дать все, что бы ты ни захотела. И совершенно бесплатно.

Диаманда молчала.

— Все это уже случилось. Люди любят слушать такие речи. — Глаза матушки Ветровоск затуманились. — Тебе так одиноко, а окружающие слишком глупы, чтобы разговаривать с ними, и мир полон тайн, о которых тебе ничего не рассказывают...

— Ты читаешь мои мысли?

— Твои? — Матушка Ветровоск словно вернулась откуда-то издалека, голос ее обрел прежнюю деловитость. — Ха! Цветочки, ягодки и все такое прочее... Танцы нагишом. Карты, веревочки, заклятия... И самое главное — это ведь работает! Да, она дала тебе обещанную силу, но только на время. О, как она, должно быть, смеялась. Ведь с каждым разом силы тебе дается все меньше и меньше, а цена становится все выше и выше. После чего сила исчезает совсем, тогда как платить нужно каждый день. Они всегда забирают больше, чем дают. И даже то малое, что они дают, очень скоро обесценивается. Так идет и идет, и в конце концов они забирают все. Им очень хочется заполучить наш страх. Но больше всего им нужна наша вера. Они придут, если ты их позовешь. Сейчас, во время кругов, мир очень тонок, и они услышат тебя — ты позовешь их и дашь им нужный канал... Сила Плясунов очень ослабла. Однако я не позволю... не позволю Дамам и Господам вернуться.

Диаманда открыла рот.

— Я еще не закончила. Ты умная девочка. Можешь заниматься чем угодно. Но тебе не следует становиться ведьмой. Это совсем не легкая жизнь.

— Ты просто сумасшедшая старуха и ничего не понимаешь. Эльфы совсем не такие...

— Только не произноси это слово. Не надо. Если их позвать, они обязательно придут.

— Отлично! Эльфы, эльфы, эльфы! Эльфы...

Матушка влепила ей пощечину.

— Ты повела себя глупо, по-ребячески, и ты сама это знаешь, — спокойно продолжала она. — А теперь слушай меня. Если ты останешься здесь, твой мир перевернется навсегда. Или ты можешь уехать, найти свое будущее, стать знатной дамой, у тебя есть для этого задатки. Может быть, когда-нибудь, лет через десять, ты вернешься, вся в драгоценностях и шелках, и будешь править нами, домоседами, ну и чудесно, я буду только рада. Но если ты останешься и попытаешься вызвать... Дам и Господ, то снова столкнешься со мной. А про ту глупую игру на солнышке забудь — сейчас начнется *настоящее* ведьмовство. Луны, круги, песнопения — ерунда это все, нет, то будет настоящее дело — из крови и костей, из головы. А ты *ничего* об этом не знаешь. Верно? И пощады не жди.

Некоторое время Диаманда молча смотрела на нее, щека ее была красной от пощечины.

— Что ж, я уйду... — наконец промолвила она.

Матушка опоздала лишь на секунду.

Диаманда бросилась к камням.

— Глупая девчонка! Только не *туда*!

Фигура девушки уже становилась меньше, хотя находилась она всего в нескольких футах.

— Пропади ты пропадом!

Матушка бросилась за ней, платье ее громко затрещало, разрываясь там, где зацепилось за кочергу. Кочергу на всякий случай матушка принесла с собой, и сейчас этот предмет ведьмовской

самообороны вырвался из ее рук и с гулким звуком прилип к одному из Плясунов.

Потом из матушкиных башмаков вылетели все гвозди и тоже устремились в сторону камней.

Железо не могло пройти в тот мир. Там железо находилось под запретом.

Матушка уже бежала по дерну, когда поняла, что происходит. Но было поздно, да и какая разница... Она сделала свой выбор.

Сначала возникло ощущение неразберихи — направления принялись скакать, меняться местами, извиваться вокруг, но вскоре под ногами закрипел снег. Цветные узоры скользили по его поверхности, отражая безумный танец вечного северного сияния, что горело на небе.

Диаманда продиралась вперед, увязая в снегу. Ее обувь едва ли годилась даже для прогулок по летнему лесу, не говоря уж о глубоком снеге. Матушкины башмаки, напротив, даже без гвоздей могли выдержать прогулку по раскаленной лаве.

Но мышцы, которые передвигали эти башмаки, слишком устали за свою долгую жизнь. Диаманда опережала матушку.

Снег падал с ночного неба. Всадники, выстроившись кругом, поджидали их неподалеку от камней. Королева выдвинулась чуть вперед. Все ведьмы до единой знали, как выглядит их королева...

Диаманда споткнулась и упала. Сил у нее хватило только на то, чтобы приподняться с земли.

Матушка остановилась.

Громко заржала лошадь королевы.

— Эй ты, — окликнул один из эльфов, — на колени перед своей королевой.

Королева была вся в красном, на голове ее красовалась медная корона.

— Ни за что, — ответила матушка Ветровоск.

— Ты в моем королевстве, женщина, — сказала королева. — Ты не можешь приходить сюда и уходить без моего позволения. Ты встанешь на колени!

— Я прихожу и ухожу, и ничьего позволения мне не требуется, — огрызнулась матушка Ветровоск. — Никогда раньше его не спрашивала, не собираюсь начинать и сейчас.

Она положила руку на плечо Даманды.

— Вот они, твои эльфы, — промолвила она. — Красивые, правда?

Воины были больше двух метров ростом. Из одежды на них были только скрепленные вместе куски шкур, бронзовые пластины и бусы из цветных перьев. Зеленые и синие татуировки покрывали обнаженные участки кожи. Некоторые воины держали натянутые луки, и острия стрел следили за каждым движением матушки.

Густо смазанные салом волосы ореолом окружали их головы. И хотя лица эльфов были самыми красивыми из всех, что Даманде доводилось видеть в жизни, у нее вдруг возникло странное чувство: что-то в них было не так, что-то необычное присутствовало в их выражении.

— Мы живы только потому, — услышала она за спиной голос матушки, — что с нами живыми интересней развлекаться, чем с мертвыми.

— Не слушай эту назойливую старуху, — сказала королева. — Ну что она может тебе предложить?

— Уж всяко больше, чем снег жарким летом,— парировала матушка.— Посмотри на их глаза. Ты только взглядишь в них.

Королева сошла с лошади.

— Возьми меня за руку, дитя,— велела она.

Диаманда робко протянула руку.

Эти глаза... Очень странные, но не формой, не цветом. И злобы в них тоже не было. Зато был...

...Взгляд. С таким взглядом столкнулся бы микроб, если бы смог заглянуть в микроскоп со своей стороны. «Ты — ничто»,— говорил взгляд. А еще он говорил: «Ты ущербна, ты ничего не значишь». «Ты — животное»,— настаивал он. И: «Домашняя скотина, добыча, на что-нибудь да сгодишься...» «В общем, посмотрим»,— заключал он.

Она попыталась выдернуть руку.

— Выйди из ее головы, старая карга!

Лицо матушки покрылось потом.

— Я не входила в ее голову, эльфийка. Но не дам войти и тебе.

Королева улыбнулась. Более красивой улыбки Диаманда еще не видела.

— Надо же, в тебе есть сила. Удивительно. Честно говоря, не думала, что ты чего-нибудь достигнешь, Эсмеральда Ветровоск. Но сила тебя не спасет. Убейте обеих. По очереди. Пусть другая посмотрит.

Королева вскочила на лошадь, развернулась и галопом поскакала прочь.

Два эльфа спрыгнули на снег и вытащили из-за поясов тонкие бронзовые кинжалы.

— Ну, вот и все,— хмыкнула матушка Ветровоск, когда воины направились к ним.— Когда

придет время, бери ноги в руки и беги,— прошептала она.

— Какое время?

— Сама поймешь.

Когда эльфы подошли, матушка упала на колени.

— Ой, голубчики, пощадите меня, я ж всего лишь бедная старушка, к тому же костлявая,— запричитала она.— Сохрани мне жизнь, молодой господин. О боги...

Она свернулась калачиком и зарыдала. Диаманда смотрела на нее в полном изумлении, ничего не понимая. Неужели она рассчитывает выбраться из передраги при помощи столь наивных, очевидных фокусов?

Однако эльфы очень долго не встречались с людьми. Первый эльф подошел к матушке Ветровоск, схватил за плечо — и тут же получил удар в то место, о существовании которого, по мнению нянюшки Ягг, Эсме Ветровоск никак не должна была знать.

А Диаманда уже бежала. Локоть матушки воткнулся в грудь второго эльфа, и она кинулась за Диамандой.

За их спинами раздался веселый смех.

Диаманда была крайне поражена тем спектаклем, что разыграла матушка. Но еще больше она удивилась, когда матушка Ветровоск поравнялась с ней. Впрочем, матушке было от чего убежать.

— У них лошади!

Матушка кивнула. Разумеется, лошади бегают быстрее людей, но не все понимают, что это справедливо только для бега на средние дистанции. На короткой дистанции полный решимости че-

ловек способен перегнать лошадь — хотя бы потому, что у него вдвое меньше ног, с которыми следует разобраться.

Матушка схватила Диаманду за руку.

— Беги между Трубачом и Барабанщиком!

— Но как я их отличу?

— Ты даже этого не знаешь?!

Человек действительно способен перегнать лошадь, но от стрелы не убежишь.

Что-то просвистело рядом с ухом матушки Ветровоск.

Кольцо камней ближе не становилось.

Нет, даже пробовать не стоит. Это просто невозможно. Для этого нужно устроится поудобнее, лечь или к чему-нибудь прислониться.

И все-таки матушка решила попробовать...

В погоню за ними устремились четыре эльфа. Но влезть в сознание эльфа? Крайне сложно. А вот сознание лошадей... да, лошадей...

Они были плотоядными, с разумом, целеустремленным, как стрела.

Правила Заимствования гласили: ты не причиняешь вреда, просто проникаешь в сознание, никаким образом не затрагивая *владельца*...

Однако то были не жесткие правила, а скорее общие указания.

Каменный наконечник очередной стрелы пробил ее шляпу.

Да и не указания вовсе, если разобраться...

На самом деле, даже не...

Да провалитесь вы все!..

Сквозь слои едва контролируемого безумия, которое всегда можно найти в мозгу даже вполне нормальной лошади, матушка проникла в разум

одного из эльфийских животных. На мгновение она увидела налитыми кровью лошадиными глазами собственную фигуру, бегущую по снегу. А потом матушка сосредоточилась на управлении шестью ногами одновременно, причем две из них принадлежали совсем другому телу.

Исполнять на музыкальном инструменте одну мелодию, а петь абсолютно другую* — это легкая послеобеденная прогулка по сравнению с тем, что сейчас пыталась проделать матушка.

Она знала, что долго ей не продержаться — спустя пару-другую секунд полная неразбериха овладеет ее телом и разумом. Но ей нужна была одна-единственная секунда, а потом... Матушка почувствовала, как усиливается хаос, свалила его в мозг лошади весь без остатка и быстро вышла, вернувшись в свое тело как раз в тот момент, когда оно начало падать.

В голове у животного воцарился суший ужас.

Бедная лошадь совершенно растерялась: что такое вдруг проникло к ней в голову, как оно там очутилось? Более того, она никак не могла понять, сколько же у нее теперь ног. Был выбор между двумя и четырьмя — или, возможно, шестью. Лошадь остановилась на трех.

Матушка услышала отчаянное ржание, после чего, судя по шуму, лошадь свалилась, захватив с собой еще двух своих товарок.

— Ха!

Она рискнула бросить взгляд на бегущую рядом Диаманду.

* Впрочем, для нянюшки Ягт это было привычным делом.

Которой рядом не оказалось.

Девушка барахталась в снегу, пытаясь подняться на ноги. Обращенное к матушке лицо было бледным как снег.

Из плеча Диаманды торчала стрела.

Матушка бросилась назад, схватила девушку и подняла ее на ноги.

— Скорее! Уже близко!

— Не могу бежать... Холодно...

Диаманда опять начала падать. Матушка успела поймать ее и, крикнув с натугой, закинула на себя.

Всего несколько шагов, а потом нужно будет только упасть впер...

Когтистая лапа вцепилась ей в юбку...

Все трое покатались по летнему папоротнику.

Первым вскочил на ноги эльф. Он несколько удивленно огляделся, после чего с триумфальным видом повернулся к двум лежащим на земле ведьмам. В руке у него уже блестел длинный медный нож.

Начать эльф решил с матушки. Она почувствовала его тошнотворный запах, увидела занесенную руку с ножом, из последних сил попыталась проникнуть в его голову...

Что-то пролетело перед ней.

Веревка обернулась вокруг шеи эльфа и затянулась, тяжелый предмет со свистом рассек воздух. Мимо ошеломленных глаз эльфа пролетел древний утюг, скрылся за ухом и принялся вращаться вокруг его головы со все возрастающей скоростью и постоянно уменьшающимся радиусом орбиты, пока наконец не врезался в эльфий-

ский затылок, оторвав зловонную тварь от земли и бросив на мягкую траву.

В поле зрения матушки появилась нянюшка Ягг.

— О боги, какая вонь...— хмыкнула она.— Эльфа можно учуять за версту.

Матушка с трудом поднялась на ноги.

Внутри круга ничего не было. Ни снега, ни эльфов, только чуть примятая трава.

Матушка повернулась к Диаманде. Девушка лежала без чувств.

— Эльфийская стрела,— объяснила матушка.

— Вот сволочь.

— Наконечник все еще в ней.

Нянюшка почесала затылок.

— Наконечник я вытащу, нет проблем,— сказала она.— Но что делать с ядом? Можно, конечно, наложить жгут...

— Ха! Его придется накладывать на шею.

Матушка села и положила подбородок на колени. У нее жутко болели плечи.

— Дай мне отдышаться,— попросила она.

Странные картины возникали в ее воображении. Ну вот, снова началось. Матушка знала, что существует альтернативное будущее, в конце концов будущее и должно быть изменчиво. Но она никогда не слышала об альтернативном прошлом. Сосредоточившись, матушка могла припоминать, как прошла между камнями, как... Но одновременно она помнила *другое*. Как лежала в постели в собственном доме, именно в доме, а не в хижине, но это была *она*, и воспоминания были *ее*... У нее

даже сложилось странное впечатление, что и сейчас она тоже спит...

Матушка попыталась сосредоточиться на нянюшке — было в ней что-то успокаивающее, незбылемое.

Нянюшка достала перочинный нож.

— Ты что делаешь?

— Хочу избавить его от страданий, Эсме.

— По-моему, не больно-то он и страдает.

Глаза нянюшки возбужденно заблестели.

— Ну, это можно быстро исправить.

— Гита, нельзя его пытаться только потому, что он валяется на земле.

— Знаешь, Эсме, я не собираюсь ждать, когда он встанет на ноги.

— *Гита!*

— Они крали детей. Этого я не намерена прощать. Одна только мысль о том, что кто-нибудь возьмет и утащит нашего Пьюси...

— Даже эльфы не настолько глупы. В жизни не видела более липкого ребенка.

Матушка осторожно приподняла веко Дьяманды.

— Полностью вырубилась, — констатировала она. — Наверное, танцует сейчас с феями.

Она взвалила девушку на плечо.

— Пошли. Я понесу ее, а ты — господина Колокольчика.

— Ты поступила очень храбро — вытащила ее оттуда на себе, да еще под стрелами эльфов, — сказала нянюшка.

— Так у них было меньше шансов попасть в меня, — пояснила матушка.

Нянюшка Ягг была откровенно шокирована.

— Что?! Эсме, как ты...

— Ну, ее все равно уже подстрелили. А если бы подстрелили еще и меня, вообще никто бы не выбрался, — пожалала плечами матушка.

— Но это... это несколько *бессердечно*, Эсме.

— Бессердечно, зато очень мудро. Я никогда не утверждала, что отличаюсь добротой. Благоразумие — вот что главное. И нечего так паяться. Ты идешь или будешь весь день торчать здесь с открытым ртом?

Нянюшка закрыла рот, но потом снова открыла его, чтобы сказать:

— А что ты собираешься делать сейчас?

— Ты знаешь, как ее вылечить?

— Я? Нет!

— Отлично! Я тоже. Однако есть у меня человек, который, вероятно, сможет нам помочь. А эльфа мы пока сунем в подземелье. Там много железных решеток. Это его немножко успокоит.

— Но как его сюда занесло-то?

— Вцепился мне в юбку. Я понятия не имею, как действует круг. Может, сила камней разрешает проходить только людям... или что-нибудь навроде. Честно говоря, меня больше волнует, чтобы его дружки и дальше оставались внутри.

Нянюшка, казалось бы, без особых усилий* взвалила бесчувственного эльфа на плечо.

* Как уже упоминалось в хрониках Плоского мира, вся экономика местного сельского хозяйства напрямую зависела от подъемной силы маленьких старушек в черных платьях.

— От него воняет даже хуже, чем от козлиной подстилки, — проворчала она. — Придется по возвращении домой принять ванну.

— Ничего, тебе не повредит, — хмыкнула матушка Ветровоск.

Что есть магия?

Ведьмы отвечают на этот вопрос по-разному, в зависимости от своего возраста. Ведьмы постарше вообще не любят об этом говорить, но в душе они подозревают, что на самом деле вселенная ни черта не знает и состоит из зиллионов триллионов миллионов возможностей, каждая из которых может осуществиться, если тренированный, затвердевший от квантовой уверенности ум вставить в нужную щелку и повернуть. Таким образом, если вы хотите, чтобы на ком-нибудь взорвалась шляпа, нужно лишь перейти в ту вселенную, в которой великое множество молекул шляпы вдруг одновременно решат разлететься в разные стороны.

Тогда как ведьмы помоложе только и твердят о магии, свято веря, что она тесно связана с кристаллами, таинственными силами и танцами голышом вокруг костра.

Возможно, обе стороны правы. Но это уже совсем другая, квантовая, теория.

Стояло раннее утро. Шон Ягг отважно нес службу у бойницы Ланкрского замка и был единственной защитой всех местных жителей от огромных варварских орд, которые случайно могли оказаться поблизости.

Военная служба Шону нравилась. Иногда он даже мечтал о том, чтобы какая-нибудь неболь-

шая орда совершила нападение на Ланкр, предоставив ему возможность Спасти Королевство. Он бы повел армию в бой... жаль только, армии у короля не было.

Краткий вопль возвестил о том, что Ходжесаргх угостил своих питомцев утренним пальцем.

Шон не обратил внимания на этот крик, который, по сути дела, являлся неотъемлемой частью фонового замкового шума. Сейчас стражник коротал время тем, что пытался определить, на сколько секунд максимум у него получится задержать дыхание.

Существует великое множество способов коротать время. Например, Содержание Ноздрей В Идеальной Чистоте. Или Выпукивание Мелодий. Или Стояние На Одной Ноге. Задерживанием Дыхания и Счетом Шон Ягг занимался только в том случае, если не мог придумать что-нибудь поинтереснее или если пища не была особо богата углеводородами.

Внизу пару раз громко скрипнул дверной молоток. Он так заржавел, что добиться от него какого-либо звука можно было только в том случае, если поднять молоток — при этом он издавал первый скрип, — а потом с силой опустить — тогда он производил второй скрип, а если гостю везло, то и глухой удар.

Шон глубоко вздохнул и выглянул из бойницы.

— Стой! Кто идет? — проорал он.

— Это я, Шон, Твоя мамочка, — донесся снизу звонкий голос.

— А, привет, мам. Привет, госпожа Ветровоск.

— Будь пай-мальчиком,пусти нас.

— А кто идет — друг или враг?

— Что?

— Я так должен сказать, мам. Так положено. А тебе следует ответить: «Друг».

— Я — твоя мама.

— Все нужно делать как положено, мам, — промолвил Шон голосом человека, который знает, что все равно проиграет, вне зависимости от того, что случится дальше. — Иначе зачем придумали правила?

— Знаешь что, мой мальчик, еще минута, и я стану врагом.

— О-о-о-а-а-а-у-у-у, мам!

— Ну, хорошо, хорошо. Друг.

— Да, но ты могла бы сказать это немножко другим тоном и...

— *Немедленно пропусти нас, Шон Ягг.*

Шон отдал честь, едва не оглушив себя древком пики:

— Пропускаю, госпожа Ветровоск!

Его круглое честное лицо скрылось из вида. Через минуту или две до ведьм донесся скрип решетки.

— Как это у тебя получается? — удивилась нянюшка.

— Элементарно, — пожала плечами матушка. — Ты никогда не сделаешь так, чтобы его глупая голова взорвалась прямо у него на плечах. И он это знает.

— Но я-то знаю, что ты так тоже никогда не поступишь.

— Нет, не знаешь. Ты знаешь только, что *пока* до этого не доходило.

Маграт думала, что с ней шутят, но все оказалось правдой. В Главном зале стоял один длинный, очень длинный обеденный стол, а она и Веренс должны были сидеть на противоположных концах.

Это было как-то связано с этикетом.

Король должен сидеть во главе стола. Это объяснений не требует. Однако если бы она села рядом, то обоим было бы неудобно, потому что пришлось бы поворачиваться, чтобы поговорить. Оставалось сидеть на противоположных концах и кричать.

Но при этом возникала другая проблема — как накладывать в тарелки пищу, которая обычно кучковалась в середине стола. Наиболее очевидный и легкий вариант, когда они сами себя обслуживают, даже рассмотрению не подлежал. Если короли начнут сами накладывать еду себе на тарелку, это приведет к краху всей системы монархической власти.

К сожалению, это означало, что обслуживание возлагалось на дворецкого господина Прыжкинса, который страдал плохой памятью, нервным тиком и болезнью коленного сустава. А еще Главный зал с кухней соединяла средневековая подъемная система. Она грохотала, как двуколка, в то время как сама шахта подъемника служила своего рода поглотителем тепла. Горячая пища становилась в ней холодной. Холодные блюда становились еще холоднее. Никто не знал, что произойдет в шахте с мороженым, но, вероятно, в результате этого эксперимента пришлось бы переписать некоторые законы термодинамики.

Кроме того, королевская повариха никак не могла уловить суть вегетарианства. Традиционные

блюда были настолько богаты засоряющими артерии жирами, что последние покрывали тарелки огромными студенистыми каплями, в то время как овощи использовались, исключительно чтобы впитывать остаток соуса, и обычно были выварены до получения однородной желтоватой массы. Маграт попыталась объяснить кое-что госпоже Пышке, но при слове «витамины» тройной подбородок повара задрожал так угрожающе, что будущая королева предпочла быстренько извиниться и покинуть кухню.

В данный момент Маграт с аппетитом жевала яблоко. Госпожа Пышка хорошо разбиралась в яблоках и знала, как их правильно готовить. Из огромных сочных плодов вырезалась мякоть, вместо нее заталкивался внутрь изюм с кремом, после чего фрукты запекались. Поэтому Маграт предпочла украсть из кладовой свежее яблоко. Оставалось выяснить, где в замке хранится морковь.

Из-за серебряных подсвечников и стопки бухгалтерских книг Веренс был едва виден.

Иногда они поднимали глаза и улыбались друг другу. Вроде бы улыбались — расстояние было столь велико, что определить точно не представлялось возможным.

Вроде бы он что-то сказал...

Маграт приложила ладони к губам:

— Что-что?

— Нам нужно...

— Не слышу!

— Что?

— Что?

Не выдержав, Маграт встала. Однако еще несколько минут ей пришлось ждать, пока полило-

вевший от натуги Прыжкинс не подвинет ее стул ближе к Веренсу. Она могла бы сделать это сама, но королевы так не поступают.

— Нам нужно назначить придворного поэта, — сказал Веренс, сделав в одной из книг какую-то пометку. — В каждом королевстве должен быть свой придворный поэт. Чтобы воспевать в стихах то, что происходит при дворе.

— Да?

— Я подумал, может, госпожа Ягг подойдет? Слышал, она очень хорошая поэтесса-песенница.

Маграт постаралась не рассмеяться.

— Я... э-э... я думаю, ей известно много *интересных* рифм, — кивнула она.

— Существующая сейчас ставка — четыре пенса в год плюс бочка мешков, — сказал Веренс, взглянув в книгу. — Или мешок бочек.

— А чем она должна будет заниматься? — уточнила Маграт.

— Здесь говорится, что в обязанности придворного поэта входит публичная декламация стихов по время важных государственных событий.

Маграт имела честь присутствовать на некоторых публичных поэтических чтениях нянюшки Ягг. Особенно нянюшка любила жестикулировать. С самым серьезным видом Маграт кивнула.

— Я не против, — сказала она. — Но при одном условии. Она должна вступить в должность только *после* свадьбы.

— Но почему, дорогая?..

— *После* свадьбы.

— О.

— Можешь мне довериться.

— Да, конечно, если ты так настаиваешь...

За двойными дверями послышался громкий шум, потом створки с треском распахнулись, и на пороге Главного зала появились нянюшка Ягг и матушка Ветровоск, которых безуспешно пытался остановить Шон.

— О-о-о-а-а-а-у-у, *мам!* Сначала должен был войти я и объявить, кто пришел.

— Мы сами объявим, кто пришел. Как поживаете, ваши величества? — поздоровалась нянюшка.

— Да хранят боги этот замок, — сказала матушка. — Маграт, нужно кое-кого подлечить. Прямо здесь. Срочно.

Матушка театральным движением смахнула подсвечники и посуду на пол и положила Диаманду на стол. На самом деле несколько акров стола были совершенно свободны, но какой смысл в торжественном входе, если нет возможности пошалить?

— По-моему, она боролась с тобой вчера... — удивилась Маграт.

— Какая разница? — оборвала ее матушка. — Доброе утро, ваше величество.

Король Веренс кивнул. Другие короли позвали бы стражу, но Веренс был разумным королем — как-никак, перед ним стояла сама матушка Ветровоск, а кроме того, единственным стражником был Шон Ягг, который в данный момент пытался выпрямить свою трубу.

Нянюшка Ягг скользнула к столику с закусками. Не то чтобы она была грубой и бесчувственной, но последние несколько часов выдались трудными, а здесь оставался обильный завтрак, который, как ей показалось, никого не интересовал.

— Что с ней случилось? — спросила Маграт, приблизившись к распростертой на столе Дьяманде.

Матушка оглянулась по сторонам. Рыцарские доспехи, щиты на стенах, ржавые старые мечи и пики... похоже, железа предостаточно.

— Ее подстрелил эльф...

— Но... — произнесли Маграт и Веренс одновременно.

— Никаких вопросов, сейчас нельзя тратить ни секунды. Ее подстрелил эльф. А стрелы у них те еще. Это не просто рана, твой разум покидает тело и может вообще не вернуться. Ты можешь сделать хоть что-нибудь?

Несмотря на свою добрую натуру, Маграт вдруг ощутила приступ праведного гнева.

— Ага, значит, я снова стала ведьмой? Стоило вам...

Матушка Ветровоск вздохнула.

— На это тоже нет времени, — перебила она. — Я просто спрашиваю. Тебе достаточно сказать «нет». Тогда я унесу ее и больше не буду тебя беспокоить.

Все это она произнесла таким неожиданно тихим голосом, что Маграт быстро подавила свой гнев и попыталась исправить ошибку.

— Я не говорила, что не буду лечить ее, просто...

— Вот и ладненько.

Послышалось бряцанье — это нянюшка Ягг поднимала крышки серебряных супниц.

— Слушай, у них тут яйца трех видов!

— Итак, — констатировала Маграт, — жара нет. Пульс слабый. Глаза закатились. Шон?

— Да, госпожа королева.

— Когда будешь возвращаться на свой пост, загляни на кухню и попроси вскипятить много-много воды. Начнем с обработки раны. Но, матушка, эльфы ведь...

— Стало быть, оставляем Диаманду на твоём попечении, — снова прервала её матушка и повернулась к королю. — Ваше величество, могу я переговорить с тобой? Нужно показать тебе кое-что внизу.

— Мне понадобится помощь, — возмутилась Маграт.

— Нянюшка поможет.

— Это я, — невнятно пробормотала нянюшка, обильно посыпая пол крошками.

— Что ты там жуешь?

— Яичницу и бутерброд с кетчупом, — довольно ответила нянюшка.

— Тебя тоже не мешало бы прокипятить, — сказала Маграт, засучивая рукава. — Сходи-ка на кухню. — Она осмотрела рану. — И узнай, нет ли там заплесневелого хлеба...

Основной элемент организации волшебников — это Орден, Колледж или, разумеется, Университет.

Основной элемент организации ведьм — это ведьма, но, как уже указывалось ранее, основным *постоянным* элементом является хижина.

Хижина ведьмы — это весьма специфическое архитектурное сооружение. Ее не строят, ее собирают постепенно, на протяжении многих лет, соединяя в целое отремонтированные помещения, — в итоге хижина становится похожей на носок, целиком состоящий из штопки. Печная труба из-

вивается штопором. Крыша покрыта такой старой соломой, что там прорастают маленькие, но вполне здоровые деревья; полы похожи на «американские горки» и скрипят по ночам, как чайный клипер в шторм. Если по меньшей мере две стены не подперты деревянными балками, значит, это не настоящая ведьмовская хижина, а обычный дом свихнувшейся старой карги, гадающей на чайной гуще и разговаривающей с собственной кошкой.

Хижины стремятся привлекать к себе ведьм одинакового типа. И это естественно. Каждая ведьма обучает за свою жизнь всего одну молодую ведьмочку, максимум двух, поэтому, когда хижина вследствие нормального чередования жизни и смерти освобождается, ее занимает ученица прежней хозяйки.

Хижина Маграт традиционно принадлежала ведьмам думающим, которые много замечали и многое записывали. Например, какие травы лучше помогают от головной боли, чем следует воспользоваться при ожоге — ну и прочие обрывочные сведения.

Всего тут хранилось около дюжины исписанных мелким почерком книг — с иллюстрациями, а также интересными растениями или необычными лягушками, аккуратно вложенными между страницами.

Это была хижина ведьм *сомневающихся*, ведьм занятых исследованиями. Глаз *какого* именно тритона? Какой именно *вид* пресноводной акулы? Конечно, это настойка клюкалки, но *какое* именно растение из тридцати семи, известных по все-

му континенту под этим названием, имеется в виду?

Причина, по которой матушка Ветровоск была лучшей ведьмой, чем Маграт, заключалась в том, что она знала: чтобы нормально колдовать, вовсе не обязательно отличать одну лечебную траву от другой, да и без разницы, трава ли это вообще.

Причина, по которой Маграт была лучшим врачом, чем матушка, заключалась в том, что она считала: разница есть, и принципиальная.

Карета остановилась у возведенной поперек дороги баррикады.

Атаман разбойников поправил повязку на глазу. Оба его глаза были в полном порядке, но к человеку в форме люди, как правило, относятся более уважительно. Затем атаман направился к карете.

— Доброе утро, Джим. Ну, что у нас сегодня?

— Э-э... Возможны трудности,— ответил кучер.— Несколько волшебников. И гном. И орангутан.— Он провел рукой по голове и скорчился от боли.— Да. Определенно орангутан. Не путать ни с каким другим похожим на человека существом, покрытым волосами. Я хочу, чтобы ты это четко понял.

— Ты в порядке, Джим?

— Я везу эту толпу из самого Анк-Морпорка. И не смей предлагать мне пилюль из сушеных лягушек.

Разбойник удивленно поднял брови:

— Хорошо. Не буду.

Он постучал в дверь кареты. Опустилось стекло.

— Э-э, мне бы не хотелось, чтобы вы приняли это за ограбление,— сказал он.— Я предпочел бы, чтобы вы посчитали происходящее веселым анекдотом, который приятно будет рассказать внукам.

— Это он! — раздался голос из кареты.— Это он украл мою лошады!

Из кареты высунулся посох волшебника. Перед лицом разбойника замаячил большой набалдашник.

— Да, да, но я знаю правила,— вежливо промолвил он.— Волшебникам запрещено использовать магию против гражданских лиц, за исключением ситуаций, представляющих реальную угрозу жизни...

Вспышка октаринового пламени.

— На самом деле это не правило,— ответил Чудакулли.— Скорее общее указание.— Он повернулся к Думмингу Тупсу.— Очень интересное применение Морфического Резонатора Клиндама. Надеюсь, ты оценил?

Думминг опустил взгляд.

Атаман превратился в тыкву. В соответствии со вселенскими правилами юмора верхушку тыквы покрывала разбойничья шляпа.

— А теперь,— громко объявил Чудакулли,— буду весьма признателен, если вы, ребята, выйдете из-за камней и деревьев и встанете так, чтобы я вас видел. Прекрасно. Господин Думминг, пройди мимо них вместе с библиотекарем и собери все, что они пожелают добровольно пожертвовать.

— Это было простое ограбление! — завопил кучер.— А вы превратили его во фрукт.

— В овощ,— поправил его Чудакулли.— И через пару часов это пройдет.

— А еще они должны мне лошадь,— встрял Казанунда.

Разбойники расплатились, неохотно передавая деньги Думмингу и так же неохотно, но значительно *быстрее* передавая монеты библиотекарю.

— Почти триста долларов, аркканцлер,— подвел итог Думминг.

— И лошадь не забудьте. На самом деле у меня было две лошади, о второй я просто запамятовал, но только что вспомнил.

— Грандиозно! Мы в выигрыше. Итак, если эти господа соблаговолят убрать заграждение, то мы продолжим наш путь.

— Нет, нет, три! Третья тоже была!

— Как вы можете так поступать?! — вскричал кучер. — Это же вас должны были ограбить!

Чудакулли столкнул его с козел.

— Мы на каникулах.

Карета загрохотала дальше по дороге. Однако, прежде чем она скрылась за поворотом, из нее донесся крик:

— Четыре лошади!

На тыкве появился рот.

— Они уехали?

— Да, босс.

— Закати меня в тень. И никому ни слова об этом. Никогда. У кого-нибудь есть пилюли из сушеных лягушек?

Веренс II с уважением относился к ведьмам. Они посадили его на трон. Он был практически уверен в этом, хотя до сих пор не понимал, как им это удалось. А к матушке Ветровоск он относился с благоговейным ужасом.

Веренс послушно проследовал в подземелье, стараясь не отставать от решительно шагающей матушки.

— Что происходит, госпожа Ветровоск?

— Мне нужно показать тебе кое-что.

— Но ты упоминала про эльфов.

— Верно.

— Я-то думал, они существуют только в сказках.

— Да?

— Ну, то есть... о них любят рассказывать старые кумушки...

— Ну и что?

Матушка Ветровоск, казалось, генерировала некое гироскопическое поле — если вы теряли равновесие, она делала так, чтобы вы в таком положении и оставались.

Веренс предпринял еще одну отчаянную попытку.

— Я пытаюсь сказать, эльфов не существует...

Матушка подошла к двери, ведущей в подземелье замка. Сделана она была в основном из почерневшего от времени дуба, но верхняя часть была забрана железной решеткой.

— Сюда.

Веренс заглянул в темницу.

— О боги!

— Шон нам отпер. Вряд ли кто видел, как мы сюда заходили. И никому не говори. Если узнают тролли или гномы, они разнесут весь замок, лишь бы до него добраться.

— Зачем? Чтобы убить?

— Конечно. У них-то память получше, чем у людей.

— И что мне с ним делать?

— Просто держи взаперти. Откуда я знаю? Надо подумать.

Веренс снова оглядел скорчившегося на полу камеры эльфа.

— А это точно эльф? Обычный человечек... только отощавший немножко, да личико лисье. Я-то полагал, они должны быть красивыми.

— О, они очень красивы, когда в себе, — ответила матушка, небрежно махнув рукой. — Они перевоплощаются... и люди видят красоту, видят то, что им приятно. Эльфы могут стать такими, какими тебе хочется. Это и называется зачаровать. Когда рядом эльф — это сразу видно. Люди начинают вести себя по-дурацки. Теряют способность нормально мыслить. Ты что, ничегошеньки не знаешь?

— Я думал, эльфы существуют только в сказках... Ну, как зубная фея...

— Зубных фей не трогай, — нахмурилась матушка. — Очень работающие девушки. До сих пор не понимаю, как они управляются со стремянками и всем прочим. О нет. Эльфы существуют. Вот проклятье. Ладно, попробуем иначе...

Она повернулась и подняла палец.

— Феодальная система, верно?

— Что?

— Феодальная система! Ты на меня смотри. Феодальная система. На самом верху король, ниже бароны и прочий сброд, потом все другие... Ведьмы немного в стороне, — добавила матушка дипломатично и переплела пальцы. — Феодальная система. Похожа на эти, остроконечные штуки, в

которых хоронили всяких языческих царьков. Понимаешь?

— Да.

— Хорошо. Именно так эльфы все и представляют. Когда они выходят в мир, все остальные оказываются на дне. Рабы. Хуже, чем рабы. Даже хуже, чем животные. Эльфы берут все, что хотят, а хотят они все. Но хуже всего, самое плохое... они читают твои мысли. Они слышат, что ты думаешь, и, защищая себя, ты думаешь именно то, что они хотят. Это чары. А потом появляются решетки на окнах, подковы над дверью, крынки у порога для сказочного народца — и, прежде чем говорить о них, ты совершаешь три оборота.

— Мне-то казалось, все это фольклор. — Король кисло усмехнулся.

— Конечно фольклор, дурак!

— Ну, знаешь, я все-таки король... — с укоризной произнес Веренс.

— Ты — глупый король, ваше величество.

— Спасибо.

— Сказки не обязательно врут! Со временем впечатления угасают, люди забывают подробности, забывают, почему поступали так, а не иначе. Не помнят, к примеру, зачем нужны подковы.

— У моей бабушки над дверью тоже висит подкова, — сказал король.

— Вот именно. Форма здесь ни при чем. Но если ты беден и живешь в старой хижине, подкова — это практически единственный кусок железа с дырками, который ты можешь найти.

— А.

— Все дело в том, что у эльфов нет этой, как ее... на «эм» начинается...

— Манер?!

— Ха! Правильно, но не это.

— Мышц? Мускуса? Мистерии?

— Нет. Нет. Нет. Ну, это нечто вроде того, как ты относишься к точке зрения других людей...

Веренс попытался представить мир так, как представляла его матушка, и тут до него дошло.

— Эмпатии?

— Правильно. У эльфов ее совсем нет. Даже охотник, хороший охотник, сочувствует дичи. Только так он может стать хорошим охотником. Но эльфы ведут себя по-другому. Они смеются над жестокостью, не понимают, что такое пощада. Не понимают, что у других, кроме них самих, могут быть чувства. О, эльфы очень много смеются — особенно если поймают заблудившегося человека, тролля или гнома. Возможно, тролли сделаны из камня, ваше величество, однако по сравнению с эльфами они — наши братья. Я имею в виду, братья по разуму.

— Но почему я всего этого не знаю?

— Очарование, чары. Эльфы — красивые. У них есть... — она буквально выплюнула это слово, — *стиль*. Красота. Грациозность. А это очень важно. Если бы кошки были похожи на жаб, мы бы очень быстро поняли, какими мерзкими, жестокими существами они на самом деле являются. Стиль. Вот что люди помнят. Они помнят очарование. А все остальное, все соответствующее истине, становится... сказками старых кумушек.

— Маграт об этом ничего не говорила.

Матушка замялась.

— Маграт многого не знает об эльфах, — сказала она наконец. — Ха. Ее даже и *молодой* ку-

мушкой не назовешь. В наше время эльфов нечасто поминают. Да и говорить о них небезопасно. Будет лучше, если все забудут о них. Они... приходят, когда их зовут. Но не кричат «Ау!». А зовут мысленно. Достаточно лишь захотеть, чтобы они очутились рядом, и...

Веренс замахал руками.

— Похоже, от феодальной системы мы перешли к монархии, а ее я еще не изучал! — воскликнул он. — Я окончательно запутался и ничего не понимаю.

— А тебе и не нужно ничего понимать. Ты — король. Послушай. Ты знаешь о слабых местах в этом мире? О тех местах, где наш мир соединяется с другими мирами?

— Нет.

— Одно из них находится рядом, на вересковой пустоши. Поэтому там стоят Плясуны. Они служат стеной.

— А-а.

— Но иногда барьер между мирами становится ненадежным, понимаешь? Это приходит и уходит. Как с приливами. Именно тогда и начинают появляться круги.

— А-а.

— И если люди поведут себя глупо, даже Плясунам не удастся удержать ворота закрытыми. Потому что там, где мир очень тонок, одна неверная мысль способна установить прочную связь.

— А-а.

К вящему облегчению Веренса, матушка заговорила о более понятных вещах.

— И главное сейчас — не сглупить? — Наконец-то ему удалось внести некий вклад в протекающую беседу.

— Да. Ни в коем случае нельзя звать их. Привлекать их.

— А-а. И что мне делать?

— Просто продолжай править. Я думаю, нам ничто не угрожает. Проникнуть сюда они не смогут. Девчонок я остановила, так что каналов больше не будет. Ты, главное, держи этого типчика под замком и *ничего не говори Маграт*. Зачем ее беспокоить по пустякам, правильно? А за камнями я прослежу.

Матушка зловеще потерла руки.

— Что ж, похоже, я со всем разобралась.

Вдруг она мигнула.

И ущипнула себя за нос.

— Что я только что сказала? — спросила она.

— Э-э, ты только что сказала, что, похоже, со всем разобралась, — подсказал король.

Некоторое время матушка Ветровоск недоуменно моргала.

— Ну да, все правильно, — наконец кивнула она. — Именно это я и сказала. Да. И я нахожусь в замке, верно? Да.

— С тобой все в порядке, матушка Ветровоск? — спросил король несколько встревоженным голосом.

— Чудесно, просто чудесно. В замке. А дети в порядке?

— Не понял?

Она снова заморгала.

— Что?

— Ты скверно выглядишь...

Матушка скривилась и покачала головой.

— Да. Замок. Я — это я, а ты — это ты, Гита — наверху, с Маграт. Все правильно. — Она посмот-

рела на короля.— Просто немного переутомилась. И не о чем волноваться. Совсем не о чем беспокоиться.

Нянюшка Ягг с некоторым сомнением во взгляде наблюдала за приготовлениями Маграт.

— Припарка из заплесневелого хлеба — не слишком-то волшебна, а? — заметила она.

— Тетушка Вемпер готова была молиться на нее. Самое надежное средство. Но вот как бороться с комой, понятия не имею...

Маграт с надеждой листала древние хрупкие страницы. Ее предшественницы делали записи, по мере того как им что-то приходило в голову, поэтому важные заклинания и наблюдения часто прерывались комментариями о состоянии старческих ног.

— Вот, здесь говорится: «Малинькие астраканечные камни, каторыи инохда можна найти в лису, называются ильфийскими стрелами и действительно в Прошлом ани были наканечниками стрел». Это все, что мне удалось найти. Есть еще рисунок. Но я сама встречала такие камешки.

— О, их много валяется повсюду... — кивнула нянюшка Ягг, перебинтовывая плечо Даманды. — Как ни возьмусь копать огород, на один-другой обязательно наткнусь.

— Но эльфы не стреляют в людей! Они *добрые*!

— По-твоему, они просто хотели поиграть? Поэтому и всадили в девчонку стрелу?

— Но...

— Послушай, дорогуша, скоро ты станешь королевой. Это очень важная работа. Заботься о

короле и позволь мне и Эсме позаботиться... обо всем остальном.

— Да что такое быть королевой?! Только и можно, что гобелены ткать да шататься везде без дела в неудобном платье! Я знаю матушку. Она терпеть не может... *стиль*. Она вечно такая кислая...

— Осмелюсь заметить, на то есть свои причины,— дружелюбно промолвила нянюшка.— Так, девушку мы залатали. Что делать дальше?

— У нас куча ненужных спален,— вспомнила Маграт.— И все они готовы к приему гостей. Можем положить ее в одной из них. Кстати, нянюшка?

— Да?

— Ты... э-э... Как ты относишься к тому, чтобы стать подружкой невесты?

— Ну уж нет, дорогуша. Стара я для этого,— отмахнулась нянюшка.— Кстати, а ты ни о чем не хочешь меня порасспросить?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, мама твоя умерла, а других родственников у тебя нет...

Маграт по-прежнему выглядела озадаченной.

— Ну, о том, что будет после бракосочетания, я на это намекаю.

— Ах об *этом*... Не беспокойся, обо всем позаботится поставщик провизии. Здешняя повариха не большая мастерица по части канаве и украшения стола.

Нянюшка внимательно рассматривала потолок.

— Ну а после? Что будет потом? — спросила она.— Если, конечно, ты понимаешь, о чем я говорю.

— Ну, у меня много служанок, они все уберут. Послушай, ты не волнуйся. Я все обдумала. Мне бы очень не хотелось, чтобы ты и матушка относились ко мне так, словно я *ничего* не понимаю.

Нянюшка откашлялась.

— Ну ладно,— покачала головой она.— Твой будущий муженек вроде человек опытный. Не сомневаюсь, уж он-то погулял с девицами.

— Почему ты так говоришь? Да нет, вряд ли он такой. У шутов ведь почти нет личной жизни, а потом он стал королем, столько всего навалилось... Кроме того, он немного стесняется девушек.

Тут нянюшка сдалась окончательно.

— Что ж,— сказала она.— Надеюсь, ты сама во всем разберешься и...

Появились матушка и король.

— Ну, как девчонка? — поинтересовалась матушка.

— Наконечник стрелы мы удалили, рану промыли,— отчиталась Маграт.— Но вряд ли она скоро проснется. Лучше будет оставить ее здесь.

— Ты уверена? — уточнила матушка.— За ней необходимо присматривать, а у меня есть свободная спальня.

— Ее нельзя перемещать,— быстро произнесла Маграт.

— Они ее поместили,— сказала матушка.— Ты точно знаешь, как следует поступать?

— Я знаю, что рана достаточно тяжелая,— ответила Маграт.

— Я имею в виду вовсе не рану,— возразила матушка.— Они коснулись ее. И она...

— Я сама могу определить, какой уход требуется больному, — оборвала ее Маграт. — Я же не полная дура, понимаешь?

— Ее ни в коем случае нельзя оставлять одну, — настаивала матушка.

— Здесь будет много людей, — вмешался в разговор Веренс. — Завтра начнут приезжать гости.

— Можно быть окруженным людьми — и в то же время абсолютно одиноким, — правоучительно промолвила матушка.

— Но, матушка, мы же в замке!

— Ладно, ладно, не будем вам больше докучать, — махнула рукой матушка. — Гита, идем.

На прощание нянюшка Ягг угостилась бараньей отбивной из-под серебряной крышки и помахала королевской чете.

— Веселитесь тут, — сказала она. — Насколько это возможно.

— Гита!

— Уже иду.

Эльфы чудесны. Они творят чудеса.

Эльфы удивительны. Они вызывают удивление.

Эльфы фантастичны. Они создают фантазии.

Эльфы очаровательны. Они очаровывают.

Эльфы обворожительны. Они завораживают.

Эльфы ужасны. Они порождают ужас.

Особенностью слов является то, что их значения способны извиваться, как змей, и если вы хотите найти змей, ищите их за словами, которые изменили свои значения.

Никто ни разу не сказал, что эльфы *хорошие*.

Потому что на самом деле они *плохие*.

— Ну, вот и все,— сказала нянюшка Ягг, когда ведьмы шли по подъемному мосту замка.— Надо признать, ты отлично поработала, Эсме.

— Куда там...— возразила матушка Ветровоск.

— Но ты же сама сказала, что больше никому пройти не удастся. А магией у камней заниматься некому, это точно.

— Да, но круги будут еще появляться день или два. За это время все, что угодно, может случиться.

— Даманда вышла из игры, а других ты здорово напугала,— сказала нянюшка Ягг, бросая баранью косточку в пересохший ров.— Звать их никто больше не осмелится, это я точно знаю.

— Но один сидит у нас в подземелье.

— Хочешь от него избавиться? — спросила нянюшка.— Если хочешь, пошлю Шона к королю Железобетонссону, что на Медной горе. Или сама могу вскочить на старое помело и слетать шепнуть пару слов Горному королю. Гномы и тролли в одно мгновение избавят нас от этой проблемы. Нет эльфа — нет проблемы.

Матушка не обратила ни малейшего внимания на ее слова.

— Нет, есть еще кое-что,— хмуро промолвила она.— О чем мы не подумали. Она попытается найти лазейку.

Ведьмы подошли к городской площади. Матушка огляделась по сторонам. Конечно, Веренс был королем, и это было правильно, и это было его королевство, что тоже было правильно. Но в более глубоком смысле королевство принадлежало ей. И, конечно, Гите Ягг. Власть Веренса распространялась только на людей — тролли и гно-

мы не признали его королем, хотя сделали это очень вежливо. Но что касается деревьев и скал, их матушка Ветровоск считала *своими*. Она могла чувствовать их настроение.

За ними продолжали следить. Она ощущала общую настороженность. Достаточно внимательное наблюдение изменяет объект наблюдения, а сейчас таковым объектом была вся страна. Вся страна подверглась нападению, и судьба ее лежала на плечах матушки...

— Забавно... — сказала вдруг нянюшка Ягг, словно сама себе. — Сегодня утром сидела я у Плясунов и вдруг подумала, вот ведь забавно...

— Ты о чем?

— Когда я была молодой, жила здесь девушка, очень похожая на Диаманду — с дурным характером, нетерпеливая, талантливая, ну, настоящая заноза в заднице для старых ведьм. Не знаю, помнишь ли ты ее?..

Они прошли мимо кузницы Джейсона, сотрясавшейся в унисон мощным ударам молота.

— А я никогда ее и не забывала, — тихо ответила матушка.

— Забавно, все развивается по кругу...

— Не совсем, — твердо возразила матушка Ветровоск. — И вовсе я на нее не похожа. Сама знаешь, какими в то время были старые ведьмы. Сопротивлялись всему новому. Кучка заклинательниц бородавок. Я никогда им не грубила. Я просто была... тверда. Прямолинейна. Стояла на своем. Быть ведьмой — это значит стоять на своем. Ты что там, улыбаешься?

— Это ветер, клянусь.

— А она — совсем другое дело. Никто не может упрекнуть меня в том, что я отвергала новые идеи.

— Ты знаменита именно тем, что всегда приветствовала все новое, — кивнула нянюшка Ягг. — Лично я это всем и вся говорю: Эсме Ветровоск никогда не отвергает новые идеи.

— Правильно.

Матушка Ветровоск окинула взглядом поросшие лесом холмы, возвышающиеся над городом, и нахмурилась.

— Главная беда в том, — сказала она, — что современные девушки совершенно не умеют мыслить логически. Нужно ведь что? Ясный ум и умение сосредоточиться. Твоя Маграт, например, постоянно отвлекается. А это мешает ей поступать правильно. — Она на мгновение замолчала. — Я чувствую ее, Гита. Чувствую ее, Королеву Фей. Ее разум способен проникать за камни. Вот ведь гадина! Она таки пробралась сюда. Она повсюду. Я чувствую ее везде, куда бы ни направила свои мысли.

— Все будет в порядке. — Нянюшка похлопала ее по плечу. — Увидишь.

— Она ищет лазейку, — повторила матушка.

— Доброе утро, братья, а почему вы так хмуры в сей славный день? — спросил пекарь Возчик.

Все остальные танцоры в недоумении уставились на него.

— Ты что, какое-нибудь лекарство принимаешь? — поинтересовался кровельщик Ткач.

— Просто пытаюсь вжиться в роль,— ответил Возчик.— Так обычно изъясняются городские по... по... повисельники.

— А кто они такие, эти повисельники? — удивился ткач Пекарь.

— Насколько понимаю, они обычно ходят с куртизанами. Так мне кажется,— пожал плечами пекарь Возчик.

— Кстати, я спросил у мамы, кто такие куртизаны,— сообщил Джейсон.

— Да?

— Она сказала, это те, кто по лесам лазает. А вокруг нас сплошной лес, значит, это мы.

— Так мы еще и городские повисельники? — спросил ткач Пекарь.

— Видимо.

— Круто!

— Ну, разговариваем мы совсем не так, как эти козлы в пьесе,— возмутился пекарь Возчик.— Они постоянно упоминают эту самую суету, которая вечно сует. А их шуток я совсем не понимаю.

— А ты и не должен понимать шутки, это же пьеса,— объяснил Джейсон.

— Мои штаны! — закричал вдруг ткач Пекарь.

— Слушай, заткнись и толкай тележку.

— Не понимаю, почему мы не можем показать наш Танец с Палкой и Ведром...— пробормотал другой ткач — Портной.

— Мы не будем показывать этот танец! Я даже слышать о нем ничего не хочу! У меня до сих пор болит колено! Так что заткнитесь все! Еще раз о Танце с Палкой и Ведром услышу...

— Мое брюхо! — снова заорал Пекарь, которого не так-то просто было сбить с мысли.

Тележка прыгала по изрытой колеями дороге.

Даже Джейсон вынужден был признать, что танцевать значительно проще, чем лицедействовать. Люди не глазели на тебя и не хихикали. А эти дети... Им только дай повод посвистеть. Ткач и Кровельщик почти открыто бунтовали и умышленно путали слова. Каждый вечер приходилось искать новое место для репетиции.

Даже в лесу невозможно было скрыться. Просто удивительно, и откуда только берутся эти прохожие?

Ткач перестал толкать тележку и вытер пот со лба.

— Я уж думал, у Чертова Дуба нас никто не найдет, — сказал он. — В полумиле от ближайшей тропинки, но, будь я проклят, всего через полминуты там было не протолкнуться от всяких углежогов, отшельников, трапперов, лесорубов, охотников, троллей, сборщиков птичьего помета, хвороста, свинопасов, грибников, гномов, хулиганов и каких-то подозрительных типов в длинных плащах. Удивительно, и как это в лесу еще осталось место для деревьев! Ну, куда теперь?

Они подошли к перекрестку — если его можно было так назвать.

— Что-то не припоминаю я это место, — сказал браконьер Плотник. — А думал, что знаю все тропки.

— Это потому, что ходишь ты по ним, только когда темно, — подсказал Джейсон.

— Все знают, ясна ночь — услада для тебя, — продекламировал извозчик Кровельщик слова из пьесы.

— Для него любая ночь — улада, — возразил Джейсон.

— Эй, — воскликнул ткач Пекарь, — а мы, по моему, начинаем вживаться в роли!

— Сворачиваем направо, — предложил Джейсон.

— Ни за что. Там сплошной вереск и колючки.

— Тогда налево.

— А там тропинка слишком извилистая, — сказал Ткач.

— Тогда как насчет средней дороги? — предложил Возчик.

Джейсон посмотрел вперед.

«Средняя дорога» действительно существовала, хотя, скорее, это была звериная тропа, петлявшая между тенистыми деревьями. Вдоль нее густо росли колючие кустарники. Зеленая, несколько зловещая тьма сгущалась над тропинкой.

Все его чувства кузнеца встали на дыбы и дружно завопили.

— Э, нет, только не сюда, — помотал головой Джейсон.

— Кончай, — сказал Ткач. — Ну что тебе не нравится?

— А то, что тропка эта ведет к Плясунам, — объяснил Джейсон. — Мама говорила, к Плясунам ходить нельзя, потому что вокруг них зачастую пляшут голые девки.

— Уже не пляшут, — поправил его Кровельщик. — Старая матушка Ветровоск топнула ногой и заставила их надеть штаны.

— Они туда больше не ходят, — подтвердил Возчик. — Так что там будет тихо и безлюдно. Самое то для репетиции.

— Мама говорила, туда никто не должен ходить,— несколько неуверенно возразил Джейсон.

— Да, но, может, она имела в виду, что туда нельзя ходить... с магическими намерениями,— ответил Возчик.— А в наших париках да лохмотьях ничего магического нет.

— Правильно,— согласился Кровельщик.— И там нам точно не помешают.

— А кроме того,— подхватил Ткач,— если каким-нибудь девчонкам снова приспичит прокрасться туда, чтобы поплясать без штанов, мы их обязательно увидим.

Воцарилась абсолютная задумчивая тишина.

— Наверное,— сказал Кровельщик, выражая тем самым невысказанную точку зрения почти каждого из них,— это наш долг перед обществом.

— Ну-у-у,— протянул Джейсон,— мама говорила...

— Во всяком случае,— перебил его Ткач,— уж кто бы говорил, да только не твоя мамаша. Мой отец рассказывал, что в молодости она сама частенько бегала без...

— Хорошо, хорошо,— сдался Джейсон перед явным численным превосходством.— Вряд ли какой вред будет, если мы там чуть порепетируем. Это же обыкновенное, как его... *притворничество*. Но никаких танцев. Тем более, и я хочу, чтобы все это поняли, никаких палок и ведер.

— О, мы будем просто играть,— заверил его Ткач,— ну и следить за ситуацией, конечно.

— Таков наш долг перед обществом,— повторил Кровельщик.

— Ох и сложная это наука, притворничество...— вздохнул Джейсон.

Бим-бом-блям-динь...

Этот звук эхом разнесся над Ланкром.

Взрослые мужчины, копавшиеся в садах, разом бросили лопаты и поспешили укрыться в домах...

Бим-бом-динь-блям...

В дверях появились женщины и принялись отчаянно зазывать детей домой.

...БЛЯМ-бом-динь-дон-бом...

Захлопнулись ставни. Некоторые мужчины, сопровождаемые испуганными взглядами домохозяек, заливали огонь в очагах и пытались заткнуть мешками дымоходы...

Нянюшка Ягг жила одна, потому что всегда утверждала: пожилые люди должны уважать себя и ни от кого не зависеть. Кроме того, прямо за стенкой спал Джейсон, и его самого или его жену, как там ее, легко можно было разбудить, если хорошенько постучать по балке башмаком, а с другой стороны жил Шон, которого нянюшка заставила натянуть веревку и повесить на нее жестяные банки, при помощи которых его легко можно было вызвать, в случае если мамочке вдруг потребуются помощь сына.

Бим-блям-динь...

Ванной комнаты у нянюшки Ягг не было, зато была жестяная ванна, обычно висевшая на гвоздике на задней стенке уборной. В данный момент нянюшка тащила эту самую посудину в дом. Она проволокла ее через весь сад, задев по пути несколько деревьев, углов и садовых гномиков.

Три большие черные кастрюли стояли на печи. Рядом лежали с полдюжины полотенец, губка, пемза, кусок мыла, второй кусок мыла — вдруг потеряется первый, — ковш для выуживания пау-

ков, раскисший от воды резиновый утенок с выпавшей пищалкой, долото для срубания мозолей, большая жесткая щетка, малая жесткая щетка, жесткая щетка на длинной ручке для мытья труднодоступных мест, банджо, какая-то штукovina с трубами и кранами, назначения которой никто не знал, и бутылка «Клатчских Ночей» — эссенции для ванн, от одной капли которой трескалась краска.

Блям-бом-бух...

Каждый житель Ланкра обязан был досконально изучить ритуал омовения нянюшки Ягг — в порядке самообороны.

— Но ведь сейчас еще не апрель! — удивлялись живущие по соседству люди и задергивали шторы.

В доме, что располагался по улице чуть выше хижины нянюшки Ягг, госпожа Тоццага схватила мужа за руку.

— Коза осталась на улице!

— Ты с ума сошла! Нет, я туда ни ногой. Ни за что на свете!

— Ты помнишь, что случилось в прошлый раз?! Мы ее едва с крыши стащили, да и то она потом три дня лежала парализованная!

Господин Тоццага высунулся из двери. Было тихо. Слишком тихо.

— Наверное, воду наливает, — сказал он.

— У тебя есть пара минут, — предупредила жена. — Давай, или придется целую неделю йогурт пить.

Господин Тоццага снял висевший за дверью поводок и пополз к привязанной у изгороди козе. Животное узнало признаки готовящегося банного ритуала и сейчас стояло, в буквальном смысле слова окаменев от ужаса.

Сдвинуть козу с места не представлялось возможным. Пришлось волоочь ее на себе.

Послышались далекие, но настойчивые, хлюпающие звуки, затем о край жестяной ванны ударилась пемза.

Господин Тоццага перешел на бег.

До его слуха донеслось позвякивание струн настраиваемого банджо.

Мир затаил дыхание.

И это началось, пронеслось, как торнадо над прерией.

— А-а-а-а-и-и-и-и-и-и...

Три цветочных горшка над дверью по очереди раскололись. Шрапнель просвистела рядом со щекой господина Тоццаги.

— А на волшебном посохе — нехилый набалдашник...

Господин Тоццага забросил козу в дверь и нырнул следом. Жена быстро задвинула засов.

Вся семья, включая козу, залезла под стол.

Дело было не в том, что нянюшка Ягг плохо пела. Дело было в том, что взятые ею ноты, будучи усиленными жестяной ванной, становились поистине могущественной силой.

Каждый более или менее талантливый певец способен разбить голосом стеклянный бокал, но нянюшка своим верхним «до» растирала стекло в порошок.

Члены ланкрской команды по народным танцам с мрачным видом сидели на траве и передавали друг другу глиняный кувшин. Репетиция не удалась.

— Не получается что-то... — промолвил Кровельщик.

— По-моему, это совсем не смешно, — откликнулся Ткач. — Сомневаюсь, что король помрет со смеху, увидев, как мы изображаем толпу повисельных куртизанов.

— У тебя, кстати, хуже всего получается, — сказал Джейсон.

— А у нас и не должно получаться. Как сказано в этих бумажках, мы — повисельные куртизаны, которые пытаются изображать из себя актеров и у которых ничего не получается, — возразил Ткач.

— Да, но у тебя совершенно не получается сыграть человека, у которого ничего не получается, — откликнулся Жестянщик. — Не знаю почему, но не получается. Вряд ли утонченные дамы и господа...

Порыв ветра, пролетевшего над пустошью, принес запах льда.

— ...Будут смеяться потому, что у нас не получается сыграть людей, которые не умеют играть.

— Я вообще не понимаю, что может быть смешного в толпе грубых куртизанов, пытающихся изображать артистов, — хмыкнул Ткач.

Джейсон пожал плечами.

— Здесь говорится, что все господа...

Очередной порыв ветра и оловянный привкус снега...

— ...В Анк-Морпорке хохотали над этой пьесой несколько недель кряду, — сказал он. — Она шла на Брод-авеню целых три месяца.

— А что такое Брод-авеню?

— Там находятся все основные театры. «Дискум» — главный из них.

— В Анк-Морпорке палец покажешь — и будут смеяться, — буркнул Ткач. — Там, небось, нас

всех деревенскими дурнями считают. Ведрами хлещем укипаловку, распеваем дурацкие народные песни — ну что с нас взять? У нас ведь всего три мозговые извилины, да и те прижались друг к другу, чтобы согреться...

— Кстати об укипаловке, кувшин передай.

— Сволочи зажиревшие!

— Ну! Они, наверное, не знают, каково это: холодной зимней ночью засунуть руку по плечо в коровью задницу. Ха!

— Во-во, да откуда им это... Кстати, о чем ты говоришь? У тебя же нет коровы.

— Нет, но я-то знаю, каково это.

— А-а... А еще... Еще... Еще они не знают, каково это: идти по залитому навозом двору, они, небось, не переживали ужасного момента, когда один сапог уже завяз, а ты стоишь и болтаешь ногой, точно зная: куда бы ты ее ни поставил, все равно провалишься.

Глиняный кувшин нежно побулькивал, когда его передавали из одних нетвердых рук в другие.

— Точно, эт' точно. А ты видел, видел, как они пляшут? Повеситься можно...

— Что, пляшут в *городе*?

— Ну, по крайней мере в Сто Гелите. Толпа жирных волшебников и купцов. Целый час наблюдал за ними, а они даже ни разу животами не коснулись...

— Придурки городские. Понаедут сюда, отнимут нашу работу...

— Не глупи. Откуда им знать про настоящую работу?

Снова забулькал кувшин, но уже более глухо, указывая на то, что пустоты в нем куда больше, чем укипаловки.

— И они никогда не залезали по плечо...

— Дело в том... В том... Дело... Оно в том... Ха! Они еще имеют наглость смеяться над приличными грубыми куртизанами! Это... Оно... Того... О чем это я? Ну... Как его... В общем, эта пьеса о том, как толпа повисельных... как их, этих, мерзавцев лезут из кожи вон, чтобы поставить пьесу о толпе дам и господ...

Холод в воздухе, колючий, как льдинки...

— Не, все-таки в пьесе чего-то не хватает...

— Правильно.

— Мистического элемента.

— Во-во. А я... Думаю... Я думаю... Сюжет нужен, во! Чтоб все по домам расходились, посвистывая от удивления. Ага, точно!

— И играть нужно здесь, на свежем воздухе. Под небом, на фоне холмов.

Джейсон Ягг нахмурил брови. Впрочем, они всегда были нахмуренными, когда Джейсон размышлял о сложности мира. Только работая с железом, он точно знал, что нужно делать. Наконец Джейсон Ягг поднял трясущийся палец и попытался сосчитать своих, как их... трагичных актеров. Учитывая то, что к тому времени кувшин почти опустел, это потребовало значительных усилий. В среднем получалось, что рядом с ним сидели еще семь человек. Но его терзало некое смутное, мучительное чувство... Что-то было не так.

— Здесь? — неуверенно переспросил он.

— Хорошая мысль, — кивнул Ткач.

— Разве это не твоя мысль? — удивился Джейсон.

— Я думал, это ты предложил.

— А я думал, что ты.

— Какая разница, кто что предложил?! — воскликнул Кровельщик. — Хорошая идея. Кажется очень правильной.

— А что такое этот, как его, мифтический элемент?

— Так как правильно — мифтический или мифический?

— Какая разница? Главное — нам его не хватает, — со знанием дела промолвил театральный эксперт Ткач. — Мифика — это очень важно.

— Моя мама предупреждала... — начал было Джейсон.

— Да не будем мы здесь плясать, — заверил его Возчик. — Я понимаю, ты не хочешь, чтобы люди шлялись тут, вокруг камней, сами по себе и всякой волшбой занимались. Но что плохого, если сюда придут все сразу? Ну, то есть король и прочие. И твоя мама тоже. Ха, мимо нее-то, небось, беспорточным не проскользнешь!

— Да нет, вы не поняли... — возразил Джейсон.

— И эта, другая, она ведь тоже здесь будет, — сказал Ткач.

Все разом подумали о матушке Ветровоск.

— Честно говоря, боюсь ее до смерти, — наконец промолвил Кровельщик. — Она словно насквозь тебя видит. Хотя славная женщина, славная, слова дурного о ней не скажешь! — крикнул он, а потом уже значительно тише добавил: — Но говорят, по ночам она перекидывается в кролика или, к примеру, в летучую мышь и бродит по округе. Ну, то есть форму меняет. Я, конечно, не верю во все эти рассказы! — снова заорал он, а потом опять понизил голос: — Но старый Ви-

зен из Ломтя сам мне рассказывал. Попал он однажды кролику в ногу, а на следующий день она, проходя мимо, как скажет «Ой!» да как влепит ему оплеуху...

— А мой папаша, мой папаша рассказывал,— заторопился внести свою лепту Ткач,— вел он однажды на продажу старую корову, а та вдруг возьми да приболей, да свались прямо посередь дороги. А дело было неподалеку от хижины этой славной женщины. Ну, корову он, конечно, поднять не сумел, потому и пошел за подмогой. Так вот, постучал он в дверь, а она открыла ему и говорит, тогда как он и слова не успел вымолвить: «Что,— говорит,— Ткач, корова заболела?» Вот так... А потом и говорит...

— Это что, ты о той пятнистой корове рассказываешь? — перебил его Возчик.

— Нет, пятнистая была у моего дяди, а у папаша была со сломанным рогом,— ответил Ткач.— Так вот...

— Пятнистая она была, готов поклясться! — помотал головой Возчик.— Помню, папаша мой все глядел на нее из-за нашей изгороди и приговаривал: экие, мол, красивые пятна на корове, сейчас таких пятен уже и не найдешь... У вас тогда еще поле старое было, возле Капустного колодца.

— Не было у нас там поля,— возразил Ткач.— У моего двоюродного брата было, а у нас нет. Так вот...

— Ты уверен?

— *Так вот!* — повторил Ткач.— Она и говорит: «Погоди, дам я тебе кое-что». Уходит на кухню, приносит две такие большие красные пилули и...

— Да не, ваше это поле было! — настаивал на своем Возчик.

— ...И *протягивает* ему одну из пилюль. «Вот,— говорит.— Подними своей старой корове хвост и засунь пилюлю туда, куда солнце не светит. Ровно через полминуты она вскочит да побежит так быстро, как в жизни не бегала». Ну, папаша поблагодарил ведьму, уже уходить собрался, но потом сообразил-таки спросить. «А зачем,— спрашивает,— вторая пилюля-то?» Она так хитро посмотрела на него и говорит: «Ну, тебе ведь захочется ее догнать, верно?»

— Рядом с Ломтем есть одна очень глубокая долина,— глубокомысленно изрек Возчик.

Все недоуменно воззрились на него.

— Ты это о чем? — спросил Ткач.

— Пряма за горой,— продолжал Возчик, понимая кивая.— Там всегда тень. Наверное, она эту долину имела в виду. Место, куда солнце не светит. Далековато, конечно, нести пилюлю, но ведьмы знают что говорят.

Ткач весело подмигнул остальным.

— Послушай, она ж имела в виду то место... куда обезьяна засовывает орех.

Возчик покачал головой.

— В Ломте никаких обезьян нет,— уверенно сказал он. Но потом лицо его растянулось в улыбке.— О, я все понял! Это она так шутила!

— Ох уж эти писаки из Анка! Чес' слово, знают нас как облупленных. Передай-ка мне кувшин.

Джейсон снова огляделся. Беспокойство его усиливалось. В руках, привыкших к ежедневной

работе с железом, возник какой-то неприятный зуд.

— Ребята, по-моему, нам пора по домам,— с трудом проговорил он.

— Какая красивая ночь, однако...— мечтательно сказал Пекарь, не двигаясь с места.— Смотри, как мерцают звезды.

— Хотя чуть похолодало,— возразил Джейсон.

— И пахнет снегом,— добавил Возчик.

— О да,— согласился Пекарь.— Вот именно. Снег в середине лета. Там, куда солнце не светит, всегда так...

— Слушай, заткнись, а? — поморщился Джейсон.

— Да что это с тобой?

— Да все! Нас не должно быть здесь! Неужели вы ничегошеньки не чувствуете?

— Сядь,— велел Ткач.— Успокойся, все в порядке. Лично я ничего не чувствую, кроме воздуха. И в кувшине еще немножко укипаловки осталось.

Пекарь откинулся на спину.

— Я вспомнил старую историю. Об этом самом месте,— возвестил он.— Однажды один человек охотился здесь и заснул.

В темноте забулькал кувшин.

— Ну и что? — поинтересовался Возчик.— Я, например, каждую ночь засыпаю. Что в этом особенного?

— Но этот человек, проснувшись и вернувшись домой, увидел, что жена его живет с другим, а дети знать не знают, кто он и как звать...

— Со мной такое почти каждый день случается,— мрачно заметил Ткач.

Пекарь принялся.

— Слушайте, а ведь правда пахнет снегом. Чуете? Такой резкий запах...

Кровельщик прилег и положил голову на руку.

— А я вот что скажу... Если б точно знать, что моя старуха выйдет замуж за другого, а мои оболтусы наконец отвалят и перестанут обжираться мою кладовую, — честно говоря, я бы стрелой примчался сюда с одеялом. У кого кувшин?

Джейсон сделал глоток укипаловки и сразу почувствовал себя значительно лучше. Видимо, едкая жидкость добралась-таки до нервов и растворила их напрочь.

Однако, собравшись с силами, он все же вынес на общий суд заманчивое предложение:

— Эй, ребят, у меня в кузнице охлаждается в корыте еще один кувшин. Ну, что скажете? Может, все пойдем туда? Ребят? Эй, ребят?

Но в ответ он услышал только храп.

— Эх, ребята...

Джейсон встал.

Звезды в небе закружились.

Джейсон мягко упал на спину. Кувшин вылетел из его рук и покатился по траве.

Звезды ярко мерцали, а ветер был холодным и пахнул снегом.

Король обедал в одиночестве, то есть, иными словами, он обедал на одном конце стола, а Маграт — на другом.

Однако им все же удалось встретиться у камина, чтобы выпить по бокалу вина.

В такие моменты они не знали, что сказать друг другу, поскольку еще не привыкли проводить

время в обществе другого человека. Таким образом, разговоры их были весьма загадочными.

И касались в основном предстоящей свадьбы. Королевская свадьба отличается от свадьбы простолюдинов. Во-первых, у вас уже все есть. Традиционный список свадебных подарков, включающий полный комплект столовых приборов и столовый же сервиз на двенадцать персон, выглядит несколько неуместно, если у вас уже имеется замок с таким количеством полностью обставленных комнат, что многие пришлось закрыть, и в них даже, в строгом соответствии с теорией эволюции, развились особые виды пауков. Но вы не можете попросить гостей сложиться и подарить вам, скажем, Армию в Красно-Белых Мундирах, чтобы она подходила к обоям на кухне. Члены королевской семьи, когда женятся, получают либо мелкие подарки, типа замысловатых яиц с часовым механизмом, либо громоздкие, крупные предметы, типа герцогинь.

Во-вторых, есть еще список гостей. Даже на обычной свадьбе с ним возникают значительные сложности, и трудности эти связаны с престарелыми родственниками, которые истекают слюнями и потеют, братьями, которые становятся агрессивными после первой же рюмки, и разными людьми, которые не разговаривают с другими людьми из-за того, Что Те Сказали О Нашей Шэрон. Это что касается обычной свадьбы, а члены королевской семьи вынуждены иметь дело с целыми *странами*, которые становятся агрессивными после первой рюмки, с целыми королевствами, которые Разорвали Дипломатические Отношения

с другой державой, после того как Кронпринц Сказал *Это* О Нашей Шэрон.

Тем не менее Веренсу удалось со всем этим разобраться, однако следовало еще учитывать проблему различных видов, населяющих Диск. Гномы и тролли, живущие в Ланкре, неплохо ладили друг с другом, поскольку не имели общих дел, но слишком большое их количество, собранное под одной крышей, особенно если спиртное течет рекой и особенно если оно течет в направлении гномов, могло привести к тому, что одни принялись бы Отрывать Руки другим опять-таки потому, что Их Предки Сказали О Нашей Шэрон.

Ну а в-третьих...

— Как та девушка, которую сюда принесли?

— Я велела Милли присматривать за ней. А что там делает эта парочка?

— Понятия не имею.

— Но ты же король.

Веренс смущенно поежился.

— А они — ведьмы. Что-то не хочется задавать им лишние вопросы.

— Почему?

— Они же могут ответить. И что мне тогда делать?

— О чем хотела поговорить с тобой матушка?

— Ну, ты знаешь... так... о всяком.

— Не о... сексе?

Лицо Веренса вытянулось — так обычно выглядит человек, который готовился к лобовой атаке, но вдруг узнал, что что-то мерзкое происходит за его спиной.

— Нет! Что ты... А почему ты спрашиваешь?

— Нянюшка пыталась дать мне материнский совет. Мне ничего не оставалось делать, кроме как прикинуться дурой. Подумать только, они относятся ко мне как к неопытной девчонке.

— О нет, ни о чем подобном мы не говорили.

Некоторое время они молча сидели рядом с огромным камином, оба красные от смущения.

— Э-э... а ты заказал эту книгу? — немного погодя спросила Маграт. — Ну, ту самую... с гравюрами?

— О да. Да, заказал.

— Ее уже должны были прислать.

— Почтовая карета приезжает раз в неделю. Завтра, наверное, будет. Мне самому надоело бегать наперегонки с Шоном, чтобы перехватить ее.

— Ты — король. Можешь приказать ему не бегать.

— Мне не хочется это делать. Он так остро все воспринимает.

Огромное полено, горящее в камине, хрустнуло и развалилось надвое.

— А разве можно заказать книги об... этом?

— Можно заказать книги о чем угодно.

Оба, как по команде, уставились на огонь. «Ей не нравится быть королевой, — подумал Веренс. — Я это вижу. Но когда выходишь замуж за короля, становишься королевой. Так во всех книгах сказано...»

А Маграт тем временем думала: «Он был таким милым, когда носил колпак с серебряными бубенчиками и спал на полу перед дверью хозяина. Тогда я могла разговаривать с ним, ничего не стесняясь...»

Веренс хлопнул в ладоши.

— Ну, похоже, мы все обсудили. Завтра будет тяжелый день, приезд гостей и все такое прочее.

— Да, день будет длинным.

— Почти *самым* длинным. Ха-ха.

— Да.

— Наверное, грелки в наши постели уже положили...

— Шон научился с ними справляться?

— Надеюсь. Во всяком случае, больше одеял я навалить на себя не могу.

Зал был действительно большим, тени прятались по углам, собирались кучками.

— Должно быть,— очень медленно произнесла Маграт, не отрывая глаз от пламени,— в Ланкре было не очень много книг. До этого времени.

— Грамотность — великое дело.

— Люди как-то обходились без них.

— Да, но делали все неправильно. Все по старинке да по старинке...

Маграт смотрела на огонь. «Ну да, с фантазией в Ланкре всегда было туго»,— подумала она.

— Что ж, пора уже ложиться, как ты думаешь?

— Думаю, ты права.

Веренс снял два серебряных подсвечника и зажег свечи вощеным фитилем. Один подсвечник он передал Маграт.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Они поцеловались, развернулись и разошлись по своим спальням.

Простыни на кровати Маграт как раз начинали дымиться. Она вытащила грелку и выбросила ее в окно.

А потом с ненавистью посмотрела на свой гардероб, который почему-то одновременно служил и уборной.

Маграт, вероятно, была единственным человеком в Ланкре, которого волновали проблемы биопереработки. Все остальные придерживались простого принципа: сгниет все, что угодно, — только время дай.

Дома у Маграт — вернее, там, где она *раньше* жила, — уборная располагалась в дальнем конце сада. Маграт она нравилась. Ведерко золы — и все проблемы решены. К тому же в уборной на гвоздике висел прошлогодний «Ещегодник», который всегда можно было почитать, заскучав, а на двери был красивый вырез в виде виноградной грозди. Раз в несколько месяцев Маграт копала другую яму и просила кого-нибудь помочь перенести будочку на новое место.

Но что представлял собой местный гардероб, он же туалет? Это была небольшая ниша с деревянным сиденьем, расположенным над квадратным отверстием, которое вело в самый низ крепостной стены, в своего рода яму, где раз в неделю происходила биопереработка посредством органо-динамического процесса, более известного под названием «Шон Ягг и его тачка». Это Маграт еще могла понять. Это некоторым образом вписывалось в общую теорию знати и простонародья.

Но что ее шокировало, так это крючки и вешалки в уборной, которая почему-то служила еще и гардеробом.

Да, да, крючки и вешалки предназначались именно для одежды. Как объяснила Милли, здесь хранились наиболее дорогие меха и платья. А ко-

варную моль отгонял сквозняк из отверстия и... запах*.

Но Маграт решительно пресекла эту порочную практику.

Она лежала в постели и смотрела на потолок.

Конечно, она хотела выйти замуж за Веренса, даже несмотря на его безвольный подбородок и слезящиеся глаза. Сейчас, во мраке ночи, Маграт понимала, что не имеет права быть привередливой, к тому же не каждой девушке удастся заполучить в мужья короля.

Просто ей он больше нравился, когда был шутком. Есть что-то привлекательное в мужчине, который позвякивает при ходьбе.

А теперь в будущем ее ждали плохо сотканые гобелены да сидение у окна с задумчивым видом.

Она досыта наелась томами по этикету и всевозможными родословным, а Твурповская «Книга Пэров Питнадцати Гор и равнины Сто» преследовала ее во сне.

Но, чтобы стать настоящей королевой, все это нужно выучить. Длинная галерея была забита подобными трудами, а Маграт и до середины ее не добралась. Как обращаться к троюродному брату графа? Что означают картинки на щитах, все эти смотрящие назад или идущие с поднятой правой передней лапой и косящиеся вправо львы?

* Документальный факт. Вот почему народ так шустро разбегается в стороны, когда шествует какая-нибудь знатная особа.

А одежда? Мантилью Маграт решительно отвергла, но большая остроконечная шляпа с длинным шарфом позади ей тоже не сильно нравилась. Может, на ком-то эта шляпа и смотрится, но Маграт в ней выглядела так, словно ей на шею кто-то уронил большую порцию мороженого.

Нянюшка Ягг сидела перед камином в халате, попыхивала трубочкой и лениво подстригала ногти. Периодически раздавался пронзительный свист рикошета. Потом послышался звон — это разбилась масляная лампа.

А матушка Ветровоск лежала в постели, неподвижная и холодная. В ее руке, испещренной синими венами, была зажата записка, говорящая о том, что матушка «НИ УМИРЛА».

Ее разум парил над лесом и искал, искал...

Вся беда была в том, что туда, где не было глаз, чтобы видеть, и ушей, чтобы слышать, матушка проникнуть не могла.

Вот почему она не заметила низинку рядом с Плясунами, в которой спали восьмеро мужчин.

Спали и видели сны...

С другими освоенными человеком землями Ланкр соединяется мостом через Ланкрское ущелье, где протекает мелкая, но убийственно быстрая и коварная речка по имени Ланкр*.

Достигнув обрыва, карета остановилась.

* Ланкрцы не перетруждались, придумывая географические названия.

Дорогу перегораживал шлагбаум, небрежно раскрашенный красной, белой и черной красками.

Кучер потрубил в рог.

— В чем дело? — осведомился Чудакулли, высунувшись из окна.

— Троллев мост.

— Ничего себе.

Через некоторое время из-под моста донесся грохот, и через парапет перелез тролль. Впрочем, для обычного тролля на нем было слишком много одежды. Кроме обязательной по закону набедренной повязки он носил еще и шлем. Изначально шлем предназначался для человеческой головы, поэтому на башке тролля он удерживался лишь при помощи шнурка. В общем, тролль именно «носил» его.

— Что такое? — спросил проснувшийся казначей.

— Там, на мосту, тролль, — ответил Чудакулли, — но он под шлемом, стало быть, он скорее всего какой-нибудь местный чиновник. Так что вряд ли он будет нас есть*. Ты, главное, не бойся...

Казначей хихикнул — разум его быстренько взял ноги в руки и помчался куда глаза глядят.

У окна кареты появился тролль.

— Добрый вечер, ваши светлости, — поздоровался он. — Таможенный досмотр.

— Что вы, что вы, мы совершенно не больны, — пролепетал уже совершенно счастливый казна-

* Тролли, как жизненная форма, основанная на кремнии, а не на углероде, на самом деле не способны переваривать людей. Но желающие попробовать всегда найдутся.

чей. — Тем более этим. Я имею в виду, то есть, мы волшебники, поэтому, э-э, нам нельзя...

— Я спрашиваю, — сказал тролль, — не проводите ли вы случайно пиво, крепкие напитки, вина, галлюциногенные растения или книги непристойного или распутного содержания?

Чудакулли оттащил казначея от окна.

— Нет, — ответил он.

— Нет?

— Нет.

— Уверены?

— Да.

— А не желаете ли приобрести?

— Мы что, похожи на козлов? — радостно осведомился казначей, несмотря на попытки Чудакулли сесть ему на голову.

Есть люди, способные войти в негритянский бар и толкнуть длинную речь в защиту рабства.

Но даже эти люди посчитали бы нетактичным упоминание слова «козел» в присутствии тролля.

Выражение лица тролля изменилось очень медленно, словно лавина величаво сошла с горного склона. Думминг попытался забраться под сиденье.

— Ну, мы поскакали? — раздался слегка приглушенный голос казначея.

— Это не он, — быстро проговорил аркканцлер. — Это говорят пилюли из сушеных лягушек.

— Меня невкусно есть, — объявил казначей. — Лучше моего брата съешь, он такой ко... Мф-мф мф-мф...

— Понятненько, — покачал головой тролль. — Кажется мне... — И тут он заметил Казанунду. — Ага! — воскликнул он. — Контрабанда *гномов*.

— Не говори чепухи,— возразил Чудакулли.—
Контрабанды гномов не существует.

— Неужели? Тогда кто это у вас здесь?

— Я — настоящий гигант. В определенном смысле,— сказал Казанунда.

— Гиганты, знаешь ли, побольше ростом.

— А я болел.

При этих словах тролль несколько растерялся. Для него это была неразрешимая задача. Но тролль явно нарывался на неприятности — которые и обрел на крыше кареты, где принимал солнечные ванны библиотекарь.

— А это что за волосатый мешок?

— Это не мешок. Это библиотекарь.

Тролль потыкал в кучу рыжих волос.

— У-ук...

— Что? Обезьяна?

— У-ук?!

Минутой спустя путешественники, перегнувшись через парапет, задумчиво рассматривали протекавшую далеко внизу речку.

— И часто с ним такое? — наконец спросил Казанунда.

— В последнее время не очень,— ответил Чудакулли.— Против... этой, как ее... не попрешь. Эй, Тупс, как там эта штука называется, ну, когда размножаешься и детям своим передаешь?

— Эволюция,— ответил Думминг.

Волны все еще бились о берега.

— Она самая. Допустим, у моего отца был жилет с вышитыми фазанами, и он оставил его мне, и теперь я им владею. Это, стало быть, наследственность, а...

— На самом деле все не так...— начал было Думминг, впрочем не особенно надеясь на то, что Чудакулли станет его слушать.

— В нашем Анк-Морпорке разницу между обезьяной и приматом усвоили почти все,— продолжал Чудакулли.— Эволюция, брат... Очень трудно, знаешь ли, размножаться, после того как тебя отвозили по мостовой.

Рябь на воде исчезла.

— Как вы думаете,— поинтересовался Казанунда,— тролли плавать умеют?

— Нет, они просто тонут, а потом выходят на берег,— объяснил Чудакулли. Он развернулся и оперся на локти.— Эх, а знаете, это напомнило мне прошлое... Я имею в виду старую, добрую реку Ланкр. Здесь такая форель водится... Руку целиком откусить может.

— Судя по всему, здесь водится не только форель,— заметил Думминг, наблюдая за показавшимся из воды шлемом.

— А выше по течению — прозрачные заводи...— продолжал Чудакулли.— Полные... неизбывной прозрачности. В них можно купаться голышом, и никто тебя не увидит. И залитые водой луга, полные... воды, представляете? И цветы, и все такое прочее.— Он вздохнул.— Ведь именно на этом мосту она сказала мне, что...

— Он уже вылез из реки,— сообщил Думминг.

Но тролль не слишком торопился, поскольку заметил, что библиотекарь с самым беззаботным видом выворачивает из моста огромный камень.

— Именно на этом мосту я спросил ее...

— Какая большая у него дубина,— произнес Казанунда.

— Да, именно на этом мосту я почти...

— Ты не мог бы держать этот камень чуть менее вызывающе? — спросил Думминг.

— У-ук?

— Это нам не помешало бы.

— *Если кому-нибудь интересно*, именно на этом мосту вся моя жизнь...

— Может, поедem дальше? — предложил Думминг. — Тролль еще долго будет там ковыряться.

— И вообще, ему сильно повезло, что у нас нет времени здесь торчать! — поддакнул Казанунда.

Думминг развернул библиотекаря и подтолкнул его к карете.

— В действительности на этом самом мосту... Чудакулли обернулся.

— Ты ехать собираешься? — осведомился Казанунда, взяв в руки вожжи.

— Я только что пережил мгновение ностальгических воспоминаний, — с укором произнес Чудакулли. — Но вы, сволочи, ничего, конечно, не заметили.

Думминг держал дверь открытой.

— Есть такое высказывание, аркканцлер: нельзя войти дважды в одну и ту же реку.

Чудакулли в недоумении уставился на него.

— Думаешь, второй раз библиотекарь его туда не зашвырнет?

При въезде в Ланкр сидевший на крыше кареты библиотекарь взял почтовый рожок, машинально откусил мундштук и так сильно дунул, что рожок разом превратился в трубу.

Стояло раннее утро, и улицы Ланкра были безлюдны. Все настоящие крестьяне давно уже вста-

ли, обругали нерадивую скотину, швырнули в нее ведром и снова завалились спать.

Звук рожка-трубы эхом отразился от стен.

Чудакулли выскочил из кареты и театрально набрал полную грудь воздуха.

— Нет, вы чувствуете, какой запах?! Настоящий свежий горный воздух! — Он постучал себя по груди.

— Я как раз наступил на что-то очень свежее и сельское, — сообщил Думминг. — А где замок?

— Полагаю, это вон та мрачная черная громада с башнями, — высказал свое мнение Казанунда.

Аркканцлер вышел на центр площади и принялся медленно поворачиваться, широко расставив руки.

— Видите ту таверну? — спросил он. — Ха! Если бы мне давали по пенсу каждый раз, когда меня вышвыривали из нее, у меня было бы... пять долларов и тридцать восемь пенсов. Там, дальше, находится старая кузница, а это — дом госпожи Персифлур, у которой я жил. А вон ту вершину видите? Это — Медная гора. Однажды я забрался на нее вместе со старым троллем Карбонатником. Эх, какие были деньки... А видите тот лесок чуть ниже, на склоне холма? Именно там она...

Его голос перешел в бормотание.

— Подумать только. Я все вспомнил... Какое это было лето. Таких уж больше и не бывает. — Аркканцлер вздохнул. — Знаете, я бы все отдал, чтобы еще хоть разок прогуляться с ней по лесу. Мы столько всего не успели... Ладно, пошли.

Думминг оглядел Ланкр. Он родился и вырос в Анк-Морпорке, поэтому всегда считал, что сель-

ская жизнь — это то, что случается с другими людьми, причем у большинства из них — четыре ноги. С его точки зрения, сельская местность представляла собой полный хаос, предшествовавший тому моменту, когда была создана вселенная, то есть нечто *цивилизованное*, связанное с каменными стенами и булыжными мостовыми.

— Это, стало быть, столица Ланкра? — недоверчиво уточнил он.

— Похоже на то, — пожал плечами Казанунда, который также считал, что город без тротуара — не город вовсе.

— Бьюсь об заклад, здесь, наверное, и кондитерской-то нет, — хмыкнул Думминг.

— А какое здесь пиво! — воскликнул Чудакулли. — Здесь такое пиво... такое пиво, обязательно его попробуйте! А еще есть укипаловка, ее гонят из яблок... и черт знает, что еще они туда добавляют, — только в металлические кружки ее наливать нельзя. Непременно попробуй укипаловку, Тупс. Может, хоть волосы на груди вырастут. А о тебе я совсем молчу...

Он повернулся к следующему пассажиру кареты и оказался лицом к лицу с библиотекарем.

— У-ук?

— Э-э... Молчу... Э-э, молчу, потому что ты и так парень хоть куда.

Аркканцлер засуетился, увидел на крыше кареты мешок с почтой, подпрыгнул и стащил его на землю.

— Кстати, а с этим что будем делать? — спросил он.

За спиной его послышались торопливые шаги, Чудакулли обернулся и увидел спешившего к ним

краснолицего молодого человека в кольчуге явно не по размеру, в которой он очень походил на жутко исхудавшую ящерицу.

— А где кучер? — спросил Шон Ягг.

— Приболел, — ответил Чудакулли. — Совершенно бандитская хворь на него напала. Куда почту-то девать?

— Почту, предназначенную для дворца, забираю я, а мешок мы обычно вешаем на гвоздь рядом с дверью таверны, чтобы люди сами могли забрать свои письма.

— А это не опасно? — спросил Думминг.

— Да нет, гвоздь крепкий, — успокоил его Шон и принялся рыться в мешке.

— Я хотел сказать, письма ведь могут украсть.

— Ну, это вряд ли! Пусть кто попробует, наши ведьмы так на него глянут, мало не покажется.

Шон сунул несколько пакетов под мышку, а мешок повесил на упомянутый выше гвоздь.

— Да, совсем забыл, — хлопнул себя по лбу Чудакулли. — Это место славится еще кое-чем. Ведьмами! Сейчас я вам такое про них расскажу...

— Моя мама — ведьма, — возвестил Шон, снова зарываясь в мешок.

— Более милых женщин вы нигде не найдете, — недрогнувшим голосом продолжал Чудакулли. — И не слушайте всякие досужие сплетни — мол, все они назойливые, чокнутые старухи, одержимые жаждой власти. Неправда это!

— Вы, небось, на свадьбу приехали?

— Именно так. Я — аркканцлер Незримого Университета, это господин Тупс, волшебник, а это... Куда ты подевался? А, ты здесь... Господин Казанунда.

— Граф, — подсказал Казанунда. — Я — граф.
 — Правда? А почему ты ничего не говорил об этом?

— Ну, понимаешь, это не та вещь, о которой говорят при первой же встрече.

Чудакулли с подозрением прищурился:

— Гм, а я думал, у гномов нет титулов...

— Я оказал кое-какую мелкую услугу самой королеве Агантии Скундской, — гордо заявил Казанунда.

— Правда? Подумать только. И насколько мелкую?

— Не настолько.

— Подумать только... Так, дальше, *это* — казначей, а *это* — библиотекарь. — Чудакулли сделал шаг назад, помахал рукой и одними губами прошептал: — Только не произноси при нем слово «обезьяна».

— Очень рад познакомиться, — вежливо поздоровался Шон.

Такой реакции Чудакулли совсем не ожидал.

— *Это* — библиотекарь, — повторил он.

— Да, да, я слышал. — Шон кивнул орангутану. — День добрый.

— У-ук.

— Тебя, наверное, интересует, почему он так выглядит, — подсказал Чудакулли.

— Да не особо.

— Не особо?

— Моя мама всегда говорила, что внешность — дело наживное.

— Какая своеобразная женщина. И как же ее зовут? — спросил Чудакулли.

— Госпожа Ягг.

— Ягг? Ягг? Что-то припоминаю... Она, случаем, не родственница Твереза Ягга?

— Он приходится мне папой.

— Ничего себе. Сын старика Твереза! И как поживает старый хрыч?

— Не знаю. Во всяком случае, когда его хоронили, он был мертв.

— Вот те на! И давно он, того, мертв?

— Все последние тридцать лет.

— А с виду тебе не больше двадцать... — начал было Думминг, но Чудакулли успел ткнуть его локтем в ребра. — Здесь сельская местность, — прошипел он. — И люди тут живут по-другому. И чаще.

Он снова повернулся к розовому и выражающему полную готовность услужить лицу Шона.

— Город, похоже, просыпается, — заметил он. И действительно, в домах начали открываться ставни. — Мы позавтракаем в таверне. Насколько помню, там готовили великолепные завтраки. — Он опять принюхался и широко улыбнулся. — А как пахнет-то, как пахнет!

Шон принюхался и оглянулся по сторонам.

— Действительно, пахнет по-королевски, — сказал он.

Послышался стремительно приближающийся топот чьих-то ног, потом он резко стих, и из-за угла появился король Веренс II. Он выступал медленно и величественно, но лицо его было очень красным.

— Наверное, поэтому у вас всех такой здоровый цвет лица, — весело произнес Чудакулли.

— Это же короли! — прошипел Шон. — А у меня нет трубы!

— Гм,— промолвил Веренс.— А что, Шон, почти уже привезли?

— О да, сир! — ответил не менее взволнованный, чем король, Шон.— Она уже у меня. Я разберу ее и сразу же положу на стол вашего величества.

— Гм...

— Что-нибудь не так, сир?

— Гм... Я думал, может быть...

Шон уже разрывал обертку.

— Так, книга по этикету, которая давным-давно была заказана, книга по свиноводству, а это... что такое?..

Веренс попытался выхватить посылку. Шон машинально попытался ее удержать. Обертка треснула, и большая толстая книга упала на землю. Ветерок стал перебирать страницы с гравюрами.

Все опустили глаза.

— Ого! — воскликнул Шон.

— Ничего себе,— хмыкнул Чудакулли.

— Гм,— сказал король.

— У-ук?

Шон очень аккуратно поднял книгу и перелистнул несколько страниц.

— Вы только посмотрите! Ногой! Никогда не думал, что так можно ногой! — Он толкнул в бок Думминга Тупса.— Нет, ты только посмотри!

Чудакулли перевел взгляд на короля.

— Ваше величество, с вами все в порядке?

Веренс смущенно поежился.

— Гм...

— А здесь... Нет, с ума сойти можно, палками, обычными палками — и такое...

— Что? — спросил Веренс.

— Ого! — снова воскликнул Шон. — Большое спасибо, сир. Эта книжка очень нам пригодится. Ну, то есть я, конечно, кое-что слышал о таком, но...

Веренс выхватил книгу из рук Шона и уставился на титульную страницу.

— «Искусство Боя»? Боя? Но я точно помню, что заказывал «Искусство Бра...»

— Сир?

На какой-то момент воцарилась полная тишина — Веренс сражался с самим собой за душевное равновесие. Судя по всему, победу одержало разумное я.

— А, да. Правильно. Э. Ну да, конечно. Да. Понимаете ли, хорошо обученная армия... просто необходима для обеспечения безопасности королевства. И это правильно. Да. Замечательно. Мы с Маграт подумали и решили... Да. Можешь забрать ее, Шон.

— Я начну заниматься немедленно, сир!

— Гм... Хорошо.

Джейсон Ягг проснулся — и тут же пожалел об этом.

Давайте говорить откровенно. Многие крупные специалисты пытались описать похмелье. В качестве примеров часто использовались танцующие на вашей голове слоны и все такое прочее. Однако описания эти грешили неточностью. Они вечно отдавали чем-то вроде: «Хо-хо, что-то мы, ребята, перебрали». Какая-то похмельная мужественность сквозила в них: «Хо-хо, человек, еще девятнадцать пинт пива, эй, ну и поднабрались мы вчера, хо-хо...»

Честно говоря, описать похмелье, наступающее после ланкрской укипаловки, просто невозможно. В лучшем случае вы будете чувствовать себя так, будто ваши зубы растворились и вся эта гадость осела у вас на языке.

Наконец, кузнец сел и открыл глаза*.

Одежда его была мокрой от росы.

Голова наполнилась всякими неясными шепотами.

Джейсон Ягг уставился на камни.

Кувшин из-под укипаловки валялся рядом, в кустике вереска. Спустя пару-другую мгновений Джейсон протянул руку, поднял его и встряхнул — так, на всякий случай. Кувшин был совершенно пуст.

Носком сапога Джейсон ткнул Ткача под ребра.

— Вставай, старый пьяница. Мы провалялись здесь всю ночь!

Постепенно все танцоры осуществили краткое, но крайне болезненное всплытие на поверхность сознания.

— Ох и задаст мне Ева палкой, когда я вернусь домой,— простонал Возчик.

— А может, и не задаст,— возразил Кровельщик, ползающий на карачках в поисках своей шляпы.— Может, она уже за другого замуж вышла.

— То есть ты хочешь сказать, что прошла уже сотня лет? — с надеждой в голосе произнес Возчик.

— Вот здорово,— прибодрился Ткач,— а у меня семь пенсов вложены в «Охуланский обе-

* Сюда можете вставить описание «красные, как перец, бельма», если вам так больше нравится.

регательный банк». Да я же миллионером стану, проценты на проценты и так далее. Буду богат, как Креозот.

— А кто такой Креозот? — спросил Кровельщик.

— Знаменитый богач, — ответил Пекарь, доставая свой башмак из торфяной лужи. — Заграничный.

— Да нет, там какая-то другая история произошла. Это то ли король был, то ли еще кто. Такое часто в заграницах случается. Сначала ты богат, живешь себе, в ус не дуешь, а потом бац — и все, до чего бы ты ни дотронулся, в золото превращается. Наверное, он какую-то особую, заграничную хворь подцепил.

Возчик нахмурился.

— А как же он справлялся?.. Это, ну, а когда приспичит?..

— Пусть это послужит тебе уроком, молодой Возчик, — нравоучительно промолвил Пекарь. — Живи себе здесь, с разумными людьми, а не шалайся по всяким заграницам, где того и гляди какую-нибудь заразу подхватишь.

— Мы проспали тут всю ночь, — неуверенно произнес Джейсон. — Это ведь очень опасно...

— Вот здесь ты тысячу раз прав, Джейсон Ягг, — согласился Возчик. — Очень опасно. Взять меня, к примеру... Кажется, какая-то тварь перепутала мое ухо с туалетом.

— Я имел в виду, в голову могут прийти всякие странные вещи...

— И я о том же.

Джейсон заморгал. Ему снились сны, в этом он был абсолютно уверен. Он *помнил*, что видел

сны. Не помнил только, о чем они были. В голове его все еще сохранилось ощущение, что кто-то с ним разговаривает, но голос доносится откуда-то издалека и слова почти не слышны.

— Ну, ладно, — наконец сказал он и с третьей попытки поднялся на ноги. — Надеюсь, ничего дурного не случилось. Пошли домой, посмотрим, в каком мы сейчас веке.

— А кстати, — встрепенулся Кровельщик, — в каком?

— В веке Летучей Мыши, наверное, — пожал плечами Пекарь.

— А может, уже и нет, — с надеждой в голосе произнес Возчик.

Вскоре выяснилось, что на дворе по-прежнему был век Летучей Мыши. В Ланкре единицами времени мельче часа или крупнее года почти не пользовались.

Люди развешивали флаги на городской площади, бригада рабочих воздвигала майское дерево. Кто-то приколачивал очень неудачно написанный портрет Веренса и Маграт с призывом: «Да Хоронят Боги Ихние Каролефские Величиствы».

Не сказав друг другу ни слова, танцоры разошлись в стороны и отправились по домам.

Кролик резво прыгал сквозь утренний туман, пока не допрыгал до пьяно покосившейся хижины на полянке рядом с лесом.

Между уборной и Травами он запрыгнул на пенек. Практически все лесные животные предпочитали обходить Травы стороной. Просто у животных, которые не обходили Травы стороной, почему-

то не было потомства. Обрывки тумана колыхались на легком ветерке, что было крайне странно, поскольку никакого ветра не было.

Кролик присел на пень.

А потом появилось ощущение движения. Что-то вылетело из кролика и помчалось к открытому окну верхнего этажа. Это что-то было невидимым — по крайней мере для нормального человеческого глаза.

Кролик сразу изменился. Если раньше он двигался целеустремленно, то сейчас просто спрыгнул с пня и принялся мыть ушки.

Спустя некоторое время задняя дверь хижины отворилась, и на улицу, еле шевеля негнувшимися ногами, вышла матушка Ветровоск с миской молока и хлеба в руках. Поставив угощение на ступени, она вернулась в дом и закрыла за собой дверь.

Кролик подскочил поближе.

До сих пор непонятно, понимают ли животные, что такое ответственность или взаимно выгодный договор. Но это и не важно. Главное, ведьмы это понимают. Если вам действительно захочется расстроить ведьму, окажите ей услугу, за которую она будет не в состоянии вам отплатить. Невыполненные обязательства будут терзать ее как больная заусеница.

Целую ночь матушка Ветровоск путешествовала в голове у кролика. И должна была чем-то ему отплатить. Миска с молоком и хлебом будет выставляться на ступени еще несколько дней кряду.

Платить надо всегда — как за хорошее, так и за плохое, обстоятельства бывают разных типов.

«Вот только люди этого не понимают», — подумала матушка Ветровоск, возвращаясь на кухню. Например, Маграт этого не понимала. И новая девушка тоже. Все должно находиться в равновесии. Нельзя быть однозначно хорошей или однозначно плохой ведьмой. Нужно быть просто ведьмой, что также крайне непросто.

Матушка сидела у холодного очага и сражалась с отчаянным желанием пошевелить ушами.

Они где-то прорвались. Матушка чувствовала это по деревьям, по мыслям мелких животных. *Она* что-то замышляет. И это должно было произойти очень скоро. С точки зрения оккультизма летнее солнцестояние не представляет собой ничего интересного, но в мыслях людей этот день — особенный. А эльфы особенно сильны в мыслях людей.

Матушка знала, что рано или поздно ей предстоит встретиться с королевой. Не с Маграт, а с настоящей королевой.

И она проиграет.

Всю свою жизнь матушка посвятила тому, чтобы научиться контролировать собственные мысли. И всегда гордилась тем, что это у нее получается лучше всего.

Но не сейчас. Именно сейчас, когда уверенность в себе была так ей необходима, матушка не могла положиться на собственный рассудок. Она чувствовала, как королева прощупывает ее, помнила это чувство с того самого дня, с той самой встречи десятки лет назад. Да, способности к Заимствованию были, как всегда, на высоте, но она *сама...* Сама матушка совершенно запуталась бы, если

бы не оставляла себе короткие памятные записки. Быть настоящей ведьмой — это прежде всего знать, кто ты и где находишься, а вот с этим у матушки были проблемы. Вчера вечером она вдруг принялась накрывать стол для двоих. Попыталась войти в комнату, которой никогда не существовало. А ведь скоро ей придется сразиться с эльфами...

Если в битве с эльфом ты проиграешь... смерть для тебя будет самым лучшим исходом.

Хихикающая Милли Хлода подала Маграт завтрак в постель.

— Гости уже приезжают, м'м. И вся площадь увешана флагами! А Шон наконец отыскал коронационную карету.

— Неужели карету можно потерять?

— Она была закрыта в одной из старых конюшен, м'м, — объяснила Милли. — Мы же не во все помещения заходим. А еще король сказал, что, может, вы прокатитесь в ней вдвоем. Доедете до Дурного Зада. А Шон будет почетным караулом. Люди будут махать вам и кричать «ура». А потом вы вернетесь сюда.

Маграт накинула халат и подошла к окну башни. Отсюда были видны наружные стены, чуть дальше простиралась городская площадь, заполненная людьми. Торговцы все еще торговали со своих лотков, но люди уже расставляли скамейки, и в центре площади стояло майское дерево. Маграт заметила даже нескольких гномов и троллей, державшихся друг от друга на почтительном расстоянии.

— Слушай, я только что видела, как площадь перешла какая-то обезьяна! — изумилась Маграт.

— Весь мир приехал в Ланкр! — возбужденно воскликнула Милли, которая однажды побывала аж в Ломте.

Тут Маграт обратила внимание на портрет, на котором были изображены она сама и ее жених.

— А вот это глупо... — пробормотала она под нос, но Милли таки услышала ее и страшно удивилась.

— Но что в этом такого, м'м?!

Маграт резко развернулась.

— Да все! Все это! Ради *меня!*

Милли в страхе попятилась.

— Я — просто Маграт Чесногк! Короли должны жениться на принцессах или там герцогинях! На девушках, которые привыкли к этому! Я не хочу, чтобы люди орали «ура» только потому, что я проезжаю мимо в карете! Ведь эти самые люди знают меня всю жизнь! Все это... Это... — широким жестом она обвела ненавистный гардероб, огромную кровать с пологом, комнату для одевания, забитую негнувшимися и дорогими нарядами. — Все это... не для *меня!* Все это ради какой-то *идеи!* У тебя в детстве, наверное, была кукла — бумажная такая и одетая в бумажные платья? Помнишь, из нее можно было сделать кого угодно? Так вот, это — я! У людей, как, как... как у пчел! Меня превращают в королеву, и не важно, хочу я этого или нет! Вот что со мной происходит!

— Но его величество наверняка не имел в виду ничего дурного. Он купил все эти чудесные платья только потому, что...

— Да не в одежде дело! А в том, что люди все равно будут кричать «ура» карете, кто бы в ней ни ехал!

— Но ты же сама влюбилась в короля, м'м,— смело заявила Милли.

Маграт на мгновение замолкла. Это чувство она еще не анализировала.

— Все немножко не так,— сказала она наконец.— Тогда он еще не был королем. И никто даже не подозревал, что он станет королем. Он был немножко грустным, приятным человеком в шутовском колпаке с колокольчиками, и, как правило, никто его не замечал.

Милли отступила еще на шаг.

— Я думаю, это все нервы, м'м,— пролепетала она.— Перед свадьбой все немножко нервничают. Может... может, принести травяного чая?..

— Ничего я не нервничаю! И я сама могу заварить травяной чай, если захочу.

— Повариха очень ревностно относится к своему травяному садику, м'м.

— Видела я этот садик! Что такого особенного там растет? Хилый шалфей да желтеющая петрушка! Растения, которые нельзя затолкать в задницу цыпленка, она за травы не держит! А кроме того... кто тут королева?

— Но я думала, ты не хочешь ею становиться, м'м,— пробормотала Милли.

Маграт изумленно вытаращилась на свою служанку. На мгновение у нее возникло ощущение, будто она спорит сама с собой.

Милли могла быть не самой информированной девушкой на Плоском мире, но дурой она ни-

когда не была. А потому выскочила в дверь ровно за мгновение до того, как поднос с завтраком ударился о стену.

Маграт сидела на кровати, обхватив голову руками.

Она не хотела становиться королевой. Быть королевой — это тоже самое, что быть актрисой, а актриса из Маграт была никудышная. Иногда ей казалось, что и Маграт-то из нее никудышная, коли уж на то пошло.

Шум предсвадебных приготовлений становился все громче. Наверняка будут народные танцы, этому уж точно не помешать, а потом все хором станут петь народные песни. А еще будут танцующие медведи, клоуны-жонглеры, лазание по намазанному жиром столбу, которое почему-то всегда выигрывала нянюшка Ягг. И швыряние поросенка — кто метче. И доверху наполненная отрубями кадка с подарками, которой будет командовать тоже нянюшка Ягг. Только очень храбрый человек может опустить руку в кадку, которой управляет ведьма с весьма оригинальным чувством юмора. Маграт всегда нравились ярмарки. До нынешнего момента.

Впрочем, кое-что еще можно было сделать.

Последний раз она оделась в простое платье, вышла из комнаты и поднялась по задней лестнице в башню, в одной из комнат которой лежала Даманда.

Маграт приказала Шону поддерживать огонь в камине. Даманда спала спокойным, беспробудным сном.

Маграт не могла не заметить, что Диаманда поразительно красива; кроме того, девушке было не отказать в храбрости, раз она решилась на поединок с самой матушкой Ветровоск. Маграт с нетерпением ждала, когда Диаманда поправится, чтобы начать завидовать ей по-настоящему.

Рана заживала хорошо, но... Это еще что такое?

Маграт прошла в угол и дернула за шнурок колокольчика.

Через минуту или две прибежал запыхавшийся Шон. Руки его были выпачканы золотой краской.

— Что *это* такое? — поинтересовалась Маграт.

— Э, такое дело, госпожа, мне было не велено говорить...

— Мы все-таки... почти совсем... стали королевой, — напомнила Маграт.

— Да, но король сказал... И *матушка* сказала...

— Кто правит этим королевством? Матушка Ветровоск? — рывкнула Маграт. Она ненавидела себя за эти слова, но, похоже, они подействовали. — К тому же матушки здесь нет. Ну а мы — здесь, и, если ты не объяснишь нам, что здесь происходит, мы позаботимся о том, чтобы ты выполнял всю самую грязную работу во дворце.

— Но я и так ее выполняю, — пожал плечами Шон.

— Тогда мы позаботимся о том, чтобы эта работа стала еще грязней.

Маграт подняла один из свертков. Он оказался железным прутком, обмотанным полосами простыни.

— Она вся обложена этими штуками, — ткнула пальцем она. — Зачем?

Шон упорно смотрел на свои заляпанные золотой краской башмаки.

— Ну, наша маменька велела...

— Да?

— Маменька велела мне обязательно обложить ее железом. В общем, мы с Милли притащили из кузницы всякого железного лома, обернули его простынями и положили вокруг девушки.

— Зачем?

— Чтобы к ней не могли приблизиться... Дамы и Господа.

— Кто? Это же просто суеверие! Кроме того, всем известно: эльфы — самые добрые существа на свете, что бы там ни говорила матушка Ветровоск.

Шон вздрогнул. Маграт собрала обернутые тканью куски железа и закинула их в угол.

— Все, хватит с меня всяких баек. Кстати, может, меня еще о чем-нибудь не известили?

Шон виновато покачал головой, но о существе в подземелье ничего не сказал.

— Ха! Ладно, можешь идти. Веренс пытается построить современное, эффективное королевство, а это значит, со всякими подковами и прочими суевериями надо бороться. Ты свободен.

— Слушаюсь, госпожа королева.

«По крайней мере, я хоть что-то полезное могу сделать», — похвалила себя Маграт.

Да. Будь разумной. Иди к нему. Поговори. Маграт придерживалась мнения, что во всем можно разобраться, надо только нормально поговорить.

— Шон?

Он замер у двери.

— Да, госпожа?

— Король где, в Главном зале?

— Э-э, думаю, он еще одевается, госпожа королева. Во всяком случае, трубить меня пока что не звали.

На самом деле Веренсу очень не нравилось, когда впереди него повсюду ходил Шон и трубил в свою трубу, поэтому король уже спустился вниз инкогнито. Однако Маграт этого не знала. Добравшись до королевских покоев, она тихонько постучалась.

Но к чему застенчивость? Начиная с завтрашнего дня это ведь будет и ее комната тоже. Она взялась за ручку, та с готовностью повернулась. Все еще сомневаясь насчет своего решения, Маграт вошла.

Было бы неверным сказать, что комнаты в Ланкрском замке принадлежали какому-то определенному человеку. Слишком много разных людей жили в них на протяжении веков. Сама атмосфера была похожа на испещренные следами от кнопок стены, на которые прежние обитатели вешали плакаты давно распавшихся рок-групп. Но на камень свою индивидуальность не прищипишь. Кнопки обломаешь.

Для Маграт проникновение в спальню мужчины было подобно исследовательской экспедиции, забравшейся в местность, которая на карте отмечена надписью «Здесь Водятся Драконы»*.

* Если вы внимательно изучите «Улишный План Анк-Морпорка ат а до Ω», таким местом будет «Санаторий Для Тяжело Больных Драконов» на Морфической улице («Просим Аставлять Пажертваванный Уголь У Боковой Двери. Помнете, Дракон — Эта На Всю Жизнь, А Ни Только На День Всех Пустых»).

И ожидала она увидеть совсем другое.

Веренс узнал смысл понятия «спальня» уже в достаточно зрелом возрасте. Мальчиком он спал со всей семьей на соломе на чердаке хижины. Когда же он стал учеником Гильдии Шутов, то спал на соломенном тюфяке в длинной общей спальне вместе с другими грустными, изнуренными учебой и побоями юношами. Став законченным шутом, он спал, согласно традиции, свернувшись калачиком перед дверью хозяина. И наконец, в более зрелом возрасте, чем это принято, он получил представление о мягком матрасе.

А теперь Маграт узнала его страшную тайну.

В комнате стояло Главное Ланкрское Ложе, на котором, согласно преданиям, могли разместиться двенадцать человек, хотя, при каких обстоятельствах и для чего это могло вдруг понадобиться, история умалчивала. Кровать была огромной и дубовой.

Кроме того, было совершенно ясно, что на ней никто не спал.

Маграт откинула простыни и ощутила запах подпаленного белья. Но был еще и запах затхло-сти, говоривший о том, что на кровати давным-давно никто не спит.

Она принялась осматривать комнату, пока взгляд ее не остановился на маленьком натюрморте у двери, состоявшем из аккуратно сложенной ночной рубашки, свечи и небольшой подушки.

Надев корону, Веренс ничуть не изменился. Он просто стал спать с другой стороны двери.

О боги. Он всегда спал перед дверью хозяина. А теперь, став королем, он спал перед дверью в свое королевство.

Маграт почувствовала, как ее глаза наполняются слезами.

Ну разве можно не любить такого мужчину?

Маграт понимала, что поступает нехорошо, но она была слишком увлечена, а поэтому лишь высморкалась и продолжила осмотр. Кучка одежды у кровати свидетельствовала о том, что Веренс применял тот же метод развешивания одежды, что и добрая половина населения Плоского мира, а также о том, что у него были некие трудности с правильным выворачиванием носков.

В комнате стоял маленький туалетный столик с зеркалом. К раме зеркала был приколот сухой и поблекший цветок, как показалось Маграт, похожий на один из тех, что она часто вплетала в волосы.

Тут-то ей и нужно было уйти. Она узнала все, что хотела. Но в тот момент она словно потеряла самоконтроль.

Деревянная миска на туалетном столике была заполнена разными монетами, бусинками и прочим хламом, добытым из опустошенного на ночь кармана.

Здесь же лежал сложенный листок бумаги. Сложенный и потертый по углам, будто он достаточно долго пролежал в упомянутом выше кармане.

Маграт взяла листок и развернула.

Пупсторонние склоны Овцепикских гор буквально усеяны королевствами. Каждая узкая долина, каждый скальный выступ, на который смог бы взобраться не только горный козел, были заняты каким-нибудь королевством. В Овцепикских горах существовали настолько мелкие королевства,

что если бы на одно из них напал дракон и если бы этот дракон был убит молодым героем, а король отдал бы воителю (в соответствии с Разделом Три Героического Кодекса) половину своих владений, то от королевства не осталось бы ровным счетом ничего. Захватнические войны, длившиеся годами, вспыхивали и велись только потому, что кому-то негде стало хранить уголь.

Ланкр считался весьма крупным королевством. Он мог позволить себе иметь регулярную армию*, которая всегда пребывала на чеку**.

Короли и королевы, а также представители других подвидов аристократии непрерывным потоком шли по Ланкрскому мосту, сопровождаемые угрюмым взглядом промокшего до костей таможенника-тролля, который решил, что на сегодня с него хватит.

Главный зал был открыт для всех. Жонглеры и пожиратели огня смешались с толпой. На галерее менестрелей небольшой оркестрик играл ланкрский концерт для однострунной скрипки и знаменитых овцепикских волынок, но, к счастью, музыку заглушал шум толпы.

Нянюшка Ягг и матушка Ветровоск упорно протискивались сквозь вышеупомянутую толпу. Из уважения к столь праздничному событию нянюшка Ягг сменила свою обычную остроконечную черную шляпу на шляпу такой же формы, но красного цвета и украшенную восковыми вишенками.

* То есть Шона Ягга.

** То есть когда не спала.

— Надо ж, весь, этот, батонт здесь,— заметила нянюшка, подхватывая бокал с проплывающего мимо подноса.— Шон говорит, из самого Анк-Морпорка какие-то волшебники прибыли. И один из них заприметил меня: мол, славная у меня фигурка. Вот только Шон не запомнил, кто именно это сказал.

— Судя по всему, у этого волшебника извращенный вкус,— фыркнула матушка, но как-то машинально, без сердца, просто из врожденной язвительности.

Тревоги нянюшки Ягг получили лишнее подкрепление. Ее подруга все время о чем-то сосредоточенно размышляла.

— Хорошо, что кое-какие другие *дамы и господа* не пожаловали,— продолжила матушка.— Что-то я никак успокоиться не могу...

Нянюшка Ягг вытянула шею, чтобы глянуть поверх головы какого-то мелкотравчатого императора.

— А где, интересно, Маграт? — хмыкнула она.— Вон Веренс болтает с другими королями, а нашей Маграт *совсем* не видно. Шончик говорил, а ему об этом сказала Милли Хлода, что утром Маграт очень уж нервничала.

— Ох уж эта знать...— буркнула матушка, оглядывая головы толпившихся вокруг людей.— Я чувствую себя рыбой, вытащенной на берег.

— Ну, лично мне кажется, что о воде для себя ты сама можешь побеспокоиться,— заметила нянюшка, прихватив холодную куриную ножку со столика и засунув ее в рукав.

— Не пей слишком много, Гита,— предупредила матушка.— Мы должны быть начеку. По-

мни, что я сказала. Не позволяй себе отвлекаться...

— Неужели это наша восхитительная госпожа Ягг?!

Нянюшка обернулась.

Позади никого не было.

— Здесь, внизу, — услышала она голос.

Она опустила взгляд и увидела широкую улыбку.

— Вот дьявол! — воскликнула она.

— Не совсем. Это я, Казанунда, — сказал Казанунда, маленький рост которого подчеркивал огромный* напудренный парик. — Помнишь меня? Как-то в Орлее мы протанцевали всю ночь напролет.

— Мы танцевали? Всю ночь напролет?

— Ну хорошо, хорошо, не танцевали, но могли бы.

— Никак не ожидала увидеть тебя тут... — слабым голосом произнесла нянюшка.

Впрочем, насколько она помнила Казанунду, он славился своей привычкой объявляться в самых неожиданных местах.

* Правда, бывают и больше. История упадничества знает много примеров больших париков, часто со встроенными безделушками, чтобы избавить людей от необходимости смотреть на такие обыкновенные, скучные волосы. Некоторые парики были настолько большими, что в них даже размещалась ручная мышка или часовой механизм. У мадам Купидор, фаворитки Супа II (он же — Король Безумный), в парик была вмонтирована клетка для птиц, а на специальные придворные праздники она надевала парик с вечным календарем, цветочными часами и торгующим на вынос сувенирным магазинчиком.

— Наши звезды переплелись, — продолжил Казанунда. — Судьба предназначила нас друг другу. Я хочу ваше тело, госпожа Ягг.

— Я его пока сама использую.

Нянюшка Ягг, конечно, подозревала, что подобные подходы второй лучший любовник в мире применял ко всему, хоть отдаленно напоминающему женщину, и тем не менее она была польщена. В молодые годы нянюшка не могла пожаловаться на недостаток воздыхателей, но время оставило ей тело, которое можно было назвать лишь удобным, и лицо, как у господина Грейпа, Счастливого Урюка. Давно потухшая печка почти не дымит.

Кроме того, Казанунда ей чем-то нравился. Большинство мужчин подкатывались окольными путями, а его лобовая атака была даже занятной.

— Ничего не получится, — сказала она. — Мы полностью несовместимы. У меня рост пять футов четыре дюйма, а у тебя только три фута девять дюймов. Кроме того, я тебе в матери гожусь.

— Ошибаешься, — возразил Казанунда. — Моей мамаше почти триста лет, и борода у нее куда лучше, чем у вас.

Вот еще один аспект. По гномьим стандартам нянюшка Ягг была еще молоденькой девушкой.

— О-ля-ля, шалунишка! — Она игриво шлепнула его по голове так, что у гнома зазвенело в ушах. — Ты знаешь, как вскружить голову простой деревенской девушке!

Казанунда выпрямился и поправил парик.

— Мне нравятся девушки с характером, — признался он. — Как насчет того, чтобы устроить маленький тет-а-тет, когда здесь все закруглится?

Нянюшка Ягг задумалась. Широчайшие познания в области языков подвели ее.

— Я оставляю тебя на минуту,— сказала она, поставила бокал ему на голову и принялась пробираться сквозь толпу, пока не увидела какую-то герцогиню и не ткнула ее локтем в область бюста. — Эй, ваша светлость, что такое тететет?

— Прошу прощения?

— Тететет? Этим занимаются в одежде или как-нибудь по-другому?

— Это означает «интимная встреча», милая женщина.

— И все? Ого.

Нянюшка локтями пробила дорогу обратно к вибрирующему от желания гному.

— Договорились,— кивнула она.

— Я предлагаю поужинать вместе, только ты и я,— поклонился гном.— В одной из таверн.

Никогда еще за всю долгую историю романтических приключений никто не приглашал нянюшку Ягг на интимный обед. Ухаживания за ней отличались скорее количеством, чем качеством.

— Э-э, по рукам,— только и смогла выговорить она.

— Избавься от дуэньи и жди меня в шесть часов.

Нянюшка бросила взгляд на матушку Ветровоск, которая неодобрительно взидала на нее с некоторого расстояния.

— Но она вовсе не моя дуэнья...— начала было нянюшка Ягг.

Однако потом до нее дошло, что Казанунда просто не мог принять матушку Ветровоск за ее дуэнью.

Комплименты и лесть тоже не числились среди достоинств бывших кавалеров нянюшки Ягг.

— Да, хорошо,— сказала она.

— А я пока смешаюсь с толпой, дабы не повредить твоей репутации,— промолвил Казанунда, наклонился и поцеловал нянюшке руку.

От удивления она широко открыла рот. Никто никогда не целовал ей руку, и никто никогда не беспокоился о ее репутации — тем более сама нянюшка Ягг.

Когда второй лучший в мире любовник пристал какой-то графине, матушка Ветровоск, наблюдавшая за происходящим с почтительного расстояния*, добродушно фыркнула:

— Гита Ягг, у тебя нравственность хуже, чем у кошки.

— Перестань, Эсме, ты знаешь, что это неправда.

— Ну, хорошо. Тогда у тебя нравственность, как у кошки.

— Это уже лучше.

Нянюшка Ягг пригладила свои седые кудри и прикинула, есть ли у нее время сбегать домой и надеть пару-другую корсетов.

— Гита, мы должны быть начеку.

— Да, да, конечно.

— И не должны допускать, чтобы другие соображения сбивали нас с толку.

— Нет, конечно.

* Это означает, что она стояла достаточно далеко, чтобы никто не подумал, будто она вмешивается в разговор, но достаточно близко, чтобы иметь четкое представление о том, что происходит.

— Ты слышишь, что я говорю?

— Что?

— По крайней мере, ты могла бы сходить и выяснить, почему здесь нет Маграт.

— Хорошо.

Нянюшка Ягг с мечтательным видом удалилась.

А матушка Ветровоск повернулась и...

...Сейчас должны были заиграть скрипки. Должен был смолкнуть людской гомон, а сама толпа должна была естественным образом расступиться, чтобы освободить ей путь к Чудакулли.

Должны были заиграть скрипки. Должно было случиться хоть *что-нибудь*.

А библиотекарь на своем пути к буфету вовсе не должен был наступить на ее ногу костяшками рук, но именно это и произошло.

Однако матушка этого даже не заметила.

— Эсме? — сказал Чудакулли.

— Наверн? — сказала матушка Ветровоск.

И тут к ней подскочила нянюшка Ягг.

— Эсме, я видела Милли Хлоду, и она сказала...

Сильнейший удар матушкиного локтя чуть не выбил из нее дух. Нянюшка Ягг быстро уловила суть происходящего.

— А,— сказала она.— Тогда я... Я... Пойду, пожалуй...

Взгляды Чудакулли и матушки снова скрестились.

Мимо опять проковылял библиотекарь, теперь уже с полным набором фруктов.

Матушка Ветровоск не обратила на него ни малейшего внимания.

Казначей, чей разум сейчас находился в средней точке орбиты, товарищески похлопал Чудакулли по плечу.

— Должен сказать, аркканцлер, эти перепелиные яйца удивительно хоро...

— ПОШЕЛ ВОН. Господин Тупс, очень прошу, выуди из его кармана пилюли, а ножи держи подальше.

Их взгляды снова скрестились.

— Так-так,— произнесла матушка Ветровоск примерно через год.

— Какой волшебный вечер,— сказал Чудакулли.

— Да. Именно этого я и боюсь.

— Это действительно ты?

— Это действительно я,— подтвердила матушка.

— Ты совсем не изменилась, Эсме.

— И ты тоже, Наверн Чудакулли. Все такой же неисправимый врун.

Они двинулись навстречу друг другу. Между ними проскочил библиотекарь с подносом меренг. Сразу за спинами матушки и аркканцлера по полу ползал Думминг Тупс и собирал рассыпавшиеся пилюли из сушеных лягушек.

— Так-так,— сказал Чудакулли.

— Подумать только.

— Мир тесен.

— Именно.

— Ты — это ты, а я — это я. Поразительно. И это здесь и сейчас.

— Да, но *тогда* было *тогда*.

— Я послал тебе множество писем,— вспомнил Чудакулли.

— Не получила ни одного.

В глазах Чудакулли появился блеск.

— Странно. Я ведь снабдил их заклинанием о неперенной доставке адресату. — Он критически осмотрел матушку с головы до ног. — Эсме, сколько ты вешишь? Готов поклясться, в твоём теле ни единой лишней унции.

— Зачем тебе это знать?

— Порадуй старика.

— Девять стоунов.

— Гм-м... Должно получиться... Мили три в сторону Пула будет вполне достаточно... Ты сейчас почувствуешь небольшой крен влево, но, главное, ничего не бойся...

Молниеносным движением он схватил её за руку. Аркканцлер Незримого Университета почувствовал себя молодым и беззаботным. Университетские волшебники были бы просто поражены.

— Позволь мне унести тебя отсюда.

Он щёлкнул пальцами.

Существует закон сохранения массы, который необходимо соблюдать. Это фундаментальное правило магии. Если что-нибудь перемещается из пункта А в пункт Б, нечто, что было в Б, обнаружит себя в А.

А ещё есть такая штука, как инерция. Диск вращается медленно, различные точки на его радиусах двигаются с разными скоростями относительно Пула; таким образом, волшебник, перемещающий себя в сторону Края, должен быть готов быстро-быстро двигать ногами при посадке.

Перемещение на три мили к Ланкрскому мосту сопровождалось едва ощутимым толчком, к ко-

торому Чудакулли был готов, и приземлился он у парапета с Эсме Ветровоск в своих объятиях.

Ну а тролль-таможенник, который долю секунды назад мирно отдыхал на этом самом месте, оказался вдруг на полу Главного зала, рухнув прямо казначею на спину.

Матушка Ветровоск посмотрела на бурный поток, после чего перевела глаза на Чудакулли.

— Немедленно отнеси меня назад, — потребовала она. — Ты не имел права так поступать.

— Очень жаль, но у меня кончилась магия. Конечно, мы можем вернуться пешком. Такой приятный вечер. Здесь всегда такие приятные вечера.

— Это было пятьдесят или шестьдесят лет назад! — воскликнула матушка. — Нельзя же вдруг падать человеку на голову и делать вид, будто за эти годы ничего не произошло.

— О, произошло многое, и мне это прекрасно известно, — возразил Чудакулли. — Я, к примеру, стал главным волшебником. Мне нужно только отдать приказ, и тысячи волшебников... не станут мне подчиняться или переспросят: «Что-что?» — ну, или начнут спорить. Но обратить на меня внимание они обязаны.

— Я как-то была в Университете, — сказала матушка. — Толпа жирных мужиков с бородами.

— Все правильно! Это они!

— Многие из них родились в Овцепикских горах, — продолжила матушка. — Я знаю еще несколько мальчишек из Ланкра, которые стали волшебниками.

— Чрезвычайно магическая местность, — подтвердил Чудакулли. — Наверное, есть что-то в местном воздухе...

Под мостом бурлил холодный черный поток, который всегда подчинялся силе тяжести и никогда не тек вверх по склону.

— Много лет назад, — сказал Чудакулли, — был даже аркканцлер Ветровоск.

— Слышала. Мой дальний родственник. Я с ним не знакома, — пожала плечами матушка.

Оба они несколько минут смотрели на реку. Периодически бурный поток проносил мимо сложенные ветки.

— А ты помнишь...

— У меня... очень хорошая память.

— Ты никогда не задумывалась, какой могла бы стать твоя жизнь, если бы ты ответила «да»?

— Нет.

— Наверное, мы бы остепенились, обзавелись детьми, потом внуками...

Матушка пожала плечами. В основном подобные слова произносят всякие придурки-романтики. Но сегодня в воздухе определенно что-то было...

— А как насчет пожара? — спросила она.

— Какого пожара?

— Который сжег дотла наш дом сразу после свадьбы. В огне которого мы оба погибли.

— Какого пожара? Я ничего не знаю ни о каком пожаре.

Матушка повернулась к нему.

— Конечно нет! Потому что его не было. Но все дело в том, что такое могло произойти. Нельзя говорить «если этого не случилось, то могло случиться это», ты ведь *не знаешь* всего того, что могло произойти. Ты считаешь, что все будет хорошо, но все может стать ужасно. Мы часто говорим «вот

если б я...», но желать мы можем все, что угодно. А знать... знать не можем ничего. Все уже в прошлом. Зачем об этом думать? Вот я и не думаю.

— Штаны Времени,— утрюмо произнес Чудакулли.

Он поднял кусок отвалившейся каменной отделки моста и бросил его в воду. Как это обычно происходит, раздался «бульк».

— Что?

— Об этом любят твердить всякие умники с факультета высокоэнергетической магии. Еще волшебниками себя называют! Послушала бы ты их разговорчики. Эти идиоты не узнают волшебный меч, даже если он вопьется кому-нибудь из них в коленку. Ох уж эти молодые волшебники! Думают, это они изобрели магию...

— Да? Видел бы ты современных девок, собирающихся стать ведьмами,— фыркнула матушка Ветровоск.— Бархатные шляпы, черная губная помада и кружевные перчатки без пальцев. А нахальства — хоть отбавляй.

Они стояли рядом и смотрели на воду.

— Штаны Времени,— повторил Чудакулли.— Один «ты» спускается по одной штанине, а второй «ты» — по другой. Куда ни погляди, сплошные контининуумы. Вот когда я был молодым, существовала нормальная вселенная, одна-единственная, и больше ничего, и волноваться следовало только о том, чтобы из Подземельных Измерений не прорвались какие-нибудь Твари. Вселенная была реальной, и ты знал, как себя вести. Теперь же выясняется, что вселенных миллионы. Еще эта кошка поганая, которую можно засунуть в ящик, и она будет живой и мертвой одновремен-

но... И всякое такое. А все вокруг бегают кругами и вопят: как это чудесно, ура, мы нашли еще один квант! А попроси их произнести самое обычное заклинание левитации, на тебя так посмотрят, словно ты выжил из ума. Послушала бы ты, как изъясняется молодой Тупс. Договорился до того, что заявил, будто бы я не пригласил самого себя на собственную свадьбу. Это я-то!

Со склона горы молнией взлетел зимородок, почти без всплеска воткнулся в воду и тут же взмыл обратно в воздух с чем-то серебристым и извивающимся в клюве.

— Талдычат одно и то же, мол, все происходит одновременно, — утрюмо продолжал Чудакулли. — Словно выбора совсем не существует. Ты просто решаешь, по какой штанине будешь спускаться. Кстати, если верить *его* словам, мы все-таки поженились. Он говорит, что все, что могло случиться, случается на самом деле. То бишь существуют тысячи других меня, которые так и не стали главными волшебниками, и тысячи других тебя, которые отвечали на мои письма. Ха! Для этих ученых юнцов мы — нечто, что могло бы быть. И так считает молодой, растущий человек — это, по-твоему, нормально? Когда я только начинал заниматься волшебством, аркканцлером был старикан Спольд — скажи ему кто такие слова, он бы мигом вытянул его посохом. Ха!

Где-то далеко внизу с камня спрыгнула лягушка и плюхнулась в речку.

— Конечно, с тех пор утекло много воды.

Постепенно до Чудакулли дошло, что монолог превратился в диалог. Он повернулся к матушке,

которая смотрела на реку так, словно первый раз в жизни видела воду.

— Глупо, глупо, глупо... — пробормотала она.

— Прошу прощения? Но я же только...

— Да я не о тебе. Я говорила не о тебе. Глупо! Это я вела себя глупо. Но я не сошла с ума! Ха! А я думала, у меня беда с памятью! Хотя на самом деле это и была беда, только не в том смысле...

— Что?

— Я испугалась! Это я-то! Потеряла способность мыслить разумно! Впрочем, наоборот — я мыслила слишком разумно.

— Что?!

— Неважно. Э-э, было очень приятно встретиться, милый вечерок и так далее, — сказала матушка. — Но мне пора возвращаться. Давай щелкай пальцами, и побыстрее.

Чудакулли несколько обмяк.

— Не могу, — пожал плечами он.

— Но ты же перенес нас сюда.

— В этом все и дело. Я не шутил, когда сказал, что у меня кончилась магия. Эта трансмиграция отнимает почти все силы.

— Раньше, насколько я помню, мы только и делали, что порхали туда-сюда, — матушка даже улыбнулась. — Наши ноги едва касались земли.

— Тогда я был моложе. А сейчас один раз — и все.

Скрипнув башмаками, матушка развернулась и решительно зашагала в направлении города. Чудакулли поплелся следом.

— А ты что, куда-то торопишься?

— У меня появилось одно очень важное дельце, — не оборачиваясь, ответила матушка.

— Я не знаю, каким могло бы быть другое будущее, — промолвил Чудакулли. — Но, знаешь, попробовать я бы не отказался...

Матушка остановилась. Внезапно она почувствовала огромное облегчение. Рассказать ему о воспоминаниях или нет? Она уже открыла было рот, но передумала. Нельзя. Он тут же расклеится, опять начнет сентиментальничать.

— Я бы стала злой и раздражительной женой, — сказала она.

— Это ясно и без слов.

— Ха! А каким бы стал ты? Мне пришлось бы терпеть твоё распутство и пьянство!

Чудакулли даже опешил.

— Распутство?

— Мы говорим о том, что могло бы случиться.

— Но я — волшебник! Нас едва можно назвать распутниками. Это нам запрещено законом. Или правилами. В общем, есть указания...

— Но ты не стал бы волшебником.

— К тому же я почти не пью.

— Запил бы, если б женился на мне.

Он поравнялся с ней.

— Да ты похуже молодого Думминга будешь! — воскликнул он. — Почему ты решила, что все было бы так ужасно?

— Да потому.

— Почему?

— А как по-твоему?

— Я первый спросил.

— Извини, я слишком занята, чтобы отвечать на всякие глупые вопросы. Займись-ка чем-нибудь полезным, господин Волшебник. Ты, напри-

мер, в курсе, что сейчас в мире творится? Про круги слышан?

Чудакулли коснулся пальцами полей шляпы.

— О да.

— И тебе известно, что это значит?

— Ну, говорят, круги начинают появляться, когда стенки между реальностями становятся тоньше некуда. А круги — это... какое же слово использовал Тупс? Изорезоны, во. Они соединяют уровни... Что же за глупости он там молот?.. Соединяют подобные уровни действительности. Надо ж такую чушь придумать! И через круги можно проникнуть из одной вселенной в другую.

— А ты когда-нибудь пробовал это проделать?

— Нет!

— Круг похож на приоткрытую дверь, и для того, чтобы полностью открыть ее, больших усилий не требуется. Это может сделать самая обычная вера. Именно поэтому много лет назад были поставлены Плясуны. Тут нам гномы помогли. Камни эти состоят из громового железа, и в них есть нечто особенное — любовь к железу. Не спрашивай, как она работает. Эльфы ненавидят ее куда сильнее, чем обычное железо. Она... расстраивает их органы чувств, ну, или нечто вроде. Но мысленно ты все же можешь проникнуть на другую сторону и...

— Эльфы? Какие эльфы? Да их же не существует! По крайней мере, настоящих эльфов. Ну, есть, конечно, люди, которые уверяют всех, якобы они эльфы, но...

— Ага. Это потомки эльфов. Между людьми и эльфами возможно кровосмешение, хотя вряд ли таким происхождением стоит гордиться. Но в

результате получается раса остроухих тощих типов, которые вечно хихикают и легко обгорают на солнце. Только я говорю не о них. Кто-кто, а они совершенно безобидны. Нет, я имею в виду настоящих, диких эльфов, которых мы не видели уже...

Дорога от моста к городу петляла меж высоких скал, поросших лесом так густо, что в некоторых местах ветви деревьев плотно переплетались, образуя как будто крышу. Глинистые обочины заросли плотными колючими кустами, похожими на зеленые буруны.

Вдруг эти самые кусты затрещали.

И на дорогу выскочил единорог.

Тысячи вселенных извивались и сплетались вместе, подобно канату...

Утечки были неизбежны. Представьте себе, сидите вы дома, наслаждаетесь спокойной музыкой, льющейся из дешевого приемника, — и вдруг слышите новости на шведском языке. Примерно таким образом можно описать утечку — только в качестве приемника выступает ваш мозг.

Собирать мысли других людей очень сложно, потому что не существует двух разумов, настроенных... э... на одну длину волны.

Но где-то там, где переплетаются параллельные вселенные, существуют миллионы и миллионы разумов, похожих на ваш.

Матушка Ветровоск улыбнулась.

Милли Хлода, король и еще пара зевак озабоченно толкались у двери в комнату Маграт, когда ко всей компании присоединилась нянюшка Ягг.

— Что тут случилось?

— Она там, я знаю! — воскликнул Веренс, вертя корону в руках, будто крестьянин — соломенную шляпу: «Ай-сеньор-мексиканские-бандиты-напали-на-наше-селение...» — Она рывкнула на Милли, чтобы та убиралась, а потом, как мне кажется, что-то бросила в дверь.

Нянюшка Ягг с мудрым видом кивнула.

— Предсвадебный мандраж, — объявила она. — Нормальное явление.

— Но нам уже пора идти! Скоро начнется Представление! — паниковал Веренс. — Она не может его пропустить.

— Ну, не знаю, — пожала плечами нянюшка. — Смотреть, как наш Джейсончик и все остальные прыгают в соломенных париках... Тоже мне Представление! Да нет, я понимаю, намерения у них добрые, но это зрелище не для молодой... не для достаточно молодой девушки, которой вот-вот под венец идти. А ты просил ее открыть дверь?

— Я сделал даже больше, — буркнул Веренс. — Я приказал ей открыть. Я ведь правильно поступил? Что ж я за король, если даже Маграт меня не слушается?

— А, — промолвила нянюшка Ягг после короткого раздумья. — Насколько я понимаю, женской компанией ты избалован не был? Ну, это я в общем смысле...

— Э-э...

Веренс нервно закрутил корону. Положение было совсем отчаянным: селение захвачено бандитами, а Великолепная Семерка вдруг решила поехать поиграть в кегли.

— Знаешь, что я тебе скажу, — успокаивающе произнесла нянюшка, похлопывая Веренса по спине, — ты иди, руководи Проставлением, общайся со знатью. А я тут позабочусь о Маграт. Не беспокойся, я трижды хаживала замуж, а уж сколько обручалась — и не сосчитать.

— Да, но она должна...

— Думаю, нам следует пореже говорить «должна», — перебила его нянюшка, — и тогда все мы счастливо доживем до свадьбы. А теперь давайте, проваливайте все!

— Но кто-то должен подежурить у двери, — разволновался Веренс. — Шон сейчас в карауле, а...

— Никто ее похищать не собирается. Иди, иди, я со всем разберусь.

— Э-э, а точно...

— Иди же!

Нянюшка Ягт выждала, пока все не спустятся по главной лестнице. Спустя некоторое время грохот колес по мостовой и общие крики возвестили, что свадебная процессия отбыла — без невесты.

Мысленно досчитав до ста, нянюшка подкралась к двери.

— Маграт? — позвала она.

— Уходи!

— Я знаю, как ты себя чувствуешь. Я тоже всегда немного волновалась перед брачной ночью.

Она едва сдержалась, чтобы не добавить, что в основном волнения эти были связаны с возможностью возвращения домой Джейсона — как всегда, в самый неподходящий момент.

— И не волнуюсь я вовсе! Я в *гневе*!

— Почему?

— Сама знаешь.

Нянюшка сняла шляпу и почесала затылок.

— Ничего не понимаю...

— И он знал. Я знаю, что он знал, и знаю, кто сказал ему, — услышала она глухой голос из-за двери. — Это вы все подстроили. О, как вы, наверное, смеялись надо мной!

Нянюшка хмуро смотрела на безучастную резную дверь.

— Нет, я по-прежнему ничего не понимаю.

— Не желаю больше разговаривать с тобой.

— Все пошли на Проставление, — сообщила нянюшка Ягг.

Никакого ответа.

— А потом они вернутся.

Полное отсутствие диалога.

— Начнется попойка, будут жонглеры и ребята, которые засовывают дурностаев друг другу в штаны.

Молчание.

— А потом настанет завтра — и что ты будешь делать?

Молчание.

— Ты всегда можешь вернуться в свою хижину, туда еще никто не въехал, ну, или остановишься у меня, если хочешь. Так или иначе, тебе придется решать, потому что ты не можешь вечно сидеть здесь взаперти, понимаешь?

Нянюшка прислонилась к стене.

— Помню, как-то очень давно моя матушка рассказала мне о королеве Амонии. Правда, королевой Амония пробыла всего три часа, а все потому, что на свадьбе гости затеяли игру в прятки и она спряталась в большом сундуке на каком-то чердаке, а крышка сундука возьми да захлопнись.

В общем, нашли ее только через семь месяцев, а к тому времени свадебный торт, так скажем, слегка протух.

Молчание.

— Слушай, ты и дальше молчать собираешься? Я не могу торчать здесь всю ночь,— упрекнула нянюшка.— Утром все само наладится, вот увидишь.

Молчание.

— Почему бы тебе не лечь спать пораньше? — предложила нянюшка.— Позвони, и наш Шончик мигом принесет тебе горячее питье. По правде говоря, в замке несколько прохладно. Просто удивительно, как эти старые камни поглощают тепло.

Молчание.

— Ну, я пошла? — спросила нянюшка у не желающей сдаваться тишины.— Как вижу, делать здесь особенно нечего. Ты уверена, что не хочешь поговорить?

Молчание.

— Перед богом вставай, перед королем кланяйся, перед мужем опускайся на колени — вот рецепт счастливой жизни,— обратилась нянюшка Ягг ко всему миру в целом.— В общем, я ухожу. Знаешь что, завтра я приду пораньше, помогу тебе приготовиться, ну и все такое прочее. Что скажешь?

Молчание.

— Ладушки, на том и порешим,— сказала нянюшка.— Всего хорошего!

Еще целую минуту она ждала. Зная человеческую натуру, справедливо было бы предположить, что засов сейчас отодвинется и Маграт выглянет в коридор или даже окликнет ее. Но этого не произошло.

Нянюшка покачала головой. Она знала три способа проникновения в комнату, и лишь один из них был связан с дверью. Но всему свое время, а время ведьмовства еще не наступило. Нянюшка Ягг прожила долгую и, в общем-то, счастливую жизнь исключительно благодаря тому, что точно знала, когда не стоит применять свои ведьмовские силы. А в данный момент этого делать явно не следовало.

Она спустилась по лестнице и вышла из дворца. Шон стоял на карауле у главных ворот и тайком отрабатывал удары каратэ на вечернем воздухе. Завидев нянюшку, он в смущении замер.

— Привет, мам. Вот, все на Представлении, а я тут торчу...

— Полагаю, в день очередной зарплаты король по достоинству оценит твое рвение, — откликнулась нянюшка Ягг. — Напомни мне, чтобы я напомнила ему.

— А ты сама что, не идешь туда?

— Я... пожалуй, я прогуляюсь по городу, — пожала плечами нянюшка. — Ты Эсме случаем не видел? Она тоже на Проставлении?

— Не видел, мам.

— Ну, у меня тут кое-какие дела образовались...

Но едва она успела сделать несколько шагов, как услышала за своей спиной вкрадчивый голос:

— Здравствуй, о услада ночей моих.

— Казанунда? Ты что, всегда так подкрадываешься к людям?

— Я заказал ужин. «Козел в кустах» — знаешь такое заведение? — сообщил гном-граф.

— Ой, но там же так дорого! — воскликнула нянюшка Ягг. — Честно говоря, туда я никогда не заходила...

— В честь свадьбы им завезли особые блюда. Для всех приезжих господ, — сообщил Казанунда. — И я уже обо всем договорился.

А это было совсем не просто.

Использование пищи в качестве средства, повышающего половое влечение, не нашло широкого применения в Ланкре, за исключением, конечно, знаменитого морковно-устричного пирога нянюшки Ягг*. Например, шеф-повар «Козла в кустах» был искренне уверен, что пищу и секс объединяют только различные комические жесты с использованием, скажем, огурцов. Он никогда не слышал о шоколаде, банановой кожуре, авокадо, зефире и тысяче других блюд, которые люди с успехом используют для того, чтобы добраться из пункта А в пункт Б по извилистой дороге романтических ухаживаний. На составление меню Казанунда потратил целых десять минут, и внушительное количество денег перешло из рук в руки.

Он заказал хорошо продуманный романтический ужин при свечах. Казанунда был искренним приверженцем искусства обольщения.

Для расы гномов вышеупомянутое искусство заключалось, как правило, в тактичном выяснении пола другого гнома, облаченного в множество слоев кожаной одежды и несколько кольчуг. Многие вы-

* Как объясняла сама нянюшка Ягг, морковь — для того, чтобы хорошо видеть в темноте, а устрицы — чтобы было на что посмотреть.

сокие женщины по всему континенту, доступные лишь при помощи стремянки, долго еще вспоминали о своих встречах с Казанундой.

Вероятность появления среди гномов подобной личности стремилась к абсолютному нулю. Это как если бы среди эскимосов появился вдруг прирожденный специалист по выращиванию редких тропических растений и уходу за ними. Великий, но до сей поры сдерживаемый океан сексуальности гномов нашел-таки дырочку у основания дамбы — совсем маленькую, однако достаточную для приведения в действие мощной динамо-машины.

Тем, чем его друзья-гномы занимались крайне редко, лишь когда этого требовала природа, Казанунда занимался постоянно — иногда на заднем сиденье паланкина, а однажды даже на дереве вверх ногами, но всегда, и это очень важно, уделяя огромное внимание деталям. Типично гномье отношение к делу. Гномы способны месяцами корпеть на каком-нибудь замысловатым ювелирным украшением, поэтому Казанунда был желанным гостем в богатых особняках и дворцах — когда хозяин был в отъезде. Ну а способность быстро вскрыть любой замок (гномы — великие специалисты по замкам) весьма полезна для выхода из затруднительных ситуаций, которые порой случаются в будуаре по вине мужчин, абсолютно не доверяющих своим женам.

Нянюшка Ягг была привлекательной женщиной («привлекательная» и «красивая» — это не одно и то же). Казанунду она просто очаровала. С ней было приятно находиться рядом, и взгляды ее были настолько широки, что могли вместить три футбольных поля и кегельбан в придачу.

— Эх, где же мой верный арбалет?.. — пробормотал Чудакулли. — Шикарная вешалка вышла бы для моей шляпы.

Единорог помотал башкой и принялся рыть копытом землю. От его боков валил пар.

— Здесь одного арбалета мало, — откликнулась матушка. — В твоих пальцах точно ничего не осталось?

— Ну, можно создать иллюзию, — предложил волшебник. — На это много магии не требуется.

— Не сработает. Единорог — эльфийская тварь. Такие штуки на них не действуют. Они видят сквозь иллюзии. И это естественно, они ведь сами мастера по всяким наваждениям. А как насчет этого склона? Сможешь его одолеть?

Они одновременно посмотрели на склон. Он представлял собой почти отвесную стену из красной глины, скользкую, как настоящий жрец.

— Тогда отступаем, — решила матушка. — Только медленно.

— А как насчет его разума? Вы же умеете проникать в головы животных.

— Там уже живет кое-кто. Этот бедолага — ее любимец. И подчиняется только ей.

Единорог двинулся следом, не спуская с них глаз.

— А что будем делать, когда подойдем к мосту?

— Ты плавать умеешь?

— Но река далеко внизу.

— А тот омут? Неужели не помнишь? Однажды, лунной ночью, ты нырнул в него...

— Тогда я был молодым и глупым.

— Ну и что? А сейчас ты старый и глупый.

— Я раньше думал, что единороги более... э-э, пушистые.

— Только не позволяй их чарам завладеть тобой! Смотри в оба! Ты должен видеть только то, что у тебя перед глазами! А перед глазами у тебя большущая животиная с чертовски острым рогом на башке!

Единорог начал бить копытом.

Ноги матушки коснулись настила моста.

— Он случайно попал сюда и не может вернуться, — продолжала она. — Не будь нас двое, он бы уже бросился в атаку. Ага, мы примерно на середине моста...

— В реке много талого снега, — с сомнением в голосе заметил Чудакулли.

— Да, встречается, — кивнула матушка. — Ладно, увидимся у плотины.

И исчезла.

У единорога, который до сего момента никак не мог выбрать, на кого бы броситься, остался только один выбор в лице Чудакулли.

А до одного единорог считать умел.

Он опустил голову.

Чудакулли никогда не нравились лошади, здравомыслие не относилось к сильным чертам характера этих животных.

Когда единорог бросился вперед, Чудакулли перепрыгнул через парапет и безо всякой аэродинамической грациозности полетел в ледяные воды реки Ланкр.

До театра библиотекарь был сам не свой. На театральных премьерах его всегда можно было найти в первом ряду, а некие анатомические особенности позволяли библиотекарю хлопать в два

раза громче и кидаться арахисовыми скорлупками в два раза дальше.

Но сейчас библиотекарь чувствовал себя обманутым. Ланкрская библиотека сплошь состояла из толстых томов по этикету, разведению скота и управлению хозяйством — ничего интересного! Как правило, королевские семьи не отличались любовью к чтению.

И от Представления он ничего особенного не ждал. Библиотекарь заглянул за мешковину, служившую стенкой гримерной, и увидел там с полдюжины коренастых мужчин, яростно спорящих друг с другом. Похоже, сегодня не получится насладиться трагическим искусством, хотя всегда существовала возможность, что один из них вlepит другому по роже тортом*.

Библиотекарю удалось занять в первом ряду целых три места. Люди с удивительной готовностью уступали ему места, просто уступали, и все.

* Библиотекарь был приматом, придерживающимся простых, но твердых вкусов, и считал необходимой частью любого театрального представления эпизоды, связанные с тортами из заварного крема и ведрами с побелкой. Особенно ему нравились сценки, когда один актер снимал с другого шляпу, заполнял ее чем-нибудь мерзким и с серьезным видом надевал обратно на голову своего товарища — и все это под громкое, исполняемое оркестром «Ва... ва... ва... ва-а-а». Жареный арахис — крайне опасное и болезненное оружие, тем более если умело с ним обращаться, и режиссеры анкморпоркских театров давно поняли намек. Таким образом, некоторые монументальные мелодрамы приобрели несколько необычное звучание. Но уж лучше ввести переброску тортами в такую пьесу, как «Крававая Трагедия Безумного Щеботанского Монаха», чем целых пять дней ходить глухим на одно ухо.

Потом, исчезнув на пару минут, он вернулся с пакетиком арахиса. Никто не знал, где библиотекарь берет арахис.

— У-ук?

— Нет, спасибо, — отказался Думминг Тупс. — Меня от них пучит.

— У-ук?

— Уважаемые зрители! Сегодня мы разыграем для вас превеселое Представление! Ого-го! Опилки и патока! Набей свою селедку и покури-вай!

— Нет, думаю, ему тоже не хочется, — сказал Думминг.

Занавес поднялся, вернее, был отодвинут в сторону пекарем Возчиком.

Представление началось.

Библиотекарь взирал на сцену со все усиливающейся тоской. Представление было просто поразительным. Обычно он не возражал против плохой актерской игры — при условии, что достаточное количество кондитерских изделий летало по воздуху. Но эти люди вообще не умели играть — ни хорошо, ни плохо. А бросаться тортами никто, похоже, не собирался.

Он достал из кулька орех, задумчиво повертел его в пальцах, внимательно рассматривая левое ухо Портного, второго ткача...

И вдруг почувствовал, как все волосы на его теле встают дыбом. На орангутане это выглядит очень груто.

Библиотекарь посмотрел на холм, высящийся позади «актеров», и глухо заворчал.

— У-ук?

Думминг ткнул его локтем.

— Тихо ты! — прошептал он. — По-моему, они начинают вживаться в роли...

Актер в соломенном парике что-то произнес, и по ланкрскому театру прокатилось странное эхо.

— Что-что она сказала? — спросил Думминг.

— У-ук!

— Как это у них получилось? Отличный эффект, просто...

Думминг неожиданно замолчал.

А библиотekarь вдруг почувствовал себя очень-очень одиноким.

Взгляды всех зрителей были направлены на травяную сцену.

Он помахал волосатой рукой перед глазами Тупса.

Воздух над холмом колыхался, а трава на склоне двигалась так, что у орангутана заболели глаза.

— У-ук?

На холме, между камнями, повалил снег.

— У-ук?

Маграт по-прежнему сидела в своей комнате. От нечего делать она решила распаковать подвенечное платье.

Кстати, платье...

Могли бы с ней посоветоваться. В конце концов, оно предназначается именно для нее... *предназначалось*. Сначала выбирать материал, бесконечные примерки, потом менять материал, менять фасон, снова примерять и примерять...

...Хотя, конечно, она девушка самостоятельная и совсем не нуждается в подобных глупостях...

...Но *выбирать* наряд должна была она.

Платье было из белого шелка, с изящной отделкой кружевами. Маграт не особо владела портняжьим языком. Она знала, что это такое, просто не знала, *как оно называется*. Все эти рюшечки, складочки, вставочки и прочее.

Она приложила к себе платье и критически осмотрела его.

На стене висело маленькое зеркало.

После определенной внутренней борьбы Маграт наконец сдалась и решила примерить наряд. Не то чтобы она собиралась надеть его завтра. Но если бы она его не примерила, то всю жизнь потом мучилась бы, не зная, как оно на ней сидело.

Платье подошло. Вернее, не подошло, но весьма и весьма привлекательным образом. Сколько бы Веренс ни заплатил за него, деньги он потратил не зря. Портной продемонстрировал настоящее искусство, платье интригующе облегало в принципе не облегаемую Маграт и вздымалось там, где у самой Маграт вздыматься было нечему.

Лента фаты была украшена цветами.

«Еще раз я не разрыдаюсь, — сказала себе Маграт. — О нет, я останусь рассерженной. И буду сердиться все сильнее, пока не приду в ярость, а когда они вернутся, я...

...И что я сделаю?»

Она могла попытаться проявить равнодушие. Могла величественно пройти мимо... платье как нельзя кстати... и преподать им урок.

И что потом? Оставаться здесь нельзя, ведь скоро все всё узнают. Обязательно узнают. О письме. Новости распространялись по Ланкру быстрее, чем скипидар по больному ослу.

Ей придется уехать. Может, удастся найти местечко, где нет своей ведьмы, и начать все с начала? Хотя сейчас Маграт предпочла бы любую другую профессию, если бы для экс-ведьмы таковая существовала.

Маграт решительно выставила вперед подбородок. Желчь пузырилась в ней, как горячий источник, в таком состоянии она была готова *создать* новую профессию.

Никак не связанную с общением с мужчинами и всякими назойливыми старухами.

И она сохранит это проклятое письмо — чтобы помнить.

Она-то голову ломала — и как это Веренс так ловко все подгадал. А оказалось, все проще некуда. О, как они, наверное, смеялись над ней...

На краткий миг нянюшкой Ягт овладели странные сомнения — вроде бы она должна быть сейчас совсем в другом месте... Впрочем, сомнения тут же развеялись — в ее возрасте приглашения на интимный ужин при свечах случаются не каждый день. Нельзя все время волноваться о судьбах мира, нужно немного и о себе позаботиться. Об исполнении своих сокровенных желаний.

— Очень неплохое вино, — сообщила она, приступая ко второй бутылке. — Как, ты сказал, оно называется? — Нянюшка всмотрелась в этикетку. — «Кото Шампань»? И они в таком отличном вине котов купают? В ихних заграницах все сумасшедшие.

Ручкой ножа она протолкнула пробку в горлышко и хорошенько встряхнула бутылку, чтобы «змия взбодрить», как сама потом объяснила.

— А чего я совсем не понимаю, так это зачем его пить из дамских башмаков? — продолжала нянюшка. — Знаю, так полагается, просто не могу понять, что такого прекрасного в возвращении домой в башмаках, полных вина. А ты не голоден? Если не хочешь этот хрящик, я его съем. Омаров больше не осталось? Мне еще не доводилось есть омаров. И такого майонеза. И таких яиц, набитых чем-то. Кстати, по-моему, этот ежевичный джем воняет рыбой.

— Это икра, — пробормотал Казанунда.

Он сидел, положив подбородок на ладони, и смотрел на нянюшку с восторженной страстью.

К вящему своему удивлению, он получал сейчас огромное наслаждение — причем не в горизонтальном положении.

Казанунда точно знал, как должен протекать ужин подобного рода. Подобные ужины — один из основных видов оружия в арсенале опытного соблазнителя. Соблазняемую следовало обильно угощать хорошими винами и дорогими, но легкими яствами. Далее должны последовать обмен понимающими взглядами поверх стола и переплетение ног под оным. Многозначительное поедание груш и бананов. Таким образом, нежно, но неумолимо корабль обольщения направлялся в нужную бухту.

Однако это была нянюшка Ягг.

Нянюшка Ягг по-своему ценила хорошие вина. Казанунда и представить себе не мог, что белое вино можно запивать портвейном только потому, что оно закончилось.

Что же касается еды... Еде нянюшка тоже отдавала должное. Казанунда никогда в жизни не

видел столь энергичной работы локтями. Покажи нянюшке Ягг хороший ужин, и она набросится на него с вилкой, ножом и тараном. Особенно ярким впечатлением было зрелище поедания нянюшкой омара. Такое забывается не скоро. Еще несколько недель придется выковыривать из стен таверны куски клешней.

А еще была спаржа... Он, конечно, попытается забыть, как нянюшка Ягг уминала спаржу, но вряд ли эти воспоминания так быстро сотрутся.

Вероятно, все дело в том, что нянюшка была ведьмой. А ведьмы всегда крайне недву­смысленно выражали свои желания. Вы можете взять приступом скалы, перейти бурные реки и спустит­ся на лыжах по крутым горным склонам — все ради того, чтобы принести нянюшке коробку шоколадных конфет. Но только вы и шипы с ботинок не успеете снять, а нянюшка уже будет приканчивать ваш подарок.

Чем бы ни занималась ведьма, она делает все на сто процентов.

— Ты не будешь доедать эти креветки? Тогда передай мне блюдо.

Он было попытался поработать ногой, чтобы перевести ужин в следующую стадию, но сильный удар кованым башмаком по лодыжке быстро заставил его позабыть об этих намерениях.

А потом появился цыган-скрипач. Сначала нянюшка Ягг выразила неудовольствие тем, что какие-то типы пиликают над ее ухом и отвлекают от еды, но во время перемены блюд она самахватила из рук цыгана скрипку, зашвырнула смычок в кадку с камелиями, перенастроила инструмент на что-то, похожее на банджо, и пропела

Казанунде три куплета песни, которую она назвала, учитывая, что ее кавалер прибыл из заграницы, «Дас Еж Нихт Содомит».

После чего нянюшка выпила третью бутылку вина.

А еще Казанунду пленяло то, как лицо нянюшки Ягг превращалось в массу горизонтальных веселых морщинок, когда она смеялась, а смеялась нянюшка Ягг много.

Внезапно сквозь легкие винные пары Казанунда осознал, что он действительно веселится.

— Насколько я понимаю, никакого господина Ягга нет? — поинтересовался он как бы между делом.

— Как это нет? Куда ж он денется? — удивилась нянюшка. — Лежит себе на кладбище. Мы похоронили его много лет назад. Пришлось. Потому что он умер.

— Должно быть, тяжело жить одной?

— Ужасно тяжело, — подтвердила нянюшка Ягг, которая ни разу не готовила обед и не вытирала пыль с того самого времени, как ее старшая дочь подросла.

Плюс запуганные до смерти невестки, которые готовили нянюшке не меньше четырех разных блюд в день...

— И, наверное, особенно одиноко по ночам? — Разговор шел по накатанной колее.

— Ну, у меня есть Грибо, — сказала нянюшка. — Он греет меня по ночам.

— Грибо...

— Это кот. Как думаешь, здесь пудинги подают?

А потом нянюшка заказала еще бутылочку.

Пчеловод господин Брукс зачерпнул из кастрюли, которая постоянно стояла на плите в его укромном сарайчике, немного зеленоватой, дурно пахнущей жидкости и наполнил опрыскиватель.

На ограде сада он обнаружил осиное гнездо. К утру оно превратится в морг.

У пчел была одна особенность. Леток улья они защищали ценой собственных жизней — если, конечно, это было необходимо. Но осы, пронырливые сволочи, были большими мастерами по части обнаружения какой-нибудь щели в задней стенке и обкрадывали улей в два счета. Самое забавное, что находящиеся в улье пчелы никак не могли им помешать. Они охраняли вход, но понятия не имели, что делать, если оса уже проникла в улей.

Господин Брукс нажал на поршень. Из опрыскивателя вылетела струя жидкости и оставила на полу дымящийся след.

Вообще, осы довольно-таки красивые твари. Но если ты за пчел, значит, должен быть против ос.

В замке шло какое-то торжество. Господин Брукс смутно припоминал, что ему тоже вручали какое-то приглашение, но подобные забавы мало интересовали его. Особенно сейчас. Что-то было не так. Ульи наотрез отказывались роиться.

Обходя вечером свои владения, он услышал странный звук. Иногда теплыми ночами пчелы вылетали из ульев, повисали напротив летков и махали крылышками, чтобы детки не перегрелись. Но сейчас пчелы летали *вокруг* ульев.

Чем-то они были рассержены. И как будто готовились отразить некую угрозу.

На границе Ланкра реку перегораживала серия небольших плотин. Матушка Ветровоск вылезла из воды на отсыревшие доски и уже оттуда перебралась на сухой берег. Опустившись на землю, она вылила воду из башмаков.

Через некоторое время вниз по течению спустилась остроконечная шляпа. Возле плотины она поднялась, обнаружив под собой промокшего насквозь волшебника. Матушка протянула руку и помогла Чудакулли вылезти из воды.

— Ну как? — поинтересовалась она. — Бодрит, правда? Мне показалось, что холодная ванна тебе не повредит.

Чудакулли попытался вытрясти из уха ил, после чего с подозрением посмотрел на матушку Ветровоск.

— А почему ты не мокрая?

— Не мокрая?

— Ну да. Просто влажная. А я промок до нитки. Как у тебя получилось прыгнуть в реку и вылезти оттуда всего-навсего чуть влажной?

— Я быстро сохну.

Матушка осмотрела скалы. Неподалеку круто вверх уходила дорога, ведущая в Ланкр, но были и другие, потайные тропки, известные матушке.

— Итак, — сказала она скорее себе самой. — Она не хочет, чтобы я там оказалась. Что ж, посмотрим, посмотрим...

— Оказалась где? — спросил Чудакулли.

— Понятия не имею, — пожала плечами матушка. — Знаю только, что, если она так не хочет куда-то меня пускать, именно туда я и направлюсь. Просто я не рассчитывала, что ты вдруг объявишься, да еще с приступом страсти. Пошли.

Чудакулли выжал мантию. На землю посыпались блески. Потом он снял шляпу и отвернул кончик.

Головные уборы имеют свойство впитывать морфические колебания. Однажды причиной крупных неприятностей в Незримом Университете стала шляпа аркканцлера, которая в результате слишком долгого нахождения на волшебных головах впитала в себя столько магических колебаний, что развилась в самостоятельную личность. Чудакулли наотрез отказался носить традиционную шляпу и в одном из ателье Анк-Морпорка, где работали абсолютно безумные шляпники, заказал себе особый головной убор.

То была не совсем обычная шляпа волшебника. Лишь немногим волшебникам удавалось использовать острый кончик своего головного убора, но если и удавалось, то лишь для хранения пары запасных носков. Тогда как в шляпу Чудакулли были вмонтированы небольшие шкафчики. Она была полна сюрпризов, в том числе оснащена четырьмя телескопическими ножками и рулоном промасленного шелка, из которого, если его развернуть, получалась удобная палатка с патентованной спиртовой горелкой. Внутренние кармашки содержали трехдневный рацион. А в остром кончике хранился запас крепких напитков для использования в чрезвычайных ситуациях, например если Чудакулли вдруг почувствует жажду.

Чудакулли протянул матушке маленькую остроконечную рюмку.

— Бренди?

— Что у тебя на голове?

Чудакулли осторожно ощупал макушку.

— Гм...

— Судя по запаху, мед и конский навоз. А *это* что такое?

Чудакулли снял с головы маленькую клетку. В ней были смонтированы «бегущая дорожка» и сложная конструкция из стеклянных стрежней. К прутьям крепились две мисочки для корма, а посреди клетки сидела маленькая мохнатая и в данный момент очень мокрая мышь.

— Это все молодежь экспериментирует, — несколько застенчиво объяснил Чудакулли. — Я согласился испытать... Мех мышки трет стеклянные стержни, появляются искры, и, ну, ты понимаешь...

Матушка осмотрела несколько поредевшие волосы аркканцлера и удивленно подняла бровь.

— Надо же, до чего только не додумаются...

— Я сам не совсем разобрался, как это работает. Тупс мог бы лучше объяснить. Я просто хотел помочь...

— В общем, твоя лысина пришлась как нельзя кстати.

В темноте своей больничной палаты Диаманда открыла глаза, если, конечно, это были ее глаза. В них появился какой-то перламутровый блеск.

Песня пока звучала на пороге слышимости.

И мир изменился. Небольшая часть рассудка, которая еще оставалась Диамандой, видела его сквозь пелену зачарованности. Мир представлялся ей узором серебристых, находящихся в постоянном движении линий, словно был окутан филигранью. За исключением тех мест, где было железо. Там линии были ломаными, изогнутыми. Там

мир не был виден. Железо искажало мир. Нужно держаться подальше от железа.

Она встала с кровати, закутала руку в одеяло, повернула дверную ручку и открыла дверь.

Шон Ягт стоял почти по стойке «смирно».

В данный момент он охранял дворец и одновременно определял, Как Долго Он Сможет Простоять На Одной Ноге.

Потом ему показалось, что это не совсем подходящее занятие для знатока боевых искусств, и он принял позу № 19, для Двойного Удара В Падении Летающей Хризантемы.

Некоторое время спустя он вдруг осознал, что окрестности наполнил некий странный звук. Звук этот был ритмичным и чем-то напоминал стрекотание кузнечика. И доносился он из замка.

Шон осторожно повернулся — многочисленные армии из Заграничных Стран могли заметить, что он стоит к ним спиной, и напасть, воспользовавшись удобным случаем.

Ничего, никого. Но ситуация требовала разъяснения. В его задачу входило охранять замок от внешних врагов, а не от внутренних. «Стоять на страже» — значит охранять королевство от нападения извне. В этом и заключается смысл замков. Для этого и нужны стены, бойницы и все такое прочее. Шон регулярно покупал «Справашники Джейн» (вместе с последним, обозревающим осадные орудия Плоского мира, выдавался бесплатный плакат) и потому знал тему досконально.

Быстротой мышления Шон не отличался, но мысли его неуклонно возвращались к эльфу, заточенному в подземелье. Но он же взаперти. Шон

лично запер дверь. К тому же кругом железо, по этому поводу мама выразилась вполне конкретно.

И все же...

Он решил действовать строго по инструкции. Шон поднял мост, опустил решетки, потом перегнулся через стену и долго-долго смотрел вниз, правда разглядел там только сумерки.

Но теперь звук пронизывал все окрестности. Казалось, сами камни излучают его, он действовал на нервы, как визг пилы.

Не мог же эльф выбраться! Конечно нет, ерунда какая. Подземелья строят вовсе не затем, чтобы из них выбирались все кому не лень.

Звук то затихал, то становился громче.

Шон прислонил ржавую пику к стене и обнажил меч. Клинком он владел умело. Каждый день по десять минут оттачивал свое мастерство, и после всякой тренировки мешок с соломой имел крайне жалкий вид.

Через черный ход Шон скользнул в центральную башню и стал пробираться по коридорам в сторону подземелий. В замке никого не было. Ну да, все же на Представлении. Но в любой момент могут вернуться, и тогда начнется пир.

Замок выглядел большим, старым и очень холодным.

В любой момент.

Несомненно.

Шум прекратился.

Шон выглянул из-за угла. Он увидел ступени и открытую дверь, ведущую в подземелье.

— Стой! — закричал на всякий случай Шон. Его крик эхом отразился от камней:

— Стой! Ой... ой... ой...

Спустившись по лестнице, Шон заглянул в арку.

Дверь камеры была приоткрыта, рядом стояла фигура в белом.

Шон заморгал.

— Госпожа Чокли?

Фигура улыбнулась ему. Глаза ее светились в темноте.

— Ты в кольчуге, Шон.

— Э-э, что? — Он снова посмотрел на открытую дверь.

— Какой ужас, Шон. Немедленно сними ее. Ты же ничего толком не слышишь.

Шон явно ощущал пугающую пустоту за своей спиной, но обернуться не смел.

— Я все чудесно слышу, госпожа, — сказал он, стараясь как можно незаметнее прижаться спиной к стене.

— Ты слышишь совсем не то, — возразила Диаманда, подходя ближе. — Железо лишает тебя слуха, от него глохнешь.

Не каждый день к Шону подходила девушка в тонкой, просвечивающей одежде и с мечтательным выражением на лице. Похоже, пришло время воспользоваться тем, что боевые искусства называют Путем Отступления.

Тут Шон рискнул бросить взгляд в сторону.

В дверном проеме камеры стояла тощая фигура — вся какая-то сжавшаяся, словно окружение давило на нее.

Улыбка Диаманды была очень странной.

Шон сделал ноги.

Каким-то образом лес изменился. В былые времена, когда Чудакулли был молод, здесь росли колокольчики, и примулы, и... и опять колокольчики... и прочая всякая всячина. А не только огромные кусты шиповника. Колючки цеплялись за его мантию, а раз или два какой-то лианоподобный родственник шиповника сбил с него шляпу.

Но хуже всего было то, что матушке Ветровоск удавалось миновать все эти препятствия без особых потерь.

— Как это у тебя получается?

— Главное тут — всегда знать, где ты находишься.

— Неужели? Что ж, я знаю, где нахожусь.

— Нет, не знаешь, ты просто случайно присутствуешь здесь. А это не одно и то же.

— А нет ли более удобной дороги?

— Эта самая короткая.

— Может, она и короткая — если не заблудиться.

— Сколько раз тебе говорить, я вовсе не заблудилась! Просто у меня возникли небольшие сомнения, в ту ли сторону мы идем.

— Ха!

Его догадка подтвердилась. Похоже, что Эсме Ветровоск сбилась с дороги — если, конечно, в этом лесу не было двух одинаковых деревьев с одинаковым расположением веток, на одной из которых висел обрывок его мантии. Но Эсме обладала качеством, которое у людей, не носивших потрепанную остроконечную шляпу и древнее черное платье, называлось самообладанием. При чем самообладание Эсме Ветровоск было абсолют-

ным. Такие, как она, попадают в неловкие ситуации, только когда сами того хотят.

Он и раньше замечал это, но в те времена его привлекало лишь то, как идеально подходят ее формы к окружающему пространству. И...

Он *снова* запутался в колючках.

— Погоди минутку!

— Исключительно неудачный выбор одежды для сельской местности!

— Я же не думал, что придется бегать по лесам! Это парадный костюм!

— Так сними его.

— А как люди тогда поймут, что я — волшебник?

— Успокойся, я им скажу.

С каждой минутой матушка Ветровоск злилась все больше. Что ни говори, а она все-таки заблудилась. Но заблудиться между плотинами у порогов реки Ланкр и самим городом? Это же невозможно! Невероятно! Просто иди вверх по склону — и выйдешь куда надо. Кроме того, она ходила по здешним лесам всю свою жизнь. Это *ее* леса.

И тем не менее они уже второй раз проходят мимо одного и того же дерева. На ветке покачивался обрывок мантии Чудакулли.

Это все равно что заблудиться в собственном саду.

Пару раз матушка заметила единорога. Тут она не ошибалась — он шел по их следам.

Она попыталась проникнуть в его голову. С равным успехом можно было попробовать забраться на ледяную стену.

Ее собственные мысли тоже нельзя было назвать безмятежными, но сейчас, по крайней мере, матушка была твердо уверена: с ума она не сошла.

Когда стены между вселенными становятся очень тонкими, когда параллельные нити всевозможных Если собираются вместе, чтобы пройти сквозь Сейчас, возникают определенные утечки. Почти незаметные сигналы, которые воспринимает лишь очень чуткий приемник.

В ее голове возникали едва ощутимые мысли тысяч Эсме Ветровоск.

Маграт никак не могла решить, что же с собой взять. После того как она переселилась в замок, ее бывшие пожитки словно испарились, а брать то, что покупал ей Веренс, было, по ее мнению, неприлично. То же касалось и обручального кольца. Вряд ли его можно взять с собой.

Она уставилась в зеркало.

Довольно, хватит. Всю свою жизнь Маграт старалась быть незаметной, вежливой, она извинялась, когда через нее переступали, старалась быть *воспитанной*. И к чему это привело? Люди стали относиться к ней как к незаметной, вежливой и воспитанной.

Это... это проклятое письмо она приклеит к зеркалу, чтобы все видели, почему она ушла.

Маграт почти приняла решение уехать в какой-нибудь захолустный городок и стать куртизанкой.

Чем бы эти самые куртизанки ни занимались.

Но вдруг она услышала пение.

Ничего более приятного она в жизни не слышала. Звук входил в уши, проникал в сам разум, впитывался в кровь, в кости...

Шелковый лифчик выпал из ее рук.

Маграт рванула дверную ручку — однако небольшой участок мозга, еще не потерявший способности мыслить рационально, вовремя напомнил ей о ключе.

Песня заполняла коридор. Маграт подобрала подол подвенечного платья, чтобы легче было бежать, и поспешила к лестнице...

Что-то пульей вылетело из другой двери и повалило ее на пол.

Это оказался Шон Ягт. Сквозь цветную пелену Маграт разглядела его встревоженное лицо в обрамлении ржавого шлема из...

...Железа.

Песня по-прежнему звучала, но уже как-то иначе. Сложные гармонии, зачаровывающий ритм не изменились, но вдруг стали скрипучими, словно бы она слышала их чужими ушами.

Ее затащили в какую-то дверь.

— Госпожа королева, все в порядке?

— Что происходит?

— Не знаю, госпожа королева. Но думаю, у нас появились эльфы.

— Эльфы?

— Они схватили госпожу Чокли. Гм-м. Ну, то железо, которое ты убрала...

— Шон, ты это о чем?

Лицо Шона было белым как снег.

— Тот, что сидел в подземелье, начал петь, а ее они отметили, вот она и стала делать, что хотели они...

— Шон!

— Мама говорила, они не станут убивать, если без этого можно обойтись. Во всяком случае, сразу убивать не станут. Гораздо веселее с живыми.

Маграт молча смотрела на него.

— Мне пришлось убежать! Она пыталась снять с меня шлем! Я вынужден был оставить ее там, госпожа!

— Эльфы?

— Госпожа, тебе нужно взяться за что-нибудь железное! Они ненавидят железо!

Маграт влепила ему звонкую пощечину, больно ударив пальцы о край шлема.

— Ты что несешь?

— Они проникли в замок, госпожа! Я слышал, как опускался мост! Они там, а мы здесь, и они не убьют нас, оставят в живых, чтобы...

— Смирно, солдат!

Ничего другого она придумать не смогла, но, кажется, у нее получилось. Шон несколько пришел в себя.

— Послушай,— сказала Маграт,— все знают, что на самом деле никаких эльфов не существует...— Она вдруг замолчала и с подозрением прищурилась.— Впрочем, скорее это знает Маграт Чесногк, а другие знают иначе...

Шона трясло. Маграт схватила его за плечи.

— Моя мама и госпожа Ветровоск сказали, что тебе не нужно ничего рассказывать! — завопил Шон.— Они сказали, это, мол, дело ведьм!

— И где они сейчас, когда ведьмы должны делать свое дело? — хмыкнула Маграт.— Ты их видишь? Я — нет. Спрятались за дверь? Нет! Залезли под кровать? Странно, тоже нет... Здесь есть только я, Шон Ягг. И если ты сейчас же не расскажешь мне все, что знаешь, то пожалеешь о том дне, когда я появилась на свет.

Дергая кадыком, Шон принялся обдумывать угрозу. Но потом он вырвался из рук Маграт и приложил ухо к двери.

Пение смолкло. На мгновение Маграт показалось, что до нее донеслись удаляющиеся от двери шаги.

— Видишь ли, госпожа, наша мама и госпожа Ветровоск ходили к Плясунам и...

Маграт внимательно все выслушала.

— И где они сейчас? — спросила она, когда рассказ был закончен.

— Понятия не имею, госпожа. Все пошли на Представление... но должны были уже вернуться.

— А где показывают это Представление?

— Не знаю, госпожа. Госпожа?

— Да?

— А почему ты в подвенечном платье?

— Не твое дело.

— Плохая примета, нельзя, чтобы до свадьбы жених видел невесту в подвенечном платье. — Шон решил замаскировать свой ужас заурядным врожденным слабоумием.

— И эта примета подтвердится, если я увижу его, — прорычала Маграт.

— Госпожа?

— Да?

— Я боюсь, с ними что-то случилось. Наш Джейсон обещал вернуться через час, а это было несколько часов назад.

— Но там сотня гостей и почти все жители города. Эльфы не смогут справиться с таким количеством народа.

— А им это и не нужно, госпожа. — Шон подошел к незастекленному окну. — Послушай, госпо-

жа. Я могу спрыгнуть на амбар на конном дворе. Там солома, со мной ничего не случится, буду в порядке. Потом я прокрадусь через кухню и выйду через маленькие пупсторонние ворота башни.

— Зачем?

— Чтобы позвать подмогу.

— Но ты даже не знаешь, есть ли кого звать.

— А ты можешь предложить что-нибудь другое, госпожа?

Она не могла.

— Это... это очень храбро с твоей стороны, Шон,— признала Маграт.

— Оставайся здесь, тут вроде безопасно,— велел Шон.— И знаешь, что... Быть может, я запру дверь, а ключ возьму с собой? Тогда тебя не заставят открыть дверь, даже если станут петь.

Маграт кивнула.

Шон попытался улыбнуться.

— Жаль, у нас нет еще одной кольчуги,— покачал головой он.— Все осталось в арсенале.

— Я буду в полном порядке,— успокоила его Маграт.— Можешь идти.

Шон кивнул. Вскочив на подоконник, он на мгновение замер, а потом исчез в темноте.

Маграт придвинула к двери кровать и села.

Она тоже могла бы уйти. Но тогда в замке никого не осталось бы, а это неправильно.

Кроме того, ей было страшно.

В комнате была всего одна свеча, да и та наполовину сгоревшая. Когда она догорит, останется только лунный свет. Маграт всегда нравился лунный свет. До сего момента.

На улице было тихо. Шума города совсем не было слышно.

Постепенно до нее дошло, что отпускать Шона с ключом было не совсем разумно, ведь если его поймают, то смогут открыть...

Раздался чей-то крик, который не стихал достаточно долго.

А потом наступила ночь.

Через несколько минут она услышала, как кто-то пытается повернуть ключ, судя по звуку, обернув его несколькими слоями ткани, чтобы не прикасаться к железу.

Дверь начала было открываться, но уперлась в кровать.

— Почему бы тебе не выйти из комнаты, госпожа?

Дверь снова закрипела.

— Неужели ты не хочешь потанцевать с нами, красавица?

Голос был полон странных гармоник, и эхо от него сохранялось в ее голове в течение нескольких секунд после того, как было произнесено последнее слово.

Дверь распахнулась.

Три фигуры скользнули в комнату. Один эльф осмотрел кровать, двое других принялись шарить по темным углам. Потом один из них подошел к окну и выглянул.

Осыпающаяся стена уходила вниз до самой соломенной крыши амбара, на которой абсолютно никого не было.

Эльф кивнул двум фигурам во дворе. Его светлые волосы сверкали в лунном свете.

Один из находящихся во дворе эльфов поднял руку, указывая на фигуру, которая отчаянно караб-

калась по стене центральной башни. Длинное белое платье развевалось на ночном ветру.

Эльф рассмеялся. Похоже, предстояло веселье.

Маграт перелезла через подоконник и, тяжело дыша, упала на пол. Потом она, пошатываясь, побежала к двери — ключа в замке не было. Зато рядом лежали две толстые деревянные балки, которые она немедленно вставила в пазы.

А окно закрывалось деревянными ставнями.

Но больше ей не удастся так легко выкрутиться. Она было подумала, что в нее пустят стрелу, но... очевидно, столь простой исход не доставил бы им удовольствия.

Маграт всмотрелась в темноту. Она даже не знала, в какую именно комнату попала. Наконец она нашла подсвечник, спички и, немного повозившись, зажгла свечу.

Рядом с кроватью лежали ящики и коробки. Значит... комната предназначалась для гостей.

Мысли, одна за другой, проникали в тишину ее разума.

Сможет ли она устоять, если они запоют снова? Наверное, да — если знать, что именно тебя ждет...

Кто-то ласково постучал в дверь.

— Госпожа, твои друзья вместе с нами, внизу. Приходи, потанцуй со мной.

Маграт в отчаянии оглядела комнату.

Она абсолютно ничем не отличалась от других гостевых комнат. Кувшин и тазик на подставке, ужасная «гардеробная» ниша, неплотно прикрытая шторкой, кровать, на которой валялись мешки и свертки, разбитый стул в ошметках облезающего

лака и маленький квадратный ковер, посеревший от старости и въевшейся пыли.

Загремела дверь.

— Пусти же меня, милая госпожа.

На сей раз через окно убежать не удастся. Можно спрятаться под кроватью, это спасет — секунды на две.

Ее взгляд, словно по волшебству, обратился к притаившейся за шторой гардеробной нише.

Маграт подняла крышку. Труба была достаточно широкой, чтобы в нее прошло тело. Именно этим и были знамениты гардеробы. Несколько непопулярных королей нашли свой конец именно в гардеробе — от рук наемных убийц, которых отличали хорошие способности к скалолазанию, владение копьем и фундаментальный подход к политике.

Раздался сильный удар в дверь.

— Госпожа, может, тебе спеть?

Маграт приняла решение.

Первыми не выдержали петли, ржавые болты не удержались в камне.

Полузадернутая штора колыхалась на ветру.

Эльф улыбнулся, подошел к шторе и резко ее отдернул.

Дубовая крышка была поднята.

Эльф наклонился и посмотрел вниз.

За его спиной белым призраком восстала Маграт и что было сил врезала эльфу по шее стулом, который тут же развалился.

Эльф попытался было развернуться и сохранить равновесие, но в руках у Маграт оставалось еще достаточно стула, чтобы нанести новый отчаянный удар снизу. Эльф повалился вперед, схва-

тился за крышку, но сумел только закрыть ее за собой. Из вонючей темноты донеслись яростный вопль и глухой звук падения. Хотя вряд ли стоило надеяться, что эльф погибнет. В конце концов он приземлится во что-то мягкое.

«Не только высоко,— сказала про себя Маграт,— но и крайне вонюче».

Спрятаться под кроватью можно было только секунды на две, однако иногда достаточно и двух секунд.

Она выпустила из рук обломок стула. Ее трясло. Но она по-прежнему была жива, и это было прекрасно. Вот он, смысл жизни. Ты живешь, чтобы ею наслаждаться.

Маграт выглянула в коридор.

Оставаться здесь было нельзя. Занеся над головой ножку стула, она рискнула выйти из комнаты.

До ее ушей донесся еще один крик, на этот раз со стороны Главного зала.

Маграт посмотрела в другую сторону, на Длинную галерею. И побежала.

Где-то должен быть выход, ворота, окно...

Какой-то особо предприимчивый монарх застеклил все окна в замке. Серебристые участки лунного света чередовались с квадратами глубокой тени.

Маграт бежала из света в тень, из света в тень по бесконечному коридору. Мимо, как в фильме на ускоренной перемотке, мелькали самодержцы. Король за королем — усы, короны, бороды. Королева за королевой — корсажи, лифы, бородатые ухты-ястребы и маленькие собачки...

Вдруг одно изображение (была ли причиной игра лунного света или выражение лица на портрете) пробилось сквозь ее страх и привлекло внимание Маграт.

Этот портрет она видела впервые. Но раньше она так далеко не забиралась — доходившая до идиотизма безвкусица королев навевала на нее тоску. Однако эта...

Эта особа чем-то ее заинтересовала.

Маграт остановилась.

Портрет не мог быть написан с натуры. Во время царствования *этой* королевы, единственной известной краской была синяя, и наносили ее в основном на тело. Но несколько поколений назад правил король Лулли I, который был немного историком и чуть-чуть романтиком. Он исследовал известные факты из ранней истории Ланкра, а там, где фактов не хватало, он, следуя лучшим традициям работы проницательного этнического историка, сделал выводы из вдруг открывшихся, не требующих доказательства истин* и экстраполировал известные источники**. Именно он заказал портрет королевы Инси Вспыльчивой — одной из основателей королевства.

На ее голове был шлем с крыльями и острым навершием, густые черные волосы сплетались в ужасного вида косы, а в качестве жидкости для укладки явно использовалась кровь. Лицо и тело королевы покрывали спирали синей краски и крови — типично варварская школа косметического искусства. Судя по портрету, Инси Вспыль-

* То есть придумал.

** То есть прочитал то, что придумали другие.

чивая обычно носила нагрудник размера 3-Д и наплечники с шипами. Наколенники тоже были с шипами, как и сандалии. А еще она была одета в достаточно короткую юбку из модной клетчатой ткани, в которой преобладали кровавые тона. Одна королевская рука покоилась на рукоятке обоюдоострого боевого топора с пикой, другая же гладила руку поверженного врага. Прочие части тела поверженного врага болтались на соснах на заднем плане. Рядом с королевой художник изобразил ее любимого боевого пони по кличке Штык (ныне исчезнувшей горной ланкрской породы, формой и характером напоминающей бочонок с порохом), а чуть поодаль стояла боевая колесница, воплощенная все в той же популярной шипастой технике. Ее колесами можно было бриться.

Маграт не отрываясь смотрела на картину.

Никто никогда даже не упоминал о таком.

Все твердили ей о гобеленах, вышивках, юбках, фижмах и о том, как правильно пожимать руки благородным господам. Но никто ни словом не упоминал шипы.

Какой-то звук донесся с дальнего конца галереи, откуда она прибежала. Маграт подобрала юбки и помчалась дальше.

Позади послышался смех.

Налево по крытой аркаде, потом по темному коридору над кухней, мимо...

Что-то мелькнуло впереди в темноте. Сверкнули зубы. Маграт инстинктивно подняла ножку стула, но вовремя остановилась.

— Грибо?

Кот нянюшки Ягг потерялся об ее ноги. Его шерсть была плотно прижата к телу. Маграт еще

больше разнервничалась. Это ведь *Грибо*, неоспоримый король кошачьего населения Ланкра и отец большей его части, в присутствии которого волки, поджав хвосты, убегали, а медведи залезали на деревья. И *Грибо* был испуган.

— Иди сюда, идиот!

Она схватила его за покрытый шрамами загривок, и *Грибо* забрался Маграт на плечо, по пути распоров ее руку чуть ли не до кости*.

Скорее всего, она где-то рядом с кухней, потому что именно эта территория принадлежала *Грибо*. То были неизведанные, мрачные земли, так сказать, «террор инкогнита», где плоть ковров и кожа балочной штукатурки обнажали каменный остов замка.

За ее спиной прошелестели чьи-то шаги, очень быстрые и легкие.

Если ей удастся добежать до следующего угла...

Грибо, сидящий на ее плече, напрягся как пружина. Маграт остановилась.

За следующим углом...

Без малейших усилий со стороны Маграт ее рука с обломком стула поднялась и чуть отклонилась назад.

Она шагнула за угол и одновременно нанесла колюще-бьющий удар ножкой стула. Раздалось триумфальное шипение, перешедшее в хриплый визг, когда ножка процарапала шею эльфа. Тот отшатнулся. Рыдая от ужаса, Маграт метнулась к ближайшей двери и схватилась за ручку. Дверь

* «На самом деле он такой милый котик» — цитата из «Книги Вызказываний О Котах Нянюшки Ягг».

распахнулась. Маграт влетела в комнату, захлопнула за собой дверь, нащупала в темноте засов, услышала, как он скользнул на место, и упала на колени.

Что-то сильно ударилось в дверь с другой стороны.

Некоторое время спустя Маграт открыла глаза — а потом задумалась, не понимая, открыла она их или нет, потому что темнота менее темной не стала. У нее сложилось впечатление, что впереди нее — некое свободное пространство. Чего только не было в старом замке... И старые, заброшенные комнаты, и потайные коридоры — все, что угодно... Перед ней могла оказаться яма, могло оказаться *все, что угодно*. Маграт нащупала наличник, поднялась на ноги, после чего протянула руку туда, где, согласно предположениям, должна была находиться стена.

Там была полка. И свеча на ней. И коробка спичек.

«По крайней мере, — успокоила себя Маграт, стараясь не обращать внимания на бешено колотящееся сердце, — в этой комнате недавно кто-то был». Большинство жителей Ланкра до сих пор пользовалось трутницами. Только король мог позволить себе заказывать спички из самого Анк-Морпорка. У матушки Ветровоск и нянюшки Ягт тоже были спички, только они их не покупали. Им их дарили. Ведьмы редко что-то покупают, обычно им все дарят.

Маграт зажгла огарок свечи и огляделась по сторонам, пытаясь понять, в какой части замка она оказалась.

— О нет...

— Так-так,— сказал Чудакулли.— Знакомое дерево.

— Заткнись.

— Кажется, кто-то утверждал, что нам нужно всего-навсего подняться по склону,— продолжал Чудакулли.

— Заткнись.

— А помнишь, когда-то мы гуляли по этому лесу, и ты позволила мне...

— Заткнись.

Матушка Ветровоск устало опустилась на пенёк.

— Нас водят по кругу,— констатировала она.— Кто-то решил подшутить над нами.

— Есть одна история,— сказал Чудакулли,— о двух маленьких ребятишках, которые заблудились в лесу, а потом налетели птицы и забросали их листьями.— В его голосе проступила надежда, так из-под кринолина выглядывает носок изящной туфельки.

— Да, ты прав, до такой глупости только птицы и могли додуматься,— фыркнула матушка и потерла виски.— Это все *ее* проделки. Эльфийские фокусы. Сбивать путников с пути. Она копается в моей голове. В моей настоящей голове. О, у нее есть сила. Она нас направляет. Заставляет бродить кругами. Делает это со мной.

— Может, ты просто задумалась о чем-то, вот и заблудилась чуток,— предположил Чудакулли, все еще не теряя надежды.

— Конечно, задумалась. Сосредоточишься тут, когда ты все время падаешь и несешь всякую чепуху,— рывкнула матушка.— Если бы господин Зазнайка Волшебник не поехал головой и не вспомнил то, чего на самом деле никогда не было,

я бы здесь не торчала, а находилась бы в центре событий и знала, что происходит.

Она сжала кулаки.

— А может, и хорошо, что мы здесь? — примирительно сказал Чудакулли. — Такая чудесная ночь. Мы могли бы посидеть тут, на полянке, и...

— Ну вот, ты тоже поддался, — упрекнула матушка. — Все эти грезы, их-взгляды-встретились и прочая чушь. Не понимаю, и как ты удерживаешься на этой своей должности главного волшебника?

— В основном благодаря тому, что всегда заставляю кого-нибудь съесть кусочек того, что принесли мне, и каждый раз перед сном тщательно перетряхиваю постель, — ответил Чудакулли с ободряющей честностью. — А так заниматься особенно нечем, подписывай себе бумажки, покрикивай...

Чудакулли грустно вздохнул. Его надежды развеялись как дым.

— Ты, кстати, была удивлена, когда увидела меня, — пробормотал он. — Ты так побледнела.

— Побледнеешь тут. Видел бы ты себя со стороны — ты был похож на поперхнувшуюся овцу.

— Ты ни капли не изменилась. Просто поразительно. Не уступаешь ни на йоту.

Мимо пролетел еще один лист.

Чудакулли не пошевелился.

— Знаешь, — произнес он вполне спокойным голосом, — либо раньше срока наступила осень, либо в этом лесу живут птицы из моей истории, либо прямо над нами на дереве кто-то сидит.

— Знаю.

— Знаешь?

— Да, потому что, пока ты путешествовал по Улице Воспоминаний, я смотрела по сторонам. Их по меньшей мере пять, и они устроились прямо над нами. Как твои волшебные пальцы?

— Думаю, я смогу сотворить пару-другую шаровых молний.

— Не поможет. А как насчет вынести нас отсюда?

— Обоих — нет.

— Только себя?

— Вероятно, но тебя я здесь не брошу.

Матушка закатила глаза.

— Слушай, а ведь это правда... Все мужчины такие сентиментальные. Отваливай, старый пень. Меня они не убьют. По крайней мере, пока. А вот о волшебниках они даже не слышали никогда, поэтому зарубят тебя не задумываясь.

— Ну и кто сейчас сентиментальничает?

— Просто от тебя живого всяко больше проку. Не намного, но все-таки.

— Особенно много проку я принесу, если сбегу отсюда.

— Это будет гораздо мудрее, чем оставаться здесь.

— Если я тебя сейчас брошу, то никогда себе этого не прощу.

— А я никогда не прощу тебя, если ты останешься, а не прощать я умею куда лучше, чем ты. Когда все закончится, попытайся разыскать Гиту Ягг. Попроси ее заглянуть в мою старую шкатулку. Она знает, что там лежит. И если ты сейчас же не уйдешь...

Рядом с Чудакулли в пень воткнулась стрела.

— Эти паскудники палят по мне! — завопил он. — Мне б сейчас мой верный арбалет...

— Вот и слетай за ним, — перебила его матушка.

— Правильно! Я сейчас! Я быстро!

Чудакулли исчез. Мгновением спустя на то место, которое он только что занимал, упала пара кусочков древней лепки, которой были покрыты потолки Ланкрского замка.

— Что ж, теперь он мне не помешает, — непонятно кому сказала матушка.

Она встала и обвела взглядом деревья.

— Ну ладно! — крикнула она. — Я здесь. Приходи, я жду! И убегать не собираюсь. Я здесь. Вся без остатка.

Маграт успокоилась. Конечно, он существовал. Он был в каждом замке. И, разумеется, им периодически пользовались. В пыли была протоптана дорожка от двери к вешалке, на которой висели несколько расплетающихся кольчуг. Рядом стояли пики.

Вероятно, Шон заходил сюда каждый день.

Это был арсенал.

Грибо спрыгнул с ее плеча и двинулся прочь по опутанным паутиной улицам в бесконечном поиске чего-нибудь маленького и пищущего.

Маграт, словно в оцепенении, последовала за ним.

Ланкрские короли никогда ничего не выбрасывали. По крайней мере, не выбрасывали ничего такого, что можно было как-нибудь использовать для того, чтобы кого-нибудь убить.

Здесь были собраны доспехи для людей, доспехи для боевых коней, доспехи для бойцовых псов. Здесь даже хранились специальные доспехи, предназначенные для воронов, хотя королю Гурнту Глупому так и не удалось осуществить свои планы по использованию военно-воздушных сил. А еще здесь было великое множество пик, копий, мечей, абордажных сабель, рапир, эспадронов, палашей, цепов, булав, дубинок с шипами и без оных. Все это свалили в одну большую кучу, которая там, где протекала крыша, превратилась в сплошной кусок ржавчины. Луки складывали в вязанки, на манер хвороста, не балуя особым уходом, — длинные луки, малые луки, луки-пистолеты, стреленные луки и арбалеты. Невысокими горками валялись отдельные части порыжевших от ржавчины доспехов. На самом деле ржавчина была повсюду. В этом огромном помещении царствовал Смерть железа.

Маграт шла вперед, как игрушка с заводным механизмом, которая не может изменить направление, пока во что-нибудь не упрется.

Свет свечи тускло отражался от шлемов и нагрудников. Особенно жутко выглядели доспехи для коней. Висящие на гниющих деревянных рамах, они очень походили на скелеты и, подобно скелетам, наводили на мысли о смертности. Пустые глазницы слепо таращились на маленькую фигуру со свечой.

— Госпожа?

Голос донесся из-за двери, которая осталась далеко позади. Но эхо, словно одеяло, окутало Маграт, отразившись от древнего, разваливающегося оружия.

«Сюда им не войти, — подумала Маграт. — Здесь слишком много железа. Здесь я в безопасности».

— Если госпожа хочет поиграть, мы можем привести ее друзей.

Когда Маграт повернулась, свет свечи отразился от чего-то блестящего.

Маграт отбросила в сторону большой щит.

— Госпожа?

Маграт протянула руку.

— Госпожа?

Рука Маграт нащупала ржавый железный шлем с крылышками.

— Приходи танцевать на свадьбу, госпожа.

Руки Маграт сомкнулись на выпуклом нагруднике с шипами.

Грибо, который гонял мышь среди разбросанных по полу рыцарских доспехов, высунул голову из железной штанины.

Маграт менялась. Сначала изменилось дыхание. Минуту назад она задыхалась от страха и изнеможения. Затем несколько секунд ее дыхания не было слышно. Потом оно вернулось. Стало медленным. Глубоким. Размеренным.

Грибо увидел, как Маграт, которую он всегда считал мышкой, ни с того ни с сего принявшей человеческий облик, поднимает и надевает на голову шлем с крылышками.

Маграт знала все о силе головных уборов.

Мысленно она уже слышала грохот боевых колесниц.

— Госпожа? Мы приведем твоих друзей, чтобы они спели тебе.

Она повернулась.

Грибо поспешил скрыться в доспехах. Однажды ему довелось нарваться на чокнутую лисицу. Обычно Грибо расправлялся с лисами без пота и пыли, но у этой, как оказалось, были детеныши. Правда, узнал он об этом только после того, как загнал ее в нору. В том бою он потерял часть уха и много частей шкуры.

Взгляд у той лисицы был таким же, как сейчас у Маграт.

— Грибо? Иди-ка сюда, котик.

Развернувшись, кот попытался забиться в нагрудник. Но дальше отступать было некуда. Рыцарь закончился.

Эльфы рыскали по королевским паркам. Проходя мимо декоративного прудка, они убили в нем всех рыбок — просто так, потехи ради.

Господин Брукс, забравшись на притащенный с кухни стул, заделывал трещину в стене коюшнии.

Он смутно чувствовал, что что-то происходит, но это касалось людей, а значит, имело для него второстепенное значение. Однако он отчетливо слышал, как изменился звук, доносящийся со стороны ульев. Сразу за этим послышался треск досок.

Один улей уже опрокинули. Рассерженные пчелы роились вокруг трех фигур, ноги которых топтали соты, мед и пчелиных деток.

Впрочем, смех сразу стих, когда за оградой появилась фигура в белой одежде и сетке от пчел. Фигура подняла длинную металлическую трубку.

Никто не знал, что именно заливал господин Брукс в свой опрыскиватель. В смесь входили

табак, вареные корни, обрезки коры и некие травы, о которых не слышала даже Маграт. Из трубки вылетела струя жидкости. Стоявшему в центре эльфу она попала между глаз и чуть задела двух его товарищей.

Господин Брукс бесстрастно взирал на корчащихся эльфов, пока они совсем не затихли.

— Осы, — сказал он тогда.

После чего пошел, нашел подходящий ящик, зажег лампу и с большой осторожностью и нежностью принялся приводить в порядок поврежденные соты, не обращая ровно никакого внимания на укусы обиженных пчел.

Шон почти ничего не чувствовал, только жуткую боль в руке — такую боль ощущаешь, когда сломана по крайней мере одна кость, к тому же два его пальца выглядели крайне неестественно — так нормальные пальцы не выглядят. Несмотря на то что из одежды на нем остались только подштанники и рубаха, он обильно потел. Конечно, снимать кольчугу не следовало, но трудно сказать «нет», когда на тебя наведен эльфийский лук. Шон знал то, о чем многие люди и не подозревают: кольчуга не слишком защищает от стрелы, особенно если та нацелена вам между глаз.

Его протащили по коридорам к арсеналу. Эльфов было по меньшей мере трое, но лиц их он разглядеть не мог. Шон вспомнил, как в Ланир однажды приехало бродячее шоу «Валшебный Фанарь». Вспомнил, как зачарованно смотрел на пляшущие по старой простыне нянюшки Ягг изображения. Лица эльфов напомнили ему о тех

картинках. На них присутствовали глаза и рты, но выражения эльфийских лиц менялись, словно тени на простыне.

Эльфы почти ничего не говорили. Больше смеялись. Веселые парни, эти эльфы, особенно когда выкручивают тебе руку — просто так, чтобы посмотреть, долго ли ты выдержишь.

Между собой эльфы общались на своем, эльфийском языке. Один из них повернулся к Шону и указал на дверь арсенала.

— Мы желаем, чтобы госпожа вышла, — промолвил он. — Ты должен сказать, что, если она не выйдет, мы с тобой еще поиграем.

— А что вы сделаете с *нами*, если она выйдет? — спросил Шон.

— Все равно с тобой поиграем, — ответил эльф. — В этом и заключается веселье. Но ведь есть такая штука, как надежда, поэтому она выйдет. Поговори с ней.

Его подтолкнули к двери. Он как можно почтительнее постучался.

— Гм. Госпожа королева?

— Да? — раздался глухой голос Маграт.

— Это я, Шон.

— Я тебя узнала.

— Я здесь, за дверью. Гм. Кажется, они сделали больно госпоже Чокли. Гм. И говорят, что делают мне еще больнее, если ты не выйдешь. Но тебе не следует выходить, потому что в арсенал им не пробраться, там ведь столько всякого железа. На твоём месте, я бы их не послушался.

За дверью что-то залязгало, потом слышался звук натягиваемой тетивы.

— Госпожа Маграт?

— Спроси,— велел эльф,— есть ли у нее там еда? Или вода?

— Госпожа, они спрашивают...

Вдруг какой-то из эльфов оттащил его в сторону. Двое встали по бокам от двери, а один приложил к доскам ухо.

Потом опустился на колени и заглянул в замочную скважину, стараясь не прикасаться к железному замку.

Раздался какой-то звук, не громче щелчка. Еще мгновение эльф оставался неподвижным, затем почти беззвучно повернулся.

Шон заморгал.

Из глаза эльфа торчало примерно с дюйм арбалетной стрелы. Перья ее были срезаны замочной скважиной.

— Ого,— восхитился Шон.

Сразу вслед за этим дверь арсенала распахнулось, но за ней не оказалось ничего, кроме темноты.

Один из эльфов расхохотался.

— Так тебе и надо,— фыркнул он.— Сам виноват... Госпожа? Ты выслушаешь своего воина?

Он схватил Шона за сломанную руку и резко дернул.

Сдерживая крик, Шон стиснул зубы. Перед глазами поплыли лиловые круги. «Интересно, что будет, если я потеряю сознание?» — подумал он.

Вот бы сейчас рядом оказалась мама...

— Госпожа,— сказал эльф,— если ты не...

— Хорошо,— раздался откуда-то из темноты голос Маграт.— Я выхожу. Но вы должны пообещать, что не причините мне вреда.

— Конечно, я обещаю, госпожа.

— И отпустите Шона.

— Хорошо.

Шон застонал. Если бы на ее месте оказалась мама или госпожа Ветровоск, они сражались бы до конца. Мама права — Маграт всегда была доброй и мягкой...

...Но буквально только что она выстрелила из арбалета в замочную скважину.

Какое-то восьмое чувство заставило Шона перенести вес на другую ногу. Если бы эльф хоть на мгновение ослабил свою хватку, Шон смог бы вырваться.

В дверях арсенала появилась Маграт. Она несла деревянный ящик с облупившейся надписью «Свечи».

Шон с надеждой посмотрел на нее.

Маграт широко улыбнулась стоящему рядом с ним эльфу.

— Это вам, — сказала она, протягивая коробку. — Подарок.

Эльф машинально принял дар.

— Но откроете ее потом. И помните, вы обещали не причинять мне вреда.

Тот эльф, у которого из глаза торчала стрела, скользнул Маграт за спину и занес руку, сжимающую каменный кинжал.

— Госпожа? — произнес эльф, державший в руках слегка раскачивающийся ящик.

— Да? — смиренно спросила Маграт.

— Я тебе солгал.

Нож воткнулся ей в спину.

И рассыпался.

Эльф посмотрел в невинные глаза Маграт и открыл ящик.

Грибо провел в заточении не самые приятные минуты. С формальной точки зрения, кот, закрытый в ящике, может быть либо живым, либо мертвым. Но определить это можно, только открыв крышку. Именно это действие, связанное с открыванием ящика, определяет состояние кота, хотя ученые ошибаются — на самом деле состояний у кота может быть три, а именно: Живой, Мертвый и Вне Себя От Бешенства.

Шон едва успел отскочить в сторону — Грибо взорвался, будто противопехотная мина.

— Не бойся ты так, — как-то сонно пробормотала Маграт, в то время как эльф отчаянно пытался оторвать от себя взбешенного кота. — Он большой, но совсем глупый.

Она достала из складок платья нож и ударила того эльфа, что стоял у нее за спиной. Удар был неточен, но этого и не требовалось. Учитывая, что у ножа было железное лезвие.

Затем она изящным движением приподняла подол и ударила третьего эльфа ногой под коленку.

Шон заметил, как под белым шелком сверкнуло железо.

Она отпихнула вопящего эльфа локтем в сторону, забежала в арсенал и тут же вернулась с арбалетом в руках.

— Шон, — спросила она, — который из них тебя обижал?

— Все, — ответил Шон слабым голосом. — Но тот, что сражается с Грибо, ударил ножом Даманду.

Эльфу удалось наконец оторвать Грибо от своего лица. Из дюжины глубоких ран сочилась сине-

зеленая кровь. Грибо не отпускал его руку даже несмотря на то, что им яростно колотили об стену.

— А ну кончай,— велела Маграт.

Эльф опустил взгляд на арбалет и замер.

— Пощады я просить не буду, не дожدهшься,— предупредил он.

— Хорошо,— сказала Маграт и выстрелила.

Остался только один эльф, который катался по каменным плитам, схватившись за колено.

Маграт изящно переступила через него, исчезла в арсенале и вернулась с топором.

Эльф перестал кататься и сосредоточил все свое внимание на ней.

— Итак,— небрежно промолвила Маграт.— Я не буду врать о твоих шансах на выживание, потому что у тебя их нет. Сейчас я задам тебе несколько вопросов, но сначала хочу привлечь твое внимание.

Эльф явно ожидал нападения и успел откатиться в сторону. Топор расколол каменную плиту.

— Госпожа? — слабым голосом произнес Шон, когда Маграт снова занесла топор над головой.

— Да?

— Мама говорит, они не чувствуют боли, госпожа.

— Неужели? Но это определенно вызовет некоторые неудобства.

Маграт опустила топор.

— А еще у нас есть доспехи,— вспомнила она.— Можно помочь ему их примерить. Как думаешь?

— Нет!

Эльф попытался уползти от нее.

— Почему? — удивилась Маграт.— По-моему, топором больнее.

— Нет!

— Почему нет?

— Это все равно что быть похороненным в земле, — прошипел эльф. — Всюду железо — ни глаз, ни ушей, ни рта!

— Ладно, ограничимся кольчугой, — предложила очередной вариант Маграт.

— Нет!

— Где король? Где все?

— Не скажу!

— Хорошо.

Маграт снова исчезла в арсенале и вскоре вернулась, волоча за собой кольчугу.

Эльф отчаянно забарахтался.

— Ничего не получится, — крикнул все еще лежащий на полу Шон. — Его руки... Он не дастся.

Маграт подняла топор.

— О нет, — простонал Шон. — Госпожа!

— Тебе его не вернуть, — сказал эльф. — Он в ее власти.

— Увидим, — пожала плечами Маграт. — Итак, Шон, что будем с ним делать?

В итоге они затащили эльфа в кладовую рядом с темницей и приковали к оконной решетке. Когда Маграт захлопнула дверь, эльф визжал от близости железа.

Шон старался держаться от девушки на почти-тельном расстоянии. Ему очень не понравилась новая улыбка Маграт.

— А теперь, — предложила она, — давай осмотрим твою руку.

— Я в порядке, — успокоил ее Шон. — Но там, на кухне, Даманда, ее ударили ножом.

— Это ее крик я слышала?

— Гм... Частично.

Шон зачарованно посмотрел на мертвых эльфов, через которых спокойно перешагнула Маграт.

— Ты их убила, — сказал он.

— Я поступила неправильно?

— Гм... Нет, — осторожно отозвался Шон. — Нет, на самом деле у тебя совсем неплохо получилось.

— Еще один сидит в яме, — сообщила Маграт. — Сам знаешь, в какой. Сегодня какой день?

— Вторник.

— А ты чистишь ее по...

— По средам. Только прошлую среду пропустил, потому что...

— Тогда беспокоиться не о чем. А еще эльфы в замке есть?

— Я... вряд ли. Госпожа королева?

— Да, Шон?

— Нельзя ли опустить топор? Мне стало бы значительно легче. Топор, госпожа. Ты постоянно им размахиваешь. А он ведь и сорваться может.

— Какой топор?

— Который ты держишь.

— Ах *этот*. — Маграт словно только что заметила грозное оружие. — Твоя рука, не нравится мне она. Давай спустимся на кухню, я наложу шину. Кстати, пальцы твои мне тоже не нравятся. Они убили Дdiamанду?

— Не знаю. И понятия не имею *почему*. Я имею в виду, она же им *помогала*.

— Да. Погоди-ка минуту. — Маграт скрылась в арсенале и вернулась с мешком. — Грибо, пошли!

Грибо как-то лукаво посмотрел на нее и перестал умываться.

— Знаешь, что самое удивительное в Ланкре? — спросила Маграт, когда они начали спускаться по лестнице.

— Что, госпожа?

— Мы никогда ничего не выбрасываем. А знаешь, что еще?

— Нет, госпожа.

— Конечно, вряд ли ее рисовали с натуры. Ну, то есть тогда портреты никто не писал. Но *доспехи*... ха! Срисовывай себе спокойненько. И знаешь что?

Шон вдруг ощутил жуткий страх. Он и раньше был напуган, но тот страх был мгновенным, физическим. А *такая* Маграт пугала его куда больше, чем эльфы. Все равно что на тебя вдруг накинулась бы дотоле смирная овечка.

— Нет, госпожа.

— Никто ведь ничегошеньки не рассказывал мне о ней. Можно подумать, мир вертится вокруг одних гобеленов да прогулок в длинных платьях!

— Что, госпожа?

Маграт выразительно махнула рукой:

— Ну, вокруг всего этого!

— Госпожа! — позвал Шон откуда-то с уровня ее коленей.

Маграт посмотрела вниз.

— Что?

— Пожалуйста, опусти топор.

— О, извини.

Ходжесааргх проводил ночи в небольшом сарайчике рядом с птичьими клетками. Он тоже получил приглашение на свадьбу, но его вырвала и съела, перепутав с пальцем, леди Джейн, старая и злобная гиросоколиха. Таким образом, Ходжесааргх закончил свой ежевечерний ритуал промывания ран, поужинал черствым хлебом с древним сыром и забрался в кровать пораньше, чтобы потихоньку истекать кровью над номером «Клювьев и Когтей».

Услышав подозрительный шум со стороны птичьих клеток, он взял подсвечник и вышел проверить, что случилось.

Эльф смотрел на птиц. На его руке сидела леди Джейн.

Ходжесааргха, как и господина Брукса, мало интересовали события, не связанные с его увлечением. Он знал, что в замке сейчас много гостей, но, с его точки зрения, любой человек, способный смотреть на птиц с интересом, — это только такой же, как он, фанатик.

— Моя лучшая птица, — с гордостью сообщил он. — Я почти ее обучил. Очень хороша. Я ее дрессирую. Невероятно умная. Уже понимает одиннадцать команд.

Эльф с важным видом кивнул. Потом снял колпачок с головы птицы и перевел взгляд в сторону Ходжесааргха.

— Убей, — приказал он.

Глаза леди Джейн хищно сверкнули. Потом она взлетела и вцепилась в горло эльфа двумя комплектами когтей и клювом.

— Со мной она тоже так поступает, — сообщил Ходжесааргх. — Но вообще очень умная птица.

Диаманда лежала на полу кухни в луже крови. Маграт опустилась рядом с ней на колени.

— Она еще жива. Едва.

Маграт схватилась за подол платья и попыталась его разорвать.

— Вот проклятая штука. Помоги мне, Шон.

— Госпожа?

— Нам нужны бинты.

— Но...

— О, перестань.

Подол порвался. Расплелось с дюжину кружевных роз.

Шон не был посвящен в тайну того, что королевы носят под платьем, но, учитывая определенные наблюдения за Милли Хлодой и некие собственные выводы, он никак не подозревал, что там окажется металлическое нижнее белье.

Маграт постучала по нагруднику.

— Сидит неплохо, — сказала она, лишив Шона возможности сообщить, что в некоторых местах между железом и самой Маграт присутствует слишком много свободного пространства. — Правда, кое-где не мешало бы подобрать и добавить пару заклепок. Что скажешь?

— О да, — ответил Шон. — Листовое железо тебе очень к лицу.

— Ты действительно так считаешь?

— Конечно. — Шон лихорадочно придумывал, что бы еще сказать. — У тебя очень подходящая фигура, э-э, для этого.

Вправив руку и пальцы, Маграт наложила ему шины, работая методично и используя в качестве бинтов полоски шелка. С Диамандой все было не

так просто. Маграт долго промывала, зашивала, бинтовала, а Шон сидел и наблюдал за ней, стараясь не замечать обжигающе ледяную боль в руке.

И все время повторял:

— Они просто смеялись и резали ее. А она даже не пыталась убежать. Они словно *играли*.

Маграт почему-то посмотрела на Грибо, которому хватило воспитанности принять смущенный вид.

— Острые ушки и шерстка, которую хочется погладить,— промолвила она едва слышно.— И они способны очаровывать. А когда они довольны, то издают приятные звуки.

— Что?

— Просто думаю вслух.— Маграт встала.— Ладно. Я разведу огонь, принесу пару арбалетов и заряджу их для тебя. А ты держи дверь закрытой и никого не впускай, слышишь? Если же я не вернусь... попытайся уйти туда, где есть люди. Поднимись к гномам на Медную гору. Или к троллям.

— А ты?..

— А я попробую выяснить, что произошло с остальными.

Маграт открыла принесенный из арсенала мешок. Там лежал шлем. С крылышками, что сразу же показалось Шону крайне непрактичным*.

* В прошлом номере журнала «Папулярные Даспехи» была напечатана статья «Мы Испытали Двадцать Лучших Шлемов Дишевле 50 Долларов». В тот же номер вошла статья «Баевые Тапоры: Провиряим Десять Лучших» и объявление о наборе новых испытателей.

Кроме шлема в мешке лежали кольчужные перчатки и отборное ржавое оружие.

— Но там, наверное, полно этих тварей!

— Лучше там, чем здесь.

— А ты умеешь драться?

— Не знаю. Никогда не пробовала.

— Но можно остаться здесь, и рано или поздно кто-нибудь обязательно придет.

— Боюсь, так оно и будет.

— Э-э, может, не стоит все-таки?

— Стоит. Завтра я выхожу замуж. Так или иначе.

— Но...

— Заткнись!

«Ее убьют, — подумал Шон. — Мало поднять меч. Нужно еще знать, каким концом воткнуть его во врага. Нести караул должен я, а убьют ее...

Но...

Но...

Одному эльфу она всадила стрелу прямо в глаз через замочную скважину. У меня бы так не получилось. Сначала я бы крикнул что-нибудь типа «Руки вверх!». Но они стояли на ее пути, и она устранила помеху.

И все равно она погибнет. То, что смерть ее будет геройской, ничего не меняет.

Жаль, что рядом нет мамы».

Маграт скатала остатки подвенечного платья и засунула их в мешок.

— У нас есть лошади?

— Во дворе... лошади эльфов, госпожа. Но вряд ли тебе удастся обуздать этих тварей.

А вот этого говорить не следовало.

Лошадь была черной и гораздо крупнее обычной, человеческой лошади. Она покосилась на Маграт красным глазом и попыталась приподняться на задних ногах, чтобы как следует лягнуть ее.

Маграт удалось забраться на скотину только после того, как она привязала все ее копыта к кольцам на крепостной стене, после чего лошадь словно подменили. Как будто ее хорошенько взгрили плеткой — она беспрекословно подчинялась любым командам.

— Это все железо, — сказал Шон.

— Что оно с ними делает? Оно же не раскаленное, не заколдованное...

— Не знаю, госпожа. Они будто бы коченеют. Или вроде того.

— Опусты за мной решетку.

— Госпожа...

— Хочешь попытаться отговорить меня?

— Но...

— Тогда заткнись.

— Но...

— Помню одну народную песенку. Там примерно то же самое случилось, — хмыкнула Маграт. — Королева Фей украла у одной девушки жениха, так вот, девчонка та не стала сидеть и хныкать, а вскочила на лошадь и спасла своего любимого. Я собираюсь сделать то же самое.

Шон попытался улыбнуться.

— Ты собираешься *петь*?

— Я собираюсь драться. У меня есть за что драться. А другие методы, похоже, не действуют.

Шон хотел крикнуть: «Но это не одно и то же! Здесь настоящая битва, настоящая кровь, все со-

всем не так, как поется в народных песнях! В реальной жизни ты умираешь! А в народных песнях главное не забыть заткнуть одно ухо пальцем и помнить, когда вступает хор! В реальной жизни веселый припевчик тебя не спасет!»

Но на самом деле он сказал:

— Только, госпожа, если ты не вернешься...

Маграт повернулась в седле.

— Я вернусь.

Пришпорив вялую лошадь, она вскоре скрылась за подъемным мостом.

— Удачи! — крикнул Шон ей вслед.

После чего опустил решетку и вернулся в центральную башню, где на кухонном столе лежали три заряженных арбалета.

Там же лежала книга по боевым искусствам, специально заказанная королем.

Он раздул огонь, повернул стул так, чтобы сидеть лицом к двери, и нашел в книге часть, где описывался ускоренный курс обучения.

Маграт была ровно на полпути к городской площади, когда действие адреналина закончилось и ее нагнала старая жизнь.

Она окинула взглядом доспехи, лошадь...

«Я совсем чокнулась, — подумала она. — А все это проклятое письмо. Кроме того, я была напугана. Решила показать всем, из чего сделана. И скоро все это узнают. Я сделана из разных трубочек и лиловых, похожих на желе кусков. С теми эльфами мне просто повезло. Кроме того, я действовала не размышляя. А стоит мне задуматься, и все перестанет получаться. Вряд ли мне еще раз так повезет...»

Везение? Удача?

Маграт с тоской вспомнила мешок с амулетами и талисманами, ныне покоящийся на дне реки. На самом деле удачи они ей ни разу не принесли, но, может, именно благодаря этим самым амулетам жизнь ее протекала достаточно ровно и спокойно, тогда как сейчас...

Огней в городе почти не было видно, но многие ставни, несмотря на ночное время, были настежь распахнуты.

Копыта лошади громко стучали по булыжникам. Маграт вглядывалась в тени. Раньше они были обычными тенями, но теперь превратились во врата, ведущие в иные, жуткие миры.

Со стороны Пупа накатывались горы облаков. Маграт поежилась.

Такого она никогда не видела.

Это была настоящая ночь.

Ночь опустилась на Ланкр, странная ночь. Это было не просто отсутствие дня, охраняемое луной и звездами, но продолжение чего-то, что существовало задолго до появления своей противоположности, света. Оно вылезало из-под корней деревьев, из-под камней и кралось по земле.

Мешок с тем, что раньше казалось Маграт обязательными ведьмовскими атрибутами, лежал на дне реки, но Маграт вот уж как десять лет была ведьмой, а потому мигом уловила пропитавший все вокруг ужас.

Люди многое забывают. Но *общества* помнят все — и *рои* помнят, кодируют информацию, чтобы ее пропустили цензоры разума, чтобы она передавалась от бабушки к внуку в виде какой-нибудь

чепухи, которую никто и не пытается забыть. Иногда истина сохраняет себе жизнь самым замысловатым образом, несмотря на все усилия официальных хранителей информации. Как раз сейчас в голове Маграта соединялись древние фрагменты единой картины.

В горах высоких, в долинах глубоких...

От духов, от призраков, от тварей ночных...

Мама-мама не велит...

Странный народец живет...

От тех, что рыщут во тьме крошечной...

С феями в лесу играть...

Маграт сидела на лошади, которой ни капельки не верила, сжимала в руке меч, которым не умела пользоваться, а разная чепуха все лезла и лезла ей в голову, постепенно приобретая смысл.

Они крадут скот и детей...

Пьют молоко...

Любят музыку и воруют музыкантов...

На самом деле они воруют все...

Мы никогда не станем такими же свободными, как они, такими же красивыми, как они, такими же умными, как они, таким же легкими, как они; мы — животные.

Холодный ветер шелестел листьями в растущем неподалеку лесу. В этом лесу всегда было приятно побродить ночью, но сейчас он изменился. У деревьев появились глаза. Ветер будет доносить далекий смех.

Они забирают все.

Маграт заставила лошадь перейти на шаг. В каком-то доме с шумом захлопнулась дверь.

А взамен дают только страх.

На другой стороне улицы громко стучал молоток. Какой-то мужчина что-то прибивал к двери. Увидев Маграт, он в ужасе метнулся в дом.

На двери покачивалась подкова.

Спешившись, Маграт надежно привязала лошадь к дереву. Но на ее стук никто не ответил.

Кто же здесь жил? Ткач Возчик или пекарь Ткач?

— Откройте. Это я, Маграт Чесногк!

Рядом с порогом стояло что-то белое.

Миска со сливками.

Маграт снова подумала о Грибо. Вонючем, ненадежном, злобном и мстительном котяре, который так приятно мурлыкал и каждый вечер получал миску молока.

— Ну же! Открывайте!

Через некоторое время засовы отодвинулись, и в очень узкой щели появился глаз.

— Да?

— Ты ведь пекарь Возчик?

— Нет, я — кровельщик Ткач.

— Тебе известно, кто я?

— Госпожа Чесногк?

— Открывай!

— А ты одна, госпожа?

— Да.

Щель расширилась до размеров Маграт.

В комнате горела одна-единственная свеча. Ткач пятился от Маграт, пока не уперся в стол. Приподнявшись на цыпочки, Маграт заглянула ему за плечо.

Семья Ткача пряталась под столом. На Маграт смотрели четыре пары испуганных глаз.

— Что происходит? — спросила она.

— Э... — сказал Ткач. — Честно говоря, госпожа, не сразу признал тебя... Твоя новая шляпка...

— Я думала, вы показываете Представление! Что случилось? Где все? *Где мой будущий муж?!*

— Э...

Это шлем был во всем виноват, как потом решила Маграт; определенные предметы, например мечи, шляпы волшебников, короны и перстни, способны впитывать основные черты характера своего владельца. Королева Инси за всю свою жизнь, вероятно, не соткала ни одного гобелена, зато вспыхивала быстрее, чем канистра с керосином*. Очевидно, что-то от нее передалось шлему, а потом — Маграт, этакая своего рода королевская кожная болезнь. Но сейчас лучше предоставить действовать Инси.

Она схватила Ткача за воротник.

— Еще раз услышу «э...», лишишься ушей.

— Э... аргх... я имел в виду, это все Дамы и Господа!

— Что, самые настоящие эльфы?

— Госпожа! — Глаза Ткача были полны мольбы. — Их нельзя поминать вслух! Мы слышали, как они шли по улице. Целая толпа. Они украли корову старика Кровельщика и козу Тощаги, а еще сломали дверь...

— А почему ты выставил на улицу миску с молоком?

* Хотя самой маленькой единицей времени во всей множественной вселенной считается так называемая Нью-Йоркская Секунда, определяемая промежутком времени между появлением зеленого сигнала светофора и гудком стоящего позади вас такси.

Рот Ткача несколько раз открылся и закрылся. Наконец кровельщик с трудом выговорил:

— Понимаешь, моя Ева сказала, ее матушка всегда выставляла им миску с молоком, чтобы они были дово...

— Понятно,— ледяным тоном промолвила Маграт.— А король?

— Король, госпожа? — Ткач явно тянул время.

— Король,— повторила Маграт.— Маленького роста, со слезящимися глазами и немного оттопыренными ушами, очень похожими на уши, которых кое-кто скоро лишится.

Пальцы Ткача переплетались, как змеи, над которыми кто-то издевался.

— Ну... ну... ну...

Он увидел выражение лица Маграт и обмяк.

— Мы начали играть пьесу. А я предлагал, давайте, мол, покажем наш танец, ну тот, с палкой и ведром, так нет ведь, решили играть эту пьесу. Честно говоря, все началось совсем неплохо, а потом, а потом, а потом... Вдруг *Они* появились, их были сотни, и все побежали, и кто-то налетел на меня, и я покатился в ручей, а потом раздался страшный шум, и я увидел, как Джейсон Ягг колотит четверых эльфов тем, что попало ему под руку...

— Другим эльфом?

— Да, а потом я нашел Еву и детей, и все бежали со всех ног домой, и появились эти Господа на лошадях, я сам слышал, как они смеялись, и мы наконец добежали до дома, и Ева сказала прибить подкову на дверь, а дальше...

— Но что случилось с королем?

— Не знаю, госпожа. Я видел только, как он смеялся над Кровельщиком в соломенном парике.

— А нянюшка Ягг и матушка Ветровоск? Они-то куда смотрели?

— Не знаю, госпожа. Не помню, чтобы я их видел, но много людей везде бегало...

— И где все это произошло?

— Госпожа?

— Где это произошло? — спросила Маграт, стараясь говорить медленно и отчетливо.

— У Плясунов, госпожа. Ну, у тех старых камней.

Маграт отпустила его.

— О да, — кивнула она. — Только не говорите Маграт. Маграт ничего не должна знать. У Плясунов? Все правильно.

— Мы здесь ни при чем, госпожа! Мы только притворялись!

— Ха!

Она отодвинула засов.

— Ты куда, госпожа? — спросил Ткач, которому никогда не грозило стать призером Вселанкрского Турнира Самых Сообразительных.

— А ты как думаешь?

— Но, госпожа, железо, они не...

Маграт захлопнула дверь, а потом пнула миску так, что сливки расплескались по всей улице.

Джейсон Ягг осторожно полз по мокрым зарослям папоротника. В нескольких футах он увидел чью-то фигуру. Он взвесил в руке камень...

— Джейсон?

— Ткач, ты, что ли?

— Нет, это я, Портной.

— А где остальные?

— Жестянщик и Пекарь только что нашли Плотника. А ты Ткача не видел?

— Нет, но видел Возчика и Кровельщика.

Клубился туман, и дождь барабанил по теплой земле. Семеро пытавшихся выжить танцоров ползли под мокрыми кустами.

— Утром нам всем конец! — простонал Возчик. — Она нас прикончит, как только найдет.

— Все будет в порядке, главное — заручиться помощью железа, — возразил Джейсон.

— Против нее никакое железо не поможет! Она нас так отдубасит!

Возчик от ужаса прижал колени к груди.

— Кто?

— Госпожа Ветровоск!

Кровельщик ткнул его в ребра локтем. Вода с деревьев сплошным потоком лилась им за шиворот.

— Ты совсем рехнулся! Ты же видел, кто у нас тут объявился! Чего беспокоиться о какой-то там старухе, пусть даже ведьме?!

— Нет, она нас точно отдубасит! Скажет, это мы во всем виноваты!

— Надеюсь, ей представится такая возможность, — пробормотал Жестянщик.

— Похоже, мы очутились между молотом и наковальней, — подвел итог Кровельщик.

— Молот и наковальня... — прорыдал Возчик. — О, кузница Джейсона... Если бы мы сейчас были там! А мы совсем не там! Прячемся в каких-то кустах! Скоро нас найдут! Либо они, либо она!

— Я совсем не понимаю, что происходит. Мы показывали Пред...— начал было Плотник.

— Это сейчас совсем не важно,— перебил его Джейсон.— Больше меня интересует другое. Как мы попадем сегодня домой?

— Где нас будет ждать *она*! — проскулил Возчик.

Что-то забренчало в темноте.

— Что это там у тебя? — спросил Джейсон..

— Мешок с реквизитом,— откликнулся Возчик.— Ты же сам сказал, следить за мешком с реквизитом — моя святая обязанность.

— И ты притащил его сюда?

— Ага, ты б меня потом живьем сожрал, если бы я его бросил!

Возчика начала бить крупная дрожь.

— Когда и если мы вернемся домой,— сказал Джейсон,— я поговорю с мамой, чтобы она достала тебе этих новомодных пилюль из сушеных лягушек.

Он подтянул к себе мешок и развязал его.

— Так, что тут у нас? Колокольчики,— начал перебирать он.— И палки. А аккордеон ты зачем тащил?

— Ну, я подумал, вдруг нам захочется показать Танец с Палками и...

— *Никто и никогда* не будет показывать Танец с Палками и...

Откуда-то сверху донесся смех, зашуршал папоротник. Джейсон вдруг почувствовал, что разом стал центром внимания.

— Они там! — воскликнул Возчик.

— А у нас нет никакого оружия,— пробормотал Жестянщик.

Набор тяжелых бронзовых колокольчиков ударил его в грудь.

— Заткнись,— велел Джейсон.— И надевай колокольчики. Возчик?

— Они нас там ждут!

— Последний раз,— сказал Джейсон.— Повторяю, это *последний* раз. А после сегодняшней ночи чтоб никто даже не упоминал при мне о Танце с Палками и Ведром. Понятно?

Ланкрские народные танцоры посмотрели друг на друга. Одежда промокла насквозь и прилипла к телам. В общем, жалкое зрелище.

Возчик, на лице которого слезы ужаса мешались с гримом и каплями дождя, растянул аккордеон. Прозвучал унылый длинный аккорд, которым, согласно традиции, должна начинаться любая народная мелодия, чтобы у случайно оказавшихся рядом людей было время убраться подальше.

Джейсон поднял руку и начал считать пальцы на ней:

— Раз, два...— Он наморщил лоб.— Раз, два, три...

— ...Четыре...— прошипел Жестянщик.

— ...Четыре,— повторил Джейсон.— Танцуем, парни!

Шесть тяжелых ясеневых палок ударились друг о друга.

— ...Раз, два, вперед, раз, назад, *пируэт*...

Медленно, в такт древней ланкрской народной песне «В нашем доме поселился замечательный сосед...», танцоры, прыгая и хлюпая башмаками по грязи, двинулись сквозь ночь...

— ...Два, назад, прыжок...

Стук палок.

— Они смотрят на нас! — задыхаясь, произнес Портной, проскакав мимо Джейсона. — Я их вижу!

— ...Раз... два... Пока играет музыка, они с нами ничего не сделают!.. Назад, два, *пируэт*... Они любят музыку!.. Вперед... прыжок, поворот... один и шесть, вприсядку!.. Прыжок, назад, *пируэт*...

— Они выходят из зарослей! — закричал Плотник, когда палки снова встретились в воздухе.

— Я их вижу... Два, три... Вперед, поворот... Возчик... назад, пируэт... ты сейчас исполняешь двойной... два, назад... ползучий ангус...

— У меня не получится, Джейсон!

— Играй!.. Два, три, *пируэт*...

— Они вокруг нас!

— *Танцуй!*

— Они наблюдают за нами! Они все ближе!

— ...Пируэт, назад... прыжок... Мы почти у дороги...

— Джейсон!

— Помните, когда... три, поворот... мы выиграли кубок у «Охуланских Бродяг»?.. *Пируэт*...

Стучали палки. В ночной воздух взлетали комья земли.

— Джейсон, ты же не собираешься...

— ...Назад, два... *Давай*...

— Возчик уже... раз, два... задыхается...

— ...Два, пируэт...

— Джейсон, аккордеон плавится, — простонал Возчик.

— ...Раз, два, вперед... Вприсядку!

Хрипел аккордеон. Эльфы приближались. Сбоку Джейсон разглядел дюжину ухмыляющихся восхищенных лиц.

— Джейсон!

— ...Раз, два... Возчик — в центр... Раз, два, пируэт...

Семь пар башмаков тяжело опустились на землю...

— Джейсон!

— ...Раз, два... пируэт... Готовы? Раз, два... назад... назад... Раз, два... поворот... УБЕЙ... И назад, раз, два...

Трактир был разрушен полностью. Эльфы выкатили все до единой бочки и унесли все съедобное, хотя с парой застарелых сырных головок пришлось повозиться.

Стол превратился в щепки. Клешни омаров и подсвечники перемешались с загубленной пищей.

Ни единого движения.

Потом кто-то чихнул, на пустую каминную решетку посыпалась сажа, за ней свалилась нянюшка Ягг, следом за которой появился маленький, черный и очень разгневанный Казанунда.

— Ого! — воскликнула нянюшка, окинув взор разнесенный трактир. — Повеселились они тут!

— Почему ты не позволила мне сразиться с ними?!

— Их было слишком много, мой милый кавалер.

Казанунда раздраженно бросил на пол свой меч.

— Стоило нам узнать друг друга поближе, как сюда ворвались пятьдесят эльфов! Проклятье! И такое со мной постоянно.

— Черный цвет очень практичен, — заметила нянюшка, отряхивая платье. — На нем почти не видно сажи. Значит, они таки пролезли. Эсме была права. Интересно, где она шляется? Так. Пошли.

— Куда? — спросил гном.

— Ко мне в хижину.

— А!

— За моим помелом, — твердо сказала нянюшка Ягг. — Я не допущу, чтобы моими детьми правила какая-то там Королева Фей. И нам срочно нужна помощь. Все зашло слишком далеко.

— В горах живут гномы. Насколько мне известно, их там тысячи... — предложил Казанунда, когда они спускались по лестнице.

— Нет, — возразила нянюшка Ягг. — Эсме убьет меня за такое. Но иногда она переоценивает собственные силы, и тогда мне приходится выкручиваться, иначе я же и буду виновата... Но сейчас я думаю о том, кто *действительно* ненавидит королеву.

— Вряд ли кто ненавидит ее сильнее гномов, — заявил Казанунда.

— Ошибаешься, — хмыкнула нянюшка Ягг. — Просто надо знать где искать.

Эльфы побывали и в хижине нянюшки Ягг. Там царил такой же разгром, как и везде.

— Все, что нельзя утащить, они ломают, — промолвила нянюшка Ягг.

Она пнула кучу обломков носком башмака. Зазвенело стекло.

— Эту вазу подарила мне Эсме, — сообщила она бесчувственному миру. — Впрочем, она никогда мне не нравилась.

— Но почему? Зачем? — озираясь по сторонам, спросил Казанунда.

— Они с радостью разнесли бы весь мир, лишь бы шума было побольше, — пояснила нянюшка.

Выйдя на улицу, она пошарила под низким навесом соломенной крыши и, что-то триумфально проворчав, извлекла помело.

— Всегда прячу его сюда, — хмыкнула она. — Внуки у меня — шустрые дьяволята, тащат все, что плохо лежит. Так, ты сядешь сзади, хотя, должна заметить, я от этого не в восторге.

Казанунда поежился. Гномы боятся высоты — вероятно потому, что им редко предоставляется возможность к ней привыкнуть.

Нянюшка почесала шершавый, как наждачная бумага, подбородок.

— И нам понадобится лом, — сказала она. — Заглянем в кузницу Джейсона. Эй, кавалер, залазь.

— Чего-чего, а такого я не ожидал, — пожаловался Казанунда, с закрытыми глазами нащупывая помело. — Сначала — шикарный ужин, а потом мы остались бы наедине и...

— Мы сейчас и так наедине.

— Да, но я никак не думал, что это будет связано с помелом.

Помело медленно оторвалось от земли. Казанунда отчаянно вцепился в прутья.

— И куда мы летим? — спросил он слабым голосом.

— В горы. Есть одно местечко... — ответила нянюшка. — Не была там лет сто. Эсме предпочитает обходить его стороной, а Маграт слишком молода, чтобы знать о нем. Но когда я была девушкой... Девушки частенько хаживали туда, если хотели... О, проклятье...

— Что?

— Кажется, на фоне луны кто-то пролетел. Но не Эсме, это точно.

Казанунда попытался оглянуться по сторонам, не открывая глаз.

— Эльфы летать не умеют, — пробормотал он.

— Это ты так думаешь, — возразила нянюшка. — Они летают на стеблях тысячеглистника.

— Тысячеглистника?

— Ага. Я тоже попробовала однажды. Подъемная сила есть, но они так путаются в платье... Я предпочитаю старый добрый пучок прутьев и палку. Кстати. — Она толкнула Казанунду локтем. — Ты должен чувствовать себя как дома. Маграт говорит, помело — это одна из сексуальных метафор*.

Казанунда открыл один глаз и успел заметить проплывшую внизу крышу. Его резко замутило.

— Разница только в том, что помело дольше остается в летучем состоянии. К тому же его можно использовать для уборки, чего не скажешь о... Эй, ты там как?

— Честно говоря, неважно.

— Просто пытаюсь поднять тебе настроение.

* Что, конечно, полная хересь.

— Не имею ничего против «настроения», но, может, обойдемся без «поднять»?

— Мы скоро уже приземлимся.

— А вот *это* мне нравится.

Башмаки нянюшки Ягт коснулись плотно утрамбованной земли во дворе кузницы.

— Чары выключать не буду, — сказала она. — Вернусь через минуту.

Не обращая внимания на отчаянные Казанундины призывы о помощи, она соскочила с помела и скрылась в кузнице через черный ход.

По крайней мере, сюда эльфы не забрались. Слишком много железа. Она схватила с верстака лом и поспешила обратно на улицу.

— На, держи, — сказала она Казанунде. И задумалась. — Удачи много не бывает, верно?

Она снова убежала в кузницу, но на этот раз вернулась значительно быстрее, пряча что-то в карман.

— Ты готов? — спросила она.

— Нет.

— Тогда полетели. И смотри по сторонам. Открытыми глазами.

— Что, ожидаются эльфы? — уточнил Казанунда, когда помело взмыло в ночное, озаренное лунным светом небо.

— Возможно. Эсме я не видела, а кроме нас здесь летает только банши, господин Иксолит, а он никогда не забывает подсунуть под дверь записку с указанием своего маршрута. Для упорядочивания воздушного движения, понимаешь?

Большая часть города была окутана тьмой. Лунный свет покрыл землю черно-серебристым

шахматным узором. Через некоторое время Казанунда почувствовал себя лучше. Движение помела было в некотором роде успокаивающим.

— Ты, наверное, возила много пассажиров? — поинтересовался он.

— Время от времени, — туманно ответила нянюшка.

Казанунда, казалось, о чем-то задумался, а потом спросил тоном, свидетельствующим о строго научном интересе:

— Скажи, а никто не пытался заняться прямо на помеле...

— Нет, — перебила его нянюшка Ягг. — Обязательно свалишься.

— Но ты же не знаешь, о чем я собирался спросить.

— Поспорим на полдоллара?

Пару минут они летели в полной тишине, потом Казанунда похлопал нянюшку по плечу.

— Эльфы на три часа от нас!

— Да? Тогда все в порядке. Столько времени, мы успеем удрать.

— Я имею в виду, вон они!

Нянюшка покосилась на звезды. Что-то лохматое двигалось в ночи.

— Проклятье!

— Мы не сможем их обогнать?

— Нет. Они способны за сорок минут опоясать весь мир.

— Зачем? Глупость какая, у него же нет штанов, — удивился Казанунда, который сейчас не отказался бы от пригоршни пилюль из сушеных лягушек.

— Я хотела сказать, что летают они очень быстро. Мы не сможем уйти от них, даже если сбросим лишний вес.

— По-моему, я его уже сбрасываю... — пробормотал Казанунда, когда помело круто спикировало к деревьям.

Листья касались башмаков нянюшки Ягг. Луна на мгновение осветила чьи-то светлые волосы слева.

— Черт, черт, *черт!*

Три эльфа держались рядом с помелом. Любимое развлечение эльфов — они не прекращают погони, пока ты не упадешь, пока твоя кровь не застынет от ужаса. С другой стороны, если гномы вдруг возжелают твоей смерти, они просто при первом же удобном случае разрубят тебя на части топором. А все потому, что гномы гораздо добрее эльфов.

— Нас догоняют! — воскликнул Казанунда.

— Лом не потерял?

— Нет!

— Хорошо...

Помело выписывало зигзаги над безмолвным лесом. Один из эльфов обнажил свой меч и замахнулся. Выбить жертву из седла, а потом позабавиться с ней вдоволь, пока она еще жива...

Помело резко дало задний ход. Голова и ноги нянюшки Ягг ушли вперед, так что теперь она частично сидела на собственных руках, а частично — на пустоте. Эльф со смехом спикировал к ней...

Казанунда взмахнул ломом.

Раздался звук, очень похожий на «баммммм».

Помело рванулось вперед, и нянюшка оказалась на коленях у Казанунды.

— Извини.

— Не стоит. Можешь повторить, если хочешь.

— Ты его достал?

— Вышиб из него дух.

— Хорошо. А где остальные?

— Я их не вижу.

Казанунда улыбался как сумасшедший.

— Мы им показали, правда?

Что-то просвистело в воздухе и воткнулось в шляпу нянюшки Ягг.

— Теперь они знают, что у нас есть железо, — сказала нянюшка. — Приближаться не станут. Да этого и не требуется, — добавила она с горечью в голосе.

Помело обогнуло дерево, оставило след на папоротнике и выровнялось над заросшей тропинкой.

— Нас больше не преследуют, — сообщил Казанунда. — Мы их, наверное, напугали.

— Не мы. Они боятся близко подходить к Верзиле. Не их территория. Ты посмотри, во что превратилась тропинка. На ней уже выросли *деревья*. А когда я была девушкой, на ней и травинки нельзя было увидеть. — Она улыбнулась, вспомнив что-то. — Летом Верзила был крайне популярным местом.

Сам лес тоже изменился. Он был старым даже по стандартам Ланкра. С уродливых нижних ветвей свисали моховые бороды. Под ногами летевших между деревьев ведьмы и гнома шелестели древние листья. Что-то слышало их приближе-

ние и предпочло скрыться в густых зарослях. Судя по звуку, это что-то было с рогами.

Нянюшка заставила помело плавно остановиться.

— Здесь, — сказала нянюшка, отодвинув лист папоротника. — Вот он, Верзила.

Казанунда выглянул из-под ее локтя.

— И все? Это же всего лишь старый могильный холм.

— Три могильных холма, — поправила его нянюшка.

Казанунда внимательно оглядел окрестности.

— Ага, — кивнул он, — теперь понял. Два круглых и один вытянутый. Ну и что?

— Впервые я увидела их сверху, — сказала нянюшка. — Чуть с помела не свалилась от смеха.

Возникла пауза, в течение которой Казанунда пытался обдумать ситуацию.

— Чтоб мне провалиться! — наконец воскликнул он. — Я-то думал, эти типы, что возятся с могильными холмами и прочими земляными работами, — серьезные друиды, а не... В общем, никак не мог себе представить, что на самом деле они выкладывают всякие похабные картинки, место которым... в отхожем месте, извини за каламбур.

— Похоже, ты не сильно шокирован?

Она готова была поклясться, что под париком гном покраснел.

— Ну, есть еще такая вещь, как *стиль*, — пожал плечами Казанунда. — Утонченность, наконец. Нельзя же просто орать во всеуслышание: «Эй, смотрите, какая большая и толстая у меня колотушка!»

— Тут все немножко сложнее, — возразила нянюшка, пробираясь сквозь кусты. — Здесь сама местность, как ты выразился, орет. Вообще, по моему, колотушка — это гномье словечко?

— Ага.

— Очень точное.

Казанунда попытался выпутаться из очередного куста шиповника.

— Эсме сюда никогда не приходила, — раздался где-то впереди голос нянюшки. — Говорила, мол, хватит с нее всяких народных песенок и майских деревьев, мол, целый непристойный пейзаж — это уж слишком. Конечно, — продолжала она, — изначально это место не предназначалось для женщин. Моя прапрабабка рассказывала, что в давние-давние времена мужчины приходили сюда совершать свои странные ритуалы, которых ни одна женщина никогда не видела.

— Разумеется, кроме твоей прабабки, прятавшейся в кустах, — добавил Казанунда.

Нянюшка даже остановилась.

— А ты откуда об этом знаешь?

— Ну, можно сказать, у меня развилось некоторое понимание сущности женщин из рода Ягг, — объяснил гном.

Колючки уже разодрали весь его парадный камзол.

— Она говорила, они тут строили парилки, воняли, как подмышки кузнецов, глотали укипаловку, плясали вокруг костров, нацепив рога, и мочились на деревья, — поделилась впечатлениями нянюшка. — А еще она сказала, что на самом деле это выглядело немного по-бабьи. Но лично я всегда считала, что мужчина — это всегда мужчина,

даже если ведет себя по-бабьи. А что случилось с твоим париком?

— Видимо, остался где-то на дереве.

— Лом не потерял?

— Ни в коем разе.

— Тогда приступим.

Они подошли к подножию длинного холма. Арка из трех неровных камней служила входом в неглубокую пещеру. Нянюшка пригнулась и шагнула в затхлую, пахнущую аммиаком темноту.

— Пожалуй, дальше не пойдем. Хватит, — сказала она. — Спички есть?

Серное пламя осветило плоский камень с грубым рисунком. Охра надежно въелась в глубокие царапины. Картина являла миру пучеглазого мужика с рогами и в звериных шкурах.

Из-за мерцающего света спички создавалось впечатление, будто фигурка танцует.

Под изображением была накарябана руническая надпись.

— А что здесь написано? Кто-нибудь пытался ее перевести? — спросил Казанунда.

— Это разновидность яггского языка, — ответила нянюшка. — Говоря по существу, она означает: «У меня большая и толстая колотушка».

— Яггского? — уточнил гном.

— Моя семья очень давно живет в этой местности, — пояснила нянюшка.

— Благодаря знакомству с тобой, госпожа Ягг, я столько всего узнал, — покачал головой Казанунда.

— Все так говорят. Воткни лом в щель рядом с камнем. Всю жизнь искала предлог, чтобы спуститься туда.

— А что там такое?

— Вход в Ланкрские пещеры. Как я слышала, они тянутся во все стороны. Даже до самой Медной горы. Говорят, есть вход из замка, но его я найти не смогла. В основном эти пещеры ведут в мир эльфов.

— А я думал, вход в мир эльфов находится у Плясунов.

— Это *другой* мир эльфов.

— Что, есть несколько миров?

— Об этом эльфы предпочитают не распространяться.

— И ты хочешь проникнуть туда?

— Да.

— И *найти* там эльфов?

— Именно. Ты собираешься торчать здесь всю ночь или все-таки отодвинешь ломом камень? — Она пихнула его локтем. — Знаешь, там, внизу, есть *золото*.

— Ага, большое тебе спасибо, — язвительно произнес Казанунда. — Вот он, видизм в чистом виде. Только потому, что я... вертикально ушибен, ты пытаешься убедить меня с помощью золота. Считаешь, что гном — это ходячая жадность? Ха! Ты жестоко ошибаешься.

Нянюшка вздохнула.

— Ну хорошо, — промолвила она. — Тогда знаешь, что я тебе скажу... Когда мы вернемся домой, я испеку тебе настоящий гномий пирог.

Лицо Казанунды расплылось в широкой улыбке.

— Настоящий-пренастоящий гномий пирог? — переспросил он недоверчиво.

— Вот именно. Кажется, у меня сохранился рецепт; кроме того, я уже несколько недель не выносила кошачий ящик*.

— Ну ладно, ладно, уговорила...

Казанунда загнал конец лома под камень и налег что было гномьих сил. Посопротивлявшись буквально секунду, камень откатился в сторону.

Вниз вели ступени, густо покрытые землей и старыми корнями.

Нянюшка решительно начала спускаться по лестнице, даже не обернувшись, и только потом поняла, что гном за ней не пошел.

— В чем дело?

— Знаешь ли, мне никогда не нравились темные и замкнутые пространства.

— Что? Но ты же *гном*.

— Да, меня угораздило родиться гномом. Но, честно говоря, я нервничаю даже в обычном шкафу. А это большой недостаток, учитывая род моих занятий.

— Не глупи. Я же не боюсь.

— Ты — это не я.

— Знаешь что... Я положу в хлеб побольше гравия.

* Существует множество рецептов приготовления ланкрского плоского круглого гномьего пирога, но главной целью тут является получение полевого рациона, который долго не портится, легко упаковывается и способен пробить голову неприятелю, если этот рацион достаточно сильно бросить. Съедобность считается дополнительным, совсем не обязательным свойством. Секрет всех рецептов охраняется очень строго, известен лишь самый расхожий и популярный ингредиент — гравий.

— Ах, госпожа Ягг, ты просто искушительница...

— Ихвати факелы.

В пещерах было сухо и тепло. Казанунда семенил за нянюшкой, стараясь не выходить из круга света.

— А ты уже бывала здесь?

— Нет, но я знаю дорогу.

Однако вскоре Казанунда вполне освоился. В пещере лучше, чем в шкафу. Во-первых, под ноги не попадают все время чужие башмаки, а во-вторых, не слишком велика вероятность того, что вдруг появится размахивающий мечом муж.

На самом деле он даже почувствовал себя счастливым.

В голове его непроизвольно начали возникать слова, которые, вероятно, хранились в каком-нибудь заднем кармане генов:

— Хай-хо, хай-хо...

Нянюшка Ягг усмехнулась под нос.

Тоннель привел в подземную пещеру. Факел высвечивал намеки на находящиеся где-то далеко стены.

— Здесь? — спросил Казанунда, сжимая в руках лом.

— Нет, это какое-то другое место. Мы... нам о нем известно. Это поистине мифическое место.

— То есть не настоящее?

— Почему? Настоящее. И в то же время мифическое.

Факел ярко вспыхнул. Сотни плит, густо покрытых пылью, были разложены на полу пещеры, а в самом центре каменной спирали на канате, уходящем в темноту потолка, висел огромный ко-

локол. Под колоколом лежала стопка серебряных монет, рядом — стопка золотых.

— Только не трогай деньги, — предупредила нянюшка. — Смотри, хороший фокус, мне о нем отец рассказывал.

Она вытянула руку и легонько тронула колокол. Раздался мелодичный звон.

Пыль посыпалась с лежавшей рядом плиты. То, что Казанунда считал изваянием, вдруг, закрипев, село. Это был вооруженный воин. Если он смог сесть, значит, определенно был живым, но воин выглядел так, словно перешел из жизни в состояние окоченения, минуя фазу смерти.

Он обратил взгляд глубоко посаженных глаз на нянюшку Ягг.

— Что, неужто настала наконец година проклятая?

— Нет, еще нет.

— Тогда доколе вы, смерды, трезвонить будете да добрых молодцев будить? И двухсот годков не минуло, глаза едва-едва сомкнул, так нет, какому-нибудь псу смердящему обязательно в колокол позвонить надо. Уйди, старуха, не мешай спать.

Воин лег.

— Это какой-то древний король и его воины, — прошептала нянюшка, уводя Казанунду прочь. — Спят волшебным сном, во всяком случае так мне рассказывали. Один волшебник давным-давно заколдовал их. А проснуться они должны для решающей битвы, когда волк съест солнце.

— Эти волшебники, они совсем чокнутые. Одни боги знают, что они там курят, — покачал головой Казанунда.

— Ну да. Здесь направо. Всегда поворачивай направо.

— Мы что, по кругу ходим?

— По спирали. Сейчас мы точно под Верзилой.

— Этого быть не может, — усомнился Казанунда. — Мы спустились в дыру под Верзилой и... Погоди, погоди... Ты имеешь в виду, что мы находимся в том месте, с которого начали, только оно стало другим?

— Вижу, до тебя начинает доходить.

И они пошли дальше по спирали.

Которая наконец привела их к своего рода двери.

Воздух здесь был горячим. Боковые проходы излучали красное свечение.

У каменной стены стояли два массивных камня, на них был положен еще один. Зверинные шкуры закрывали устроенный таким образом портал, а из-за них вырывались клубы пара.

— Их установили одновременно с Плясунами, — объяснила нянюшка. — Только отверстие здесь вертикальное, поэтому и понадобилось только три камня. Так, лом можешь оставить здесь. И сними башмаки, если в них есть гвозди.

— Эти сапоги были шиты лучшим сапожником Аяк-Морпорка, — гордо заявил Казанунда. — И когда-нибудь я обязательно заплачу ему.

Нянюшка отодвинула шкуры.

Клубы пара окутали гнома и ведьму.

Внутри была темнота, густая, горячая, как патока, — и вонючая, как старая, мокрая лисья шкура. Шагая за нянюшкой след в след, Казанунда видел в вонючем воздухе незримые фигуры, слы-

шал тишину, которая возникает обычно, когда какой-то разговор внезапно прерывается. Однажды он вроде разглядел большую миску с раскаленными докрасна камнями, но потом призрачная рука опрокинула на них черпак, и все скрылось за клубами пара.

«Не может это быть Верзила, — сказал себе Казанунда. — Он ведь сплошь из земли, а это — шатер из шкур».

Либо одно, либо другое — но вместе?..

Он почувствовал, что с него градом льет пот.

Пар немного рассеялся, и показался свет двух факелов — не более чем красные пятна в темноте. Но и его было достаточно, чтобы осветить огромную фигуру, лежащую рядом с очередной миской с раскаленными камнями.

Фигура подняла голову. Оленьи рога пронзили влажный, липкий воздух.

— А, госпожа Ягг...

Голос был приторным, будто шоколад.

— Ваша светлость.

— Полагаю, не стоит даже просить, чтобы ты опустилась на колени?

— Не стоит, ваша честь, — нянюшка улыбнулась.

— Знаешь, госпожа Ягг, а ты умеешь проявлять уважение к своему богу. Любой атеист обзавидует.

Темная фигура зевнула.

— Спасибо, ваша милость.

— И никто для меня не танцует. Неужели так трудно?

— Как скажешь, ваша светлость.

— Вы, ведьмы, больше не верите в меня.

— И снова ты прав, ваша рогатость.

— Но скажи мне, маленькая госпожа Ягг, вот ты попала сюда — и неужели надеешься отсюда выбраться?

— Конечно. Ведь у меня есть железо.— Голос нянюшки вдруг стал резким.

— Но откуда, госпожа Ягг? Железо не может проникнуть в мое царство.

— Мое железо проникнет куда угодно.

Нянюшка вытащила руку из кармана фартука и подняла вверх подкову.

Казанунда услышал шарканье чьих-то ног — невидимые эльфы, отталкивая друг друга, ринулись прочь. Зашипел пар — опять кто-то перевернул жаровню с раскаленными камнями.

— Убери!

— Вот уйду и уберу,— огрызнулась нянюшка.— А теперь слушай меня.— Она снова заявила. И беспокоит нас. Вмешайся. Ты должен. Мы не допустим повторения Древней Напасти.

— Я должен? С чего бы это?

— Значит, ты хочешь, чтобы она снова обрела былое могущество?

Фигура фыркнула.

— Вы никогда не будете править миром,— сказала нянюшка.— Слишком много музыки. И слишком много железа.

— Железо ржавеет.

— Но не в головах.

Король фыркнул.

— Тем не менее... даже оно... в один прекрасный день...

— В один прекрасный день,— повторила нянюшка и кивнула.— Ага. Я выпью за это. В один прекрасный день. Кто знает? Может, когда-нибудь, в один 'прекрасный день... Все на это надеются. Но сегодня — не твой день. Понимаешь? Так что выходи и восстанови равновесие. В противном случае я вот что сделаю. Я сделаю так, чтобы люди раскопали Верзилу железными лопатами. И они меня послушаются, они скажут, почему бы и нет, это ведь обычный курган, а потом всякие волшебники на пенсии да жрецы, которым больше делать нечего, будут ковыряться в этих земляных кучах и писать скучные книги о традициях погребения. Это станет еще одним железным гвоздем в твой гроб. Хотя, честно говоря, мне тебя немножко жаль. Но у меня есть дети, и сейчас они живут нормальной жизнью: не прячутся под лестницей при каждом ударе грома, не выставляют на улицу молоко для эльфов и не торопятся домой, потому что приближается ночь. Поэтому, прежде чем все вернется к старому, я лично позабочусь о том, *чтобы тебе рога посшибали.*

Слова рассекали воздух.

Рогатый поднялся. А потом еще больше поднялся. Его рога коснулись потолка.

Казанунда открыл от удивления рот.

— Итак, ты меня понял? — спросила нянюшка уже несколько поспокойнее.— Сегодня просто не твой день. Когда-нибудь — быть может. Так что сиди здесь и потей себе, ожидая свое Однажды.

— Я... приму решение.

— Очень хорошо. Ну, мы пошли.

Рогатый посмотрел на Казанунду.

— А ты чего уставился, гном?

Нянюшка Ягг толкнула Казанунду локтем:

— Отвечай же, не заставляй почтенного господина ждать.

Казанунда судорожно сглотнул:

— Чтоб мне провалиться! А ты совсем не такой, как на картинках.

В нескольких милях от Верзилы, в узкой маленькой лощине, отряд эльфов наткнулся на кроличью норку. Она и муравейник неподалеку весьма развлекли их.

Даже у кротких, слепых и немых есть боги.

Кышбо Гонимый, бог всех преследуемых, полз по кустам и проклинал все на свете. Почему у богов не может быть своих богов?

Эльфы сидели на корточках, к нему спиной, и что-то увлеченно рассматривали.

Кышбо Гонимый заполз под куст ежевики, напрыгся и прыгнул.

Он сжимал зубы на лодыжке эльфа, пока они не соединились. Эльф завопил и вскочил на ноги.

Кышбо разжал зубы, упал на землю и бросился наутек.

В этом и заключалась его проблема. Он не был создан для борьбы, в нем не было ни унции от хищника. Единственный выход — молниеносная атака и не менее молниеносное бегство.

Но эльфы тоже умеют быстро бегать.

Он перепрыгивал через стволы, отчаянно скользил по кучам листьев, в глазах у него все помутилось, и тем не менее он понимал: эльфы догоняют его, обгоняют, ждут, когда он...

Листья взорвались. Мелкий бог едва успел заметить полную ненависти жуткую зубастую тварь с множеством рук. А потом он увидел двоих взъерошенных людей, один из которых размахивал над головой какой-то железякой.

Кышбо не стал смотреть, что будет дальше. Он проскользнул у твари между ног и помчался дальше, но боевой клич еще долго звучал в его длинных, обвислых ушах:

— Ну конечно, я займусь твоим прыщом! Как мы желаем? Объемом!

Нянюшка Ягг и Казанунда молча прошли к выходу из пещеры и поднялись по ступеням. Наконец они вынырнули на поверхность.

— Ух ты! — выразил свое отношение гном.

— Ага, утечки чувствуются даже здесь, — согласилась нянюшка. — Слишком уж жуткое место.

— Нет, я имел в виду, о боги...

— Он умнее ее. Или денивей, — сказала нянюшка. — Он предпочтет ждать.

— Но он...

— Для нас они могут выглядеть как угодно, — объяснила нянюшка. — Мы видим ту форму, которую сами им придали.

Она опустила камень на место и отряхнула руки.

— Но с чего ему останавливать ее?

— Ну, в конце концов, он ее муж. И терпеть ее не может. Можно назвать это гражданским браком.

— Но чего именно он будет ждать? — спросил Казанунда, высматривая, нет ли поблизости еще эльфов.

— Ну, понимаешь, — нянюшка небрежно махнула рукой, — он считает, что все это преходяще. Железо, книги и часы, вселенные и все прочее. Настанет день, когда все это закончится, люди посмотрят на закат и увидят *его*.

Казанунда вдруг обнаружил, что и сам смотрит на закат за курганом. Огромная воображаемая фигура вставала на фоне пламенеющего неба.

— Настанет день, и он вернется, — тихо произнесла нянюшка. — Когда заржавеет даже железо в головах.

Казанунда прищурился. Он всю свою жизнь провел среди представителей разных видов и, разумеется, научился понимать язык тела, особенно выделенный таким крупным шрифтом.

— И, похоже, ты об этом сожалеть не будешь, — сказал он.

— Я? Я не хочу, чтобы они вернулись! Они — не заслуживающие доверия, жестокие и высокомерные паразиты, и нам они совершенно не нужны.

— Пospорим на полдоллара?

Нянюшка вдруг разволновалась.

— И не смотри на меня так! Эсме права. Конечно, она права. Эльфы нам больше не нужны. Каждый нормальный человек это понимает.

— Эсме — это такая маленькая, да?

— Ха! Нет. Эсме — это такая высокая, с носом. Ты ее знаешь.

— Да, верно.

— А маленькая — это Маграт. Добрая в душе и немножко мягкотелая. Вплетает цветочки в волосы и верит песням. Кто-кто, а она моментально пустилась бы с эльфами в пляс.

Жизнь Маграт наполнилась сомнениями. Возьмем, допустим, арбалет. Очень полезное и практичное оружие, в руках даже неопытного человека — быстрое, удобное и поразительно смертоносное, этакая быстродействующая версия обеда из замороженных продуктов. Но сконструирован арбалет для одноразового использования, после чего нужно прятаться где-нибудь и срочно его перезаряжать. Иначе арбалет превратится в обыкновенный кусок дерева и металла с тетивой.

А еще есть меч. Несмотря на опасения Шона, Маграт теоретически знала, что нужно делать с мечом. Энергичным движением руки ты должен попытаться воткнуть его во врага, а враг должен попытаться не дать тебе это сделать. Правда, Маграт была несколько не уверена по поводу того, что происходит после, и надеялась, что в случае неудачи предоставляется вторая попытка.

Были сомнения и насчет доспехов. С шлемом и нагрудником все было понятно, но остальное состояло из кольчуги. Что же касается Шона, то лично он всегда считал, что, с точки зрения стрелы, кольчуга представляет собой не более чем свободно соединенные дырки.

Ярость никуда не делась, Маграт все еще находилось во власти праведного гнева. Однако она не могла не учитывать тот факт, что охваченное яростью сердце окружала сама Маграт — извест-

ная старая дева, каковой скорее всего ей и предстояло остаться.

В городе самих эльфов видно не было, зато было видно, где они побывали. Двери, сорванные с петель... Все выглядело так, будто город подвергся нашествию Чингиз-Коэна*.

Она выехала на дорогу, ведущую к камням. Дорога стала заметно шире. Лошади и повозки распахали ее на пути туда, а убежавшие в страхе люди превратили ее в болото на пути обратно.

Маграт знала, что за ней следят, и почувствовала почти облегчение, когда из-за деревьев на дорогу вышли три эльфа.

Один из них, стоявший в центре, улыбнулся.

— Добрый вечер, девушка, — сказал он. — Меня зовут господин Ланкин, и, прежде чем обратиться ко мне, ты обязана сделать реверанс.

Эльф говорил так, что не подчиниться ему было невозможно. Маграт почувствовала, как напряглись, чтобы выполнить приказ эльфа, ее мышцы.

Но королева Инси не подчинилась бы...

— Мы почти стали королевой, — заявила она.

Впервые в жизни она смотрела эльфу в лицо. Наконец-то ей представилась возможность увидеть вблизи настоящего эльфа. У Ланкина были высокие скулы и волосы, завязанные на затылке хвостиком, а одет он был в разномастные обрывки тряпок, кружев и меха, явно полагая, что на эльфе все выглядит элегантно.

Ланкин сморщил свой идеальный носик.

* В связи с этим даже возникло особое понятие — «оптовое разрушение».

— В Ланкре есть только одна королева,— заявил он.— И ты совершенно очевидно ей не являешься.

Маграт попыталась сосредоточиться.

— И где же она?

Два других эльфа подняли луки.

— Ты ищешь королеву? Мы приведем тебя к ней,— пообещал Ланкин.— Кстати, юная девушка, если ты почувствуешь вдруг желание применить этот мерзкий железный арбалет, тебе будет полезно узнать, что за деревьями спрятались лучники.

И действительно, с одной стороны дороги слышалась какая-то возня, но закончилась она глухим ударом. Эльфы выглядели несколько обескураженными.

— Прочь с дороги,— велела Маграт.

— По-моему, ты неправильно оцениваешь ситуацию...— начал было эльф.

Улыбка его стала еще шире, но тут с другой стороны дороги донесся громкий треск ветвей, и его насмешливая гримаска слегка поблекла.

— Мы чувствовали, что ты поедешь по этой дороге,— продолжал эльф.— Храбрая девушка спешит на выручку своему жениху! Как романтично! Взять ее!

Какая-то тень возникла за спинами двух вооруженных эльфов, схватила их за головы и с силой ударила друг о друга.

Потом тень переступила через их тела и, широко размахнувшись, врезала Ланкину кулаком по голове так, что эльф отлетел к дереву.

Маграт вытащила из ножен меч.

Чем бы ни было это существо, выглядело оно куда страшнее эльфов — грязное, косматое, телосложением своим напоминающее тролля. Существо вытянуло показавшуюся Маграт бесконечной руку и схватило уздечку лошади. Маграт подняла меч...

— У-ук?

— Госпожа, пожалуйста, опусти меч!

Голос прозвучал где-то за спиной, но был взволнованным и явно человеческим. Эльфы не умеют говорить взволнованно.

— А ты кто такой? — спросила Маграт, не обращившись.

Чудовище, стоявшее перед ней, широко улыбнулось, обнажив огромные желтые зубы.

— Гм, я — Думминг Тупс. Волшебник. И он — тоже волшебник.

— Но он же совсем без одежды!

— Могу попросить его принять ванну. — Голос Думминга обрел несколько истерические нотки. — После ванны он всегда надевает зеленый халат.

Маграт немного успокоилась. Человек, говорящий таким голосом, не может представлять угрозу, кроме как для себя самого.

— И на чьей ты стороне, а, господин Волшебник?

— А сколько есть сторон?

— У-ук?

— Если я слезу, — сказала Маграт, — эта лошадь сразу попытается убежать. Не мог бы ты попросить своего... друга отпустить уздечку? Иначе он может пострадать.

— У-ук?

— Гм, а возможно, и нет.

Маграт соскользнула с лошади, которая, освободившись от власти железа, словно бешеная рванулась вперед. И пробежала примерно два ярда.

— У-ук.

Лошадь пыталась встать на ноги.

Маграт прищурилась.

— Гм. Сейчас он несколько раздражен, — пояснил Думминг. — Один из... эльфов... пустил в него стрелу.

— Они делают это, чтобы управлять людьми.

— Но он — не человек.

— У-ук!

— По крайней мере, с генетической точки зрения.

Маграт приходилось встречаться с волшебниками. Периодически какой-нибудь волшебник заявлялся в Ланкр, но надолго никто не задерживался. Всех заставляло двигаться дальше присутствие матушки Ветровоск.

Те волшебники не были похожи на Думминга Тупса. Он потерял свою мантию, а от шляпы остались только поля. Лицо его было заляпано грязью, и под одним глазом красовался многоцветный синяк.

— Это *они* сделали? — спросила Маграт.

— Ну, грязь и разорванная одежда — это все лес, как понимаешь. Ну а кроме того, на нас нападали...

— У-ук.

— ...Мы нападали на эльфов. Несколько раз. А вот это возникло после того, как библиотекарь меня ударил.

— У-ук.

— За что спасибо ему большое, — быстро добавил Думминг. — Вырубил меня полностью. Иначе со мной случилось бы то же самое, что и с остальными.

Маграт уже чувствовала, куда клонится беседа.

— Что с остальными? — резко спросила она.

— Ты одна?

— Что с остальными?

— Ты хоть немножко понимаешь, что происходит?

— Могу рискнуть высказать предположение.

Думминг покачал головой:

— Все гораздо хуже.

— Что с остальными? — раздраженно повторила Маграт.

— Насколько могу судить, между континуумами определенно возник прорыв, который сопровождался чудовищным дисбалансом на энергетических уровнях.

— Но что с остальными?

Думминг Тупс боязливо оглянулся по сторонам..

— Давай-ка уйдем с дороги. По округе столько эльфов шастает...

Думминг исчез в кустах. Маграт последовала за ним и скоро увидела второго волшебника, прислоненного к стволу дерева на манер стремянки. На лице его сияла широкая улыбка.

— Это казначей, — представил Думминг. — Кажется, мы слегка перекормили его пилюлями из сушеных лягушек. — Он повысил голос. — Как... дела... казначей?

— Пожалуй, я отведаю жареного дурностоя, — ответил казначей, счастливо улыбаясь пустоте.

— А почему он вдруг стал таким жестким? — спросила Маграт.

— Наверное, какое-то побочное действие.

— И ты ничего не можешь с этим сделать?

— Да? А по чему мы будем переходить через ручьи?

— Эй, пекарь, зайди завтра, и мы возьмем поджаристую, с корочкой! — воскликнул казначей.

— Кроме того, по-моему, он вполне счастлив, — кивнул Думминг. — А ты, госпожа, случаем не воительница?

— Что?

— Ну, я имею в виду эти доспехи и все остальное...

Маграт опустила взгляд. Она все еще в руке сжимала меч. Шлем постоянно падал на глаза, хотя она напихала в него обрывков подвенечного платья.

— Я... э... да. Да, ты абсолютно прав. Это именно я. Абсолютно точно. Да.

— Приехала на свадьбу, должно быть? Как и мы.

— Именно. Определенно на свадьбу. Все верно. — Она перехватила меч. — А теперь расскажи наконец, что произошло. И особое внимание удели тому, что произошло с остальными.

— Ну... — Думминг рассеяно поднял обрывок мантии и принялся вертеть его в руках. — Мы все отправились смотреть Представление, понимаешь? Пьесу, назовем это так. Игру актеров. И... и все было очень смешно. Мужланы в огромных сапогах и соломенных париках топали по сцене, изображая из себя дам и господ, но ни черта у них не получалось. Было очень смешно. Казначей

просто умирал со смеху. Правда, он иногда и над деревом может поохотать, и над камнем каким. Тем не менее все веселились. А потом... потом...

— Я хочу знать *все*, — перебила Маграт.

— Ну... ну... А потом случилось что-то, чего я не помню. Что-то, имеющее отношение к игре, как мне кажется. Вдруг... вдруг все стало настоящим. Понимаешь, что я имею в виду?

— Нет.

— Один парень с красным носом и кривыми ногами играл Королеву Фей или еще кого-то вроде, так вот, он по-прежнему был самим собой, но... все стало... все вокруг меня просто исчезло, остались только эти актеры... и холм... ну, то есть, вероятно, они были хорошими актерами, потому что я и вправду верил... а еще, кажется, я помню, кто-то попросил нас хлопать в ладоши... и все выглядели странно, а затем зазвучала песня, она была прекрасной... и... и...

— У-ук.

— А потом библиотекарь меня ударил, — закончил Думминг.

— Почему?

— Пусть лучше он сам об этом расскажет, — уклонился Думминг.

— У-ук у-ук и-ик. У-ук! У-ук!

— Капляй, Джулия! Пьем дальше! — заорал внезапно казначей.

— Честно говоря, я ничегошеньки не поняла, — развела руками Маграт.

— Все мы стали свидетелями межпространственного разрыва, — принялся рассказывать Думминг. — Вызванного верой. Пьеса оказалось последней каплей, после чего он открылся. Вероятно,

рядом находилась чрезвычайно чувствительная зона нестабильности. Это трудно объяснить, но если где-нибудь поблизости можно раздобыть резиновый лист и набор свинцовых грузиков, я мог бы продемонстрировать...

— Ты пытаешься сказать, что... *они* существуют, потому что люди в них верят?

— О нет. Полагаю, они в любом случае существуют. Они *здесь*, потому что люди верят в них *здесь*.

— У-ук.

— Он убежал вместе с нами. В него пальнули из лука.

— И-ик.

— Но он только почесался.

— У-ук.

— Обычно он кроток как ягненок. Правда.

— У-ук.

— Но терпеть не может эльфов. Ему не нравится их запах.

Библиотекарь раздул ноздри.

Маграт не много знала о джунглях, но при виде разъяренного библиотекаря тут же подумала об орангутанах, сидящих на деревьях и чувствующих запах тигра. Приматы никогда не восхищаются красивой шкурой или горящими глазами, потому что слишком хорошо помнят о зубастой пасти.

— Да, я его понимаю. Гномы и тролли тоже их ненавидят. Но вряд ли так сильно, как я.

— Их не победить, — вздохнул Думминг. — Они роятся, как пчелы. Есть даже летающие эльфы. Библиотекарь говорит, они заставляют людей валить деревья и тащить на холм. Там есть кам-

ни. Почему-то у эльфов на них зуб. Сам не знаю почему.

— А ты случаем не видел на Представлении ведьм? — спросила Маграт.

— Ведьм, ведьм... — пробормотал Думминг.

— Их нельзя не заметить, — сказала Маграт. — Одна из них тощая и смотрит на всех свирепым взглядом, а вторая — маленькая и пухленькая, все время щелкает орешки и смеется. А между собой они очень громко разговаривают. И обе в высоких остроконечных шляпах.

— М-м, нет, по-моему, не видел, — пожал плечами Думминг.

— Значит, их там не было. Незаметная ведьма — не ведьма вовсе. — Она едва не добавила, что о ней самой этого не скажешь, но передумала. — Значит, мне нужно на холм, — решительно промолвила она.

— Тебе понадобится целая армия, госпожа. Я имею в виду, ты бы уже попала в серьезные неприятности, не окажись рядом библиотекарь.

— Но у меня нет армии. Стало быть, придется все делать самой, верно?

На сей раз Маграт удалось прищипорить лошадь и послать ее в галоп.

Думминг проводил девушку взглядом.

— Знаешь, это все народные песни. Они виноваты, — поведал он ночному воздуху.

— У-ук.

— Ее ведь убьют, окончательно и бесповоротно убьют.

— У-ук.

— Привет, господин Цветочный Горшок, две пинты угрей, будь лаской.

- А может, судьба у нее такая?
- У-ук.
- А также тысячелетнюю руку и креветку. Думминг Тупс выглядел смущенным.
- Кому-нибудь хочется последовать за ней?
- У-ук.
- Ого-го, а куда это он пошел со своими большими часами?
- Это было «да» или «нет»?
- У-ук.
- С тобой все понятно, а вот он что лопочет?
- Трибле-трабле, а вот и желе.
- Наверное, это все-таки означает утвердительный ответ, — несколько неохотно произнес Думминг.
- У-ук?
- У меня такая красивая маечка.
- Но послушай, — возразил Думминг, — кладбища битком набиты людьми, которые поступали храбро, но крайне неблагоприятно.
- У-ук.
- Что он сказал? — спросил казначей, оказавшийся на мгновение в действительности по пути куда-то еще.
- Думаю, он имел в виду: «Рано или поздно мы все там будем», — ответил Думминг. — Проклятье. Пошли.
- Да, конечно, — согласился казначей. — Сви-стать всех на варезку, господин Боцман.
- О, только заткнись, а?

Маграт спешила и отпустила лошадь.

Она знала, что находится рядом с Плясунами. В небе вспыхивали разноцветные огоньки.

Как ей хотелось оказаться дома...

Воздух здесь был значительно холоднее, для летней ночи он был даже слишком холодным. Она шла дальше, а снежинки кружились в воздухе и превращались в капли дождя.

Чудакулли материализовался внутри замка и, переводя дыхание, схватился за колонну. После трансмиграции у него всегда возникали синие круги перед глазами.

Никто его не заметил. В замке царил хаос.

Но не все разбежались по домам. Скорее наоборот. За последние несколько тысяч лет разные армии маршировали по Ланкру, и воспоминания о толстых и *безопасных* стенах замка практически врезались в память людей. «*Бегите в замок*». И сейчас в замке собралось практически все население маленькой страны.

Чудакулли присмотрелся к происходящему. Люди бесцельно бродили по замку, и ими тщетно пытался руководить невысокий молодой человек в кольчуге, которая была ему явно велика, и с рукой на перевязи.

Убедившись в том, что сможет идти, Чудакулли направился напрямик к этому юноше, который, казалось, единственный понимал, что здесь происходит.

— Молодой человек, что тут прои... — начал было он, но замолчал.

Шон Ягг обернулся.

— Коварная девчонка! — воскликнул Чудакулли, ни к кому особо не обращаясь. — «Возвращайся, найди», — сказала она, а я и поверил! Мы же

плутали по лесу, как я попаду обратно, если даже приблизительно не знаю, где мы ходили?!

— Э-э, господин... — обратился к нему Шон.

Чудакулли постарался взять себя в руки.

— Что тут происходит?

— Понятия не имею! — рявкнул Шон. Он едва не плакал. — По-моему, на нас напали эльфы! Все несут какую-то чушь! Мол, они взяли и объявились во время Представления!

Чудакулли обвел взглядом испуганных, сбитых с толку людей.

— А госпожа Маграт отправилась сражаться с ними *в одиночку*!

Чудакулли выглядел несколько озадаченным.

— А кто такая госпожа Маграт? — спросил он.

— Она будущая королева! Невеста! Понимаешь? Маграт Чесногк!

Сейчас рассудок Чудакулли был способен переваривать только по факту за раз.

— И чего ее туда понесло?

— Они захватили короля!

— А ты знаешь, что они захватили Эсме Ветровоск?

— Что? Матушку Ветровоск?

— Я вернулся, чтобы спасти ее, — сказал Чудакулли и мгновенно понял, что слова его можно расценить либо как глупость, либо как трусость.

Однако Шон был слишком расстроен, чтобы заметить это.

— Надеюсь, они не собираются коллекционировать ведьм, — пожал плечами он. — Тогда для полного набора им понадобится моя мамочка.

— Ну, меня они не получают, — раздался за его спиной голос нянюшки Ягг.

— Мам? Ты как сюда попала?

— Прилетела на помеле. Расставь на крыше людей с луками. Именно так я сюда и проникла. Стало быть, этим же путем могут воспользоваться другие.

— Что будем делать, мам?

— Банды эльфов рыщут по округе, — откликнулась нянюшка, — а над Плясунами все небо горит...

— Нужно атаковать! — завопил Казанунда. — Дадим им отведать холодной стали!

— Хороший парень, этот гном! — похвалил Чудакулли. — Правильно! Пойду возьму свой арбалет!

— Их слишком много, — равнодушно возразила нянюшка Ягг.

— Мам, но там матушка и госпожа Маграт, — напомнил Шон. — Госпожа Маграт повела себя очень странно. Она надела доспехи и отправилась сражаться с всеми сразу!

— Но холмы ведь кишмя кишат эльфами, — удивилась нянюшка. — Это двойная порция ада с дополнительными дьяволами в придачу. Верный Смерть.

— Смерть верен в любом случае, — поправил Чудакулли. — Вернее его не бывает.

— У нас нет ни единого шанса, — покачала головой нянюшка.

— На самом деле один шанс у нас есть, — сказал Чудакулли. — Я не совсем разобрался во всей этой болтовне о контининуумах, но молодой Тупс утверждает, что все варианты событий где-нибудь обязательно имеют место, а это значит, что тут может случиться именно тот вариант, который

нам нужен. Даже если шанс всего один на миллион.

— Просто замечательно, — хмыкнула нянюшка, — а еще это означает, что на одного выжившего сегодня господина Чудакулли придется девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять тех, которые погибнут.

— Да, но эти мерзавцы меня совсем не волнуют, — махнул рукой Чудакулли. — Пускай сами о себе заботятся. Так им и надо. Не пригласили меня на свои свадьбы...

— Что?

— Не важно.

Шон в нетерпении прыгал с ноги на ногу.

— Мы должны с ними сразиться, мам, должны!

— Да ты оглянись по сторонам! Все устали до смерти, вымокли и ничего не понимают! Это что, армия?

— Мам, мам, мам!

— Ну что?

— Я их взбодрю, мам! Это все равно надо сделать, прежде чем послать войска в бой! Мам! Я читал об этом в книжках! Мам! Главное — собрать толпу побольше, произнести правильную речь, взбодрить людей и превратить их в ужасную армию, мам!

— Они и так выглядят ужасно!

— Я имел в виду ужасно непобедимую, мам!

Нянюшка Ягг оглядела сотню или около того подданных Ланкра. К мысли о том, что они способны хоть с кем-то сразиться, сначала надо было привыкнуть.

— И где ты об этом читал, Шон? — спросила она.

— У меня есть пятилетняя подшивка «Наемника Фортуны», — с укоризной в голосе сообщил Шон.

— Тогда пробуй. Раз считаешь, что у тебя получится.

Дрожа от возбуждения, Шон забрался на стол, вытащил здоровой рукой меч и принялся колотить им по доскам, пока люди не замолчали.

А потом толкнул речь.

Он обратил общее внимание на то, что король был пленен, а предполагаемая королева отправилась его спасать. Он обратил внимание на ответственность собравшихся здесь, как королевских верноподданных. Он указал, что кое-кто, конечно, сейчас прячется под своей кроватью, но после неминуемой славной победы непременно пожалеет, что не был здесь, а прятался под упомянутой выше кроватью. На самом деле даже лучше, что с врагом встретится так немного людей, ведь тем выше будет процент славы на голову выжившего. Слово «слава» он повторил трижды. Потом сказал, что настанет время и люди будут с гордостью вспоминать этот день, с гордостью демонстрировать старые раны, и всех участников надвигающейся битвы будут угощать выпивкой — по крайней мере, тех, кто выживет. Также он посоветовал людям подражать походке знаменитой ланкрской ~~возвратно-поступательной~~ лисы — придать жесткость сухожилиям, одновременно сохранив их гибкость — чтобы руки и ноги все же могли шевелиться, — хотя на самом деле, вероятно, будет лучше расслабить их сейчас чуточку и придать жесткость, когда наступит нужный момент. В конце своей речи он намекнул, что Ланкр ждет от

всех исполнения гражданского долга. И, э-э... И, гм-м... Ну пожалуйста, а?..

Наступившую после этого тишину нарушила нянюшка Ягг.

— Шон, наверное, людям нужно дать время все осмыслить. Почему бы тебе не проводить господина Волшебника наверх и не помочь ему разобраться с арбалетом?

Она многозначительно кивнула в направлении лестницы.

Шон колебался, но не долго. Он успел заметить характерный блеск в глазах матери.

Когда он ушел, нянюшка забралась на тот же стол.

— Ну что ж, — сказала она, — вот так и обстоят дела. Если вы отправитесь туда, то, *возможно*, встретитесь лицом к лицу с эльфами. Но если вы останетесь здесь, то *определенно* встретитесь лицом к лицу со мной. Да, признаю честно, эльфы хуже меня. Но я настойчивее.

Ткач неуверенно поднял руку:

— Прошу прощения, госпожа Ягг?

— Да, Ткач?

— А какова она, походка возвратно-поступательной лисы?

Нянюшка почесала за ухом.

— Насколько помню, — пожала плечами она, — ее задние лапы идут так, а передние — *вот так*.

— Нет-нет, — возразил лавочник Кварней. — Это ее *хвост* движется *так*, а лапы — *вот так*.

— Что ж здесь возвратно-поступательного? Тут сплошное колебательное! — крикнул кто-то из толпы. — Это ты с кольцехвостым оцелотом путаешь.

Нянюшка кивнула.

— Значит, решено, — подвела итог она.

— Погоди, погоди, я вовсе не уверен, что...

— Да, господин Кварней?

— Ну... я... это...

— Все просто здорово, — сообщила нянюшка вернувшемуся Шону. — Люди как раз говорили, как их воодушевила твоя речь. Ты их невероятно взбодрил.

— О боги!

— Думаю, они готовы последовать за тобой даже в пасть преисподней, — кивнула нянюшка.

Кто-то поднял руку.

— А вы тоже пойдете с нами, госпожа Ягт?

— Э-э, скорее поплетусь сзади, — ответила нянюшка.

— А в пасть обязательно лезть? Может, подождем эльфов рядом?

— Поразительно! — восхитился Казанунда, когда толпа неохотно потянулась к арсеналу.

— Главное — уметь обращаться с людьми.

— И они вправду пойдут туда, куда поведет их Ягт?

— Не совсем, — поправила нянюшка. — Но если они — люди разумные, то пойдут туда, куда Ягт за ними последует.

Маграт вышла из деревьев, перед ней простиралась вересковая пустошь.

Облака кружились над Плясунами, вернее, над тем местом, где раньше стояли Плясуны. В мерцающем свете она разглядела лишь пару камней, да и те валялись у склона холма.

Сам же холм светился. С местностью что-то было изрядно не так. Появились изгибы там, где их не должно было быть. Расстояния не соответствовали действительности. Маграт вспомнила одну гравюру, которую использовала как закладку. На ней была изображена какая-то старая карга, которая, если взглянуть на нее под другим углом, вдруг превращалась в молодую женщину. Нос становился шеей, а бровь — ожерельем. То одно изображение, то другое. Маграт — наверное, как и многие другие люди — кучу времени потратила в бесполезных попытках увидеть оба лица одновременно.

Местность вела себя примерно таким же образом. То, что было холмом, *одновременно* являлось занесенной снегом равниной. Ланкр и страна эльфов пытались занять одно и то же место.

Но незваной стране пока что не удавалось навязать свою волю. Ланкр отчаянно сопротивлялся.

Ровно посреди враждующих местностей таким плацдармом на вражеском берегу кольцом стояли шатры. Они были пестрыми и яркими. В стране эльфов все очень красивое, пока не посмотришь на изображение чуть иначе.

Что-то происходило. Некоторые эльфы сидели на лошадях. И всадники все прибывали...

Похоже, эльфы готовили вторжение в Ланкр.

Королева восседала в своем шатре на самодельном троне, опершись локтем на подлокотник и задумчиво прикрыв пальцами рот.

Эльфы сидели полукругом; впрочем, «сидели» — не совсем подходящее слово, вернее, совсем

неподходящее. Они удобно расположились, эльф способен с комфортом устроиться даже на колючей проволоке. В одежде их преобладали кружева и бархат, хотя трудно было сказать, являлись ли эти эльфы аристократами, — представители маленького народца носили все, что хотели, пребывая в твердой уверенности, что выглядят просто обалденно*.

Все эльфы, не отводя глаз, смотрели на свою королеву и в точности передавали каждую смену ее настроения. Они улыбались, когда улыбалась она. Смеялись, когда она говорила что-нибудь, казавшееся ей самой смешным.

В данный момент объектом их внимания была матушка Ветровоск.

— Что тут происходит, старуха? — спросила королева.

— Ага, нелегко тебе, да? — ухмыльнулась матушка. — Думала, придешь и возьмешь?

— Ты применила магию? Что-то противостоит нам.

— Никакой магии, — возразила матушка. — Со всем никакой. Просто тебя слишком долго здесь не было. Все меняется. Теперь земля принадлежит людям.

* Монахи ордена Крутости, крошечный и привилегированный монастырь которых располагался в действительно крутой и обрывистой области у подножия Овцепикских гор, придумали специальный тест для послушников. Послушника заводят в комнату, полную всевозможных нарядов, и спрашивают: «Йо**, сын мой, какой прикид сейчас самый навороченный?» И правильным ответом будет: «Эй, да тот, в котором я рассекаю».

** «Крутой» еще не значит «современный».

— Не может быть! — рывкнула королева. — Люди только берут. Они вспахивают землю железом. Они разоряют ее.

— Некоторые действительно так поступают, не могу с тобой не согласиться. Другие отдают больше, чем берут. Они дарят любовь. Они породнились с землей. Сказали ей, что она есть на самом деле. А для этого нужны люди. Без людей Ланкр был бы обычным куском земли с зелеными пятнами на нем. Деревья не знали бы, что они деревья. Здесь мы едины, госпожа, мы и земля. Это уже не просто земля, это — страна. Она как лошадь, которую объездили и подковали, как собака, которую приручили. Люди касаются полей плугом, бросают в них семена, и с каждым разом земля становится от тебя все дальше и дальше. Все меняется.

Рядом с королевой сидел Веренс. Его зрочки были не больше острия булавы, он едва заметно, но постоянно улыбался и этим очень напоминал казначея.

— Да, но когда мы поженимся, — возразила королева, — земля будет вынуждена принять меня. По вашим же правилам. Я знаю, как все происходит. Быть королем — это не просто носить корону. Король и земля едины. Король и королева едины. А королевой стану я.

Она торжествующе улыбнулась. Справа и слева от матушки стояло по эльфу, и по крайней мере еще один дежурил у нее за спиной. Матушка прекрасно знала, что эльфы не склонны вникать в суть вещей, — если она пошевелится без разрешения, то умрет на месте.

— А вот чем станешь ты, мне еще предстоит решить, — усмехнулась королева.

Она подняла изящную тонкую руку, сложила из большого и указательного пальца кольцо и приложила его к глазу.

— Ага, еще кое-кто объявился, — фыркнула она. — В доспехах, которые ей велики, с мечом, которым она не умеет владеть, и с топором, который ей даже не поднять. Неужели это так романтично? Как ее зовут?

— Маграт Чесногк, — ответила матушка.

— Она, наверное, могущественная ведьма?

— Ну, она неплохо разбирается в травах.

Королева рассмеялась.

— Я могу убить ее, не вставая с этого трона.

— Не сомневаюсь, — согласилась матушка. — Но это же будет неинтересно. Главное ведь унижение, правда?

Королева кивнула.

— Знаешь, ты мыслишь почти как эльф...

— По-моему, скоро рассветет, — перебила ее матушка. — Начнется новый чудесный день. Будет светло.

— Но до этого еще пройдет много времени, — ответила королева и поднялась.

Она взглянула на Веренса и изменилась. Платье из красного стало серебристым и заискрилось в свете факелов, словно рыба чешуя. Волосы ее распустились и заплелись по-новому, став золотистыми. Тонкая рябь изменений пробежала по ее лицу.

— Ну, что скажешь? — спросила она.

Она выглядела как Маграт. Вернее выглядела так, как Маграт хотела бы выглядеть, — возможно, именно такой ее представлял Веренс. Матуш-

ка кивнула; как опытный эксперт, она с первого взгляда узнавала законченную гнусность.

— Ты хочешь встретиться с ней в этом облике?

— Несомненно. Это будет интересно. Но не жалеешь ее, она всего лишь умрет. Хочешь, я покажу, кем бы могла стать ты?

— Нет.

— Мне это совсем не трудно. Я могу показать тебе *бабушку* Ветровоск.

— Не надо.

— Как ужасно, должно быть, осознавать, что у тебя нет друзей. Что всем будет наплевать, когда ты умрешь. Что ты никогда никого не интересовала.

— Да.

— Уверена, ты думаешь именно об этом... Долгими вечерами, когда компанию тебе составляют лишь тикающие ходики да холод комнаты, ты открываешь шкатулку и смотришь на...

Матушка попыталась вырваться из хватки эльфов, и королева небрежно махнула рукой.

— Не убивайте ее, — велела она. — С ней с живой гораздо веселее.

Маграт воткнула меч в грязь и взвесила в руке топор.

Лес подступал совсем близко. Именно оттуда придут эльфы. Сотни эльфов — на одну-единственную Маграт Чесногк.

Она знала о существовании так называемых невероятных подвигов. Множество разных песен, баллад, од, поэм было посвящено историям о том,

как какой-нибудь герой в одиночку разгромил огромное вражеское войско.

Но только сейчас до Маграт начинало доходить, что это были всего лишь песни, баллады, оды и поэмы, в которых обычно рассказывается о событиях, мягко говоря, не соответствующих действительности.

Из реальной истории она не могла вспомнить ни единого примера.

Эльф, стоявший среди деревьев, поднял лук и аккуратно прицелился.

За его спиной хрустнула ветка. Эльф обернулся.

Казначей просиял улыбкой.

— Хоп-ля-ля, старый хрен, башка совсем протекла.

Эльф быстро направил на него лук.

Пара цепких ног появилась из зелени, схватила эльфа за плечи и резко дернула вверх. Голова с хрустом ударилась о ветку.

— У-ук.

— Пошли дальше!

С другой стороны дороги другой эльф поднял лук. И тут его мир исчез...

Вот что творится у эльфа в голове.

Существует пять обычных чувств, но по сравнению с шестым все они второстепенны. Названия для этого чувства на Плоском мире не существует, потому что данная сила настолько слаба, что заметить ее способны лишь наблюдательные кузнецы, которые и называют ее Любовью Железа. Возможно, мореплаватели также могли бы обнаружить ее, если бы не постоянное

магическое поле Диска. Но пчелы эту силу ощущают, потому что пчелы чувствуют все. По ней ориентируются голуби. И повсеместно во множественной вселенной эльфы используют ее, чтобы определять, где находятся.

Людям, вечно пробирающимся по незнакомой местности, достаточно трудно ощутить эту силу. Люди всегда плутают. Это их основная характеристика, и она о многом говорит.

Тогда как эльфы заблудиться не способны. Это их основная характеристика, которая тоже говорит о многом.

Положение эльфов совершенно. Поток серебряистой силы мягко очерчивает местность. Существа вырабатывают ту же силу, но в небольших количествах, в результате чего становятся различимыми в общем потоке. От этой силы их мышцы оживают, мозг гудит от нее. Особо одаренные способны читать мысли, ориентируясь по местным изменениям потока.

Отношение эльфов к миру можно выразить следующим образом: протягивай руку и бери. Если б только не этот ужасный металл, который выпивает силу и искажает вселенную, подобно тому как тяжелый груз растягивает резиновый лист... Страшный металл — он ослепляет и оглушает, сбивает с толку, обрекает на одиночество, которого никогда, никогда не познает обычный человек...

Эльф упал вперед.

Думминг Тупс опустил меч.

Любой другой не стал бы долго задумываться над происшедшим. Но собственная жалкая судьба

заставляла Думминга искать закономерности в этом безразличном мире.

— Но я едва до него дотронулся, — сказал он в окружающее пространство.

— А из кустов, а из кустов нам пели соловьи... И вы пойте, паскудники! Два, три!

Они понятия не имели, где находятся. Не знали, где уже побывали. Не были даже уверены, кем стали. Однако ланкрские народные танцоры достигли такого состояния, в котором проще продолжать, чем остановиться. Пение привлекало эльфов, оно же завораживало их...

Танцоры вертелись и прыгали, вращали бедрами и скакали по лесным тропинкам. Они в танце проходили по деревьям, и эльфы бросали свои любимые пытки, чтобы посмотреть на танцующих в свете горящих домов людей...

— И с ПРИТОПОМ, дуридиридуруду, пойте тоже тра-ля-ля!

Шесть палок стучали в ритм мелодии.

— Джейсон, а куда мы идем?

— По-моему, мы только что миновали Скользящую лощину, а сейчас возвращаемся к городу, — ответил Джейсон, пропрыгав мимо Пекаря. — Эй, Возчик, не останавливайся!

— Дождь попал в клавиши, Джейсон!

— Не важно! Они все равно ничего не понимают! Для народной песни сойдет!

— Джейсон, кажется, я сломал свою палку!

— Просто продолжай плясать, Жестянщик! Ребята... а как насчет «Косил Джон конюшину»? Потренируемся, кстати, раз уж так попали...

— Впереди кто-то есть, — ткнул пальцем Портной, пробегая мимо. — Я вижу факелы.

— Люди, два, три, или эльфы?

— Откуда мне-то знать?!

Джейсон развернулся и запрыгал назад.

— Джейсончик, ты ли это?

Услышав этот разнесшийся среди деревьев голос, Джейсон от неожиданности дал «петуха».

— Это же наша мама! И наш Шон. И еще много людей! Ребята, у нас получилось! Слышите? Получилось!

— Джейсон... — окликнул Возчик.

— Да?

— Кажется, я не могу остановиться!

Королева разглядывала себя в зеркале, укрепленном на главном столбе шатра.

— Зачем? — спросила матушка. — Что ты там видишь?

— То, что хочу увидеть, — ответила королева. — И ты это знаешь. А теперь... отправимся в замок. Свяжите ей руки. А ноги пусть останутся свободными.

Снова пошел ласковый дождь, но рядом с камнями он превращался в снег. Вода намочила волосы Маграт, и упорные вихры временно распрямились.

Туман клубился вокруг деревьев — там, где лето сражалось с зимой.

Маграт наблюдала за сборами эльфийского двора. Она разглядела фигурку Веренса,двигающуюся будто кукла, и матушку Ветровоск, привязанную к лошади королевы длинной веревкой.

Лошади перебирали копытами, разбрызгивая грязь. Их сбруи были украшены великим множеством серебряных колокольчиков.

Эльфы в замке, ночь духов и теней — все это стало лишь воспоминанием, а звон колокольчиков действовал на нервы, словно кто-то водил по ее зубам пилкой для ногтей.

Королева остановила кортеж в нескольких ярдах от Маграт.

— А, храбрая девушка, — улыбнулась она. — Пришла спасать жениха? Совсем одна? Как мило. Эй, кто-нибудь, убейте ее.

Эльф прищипорил коня и поднял свой меч. Маграт сильнее сжала боевой топор.

Где-то за ее спиной раздался щелчок арбалетной тетивы. Эльф дернулся, потом дернулся его напарник, скачущий следом. А стрела продолжала лететь, только отклонилась чуть в сторону, пролетая над одним из поверженных Плясунов.

Разномастная армия Шона Ягга бросилась в атаку из-за деревьев. За исключением Чудакулли, который отчаянно пытался перезарядить арбалет.

Данный поворот событий, казалось, ничуть не удивил королеву.

— Их же всего сотни четыре, — покачала головой она. — Ну, Эсме Ветровоск, что скажешь? Последняя героическая попытка? Как это прекрасно, правда? Мне нравится, как мыслят люди. Они мыслят так же, как поют.

— Слезай с лошади! — закричала Маграт.

Королева только улыбнулась ей.

Шон почувствовал это. Чудакулли почувствовал это. Думминг почувствовал это. На них наступали чары.

Эльфы боялись железа, но оно действовало лишь вблизи.

С эльфами сражаться нельзя — хотя бы потому, что ты куда более ничтожен, чем они. И это правильно. Ты — ничтожен. Они прекрасны. Они прекрасны, а ты — нет. Ты всегда будешь последним отобранным в команду, даже того толстяка с вечно сопливым носом взяли раньше тебя; правила игры тебе всегда сообщают только после того, как ты уже проиграл, а потом забывают растолковать новые правила; все самое интересное всегда происходит с другими людьми, но только не с тобой, и ты это знаешь. Все эти самоуничижающие чувства сливались воедино. С эльфом нельзя сражаться. Такое бесполезное, флегматичное, слишком *человечное* существо не способно победить, вселенная устроена иначе...

Как рассказывают охотники, иногда зверь сам выходит из кустов и стоит, словно ожидая, когда в него всадишь стрелу...

Маграт удалось лишь приподнять боевой топор, но потом рука ее безвольно повисла. Она опустила взгляд. Правильная реакция человека, стоящего перед эльфом, — всепоглощающее чувство стыда. И она посмела *грубо* орать на столь прекрасное существо, как эльф...

Королева спешила и направилась к ней.

— Не трогай ее! — рявкнула матушка.

Королева кивнула.

— Ты можешь сопротивляться, — сказала она, — но это все не важно. Мы захватим Ланкр без боя, и ты не в силах этому помешать. Посмотри на эту храбрую армию, разом превратившуюся в стадо баранов. Люди так *фанатичны*...

Матушка уставилась на свои башмаки.

— Пока я жива, тебе не править,— хмуро отозвалась она.

— Отныне все будет без обмана,— промолвила королева.— Глупые старухи, помахивающие пакетиками с конфетами,— все это в прошлом.

— Заметила, да? — усмехнулась матушка.— Но Гита хотела как лучше. Старая глупая курица. Не возражаешь, если я сяду?

— Конечно нет,— пожала плечами королева.— Ты же, в конце концов, старая женщина.

Она кивнула эльфам. Матушка, руки которой были все еще связаны, с благодарностью опустилась на камень.

— Особенность всех ведьм,— пояснила она.— Ведьмовство продлевает тебе жизнь, но не молодость, просто ты очень долго остаешься старой. А вы и вовсе не стареете,— добавила она.

— Да, мы не стареем.

— И тем не менее вас можно победить.

Улыбка не исчезла с лица королевы, просто застыла — такую улыбку, как правило, видишь, когда человек не совсем понял смысл сказанного и теперь не знает, что ответить.

— Ты вмешалась в пьесу,— продолжала матушка.— Наверное, ты еще не осознала, что натворила. Пьесы и книги... за ними нужен глаз да глаз. Иначе они обратятся против тебя. И я об этом позабочусь.

Она дружески кивнула измазанному синей краской элфу, облаченному в плохо выделанные шкуры.

— Верно, Душистый Горошек?

Королева нахмурилась:

— Ты ошибаешься, его зовут иначе.

— Увидим,— просияла счастливой улыбкой матушка Ветровоск.— Сейчас людей стало гораздо больше, многие живут в городах и об эльфах ничегошеньки не знают. И в головах у них — железо. Ты опоздала.

— Люди всегда в нас нуждались,— возразила королева.

— Неправда. Иногда они о вас мечтают. Но это совсем другое. Кроме того, все ваше хваленое золото исчезает при первом же солнечном луче.

— Но есть и такие, которые скажут, что главное — золото, пусть даже на одну ночь.

— Таких людей нет.

— Золото лучше, чем железо, старая карга, глупая девчонка, которая постарела, но так ничего и не достигла, так никем и не стала.

— Нет. Оно просто мягкое и блестящее. На него приятно смотреть, но оно ни на что не годится,— ответила матушка по-прежнему спокойным и уверенным голосом.— Нас окружает реальный мир, госпожа. Это я знаю точно. И реальные люди. У тебя нет на них никаких прав. У людей и так достаточно забот — только потому, что они люди. Ты со своими сверкающими волосами, сверкающими глазами и сверкающим же золотом не нужна им — вечно молодая, вечно поющая, но ничему так и не научившаяся...

— Раньше ты считала иначе.

— Это было давно. Кстати, моя госпожа, я могу быть старой, могу быть каргой, но я не глупа. А ты — совсем не богиня. Я ничего не имею против богов и богинь, если они находятся на своих

местах. Но они должны быть созданы нами самими. Чтобы мы могли разобрать их на части, когда надобность в них исчезнет. А эльфы в сказочной стране, ну, может, они и нужны — иногда, чтобы люди благополучно пережили свое железное время. Но я не потерплю эльфов *здесь*. Вы заставляете нас хотеть то, что мы не можем иметь, вы даете нам то, что ничего не стоит, а забираете все, оставляя лишь голые холодные склоны, пустоту и смех эльфов.

Она сделала глубокий вдох.

— Так что можете проваливать обратно в свою страну.

— А ты нас прогони, *старуха*.

— Я знала, что ты именно так и скажешь.

— Весь мир нам не нужен. Достаточно этого маленького королевства. И мы возьмем его, хочет оно того или нет.

— Только через мой труп, госпожа.

— Ну, раз ты ставишь такие условия...

Королева нанесла мгновенный мысленный удар — так кошка бьет своей лапой.

Матушка поморщилась и чуть подалась назад.

— Госпожа?

— Да? — откликнулась королева.

— Значит, играем без правил?

— Правила? А что такое правила?

— Так я и думала, — кивнула матушка. — Гита Ягт?

Нянюшке удалось повернуть голову.

— Да, Эсме?

— Моя шкатулка. Помнишь? Та, что лежит в комод. Ты знаешь, что надо сделать.

Матушка Ветровоск улыбнулась. Королева пошатнулась, как от пощечины.

— А ты *научилась*,— прошипела она.

— О, да. Я так и не зашла в твой круг. Потому что понимала, к чему это приведет. Значит, мне нужно было учиться. И я училась. Всю свою жизнь. Я выбрала трудный путь, и трудный путь — он труден, но все ж не настолько, насколько труден простой путь. Я училась. У троллей, у гномов и у людей. Даже у камней.

Королева заговорила тише:

— Нет, тебя не убьют,— почти прошептала она.— Обещаю. Тебя оставят в живых, чтобы ты пускала слюни, бормотала, и ходила под себя, и бродила от двери к двери, собирая объедки. Чтобы слышала, как люди говорят: «Вот идет та самая сумасшедшая старуха».

— Обо мне это и так говорят,— усмехнулась матушка Ветровоск.— Думают, я ничего не слышу.

— Но внутри,— продолжила королева, не обращая внимания на матушкины слова,— внутри я сохраняю часть тебя, которая будет видеть твоими глазами, будет видеть то, во что ты превратилась. И никто тебе не поможет.— Королева подошла совсем близко, глаза ее сверкали ненавистью.— Никто не пожалеет безумную старуху. Ты будешь жрать все подряд, лишь бы остаться в живых. А мы постоянно будем рядом, в твоей голове, чтобы ты не забывала. Ты могла стать великой, могла столького достичь. И ты будешь понимать это и будешь умолять небеса, чтобы эльфы в твоей голове замолчали.

Дальнейшей реакции королева явно не ожидала. Матушка Ветровоск вдруг стряхнула с рук веревки и закатила ей звонкую пощечину.

— Ты угрожаешь мне *этим*? — воскликнула она. — *Мне?* Женщине, которая уже начинает *стариться*?

Королева эльфов провела пальцами по багровому пятну на щеке. Эльфы подняли луки, ожидая приказа.

— Уходи, госпожа, — сказала матушка. — Ты называешь себя богиней, но ничего не понимаешь, абсолютно ничего. То, что не может умереть, не может жить. То, что не может жить, не может измениться. То, что не может измениться, не может научиться. Крошечное создание, умирающее в траве, знает больше тебя. Ты права. Я старше. Ты прожила дольше меня, но я старше. И лучше. А это, госпожа, совсем не сложно.

Отраженный мысленный удар бросил нянюшку Ягг на колени. Матушка Ветровоск прищурилась.

— Неплохо, — прохрипела она. — Но я все еще стою и на колени не опускаюсь. И у меня еще есть сила.

Один из эльфов кубарем покатился по земле. На сей раз пошатнулась королева.

— Прекрасно, прекрасно, но я не буду тратить на тебя свое драгоценное время, — промолвила она и щелкнула пальцами.

Тишина. Королева оглянулась и посмотрела на своих эльфов.

— Они не могут выстрелить, — пожала плечами матушка. — Но тебе ведь это не нужно, правда? Слишком простой конец?

— Ты удерживаешь их?! Невозможно! У тебя нет столько силы!

— Хочешь узнать, сколько у меня силы, госпожа? Мы выясним это прямо здесь, на траве Ланкра...

Матушка шагнула вперед. Воздух буквально трещал. Королева вынуждена была отступить.

— Мы выясним это на моей территории, — сказала матушка.

Она снова ударила королеву, на этот раз почти нежно.

— В чем дело? — удивилась матушка Ветровоск. — Не можешь мне сопротивляться? Куда делась твоя сила, госпожа? Соберись!

— Старая глупая *карга*!

Это почувствовало каждое живое существо в радиусе мили. Мелкие твари просто умерли. Птицы попадали с неба. Эльфы и люди попадали на землю, схватившись за головы.

А в саду матушки Ветровоск пчелы начали вылетать из ульев.

Они вылетали, будто клубы пара, сталкивались друг с другом, стремясь поскорее взмыть в небо. Трутни глухо гудели, как боевые вертолеты, отчаянно жужжали рабочие пчелы.

Но глухой рокот трутней заглушал пронзительный писк маток.

Рой темной спиралью взмыл в небо, сделал круг над поляной и помчался прочь. К нему присоединялись другие рои, появляющиеся из соломённых ульев на задних дворах, из дупел деревьев. Небо почернело от пчел.

Через некоторое время облако пчел выстроилось в боевой порядок.

По флангам, гудя, словно бомбардировщики, летели трутни. Тысячи и тысячи рабочих пчел образовали конус. Его вершину составили сотни маток.

Все затихало на полях, после того как над ними проносился этот рой из роев.

Никто не ухаживал за цветущими растениями. Никто не пил нектар. Цветы должны были сами себя опылять.

Пчелы летели к Плясунам.

Матушка Ветровоск упала на колени, обхватив голову руками.

— Нет...

— Да, — сказала королева.

Эсме Ветровоск подняла руки. Пальцы ее были сжаты от усилия и боли.

Маграт почувствовала, что может пошевелить глазами. Все остальные части тела казались слабыми и бесполезными — даже в кольчуге и нагруднике. Значит, вот оно как... Через тысячи лет до нее донесся презрительный смех королевы Инси. *Она* не сдалась бы. Маграт была лишь одной из тысяч самодовольных, напыщенных дамочек, которые только и умеют расхаживать в длинных платьях да обеспечивать продолжение королевского рода...

С неба спустился рой пчел.

Матушка Ветровоск повернулась к Маграт.

Ее голос отчетливо прозвучал в голове Маграт.

— Ты хочешь стать королевой?

И она почувствовала себя свободной.

Усталость исчезла, и из крылатого шлема в Маграт словно проник дух королевы Инси.

Пчелы продолжали опускаться на сгорбленную фигуру старой ведьмы.

Королева повернулась, но улыбка на ее лице вдруг застыла. Маграт выпрямилась, шагнула к ней и, совершенно не задумываясь, подняла и резко опустила боевой топор.

Однако королева была быстрее. Она выбросила вперед руку и схватила Маграт за запястье.

— О да, — прошипела она, улыбаясь прямо в лицо Маграт. — Вот, значит, как? Ты вправду так считаешь?

Она выкрутила ей руку. Топор выпал из пальцев Маграт.

— И ты хотела стать *ведьмой*?

Пчелы окутывали эльфов подобно коричневому туману — они не поддавались чарам, их было слишком много и они были полны решимости убивать.

Маграт почувствовала, как затрепала кость.

— Со старой ведьмой покончено, — промолвила королева, пригибая Маграт к земле. — Признаю, она была хороша. Но хороша *недостаточно*. А ты всяко ей не ровня.

Медленно и неумолимо она прижимала Маграт к земле.

— Почему ты не пытаешься прибегнуть к ведьмовству? — спросила королева.

Маграт яростно лягнула. Нога попала в королевскую коленку, раздался громкий хруст. Когда же королева попятилась, Маграт прыгнула вперед, схватила ее за талию и повалила на землю.

Эльфийка оказалась необычайно легкой. Маграт сама была достаточно тощей, но королева, такое впечатление, совсем ничего не весила.

— Как?! — удивилась она, подтягиваясь, пока лицо королевы не оказалось на одном уровне с ее лицом. — Тебя же просто нет. Значит, дело все в наших мыслях... Без своих чар ты просто...

...Уродина с почти треугольным лицом, крошечным ротиком и почти отсутствующим носом, но глаза ее были больше человеческих, и они смотрели на Маграт с едва скрываемым ужасом.

— Железо... — прошептала королева.

Она схватила Маграт за руки, но в ее пальцах практически не было силы. Сила эльфа заключается в умении убедить других в их слабости.

Королева отчаянно пыталась проникнуть в ее рассудок, но это пока не получалось. Шлем...

...Валялся в нескольких футах от нее.

У нее не было времени даже пожалеть о своем любопытстве — королева снова набросилась на нее и взорвалась в ее неуверенности, словно сверхновая.

Она — ничто. Она — ничтожество. Она настолько никчемная и незначительная, что самый исчерпывающе никчемный и абсолютно незначительный человек посчитал бы ее не заслуживающей даже презрения. Дотронувшись до королевы, она обрекла себя на вечные муки. Свое тело она не контролировала. Да и не заслуживала этого. Она ничего не заслуживает...

Презрение целиком завладело ею, разрывая на части планетарное тело Маграт Чесногк.

Она всегда была бесполезной. Никогда не была красивой, умной, сильной. Она всегда была ничтожеством.

Уверенность в себе? Уверенность в чем?

Она видела только глаза королевы. И ей хотелось лишь одного — раствориться в них...

А Маграт Чесногк продолжала с ревом испаряться, срывая слой за слоем оболочку своей души...

...Пока не обнажила ядро.

Она сжала кулак и врезала королеве промеж глаз.

На мгновение воцарилось полное замешательство. А потом, королева даже закричать не успела, Маграт ударила ее снова.

В улье может быть только одна матка! Удар! Укол!

Они покатались по земле, оказались в луже грязи. Маграт почувствовала, как в ногу ее что-то ужалило, но тут же усилием воли прогнала все мысли. Она не замечала шума вокруг, однако *заметила* валявшийся рядом в торфяной жиже боевой топор. Эльфийка попыталась удержать ее, но у нее уже не было силы — Маграт сумела встать на колени, подняла топор и...

...И вдруг обратила внимание на необычную тишину вокруг.

Она окутала эльфов королевы и временную армию Шона Ягга. Чары рассеялись.

На фоне уползающей за горизонт луны появился чей-то силуэт.

Предрассветный ветерок принес запах.

Он пахнул львиными клетками и листовным перегноем.

— Он вернулся, — прошептала нянюшка Ягг.

Обернувшись, она вовремя заметила, как Чудакулли, сияя от восторга, поднимает арбалет.

— Опусти сейчас же, — приказала она.

— Ты только посмотри на эти рога...

— *Опусти.*

— Но...

— Стрелой его не ранишь. Сам погляди, сквозь него видны деревья. На самом деле его здесь нет. Он не может проникнуть за дверь. Однако может послать свои мысли.

— Но *запах...*

— Если бы он действительно появился здесь, мы бы уже не разговаривали.

Эльфы расступились, освобождая дорогу королю. Его задние ноги не были предназначены для двуногого перемещения; колени смотрели в разные стороны, а копыта были слишком большими.

Не обращая ни на кого внимания, он медленно доковылял до поверженной королевы. Маграт поднялась на ноги и неуверенно помахивала топором.

Королева распрямилась, вскочила на ноги и вскинула руки, с ее губ готовы были слететь первые слова проклятия...

Король протянул к ней руку и что-то сказал. Только Маграт расслышала пару слов.

Как она заявляла позже, там была упомянута какая-то встреча при лунном сиянии.

И тут они очнулись.

Солнце стояло высоко над Краем. Люди поднимались на ноги и таращились друг на друга.

Вокруг не было ни единого эльфа.

Первой заговорила нянюшка Ягт. Ведьмы умеют мириться с тем, что есть, вместо того чтобы настаивать на том, как должно быть.

Она осмотрела местность.

— Первым делом, — сказала она, — *наипервейшим*, надо поставить камни на место.

— Это может подождать, — возразила Маграт.

Они оглянулись на неподвижное тело матушки Ветровоск. Несколько отбившихся от роя пчел уныло кружились рядом с ее головой.

Нянюшка Ягг подмигнула Маграт.

— А ты была молодцом, девочка. Не думала, что ты переживешь такую атаку. Я сама едва не обмочилась.

— У меня была возможность подготовиться, — мрачно заметила Маграт.

Нянюшка удивленно подняла брови, но ничего не сказала. Вместо этого она ткнула носком башмака матушку.

— Эй, Эсме, вставай давай, — позвала она. — Ты тоже молодец. Мы победили.

— Эсме?

Чудакулли неуклюже опустился на колени и взял матушку за руку.

— Должно быть, совсем обессидела, — пробормотала нянюшка. — Освобождение Маграт и все такое прочее.

Чудакулли поднял глаза.

— Она мертва.

Взяв матушку на руки, он с трудом выпрямился.

— Нет, — произнесла нянюшка голосом человека, рот которого работает в автоматическом режиме, потому что мозг отключился. — Она не могла так поступить.

— Она не дышит, и пульса нет, — констатировал волшебник.

— Наверное, просто решила отдохнуть.

— Наверное.

Пчелы кружились высоко в голубом небе.

Думминг и библиотекарь помогли установить камни, периодически используя казначея в качестве рычага.

Думминг заметил, что камни эти были не совсем обычными — что-то в их форме намекало на то, что когда-то очень давно их отлили и охладили.

Джейсон Ягг нашел молодого волшебника погружившимся в глубокие раздумья у одного из камней. В руке Думминг держал веревку с привязанным к ней гвоздем. Но гвоздь, вместо того чтобы висеть, пребывал в горизонтальном положении и отчаянно пытался дотянуться до камня. Веревка аж звенела. Думминг завороченно смотрел на нее.

Джейсон замялся. Он редко встречался с волшебниками и не был уверен, как к ним следует обращаться.

А потом он услышал, как волшебник воскликнул:

— Он присасывается! Но *почему* он присасывается? Джейсон промолчал.

Думминг продолжал бурчать себе под нос:

— Может быть, есть железо и... и железо, которое любит железо? Или мужское железо и женское железо? Или простое железо и королевское железо? Одно железо отличается от другого тем,

что содержит некую примесь? Одно железо служит грузом мира, а другое катается по резиновому листу?

К нему присоединились казначей и библиотекарь и тоже уставились на раскачивающийся гвоздь.

— Проклятье! — воскликнул Думминг и отпустил веревку.

Гвоздь со звоном ударился о камень.

Он повернулся, на лице его застыло мученическое выражение. Думминг сейчас выглядел точно-точно как человек, которому предстоит разобрать сложный механизм вселенной, а из всех инструментов у него только скрепка.

— Эй там, господин Солнцесвет! — воскликнул казначей, которого свежий воздух и отсутствие криков привели в почти радужное расположение духа.

— Камни! И чего я вожусь с какими-то обломками скал? Кому-нибудь они хоть что-нибудь рассказали?! — злился Думминг. — Знаете, иногда мне кажется, что существует бескрайний океан истины, а я просто сижу на его берегу и играю... с камешками.

Он пнул камень.

— Но настанет день, и мы научимся плавать по этому океану, — Он вздохнул. — Ладно. По-моему, пора возвращаться в замок.

Библиотекарь молча проводил взглядом казначея и Думминга, которые вскоре влились в процессию усталых людей, бредших по долине.

А потом он несколько раз оторвал гвоздь от камня. Каждый раз гвоздь прилипал обратно.

— У-ук, — сообщил он и взглянул Джейсону Яггу прямо в глаза.

К величайшему удивлению Джейсона, орангутан подмигнул ему.

Иногда можно многое узнать об океане, если повнимательнее присмотреться к камушкам.

Часы тикали.

Утром в хижине матушки Ветровоск было прохладно и темно. Нянюшка Ягг открыла шкапулку.

Буквально все в Ланкре знали о существовании загадочной шкапулки матушки Ветровоск. Согласно разным слухам, в шкапулке той хранились книги с заклинаниями, небольшая вселенная, лекарства от всех болезней, документы на затерянные земли и несколько тонн золота — неплохая вместимость для предмета не больше фута длиной. Даже нянюшка не знала, что находится в этой шкапулке. Матушка Ветровоск сказала ей только о завещании.

Она была несколько разочарована, но вовсе не удивлена, обнаружив, что в шкапулке нет ничего, кроме пары больших конвертов, пачки писем и обычных, никому не нужных безделушек.

Нянюшка вытащила бумаги. Первый конверт был адресован ей — судя по надписи: «Гите Ягг, Прачти СИЙЧАСЖЕ».

Второй конверт был чуть меньше, а надпись на нем гласила: «Савещание Эсмеральды Ветровоск, Умиршей В Канун Дня Летниго Сонцестояния».

Потом настала очередь перевязанной шнурком пачки писем. Письма были очень старыми — когда Маграт вытащила пачку из шкапулки, во

все стороны полетели клочки пожелтевшей бумаги.

— Эти письма адресованы матушке! — воскликнула она.

— Ничего странного, — заметила нянюшка. — Все получают письма.

— И тут, на дне, еще что-то... — сказала Маграт. — Похоже на камушки какие-то.

Она взяла один из них.

— Этот с чем-то окаменелым внутри, — покачала головой она. — А этот похож... на красные камни, из которых вытесаны Плясуны. И к нему прилипла штопальная игла. Как странно.

— Она всегда обращала внимание на детали, наша Эсме. Всегда пыталась докопаться до сути.

Они помолчали немного. Тишина обволакивала их, заполняла все вокруг, и рубило ее на маленькие кусочки только мягкое тиканье часов.

— Никогда не думала, что нам придется заниматься этим, — промолвила наконец Маграт. — Никогда не думала, что мы будем читать ее завещание. Думала, она будет жить вечно.

— А вот как все обернулось, — отозвалась нянюшка. — Время фугит, как говорят волшебники.

— Нянюшка?

— Да, милая?

— Я не понимаю... Она была твоей подругой, а ты, кажется, совсем... совсем не переживаешь?

— Ну, у меня есть кое-какой опыт. Я похоронила нескольких мужей и одного или двух из своих детишек. Привыкаешь. В любом случае, даже если матушка не попала в лучший мир, она сделает все, чтобы его исправить.

— Нянюшка?

— Да, милая?

— Ты что-нибудь знаешь о письме?

— Каком письме?

— Веренсу.

— Ничего не знаю ни о каком письме Веренсу.

— Он получил его за несколько недель до нашего возвращения. Должно быть, она послала его еще до Анк-Морпорка.

Нянюшка Ягг выглядела действительно озадаченной — во всяком случае, так показалось Маграт.

— Проклятье! — воскликнула Маграт. — Я имею в виду вот это письмо.

Она достала письмо из нагрудника.

— Видишь?

Нянюшка Ягг принялась читать:

«Дарагой Сир, настоящим саабщаю, что Маграт Чесногк вазвернется в Ланкр в читверг через три нидели или хде-то окало тово. Она, канечно, Мокрая Курица, зато чистюла, и у нее Хорошие Зубы. Если хочишь женитя на ней, начинай гатовиться безпрамедления, патому што, как только ты сделаеш ей придлажение, она все вазьмет на себя, веть никто так не даражит самастоятельностью, как Маграт. Инагда она сама не ведаит, што творит. Но ты — кароль, и можеш делать все, што хочеш. Ты должен паставить ее перет Фактом. ПыС. Я слышала разговоры а том, штобы заставить ведъм платить налоги. Ни один кароль Ланкр не пытался зделать это вот уже много лет, и ты только выйграеш, если паследуеш их примеру. Ваша в добром здравии — на данный момент. ДАБРОЖЕЛАТЕЛЬ (МАТУШКА)».

Тиканье часов прострачивало одеяло тишины.

Нянюшка Ягг повернулась, чтобы посмотреть на стрелки.

— Она все *подстроила!* — воскликнула Маграт. — Ты же знаешь Веренса. Я имею в виду, она ведь даже не особо скрывала, кто она! Я вернулась, и все уже было *решено...*

— А как бы ты поступила, если бы все не было решено? — спросила нянюшка.

Маграт растерялась.

— Ну, я бы... то есть если бы он... я бы...

— Ты бы вышла сегодня замуж? — уточнила нянюшка каким-то отрешенным голосом, словно думала о чем-то другом.

— Ну, это зависит от...

— Ты же хочешь этого, верно?

— Ну да, конечно, только...

— Вот и чудесно, — проворковала нянюшка нежным голосом, таким, каким обычно разговаривала со своими внуками и внучками.

— Да, но она прогнала меня, заперла в замке, и я так разъярилась...

— Ты так разъярилась, что без страха схватилась с самой королевой. Ты действительно вступила с ней в бой, — перебила нянюшка. — И ты молодец. Старая Маграт не смогла бы так, верно? О, Эсме всегда докапывалась до сути. А теперь, будь добра, выгляни на задний двор и проверь, как там поленница.

— Но я ненавидела ее, так ненавидела, а теперь она умерла!

— Да, дорогуша, да. А сейчас сходи и, вернувшись, расскажи нянюшке, как выглядит поленница.

Маграт открыла было рот, чтобы сказать «Мы, кстати, почти уже королева», но вовремя одумалась. Вместо этого она послушно вышла во двор и осмотрела пленницу со всех сторон.

— Достаточно высокая, — поведала она, вернувшись и высморкавшись. — Похоже, сложили совсем недавно.

— А вчера она завела часы, — констатировала нянюшка. — И чайник наполовину полный, я только что проверила.

— Ну и что?

— Она сама не была уверена... — задумчиво произнесла нянюшка. — Гм-м...

Нянюшка вскрыла адресованный ей конверт. В отличие от конверта с завещанием он был больше размером и почти плоским. И содержал только картонную табличку.

Глянув на нее, нянюшка побледнела и уронила картонку на стол.

— Пошли! — велела она. — У нас мало времени!

— В чем дело?

— И захвати сахарницу!

Нянюшка распахнула дверь и поспешила к помелу.

— Скорей!

Маграт подняла картонку. Подчерк был знакомым. Она пару раз видела такие картонки, когда без предупреждения заходила в гости к матушке Ветровоск.

«Я НИ УМИРЛА», — было написано там.

— Стой! Кто идет?

— Шон, почему ты в карауле с рукой на перевязи?

- Долг обязывает, мам.
- Немедленно пропусти нас.
- Мам, а ты — Друг или Враг?
- Шон, со мной почти-королева Маграт, ты понял?
- Да, но вы должны...
- Немедленно!
- О-о-о-а-а-а-у-у-у, мам!

Маграт с трудом поспевала за бежавшей по замку нянюшкой.

— Волшебник был прав. Она мертва, понимаешь. Нет, нет, я не упрекаю тебя, ты продолжаешь надеяться, но я же могу отличить живого человека от мертвого...

— Нет, не можешь. Я помню, как несколько лет назад ты прибежала ко мне вся в слезах, а потом оказалось, что матушка отправилась Заимствовать. Именно тогда она и начала оставлять записки.

— Но...

— Она не была уверена в том, что именно может случиться, — перебила ее нянюшка. — Для меня этого вполне достаточно.

— Нянюшка...

— Ничего нельзя знать наверняка, пока сам не удовлетворишься, — заявила нянюшка Ягг, излагая свою версию Принципа Неопределенности.

Нянюшка пинком распахнула двери в Главный зал.

— А это что такое?

Чудакулли с несколько смущенным видом поднялся со стула.

— Ну, мне показалось неправильным оставлять ее в одиночестве...

— Как трогательно,— кивнула нянюшка Ягг, разглядывая мрачную картину.— Свечи и лилии. Готова поспорить, ты сам нарвал их в саду. А потом запер ее здесь.

— Ну...

— И никто даже не догадался открыть окно! Ты что, ничего не слышишь?

— Не слышу что?

Нянюшка быстро огляделась и схватила огромный подсвечник.

— Нет!

Маграт вырвала подсвечник из ее рук.

— Так уж случилось,— пояснила она, замахи-
ваясь,— это почти что,— она прицелилась,— *мой*
замок...

Подсвечник, кувыркаясь, пересек зал и попал точно в центр витражного окна.

Свежий солнечный свет, задерживаемый магическим полем Диска, медленно хлынул на стол, и вслед за ним, словно шарики по желобу, в зал устремились пчелы.

Рой опустился прямо ведьме на голову, приняв вид весьма опасного парика.

— Что вы тут...— начал было Чудакулли.

— Она замучит нас своим хвостовством,— сказала нянюшка.— Никому еще не удавалось проделывать это с пчелами. Их разум — он же повсюду. Разум — это не пчела, это целый рой.

— Что вы...

Пальцы матушки Ветровоск дернулись.

Задрожали ее веки.

Она очень медленно села. С некоторыми трудностями ей наконец удалось сосредоточить внимание на нянюшке Ягг и Маграт.

— Мне срочно нуж-ж-ж-жен букет цветов, горшок меда и кого-нибудь уж-ж-ж-жалить.

— Я принесла сахарницу,— поспешила сообщить нянюшка Ягг.

Матушка жадно посмотрела на нее, после чего перевела взгляд на пчел, которые взлетали с ее головы, как истребители с торпедированного авианосца.

— Капни туда воды и раз-з-з-лей сироп по столу.

Когда нянюшка выбежала из комнаты, матушка Ветровоск с триумфальным видом огляделась по сторонам.

— У меня получил~~о~~-з-зь! З-з-з пчелами! Ни у кого не получа~~л~~-з-зь, а у меня получи~~л~~-з-зь! Рассудок раз-з-з-злетается в раз-з-з-зных направлениях! Только большой мастер мож-ж-жет З-з-заимствовать пчел!

Вернулась нянюшка Ягг и разлила самодельный сироп по столу. Рой мгновенно опустился на угощение.

— Ты жива? — смог наконец вымолвить Чу-
дакулли.

— Вот оно, университетское образ-з-з-зование,— прожужжала матушка, растирая онемевшие руки.— Стоит человеку сесть и поговорить каких-нибудь пять минут, и он уж-ж-ж-же догадался, что я ж-ж-жива!

Нянюшка Ягг протянула ей воды. Стакан на мгновение завис в воздухе и упал на пол, потому

что матушка попыталась взять его пятой лапкой.

— Из-з-з-звини.

— Ты сомневалась, получится ли, поэтому и...

— Сомневалась? Я была абсолютно уверена! Никогда ни в чем не сомневалась-з-з-з!

Тут Маграт вспомнила о завещании.

— Никогда-никогда? — уточнила она.

У матушки Ветровоск хватило совести отвести взгляд. Она только потеряла ладони.

— Ну, что тут происходило, пока меня не было?

— Много чего, — начала рассказывать нянюшка. — Маграт сразилась с...

— О, я знала, что она именно так и поступит. А свадьбу уже отпраздновали?

— Свадьбу? — все переглянулись.

— Конечно нет! — воскликнула Маграт. — Обряд должен был проводить брат Пердоре из Поклонников Девятого Дня, но его лишили сознания эльфы, а кроме того, все люди...

— Никакие оправдания не принимаются, — перебила ее матушка. — В крайнем случае, обряд имеет право провести любой волшебник достаточно высокого ранга, я правильно говорю?

— Я, я, я так думаю, — запинаясь, пробормотал Чудакулли, который несколько не поспевал за событиями.

— Правильно. Волшебник — это тот же жрец, только без бога и с влажными ладонями, — сказала матушка.

— Но половина гостей разбежалась! — воскликнула Маграт.

— Найдем других, — фыркнула матушка.

— Госпожа Пышка не успеет приготовить свадебный пир!

— Ты *велишь* ей успеть.

— У невесты нет подружек.

— Мы за них вполне сойдем.

— Но у меня нет платья!

— А что на тебе сейчас?

Маграт оглядела испачканную кольчугу, заляпанный грязью нагрудник и несколько влажных шелковых лоскутков, торчащих из-под доспехов подобно обрывкам рыцарского плаща.

— Мне кажется, тебе идет, — заявила матушка. — А нянюшка сделает тебе прическу.

Маграт машинально подняла руки, сняла крылатый шлем и пригладила непокорные волосы. Веточки и вересковые иголки переплелись в них со смертельной для расчески замысловатостью. Ее прическа и в лучшие времена держалась не больше пяти минут, а сейчас голова Маграт вообще напоминала огромное птичье гнездо.

— Думаю, оставляю все как есть, — сказала она.

Матушка одобрительно кивнула.

— И правильно, — согласилась она. — Важно не то, чего ты добилась, а то, как ты этого добилась. Ну, мы почти готовы.

Нянюшка наклонилась к ней и что-то прошептала.

— Что? Ах да. А где жених?

— Он немного не в себе. До сих пор так и не понял, что же случилось, — откликнулась Маграт.

— Значит, в полном порядке, — ухмыльнулась нянюшка. — В точности как после мальчишника.

Но возникли дополнительные трудности:

- Нужен шафер.
- У-ук.
- Хотя бы оденься.

Повариха госпожа Пышка сложила на груди огромные розовые руки.

— Это невозможно,— заявила она.

— Я думала, может, немножко салата, пирог с начинкой и кремом и что-нибудь легкое...— нерешительно пробормотала Маграт.

Повариха выставила вперед щетинистый подбородок.

— Эти эльфы все перевернули вверх дном на моей кухне. Порядок придется наводить не меньше трех дней; кроме того, всем известно, что свежие овощи очень вредны для здоровья. И никаких пирогов с яйцами.

Маграт умоляюще поглядела на нянюшку Ягг. Матушка Ветровоск пошла побродить по саду — цветы до сих пор манили ее, и она едва сдерживалась, чтобы не спикировать на какую-нибудь особо заманчивую розу.

— На меня не смотри,— развела руками нянюшка.— Это не моя кухня, дорогуша.

— Вот именно. Эта кухня — моя,— кивнула госпожа Пышка.— Я работаю здесь уже много лет и знаю, что тут и как. И я не позволю, чтобы на моей кухне командовала какая-то девчонка.

Плечи Маграт обвисли. Нянюшка похлопала ее по плечу.

— Это может тебе понадобиться,— сказала она и протянула Маграт крылатый шлем.

— Королю очень нравилось...— начала было госпожа Пышка.

Она услышала какой-то щелчок. Потом посмотрела поверх арбалета и увидела спокойные глаза Маграт.

— Выбирай,— тихо предложила королева Ланкра.— Пирог или жизнь.

Веренс сидел в ночной рубашке, обхватив голову руками. Из того, что произошло ночью, он не помнил почти ничего, кроме обжигающего чувства холода. И казалось, никто не испытывал ни малейшего желания что-нибудь ему рассказать.

Тихо скрипнув, распахнулась дверь.

Он поднял взгляд.

— Рада видеть тебя в добром здравии,— сказала матушка Ветровоск.— Вот, пришла помочь тебе одеться.

— Я заглянул в гардероб,— откликнулся Веренс.— Эти... эльфы. Это ведь они тут побывали? Разграбили весь замок. Мне нечего надеть.

Матушка оглядела комнату. После чего подошла к приземистому сундуку и открыла его. Раздался звон бубенчиков, мелькнуло что-то красно-желтое.

— Так я и думала, ты его не выбросил,— с довольным видом пробормотала она.— И ты ничуть не поправился. Значит, костюм на тебя налезет. Смейся, паяц. Маграт это понравится.

— Нет,— отрезал Веренс.— В этом я должен быть тверд. Теперь я король. Выходить замуж за придворного дурака будет слишком унижитель-

ным для Маграт. Я должен поддерживать свою репутацию для блага королевства. Кроме того, существует такая штука, как гордость.

Матушка смотрела на него так долго, что он неловко поежился.

— Ну, я, во всяком случае, об этом слышал... — промямлил он.

Матушка кивнула и направилась к двери.

— Ты куда? — с тревогой в голосе спросил Веренс.

— Никуда, — спокойно откликнулась матушка. — Просто закрываю дверь.

А потом случилась небольшая неприятность с короной.

Книгу «Церимонии и Пратаколы Ланкрского Каралевства» в конце концов удалось отыскать в спальне Веренса. Церемония бракосочетания была описана там достаточно ясно. Очень важной частью ее являлось коронование королевы королем. Технически это было несложно — для любого короля, который знал, на какой конец королевы следует надевать корону, а это со второй попытки понимали даже самые тупые короли.

Впрочем, Думмингу Тупсу показалось, что именно тут возник небольшой сбой.

Ему показалось, что, прежде чем опустить корону на голову королевы, Веренс бросил взгляд на тощую старую ведьму. И все остальные тоже посмотрели на нее, включая невесту.

Старая ведьма едва заметно кивнула.

Маграт была коронована.

Пляски, песни и так далее.

Жених и невеста стояли рядом и в полубес-
сознательном состоянии, нормальном для этой
части церемонии, пожимали руки длинной вере-
нице гостей.

— Не сомневаюсь, вы будете счастливы...

— Спасибо.

— У-ук!

— Спасибо!

— Приколоти это к прилавку, лорд Фергюссон,
и наплюй на торговцев сыром!

— Спасибо.

— А невесту можно поцеловать?

До Веренса медленно дошло, что к нему обра-
щается пустое место. Он опустил взгляд.

— Прошу прощения,— пробормотал он.— Э-э...

— Пожалуйста, моя карточка,— сказал Каза-
нунда.

Веренс взглянул на нее и удивленно поднял
брови.

— А,— отозвался он.— Э. Гм. Так-так-так.
Второй, значит?

— Но мы работаем,— кивнул Казанунда.

Веренс виновато оглянулся и наклонился к уху
гнома.

— На пару минут можно тебя? Хотел кое о чем
спросить...

На свадьбе ланкрские народные танцоры снова
собрались вместе и неожиданно обнаружили, что
им очень трудно разговаривать друг с другом.
Некоторые из них машинально приплясывали во
время разговора.

— Итак,— сказал Джейсон,— кто-нибудь что-
нибудь помнит? Что-нибудь внятное?

— Я помню начало,— отозвался второй ткач Портной.— Отчетливо помню начало. И пляски в лесу. Но Представление...

— Там были эльфы,— подсказал жестянщик Жестянщик.

— Они все и испортили,— нахмурился извозчик Кровельщик.— А еще все громко кричали.

— А еще был кто-то с рогами,— припомнил Возчик,— и большой...

— Все это нам просто приснилось,— подвел итог Джейсон.

— Эй, Возчик, посмотри-ка сюда,— окликнул Ткач, подмигнув остальным танцорам.— Вон твоя обезьяна. Ты ведь хотел ее о чем-то спросить?

Возчик прищурился.

— Еще как,— сказал он.

— На твоём месте я бы непременно воспользовался столь удобным случаем,— промолвил Ткач с некоторым злорадством, которое всякие умники частенько проявляют по отношению к простакам.

Библиотекарь мило беседовал с Думмингом и казначеем, но немедленно обернулся, когда Возчик ткнул его в бок.

— Значит, ты бывал в Ломте? — спросил Возчик своим обычным панибратским тоном.

Библиотекарь посмотрел на него с вежливым непониманием.

— У-ук?

Лицо Возчика растерянно вытянулось.

— Но это ведь там ты засовывал куда-то орех?

Библиотекарь одарил его странным взглядом и покачал головой.

— У-ук.

— Ткач! — закричал Возчик. — Обезьяна говорит, что не засовывала орех туда, где не светит солнце! А ты говорил, что засовывала! Говорил ведь, правда? — Он повернулся к библиотекарю. — Она не засовывала, Ткач. Видишь, я знал, что ты все врешь. Ты просто *тупой*. В Ломте не водятся обезьяны.

От них двоих во все стороны начала распространяться тишина.

Думминг Тупс затаил дыхание.

Библиотекарь взял со стола здоровенную бутылку и похлопал Возчика по плечу. Потом наполнил его бокал и похлопал Возчика по голове.

Думминг успокоился и вернулся к своему занятию. Он привязал нож к шнуру и с мрачным видом принялся наблюдать за его вращением...

Когда Ткач возвращался той ночью домой, на него напал загадочный разбойник и сбросил его в реку Ланкр. Никому так и не удалось выяснить почему. Никогда не подначивайте волшебников, особенно приматообразных. Они церемониться не станут.

Гости потихоньку расходились.

— Скоро она начнет задумываться о своем месте в жизни, — сказала матушка Ветровоск, возвращаясь домой вместе с нянюшкой и полной грудью вдыхая ароматный ночной воздух.

— Она — королева. И место у нее достаточно высокое, — откликнулась нянюшка Ягг. — Почти как у ведьмы.

— Да, но... Задирать нос не стоит, — покачала головой матушка Ветровоск. — Да, у нас есть *превосходство*, но мы ведем себя скромно и не вы-

ставляемся. Никто не может обвинить меня в том, что я когда-нибудь вела себя нескромно и неблагопристойно.

— Лично я всегда считала тебя слишком уж застенчивой, — подтвердила нянюшка Ягг. — И когда заходила речь о скромности, всегда говорила людям, что более скромного человека, чем Эсме Ветровоск, не найти.

— В сторонке тихо делала свое дело, ничего не требовала...

— О да, тебя почти не было видно, — подтвердила нянюшка Ягг.

— Гита, не перебивай.

— Извини.

Некоторое время они шли молча. Это был теплый сухой вечер. На деревьях пели птицы.

— Странно даже подумать. Наша Маграт вышла замуж, ну и все остальное...

— Что ты имеешь в виду под остальным?

— Ну, ты понимаешь... она ведь замужем, — попыталась объяснить нянюшка. — Я дала ей несколько полезных советов. Типа, ложась в постель, не скидывать с себя всю одежду разом. Чтобы у мужчины интерес сохранялся.

— Например, ты всегда оставляла шляпу.

— Верно.

Нянюшка помахала колбасой на веревочке. Она придерживалась мнения, что запастись продуктами, тем более бесплатными, никогда не повредит.

— Да, свадебный пир удался на славу. А Маграт просто светилась.

— А мне она показалась раздраженной и взволнованной.

— Именно от этого невесты и светятся.

— Впрочем, ты права, — согласилась матушка Ветровоск, которая шла чуть впереди. — Ужин удался. Никогда раньше не пробовала, ну, как ее, Вегетарнскую Дуэту.

— Когда я выходила замуж за господина Ягга, нам на стол в виде специального блюда подали три дюжины устриц. Хотя, честно признаться, сработали не все.

— И каждому гостю выдали по кусочку свадебного пирога в маленьком пакетице. Приятно... — сказала матушка Ветровоск.

— Да. А знаешь, говорят, если положить этот кусочек под подушку, то ночью увидишь своего будущего му... — Язык нянюшки запнулся сам о себя.

Нянюшка даже покраснела — что было для нее совсем не характерно.

— Все в порядке, — успокоила матушка. — Я не обиделась.

— Извини, Эсме.

— Все где-то когда-то происходит. Я знаю. Точно знаю. Все где-то происходит. И заканчивается одним и тем же.

— Это очень контининуумные мысли, Эсме.

— Пирог был вкусным, — вспомнила матушка, — но... сейчас... не знаю, почему... сейчас, Гита, прямо сейчас... мне почему-то очень хочется конфет.

Последнее слово повисло в воздухе эхом ружейного выстрела.

Нянюшка замерла. Ее рука машинально потянулась к карману, в котором всегда лежали покрытые пылью леденцы. Она уставилась на за-

тылок Эсме Ветровоск, на тугой пучок седых волос, торчащих из-под полей остроконечной шляпы.

— Конфет? — переспросила она.

— По-моему, у тебя есть пакетик, — не оборачиваясь, бросила матушка.

— Эсме...

— Гита, ты ничего не хочешь мне рассказать? Например, о пакетике конфет, который некогда так удачно подвернулся под руку?

Матушка Ветровоск по-прежнему не поворачивалась к ней.

Нянюшка смущенно опустила взгляд.

— Нет, Эсме, — смиренно ответила она.

— Я знаю, что ты ходила к Верзиле. И как ты туда вошла?

— Ну, при помощи одной подковы. Особой подковы.

Матушка кивнула.

— Гита, не стоило ввязывать его в эти дела.

— Да, Эсме.

— Он так же коварен, как и она.

— Да, Эсме.

— Ты решила применить против меня упреждающую смиренность?

— Да, Эсме.

Они зашагали дальше.

— А что это был за танец, в который пустился Джейсон с друзьями, когда все напились?

— Это Ланкрский Танец с Палками и Ведром, Эсме.

— И он разрешен законом?

— Официально в присутствии женщин его нельзя исполнять, — ответила нянюшка. — Иначе он считается сексуально оскорбительным.

— И мне показалось, что Маграт очень удивил тот стишок, который ты продекламировала на приеме.

— Стишок?

— Я имею в виду, тот самый, с характерными жестами.

— Ах этот...

— Я видела, как Веренс что-то записывал на салфетке.

Нянюшка запустила руку в бесформенные глубины платья и достала полную бутылку шампанского, которая, по идее, никак не могла там помещаться.

— Должна сказать, она выглядела счастливой, — усмехнулась она. — Грязные обрывки платья и кольчуги. Эй, а знаешь, что она мне поведала?

— Что?

— Помнишь тот старый портрет королевы Инси? На котором она в железном лифчике? Рядом с колесницей с шипами и ножами? Так вот, Маграт сказала, что ей помогал... дух королевы Инси. Мол, в этих доспехах она делала такое, о чем раньше и подумать не смела.

— Ничего себе, — откликнулась матушка.

— Ох уж этот смешной старый мир, — согласилась с ней нянюшка.

Еще некоторое время они шли молча.

— Значит, ты так и не сказала ей, что королевы Инси никогда не существовало?

— Зачем?

— Старый король Лулли придумал ее только потому, что посчитал, будто нашему королевству не хватает романтической истории. Он был немно-

го помешан на этой романтике. Даже доспехи приказал выковать.

— Знаю. Муж моей прабабки выковал их из жестяной ванны и пары кастрюль.

— Думаешь, не стоит рассказывать ей об этом?

— Не стоит.

Матушка кивнула.

— Странно,— задумчиво промолвила она.— Маграт осталась прежней, даже после того как полностью изменилась.

Нянюшка Ягг достала из недр передника деревянную ложку. Потом сняла шляпу и аккуратно спустила вниз миску со сливками, кремом и желе*.

— Ха, никак не пойму, чего ты все время воруеть еду? Веренс и так отдал бы тебе целую ванну этого добра. Ты же знаешь, что сам он не притрагивается к заварному крему.

— Так веселее,— ответила нянюшка.— Заслужила я хоть немного веселья?

Тут густые кусты на обочине затрещали, и на дорогу выскочил единорог.

Он был в бешенстве. Он был раздражен. Он находился не в своем мире. Кроме того, им управляли.

В сотне ярдов от ведьм зверюга остановилась, угрожающе опустила рог и принялась бить копытом.

— Ничего себе! — воскликнула нянюшка Ягг и уронила добытый тяжким трудом десерт.— Скорее! Рядом есть дерево. *Бежим!*

* А еще нянюшка Ягг слыла признанной собирательницей всяких оставленных без присмотра безделушек.

Матушка Ветровоск покачала головой.

— Нет. На этот раз убежать я не буду. Стало быть, она не смогла победить меня раньше и решила натравить на меня эту *животину*?

— Да ты только посмотри, какой у него рог.

— У меня хорошее зрение, — спокойно откликнулась матушка.

Единорог опустил голову и бросился вперед. Нянюшка Ягг метнулась к ближайшему дереву и, подпрыгнув, схватилась за нижнюю ветку...

А матушка Ветровоск сложила руки на груди.

— Эсме, скорее!

— Нет. Тогда я не могла мыслить так ясно, как сейчас. От некоторых вещей убегай, не убегай...

Белый призрак неся по аллее деревьев — тысяча фунтов мышц толкала вперед двенадцать дюймов сверкающего рога. Единорога окутывали клубы пара.

— Эсме!

Время кругов близилось к концу. Кроме того, теперь матушка понимала, откуда в ее голове взялись призрачные мысли других Эсме Ветровоск.

Быть может, некоторые из Эсме жили в мире, которым правили эльфы. Или давно умерли. Либо доживали, по их мнению, счастливую жизнь. Матушка Ветровоск редко желала чего-либо, поскольку считала любые желания пустыми сантиментами, но сейчас она ощущала легкое сожаление, что ей не удалось встретиться со своими «сестрами».

Быть может, некоторым Эсме Ветровоск придется умереть — сейчас, на этой дороге. Что бы ты ни делала, это означает лишь то, что миллионы копий тебя делают совсем другое. Кто-то умрет... Она чувствовала их смерти... смерти Эсме Ветро-

воск. И ничем не могла помочь, потому что в ход событий нельзя вмешиваться.

По миллиону травянистых склонов бежала девушка, на миллионах мостов девушка делала выбор, на миллионах дорог стояла женщина...

Все разные и все одинаковые.

Ради всех них она должна была оставаться собой — здесь и сейчас, должна была приложить к этому все силы.

Она протянула вперед руку.

В нескольких ярдах от нее единорог наткнулся на невидимую стену. Он попытался остановиться, задрыгал ногами в воздухе, сжался от боли и проделал остаток пути на спине, остановившись у самых ног матушки.

— Гита! — окликнула матушка, наблюдая за тем, как зверь тщетно пытается встать. — Сними чулки, свяжи их в виде уздечки и осторожно передай мне.

— Эсме...

— Что?

— Я не надела чулки, Эсме.

— А что стало с той чудесной красно-белой парой, которую я подарила тебе на День Всех Пустых? Я сама их связала. А ты знаешь, как я ненавижу вязание.

— Понимаешь, было так тепло. А мне нравится, когда воздух циркулирует.

— Сколько времени я угробила на пятки...

— Извини, Эсме.

— Тогда сбегай ко мне домой и принеси все, что лежит на дне ящика комода.

— Хорошо, Эсме.

— Но сначала забеги к своему Джейсону и вели приготовить кузницу.

Нянюшка Ягг оглядела барахтающегося на земле единорога. Казалось, он был ранен и смертельно боялся матушки Ветровоск, но вместе с тем убежать не мог.

— Эсме, надеюсь, ты не будешь просить нашего Джейсончика...

— Я ни о чем не собираюсь *просить* его. И тебя ни о чем *не прошу*.

Матушка Ветровоск сняла шляпу и швырнула ее в кусты. Потом, не сводя глаз со зверя, подняла руки к пучку седых волос и вытащила несколько ключевых булавок.

Волосы медленно развернулись, будто проснувшаяся змея, и повисли до самого пояса. Матушка пару раз трянула головой.

На глазах у парализованной удивлением нянюшки она снова подняла руку и выдернула единственный волосок.

Руки матушки Ветровоск произвели в воздухе замысловатые движения, словно она вязала плетъ из чего-то слишком тонкого, чтобы быть увиденным. Не обращая внимания на мелькающий перед глазами рог, она набросила петлю на шею единорога и затянула.

Единорог, выбивая неподкованными копытами огромные глыбы земли, с трудом поднялся на ноги.

— Этим ты его не удержишь, — предупредила нянюшка, прячась за ствол.

— Я могу удержать его даже паутинкой, Гита Ягг. Даже *паутинкой*. А теперь займись тем, о чем я тебя просила.

— Да, Эсме.

Единорог запрокинул голову и отчаянно завизжал.

Полгорода собралось, чтобы посмотреть, как матушка ведет по улицам спотыкающегося зверя, — если вы рассказали что-нибудь нянюшке Ягг, значит, рассказали всем.

Единорог танцевал на конце невообразимо тонкой привязи, лягал излишне доверчивых зевак, но вырваться не мог.

Джейсон Ягг, все еще в своей лучшей одежде, надетой по поводу королевской свадьбы, стоял у открытой двери кузницы и очень нервничал. Над трубой вибрировал раскаленный воздух.

— Господин кузнец, — позвала матушка Ветровоск, — у меня есть для тебя работа.

— Э-э, — протянул Джейсон. — Это ведь единорог, да?

— Угадал.

Единорог снова завизжал и покосился на Джейсона красным безумным глазом.

— Никому еще не удавалось подковать единорога, — промолвил Джейсон.

— Считай это, — сказала матушка Ветровоск, — самым значительным событием в своей жизни.

Люди толпились вокруг, пытаясь все увидеть и услышать и одновременно не заработать копытом в лоб.

Джейсон задумчиво почесал подбородок молотком:

— Ну, не знаю...

— Послушай-ка меня, Джейсон, — перебила матушка, держа на своем волосе танцующего по

кругу зверя,— ты можешь подковать все, что бы к тебе ни привели. И честно платишь за это, верно?

Джейсон в панике посмотрел на нянюшку Ягг. Ей хватило совести принять смущенный вид.

— Она мне ничего не рассказывала,— возразила матушка, как всегда увидев выражение лица нянюшки затылком.

Затем она наклонилась к Джейсону, почти повиснув на невидимом поводке.

— Платой за то, что ты можешь подковать все, что бы к тебе ни привели... является обязанность подковывать все, что бы к тебе ни привели. Плата за то, чтобы быть лучшим,— это обязанность *быть* лучшим. И ты согласился на нее так же, как и я.

Единорог выбил копытом несколько дюймов дерева из косяка.

— Но железо...— пробормотал Джейсон.— И гвозди...

— Да?

— Железо убьет его,— сказал Джейсон.— Если я подкую его железом, это его убьет. А я никого никогда не убивал. С муравьем я провозился всю ночь, и тот даже ничего не почувствовал. Я буду причинять боль живому существу, которое ничем мне не навредило.

— Гита, ты сходила за тем, что я просила?

— Да, Эсме.

— Тащи сюда. А ты, Джейсон, поддерживай огонь в горне.

— Но если я подкую его железом...

— А я что-нибудь говорила о железе?

Рог выбил камень из стены в каком-то футе от головы Джейсона. Кузнец наконец сдался.

— Но тебе придется держать его,— предупредил он.— Обычно жеребцов держат двое дюжих мужиков, да еще мальчишка на шее висит, а вот как быть с единорогом?..

— Он будет делать то, что я скажу,— пообещала матушка.— Он не посмеет мне перечить.

— Эта зверюга убила старика Скрыба,— напомнила нянюшка Ягт.— Если она под молотом у Джейсона помрет, я плакать не буду...

— Стыдись, старуха,— упрекнула матушка.— Это ведь животное, а животные на убийство не способны. Только высшие расы могут его совершить. Это и отличает нас от животных. Давай мешок.

Она провела яростно сопротивляющегося единорога через двойные двери, которые двое горожан тут же поспешили закрыть. Буквально через мгновение копыто пробило внушительную дыру в толстых досках.

Прибежал Чудакулли со своим огромным арбалетом на плече:

— Мне сказали, в городе снова объявился единорог!

Треснула еще одна доска.

— Он там?

Нянюшка кивнула:

— Она притащила его сюда из леса.

— Но он же дикий!

Нянюшка Ягт почесала нос.

— Ага, но она... в общем, ей нечего бояться. Я имею в виду, когда дело касается дрессировки единорогов. И ведьмовство здесь абсолютно ни при чем.

— Что ты хочешь сказать?

— Я полагала, — несколько насмешливо промолвила нянюшка, — некоторые способы ловли единорогов известны всем. Я деликатно намекаю на то, кому дано их ловить. Эсме всегда бегала быстрее тебя, верно? Она может перегнать любого мужчину.

Чудакулли стоял с широко открытым ртом.

— А теперь возьмем меня, — продолжала нянюшка. — Я всегда спотыкаюсь о первый же попавшийся корень. Иногда, правда, его так долго приходится искать.

— Ты имеешь в виду, что, после того как я уехал, она никогда...

— Не говори ерунды. Впрочем, все едино — на данном этапе нашей жизни, — махнула рукой нянюшка. — И если бы ты не объявился... — Вдруг нянюшка что-то вспомнила. — Кстати, ты Казанунду не видел?

— Привет, мой маленький бутончик, — раздался веселый, полный надежды голос.

Нянюшка даже не стала оборачиваться.

— Ты всегда подкрадываешься сзади? — усмехнулась она.

— Этим и знаменит, госпожа Ягг.

Внутри кузницы было тихо. Потом раздалось постукивание молота.

— Что они там делают? — спросил Чудакулли.

— Что бы они ни делали, он уже не лягается, — ответила нянюшка.

— Госпожа Ягг, а что было в том мешке? — поинтересовался Казанунда.

— То, что она просила принести, — пожала плечами нянюшка. — Ее старый серебряный чай-

ный сервиз. Семейная драгоценность. Я сама видела его всего два раза, причем второй раз — сегодня, когда складывала сервиз в мешок. По моему, она никогда им не пользовалась. Там еще такой молочник забавный, в виде коровы.

К кузнице продолжали подходить люди. Толпа заполнила почти всю площадь.

Стук молота прекратился. Совсем рядом раздался голос Джейсона:

— Мы уже выходим.

— Они уже выходят, — перевела всем нянюшка.

— Что она сказала?

— Сказала, что они уже выходят.

— Они уже выходят!

Толпа отступила. Распахнулись двери кузницы.

Появилась матушка с единорогом. Зверь шел совершенно спокойно, мышцы перекачивались под его белой шкурой, как лягушки в масле. Копыта звонко стучали — и как-то странно блестели.

Он послушно дошел с ведьмой до самого центра площади, где она его отпустила, слегка шлепнув по крупу.

Единорог тихо заржал и помчался галопом по улице в сторону леса...

Матушка Ветровоск проводила его взглядом. За ее спиной бесшумно появилась нянюшка Ягг.

— Серебряные подковы? — тихо уточнила она. — Они же моментально сотрутся.

— И серебряные гвозди. Ничего, они прослужат достаточно долго, — сообщила матушка миру в целом. — И она никогда его не дозволится.

— Подковать единорога... — промолвила нянюшка, покачав головой. — Только ты могла до такого додуматься, Эсме.

— Я всю жизнь этим занималась, — сказала матушка.

Единорог превратился в точку на вересковой пустоши, а потом и вовсе канул в вечернюю мглу.

Нянюшка Ягг вздохнула, тем самым рассеяв чары — если они, конечно, были.

— Ну что, значит, все?

— Да.

— Пойдешь в замок на танцы?

— А ты?

— Понимаешь... господин Казанунда попросил меня еще раз показать ему Верзилу. По-настоящему. Понимаешь? Думаю, это из-за того, что он — гном. Эти гномы сами не свои до всяких земляных сооружений.

— Ага, сами не свои, — подтвердил Казанунда.

Матушка закатила глаза.

— Гита, води себя подобающе своему возрасту.

— Ну, это совсем не трудно, — возразила нянюшка. — А вот вести себя на половину своего возраста — задача не из легких. Кстати, ты мне так и не ответила...

И тут матушка, к вящему изумлению нянюшки, Чудакулли и, вероятно, самой матушки Ветровоск, взяла волшебника под руку.

— Мы с господином Чудакулли собираемся совершить прогулку к мосту.

— Правда? — удивился Чудакулли.

— Как мило.

— Гита Ягг, будешь так на меня смотреть, получишь по уху.

— Извини, Эсме.

— Вот именно.

— Наверное, вам захотелось поговорить о старых временах... — высказала свое мнение нянюшка.

— Может быть, о старых. Может, о других.

Достигнув леса, единорог не остановился — он продолжал мчаться вперед и вперед.

Под мостом бушевала река Ланкр. Нельзя дважды войти в одну и ту же воду. Вернее, можно — но зачем, если есть мост?

Чудакулли бросил камешек. Некоторое время спустя раздался тихий «плюх».

— Все когда-нибудь где-нибудь случается, — сказала матушка Ветровоск. — Тот паренек-волшебник, что приехал с тобой, о том же говорит, только много всяких мудреных слов вокруг наворачивает. Кстати, умный юноша — если бы еще видел то, что находится прямо у него под носом...

— Он хочет задержаться тут еще на чуть-чуть, — мрачно откликнулся Чудакулли и швырнул в водную стихию следующий камешек. — Эти ваши камни словно заморозили его. И король на его стороне. Как тут откажешь? Король говорит, мол, у всех монархов — шуты, а у него будет мудрец — до такого еще никто не додумался.

Матушка рассмеялась.

— Да и молодая Диаманда скоро поправится, — туманно выразилась она.

— Что ты имеешь в виду?

— Так, ничего. Это касается будущего. Оно же может быть *каким угодно*. Все что угодно может произойти.

Она подняла камешек. Он упал в воду одновременно с камешком Чудакулли, последовал двойной всплеск.

— Как ты думаешь,— спросил Чудакулли,— а где-нибудь... у нас... все было хорошо?

— Да. Здесь!

Однако, увидев, как бессильно обвисли его плечи, матушка решила смягчить тон.

— И там тоже,— сказала она.

— Что?

— Я говорю о том, что где-то Наверн Чудакулли женился на Эсмеральде Ветровоск, и они жили,— матушка скрипнула зубами,— долго и счастливо. Более или менее. Как и все прочие.

— Откуда ты знаешь?

— Я воспринимала обрывки ее воспоминаний. Мне она показалась вполне счастливой. А мне угодить достаточно сложно.

— Но как ты?..

— У меня много умений.

— А она ничего не говорила о?..

— Она ничего не говорила! Она не знает, что мы существуем! И хватит вопросов! Неужели недостаточно просто знать, что где-то все было нормально?

Чудакулли попытался улыбнуться.

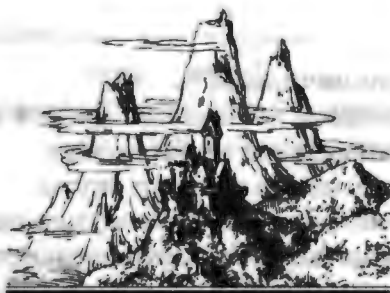
— И больше ничего ты мне не скажешь?

— А больше ничего нет. Ну, или почти нет.

Где все закончилось?*

А закончилось все именно летней ночью, когда влюбленные пары занимаются своими делами и лиловые шелковые сумерки окутывают деревья. В стенах замка, даже после того как праздник завершился, еще долго звучали веселый смех и звон серебряных бубенчиков. А с пустынных склонов холма доносилось лишь молчание эльфов.

* Когда на следующий день в Ланкр приехал известный писатель Хьюл, ему рассказали обо всем случившемся, и он все подробно описал в следующей своей пьесе. Опустил лишь эпизоды, которые нельзя показывать на сцене, постановка которых обошлась бы слишком дорого и в которые он не верил. В результате свой новый труд он назвал «Обуздание Строптячки», потому что пьеса с названием «Летней ночью, когда все спали» никого бы не заинтересовала.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕДЬМЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ 5

Перевод П. Киракозова

ДАМЫ И ГОСПОДА 419

Перевод Н. Берденникова

Литературно-художественное издание

Терри Пратчетт

ВЕДЬМЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ ДАМЫ И ГОСПОДА

Ответственный редактор *И. Шефановская*

Художник *С. Азарнов*

Оформление переплета *И. Сауков*

Иллюстрация на переплете *Дж. Кирби*

Технический редактор *О. Шубик*

Корректор *К. Шефановская*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.04.2003.

Формат 84 × 108 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 44,52.

Тираж 5000 экз. Заказ № 926.

ООО «Издательство «Доминио».

197198, Санкт-Петербург, ул. Вербина, д. 20/7.

Тел./факс: (812) 325-13-28. E-mail: dominiospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо».

127298, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-88-88, 956-39-21.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00.

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Окрябина, д. 21, этаж 2.

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16.

Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Малкооптовая торговля:

117192, Москва, Минусинский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

Книжные магазины издательства «Эксмо»:

Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.

Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.

Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.

Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.

Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.

Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

Северо-Западная Компания предоставляет весь ассортимент книг издательства «Эксмо».

Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети:

Книжный супермаркет на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,

«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»

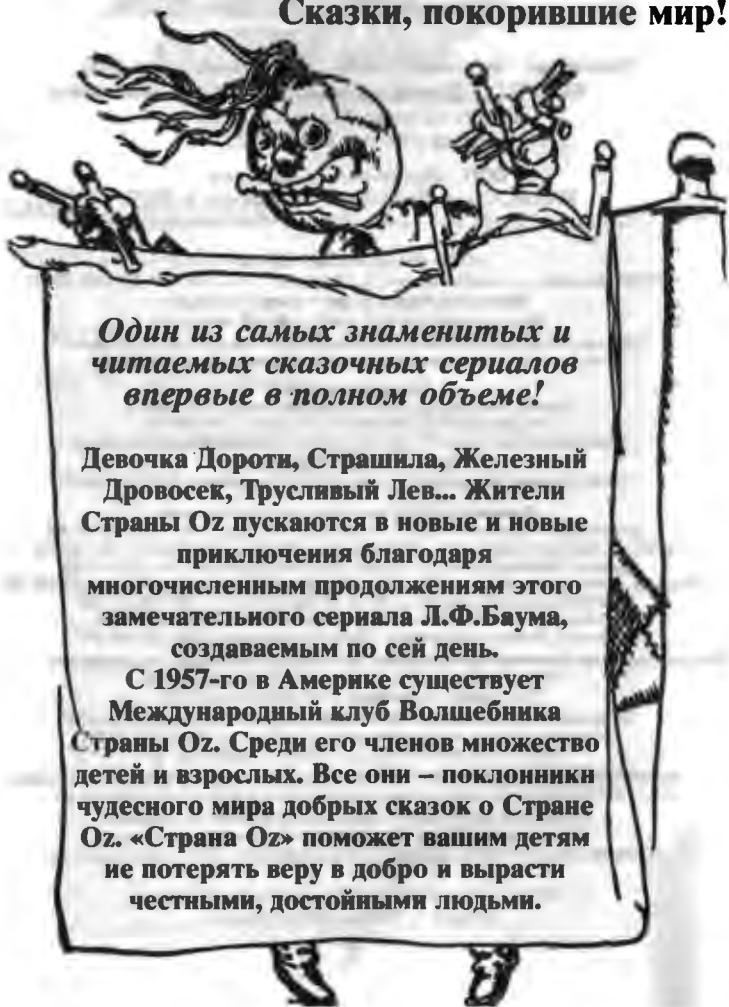
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

СТРАНА OZ

Лаймена Фрэнка Баума

Сказки, покоровшие мир!

*Один из самых знаменитых и
читаемых сказочных сериалов
впервые в полном объеме!*

Девочка Дороти, Страшила, Железный
Дровосек, Трусливый Лев... Жители
Страны Oz пускаются в новые и новые
приключения благодаря
многочисленным продолжениям этого
замечательного сериала Л.Ф.Баума,
создаваемым по сей день.

С 1957-го в Америке существует
Международный клуб Волшебника
Страны Oz. Среди его членов множество
детей и взрослых. Все они – поклонники
чудесного мира добрых сказок о Стране
Oz. «Страна Oz» поможет вашим детям
не потерять веру в добро и вырасти
честными, достойными людьми.

ISBN 5-699-03624-5

9 785699 036240 >

РУС 120.00

Что может быть забавнее?

Терри Пратчетт в антураже
созданного им Discworld'а
в окружении своих любимых героев

ЭКСМО